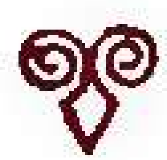
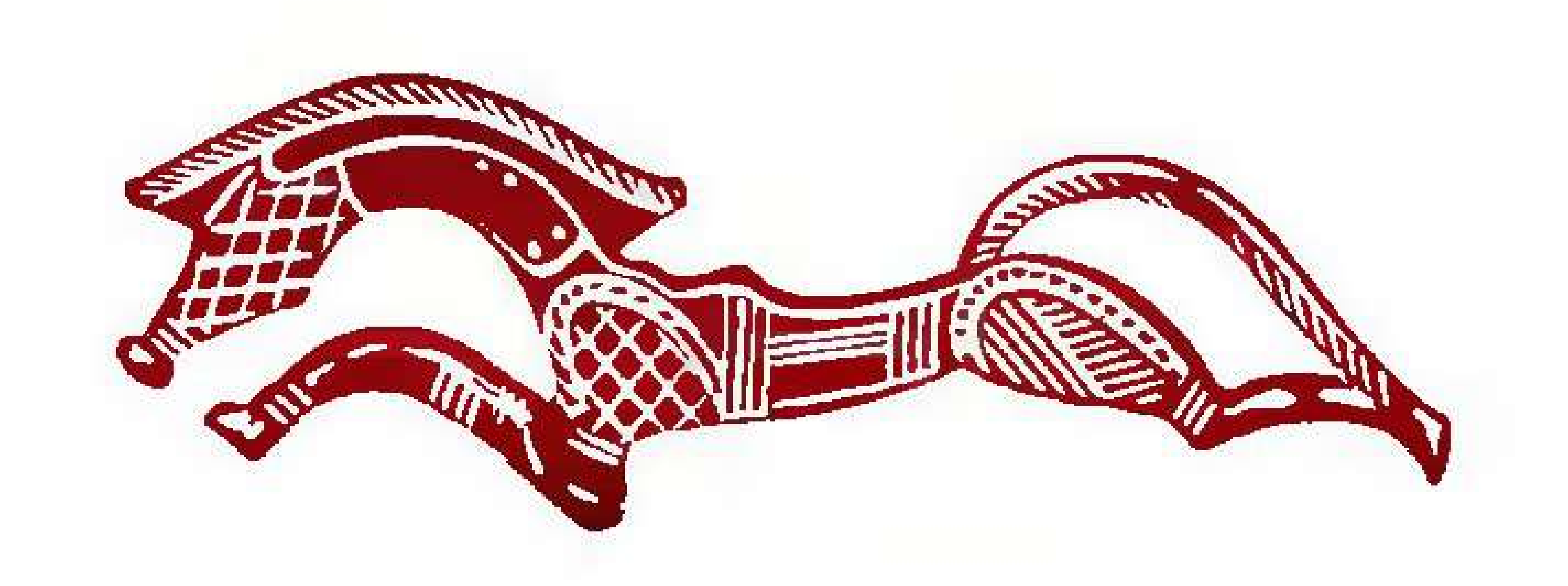
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

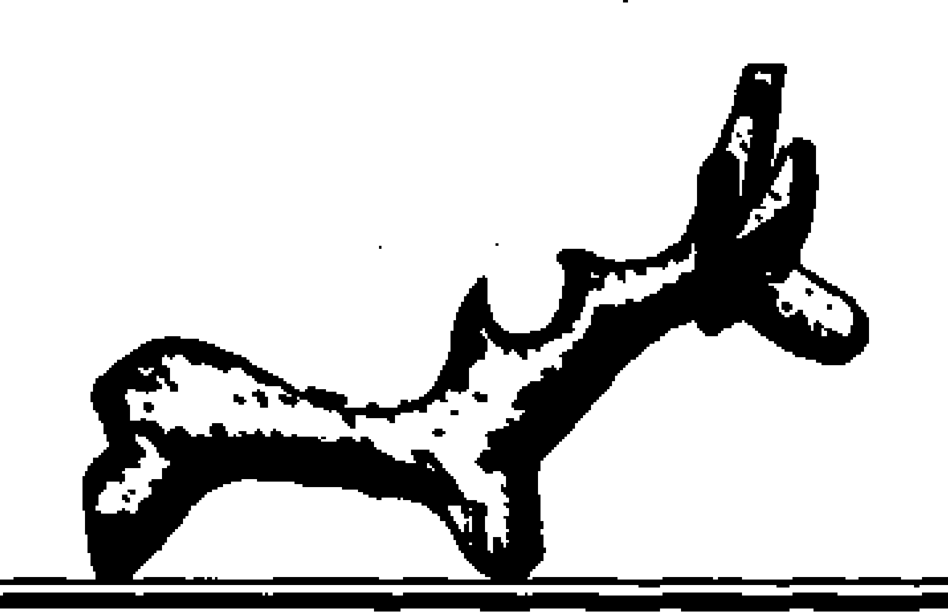
Е. И. КРУПНОВ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1960

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. П. СМИРНОВ

Введение

Посвящается памяти
Василия Алексеевича
Городцова

Историческая эпоха, охватывающая конец бронзового и начало железного века (I тысячелетие до н. э.), является одной из самых важных и интересных во всей древней истории нашей Родины.

В эту эпоху на громаднейших пространствах средней и южной зон Евразии полностью заканчивается процесс приручения и наиболее рационального хозяйственного использования всех полезных животных, завершается выращивание основных видов культурных растений, полностью стабилизируется хозяйственная основа оседло-земледельческих, кочевых и полукочевых скотоводческих обществ; наконец, происходит массовое, уже по-настоящему производственное, освоение нового металла — железа, определившее собою весь дальнейший процесс развития древнего населения нашей страны и создания им своей культуры.

В полном соответствии с этими сдвигами в области роста производительных сил происходят изменения и в общественной жизни, и в области культуры. Повсюду наблюдается распад давно уже оформившихся патриархально-родовых отношений. Завершается консолидация крупных племенных групп и превращение их в мощные союзы племен. Возникает патриархальное рабство. Расширяются, а по сравнению с предыдущим периодом и значительно оживляются международные экономические и культурные связи, проявляющиеся в различных формах. Именно в эпоху конца периода бронзы и начала железного века население большей половины территории нашей страны вступает в период военной демократии (по Энгельсу), а в Закавказье даже создаются основы для образования классовых обществ и первых рабовладельческих государств.

Важнейшей особенностью этой эпохи является и то обстоятельство, что благодаря письменности, появившейся у соседних народов, впервые начинают поступать сведения о племенах и народностях — творцах нашей отечественной истории. Именно

с этого времени впервые стали известны племенные названия: киммерийцев, скифов, савроматов, меотов, синдов, сираков, урартов, колхов, саспиров, массагетов, саков, динлинов и других племен и народов, некогда населявших южные районы нашей Родины. Только с начала I тысячелетия до н. э., по существу от рубежа бронзового и железного веков, многочисленные археологические данные начинают переплетаться с показаниями письменных источников и гораздо полнее освещать культурную историю.

Начинается, в буквальном смысле слова, историческая эпоха. И не случайно, конечно, исследователи древней истории различных областей СССР находят первые ощутимые следы и приметы современных нам народов и их культуры именно в тех древних этнических массивах, которые оформились в I тысячелетии до н. э.

Возьмем ли мы историю Украины, Поволжья, Приуралья, Южной Сибири или Средней Азии, мы всюду встретимся с только что отмеченными культурными явлениями в жизни обществ этой эпохи.

Их породила общая закономерность экономического и историко-культурного развития обществ различных областей Евразии, стоявших на пороге образования классов. Кроме того, наблюдаемая широкая культурная общность в значительной мере была обусловлена и оживленными межплеменными и международными связями того времени. Эти связи обеспечивали широкий обмен культурными достижениями, из которых важнейшим было — хозяйственное освоение железа народами древнего мира.

Подобные сдвиги в области древнего производства определяли собою главнейшие вехи в культурном развитии человечества. По выражению Ф. Энгельса, железо было последним и важнейшим «из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории» [1].

Заря новой железной эры предопределила поступательное движение древнего населения нашей страны по пути дальнейшего культурного роста и развития. В этом смысле Кавказ не составлял исключения из ряда других областей Восточной Европы и Азии.

История I тысячелетия до н. э. по праву считается одной из самых блестящих страниц древней истории народов Кавказа. Являясь одним из центров бронзовой металлургии, Кавказ издавна входил в соприкосновение с великими цивилизациями Древнего Востока.

В свете блестящих археологических открытий на Кавказе, произведенных в дореволюционный и особенно в советский период его изучения, становится несомненным, что весь древнекавказский мир уже с III тысячелетия до н. э. был тесно связан с культурами древневосточных народов, населявших Иран, Месопотамию, Малую Азию, Восточное Средиземноморье и всю юго-восточную Европу. Благодаря этим связям на Кавказе очень рано расцвели богатые культуры меди и бронзы, в дальнейшем развивавшиеся уже на местной рудной базе. Связи эти не прерывались, а крепли и развивались в последующее время, когда темпы жизни еще более ускорились и определились подъемом хозяйства кавказских народов, особенно в I тысячелетии до н. э.

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, стр. 183.

В одном лишь Закавказье, теснее связанном с культурными странами Передней Азии, в эту эпоху выделились три области, резко обособившиеся в своих исторических судьбах.

В самом начале I тысячелетия до н. э. в центре Закавказья выделилась территория, население которой шло одним путем развития с государством Урарту — первым и древнейшим государственным образованием, сложившимся частично и на нынешней территории Советского Союза [2].

Около середины I тысячелетия до н. э. на территории Западной Грузии возникла полулегендарная Колхида, по античной литературной традиции, впервые связавшая наш юг с греческим миром [3].

Во второй половине I тысячелетия до н. э. в восточном Закавказье сформировалась Кавказская Албания, частично впитавшая в свою культуру определенные элементы распавшегося Мидийского царства [4]. Все эти ранние государственные и политические образования в разной степени связаны с древней историей Закавказских республик [5], и сохранившиеся о них сведения проливают свет также и на историю Закавказья.

Древняя же история Северного Кавказа, к сожалению, осталась менее разработанной; между тем, она также весьма интересна и поучительна.

Территория Северного Кавказа с древнейших времен находилась на скрещении широких путей, связывающих цивилизацию Запада и Востока, северные области нашей страны с культурным югом. Она была ареной различных исторических событий и передвижений древних этнических групп. В своей почве она сохранила множество культурных напластований различных эпох и народов.

История Северного Кавказа богата фактами, подчеркивающими крупнейшие культурные достижения населения этого края, особенно явные в позднебронзовую эпоху.

Жизнь населения северных областей, в силу природных (физико-географических, климатических) условий, отличалась в древности более медленными темпами развития, и поэтому, естественно, Северный Кавказ по отношению к европейской равнине в эпоху бронзы играл роль передового района.

Северный Кавказ служил как бы мостом, связывающим культуры южных районов наших степей через Закавказье с культурами Древнего Востока. Поэтому история племен Северного Кавказа оказала ь тесно переплетенной с историей других племен и народов древнего мира.

Что же представлял собою Северный Кавказ в интересующее нас время?

---

[2] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944; Его же. Ванское царство. М.. 1960; Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).

[3] Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1950, стр. 23 сл.

[4] «Очерки по истории Азербайджана». «Известия АН Азерб. ССР», № 1, вып. 1, 1946, стр. 27 сл.; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1956, стр. 228 сл.

[5] «Очерки истории СССР (Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР)». М., 1956, стр. 131 сл.

С конца II и почти до самой середины I тысячелетия до н. э. весь северо-восточный Кавказ (Дагестан и восточную часть Чечено-Ингушской АССР) занимала изученная только в советские годы каякентско-хорочоевская археологическая культура[6]. Установлено, что в ее становлении сказалась известная роль культур Закавказья и именно так называемой ходжалы-кедабекской культуры[7].

На северо-западном Кавказе и в Прикубанье, на основе местной, культуры медно-бронзового века, возникает прикубанская культура[8]. Позднее, на ее основе и в тесном взаимодействии с культурами киммерийцев и скифов, появляются и развиваются культурные и политические объединения меотов, синдов и других народов северо-западного Кавказа, связавших свою судьбу с историей Боспорского царства[9].

В центральной части Северного Кавказа, начиная от рубежа II — I тысячелетия до н, э., бытовала весьма своеобразная, связанная с обработкой бронзы, так называемая кобанская культура (названная по месту первых находок у сел. Кобан в Северной Осетии)[10], занимая преимущественно горные и предгорные районы Центрального Кавказа. Еще в ранний период бытования этой культуры прослежено первое появление железа и его индустриальное использование на Северном Кавказе — вначале в виде инкрустации бронзовых вещей, украшений[11], а позднее и для производства оружия. Массовое изготовление и применение железного оружия и орудий труда на Северном Кавказе падает на ранне-скифский период (VII—IV вв. до н. э.).

В Закавказье железо стало активно распространяться еще раньше (с IX — VIII вв. до н. э.)[12]. Первое же его появление отмечается, в частности, в Грузии еще с XII в. до н. э.[13]

---

[6] А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II — I тысячелетиях до н. э. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130; его же. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 111; его же. Северо-восточный Кавказ во II — I тыс. до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 5—144.

[7] Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Тр. ГИМ», вып. XI, 1940, стр. 5 сл.; его же. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1953, стр. 17 сл.; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—49 гг. МИА, 23, 1951, стр. 61 сл.

[8] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и начале I тыс. до н. э. КСИИМК, вып. XIII, 1947, стр. 18; его же. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, МИА, 23, 1951, стр. 80 сл.

[9] В. П. Шилов. Население Прикубанья конца VII — середины IV века до н. э. по материалам городищ и грунтовых могильников. Кандидатская диссертация. Л., 1951; Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани. Изд. 2. Краснодар, 1958, стр. 8 сл.; его же. глава в кн.: «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1957, стр. 30 сл.

[10] E. Chantre, Recherches antropologiques dans le Caucase, vol. I — IV, Paris — Lyon, 1882—1887; R. Virchov. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900; Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. «Уч. зап. КНИИ», т. I, 1946, стр. 143.

[11] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, стр. 9 сл.

[12] G. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, vol. I. Paris, 1889, p. 97, 132.

[13] С. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных в Самтаврском могильнике. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIX А и XIX В. 1957, стр. 139.

Эти факты доказывают, что Кавказ, также и Северный, лишь немного отставал от культурного развития народов — создателей древневосточных цивилизаций, где, как например в Египте или в Малой Азии, железо становится уже широко известным лишь в конце II тысячелетия до н. э.[14]

Изучение подобного рода явлений имеет немаловажное значение для разработки проблем истории развития производства, истории культуры и, наконец, социальной истории народов Кавказа. Но история экономического развития этого края, с точки зрения освещения истории самих производителей материальных благ, по существу, еще не изучалась. Это и будет одной из главных задач нашей монографии.

Одним из важнейших вопросов исторического изучения Северного Кавказа является также вопрос этногонии народов, ныне населяющих этот не столь обширный, но разнообразный в природном и историко-культурном отношениях край. Успешное разрешение этих вопросов связано с изучением длительного и сложного процесса формирования северо-кавказских национальностей, чем диктуется необходимость исследования развития многоязычных народов края не только с «исторических» эпох, но с древнейших времен для выявления самых отдаленных истоков культуры и языка современного населения края. Руководящим указанием в этом отношении для нас должны служить положения марксизма-ленинизма, утверждающие, что язык создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений и что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства.

В историческом исследовании, как нигде, следует помнить указание В. И. Ленина о том, что при научном подходе к любому вопросу надо:

«...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[15].

Таким образом и при изучении материальных источников любой эпохи, при восстановлении истории любого народа или страны, необходимо всегда иметь широкую историческую перспективу. В этом плане проблемы древней истории и археологии всегда будут являться важными историческими проблемами.

Ведь археология изучает памятники материальной культуры, в которых нашли отражение уровень и состояние производства, бытовой уклад общества, его идеология. Применительно к нашей теме, судя по ряду данных (о чем подробно будет сказано ниже), можно полагать, что именно в племенном составе населения и в его культуре I тысячелетия до н. э. и содержатся наиболее ощутимые истоки культуры и языкового развития будущих этнических образований Северного Кавказа.

При решении этногенетических проблем мы должны учитывать, что такие основные элементы нации, как язык, территория, культурная общность и т. д., возникали не сразу, а «создавались исподволь, еще в период докапиталистический.

---

[14] R. Furon. Manuel de préhistoire générale. Paris, 1943, стр. 360, табл. II; В. И. Авдиев. История Древнего Востока. М., 1946, стр. 74.

[15] В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 436.

Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем и при известных благоприятных условиях»[16].

Одна из главных задач данного исследования — проследить с глубокой древности развитие некоторых из этих элементов.

Есть еще ряд существенных мотивов, побудивших нас обратиться к изучению истории культуры Северного Кавказа раннежелезного века. За последние десятилетия на Северном Кавказе добыт огромный археологический материал, родственный скифскому. Его историческое осмысление и установление места в материальной культуре Кавказа не может быть произведено без сравнительного изучения соответствующих памятников скифской и предшествующей ей культур.

Как известно, одной из важнейших проблем, окончательно еще не решенных нашей исторической наукой, является скифская проблема, в самом широком ее понимании. В нашей историографии, начиная с XVIII в., эта проблема постоянно и справедливо расценивалась как одна из узловых проблем всей древней истории нашей Родины. И важность ее разрешения для понимания определенного этапа древней истории нашего юга совершенно очевидна.

Вместе с тем, сейчас становится несомненным, что изучение самой скифской культуры не может вестись только в плане выявления истоков какого-либо одного этнического массива, или культуры одной определенной области, или района, скажем, степной Украины.

Скифская культура — это величайшее культурно-историческое явление в истории юга нашей страны, явление, сыгравшее огромную роль в истории многих древних племенных групп, культурно или генетически связанных с некоторыми современными народами Советского Союза. Ведь некогда скифы населяли значительную область степной территории Европейской части СССР[17]. Они соприкасались со многими народами и племенами, являвшимися далекими предками и родоначальниками культур современных нам народов, иногда даже не связанных общностью происхождения. Сам термин «скифы» распространялся на самые различные в этническом отношении племена, объединенные между собою (в глазах древних и новых историков) лишь единством культуры скифского облика.

Как выяснено рядом исследований, скифы были не только всеразрушающими варварами; они являлись большой творческой силой, в значительной степени определившей весь ход исторического процесса на юге и юго-востоке нашей страны.

Насколько можно судить по широкому распространению так называемых скифских наконечников стрел и коротких мечей «акинаков», предметов скифского так называемого звериного стиля, принадлежностей конского убора, образцов керамики, украшенной налепным щипковым орнаментом, и по другим признакам, культурное развитие населения нашего юго-востока, начиная с VII—VI вв. до н. э., протекало

---

[16] И. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Сочинения, т. 11, М., 1949, стр. 336.

[17] На специальной конференции, посвященной вопросам скифо-сарматской археологии, организованной ИИМК АН СССР в январе 1952 г., некоторые вопросы скифской истории были уточнены (в докладах Б. И. Гракова и др.). Но основные вопросы, например, понятие скифская культура, этнический состав ее носителей и ряд других остались еще окончательно нерешенными.

под знаком взаимовлияний скифского культурного мира и других соседних областей, от Прикамья до Западной Украины и Молдавии и от бассейнов Оки и Волги до Крыма и Закавказья.

Достаточно указать на взаимосвязи скифских и савроматских племен с синдами[18], меотами, аорсами, сираками и другими древними племенами Северного Кавказа, безусловно участвовавшими в сложении местных этнических массивов (как например, адыго-черкесо-кабардинского и алано-осетинского), чтобы понять все значение этого вопроса и для истории Северного Кавказа.

Подобные примеры указывают на то, что изучение самой скифской проблемы должно вестись с охватом широкого круга вопросов, с ней связанных. Сейчас становится совершенно очевидным, что с успешным разрешением скифской проблемы связаны не только важнейшие узловые и конкретные вопросы истории самого скифского общества (его хозяйства, общественного строя, его этнического ядра, связей, культуры, языка, идеологии), но и вопросы этногенеза большинства народов юго-востока нашей Родины, в том числе и Кавказа. С другой стороны, до сих пор совсем не выявлена и роль Северного Кавказа, с его блестящей культурой поздней бронзы, с его богатейшими запасами сырья, в сложении и развитии культур раннежелезного века на юге европейской части СССР.

А только при такой постановке вопроса и можно надеяться выявить те начала, из которых вырастала культура того или иного народа юга СССР, в том числе и народов Северного Кавказа.

Давно установлено, что даже история греческой метрополии неразрывно связана с историей населения Северного Причерноморья, т. е. с историей Скифии. В одной из своих работ покойный А. В. Мишулин писал: «В своих общеисторических теориях древнегреческие историки и философы не могли представить себе и свою собственную национальную историю сколь-либо полно, без учета места и роли скифов в тогдашней жизни»[19].

Как же можно изучать историю древнего населения юго-восточных районов европейской части СССР и Северного Кавказа вне скифской проблемы? Как можно воссоздавать культуру и жизнь племен, некогда обитавших на наших южных просторах, в частности на Кавказе, не пытаясь установить место и роль в жизни этих племен культуры соседствующих скифов, савроматов или других племен — носителей культуры скифского типа? Для истории далеких районов Кавказа все это одинаково важно.

В этом вопросе совершенно закономерными представляются попытки установления связей скифского общества или носителей скифской культуры с различными древними народами и племенами, находящимися на далеких окраинах территории распространения культуры скифского типа; на севере — с носителями дьяковской культуры, на северо-востоке — ананьинской и городецкой культур, на востоке — с племенами и народностями Поволжья, Урала, Средней Азии и даже Сибири, на юге и западе — с таврскими племенами Крыма и народами Кавказа.

---

[18] В. И. Мошинская. О государстве синдов. ВДИ, 1946, № 3, стр. 204.

[19] А. В. Мишулин. Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР. ВДИ, 1947, № 1, стр. 256.

Ясно, что успешное разрешение скифской проблемы в целом будет иметь большое значение и для истории отдельных областей Северо-кавказского края.

Нам кажется, что изучение скифской проблемы в таком аспекте является важным не только при восстановлении исторического прошлого Северного Кавказа; она представляется не менее актуальной также для Закавказья. И актуальной прежде всего потому, что ее разрешение облегчит задачу правильного осмысления того периода в истории кавказских обществ, когда переход на высшую ступень хозяйственного и общественного развития сопровождался массовым распространением железного оружия скифского типа [20]. Это обстоятельство, таким образом, явилось переломным моментом в культурном развитии кавказских обществ.

Своими работами по истории Урарту Б. Б. Пиотровский наглядно показал удельный вес скифских элементов в сложении культуры народов Закавказья в середине I тысячелетия до н. э. [21] За последние годы количество находок вещей скифского типа в Закавказье увеличилось во много раз [22].

В этой связи нельзя не отметить, что в научный обиход археологов-кавказоведов (не без воздействия теории Н. Я. Марра) вошло специальное выражение —«скифская стадия» [23], характеризующее определенный социально-исторический этап в развитии местных культур, осложненных значительным включением вещественных элементов скифской культуры.

Действительно, примерно с VII—VI вв. до н. э. мы наблюдаем на Северном Кавказе довольно яркое изменение форм местной материальной культуры предшествующего этапа, основанное на сочетании местных археологических форм с вещами скифского типа. Но почему этот этап развития местной культуры следует именовать скифской стадией? И как исторически осмыслить эту скифскую стадию?

Связано ли это переоформление материальной культуры с изменением хозяйственных форм (с переходом на кочевое или полукочевое скотоводство, как думали некоторые исследователи)? Объясняется ли оно включением в местную среду чуждого и иноязычного населения или является результатом более оживленных военных и хозяйственно-культурных связей местного общества с племенами Предкавказья, Подонья и Украины?

Не разделяя первого предположения, полагаем, что два последние наиболее полно объясняют прошлую историю Северного Кавказа, что мы и попытаемся доказать в дальнейшем

Таким образом, задача изучения памятников материальной культуры Северного Кавказа скифского времени в какой-то степени сливается с задачей изучения юго-восточной периферии скифской культуры. К сожалению, в этом направлении сделано пока еще очень мало.

---

[20] Б. Б. Пиотровский. Скифы в Закавказье. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 178.

[21] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 324; его же. Кармир-Блур, т. I. Ереван, 1950, стр. 88.

[22] Г. Ф. Гобеджишвили. Памятник древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби. «Сообщения АН Груз. ССР», т. XIII, 1952, № 3, стр. 188.

[23] А. А. Иессен впервые ввел в обиход это выражение. См. его статью: «Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа». Л., 1940, стр. 22—53.

До последнего времени, ни известные данные древних авторов, ни богатые археологические материалы, свидетельствующие о распространении скифской, или «скифоидной» культуры на гораздо большей территории, чем относящаяся к предполагаемой Скифии Геродота, за малым исключением, почти не использовались ни историками, ни археологами. Показания древних письменных источников — ассирийских хроник, библейских текстов — о походах скифских полчищ на страны и государства Передней Азии по существу слабо учитывались [24], хотя, как известно, Геродот прямо указывал на путь вторжения скифов в Закавказье, через Северный Кавказ. А ведь топонимика Закавказья и топография находок скифского оружия от северо-западного Кавказа до Прикаспия через Дагестан и до Апшеронского полуострова, Грузии и Армении блестяще подтверждают реальность свидетельства «отца истории».

Археологические работы в Закавказье последних лет (в Мингечауре [25], в Самтавро [26], на Кармир-Блуре [27] и в Западной Грузии [28]) и, в первую очередь, работы Б. Б. Пиотровского подтвердили былые связи Закавказья с Предкавказьем. И не скифам ли мы обязаны довольно быстрым и массовым распространением железа (с VII—VI вв. до н. э.) и наличием урартских вещей на Центральном Кавказе, в Прикубанье и на юге Украины?

Даже кратковременное периодическое пребывание скифов на Северном Кавказе (во время их закавказских походов) должно было как-то запечатлеться в местной материальной культуре и раньше всего в предметах вооружения, поскольку скифы располагали совершенными, по тем временам, орудиями ведения войны, а, как известно, новый тип оружия всегда находил быстрое распространение во все времена и у всех народов.

Изучение под этим углом зрения северо-кавказского археологического материала той поры позволяет выделить множество нередко первоклассных комплексов, весьма характерных для материальной культуры скифов. Больше того, знакомясь с собраниями кавказских музеев и новыми материалами из раскопок последних лет, невольно приходишь к заключению, что скифы, а также компоненты их материальной культуры (а по В. Ф. Миллеру [29] и В. И. Абаеву [30] и духовной культуры и языка) оказали

[24] Приятным исключением являются лишь работы Б. Б. Пиотровского, всегда осуществлявшего комплексное исследование источников, и труд Г. А. Меликишвили («Наири — Урарту». Тбилиси, 1951. На груз. яз.), подробно освещающий кавказо-киммеро-скифскую тему.

[25] С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Доклады на общем собрании АН СССР, посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1948, стр. 339.

[26] ВДИ, 1948, № 3, стр. 171, упоминается в «Хронике» о докладе А. Л. Калантадзе о периодизации памятников Самтавро.

[27] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 13—15; его же. Кармир-Блур. Ереван, 1950—1955; его же. Ванское царство. М., 1960.

[28] М. М. Трапш. Куланурхвинский древний могильник. Сухуми, 1951, стр. 13, автореферат; А. Л. Калантадзе. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953, стр. 73, на груз. яз., с русск. резюме; Г. Б. Гобеджишвили. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби. «Сообщения АН Груз. ССР», т. XIII, № 3, Тбилиси, 1952, стр. 118.

[29] В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III. М., 1887.

[30] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.

заметное влияние на развитие и формирование культуры местных народностей Центрального Кавказа середины I тысячелетия до н. э. Собственно, на это давно указывал и старый материал, еще дореволюционных лет. Достаточно указать на могильные инвентари из раскопок Д. Я. Самоквасова в Пятигорье, у колонии Каррас [31], А. А. Бобринского — у селений Алды и Куляры под Грозным [32], В. И. Долбежева — у селений Верхний Кобан, Кескем и Пседахи [33], Г. А. Вертепова близ сел. Урус-Мартан [34] и на другие.

Но, к сожалению, все эти памятники, содержащие явные элементы скифской культуры, оставались совершенно вне поля зрения наших скифологов. Даже в специальных работах, посвященных анализу и исторической характеристике скифских памятников всего нашего юга, соответствующие кавказские материалы, кроме прикубанских, не находили никакого отражения. Достаточно сказать, что ни в известной работе П. Рау о могилах ранне-железной поры Нижнего Поволжья [35], где дается первая и обстоятельная хронологическая классификация скифских и савроматских наконечников стрел, ни в близкой ей по теме работе Б. Н. Гракова [36] совершенно не использованы кавказские находки. Не учтены также скифские материалы, добытые на Кавказе, кроме кубанских, ни в известном труде А. А. Спицына «Курганы скифов-пахарей» [37], ни в соответствующей капитальной работе Е. Миннза [38], ни в последующих трудах Б. Н. Гракова, ни в других работах [39]. Первую такую небольшую сводку скифских находок на Кавказе дал кавказовед В. Б. Пиотровский [40].

Только М. И. Ростовцев еще в 20-х годах нашего столетия правильно наметил перспективу освещения скифской проблемы с учетом и кавказских материалов. В своем фундаментальном труде «Скифия и Боспор» он писал [41]: «Географические границы области господства этой (скифской.— *Е. К.*) культуры до сих пор с точностью указаны быть не могут... Основною характерною особенностью этой культуры на всем ее протяжении является смешанность составных ее элементов, притом не везде одинаковых. В состав ее входят, прежде всего, разнообразные по

---

[31] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 123.

[32] ОАК, 1882—88, стр. CCLV.

[33] ОАК, 1898, стр. 157—165.

[34] ОАК, 1900, стр. 54—60; ОАК, 1901, стр. 89—92.

[35] Payl Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

[36] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. В сб.: «Техника обработки камня и металла». «Труды секции археологии РАНИОН» т. V, М., 1930, стр. 70 сл.

[37] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 87—143.

[38] E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

[39] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 39—94. Ни слова не сказано о связях Скифии с Северным Кавказом и в недавно вышедшей работе И. В. Яценко. Скифия VII — V вв. до н. э. М., 1959.

[40] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 295 сл.

[41] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 302—303.

местам элементы местной, так называемой доисторической культуры..., в состав так называемой скифской культуры входят еще и другие, менее важные и значительные, но тем не менее уловимые (элементы.— *Е. К.*). К составу последних можно причислить *некоторые культурные элементы, свойственные, главным образом, Кавказу*» (курсив наш.— *Е. К.*).

Иными словами, М. И. Ростовцев указывал на своеобразный смешанный характер археологических материалов далеких окраин скифской культуры, т. е. именно на то, с чем сталкивались и сталкиваются исследователи при изучении материальной культуры Северного Кавказа скифского времени.

Только украинские скифологи в последнее время стали широко привлекать в своих работах и кавказские материалы (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская),

Между тем «скифоидные« материалы, количественно все умножающиеся, являются почти единственными источниками для исторического освещения одного из самых интересных периодов истории племен Северного Кавказа раннежелезного века, характеризующегося фактами взаимосвязей с населением Русской равнины и сложением основ будущих этнических групп населения Северного Кавказа.

Для выяснения вопросов этногенеза изучаемый нами период имеет особое значение, так как впервые в недрах культуры этого времени мы ощутимо начинаем прослеживать глубочайшие истоки культуры некоторых современных народов Северного Кавказа.

Кроме того, изучение источников этого времени позволит определить действительное место и роль Северного Кавказа как одной из периферийных территорий скифского культурного мира во взаимосвязях нашего степного юга с Закавказьем и Передней Азией.

Таким образом, рисуется возможность впервые органически связать историю народов Северного Кавказа, с одной стороны, с историей центральных районов нашего отечества и, с другой,— с историей внешнего культурного мира древности.

Высказанными соображениями и определяется выбор нашей темы — история и культура населения центральной части Северного Кавказа раннежелезного века.

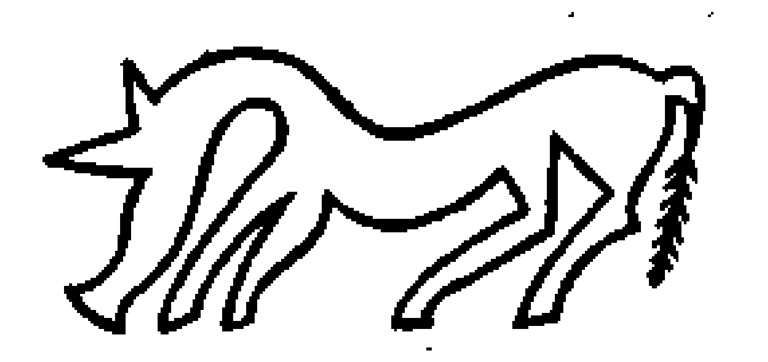
Источниковедческой базой работы являются различные исторические данные (в первую очередь археологические материалы, в меньшей степени письменные источники, данные языка и антропологии, а также этнографические наблюдения и фольклор). Фундаментом работы, естественно, должны служить памятники материальной культуры.

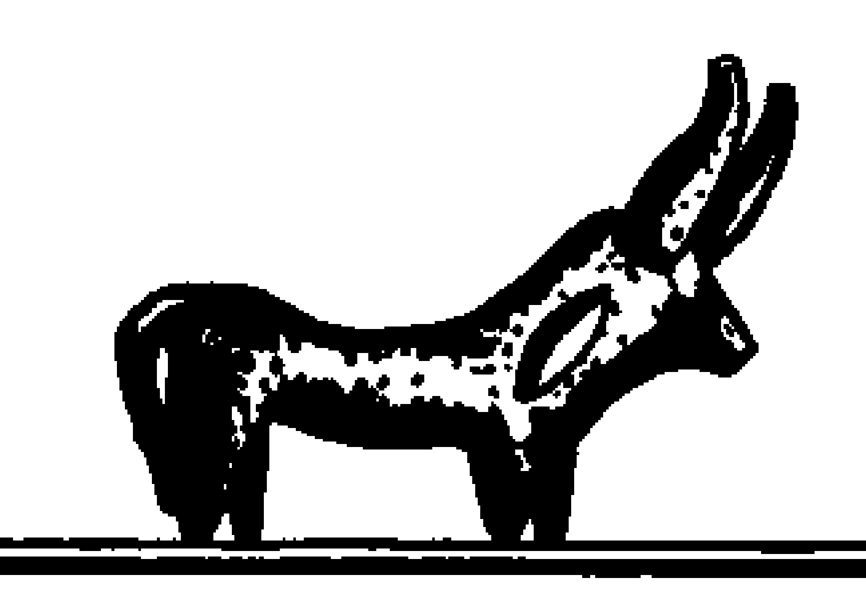
В основе этих данных, в первую очередь, лежат археологические материалы, добытые на Северном Кавказе возглавляемыми автором экспедициями Института археологии АН СССР и Государственного исторического музея с 1937 по 1957 гг. (с перерывами), проведенными при активном участии Кабардино-Балкарского и Северо-Осетинского научно-исследовательских институтов, а также республиканских музеев городов Грозного, Махачкала, Нальчика и Орджоникидзе.

Использованы также и соответствующие археологические коллекции музеев: Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Грозного, Орджоникидзе, Пятигорска, Нальчика, Черкесска, Ставрополя и Краснодара. Из всех этих материалов доминирующее положение занимают комплексы Каменномостского и Березовского могильников

(Кабардино-Пятигорья), Кумбултского могильника Верхняя Рутха (Северная Осетия), так называемых Луговых и Нестеровских могильников и поселений, исследованных автором (в Чечено-Ингушской АССР), и другие новые памятники края, наиболее полно характеризующие все особенности культуры Северного Кавказа изучаемой эпохи. Автором были привлечены и рукописные документы (отчеты и дневники), хранящиеся в архивах и фондах ИА АН СССР, ЛОИА, Государственного Исторического музея и в музеях Северного Кавказа.

Эта работа была задумана и выполнена автором за время его работы в Государственном Историческом музее и в Институте археологии АН СССР. Многие вопросы и отдельные главы данного труда обсуждались в соответствующих научных коллективах этих учреждений. Многое и опубликовано этими организациями. Поэтому автор считает себя обязанным выразить глубочайшую признательность своим коллегам — сотрудникам ИА и ГИМ за все ценные указания, полученные им и способствующие завершению этой работы, как бы подводящей общие итоги всего, сделанного автором за 20 лет изучения им древней истории и культуры народов Северного Кавказа.

Глава 1

КРАТКИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Природная обстановка, так называемые географические факторы, всегда должна входить в круг интересов и внимания историка-археолога, занимающегося изучением древней истории населения по памятникам материальной культуры определенной территории, так как «всякое историческое описание должно исходять из этих природных основ, их видоизменения в ходе истории, благодаря деятельности людей» [1]. Признавая, что на ранних ступенях истории человеческого общества природные условия, т.е. географическая среда, являлись существенным фактором развития человечества на любой территории, в данной главе автор дает краткую физико-географическую характеристику той части Северного Кавказа, история и культура населения которой будет служить предметом детального освещения в дальнейшем.

Сделать это необходимо еще и потому, что ряд особенностей отдельных зон изучаемой территории, как выясняется, в разной степени благоприятствовал созданию и даже процветанию определенных видов занятий и хозяйственных укладов древних обитателей края.

В одной очень интересной научно-популярной книге, изданной Московским обществом испытателей природы и посвященной характеристике животного мира и природы СССР, о Кавказе сказано: «нигде во всем нашем Союзе нельзя встретить на такой сравнительно небольшой площади, как Кавказ, столь разнообразной природы» [2].

Эта краткая, меткая и совершенно правильная характеристика природного многообразия Кавказа вполне применима также к той его части, историческое

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, 1938, стр. 10—11.

[2] Н. А. Бобринский. Животный мир и природа СССР. М., 1949, стр. 145.

изучение которой будет служить предметом настоящей работы, а именно к срединной части Северного Кавказа, или к Центральному Предкавказью (рис. 1).

Изучаемая территория на севере включает в себя южные районы Ставропольского края, приблизительно южнее линии — г. Невинномысск — с. Александровское — г. Буденновск, Кума, на западе,— начинаясь от Клухорского перевала, простирается по правобережью верховьев р. Кубани через г. Черкесск, вплоть до г. Невинномысска и, наконец, на востоке — ограничивается западной границей Дагестанской АССР; южной же ее границей служит Главный Кавказский хребет.

Строго географическое положение границ интересующей нас территории определяют следующие параллели северной широты: с севера — 44°50', с юга — 42°40' и меридианы восточной долготы: с запада — 42° и с востока — 46°20'.

Пространственная протяженность изучаемой территории в среднем выражается в таких цифрах: с запада на восток 360 км и с севера на юг — 240 км, что дает площадь, равную более 85 тыс. квадратных км.

Важность исторического изучения сравнительно столь незначительного пространства усугубляется тем обстоятельством, что эта территория населена различными этническими группами населения. Она охватывает земли всех южных районов Ставрополья, включая район Минеральных Вод, восточную часть Карачаево-Черкесской автономной области, полностью Кабардино-Балкарскую АССР, Северо-Осетинскую АССР и всю территорию современной Чечено-Ингушской АССР.

По существу, это вся срединная часть Северного Кавказа, включающая в себя не только горные и предгорные районы, но и прилегающие участки степи. Поэтому мы, пусть несколько условно, и назвали эту территорию Центральным Предкавказьем.

Установление примерных границ указанной территории произведено не произвольно и не случайно. Оно определилось учетом особенностей древних памятников материальной культуры, расположенных на этой территории и исследуемых в данной работе.

Западные районы и все Прикубанье, конечно, будут все время находиться в поле нашего внимания и интереса, но специальным объектом нашего изучения памятники этой территории служить не будут. Прежде всего потому, что исторические судьбы местного меото-синдского населения были совсем иными, они тесно переплетались с историей греческих городов северо-восточного Причерноморья, культура которых наложила некоторый отпечаток на культуру местных племен, чего мы никак не можем сказать относительно культуры скифского времени в изучаемых нами районах.

По таким же соображениям мы не доводим восточных границ нашей территории до Каспия. В свете новейших археологических данных, местная и безусловно самобытная культура Дагестана с древнейших времен обнаруживала какие-то общие черты с культурами Закавказья[3], что также отличает ее от культуры интересующей нас эпохи на территории, простирающейся от Чечено-Ингушской АССР до Кабардино-Пятигорья, Черкессии и Карачая.

Что представляет собою эта часть Северного Кавказа в физико-географическом отношении?

---

[3] А. П. Круглов. Археологические работы в Дагестане. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 66 и 69.

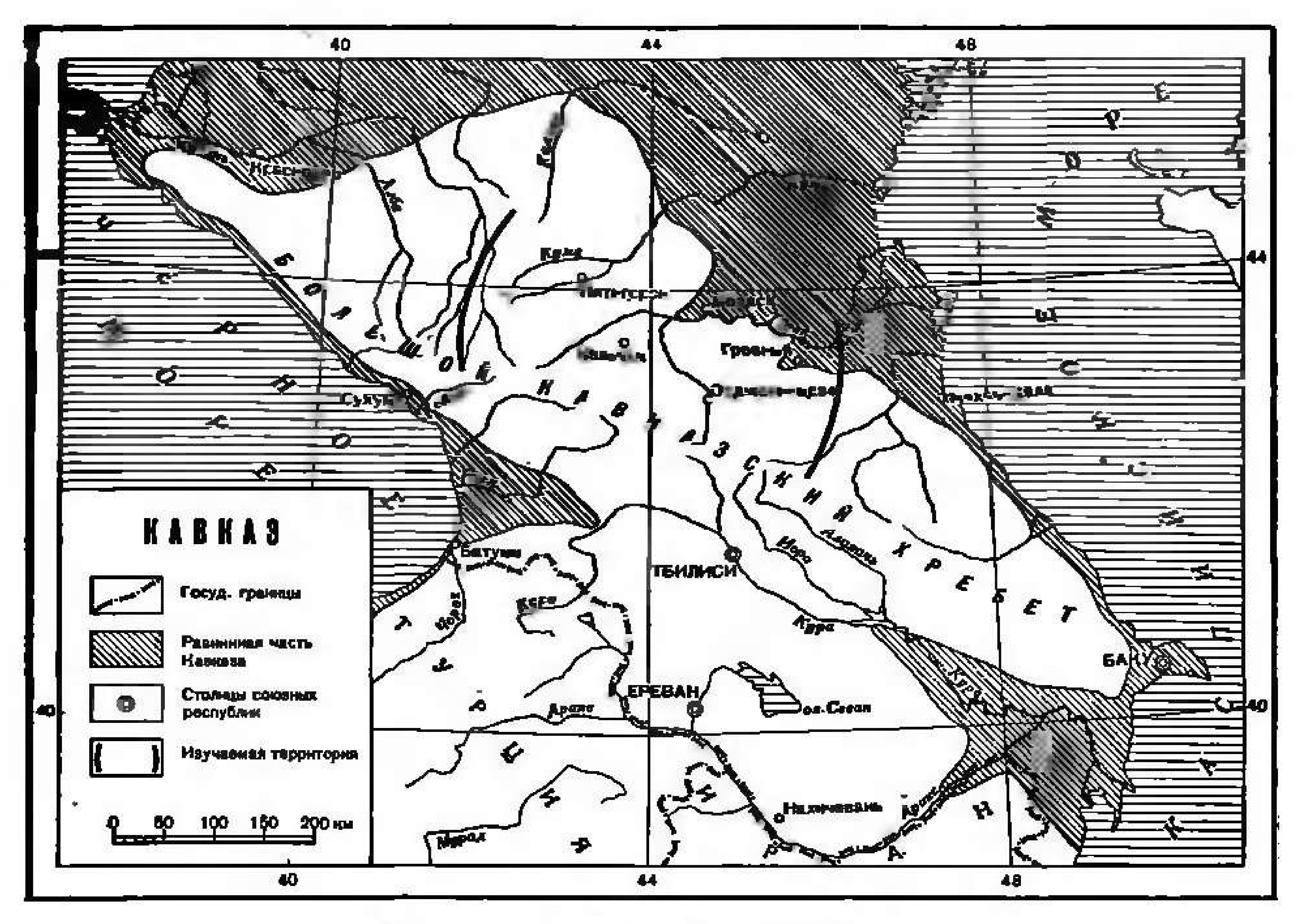

Рис. 1. Карта ландшафтных зон Кавказа

Северная половина этой территории приходится на равнину; южная же ее часть является нагорной. Обе они совершенно несхожи и в природном и в хозяйственном отношениях. Но от первой ко второй существуют многочисленные, иногда трудно уловимые переходы, которые создают тем не менее заметное разнообразие как рельефа местности, климата, так и флоры и фауны [4]. В северо-восточном направлении эту территорию прорезывают и орошают разветвленные и довольно мощные системы рек Кумы и особенно Терека, с его важнейшими притоками Малкой и Сунжей. На протяжении тысячелетий многочисленные притоки этих рек своими наносами образовали ряд плодороднейших долин. В северо-западном углу очерченной нами территории находится часть Ставропольской возвышенности, или плато, которое служит водоразделом речных систем Азовского и Каспийского морей (Кубани и Кумы). К востоку и юго-востоку Ставропольское плато неприметно для глаза переходит в Прикаспийскую низменность, где местность постепенно становится все безводней и пустынней [5]. Здесь широко раскинулись степи с каштановыми, а восточнее —

[4] А. Ф. Ляйстер и Г. Ф. Чурсин. География Кавказа. Тифлис, 1924, стр. 75.
[5] Н. А. Бобринский. Животный мир и природа СССР, стр. 146.

с суглинистыми солончаковыми почвами, сложенными осадками древнейших каспийских трансгрессий и новейшими наносами рек Кумы и Терека. В ряде мест на пространстве между Тереком и Кумой преобладают песчанные холмы (сыпучие барханы), разделенные между собою котловинами выдувания. Они создают настоящий эоловый ландшафт подвижных и закрепленных песков [6]. Сейчас — эта степная равнина, покрытая редкими пучками травы и еще более редкими кустами тамариска, обильно поросла низкорослой полынью. Местами же почва совсем обнажена и развевается сильными здесь ветрами — суховеями. В настоящее время восточное Предкавказье— типичная полупустыня с довольно редким населением.

Но в более древние времена и вплоть до эпохи средневековья, как выясняется из археологических данных, эти районы представляли собою цветущий край с довольно многочисленным населением, где жизнь била ключом.

В результате палеоботанических исследований, проведенных в соседних северных районах, установлено, что современные степные и полупустынные ландшафты, скажем, Ергеней и Ставрополья не были неизменными. Данные споро-пыльцевого анализа, присутствие пресноводных илов и погребенных почв с захороненной в них лесной фауной показывают, что в этих районах в позднем голоцене существовали фазы периодического распространения лесов, состоявших из широколиственных деревьев и даже из сосны. Они не имели, конечно, сплошного распространения, но почти соединялись с лесами горного Кавказа [7]. И, по-видимому, на знакомстве с историей этих районов лучше всего и можно убедиться в том, насколько трудовая и производственная деятельность человека способствует изменению природных ландшафтов на протяжении столетий.

Пространство к югу от Ставропольской возвышенности, вплоть до самых предгорий Кавказа, а восточнее и все левобережье Терека представляет собою область бескрайних степей (включая и Моздокскую степь) с плодородными темно- и светло-каштановыми почвами.

Еще южнее, по мере уже заметного подъема рельефа по направлению к Большому Кавказскому хребту, эта степная полоса переходит в зону лесостепи, начинающуюся на Северном Кавказе примерно за линией: Черкесск—Пятигорск—Моздок—Грозный.

Эта зона характеризуется почвами типа серых лесных суглинков, деградированных черноземов и горных черноземов с весьма богатой растительностью.

Между восточной половиной Предкавказья и горами Кавказа лежит переходная зона возвышенностей. В западной части необходимо отметить Кабардино-Пятигорское плоскогорье, состоящее из довольно высоких гор вулканического происхождения (Вештау — 1399 м), группами или в одиночку разбросанных на значительном пространстве.

---

[6] С. В. Калесник. Северный Кавказ и Нижний Дон. М.— Л., 1946, стр. 27.

[7] Р. В. Федорова. Лесные фазы в растительном покрове Ергеней и Ставрополья в позднем голоцене. Автореферат диссертации. М., 1953, стр. 14; ее же. Результаты исследования споро-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. «Известия Грозненского музея краеведения», вып. 5, Грозный, 1953, стр. 154; М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, стр. 207, 213.

На правобережье Терека в широтном направлении располагаются два параллельных хребта, разделенных нешироким синклинальным понижением. Северный хребет, высотой до 930 м, называется Терским, южный — Кабардино-Сунженским. Почвы этих хребтов — лессовидные суглинки и черноземы. Они покрыты лесами и сенокосными угодьями.

К югу от Сунженского хребта находится наклонная равнина, распадающаяся на две котловины — Владикавказскую и Грозненскую. Обе они сложены ледниково-речными и аллювиальными (суглинистыми) наносами Терека и Сунжи[8].

Еще южнее протянулся так называемый лесистый хребет, в виде прерывающейся цепи громадных холмов, в высоту нигде не превышающих 1000 м над уровнем моря. Они покрыты великолепными буковыми, а в верхней полосе и хвойными лесами. В своих дебрях эти леса дают приют множеству разнообразных животных: оленей, медведей, кабанов, леопардов, куниц, рысей, в прошлом лосей и других животных, а в Прикубанье даже зубров.

Дальше к югу простирается пастбищный хребет, достигающий в высоту почти 2000 м. Он также представлен иногда разорванными массивами, между которыми, как в каньонах,текут многочисленные горные реки, притоки Терека. Это — область превосходных альпийских лугов и пастбищ.

По поводу этих пастбищ известный исследователь природы Кавказа Н. Я. Динник писал: «промежуточное звено между лесной областью и суровым безмолвным царством скал составляют альпийские пастбища, названные так потому, что служат местом, где почти весь скот горцев пасется в течение лета... Вид альпийских пастбищ необыкновенно красив. Великолепны луга, покрытые высокой сочной растительностью... Нигде природа не представляет таких резких контрастов, такого смешения цветов, как здесь...» [9]. В своем месте этот природный фактор поможет нам правильно понять и объяснить возникновение так называемого яйлажного,или кошного, способа скотоводства у древних жителей Северного Кавказа.

Наконец, еще южнее интересующую нас территорию пересекают в юго-восточном направлении горные кряжи так называемого Пестрого, или Скалистого, хребта, отдельные вершины которого превышают в высоту 3 тыс. м (в Северной Осетии вершины Кион-Хох — 3422 м и Адай-Хох — 4649 м). Это — область, пересекаемая снеговой линией, проходящей на Кавказском хребте примерно на высоте 3000—3500 м. Это область обитания горного орла, серны, кавказского тура и безоарового козла [10]. Любопытно, что если туры свойственны только Главному Кавказскому хребту, то безоаровый козел, с его саблевидными сжатыми с боков рогами, оказывается характерным животным для гор Закавказья и всей Передней и Малой Азии [11].

В строении всех трех хребтов, характеризующихся асимметричным профилем, участвовали породы древнейших геологических эпох, но третичный период

---

[8] С. В. Калесник. Указ. соч., стр. 27—28.

[9] «Осетия и верховья Риона». «Зап. Кавказского отдела Русского географического общества», кн. XIII, вып. 1. Тифлис, 1884, стр. 49.

[10] В. И. Цалкин. Горные бараны Европы и Азии. М., 1951, стр. 118 сл.

[11] И. А. Бобринский. Указ. соч., стр. 158.

включительно. Это обстоятельство и объясняет богатство северных склонов Кавказского хребта различными полиметаллическими месторождениями [12] (медь, вольфрам, цинк, серебро, свинец, молибден и другие полезные ископаемые), в большинстве своем знакомыми аборигенами Кавказа еще с ранней эпохи меди и бронзы.

Все три хребта с юга замыкает Главный Кавказский хребет с его многими и по сие время трудно и только сезонно проходимыми, но издавна известными человеку, перевалами. Наиболее пригодными для сообщения с Закавказьем считаются три важнейших перевала: Крестовый (2388 м над уровнем моря), Мамисонский (2971 м) и Клухорский (2816 м). Начиная с XIX в., пути, проложенные через эти перевалы, стали известны под названием Военно-Грузинской, Военно-Осетинской и Военно-Сухумской дорог; из них наиболее благоустроенной шоссейной дорогой является Военно-Грузинская.

В действительности же, как устанавливается археологическими данными, эти три дороги являлись древнейшими и очень важными магистралями, издревле связывавшими через Кавказский хребет районы нашего юго-востока с Закавказьем и Передней Азией [13].

Если формирование горной части Северного Кавказа произошло еще в геологические эпохи, то формирование современного рельефа северной его, по преимуществу равнинной, половины закончилось лишь с прекращением деятельности местных ледников последнего оледенения [14]. Современные же ландшафты края в известной степени являются порождением тысячелетней производственной деятельности местного населения.

Многообразию рельефа данной территории соответствует и разнообразный климат. Ярко выраженный рельеф местности в значительной мере ослабляет влияние на климат двух морей: Черного и Каспийского. Более южные (нагорные) и средние (предгорные) зоны всего Северного Кавказа, по известной классификации А. Ф. Ляйстера, частью принадлежат к климату «высокогорной альпийской области», частью же к климату «умеренно холодному западноевропейского типа». Северная же равнинная часть изучаемой территории характеризуется резко континентальным климатом с невысокой влажностью. В западном Предкавказье господствует климат «ковыльных степей», а в восточном Предкавказье — «сухой континентальный климат арало-каспийского типа» [15].

В силу законов вертикальной зональности, а также благодаря особенностям рельефа, более низкие средние годовые температуры отмечаются не на севере описываемой территории, а на юге. Если, скажем, средняя годовая температура в восточ-

---

[12] С. С. Кузнецов. Геологическое строение срединной части Северного Кавказа в связи с некоторыми вопросами ее металлогении. Геология и полезные ископаемые срединной части Северного Кавказа. М., 1956, стр. 278.

[13] Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 27 сл.; его же. О походах скифов через Кавказ. «Сборник по скифо-сарматской археологии», стр. 86 сл.

[14] Н. Н. Соколов. О возрасте и эволюции почв в связи с возрастом материнских пород и рельефа. «Тр. Почвенного института им. Докучаева», вып. I, 1932, стр. 47.

[15] А. Ф. Ляйстер и Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., стр. 103, 105, 109.

[illegible] Предкавказье варьирует от 9,8° до 11,7°, в зоне предгорий от 7,7° до 8,7°, то южнее, при подъеме на каждые 100 м, температура в среднем убывает на 0,5—0,6°. Так, в полосе Лесистого хребта она колеблется от 8° до 4°, в зоне Пестрого, или Скалистого, хребта от 4° до 0°, а на еще больших высотах средняя годовая температура просто становится отрицательной [16].

В силу тех же причин и местная флора представляет собой значительное разнообразие. Здесь встречаются растения, присущие, с одной стороны, так называемой ковыльно-разнотравно-полынной степи, с другой — растения, относящиеся к горно-лесной области и к зоне высокогорных альпийских лугов. Между этими крайними зонами размещаются разнообразные представители растительного мира лесостепной и лесной областей.

То же самое следует сказать и о фауне. Как уже было отмечено, животный мир на данной территории под влиянием тех же географических факторов (рельефа, климата, почвы и флоры) также отличается значительным разнообразием.

Разумеется, на протяжении веков некоторые из природных особенностей края подверглись значительной трансформации. Так, например, можно отметить, что естественная растительность в западной части степной полосы в какой-то мере уже сведена человеком, и культурные ландшафты здесь успешно вытесняют ландшафты естественные. Об изменении ландшафтных условий и в восточных районах степной полосы Предкавказья можно судить по результатам споро-пыльцевых анализов погребенных почв, произведенных Р. В. Федоровой в Институте географии АН СССР по материалам наших раскопок курганов у с. Ачикулак. Анализы показали, что от рубежа н. э. и до средневековой эпохи в ныне полупустынных районах восточного Предкавказья произрастали хвойные леса и в меньшей степени липа [17]. В целом же происшедшие на протяжении 2—3 тысяч лет изменения в природных условиях края все же не столь существенны и не могут поколебать уверенности в том, что при изучении истории общества Северного Кавказа I тысячелетия до н. э. мы вправе учитывать и современную географическую обстановку.

В этой связи уместно будет подчеркнуть главную хозяйственную сущность двух основных частей края — нагорной и равнинной. Главное естественное богатство нагорной и предгорной полос описываемой территории в экономическом отношении всегда составляли летние альпийские пастбища и сенокосы, недра гор, а также леса (преимущественно буковые), расположенные большей частью у подножья гор. Равнинная же часть этой территории в древние времена представляла собою лесостепь с плодороднейшими землями, с сенокосными угодьями, с богатейшими естественными пастбищами, обеспечивающими возможность содержания мелкого рогатого скота (преимущественно овец) на подножном корму в течение длительного периода (поздней осени, зимы и весны), что успешно практикуется и до наших дней колхозами [18].

---

[16] С. В. Калесник. Указ. соч., стр. 47.

[17] Р. В. Федорова. Результаты исследования споро-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. «Известия Грозненского областного краеведческого музея», вып. 5. Грозный, 1953, стр. 156.

[18] М. В. Рклицкий. Главнейшие моменты в экономике Северной Осетии. «Изв. Сев.-Осет. НИИ краеведения», вып. XI, Владикавказ, 1947, стр. 160.

Отмеченные выше ярко выраженные топографические особенности Северного Кавказа и связанные с ними определенные географические факторы безусловно следует иметь в виду при дальнейшей исторической интерпретации памятников материальной культуры, оставленных древними обитателями края. Ибо в древности эти природные факторы (рельеф, климат и пр.) также составляли условия материальной жизни местного общества и ими до известной степени и обусловливались виды его хозяйственной деятельности.

Мы не разделяем положения Г. В. Плеханова, соответственно которому развитие производительных сил определяется свойствами географической среды, но помним положение К. Маркса о природной обусловленности производительных сил.

Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества,— она ускоряет или замедляет ход развития общества, хотя ее влияние ни в коем случае не является *определяющим* влиянием на развитие общества. И каждое общество, разумеется, в пределах своих возможностей, обусловленных состоянием развития производительных сил, использовало местную природную обстановку.

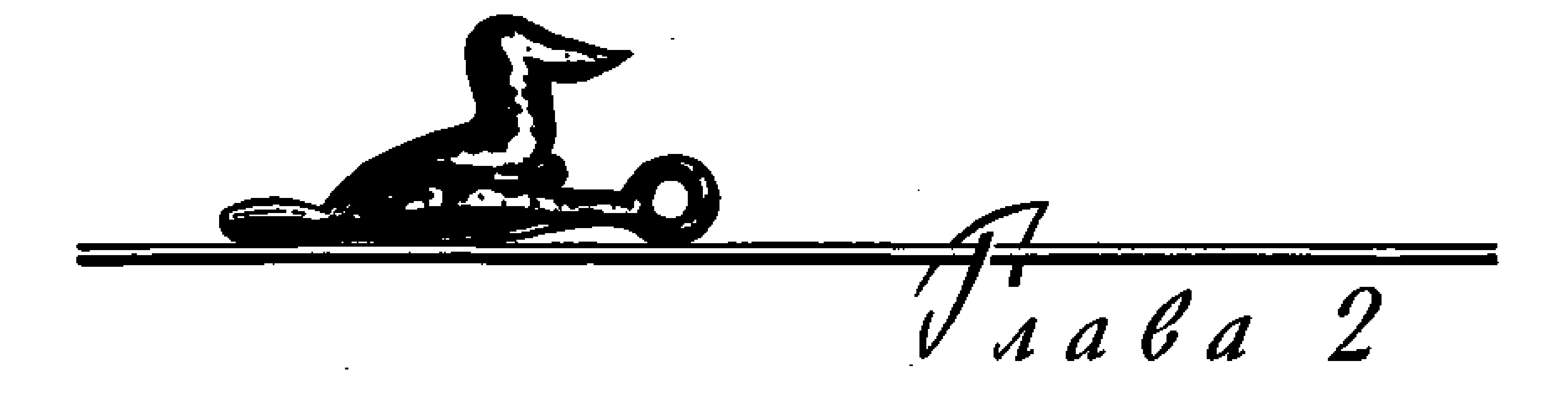
Теперь мы знаем, что когда во II тысячелетии до н. э. в Европе господствовал засушливый климат (суббореального периода) [19], то на Кавказе наблюдалось в это время усиленное таяние ледников, что приводило к значительному повышению влажности. Реки, в частности те, которые в настоящее время теряются в безводных и полупустынных районах Западного Прикаспия, как Кума, Кура, являлись тогда полноводными артериями, обеспечивавшими возможность для населения занятия не только скотоводством, но и земледелием. Последнее доказывается частыми находками здесь разнотипных зернотерок, терочников, пестов и других орудий земледельческого труда.

В дальнейшем изложении мы и постараемся показать, как еще в I тысячелетии до н. э., на протяжении ряда веков, население Северного Кавказа успешно использовало окружающую его разнообразную и богатую природную обстановку в хозяйственных целях, в рамках тех возможностей, которые определялись общим развитием местного общества и производительных сил того времени. Ибо столь разнообразные условия географической среды несомненно оказывали свое влияние на формирование различных форм хозяйства у древних племен Северного Кавказа, а возможно, благоприятствовали и созданию той этнической пестроты его населения, которая наблюдалась с древнейших времен до последнего времени.

---

[19] М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, стр. 8, 14.

Глава 2

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Начало историко-археологического изучения срединной части Северного Кавказа было положено первыми кавказскими экспедициями Российской Академии наук еще в конце XVIII столетия, когда царское правительство, преследуя свои политические цели, приступило к ознакомлению с Кавказом. Первый исследователь, посетивший в 1770—1773 гг. отдельные районы Северного Кавказа по пути в Грузию, был академик И. А. Гильденштедт. В некоторых горных районах, например, по среднему течению рек Чегема и Баксана, он обнаружил ряд памятников церковной архитектуры и несколько каменных плит с греческими текстами. Результаты путешествия И. А. Гильденштедта были опубликованы в двух томах Российской Академией наук в 1787—1791 гг. [1]

Рисунки некоторых плит с греческими текстами и крестов, впервые отмеченных И. А. Гильденштедтом, позднее были повторно изданы И. Н. Помяловским в его «Сборнике греческих и латинских надписей Кавказа» [2].

В 1793 и 1794 гг. Северный Кавказ посетил академик П. С. Паллас, давший подробное этнографическое описание горцев Северного Кавказа и наряду с этим отметивший некоторые наземные склеповые сооружения предгорной части края [3].

В самом начале XIX в. на Кавказе в течение двух лет работал и академик Г. Ю. Клапрот. Он оставил ценные сведения о Грузии, о быте горцев и, в первую очередь, осетин и ингушей. Как и его предшественник, Г. Ю. Клапрот главное

[1] J. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge. B. I—II. St. Petersburg, 1787—1791.

[2] И. Н. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.

[3] P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. B. I. Leipzig, 1799.

внимание уделял христианским древностям. Вместе с тем, нельзя не отметить, что именно ему принадлежит первое описание крупного бытового памятника Северного Кавказа—средневекового городища Нижний Джулат [4], расположенного на правом берегу Терека напротив станции Котляревской, на подступах к которому в 1395 г. произошла решающая битва Тимура с Тохтамышем [5].

Ни один из перечисленных исследователей не ставил перед собою археологических задач, а если и наблюдал какие-либо памятники материальной культуры, то ограничивался лишь фиксацией их наружного состояния, без вскрытия почвенного покрова и извлечения древних предметов из земли.

Первая попытка исследовать древний памятник с применением методики археологических раскопок была осуществлена А. Фирковичем, в 1849 г. совершившим поездку по Северному Кавказу с археологическими целями. Наряду с описанием христианских храмов и различных надгробных сооружений, А. Фиркович значительное место уделил и укрепленным пунктам, а в районе Кабардинского селения Псыгансу даже раскопал курган и обнаружил подземный склеп, сложенный из кирпичей [6].

В том же 1849 и в последующем 1850 гг. при земляных работах, связанных с ремонтом старых и строительством новых укрепленных пунктов, в различных местах Северного Кавказа (в Ваксанском укреплении — 1850 г., в Каменномостском укреплении на р. Малке — 1849 г., при возведении Кумского моста близ истоков р. Кумы — 1850 г., у крепости Воздвиженской на р. Аргуне — 1850 г. и в других местах разными лицами: Н. В. Ханыковым, И. А. Вартоломеем и другими) были обнаружены и собраны бронзовые и железные археологические предметы, определенная серия которых прямо относится к интересующему нас периоду. Это — различные бронзовые предметы в виде головок животных и птиц, круглых умбоновидных блях, браслетов, фибул, шейных гривн, колокольчиков и других вещей кобанской культуры.

Эта интересная коллекция, состоящая из разрозненных предметов, еще и в то время привлекла внимание исследователей и была издана Н. В. Ханыковым и П. С. Савельевым в 1857 г [7]. Она явилась одной из первых публикаций археологических материалов Северного Кавказа. Историческая интерпретация этой коллекции, данная авторами статьи «Древности, найденные на Кавказе» лучше всего характеризует состояние и уровень археологических знаний в России того времени. Н. В. Ханыков называет публикуемые им предметы скифскими, а П. С. Савельев датирует их VIII—IX вв. н. э. (! — *Е. К.*). Это становится понятным, если мы учтем общее слабое развитие кавказской археологии в те годы и отсутствие в науке сведений о кобанских древностях.

---

[4] J. Klaproth. Reise in der Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. B. I—II. Berlin und Halle, 1812—1814.

[5] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 352.

[6] А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе, ЗРАО, т. IX, вып. 2, 1857, стр. 371—405.

[7] Н. В. Ханыков и П. С. Савельев. Древности, найденные на Кавказе. ЗРАО, т. IX, вып. 1, 1856, стр. 50—60, рис. 2—24.

Таким образом, 1849—1850 годами определяют начало первых на Северном Кавказе археологических раскопок и изучения местных археологических источников.

Следовательно, в настоящее время уже более чем вековой период отделяет нас от тех дней, когда были сделаны первые шаги в деле собственно археологического изучения Северного Кавказа (со сбором и публикацией коллекций).

Уже в последующий период почти все путешественники и исследователи, посетившие Кавказ, хотя и они также ставили перед собою задачу изучения следов христианства на Кавказе, как первоочередную, уже не игнорировали встречаемый ими археологический материал.

В 1867 г. по предгорным и горным районам Северного Кавказа совершил поездку Н. Нарышкин [8], посетивший также и места, где ранее был А. Фиркович. Наряду с открытием новых памятников материальной культуры разных эпох, Н. Нарышкин уже отметил разрушение и даже полное исчезновение некоторых объектов, впервые открытых и описанных А. Фирковичем. Одновременно он собрал небольшую коллекцию археологических предметов, не отличающуюся единством времени и места.

Первые годы второй половины XIX столетия характеризуются общим оживлением интереса к археологическим памятникам ряда областей б. Российской империи. Это оживление связано с созданием в 1859 г. при императорском дворе специальной Археологической комиссии, возглавившей всю собирательскую и исследовательскую работу по археологии на территории дореволюционной России.

Тогда же, на первых порах организации этого центрального археологического учреждения страны, в его стенах сформировался порочный взгляд на памятники материальной культуры только как на предметы искусства и,в первую очередь, —античного искусства. Не случайно с 1859 г. начинают более или менее систематически изучаться лишь древности Таманского полуострова, где были открыты следы античной культуры (некрополи у станиц Сенной, Таманской, курганы Большой и Малый Близницы, Васюринская гора, Буерова могила, Семибратние курганы — у станицы Варениковской и др.). Но даже при исследовании этих греко-скифских памятников внимание исследователей уделялось лишь художественным изделиям и образцам античной эпиграфики. Крупнейший для своего времени кавказовед А. П. Берже, представивший II Всероссийскому археологическому съезду записку об археологии Кавказа в 1871 г., особый упор сделал на необходимость изучения так называемых классических древностей. Действительно, крайнее увлечение античными древностями, классикой было очень характерно для научных интересов дворянских историко-археологических кругов того времени [9]. Рядовой, массовый материал и могильный инвентарь, характеризующий культуру низших слоев населения даже того же Воспорского царства, тогда почти не привлекал внимания.

Восточные районы Северного Кавказа, от Прикубанья и далее на восток, в этот период не обследовались совсем.

---

[8] Н. Нарышкин. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. ИРАО, т. VIII, 1877, ст. 325—368, табл. I—X.

[9] А. П. Берже. Записка об археологии Кавказа. «Тр. II АС», т. I, СПб., 1871, отд. III, стр. 1.

Прямым и очень действенным толчком к повышенному научному интересу к древностям центрального Предкавказья послужили первые и многочисленные находки бронзовых вещей, случайно обнаруженных близ сел. Верхний Кобан [10] в Северной Осетии в 1869 г.

Весенние воды вызвали обвал одной из террас левого берега речки Гизель-дона, в результате чего обнажились многочисленные каменные ящики с погребенными в них костяками и массой бронзовых вещей.

Впервые в 1869 г. местный житель сел. Верхний Кобан алдар Хабош Кануков собрал небольшую коллекцию этих вещей и представил ее в Кавказский музей в Тбилиси [11]. Эта коллекция привлекла внимание Г. Д. Филимонова, посетившего Кавказ в 1877 г., в связи с организацией подготовительных работ к Антропологической выставке в Москве. Она и послужила Г. Д. Филимонову прямым поводом для раскопок в том же 1877 г. могильника у сел. Верхний Кобан, впоследствии снискавшего себе мировую известность [12]. Тогда же Г. Д. Филимоновым были произведены раскопки в сел. Казбек (на Военно-Грузинской дороге), где при проложении шоссейной дороги были обнаружены бронзовые предметы. Раскопки Г. Д. Филимонова привели к обнаружению знаменитого Казбекского клада, состоящего из бронзовых, железных и серебряных вещей [13]. В том же 1877 г., раскопки средневековых курганов близ станицы Змейской произвел Н. Г. Карцелли [14].

Поворотным моментом в развитии кавказоведения и, в частности, в изучении археологии Северного Кавказа явился V Археологический съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 г. Его влияние на общее развитие историко-археологического и этнографического изучения всего Кавказа в дореволюционный период было исключительно велико. Съезду предшествовала тщательная и глубокая подготовка, произведенная Подготовительным комитетом, объединившим усилия крупнейших ученых России, занимавшихся изучением Кавказа. Была разработана обширная и весьма разнообразная программа как самого съезда, так и работ Подготовительного комитета. Впервые в план подготовительных работ к съезду были включены задачи изучения памятников не только христианских и классических, но и первобытных времен.

В качестве подготовки к съезду была осуществлена серия полевых экспедиционных работ по заранее разработанному плану. Эти работы ознаменовались значитель-

---

[10] На географических картах и в специальной литературе название этого осетинского селения обычно пишется «Верхняя Кобань» в отличие от двух других селений, именовавшихся «Средняя и Нижняя Кобань», но само местное население пункт этот называет «Коба́н» с ударением на втором слоге и без мягкого знака. Правильность твердого произношения этого топонима и ударения не на первом, а на втором слоге была нам неоднократно подтверждена как сотрудниками Северо-Осетинского научно-исследовательского института, так и известным осетиноведом-лингвистом В. И. Абаевым.

[11] «Museum Caucasicum», вып. V, Тифлис, 1902, стр. 1—11.

[12] Г. Д. Филимонов. О доисторической культуре в Осетии. «Протоколы заседания Комитета по устройству антропологической выставки Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», № 20. М., 1878.

[13] МАК, вып. VIII, 1900, стр. 139, табл. LXVIII—LXXI.

[14] «Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». М., 1878, вып. 1, стр. 279—280.

ными результатами, изучением памятников первобытной культуры и эпохи средневековья на Кавказе. Так, в центральной части Северного Кавказа, на территории Северной Осетии и Кабарды, в 1879 г. произвел раскопки курганов эпохи бронзы и средневековья В. Б. Антонович. Тогда же у сел. Верхний Кобан им были вскрыты пять каменных ящиков кобанской культуры [15]. Частично в Северной Осетии, а преимущественно в Краснодарском крае большое количество разновременных курганов исследовал в том же году В. Л. Беренштам [16]. На северо-восточном Кавказе, в Дагестане разведочные и раскопочные работы в 1880 г. провели А. А. Руссов [17], горный инженер С. В. Штейн [18] и А. В. Комаров [19]. Все материалы, характеризующие деятельность Подготовительного комитета, были изданы специальным томом [20].

Неоднократно, начиная с 1879 г. и позднее, место находок Г. Д. Филимоновым известного клада у станции Казбек (на Военно-Грузинской дороге) и погребальное поле у сел. Верхний Кобан обследуется много потрудившимися в деле разработки археологии Кавказа председателями Московского археологического общества А. С. и П. С. Уваровыми. Впервые же ими на станции Казбек был обнаружен могильник [21]. В 1880 г. могильники у сел. Верхний Кобан посетил неутомимый исследователь закавказских древностей Фридрих Байерн, переселившийся на Кавказ из Германии в 1855 г. [22]

Кобанские могильники дали огромный оригинальный и своеобразный материал, который привлек внимание не только отечественных, но и зарубежных ученых. В 1880 г. окрестности сел. Верхний Кобан посещают немецкий ученый Рудольф Вирхов [23] и француз Эрнест Шантр [24], раскопавший 22 могилы.

Для наших целей особенно важными итогами полевой экспедиционной работы 1881—1882 гг. оказались результаты раскопок могильников в Пятигорье, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым; из них особо интересным было содержимое могильников, открытых у б. шотландской колонии Кáррас на Чеснок-Горе и другие [25].

---

[15] В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года. V АС. Протоколы Подготовительного комитета. Тифлис, 1879, стр. 216 и сл.

[16] В. Л. Беренштам. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 году. Там же, стр. 298 и сл.

[17] А. А. Руссов. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в южном Дагестане. Там же, стр. 503 и сл.

[18] С. В. Штейн. О пещерах и могилах в Дагестане. Там же, стр. 473 и сл.

[19] А. В. Комаров. Пещеры и древние могилы в Дагестане. Там же, стр. 432 и сл.

[20] V АС. Протоколы Подготовительного комитета. Тифлис, 1879.

[21] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, стр. 152 и сл.

[22] Результаты своих исследований Ф. Байерн печатал главным образом в Берлинской «Zeitschrift für Ethnologie» и в «Mittheilungen der Wiener Anthropologischen Gesellschaft», а также в «Сборнике сведений о Кавказе», издававшемся в Тбилиси.

[23] R. Virchow. Kaukasische Praehistorie. «Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft», Berlin, 1881.

[24] E. Chantre. La Nécropole de Koban en Ossétia. «Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme», Paris, 1882.

[25] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Пятигорского округа. М., 1887, стр. 39 и сл.

Позднее в сводной работе «Могилы русской земли» Д. Я. Самоквасов верно определил хронологическое место этих могильников в системе древностей юга России, установил время и причины первого появления железных орудий на Кавказе [26].

Состоявшийся в 1881 г. в Тифлисе V Археологический съезд сыграл исключительно крупную организующую роль в изучении Кавказа вообще и Северного Кавказа в частности. Он возбудил в специальных научных кругах общий интерес к этому замечательному краю как в России, так и за границей; он оказал свое благотворное влияние на дальнейшие судьбы кавказоведения. Съезд наметил задачи дальнейшего изучения края и вызвал интерес к прошлому Кавказа среди широкой научной общественности.

Труды съезда также были изданы отдельным томом [27]. Весьма знаменательным явился основной доклад, прочитанный на V съезде графом А. С. Уваровым, на тему: «К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе». Справедливость требует отметить, что еще в то время, на основе сравнительно небольших коллекций кобанской бронзы, А. С. Уваров верно, на наш взгляд, определил и дату кобанской культуры (рубеж XI—X вв. до н. э.) и сугубо местный характер ее развития. В то время — это было новое слово. Подчеркивая значение внешних связей и влияние Передней Азии (в особенности Ассирии) на культуру Кавказа, он писал: «Преобладание во всех кобанских предметах особого, своеобразного отпечатка, является неоспоримым доказательством местного развития под влиянием местных условий и местных верований. Такое местное развитие или местная культура известного племени, населявшего ущелья северного склона Кавказа, свидетельствует в пользу духовной силы и живучести этого племени, которое развивалось, несмотря на свою обособленность от других племен Кавказа и на удаленность от тех больших торговых путей, по которым разносилось влияние древних культур» [28]. Это сказано настолько верно, что и сейчас под этим положением одного из основоположников русской археологии подпишется любой советский археолог-кавказовед.

Пятый Археологический съезд не только популяризировал в широких кругах научной общественности первоклассные находки позднебронзовых культур Кавказа; он вызвал появление первых и значительных трудов по описанию первобытных древностей Кавказа и первые попытки сравнительного их изучения и обобщения. Вскоре же выходят из печати крупные монографии Рудольфа Вирхова [29] и Эрнеста Шантра, посвященные изучению кобанских древностей [30]. Кстати, оба ученые поспешили высказаться отрицательно по вопросу о местном происхождении кавказской металлургии меди. Они считали, что она занесена извне.

Наконец, П. С. Уварова превосходным капитальным изданием оригинальных, обильных и разновременных археологических материалов из могильников Северной

---

[26] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 55 и 123.

[27] «Тр. V АС». М., 1887.

[28] А. С. Уваров. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе? «Тр. V АС». М., 1887, стр. 1—9.

[29] R. Virchow. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883.

[30] E. Chantre. Recherches antropologiques dans le Caucase, vol. I—IV. Paris — Lyon, 1885—1887.

Осетии закрепила мировую известность памятников центральных районов Северного Кавказа [31].

После V Археологического съезда интерес к древней истории и археологии Кавказа усилился. Заметно возросшему интересу к археологии Северного Кавказа способствовало и то обстоятельство, что случайно обнаруживаемые в разных районах края ценные археологические предметы собирались отдельными лицами в коллекции и затем, поступая в научные учреждения и музеи, привлекали внимание ученых. Некоторым из таких просвещенных коллекционеров археологическая наука обязана созданием ценных коллекций материальных памятников, поступивших в музеи Москвы (Исторический музей), Ленинграда (Эрмитаж и Музей антропологии и этнографии), Тбилиси, Орджоникидзе (б. Владикавказа), Нальчика и других городов Кавказа. Такими любителями-коллекционерами были К. И. Ольшевский, Д. Н. Вырубов, А. В. Комаров [32], отчасти В. И. Долбежев и другие.

Но был и другой тип коллекционеров из местных жителей, превративших хищнические раскопки древних могильников края в доходный промысел. Пользуясь правом частной земельной собственности, они, варварски разрушая памятники, составляли археологические коллекции и продавали их частным лицам в России и за границу. Особо печальную известность своей деятельностью приобрели осетинские алдары Хабош Кануков, Бегизар Дзелихов, кабардинский феодал Измаил Урусбиев и другие. Один Хабош Кануков хищнически раскопал до 600 каменных ящиков на принадлежащем ему участке земли у сел. Верхний Кобан. При посредничестве таких «коллекционеров» были созданы крупные собрания оригинальной кавказской бронзы в музеях Парижа (Сен-Жерменский музей), Лиона, Вены, Берлина и Будапешта. Так, например, была составлена крупная коллекция кобанской бронзы немецким проф. Рудольфом Вирховым (покупкой у Х. Канукова), коллекция венгерского графа Зичи (покупкой у И. Урусбиева) [33] и другие.

80-е годы XIX в. характеризуются значительным оживлением в археологическом изучении Северного Кавказа, вызванным работами V Археологического съезда. К этому времени в Закавказье уже деятельно работало, организованное в Тбилиси еще до V съезда Кавказское общество любителей археологии; но его деятельность не распространялась на Северный Кавказ. Первые и пока робкие шаги в деле археологического изучения своего края стал предпринимать Терский областной статистический комитет (во Владикавказе).

Почин в археологическом исследовании Северного Кавказа взяла на себя Москва. Московское археологическое общество в 1883 г. организовало первую небольшую археологическую экспедицию в западную часть б. Терской области (Кабардино-Балкария), осуществленную известными московскими профессорами В. Ф. Миллером и М. М. Ковалевским. Экспедиция носила разведывательный характер и завершилась фиксацией памятников в районах Нагорной Кабарды и Балкарии, небольшими

---

[31] E. de Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, t. I, II. Budapest, 1897.

[32] А. В. Комаров. Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае. «Известия Кавказского общества истории и археологии», т. I, вып. 1, 1882.

[33] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, в. VIII, 1900.

раскопками у селений Чегем и Былым и собранием интересной коллекции археологических предметов [34]. Через два года эти же районы Кабардино-Балкарии вновь посетил М. М. Ковалевский; он обследовал склепы у сел. Хасаут и в других пунктах и раскопал ценнейшие привозные ткани эпохи раннего средневековья, ныне хранящиеся в Государственном Историческом музее в Москве.

Наконец, в 1886 г. всю нагорную часть б. Терской области и Кабардино-Балкарии довольно обстоятельно обследует первая крупная экспедиция Московского археологического общества под руководством проф. В. Ф. Миллера. В составе экспедиции активно работал (тогда еще будучи студентом университета) известный этнограф Н. Н. Харузин.

Во всех горных районах края экспедицией были собраны обильные материалы, позволившие В. Ф. Миллеру не только дать представление о сохранившихся «следах древнего христианства» в ущельях бассейнов рек Сунжи, Ассы, Терека, Чегема и Баксана, но и впервые оценить важное значение поздних бытовых памятников — оборонительных сооружений как исторических источников. Этой же экспедицией впервые на Кавказе были собраны случайные находки и по скифо-кавказской теме.

Результаты работы экспедиции 1886 г. были обстоятельно освещены В. Ф. Миллером в специальном издании — первом выпуске «Материалов по археологии Кавказа», которым открывается серия томов, изданных Московским археологическим обществом под этим названием [35]. В опубликованном труде В. Ф. Миллер не только дал обстоятельное описание изученных памятников, но и сопроводил источниковедческую часть своего труда обобщающей главой, в которой совершенно необоснованно высказал ошибочную историко-культурную характеристику древних народов Кавказа, якобы всегда развивавших свою культуру в полной изоляции от поступательного движения передовых народов древнего культурного мира и потому значительно отстававших в своем культурном развитии [36].

Но даже для своего времени, когда материал только накапливался, этот вывод одного из первых и крупных кавказоведов не отвечал историческим данным. Дальнейший же опыт изучения древностей Кавказа еще больше подтвердил ошибочность подобного заключения, что было отмечено еще в 1910 г. выдающимся русским археологом проф. В. А. Городцовым. Признавая только некоторое отставание Северного Кавказа, отделенного от Южного снежным Кавказским хребтом и потому удаленного от главных очагов древней культурной базы, он писал в своей «Бытовой археологии» [37]: «Однако его отсталость вовсе не была столь значительна, чтобы народы, населявшие его, не могли следовать общему культурному курсу. Против этого красноречиво говорят все более точно проверенные археологические памятники, указывающие, что народы Северного Кавказа успевали своевременно ознакомиться со всеми важными

---

[34] В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. «Вестник Европы», 1884, № 4, стр. 540.

[35] В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, вып. 1. М., 1888.

[36] В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, вып. 1. М., 1888, стр. 111—113.

[37] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 315.

открытиями, и обвинение их в особом консерватизме следует совершенно уничтожить как результат неправильного чтения и понимания кавказских древностей, появившихся в большом количестве перед судом науки в то время, когда она еще не имела достаточного критерия для определения времени». Последующие исследования на Северном Кавказе полностью подтвердили мнение В. А. Городцова.

Здесь необходимо отметить, что с того же 1886 г. на Северном Кавказе начинается плодотворная деятельность одного из активных пионеров местного краеведения, преподавателя Владикавказского реального училища В. И. Долбежева, вещественные результаты археологических разысканий которого и поныне могут считаться важным фондом источников по северо-кавказской археологии. Являясь участником V Археологического съезда в Тбилиси в 1881 г. и заинтересовавшись первобытной археологией, В. И. Долбежев по собственной инициативе уже с 1884 г. приступил к разведочным работам в Северной Осетии.

Привлекши внимание Археологической комиссии к своим начинаниям, В. И. Долбежев в течение 20 лет (1884—1904 гг.) по поручению этой Комиссии проводил большие работы по разысканию и исследованию многочисленных, разнообразных и разновременных памятников материальной культуры Северного Кавказа, начиная от эпохи бронзы и до периода позднего средневековья. Памятники самых различных районов края, от приморского Дагестана до Пятигорья и от предгорий Терского хрябта до высотных пунктов Грузии (сел. Тли и др.), привлекали внимание и исследовательские интересы В. И. Долбежева. Ни до него, ни после никто из местных исследователей не охватывал столько археологических объектов своими работами, как В. И. Долбежев.

Существование специального и обстоятельного очерка, посвященного всесторонней характеристике деятельности В. И. Долбежева как археолога-кавказоведа, написанного проф. Л. П. Семеновым, избавляет нас от необходимости более подробно характеризовать все археологические работы В. И. Долбежева [38]. Отметим только, что, не обладая специальной археологической подготовкой, на первых порах своей полевой археологической деятельности В. И. Долбежев, естественно, и не мог применять совершенных технических приемов раскопок памятников материальной культуры и часто ограничивался лишь доисследованием разрушающихся или полуограбленных местным населением могил, а также сбором у населения случайного или хищнически добытого материала. Поэтому определенная часть археологических коллекций, поступившая через В. И. Долбежева в Эрмитаж и Государственный Исторический музей, оказалась в какой-то степени научно обесцененной, так как она не состоит из комплексов и далеко не всегда документирована. Только недостаточностью полевого археологического опыта в начале его археологической деятельности на Северном Кавказе и следует объяснить несостоятельные утверждения В. И. Долбежева о том, что интересные, исследованные им, древнейшие разрушенные могильники в районе сел. Чми на Военно-Грузинской дороге (на холме Беахни-Куп) будто бы являлись древними жилищами аборигенов [39].

---

[38] Л. П. Семенов. В. И. Долбежев как археолог-кавказовед. «Известия Терского педагогического института», т. VII. Владикавказ, 1930, отдельный оттиск.

[39] ОАК, 1887, стр. CLXXXI—CLXXXIII.

В письме, адресованном председателю Археологической комиссии А. А. Бобринскому от 14 мая 1887 г., он писал: «...находки эти были окружены неправильными сваями перетлевших крупных дубовых бревен, затем профиль ущелья наводит на мысль о бывшем здесь озере и о свайной постройке» [40]. Еще А. А. Бобринский сомневался в этом [41]. И только в советский период, путем специальных проверочных раскопок, А. П. Круглов окончательно установил ошибочность предположения В. И. Долбежева, который, как показали раскопочные работы 1925 г., принял за остатки свайного поселения древний разрушенный могильник [42].

Но к чести В. И. Долбежева нужно сказать, что он удивительно верно определил относительную дату найденных им в районе сел. Чми бронзовых кинжалов без рукоятей и овальных височных колец в полтора оборота, черешковых костяных наконечников стрел и остроребериой посуды, как предшествующих соответствующим категориям вещей кобанской культуры [43], что удалось аргументировать только теперь [44].

Позднее В. И. Долбежев сам выработал собственную методику исследования разнохарактерных памятников края и стал добывать вполне полноценные в научном отношении комплексы, сопровождая их получение необходимой полевой документацией. Ярким примером этого могут служить его раскопки замечательного могильника кобанской культуры у сел. Тли (в Южной Осетии), по достоинству оцененные только теперь [45].

Ему мы обязаны первыми исследованиями таких, ставших впоследствии известными своими интересными комплексами бронзы, Дигорских могильников, как Фаскау близ сел. Галиат, Верхняя и Нижняя Рутха близ сел. Кумбулта и других [46]; он же открыл новые могильники вокруг сел. Кобан; им исследованы наиболее ранние подкурганные погребения в центральной части Северного Кавказа — у станицы Нестеровской [47] и у селений Веслан и Москеты; он обнаружил и исследовал новые катакомбные погребения эпохи раннего средневековья на правобережье Терека, у сел. Гоуст [48] и во многих других пунктах Ингушетии, Осетии и Кабардино-Балкарии. Наконец, именно В. И. Долбежеву принадлежит честь открытия и исследования своеобразного могильника у сел. Каякент (в Дагестане) [49], послужившего основанием для выделения совершенно новой культуры северо-восточного Кавказа — каякентско-хорочоевской, осмысленной как особая культура лишь в советские годы [50].

---

[40] Л. П. Семенов. В. И. Долбежев как археолог-кавказовед, стр. 199.

[41] ОАК, 1888, стр. CCXXL.

[42] А. П. Круглов. Археологические работы на реке Терек. СА, III, 1937, стр. 245—246.

[43] Л. П. Семенов. В. И. Долбежев как археолог-кавказовед, стр. 199.

[44] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, М., 1951, стр. 60.

[45] Б. В. Техов. Поздне-бронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинир, 1957, стр. 31.

[46] ОАК, 1886—1888.

[47] ОАК, 1891, стр. 132.

[48] ОАК, 1890, стр. 87.

[49] ОАК, 1898, стр. 141—156.

[50] Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Тр. ГИМ», вып. XI, М., 1940, стр. 5—20; А. П. Круглов. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 110—128.

В аспекте данной работы особого внимания заслуживают работы В. И. Долбежева по исследованию ряда древних могильников, давших интереснейший материал, прямо относящийся к нашей теме. К таковым принадлежат уже упомянутые новые могильники в окрестностях сел. Кобан — северное и западное кладбища, подвергнувшиеся анализу и хронологическому определению только в наше время [51], и в особенности грунтовые могильники в предгорных и равнинных районах края у селений б. Ахлово, Кескем и Пседахи [52]. Давая общую характеристику этим могильникам, В. И. Долбежев справедливо разбил вскрытые им погребения на две хронологические группы.

Нельзя не отметить также, что именно В. И. Долбежеву, из всех археологов-кавказоведов дореволюционных лет, принадлежит попытка первого исторического освещения быта и культуры носителей кобанской культуры. В специальной работе, посвященной анализу бронз и орнаментов древних кобанцев, наряду с ошибочными положениями, В. И. Долбежевым дан ряд очень метких характеристик и высказаны точные и верные наблюдения [53].

Мы позволили себе несколько более пространно остановиться на плодотворной деятельности этого неутомимого труженика-краеведа, потому что, оставаясь без квалифицированной помощи и руководства, работая одиночкой в трудных условиях дореволюционных лет, В. И. Долбежев провел огромную для одного человека работу, в свое время не оцененную совершенно. Даже в таком фундаментальном своде материалов по археологии Северного Кавказа, каким является том VIII «Материалов по археологии Кавказа», составленный П. С. Уваровой, по соображениям ничего общего не имеющим с наукой, ценнейшие материалы, собранные В. И. Долбежевым, не нашли никакого отражения, что вполне справедливо было в свое время отмечено и осуждено еще Н. И. Веселовским [54]. Между тем, обильные и разновременные коллекции, поступившие через В. И. Долбежева в наши музеи, долго еще будут привлекать внимание кавказоведов.

В 1888 г. довольно крупные раскопочные работы в разных пунктах и районах Северного Кавказа были произведены председателем Археологической комиссии А. А. Бобринским. Многочисленные и разнообразные находки древних предметов из разных пунктов Кавказа побудили А. А. Бобринского лично посетить эти места Кавказа.

На территории Северной Осетии им были предприняты проверочные раскопки на известном Кобанском могильнике, в окрестностях сел. Чми (раннесредневековые могильники Херх и Суаргом), в Дигории и в районе самого г. Владикавказа (курганы XIV—XV вв.). Кстати отметим, что в процессе раскопок и сбора материала

---

[51] Е. П. Алексеева. Поздне-кобанская культура центрального Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 191—257.

[52] ОАК, 1898, стр. 157—162.

[53] В. И. Долбежев. Об орнаментах и формах бронз, находимых в доисторическом кладбище близ сел. Уолла-Кобань, Терской области. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1888, т. VI, отд. II, стр. 57—76.

[54] Н. И. Веселовский. Отзыв о труде графини П. С. Уваровой. МАК, вып. VIII, 1900 г. «Могильники Северного Кавказа».

у местного населения в окрестностях сел. Чми А. А. Бобринский ранее раскопанный В. И. Долбежевым холм Беахни-Куп правильно рассматривал уже не как бытовой памятник, а как разрушенный могильник [55]. Не считая Чмийских катакомб и каменных ящиков алано-хазарского времени, работы А. А. Бобринского в Северной Осетии были малопродуктивны. Почти то же самое следует сказать и о работах в районе станции Казбек на Военно-Грузинской дороге.

Более интересными оказались его исследования на территории современной Чечено-Ингушской АССР. Обследование засушливой Алхан-Чуртской долины завершилось фиксацией в районе г. Грозного и селений Алхан-Юрт (б. Айвазовское), Алды, Куляры и далее на восток у сел. Урус-Мартан огромного количества курганных насыпей [56]. Только в районе сел. Алхан-Юрт насчитывалось до пяти тысяч курганов разнообразной величины. Замечательным итогом работ 1888 г. было также обнаружение близ современной станицы Ермоловской огромного городища Алхан-Кала, лишь частично раскопанного уже в советские годы [57].

Некоторые из исследованных курганов дали интересные комплексы как скифо-сарматской поры, так и более позднего времени. В окрестностях сел. Куляры был раскопан курган, из которого местные жители ранее продали П. С. Уваровой массивный золотой венец (гривну) и другие предметы раннесарматского периода, хранящиеся в ГИМе.

Исследовательские задачи и приемы раскопочной техники, применявшиеся А. А. Бобринским, были обычными и для того времени: полное пренебрежение бытовыми памятниками и раскопки погребальных сооружений, обещавших интересные и богатые находки; курганы раскапывались небольшими колодцами.

С того же 1888 г. в пределах бывшей Терской области начинают вести раскопочную и собирательскую работу представители местной военной администрации — помощник начальника Грозненского военного округа Н. С. Семенов (по преимуществу в Грозненском районе) и подъесаул Тимофеев (в Северной Осетии). Последний часто производил раскопки по поручению Московского археологического общества. Сообщения об археологических работах Н. С. Семенова публиковались в местной прессе [58]. Данные о раскопках Тимофеева приведены главным образом в труде П. С. Уваровой «Могильники Северного Кавказа» [59]. Упоминания о них содержатся и в отчетах Археологической комиссии [60]. Собранные ими в большинстве своем разрозненные и разновременные коллекции поступили в Эрмитаж и Государственный Исторический музей.

От Московского археологического общества в 1892 г. обследовательскую работу в Кабардино-Балкарии (по Баксану, Чегему и Череку) произвел Г. И. Куликовский.

---

[55] ОАК, 1888, стр. CCXXXVI—CCXL.

[56] Там же, стр. CCLII—CCLXXI.

[57] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938.

[58] Газ. «Терские Областные Ведомости», 1890.

[59] МАК, вып. VIII, 1900.

[60] ОАК, 1888, стр. CCX.

С 1897 г. по поручению Археологической комиссии приступает к археологическому исследованию памятников на территории Терской области художник И. А. Владимиров, а от Московского археологического общества — В. М. Сысоев. В последующие годы И. А. Владимиров распространил свою деятельность на восточные районы Прикубанья и Ставропольщину, но наиболее ценными итогами его исследований оказались раскопки в Кабардино-Балкарии, где им были открыты и тщательно изучены катакомбные и склеповые захоронения VII—VIII вв. у сел. Гижгид и в урочище Песчанка близ г. Нальчика [61]. Работы И. А. Владимирова отличались точностью, полнотой описания и фиксации изучаемых объектов.

В 1897 г. во Владикавказе открывается Терский областной музей, постепенно ставший средоточием коллекций местных древностей [62].

В 1900 и 1901 гг. другой местный деятель, секретарь Терского областного статистического комитета Г. А. Вертепов раскопал более двух десятков курганов близ сел. Урус-Мартан. Исследованные им подкурганные погребения на двух могильниках в урочищах Ани-Ирзо и Байси-Ирзо дали весьма важный материал и для нашей темы [63]. В основной своей массе материал поступил в Эрмитаж и только недавно подвергся специальному изучению О. А. Артамоновой-Полтавцевой [64].

В последующие годы в обследовательскую работу по изучению археологии края включается ряд преимущественно местных работников или отдельные лица, иногда имеющие лишь частные поручения от Археологической комиссии.

Так, членом-сотрудником Археологической комиссии В. Р. Апухтиным совместно с Р. С. Фустовым было раскопано в Кабардино-Пятигорье четыре больших и 53 малых кургана, относящихся по преимуществу к эпохе позднего средневековья. Краткие сведения о раскопках В. Р. Апухтина опубликованы Археологической комиссией в ее «Известиях» [65]. Материал передан в Пятигорский музей и в Археологическую комиссию, а значительная часть коллекции утрачена.

В пределах Кабардино-Пятигорья производил раскопки и скупал древности также В. А. Скиндер. Его коллекция поступила в Пятигорский музей.

В 1904 г. А. Н. Грен провел маршрутную экспедицию от Волги по Куме до Осетии и затем до Каспия с целью обнаружения хазарских древностей. Большое внимание им было уделено памятникам в окрестностях г. Хасав-Юрта, где он вскрыл курганы эпохи бронзы [66].

В 1907 г. в окрестностях сел. Нижний Кобан от Терского статистического комитета работал А. А. Драницын. Здесь им был открыт новый могильник кобанской

---

[61] ОАК, 1897, стр. 43; 1898, стр. 124—140; 1899, стр. 52.

[62] Л. П. Семенов и А. Г. Кастуев. Музей краеведения Северной Осетии (1897—1947 гг.). Дзауджикау, 1948, стр. 29; Л. П. Семенов. Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952, стр. 4.

[63] ОАК, 1900, стр. 54—60; 1910, стр. 86—92.

[64] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 20 сл.

[65] ИАК, 1904, прибавление к вып. 9, стр. 50.

[66] ИАК, 1905, прибавление к вып. 16, стр. 18.

культуры, содержавший несколько погребений, по типу и инвентарю относящихся, по-видимому, к изучаемой эпохе [67]. Но есть данные для предположения, что именно А. А. Драницыным были частично исследованы и другие могильники более раннего времени, в частности могильник на холме Загли Бараонд выше сел. Верхний Кобан, характеризующий еще докобанский этап местной истории [68]. Этот могильник ранее был хищнически раскопан местным кладоискателем алдаром Хабошем Кануковым [69].

В последующее пятилетие, с 1907 до 1912 г., в интересующих нас районах Северного Кавказа археологических работ не производилось совсем. Только в 1912 г. Терский областной статистический комитет организовал под руководством М. А. Караулова раскопки семи курганов XIV—XV вв. в окрестностях колонии Эбенецер [70]. В небольших масштабах, преимущественно силами местных любителей, археологические исследования были проведены также в 1913—1915 гг.

Так, сохранились сведения о поездках по отдельным районам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии с археологическими целями хранителя Терского областного музея П. П. Распопова, Г. А. Вертепова и преподавателя Нальчикского реального училища С. И. Покровского [71].

В те же годы небольшие раскопки различных памятников раннего и позднего средневековья у сел. Эльхотово (городище Верхний Джулат — Татар-туп), у станицы Змейской и близ станицы б. Фельдмаршальской были произведены старшим адъютантом Управления Сунженского отдела Терской области, подъесаулом Ф. С. Панкратовым [72]. Значительный интерес представляют открытые им погребения богатых аланских воинов VIII—IX вв. у станицы Фельдмаршальской; материалы ныне хранятся в Грозненском музее. Результаты своих работ Ф. С. Панкратов своевременно освещал в статьях, помещаемых в газете «Терские ведомости» под псевдонимом — Ф. С. Гребенец [73]. Интересные комплексы из станицы Фельдмаршальской как ранее, так и в советский период привлекли внимание исследователей и подверглись специальному изучению [74]. Из отдельных собирателей древностей, лишь эпизодически производивших поездки по отдельным районам края, можно упомянуть К. Н. Россикова, Н. А. Полякова и других лиц.

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война на целое пятилетие — до 1919 г. прервала на Северном Кавказе всякие археологические работы.

---

67 ОАК, 1907, стр. 91—93.

68 Архив ИИМК АН СССР. Л., 1907, д. 93.

69 Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. «Тр. ГИМ», вып. VIII, 1938, стр. 40.

70 ИАК, 1912, прибавление к вып. 46, стр. 132—135.

71 ОАК, 1913, стр. 226; 1914, стр. 229; ИАК, 1913, прибавление к вып. 52, стр. 76, 93; «Труды Ставропольской ученой архивной комиссии», вып. V.

72 ОАК, 1914, стр. 229; 1915, стр. 232.

73 Ф. С. Гребенец. Древнейшие могильники в Ассинском ущелье. «Терские ведомости», Владикавказ, 1914, № 54—56; его же. По Алханчуртовской и Сунженской долинам. Газ. «Терские ведомости», Владикавказ, 1914, № 58—60.

74 Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 44. Тифлис, 1915; А. А. Захаров. Древности из Ассинского ущелья. «Известия Чеч.-Инг. НИИ», т. IV, вып. 2. Орджоникидзе — Грозный, 1934—1935, стр. 129—142.

Таково краткое изложение результатов археологической деятельности, производившейся на Северном Кавказе в дореволюционный период.

Подводя итог историко-археологическому изучению Северного Кавказа в доктябрьский период, прежде всего нужно отметить отсутствие какой-либо системы и плановости в производившейся работе. Почти все разыскания дореволюционных лет сопровождались случайными раскопками и исследованиями, обычно определявшимися личными интересами производителей этих работ. Приступая к обследованию района или вскрытию памятника, ни один исследователь никаких больших археологических и историографических задач перед собою не ставил.

Главным недостатком всех выполненных работ являлся факт полной недооценки наиболее важных источников исторического исследования, какими являются бытовые памятники — древние поселения. Как правило, они даже не фиксировались и не изучались.

Основной упор делался на памятники, известные уже из письменных документов и в особенности на христианские памятники. Весьма показательным является тот, например, факт, что в 1886 г. В. Ф. Миллеру, одному из лучших кавказоведов того времени, в инструкции, которую он получил от Московского археологического общества, отправляясь на Кавказ, «было поставлено на первый план собирание сведений о монументальных остатках древнего христианства» [75]. Конечно, при такой целевой установке полевой изыскательской работы только случайно открытые и только особо оригинальные археологические объекты могли привлечь внимание исследователей и подвергнуться более пристальному изучению, как это и было с знаменитым могильником у сел. Верхний Кобан в Северной Осетии. Естественно, что и другие, не менее важные археологические памятники и в особенности поселения и места производственной деятельности их обитателей, лежали втуне и ждали археолога.

Следует также признать, что центральные археологические учреждения царской России — Археологическая комиссия (в Петербурге) и Археологическое общество (в Москве) по-настоящему не являлись ни организующими, ни тем более планирующими археологическую работу в стране организациями. Нередко они поручали выполнение тех или иных разведочных и раскопочных работ отдельным лицам, сами иногда находясь во власти случая или интересов того или иного исследователя-дилетанта, который не обладал необходимыми навыками полевой археологической практики. Так, например, в 1914 г. Археологическая комиссия поручила зоологу А. Л. Млокосевич, кроме сбора зоологических коллекций, производство раскопок в Дагестане [76]. Естественно, что многие из таких исследователей увлекались приобретением у местного населения случайно найденных вещей или добытых путем хищнических раскопок древних памятников.

Нужно также отметить, что теоретическим вопросам в Археологической комиссии и в Московском археологическом обществе не уделялось должного внимания. Применявшаяся методика полевых исследований находилась на низком уровне. Шурфы,

---

[75] МАК, вып. 1, М., 1888, стр. 1.

[76] ОАК, 1914, стр. 160.

небольшие квадратные колодцы и узкие траншеи были обычными полевыми приемами раскопок курганов и могильников. Раскопки большими площадями не практиковались. Графическая документация исследуемых памятников оставляла желать много лучшего. Проявлялось полное пренебрежение к антропологическому, палеоботаническому и остеологическому материалу, а подчас даже к керамике, если она находилась в фрагментарном состоянии. Механическое разделение по музеям добытых комплексов практиковалось даже в стенах Археологической комиссии. Таково было состояние кавказской археологии в дооктябрьский период.

Настоящая деловая связь центральных учреждений с местными музеями, обществами и отдельными деятелями отсутствовала. Особенно в этом убеждаешься на примере деятельности В. И. Долбежева.

В полном соответствии с состоянием полевой работы находилась и публикация археологических материалов. Сведения о произведенных работах, за исключением текстов справочного характера, регулярно публикуемых в отчетах Археологической комиссии, не систематизировались. Многое, иногда при этом написанное на невысоком научном уровне, было разбросано по различным и преимущественно местным периодическим изданиям. Большинство же материалов осталось совсем неопубликованным.

За весьма редкими исключениями сводные публикации археологических материалов не практиковались. Счастливым исключением является издание каталога коллекций Тифлисского музея (Museum Caucasicum) [77], подготовленное П. С. Уваровой по территориальному принципу, с нарушением хронологического порядка.

Главный же недостаток всей дореволюционной деятельности археологов заключался в том, что ими не делалось даже попыток серьезно подойти к каким-либо историческим обобщениям или хотя бы к научной систематизации всего материала по эпохам и территориям.

И тем не менее, если мы сейчас имеем в своем распоряжении обильные коллекции самых разнообразных и разновременных археологических источников, сосредоточенных в центральных и местных музеях, то этим мы обязаны как богатству памятников, оставшихся от прошлой жизни племен и народов Кавказа, так и усилиям той группы местных интеллигентов-краеведов, для которых археология не была ни специальностью, ни долгом службы.

Самоотверженно трудясь и собирая в часы досуга памятники древности, они сохранили для будущих исследователей-историков нередко ценнейшие вещественные источники по истории одной из очень интересных в археологическом отношении областей нашей Родины — Кавказа, в частности и Северного Кавказа.

Коренной перелом в изучении края наступил только после Великого Октября. Совершившаяся в России в 1917 г. Великая Октябрьская социалистическая революция, разрушившая устои старого строя, одновременно уничтожила бессистемность и бесплановость в развитии хозяйства, науки и культуры, которые были свойственны

[77] П. С. Уварова. Коллекция Кавказского музея, т. V, «Археология», Тифлис, 1902.

капиталистической России. Октябрьская революция раскрепостила угнетенные народы Российской империи, пробудила и вызвала к жизни творческие силы и инициативу народных масс.

Народы Кавказа, получив свою автономию и право развивать свое хозяйство и свою, национальную по форме и социалистическую по содержанию, культуру, стали проявлять повышенный интерес к прошлому своего края, к его богатствам, к своей истории и особенностям своей культуры.

После успешного завершения гражданской войны, в ряде городов Северного Кавказа, ставших центрами созданных Советской властью национальных областей, а позднее и республик, возникли вузы, музеи и научно-исследовательские институты, приступившие к плановому изучению своих территорий (Майкоп, Черкесск, Пятигорск, Нальчик, Орджоникидзе, Грозный, Махачкала и др.).

Разумеется, наиболее прочную научную базу в первую очередь приобретали такие центры, которые уже имели какой-то опыт и традиции в научно-исследовательской и собирательской работе. Таким центром, например, справедливо оказался главный город б. Терской области Владикавказ (ныне Орджоникидзе), где Археологический музей существовал уже с 1897 г.

Позднее в работу по историко-археологическому изучению края включились центральные научные учреждения и организации, ставившие своей целью восстановление последовательных этапов исторического развития местного разноплеменного и разноязычного населения с древнейших времен. Экспедиционная деятельность центральных учреждений проводилась в контакте с местной научной общественностью.

В 1920 г. на базе б. Терского областного музея с широким привлечением местных научных сил в г. Владикавказе был создан Северокавказский институт краеведения. Он просуществовал до 1927 г.

Еще в условиях гражданской войны на Кавказе, в 1919 г., археолог М. А. Радищев (ранее работавший в Поволжье) произвел обследование окрестностей г. Владикавказа и вскрыл два небольших кургана, относящихся к докобанскому периоду [78]. Датировка их была определена лишь гораздо позднее, в наши дни [79].

Начиная с 1920—1921 гг. и вплоть до второй мировой войны на территории современной Северо-Осетинской АССР и западной половины Чечено-Ингушской АССР развернулась планомерная, систематически проводившаяся экспедиционная работа под руководством проф. Л. П. Семенова, художника-архитектора И. П. Щеблыкина [80] и других лиц.

Экспедициями, организованными разными учреждениями края, педагогическими и научно-исследовательскими институтами, музеями и другими учреждениями и

---

[78] Л. П. Семенов и А. Г. Кастуев. Музей краеведения Северной Осетии. Дзауджикау, 1948, стр. 33; Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии. «Известия Сев.-Осет. НИИ», Дзауджикау, 1948, стр. 61.

[79] Б. Е. Деген-Ковалевский. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 243, рис. 40, № *1—9*; Е. И. Крупнов. Рецензия на т. XII «Известий Сев.-Осет. НИИ». СЭ, 1950, № 4, стр. 213.

[80] Л. П. Семенов. Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952.

проведенными под руководством Л. П. Семенова, были охвачены почти все горные, а частично и равнинные районы края. Эти изыскания производились из года в год по определенному плану, преследовали комплексное изучение древних памятников районов и ознаменовывались крупными научными достижениями. В отличие от прошлых археологических задач полевой работы Л. П. Семенов, наряду с изучением погребальных и культовых памятников, особое внимание уделял бытовым сооружениям (башням, замкам и поселкам), правда, средневековым. Аналогичные памятники более древних эпох были выявлены слабо.

Проведенные проф. Л. П. Семеновым этнографо-археологические работы по обследованию и всестороннему изучению средневековых групп археологических объектов определенных районов Северо-Осетинской АССР, западной половины Чечено-Ингушской АССР, ставят эти районы на одно из первых мест по их изученности, по сравнению с другими районами Северного Кавказа.

Результаты многолетних экспедиций имеют особенно большую научную ценность для средневековой истории этих республик. Экспедициями собран обильный вещественный как археологический, так и этнографический материал, ныне хранящийся в Северо-Осетинском республиканском музее (в г. Орджоникидзе), в Чечено-Ингушском республиканском Музее краеведения (в г. Грозном), а частично и в Государственном Историческом музее (Москва).

Добытые этими экспедициями материалы не лежали втуне. Они систематически освещались проф. Л. П. Семеновым в соответствующих томах «Ученых записок», «Известий» и в других изданиях местных и центральных научно-исследовательских учреждений[31] и справедливо получили положительную оценку в нашей печати[32].

Успешному обследованию и археологическому изучению соседней с Осетией территории Кабардино-Балкарии в значительной степени способствовало открытие в 1921 г. в Нальчике Областного музея краеведения. Рост и развитие Нальчикского музея тесно связаны с именем и деятельностью неутомимого краеведа, энтузиаста М. И. Ермоленко, ранее работавшего в Ставрополе и Владикавказе.

Не имея достаточной научной и специальной археологической подготовки, М. И. Ермоленко кропотливо собирал и довольно верно определял все находки, обладающие признаками утилизации их древним человеком. Установив широкие связи с местным населением, М. И. Ермоленко всемерно использовал их в целях пополнения коллекций Нальчикского музея. Кроме того, он и сам производил раскопки памятников материальной культуры и прежде всего курганов. В результате за сравнительно короткий срок в музее накопился значительный, разнообразный и весьма интересный материал, характеризующий преимущественно эпохи энеолита, бронзы и раннего железа, не имевший равного в других музеях Кавказа.

---

[31] «Известия Ингушского НИИ краеведения», т. I. Владикавказ, 1928; т. II—III, 1930; т. IV, Орджоникидзе — Грозный, 1934—1935. «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. XII. Дзауджикау, 1948; Л. П. Семенов. Эволюция ингушских святилищ. «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV. Москва, 1929.

[32] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. «Записки чечено-ингушского НИИ языка и истории», т. I. Грозный, 1938, стр. 3; Е. И. Крупнов. Рецензия на т. XII «Известий Сев.-Осет. НИИ», СЭ, 1950, № 4, стр. 213.

Правда, в большинстве случаев поступающий материал не являлся полноценным в научном отношении (особенно раскопочный материал), ибо он не сопровождался полной полевой документацией. Тем не менее для последующего изучения всех древних этапов местной истории он имел большое значение. Даже случайный, часто очень невыразительный материал, собранный М. И. Ермоленко, представлял собой научную ценность, так как сигнализировал о наличии на территории Кабардино-Балкарии ряда иногда весьма важных памятников древности. Так, например, находки каменных орудий, собранных М. И. Ермоленко в окрестностях г. Нальчика, позднее послужили поводом для исследования экспедиций ГАИМК Агубековского неолитического поселения и замечательного Нальчикского кургана № 1 (правильнее могильника), являющегося древнейшим могильником на всей территории Северного Кавказа.

Краткая информация о памятниках Кабардино-Балкарии, обследованных М. И. Ермоленко, содержится в ряде брошюр-заметок, опубликованных им [83].

Строго научный характер приняли археологические работы на Северном Кавказе лишь с организацией в ГАИМК в 1923 г. специальной Северо-кавказской экспедиции под общим руководством проф. А. А. Миллера.

Собственно первые археологические разведки были начаты А. А. Миллером еще в 1917 г., когда он вместе с С. Н. Замятниным обследовал предгорные районы центральной части Северного Кавказа и в частности окрестности г. Нальчика.

Организованная ГАИМК Северо-кавказская экспедиция уже в 1924 и 1925 гг. осуществила ряд ценных разысканий по древней истории и археологии Северной Осетии и Кабардино-Балкарии [84]. Тогда же был составлен первоначальный план систематического изучения Северного Кавказа с упором на исследования в первую очередь таких памятников, которые бы дали материал для социально-экономической характеристики прошлого края. Раньше всего было намечено изучение древних поселений, т. е. поставлена задача совершенно новая по сравнению с целями и задачами дореволюционной археологии. Таким образом, в самом начале работ этой экспедиции были выдвинуты проблемы историко-хозяйственного и историко-культурного характера, т. е. наметился подлинно исторический аспект в изучении памятников края. По ряду причин, к осуществлению этого плана удалось приступить лишь в 1929 г. и начать с обследования Кабардино-Балкарии. С этого года здесь проводились крупные стационарные археологические работы при участии Нальчикского музея, под общим руководством проф. А. А. Миллера. В начале 30-х годов нашего столетия были исследованы такие исключительно важные в научном отношении памятники неолита, энеолита и эпохи бронзы Северного Кавказа, как Агубековское поселение, Нальчикский могильник, Долинское поселение и другие.

---

[83] М. И. Ермоленко. Древние христианские храмы близ Нальчика. «Тр. Ставропольской ученой археологической комиссии», вып. 1, 1910; его же. Кабардинский областной музей. Владикавказ, 1928; его же. Путеводитель по Кабарде. Нальчик, 1928; его же. Неолитическая стоянка в пределах Кабардинской автономной области. Нальчик, 1929 и другие.

[84] А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах. СГАИМК, 1926, № 1, стр. 71—142.

Краткая информация об этих работах и первые итоговые наметки были изложены руководителем экспедиции А. А. Миллером в докладах и статьях, опубликованных им тогда же [85].

В 1933 г. территорию строительства БаксанГЭС детально обследует Б. Е. Деген-Ковалевский, зафиксировавший ряд новых археологических объектов и произведший раскопки некоторых памятников раннего средневековья [86].

В следующем 1934 г. работы на территории БаксанГЭС были продолжены А. А. Иессеном [87]. Они также расширили и уточнили наши представления об археологии Кабардино-Балкарии разных эпох.

В результате всех этих полевых изысканий работниками ГАИМК был добыт значительный археологический материал, не только погребальных, но и бытовых, ранее не изучавшихся памятников, распределяющихся во времени от эпохи камня до позднего средневековья. Первостепенный научный интерес имеют коллекции, добытые при исследовании археологических объектов, относящихся к неолиту и к самому началу медио-бронзового века — энеолиту. Их научная значимость выходит далеко за пределы самой Кабардино-Балкарской республики, ибо такие памятники как Нальчикский могильник и некоторые другие знаменуют собою целый этап в древнейшей истории всего Кавказа. Научное освещение всего добытого материала нашло свое выражение в подготовленном коллективом экспедиции и изданном Институтом истории материальной культуры АН СССР накануне Великой Отечественной войны, специальном томе «Материалов и исследований по археологии СССР» № 3 [88].

Нельзя не отметить и тот отрадный факт, что по существу на опыте крупных экспедиционных работ в Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе выросли научные работники и оформились как кавказоведы, тогда еще молодые археологи — Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, а также А. П. Круглов, Б. Е. Деген-Ковалевский, Г. В. Подгаецкий, А. В. Мачинский и С. Н. Аносов, из которых многие безвременно погибли; А. П. Круглов и С. Н. Аносов — на поле брани в боях с фашистскими захватчиками, Б. Е. Деген-Ковалевский и Г. В. Подгаецкий— в блокированном фашистами Ленинграде.

В 30-е годы Б. Б. Пиотровским, М. И. Артамоновым и А. П. Кругловым были проведены работы в восточных районах края, из которых в аспекте настоящей работы особенно большого внимания заслуживают исследования, осуществленные Б. Б. Пиотровским в районе г. Моздок в 1933 и 1936 гг., когда были исследованы

---

[85] Северо-Кавказская экспедиция в 1929 г. СГАИМК, 1931 г., № 3, стр. 26—30; А. А. Миллер. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. СГАИМК, 1932, № 9/10, стр. 63—67; его же. Работы Северо-кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 1—2, стр. 47—51.

[86] Б. Е. Деген-Ковалевский. Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. «Известия ГАИМК», вып. 110, 1935.

[87] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», 1941, стр. 220.

[88] МИА, 3, 1941. До середины 1946 г. весь тираж этого тома считался погибшим в блокированном немцами Ленинграде. Как выяснилось в 1947 г., значительная часть тиража все же сохранилась. Этим и объясняется неточность данных об этом томе, приведенных нами в «Кратком археологическом очерке Кабардинской АССР», изданном в Нальчике в 1946 г.

разновременные курганы и могильник скифского времени [89]. В 1935 г. А. А. Миллером от ГАИМК было обследовано в железнодорожном карьере Моздокское поселение и частично могильник VI—IV вв. до н. э.[90].

Работы М. И. Артамонова и А. П. Круглова в Чечне и в Дагестане привели к открытию Хорочоевского могильника, представляющего новую культуру северо-восточного Кавказа,[91] и могильника интересующего нас времени у сел. Исти-Су[92]. Моздокский комплекс памятников и грунтовой могильник Исти-Су являются новыми археологическими объектами, обеспечившими исследователей, наряду с другими памятниками, важными источниками по нашей теме.

В плане наших задач нельзя не упомянуть и о результатах разведочных работ, проведенных А. А. Иессеном в Пятигорье и Кабардино-Балкарии, закончившихся фиксацией интересных бытовых памятников — древних поселений и городищ, к сожалению, автором не исследованных[93].

Одновременно с вышеперечисленными работами сотрудников Северо-кавказской экспедиции ГАИМК, начиная с 30-х годов, довольно планомерно проходила экспедиционная деятельность Государственного Исторического музея (Москва) и ряда местных музеев и научно-исследовательских учреждений под руководством автора этих строк. Работами были охвачены отдельные районы Чечни, Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, где были обнаружены, а в большинстве случаев и исследованы, памятники интересующего нас времени, в том числе и бытовые — древние поселения. Основные итоги этих исследований были предварительно обнародованы автором данной работы в отдельных публикациях, статьях, докладах и информационных заметках, напечатанных в серии «Кратких сообщений» и «Материалах и исследованиях по археологии СССР», издаваемых ИИМК АН СССР, «Трудах» Государственного Исторического музея, «Ученых записках» Кабардинского научно-исследовательского института, Грозненского музея краеведения и в других изданиях центральных и местных музеев и научно-исследовательских учреждений [94].

---

[89] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940.

[90] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, стр. 238—248.

[91] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. (тезисы кандидатской диссертации). КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130—133; его же. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 111; его же. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938.

[92] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950.

[93] Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. СГАИМК, 1931, № 3, стр. 26—30.

[94] Е. И. Крупнов. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XV, 1947; его же. Северо-Кавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XVII, 1947; его же. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948; его же. Северо-кавказская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, 1947; его же. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXIV, 1949; его же. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXVII, 1949; его же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950; его же. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 44, 1954; его же. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа. КСИИМК, вып. 60, 1955; его же. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. «Тр. ГИМ», вып. VIII, 1938; его же. Каякентский могильник — памят-

Следует также признать, что значительную лепту в дело накопления и исторического освещения археологического материала Северного Кавказа внесли и такие советские исследователи как В. А. Городцов [95], А. А. Захаров [96], С. Н. Замятнин [97], Е. Г. Пчелина [98], В. В. Лунин [99], Т. М. Минаева [100], Е. П. Алексеева [101], К. Ф. Смирнов [102], К. Э. Гриневич [103], Н. В. Анфимов [104], С. С. Куссаева [105], П. Г. Акритас [106] и другие археологи.

Наконец, мы не должны забывать и того вклада в дело сбора, учета и хранения в музеях материальных исторических источников, какой сделан отрядом крае-

---

ник древней Албании. «Тр. ГИМ», вып. XI, 1940; его же. Археологические памятники Ассинского ущелья. «Тр. ГИМ», вып. XII, 1941; его же. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Тр. ГИМ», вып. XVII, 1947; его же. Жемталинский клад. «Памятники культуры», вып. IV, М., 1952; его же. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным. «Уч. зап. КНИИ», т. II, 1947; его же. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Карбардинской АССР. «Уч. зап. КНИИ», т. IV, 1948; его же. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950; его же. Из итогов археологических работ. «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. IX, Владикавказ, 1940; его же. К историко-археологическому изучению Грозненской области. «Известия Грозненского института и музея краеведения», вып. 1, Грозный, 1948.

[95] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в месте развалин г. Маджар в 1907 году. «Тр. XIV АС», т. III, 1911, стр. 162—208.

[96] А. А. Захаров. Древности из Ассинского ущелья. Дзауджикау, 1934—1935, стр. 129.

[97] С. Н. Замятнин. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. ИГАИМК, вып. 10, 1935.

[98] Е. Г. Пчелина. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лай. «Тр. Секции археологии РАНИОН», вып. IV, 1929.

[99] Б. В. Лунин. Советский Северный Кавказ. Ростов/Дон, 1930, № 12—13; его же. Моздокский могильник. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 1—2.

[100] Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске, КСИИМК, вып. XVI, 1947; его же. Следы древнейших выработок металлических руд в ущелье р. Маруха. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952; ее же. Могильник Байтал-Чапкан. «Сборник материалов по изучению Ставропольского края», вып. 2—3, Симферополь, 1950; ее же. Археологические памятники на р. Гилян в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951.

[101] Е. П. Алексеева. Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949.

[102] К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИИМК, вып. XXVI, 1949; его же. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, вып. XXXII, 1950; его же. О некоторых итогах исследований могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. КСИИМК, вып. XLV, 1952; его же. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951.

[103] К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23, 1951.

[104] Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, 1947; его же. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, 1952; его же (совместно с М. В. Покровским). Карта древнейших поселений и могильников Прикубанья. СА, IV, 1937; К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949.

[105] С. С. Куссаева. Некоторые итоги археологических раскопок катакомбного могильника в станице Змейской. «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. XVII, Орджоникидзе, 1946.

[106] П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. «Уч. зап. КНИИ», т. I, 1947; его же. Археологические работы в Кабарде в 1954 г. «Уч. зап. КНИИ», т. X, 1955.

ведов-энтузиастов Северного Кавказа, таких, как Н. М. Егоров, А. П. Рунич и Н. М. Рыбенко (Пятигорск), М. П. Севостьянов (Грозный), М. И. Исаков (Махачкала), Л. Д. Шевцова и Г. М. Бициев (Орджоникидзе) и другие местные музейные работники.

В итоге более чем векового и довольно плодотворного изучения древностей Центрального Предкавказья усилиями ряда поколений ученых, краеведов и просто любителей археологии, в особенности же за советский период, когда так оживилось краеведение и массовый интерес к прошлому, были собраны огромные коллекции вещественных исторических источников, необходимых для суждения о древних судьбах населения Северного Кавказа.

Но изучение края не ограничивалось только сбором и хранением музейных материалов. Одновременно производились опыты систематизации, хронологического определения, установления взаимосвязей, происхождения и подлинно исторического освещения всех источников.

Мы оставляем в стороне попытки изучения и интерпретации северокавказских древностей, предпринимавшиеся дореволюционными авторами, исходившими из признания вековой отсталости горцев Кавказа (как В. Ф. Миллер) или совершенного отрицания самобытного характера истории и культуры народов Кавказа, развивавшихся якобы только под благотворным влиянием арийцев, пришедших на Кавказ из придунайских стран (Вильке [107], Гёрнес [108] и др.). Они уже получили должную критическую оценку в советской кавказоведческой литературе [109]. Рассмотрим кратко обобщающие труды, освещающие историю Северного Кавказа и содержащие периодизацию или историческую характеристику местных памятников материальной культуры, вышедшие в свет за советский период.

Несомненно, к серии таких работ относится ряд статей А. А. Миллера об итогах работы Северокавказской экспедиции, где, правда, очень эскизно,излагаются некоторые соображения о социально-экономической структуре кавказского родового общества в разные периоды его бытования в равнинной и в нагорной зонах края [110]. Мы уже имели случай в свете новых данных уточнить вопрос о скотоводческо-земледельческом характере хозяйства обитателей предгорий Северного Кавказа во II тысячелетии до н. э. (в противовес миллерскому утверждению о земледелии как основе

---

[107] G. Wilke. Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und dem unteren Donaugebiet. «Zeitschrift für Ethnologie», Wien, 1904, S. 9—104.

[108] М. Гёрнес. Культура доисторического прошлого. М., 1914.

[109] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 207—208; Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XII В. Тбилиси, 1944; «Известия АН Арм. ССР», № 1—2, Ереван, 1945; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949; Е. И. Крупнов. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным. «Уч. зап. КНИИ», т. II, 1947; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии. МИА, 23, 1951, стр. 13—19.

[110] А. А. Миллер. Работы Северокавказской экспедиции в 1932 г. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 1—2, стр. 47—51; его же. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. СГАИМК, 1932, № 9—10, стр. 66—67.

хозяйства)[111], а также исправить укоренившееся в кавказоведческой среде (после работ А. А. Миллера) представление о довольно позднем заселении человеком (якобы только в кобанский период) высокогорных районов центральной части Северного Кавказа. Картографированием древнейших памятников, находящихся на высоте, иногда превышающей 2000 м над уровнем моря и тяготеющих к древнейшим перевальным путям, ведущим в Закавказье, мы доказали заселенность высокогорных районов, в частности Северной Осетии, не случайно появившимися здесь жителями равнин и предгорий и зафиксировали оседлый характер жизни древних обитателей этих мест, начиная с III тысячелетия до н. э.[112]

Трудно переоценить значение для изучения северокавказской древнейшей истории монографии А. А. Иессена «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе», изданной в 1935 г. В ней автор кропотливо собрал все археологические данные и, сопоставив их, убедительно доказал наличие глубоких истоков местной металлургии Кавказа. Он установил, что уже во II тысячелетии до н. э. северокавказская металлургия меди переживала блестящий расцвет[113]. Своими выводами А. А. Иессен убедительно опроверг миграционные построения некоторых зарубежных ученых о заносном происхождении кавказской металлургии меди и металлообработки (Вирхова, Шантра, Моргана, Вильке, Гёрнеса и др.).

Книга А. А. Иессена долго еще будет служить важным пособием для кавказоведов как первая сводная работа по материальным источникам края. К сожалению, целям, поставленным в нашей работе, монография А. А. Иессена отвечает мало, так как автор заканчивает в ней обзор и оценку материала, как раз перед той эпохой (именно скифской), которой мы главным образом и посвящаем наше исследование.

Безусловно, крупным явлением в кавказоведческой литературе стала также уже отмеченная ранее книга, подготовленная авторским коллективом Северокавказской экспедиции ГАИМК, посвященная археологии Кабардино-Балкарии[114]. Основная научная ценность этого сборника состоит в том, что в нем намечена относительная хронология многих памятников не только Кабардино-Балкарской АССР, но и сопредельных районов, и дана первая попытка единой периодизации памятников материальной культуры Северного Кавказа, начиная с эпохи неолита и кончая концом эпохи бронзы. В нем одновременно дано представление и о социально-экономическом укладе, характерном для каждой эпохи. Но и в этом томе материалы по интересующей нас эпохе отсутствовали.

Нельзя здесь же не отметить, что совершенно в ином плане делались попытки историко-культурного освещения древних памятников Северного Кавказа рядом

---

[111] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Труды ГИМ», вып. XVII, М., 1948, стр. 16—17.

[112] Е. И. Крупнов. Предисловие к МИА, 23, 1951, стр. 13; его же. Материалы по археологии Северной Осетии. МИА, 23, 1951, стр. 74.

[113] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935 (см. нашу рецензию на труд А. А. Иессена в журн. «Советское краеведение», 1936, № 11)

[114] МИА, 3, 1941 (см. наши рецензии на этот том МИА в ВДИ, № 4, 1947 г. и в «Ученых записках КНИИ», т. II, 1947).

зарубежных ученых, например, финским археологом А. М. Тальгреном, венским профессором Ф. Ганчаром и другими учеными, пользующимися источниками из вторых и третьих рук. Они применяли по преимуществу формальный метод анализа фактического материала, абсолютно без учета местной этнографической среды, что нередко приводило к искажению исторического процесса, протекавшего на территории Кавказа.

Так, например, А. М. Тальгрен, посвятив специальное исследование знаменитому Казбекскому кладу и полностью игнорируя местную культурную среду, пришел к выводу о сильном влиянии на древнее искусство Кавказа XIII—XII вв. до н. э. хеттской культуры; одновременно он доказывал сильное влияние хеттов даже на архаическое искусство южной России [115].

Ф. Ганчар, более углубленно занимавшийся древним прикладным изобразительным искусством и, в связи с этим, памятниками материальной культуры Кавказа, оценивал культурные явления древней истории Кавказа лишь с узко искусствоведческих позиций, к тому же связанных у него с расовой теорией, антиисторически объясняющей происхождение явлений культурного прогресса [116]. Методологически для нас неприемлемые, некоторые из этих работ, тем не менее, не лишены интереса, с точки зрения источниковедческой и в плане типологического анализа сравнительных материалов.

Прямо отвечающей задачам нашей темы явилась небольшая, но содержательная работа А. А. Иессена, посвященная определению места Моздокского могильника раннескифского времени в ряду других памятников Северного Кавказа [117].

Материал Моздокского могильника позволил автору поставить вопрос о необходимости выделения из северокавказских памятников группы источников скифского облика. Такая постановка вопроса оказалась вполне закономерной. Но историческая интерпретация Моздокского могильника и группы синхронных и культурно близких ему памятников дана А. А. Иессеном в духе господствовавшего тогда марровского учения о стадиальности автохтонного исторического процесса. Последователи теории Н. Я. Марра утверждали, что различные культуры, сменявшие друг друга на одной и той же территории, иногда даже принадлежавшие разным народам, являются не чем иным, как стадиями местного (автохтонного) процесса развития. Очевидно, следуя небезызвестным тезисам А. А. Миллера («Тезисы к вопросу о скифах» [118]) и справедливо признав генетическую связь моздокского материала с кобанской

---

[115] А. М. Tallgren. Caucasian monuments. The Kazbek Treasure. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 109 и сл. (дана библиография); А. М. Tallgren. Kaukasische anthropomorphe Figuren und der vorderasiatische Kulturkreis. IPEK, Berlin. 1930, стр. 48.

[116] Fr. Hančar. Probleme des Kaukasischen Tierstils. Wien, 1935. «Sonderabdruck aus den Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd. LXV, стр. 283 и сл.; Fr. Hančar. Ross und Reiter im urgeschichtlichen Kaukasus. «Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst», B. I. Berlin und Leipzig, 1935.

[117] А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа. Моздокский могильник, Л., 1940.

[118] А. А. Миллер. Тезисы к вопросу о скифах. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 19.

культурой горного Кавказа, А. А. Иессен счел возможным рассматривать этот материал как отображение наличия скифской стадии в истории местных племен, стадии якобы связанной с развитием у них кочевого или полукочевого скотоводства [119], что, однако, совершенно не подтверждается источниками [120].

Как известно, некоторые тезисы (4-й и 5-й) А. А. Миллера содержат прямое указание на то, как различные оседлые племена — не скифы, превращались в скифов, в связи с переходом к кочевому способу хозяйства. Вот примеры:

«4. ...прежние оседлые общества, связанные земледелием с овражными долинами и пойменными лугами рек, с небольшим количественно развитием домашнего скота, преобразуют всю свою хозяйственную систему качественно, овладевают степью и делаются теми кочевниками-скифами, которых описали древние авторы.

5. Однако не все оседлое население речных долин преобразовало свою хозяйственную систему в скотоводческую по преимуществу и производственно овладело степью. Оседлое население в некоторой части осталось на прежних местах, таким образом и оформилось известное сосуществование двух различных систем — скифов-кочевников и скифов-пахарей...» [121]. И все эти заключения механически переносились и на территорию Северного Кавказа. Так, например, дальше писалось:

«Весь этот исторический процесс образования скотоводио-кочевой системы, происходившей в степях, имеет известные черты сходства в последовательном освоении древним обществом высокогорных ксерофитных котловин на Кавказе, что происходит одновременно с развитием стадного скотоводства» [122].

Так марровская установка на обязательную автохтонность и стадиальную трансформацию уводила исследователя от возможности выявить конкретные реально-исторические связи, некогда существовавшие между племенами Северного Кавказа и населением геродотовой Скифии. В результате искажалась подлинно историческая жизнь былых насельников края, развивавших свою культуру в широком общении и связях с окружающими народами, проявлявшихся в разных формах.

В целом верное, на наш взгляд, истолкование интересных комплексов из раскопанного еще А. П. Кругловым могильника Исти-Су дала издавшая их О. А. Артамонова-Полтавцева [123]. Культура, представленная материалами могильника Исти-Су, уходящая своими корнями еще в эпоху поздней бронзы, отражает, по мнению автора, лишь скифский этап, скифский период в истории Северного Кавказа. Оформляется она в VI—V вв. до н. э. не в результате смены хозяйственных форм, а «за счет появления некоторых новых культурных элементов» так называемой скифской культуры [124].

---

[119] А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа. Л., 1940, стр. 28, 31, 51 (см. рецензию Б. Е. Деген-Ковалевского на эту работу в КСИИМК, вып. XI, 1946, стр. 142).

[120] Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 40.

[121] А. А. Миллер. Тезисы к вопросу о скифах. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 19.

[122] Там же.

[123] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период, СА, XIV, 1950, стр. 20—101.

[124] Там же, стр. 69, 100, 101.

Правильным представляется нам и предположение видеть в этом материале своеобразную локальную культуру древнего населения края, связанную, однако (добавили бы мы), не с каякентско-хорочоевской культурой, с которой ее связывает автор, а с позднекобанской.

Характер и особенности кобанской культуры в поздней стадии ее развития, осложненного установившимися взаимоотношениями со скифской культурой, убедительно показала в своей кандидатской диссертации Е. П. Алексеева [125]. Она же наметила возможность выделения даже в пределах одной Северной Осетии локальных вариантов изучаемой культуры.

Наконец, в самое последнее время материал предскифского и скифского периодов с территории Северного, преимущественно Северо-Западного Кавказа, в ряде своих работ интересно осветил А. А. Иессен [126]. Ему удалось выделить особые комплексы материальной культуры, характеризующие культуру Прикубанья переходного периода от бронзы к железу, справедливо названной им прикубанской культурой, синхронной кобанской и колхидской культурам; затем он же наметил предскифский, точнее киммерийский этап в истории северо-западного Кавказа и доказал зарождение скифской триады (оружие, конский набор и звериный стиль) где-то в Прикубанье. Успешное выяснение отдельных общих и частных вопросов А. А. Иессеном оказалось очень важным и для данной темы, о чем подробно будет сказано в соответствующих частях нашей работы.

Попытки исторического освещения прошлой жизни отдельных районов центральной части Северного Кавказа содержатся и в ряде работ автора этой монографии [127]. В некоторых из них также ошибочно применялся термин стадия, хотя не в марровском абстрактно-социологическом толковании, а в культурно-историческом, характеризуя этим термином хронологически определенный этап местного развития, осложненный прежде всего тесными взаимосвязями с определенным культурным миром древности, в частности со скифским.

Ряд других авторов в разной степени также способствовали делу правильного исторического освещения памятников материальной культуры Северного Кавказа

---

[125] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949.

[126] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951; его же. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР, СА, XVIII, 1953; его же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», 1954.

[127] Е. И. Крупнов. Кавказ в I тысячелетии до н. э. «Советский музей», № 5, 1936; его же. Археологические памятники Ассинского ущелья. «Тр. ГИМ», вып. XII, 1941; его же. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946; его же. К вопросу о культурных связях Северного Кавказа по археологическим данным. «Уч. зап. КНИИ», т. II, 1947; его же. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Тр. ГИМ», вып. XVII. М., 1948; его же. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXIV, 1949; его же. Древнейший период истории Кабарды. «Сборник по истории Кабарды», вып. 1. Нальчик, 1950; его же. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951; его же. Древняя история Кабарды (История и культура племен Кабардино-Пятигорья и северо-западного Кавказа в I тысячелетии до н. э.). «Уч. зап. КНИИ», т. VII, 1952.

скифского времени: М. И. Артамонов [128], М. В. Покровский [129], Б. В. Скитский [130], В. И. Абаев [131], Н. В. Анфимов [132] и другие.

Таким образом в итоге длительного археологического изучения Северного Кавказа собран не только значительный материал, но и проделан определенный опыт изучения разных периодов истории отдельных районов края. Тем самым были найдены серьезные предпосылки для создания сводной, подлинной научной истории разноязычного населения Северного Кавказа с древнейших времен. К выполнению этой почетной задачи, являющейся общей целью исторических исследований советских историков и археологов в области изучения Северного Кавказа, уже приступлено. Известно, что уже вышли из печати коллективные труды: «История Северной Осетии» [133], «История Кабарды» [134], «Очерки по истории Адыгеи» [135], «Очерки по истории Дагестана» [136] и другие. Но вместе с тем при оценке недавнего опыта сбора и изучения исторических источников для сводных трудов по истории этого многоязычного края мы не можем не признать, что ряд общих историко-археологических проблем, стоящих перед кавказоведами, остался еще не решенным. Например, проблемы палеолита, этногенеза, культуры раннего железа, позднего средневековья и некоторые другие. Кроме того, в силу ряда причин, о которых говорилось выше, еще не все районы Северного Кавказа обследованы и изучены (например, Чечня), а отдельные категории собранных источников оказались научно неполноценными.

Эти обстоятельства, конечно, мешают успешному выполнению главной задачи по созданию истории производства материальных благ, социальных отношений и культуры всех народов Северного Кавказа с самых отдаленных времен.

При освещении каждой эпохи в отдельности перед нами также встают нерешенные частные вопросы, иногда далеко не второстепенного характера. Необходимость их решения выдвигает новые задачи, начиная от поисков следов палеолита в центральном Предкавказье до решения вопросов о происхождении древних племенных групп, границах расселения, политических образованиях и социально-экономическом строе народов Северного Кавказа до и после татаро-монгольского нашествия на Северный Кавказ (1222 г.) и др.

---

[128] М. И. Артамонов. Третий Размешный курган у ст. Костромской. СА, X, 1948; его же. К вопросу о происхождении скифов, ВДИ, 1950, № 2; его же. Вопросы истории скифов, в советской науке. ВДИ, 1947, № 3.

[129] М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. «Труды Краснодарского пед. ин-та», т. VI. Краснодар, 1937.

[130] Б. В. Скитский. Очерки по истории осетинского народа. «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. X, Дзауджикау, 1948.

[131] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.— Л., 1949.

[132] Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.

[133] Первый опыт написания истории Осетии сделан проф. Б. В. Скитским. «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. XI, Дзауджикау, 1947; вышел из печати макет т. I «Истории Осетии». Орджоникидзе, 1954; «История Северной Осетии», т. I. М., 1959.

[134] «История Кабарды». М., 1957.

[135] «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1957.

[136] «Очерки по истории Дагестана». Махач-Кала, 1957

Нет нужды перечислять сейчас весь комплекс задач, стоящих перед историками и археологами-кавказоведами, изучающими прошлое народов Северного Кавказа.

Мы отметим только одну, на мой взгляд важную и пока не решенную, проблему, возникающую при изучении истории Северного Кавказа I тысячелетия до н. э.— проблему взаимосвязей населения центрального Предкавказья и носителей скифо-савроматской культуры нашего юга. Посильное решение этой задачи мы и ставим перед собой в данной работе. Материал для этого накопился уже значительный, но он, как справедливо отметил А. А. Иессен еще в предвоенные годы, «никогда не служил предметом специального исследования» [137].

Действительно, как уже говорилось, ни А. А. Спицын в своей содержательной статье «Курганы скифов-пахарей» [138], ни М. И. Ростовцев в своем капитальном труде «Скифия и Боспор» [139], памятников из районов, расположенных восточнее Прикубанья, не рассматривали. Но справедливость требует отметить, что оба автора допускали возможность обнаружения скифской культуры и в центральной части Северного Кавказа. Так М. И. Ростовцев, при всей своей грубо модернизаторской концепции, характеризующей скифское общество как военно-феодальное, якобы создавшееся в результате завоевания пришлыми иранцами местных племен, чью культуру они якобы поглотили, однако признавал возможность в скифоидной культуре Северного Кавказа выделить местные, сугубо кавказские элементы [140], что как раз блестяще подтверждается наличным материалом.

Монографическое изучение всех источников, относящихся к данной теме, можно надеяться, позволит нам не только выявить особенности истории культуры Северного Кавказа I тысячелетия до н. э., развивавшейся во взаимосвязях со скифским культурным миром, но и поможет теснее связать прошлое народов Северного Кавказа с колыбелью нашей отечественной истории — южными районами Восточной Европы. Эта историко-культурная задача весьма интересна; ее решение может пролить свет на глубочайшие хозяйственные и культурные связи, некогда существовавшие между такими сравнительно отдаленными одна от другой областями нашей Родины, как Кавказ и Украина, ныне являющихся опорой хозяйственной мощи Советского Союза.

---

137 А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 28.
138 И. В. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, № 65, 1918, стр. 87.
139 М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925.
140 Там же, стр. 302.

Глава 3

АНАЛИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ О СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Ставя перед собою задачу восстановления истории культуры племен, населявших район центрального Предкавказья в раннежелезный век, мы, естественно, не можем уклоняться от попыток решения вопроса о связях этих племен с какими-либо известными этническими образованиями древности. Иными словами, одновременно с воссозданием исторической картины прошлого мы должны всемерно пытаться наметить и этнографическую карту центрального Кавказа I тысячелетия до н. э. Для успешного достижения поставленной цели прежде всего необходимо иметь в своем распоряжении значительное количество письменных документов, содержащих достоверные данные. А их-то как раз и нет, и прежде всего потому, что своей собственной письменности племена Северного Кавказа, населявшие не только изучаемую нами территорию, но и Прикубанье, не имели. В письменных документах, составленных другими народами древности: ассирийцами, урартами, греками,— племена центральных районов Северного Кавказа также в отдельности не упоминаются. Правда, в соседних районах восточного Причерноморья, на Боспоре в свое время (в эпоху Спартокидов) существовала местная историческая литература, но, к сожалению, и эта литература до нас не дошла. О существовании некогда подобной литературы можно судить по соответствующему разделу «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, в котором чувствуется неизвестный нам боспорский источник, по компиляциям Помпея Трога и по некоторым еще более отчетливым отзвукам этой литературы, сохранившимся в трудах Страбона, Плиния и других античных авторов [1].

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 128; М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 131; Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 241.

Нашим главным, из наиболее ранних, осведомителем о скифах и других племенах Северного Причерноморья является «отец истории» — Геродот (V в. до н. э.). Он, как известно, довольно подробно рисует картины жизни и быта обитателей степной полосы нашего юга до Дона включительно, а также народов Средней Азии. Сведениями же о населении центрального Кавказа, по-видимому, он не располагал совсем, почему эти районы и не упомянуты в его «Истории».

Сочинения других дошедших до нас античных авторов также не содержат прямо интересующих нас данных. Даже о восточных районах Северного Причерноморья, в частности, и о Приазовье и Прикубанье, некоторые древние авторы приводят далеко не полные и отрывочные, а подчас противоречивые и даже неверные сведения.

Таким образом, составить себе более или менее ясное представление о локализации, о жизни и быте древних племен центрального Предкавказья, на основании только письменных источников мы не можем. Лучшими, более достоверными, наиболее объективными и убедительными историческими источниками для того времени служат ставшие уже многочисленными памятники материальной культуры — археологические источники, которые и будут нами максимально использованы в следующих разделах данной главы.

Вместе с тем, мы должны признать, что для решения некоторых побочных вопросов, связанных с восстановлением истории местного населения и его культуры, немаловажными следует считать и те известные события из жизни северных народов, киммерийцев и скифов, упоминающихся в определенной связи с Кавказом в древних письменных восточных и античных источниках.

Наконец, самый факт общего признания исторической наукой массового участия и крупной роли киммерийцев и скифов в том большом движении в Передней Азии и в Закавказье, которое привело к гибели могущественные государства Древнего Востока, Ассирию и Урарту [2], обязывает нас со всем вниманием отнестись к решению вопроса об общем направлении и конкретных путях движения этих северных варваров в южные страны, поскольку, при всех возможных вариантах, они неминуемо должны были пройти через территорию Кавказа, в частности и Северного Кавказа, и оставить там свой ощутимый след в местной среде. Наличие этого следа действительно подтверждается многочисленными памятниками материальной культуры скифского типа, обнаруженными на Кавказе.

Естественно поэтому, что и кавказоведы при постановке некоторых вопросов, связанных с изучением древней истории местного населения и его культуры в VIII—IV вв. до н. э., должны учитывать и такие важные и конкретные факты и события в жизни киммерийцев и скифов, как их военные походы в Переднюю Азию через Кавказ.

Как известно, сами походы или продвижение киммерийцев и скифов через Кавказ ни у кого не вызывали сомнений. И если три десятилетия назад В. Ф. Смолину, специально занимавшемуся вопросом передвижения геродотовских скифов в Передней

---

[2] Б. Б. Пиотровский. *История и культура Урарту*. Ереван, 1944, стр. 298; его же. *Археология Закавказья*. Л., 1949, стр. 121.

Азии, казалось невозможным определить этапы скифского передвижения [3], то в настоящее время исторической наукой определенно установлены три этапа проникновения киммерийских и скифских племен на территорию Передней Азии [4]. Первый этап — это первое вторжение киммерийцев в Переднюю и Малую Азию в конце VIII в. до н. э.; оно связывается с образованием страны Гамирр в Каппадокии. Второй—начавшееся продвижение скифских полчищ с севера в середине VII в. до н. э.; и, наконец, третий этап, как это установил В. В. Струве [5],— вторжение скифских (вернее сакских) племен из Средней Азии уже в ахеменидский период (в середине VI в.до н. э.). Последний этап нас может меньше интересовать, так как относящиеся к нему походы скифов (саков) пролегали через Среднюю Азию и Иран, точнее, через южный Прикаспий [6]. Два же первых этапа походов киммерийцев и скифов непосредственно связываются с территорией Кавказа и, естественно, должны быть нами рассмотрены.

О всех последствиях этого, конечно, неоднократного соприкосновения киммерийцев и скифов с местными племенами Северного Кавказа, мы выскажемся в соответствующих главах нашей работы.

Сейчас же ограничимся лишь приведением тех конкретных сведений о киммерийцах и скифах, содержащихся в наиболее древних письменных источниках (в ассирийских хрониках, библейских и урартских текстах и у античных авторов), которые в той или иной степени, хотя бы даже косвенным образом могли оказаться полезными для наших целей.

Последовательное изучение восточных текстов, в частности ассирийских клинописных хроник, привело ученых к обнаружению более древних источников, чем греческие свидетельства о киммерийцах и скифах [7]; это обстоятельство уже позволило более точно установить время появления самого этнонима — скифы, а при над-

---

[3] В. Ф. Смолин. О передвижении геродотовских скифов в Передней Азии. Казань, 1915 стр. 10—11.

[4] Б. Б. Пиотровский. Скифы в Закавказье. «Уч. зап. ЛГУ», вып.13, 1949, стр. 172 сл.; его же. Скифы и Древний Восток. СА, XIX, 1954, стр. 141 сл.; его же. Ванское царство, М., 1960, стр. 235.

[5] В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массагетов. ИАН ОИФ, 1946, № 3, стр. 243; его же. Дарий I и скифы Причерноморья. ВДИ, 1949, № 4, стр. 29.

[6] В последнем своем труде «История Мидии» И. М. Дьяконов подвергает сомнению версию В. В. Струве о продвижении среднеазиатских саков в Переднюю Азию и допускает менее вероятный путь вторжения саков через Дербентский проход, что абсолютно недоказуемо. См. И. М. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1956, стр. 251.

[7] См. обширную библиографию вопроса как на русском, так и на европейских языках в работах: В. Ф. Смолин. О передвижении геродотовских скифов в Передней Азии. Казань, 1915; Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944; его же. Скифы в Закавказье. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949; С. F. Lehmann-Haupt. Armenien einst und jetzt. B. I. Berlin — Leipzig, 1910—1931, стр. 51 сл.; его же. Kimmerier, RE, XI, стлб. 429—430, ВДИ, в приложении к которому, начиная с № 1 за 1947 г. и по 1948 г., переиздавался свод В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», с приведением восточных текстов в переводе Д. Г. Редера, а также при новом более совершенном переводе восточных текстов, сделанном И. М. Дьяконовым Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ. 1951 № 2 и 3. Приложения. Исчерпывающая литература по восточным источникам приведена также в монографиях: Г. А. Меликишвили. Наири — Урарту, Тбилиси, 1951 (на груз. яз; И. М. Дьяконов. История Мидии, М., 1956.

лежащем сопоставлении полученных данных с археологическими разысканиями позволит уточнить и датировку возникновения самой скифской культуры.

Рассмотрим интересующие нас свидетельства в хронологической последовательности.

Наиболее древние упоминания о киммерийцах имеются на глиняных табличках ассирийского клинописного архива конца VIII в. до н. э., найденного в дворцовых развалинах Ниневии на холме Куюнджик. В письме ассирийского разведчика Ашшурисуа царю Саргону II (722—705 гг. до н. э.) неоднократно упоминается народ гиммира, враждебный Урарту, и страна Гамирр, находившаяся, по С. Т. Еремяну, близ современного Ленинакана [8] и в Каппадокии [9].

Рис. 2. Изображение киммерийцев на ионийском саркофаге из Клазомен. VI в. до н. э.

В одном из своих исследований, посвященном обоснованию тезиса о приходе киммерийцев в Закавказье меото-колхидской дорогой, вдоль восточного берега Черного моря, Я. А. Манандян высказал предположение, что киммерийцы в VIII в. до н. э. уже были в районе нынешнего Карса и Ленинакана; вместе с тем Я. А. Манандян не отрицал их распространения и в Каппадокии [10]. С ним полностью солидаризируется в этом и новейший исследователь исторических судеб народов Закавказья в I тысячелетии до н. э.—Г. А. Меликишвили [11].

Известно также, что даже средневековые армянские историки Каппадокию продолжали называть Гамирк, а в родословную родоначальников армянского народа включали имена Гомера и Тогарма, как местные этнонимы, упоминаемые и в Библии [12].

В донесении другого ассирийского разведчика Арадсина начальнику дворца говорится, что: «киммерийцы выступили из области Манна (?) и в страну Урарту они вторглись...» (рис. 2).

Этот документ относится к самому концу VIII в. до н. э. [13] Из него явствует, что в конце VIII в. киммерийцы оказались и на восточных окраинах Урартского государства. Здесь уместно вспомнить толкование этих текстов Б. Б. Пиотровским,

---

8 И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 236.

9 В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 1, стр. 266—267.

10 Я. А. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944, стр. 45—47 и 54—55.

11 Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, стр. 278.

12 Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 127.

13 В. В. Латышев. Известия древних писателей, ВДИ, 1947, № 1, стр. 268.

который считает, что в более ранних клинописных текстах давались недиференцированные сведения о киммерийцах и скифах. Такого же мнения придерживается и И. М. Дьяконов [14].

Важные свидетельства о киммерийцах и скифах содержит и Библия, которая в ряде случаев может служить достоверным историческим источником. В десятой главе книги Бытия, в так называемой Таблице народов, читаем:

«Вот родословие сынов Ноевых — Сима, Хама и Иафета. Родились у них дети после потопа. Сыновья Иафета: Гомер, и Магог, и Мадай, и Иаван, и Тубал, и Мешех, и Тирас. А сыновья Гомера: Ашкеназ, и Рафат, и Тогарма» [15].

Под именами Гомер и Ашкеназ принято разуметь киммерийцев и скифов (Гомер — киммерийцы, Ашкеназ—ассирийское ашкуза—скифы). Хотя необходимо отметить, что некоторыми авторами и Магог отождествляется со скифами. Это древнейшее свидетельство о скифах содержит и еще одно интересное указание. В нем признается родство киммерийцев и скифов и генетическая преемственность последних от первых. Как известно, эта преемственность отрицалась многими старыми исследователями [16], но признается современными [17].

По мнению ряда ученых (Б. А. Тураев, В. Ф. Смолин и др.), те же киммерийцы под именем народов дальних, наводящих ужас на народы Востока, фигурируют и в библейской книге пророка Исайи. Проповеди пророка Исайи относятся к самому рубежу VIII—VII вв. до н. э.[18]

В документах VII в. до н. э. (первой его половины) еще продолжаются упоминания о киммерийцах. Так, в одном ассирийском письме названа страна Гимирраи, а в одной из вавилонских хроник говорится о том, что «киммерийцы вторглись в Ассирию и были разбиты» [19].

В так называемой «хронике» ассирийского царя Асархаддона (681—668 гг. до н. э.) сохранившейся на глиняной призме, повествуется: «И Теушпу киммерийца, воителя Ма́нда, обитающего далеко, поразил я на земле страны Хубушкиа вместе с его войсками оружием моим» [20], где под термином Ма́нда можно подразумевать мидян и вообще кочевые племена, известные под названием «умман-ма́нда» [21]. Близкое соображение высказано и И. М. Дьяконовым в том смысле, что термин умман-ма́нда мог включать и киммерийцев и менее вероятно — скифов [22].

Из ряда документов начала VII в. до н. э. явствует, что ассирийских царей Асархаддона и его сына Ашшурбанипала начинают серьезно беспокоить агрессивные планы не только киммерийцев, но и скифов. О такой тревоге за северные границы своего государства свидетельствуют, например, вопросы Асархаддона к богу Шама-

---

[14] И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 247.
[15] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 1, стр. 265.
[16] В. Ф. Смолин. Указ. соч., стр. 7.
[17] И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 241.
[18] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 1, стр. 267.
[19] Там же, стр. 269.
[20] Там же, стр. 270.
[21] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, т. II. Ереван, 1952, стр. 13.
[22] И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 2.

шу, сохранившиеся в оракулах, составленных для царя,и письмо царевича Ашшурбанипала к своему отцу Асархаддону [23].

Другой круг источников — библейские тексты — уже VII—VI вв. до н. э. также содержат упоминания о нашествии северных племен, но преимущественно о скифах (Ашкеназ). В них скифы рисуются грозной разрушительной силой для народов Востока. Вообще, библейские тексты, приписываемые Иеремие, Цефании и Иезекиилю, содержат угрозы своим народам нападением грозных северных варваров [24] (рис. 3).

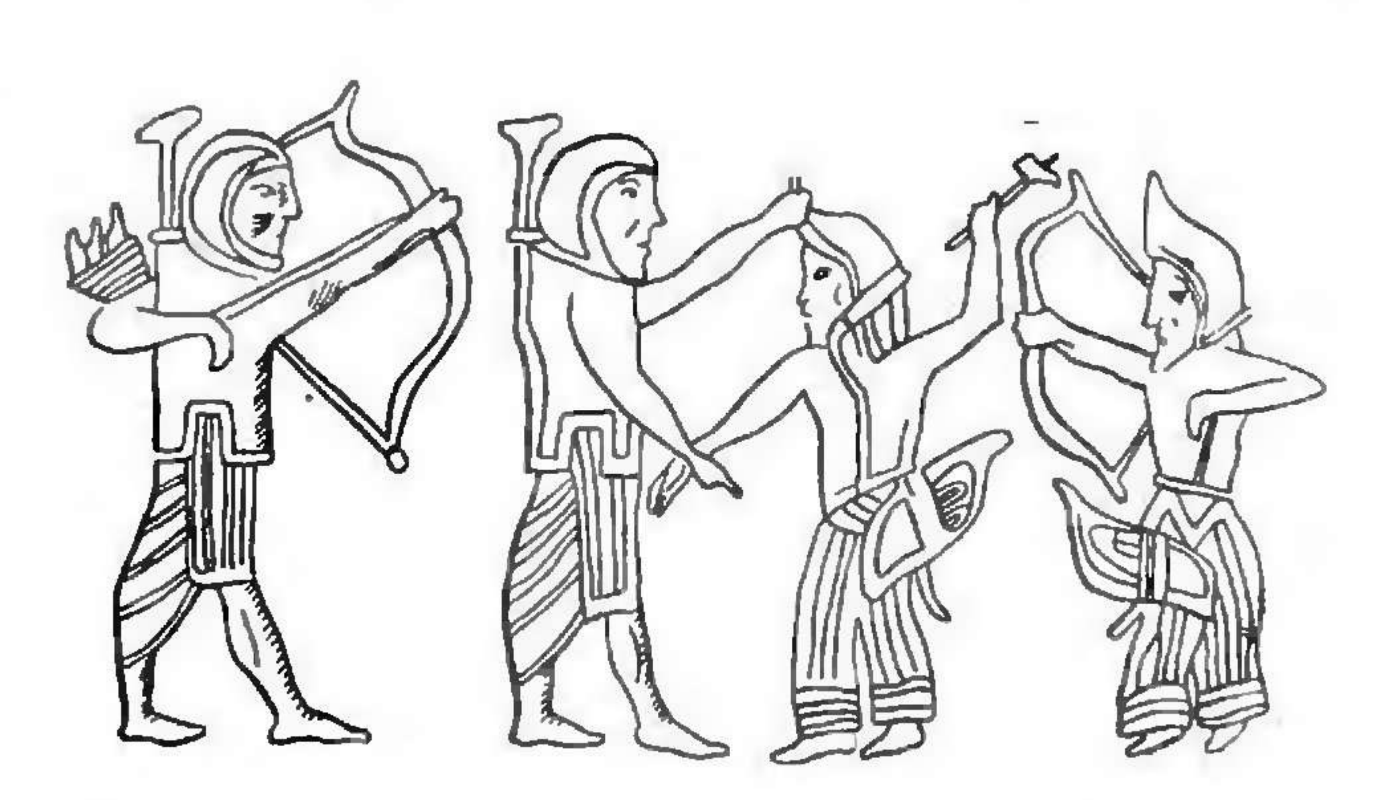

Рис. 3. Изображение скифов (справа) в борьбе с мидянами (слева) на цилиндрической печати VI — V вв. до н. э.

Таковы краткие сведения о последовательном вторжении в Переднюю Азию киммерийских, а затем и скифских полчищ, содержащиеся в древневосточных источниках. Появление киммерийцев в Передней Азии впервые регистрируется в ассирийских памятниках конца VIII в., скифов—в начале VII в. до н. э. Те и другие, как известно, обитали в Причерноморских степях, в Приазовье и частично на Северо-Западном Кавказе, что доказывается рядом древнегреческих документов, хотя некоторые из них и не отражали, быть может, точных географических представлений их времени.

Так, в знаменитой гомеровской «Одиссее» (в переводе В. В. Латышева) Одиссей рассказывает: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами» [25].

Столь же расплывчатое определение первоначального местонахождения киммерийцев содержится и в древних схолиях к «Одиссее» Гомера, основанных на более древних, утраченных сочинениях. В одной из схолий опять повторяется: «Киммерийцы — народ, живущий вокруг океана» [26].

Только Гекатей Милетский (в конце VI — начале V в. до н. э.) в своем «Землеописании» проявил большую осведомленность об азиатской части Боспора и западного Кавказа, назвав ряд конкретных скифских и кавказских племен и городов. Так, им впервые были упомянуты дандарии, обитавшие, по сведениям более поздних авторов и по данным боспорских надписей, на юго-востоке Приазовья [27].

---

[23] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 121.
[24] В. Ф. Смолин. Указ. соч., стр. 8.
[25] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 1, стр. 281—282.
[26] Там же, стр. 285.
[27] Там же, стр. 299.

В произведении же знаменитого трагика древности Эсхила «Прикованный Прометей» весьма суммарно описаны «бестрепетные в боях и многолюдные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Меотийского озера (Азовское море. — *Е. К.*)... обитатели высокой крепости близ Кавказа, грозная рать, гремящая среди остроконечных копий» [28].

Что древнегреческие авторы обладали весьма смутными представлениями об этногеографии Кавказа, доказывается и содержанием древних схолий к Эсхилу, к его «Прометею». Так, в одной из схолий утверждается, что «Кавказ — конец населенной земли» [29], а в другой: «Кавказ на конце океана» [30]. Но и здесь встречаются более конкретные определения, отвечающие действительности. Например, в одной из позднейших схолий говорится: «Ты придешь на Киммерийский перешеек на самых узких вратах озера, т. е. Меотийского» [31].

Только у Гелланика Митиленского (V в. до н. э.) имеется более определенное указание на размещение некоторых племен на северо-западном Кавказе и в Приазовье. Так, в сохранившемся отрывке «О народах» он писал: «Когда проплывешь Боспор, будут синды, выше же их — меоты, скифы» [32]. Здесь засвидетельствованы не только местные племена Прикубанья, как синды и меоты, но и скифы.

Существенное значение для истории материальной культуры юга СССР и Кавказа имеет указание, сделанное впервые Геллаником Митиленским о железном оружии. Он сообщает, что «железное оружие изготовил Саневн, бывший скифским царем» [33].

Теперь рассмотрим те сообщения Геродота (V в. до н. э.) о походах киммерийцев и скифов в Малую Азию, в основе которых лежали более древние греческие предания, восходящие, как обычно считают, первое — к Гекатею Милетскому, а второе — к Аристею Проконнесскому [34]. Нам представляется далеко не безразличным выяснить, как общее направление передвижений, указываемое самим «отцом истории», так и те реальные пути движения киммерийцев и скифов из южно-русских степей в Переднюю и Малую Азию через территорию Кавказа, какие действительно были пройдены этими народами.

В IV книге «Истории» Геродота читаем: «... скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами, преследуя же бегущих, дошли, таким образом, до Мидийской земли.

От озера Меотиды до реки Фасиса и владений колхов тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода, а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живет только один народ — саспиры; миновав его, будешь в Мидии. Скифы, однако, вторглись не этим путем: они уклонились в сторону и пошли по

[28] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 1, стр. 302.
[29] Там же, стр. 304.
[30] Там же, стр. 305.
[31] Там же, стр. 307
[32] Там же, стр. 315.
[33] Железное оружие в могильных комплексах Скифии и особенно Кавказа известно на 2—3 века раньше, чем жил Гелланик Митиленский. Следовательно, можно полагать, что утверждение Гелланика базируется на более ранних фактах.
[34] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 12.

верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору. Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение в битве и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией.

Отсюда скифы пошли на Египет. Когда они появились в Палестинской Сирии, египетский царь Псамметих, выйдя к ним навстречу, дарами и просьбами отклонил их от дальнейшего движения... Скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет»[35].

В другом месте, передавая легенды о появлении скифов и о вытеснении ими киммерийцев, Геродот уточняет путь движения тех и других через Кавказ. Он говорит:

«И теперь еще есть в Скифии киммерийские стены, есть киммерийские переправы, есть и область, называемая Киммерией, есть и так называемый Киммерийский Боспор. Киммерийцы, очевидно, бежав от скифов в Азию, поселились на полуострове, где ныне стоит эллинский город Синопа. Видно также, что скифы гнались за ними и вторглись в мидийскую землю, сбившись с дороги; ибо киммерийцы постоянно бежали вдоль моря, а скифы гнались за ними, имея Кавказ по правую руку, пока не вторглись в Мидийскую землю, свернувши внутрь материка»[36].

Для наших целей чрезвычайно важным является то обстоятельство, что наиболее пространные, хотя и не совсем ясные свидетельства греков (особенно «отца истории» Геродота) содержат ряд таких конкретных географических (топонимических) названий, как Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийская область (северо-восточная часть Керченского полуострова), селение Киммерик, Киммерийский вал, Киммерийский брод, Киммерида и другие, которые позволяют придти к выводу, что значительная часть киммерийцев в доскифский период была сосредоточена в пределах Керченского и Таманского полуостровов.

Крайне любопытно отметить, что не только историко-литературная традиция греков, но и историческая традиция древневосточных народов, может быть не случайно, также локализовала исходную территорию киммерийцев где-то в пределах северо-западного Кавказа. А один из поздних авторов — Дионисий Периегет (II в. н. э.), основываясь на более ранних источниках, помещал киммерийцев между синдами и керкетами, т. е. между такими историческими народностями, местожительство которых не может вызывать никакого сомнения, ибо оно хорошо известно,—именно на северо-западном Кавказе.

Реальность бытования киммерийцев на северо-западном Кавказе (с учетом и материальных остатков их культуры—бронзовых кельтов, конской сбруи, наконечников копий, ножей и кинжалов особого типа и пр.) признавалась почти всеми исследователями, интересующимися киммерийской проблемой[37]. Следовательно, вполне

---

[35] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 2, стр. 250—251.

[36] Там же, стр. 261.

[37] В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. «Вестник МГУ», 1948, № 8, стр. 9—10; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 47; А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. «Уч. зап. КНИИ», т. IV, 1948, стр. 69; Л. А. Ельницкий. Киммерийцы и киммерийская культура, ВДИ, 1949, № 3, стр. 14; Ю. С. Крушкол. К вопросу о киммерийцах. Сб. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952; Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. «Уч. зап. Кабардино-Балк. НИИ», т. VII, 1952, стр. 27—33; А. А. Иессен.

закономерно Прикубанье рассматривать как исходную территорию киммерийцев при их вторжении в Закавказье и в Переднюю Азию [38].

Перед нами, таким образом, как будто совершенно ясная картина движения киммерийцев в Закавказье по восточному побережью Черного моря, а скифов — вдоль северных предгорий Кавказского хребта, в обход его через издавна известный Дербентский проход. Только двигаясь этими путями, и могли киммерийцы оказаться в Каппадокии, в Лидии и на северо-западных границах урартов, а скифы — в Мидии и на юго-восточных окраинах государства Урарту, что отчасти доказывается и находкой клада, содержащего предметы скифской культуры начала VII в. до н. э., обнаруженного у г. Сак-кыза в Иранском Курдистане [39].

Между тем, оба эти пути долгое время подвергались сомнению. Так, многие зарубежные ученые (Абель, Нейман, Э. Мейер, Гельцер, Масперо и др.) считали наиболее возможным появление киммерийцев в Малой Азии через Дунай и Фракию. Но в свете показаний ассирийских и других источников этот вариант кажется теперь мало вероятным. Недавно И. М. Дьяконов, сославшись на высказывавшийся неоднократно скептический взгляд, отрицающий возможность продвижения киммерийцев по Черноморскому побережью Кавказа, совершенно необоснованно полупризнал их появление в Закавказье якобы через Дарьял или Алагир [40]. Между тем как и в древности восточный берег Черного моря не представлял собою непреодолимых препятствий даже для больших вооруженных масс и для связей между народами, доказательством чего служат древнейшие археологические материалы из этих мест и, наконец, ряд бронзовых вещей, как кельты, своеобразные ножи и кинжалы и наконечники копий, с достаточным основанием считающихся принадлежностью культуры киммерийцев [41]. Восточнее же Пятигорья киммерийские кельты неизвестны, нет их и в Осетии, откуда, наоборот, во множестве известны скифские вещи.

Своими специальными исследованиями, посвященными выяснению пути киммерийского нашествия и занятию киммерийцами северо-западных областей Армении, Я. А. Манандян, как нам представляется, убедительно доказал, что путь киммерийского вторжения в Закавказье проходил по известной грекам и вполне доступной прибрежной Меотидо-Колхидской дороге [42]. Учитывая массовость археологических материалов скифского облика из Прикубанья и Абхазии, а также данные топонимики юго-западного Кавказа, этот путь киммерийского вторжения через Колхиду нам кажется единственно возможным. Здесь уместно вспомнить и показания некоторых

К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, СА, XVIII, 1953, стр. 109—110.

[38] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, МИА, 36, 1954, стр. 12; И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 238.

[39] R. Ghirschmann. Le trésor de Sakkez. Artibus Asiae, XIII, 3, 1950. Освещению и анализу Саккызского клада был посвящен специальный доклад Б. Б. Пиотровского на Скифском пленуме ИИМК АН ССР 30.I 1952. См. его статью «Скифы и Древний Восток», СА, XIX, 1954, стр. 156.

[40] И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 230, 237.

[41] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. «Труды секции археологии РАНИОН», т. II, М., 1928, стр. 46—60.

[42] Я. А. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944, стр. 44—45.

закавказских этнонимов. Так например, армянский термин Ска (Хска) — «исполин, великан» уже давно сопоставлялся с племенным наименованием скифов [43], а грузинский термин Гимир или Гмири (древний сказочный богатырь, герой) якобы является производным от киммерийцев [44]. Очевидно, пройдя по Меотидо-Колхидской дороге, определенные массы вторгшихся киммерийцев осели в восточных районах Каппадокии, что доказывается хотя бы тем, что их имя сохранилось в армянском названии этой области Гамирк [45].

Еще более спорным являлся вопрос о направлении скифских походов в Переднюю Азию через центральное Закавказье. Прямые указания Геродота о движении скифов вдоль Кавказского хребта, «имея справа кавказскую гору», послужили поводом для некоторых ученых к тому, чтобы проводить этот путь по Военно-Грузинской дороге через Дарьяльский проход, имея гору Казбек действительно справа. Такого мнения придерживался, например, английский ученый Миннз [46], и, как думается нам, не без оснований.

Я. А. Манандян же, ссылаясь на свидетельства Ксенофонта, говорившего о скифинах, Страбона и Плиния, упоминавших сарапаров и сакасанов в районе р. Апсара (нынешнего Чороха), отождествляемых им со скифами, резонно допускал и скифское вторжение по той же Меотидо-Колхидской дороге, по которой прошли киммерийцы, полностью, однако, не отрицая походов скифов в VII в. до н. э. и через Дербентский проход [47]. Если к этим доводам добавить, что путь проникновения скифов по восточно-черноморскому побережью Кавказа в какой-то степени может быть прослежен не только по топонимическим, но и по археологическим данным, то исключить и этот вариант скифского вторжения в Закавказье и Малую Азию мы не можем.

Исследователь Прикубанья Н. В. Анфимов признает, например, что одним из таких второстепенных маршрутов, которыми скифы прошли через Прикубанье, могла быть долина р. Белой и Белореченский перевал [48]. Как известно, на этом пути расположены большие курганы с богатыми захоронениями со скифскими вещами (Келермесские и другие).

Очень убедительными в качестве следов проникновения скифов и их культуры в Абхазию и в Колхиду через Прикубанье представляются замечательные погребения VII—VI вв. до н. э. (с типичным скифским инвентарем и с чертами скифского погребального обряда), вскрытые в 1948 г. и в 1951 г. М. М. Трапшем у сел. Куланурхва близ г. Гудаута [49], находка в 1951 г. железного акинака в великолепных бронзовых ножнах у сел. Колхида Гагрского района (Абхазия) [50], результаты самых последних

---

[43] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 120.

[44] Г. А. Меликишвили. О происхождении грузинского народа. Стенограмма публичной лекции. Тбилиси, 1952, стр. 36.

[45] Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, стр. 278 (на груз. яз.).

[46] E. H. Minns. Scythians and Greek. Cambridge, 1913, гл. IX.

[47] Я. А. Манандян, Указ. соч., стр. 47—48.

[48] Н. А. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 9.

[49] М. М. Трапш. Куланурхвинский древний могильник. Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1951, стр. 13; его же. Новая археологическая находка в Абхазии. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 139.

[50] Газ. «Советская Абхазия», 22.II 1952, стр. 4.

раскопок А. Н. Калантадзе в г. Сухуми [51] и вообще массовые находки вещей скифского типа в Западной Грузии. Подобные примеры, вместе с ранее известным случайным материалом с Черноморского побережья западного Кавказа (скифские акинаки из Абхазии, из окрестностей Нового Афона, с речки Сукко, в собрании ГИМ и другие находки), умножают аргументы в пользу признания и восточно-черноморского пути, как одной из возможных дорог, пройденных скифами при их продвижении в Закавказье и в Малую Азию.

Если учесть довольно многочисленные находки скифских бронзовых и железных предметов вооружения, частей конской сбруи и образцов скифского звериного стиля в таких пунктах Северной Осетии, как селения Кумбулта (могильник Верхняя Рутха), сел. Галиат (могильник Фаскау), районы Дигорского канала, святилище Реком на северном склоне Кавказского хребта в районе древней дороги через Мамисонский перевал, а также соответствующие находки в Рачé по ту сторону хребта, то следует предположить, что дорога в Западную Грузию, позднее ставшая известной под названием Военно-Осетинской, также могла быть использована скифами при их продвижении через Кавказ.

Из Дигории, откуда происходит основная масса находок скифского типа, легко можно попасть через вполне доступный Кион-хохский перевал на Военно-Осетинскую дорогу, а по ней через Мамисонский перевал в Западную Грузию, где также известны многочисленные предметы скифской культуры.

Действительно, за последние годы число находок вещей скифского типа в Грузии настолько возросло, что даже дало повод Г. Ф. Гобеджишвили усомниться в скифском происхождении этих предметов. Так, в одной из своих работ он пишет: «...скифские железные секиры и акинаки так многочисленны в погребениях VII—V вв. до н. э., что приходится ставить вопрос о распространении на север этого рода оружия из Закавказья» [52]. Нам представляется, что для такого предположения действительно есть некоторые и довольно серьезные основания. И хотя степное, а значит местное (для скифов) происхождение ряда типичных вещей скифской культуры — форма посуды, наконечники бронзовых стрел — давно доказано целыми археологическими сериями находок раннескифского времени, такая постановка вопроса вполне современна. Конечно, затрагивая этот вопрос, нужно учитывать две возможности: 1) первоначальное появление в том или ином районе вещей скифского типа извне и 2) местное изготовление скифского оружия, что, разумеется, не должно исключаться.

Не отрицая возможности изготовления такого оружия, как бронзовые наконечники стрел, по скифским образцам в различных районах нашей страны и Древнего Востока (например, в Азербайджане, в Мидии), и учитывая то обстоятельство, что этот вид скифского оружия был в то время наиболее совершенным, мы вполне резонно можем допустить местное изготовление и другого оружия из железа (топоры, секиры, мечи-акинаки) где-либо вне Скифии, например, на Кавказе. В пользу этого

---

[51] А. Н. Калантадзе. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953 (на груз. яз.).

[52] Г. Ф. Гобеджишвили. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях сел. Геби. «Сообщения АН Груз. ССР» т. XIII, № 3, Тбилиси, 1952, стр. 188.

предположения говорят факты поистине массовых находок этих предметов на Кавказе и наличие там наиболее ранних типов железных акинаков с желобчатыми лезвиями, доказывающих их происхождение от бронзовых мечей и кинжалов Кавказа предшествующей поры.

Таковы, например, находки железных мечей-акинаков в Луговом могильнике VI в. до н. э. Но об этом мы подробнее скажем дальше.

С тем же учетом существенных коррективов, которые вносятся вещественными археологическими источниками в наши представления по данному вопросу, мы должны оценить и мнение о дарьяльском варианте, как, разумеется, не единственно возможном пути, которым скифы проникли в Закавказье, на чем настаивал еще Миннз. И при оценке реальности этого пути мы также не должны игнорировать показаний археологического материала как с территории Северной Осетии, из районов, прилегающих к Военно-Грузинской дороге, так особенно из районов Западной Грузии.

А такой материал становится все более обильным. Вещи явно скифского происхождения (оружие и предметы конского убранства) мы знаем не только из равнинных населенных пунктов Северной Осетии, каковы селения Дигора или Карман-Синдзикау [53], но и из других высокогорных и равнинных мест восточных районов Северо-Осетинской республики.

Еще более показательны нередкие погребальные комплексы, открывавшиеся и раньше, и особенно в советские годы, в знаменитом Самтаврском могильнике в г. Мцхета на Военно-Грузинской дороге [54]. В могильном инвентаре местные формы материальной культуры широко переплетаются с типичными образцами раннескифской культуры (например, комплекс из могилы № 293, 1947 г.) [55]. Отличным примером, иллюстрирующим взаимосвязи Кавказа со Скифией, может служить и Дванский некрополь, исследованный С. И. Макалатия в Карталинии, где особенно интересным оказалось конское захоронение с элементами скифской культуры [56].

Обнаружение погребений и находимые в них предметы скифской культуры в других пунктах центральной Грузии, в сел. Цицамури [57], близ г. Мцхета, в Бешташени [58] и в других местах, неоспоримо свидетельствуют в пользу признания и дарьяльского пути как одного из возможных маршрутов, пройденных скифами при их продвижении в Закавказье. Иначе трудно объяснить довольно многочисленные местонахождения предметов скифского типа в районах, прилегающих к Военно-Грузинской дороге и к другим соседним древним путям. Ведь соответствующие вещи передавались и распространялись там, где проходили те или иные народы древности, и в частности скифы, независимо от того, продвигались они с мирными или с военными

---

[53] «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. XI. Дзауджикау, 1947, стр. 26.

[54] В. Вырубов. Предметы древности в хранилище Общества любителей кавказской археологии. Тифлис, 1877, стр. 11—12, табл. 1, № 10—12.

[55] Комплекс хранится в Гос. музее Грузии.

[56] С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 229—231.

[57] O. G. Wesendonk. Archäologisches aus dem Kaukasus. Archäologischer Anzeiter, XL, Berlin, 1925, стр. 55.

[58] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 41—47.

целями, оставляя следы своей для того времени передовой культуры, особенно в области вооружения.

Но, конечно, главным направлением движения скифов из Предкавказья в Переднюю Азию, по нашему мнению, остается то, которое указал Геродот, т. е. путь через Дербентский проход. С этим указанием Геродота вполне согласуются весьма многочисленные случаи обнаружения соответствующих могильников и курганов и отдельных находок скифских вещей на северо-восточном Кавказе, особенно в степных районах Восточного Предкавказья, в Дагестане [59] и в Азербайджане [60] (в частности, в Мингечауре, близ Баку, на Апшероне и других пунктах). Они как бы отмечают путь прохождения скифов и самый факт наиболее раннего участия скифских отрядов в исторических событиях, имевших место в северо-восточных районах Передней Азии — Мидии, Ассирии и Урарту. Значение роли, какую сыграли в истории стран Древнего Востока прорвавшиеся через Кавказ вначале киммерийцы, а затем скифы, вновь было подтверждено в монографиях Г. А. Меликишвили и И. М Дьяконова.

Таким образом, руководствуясь показаниями главным образом археологического материала, мы имеем возможность лишний раз убедиться в достоверности и ценности свидетельства Геродота о Дербентском проходе, как основном пути продвижения скифов в Переднюю Азию, одновременно признавая и другие пути скифского проникновения в Закавказье,— по Меотидо-Колхидской дороге, через Дарьяльское ущелье и Мамисонский перевал (см. карту, рис. 4).

Засвидетельствованные древними авторами военные походы киммерийцев и скифов в Переднюю и Малую Азию были осуществлены ими через Кавказский перешеек в два этапа и в нескольких направлениях, являющихся древнейшими путями связей и общений между племенами Северного Кавказа и Закавказья, известными еще со времен энеолита и бронзы [61]. Такое поразительное совпадение исторических свидетельств о продвижении скифов в Переднюю Азию и топографии археологических находок скифского и савроматского типа на Кавказе, на путях этого продвижения, убеждает в реальности пребывания скифов на Кавказе и заметного их влияния на культурное развитие местных племен и народов. Одновременно многочисленные находки предметов скифского типа на Кавказе и вещей явно кавказского происхождения на территории Украины (бронзовые топоры кобанского и колхидского типов, бронзовые сосуды типа Лечхумского и Жемталинского кладов и др.) доказывают более тесные общения и связи населения древнего Кавказа с племенами Скифии и всей юго-восточной Европы, чем это представлялось ранее.

Но продолжим наш обзор античных свидетельств о народах Северного Кавказа или областей, население которых в той или иной мере оказалось связанным с племенами центрального Предкавказья. Описывая население Скифии, Геродот

---

[59] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Труды ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 22—23; Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 95—98.

[60] С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. «Материальная культура Азербайджана». Баку, 1949, стр. 25, 43.

[61] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, МИА, 23, 1951, стр. 72.

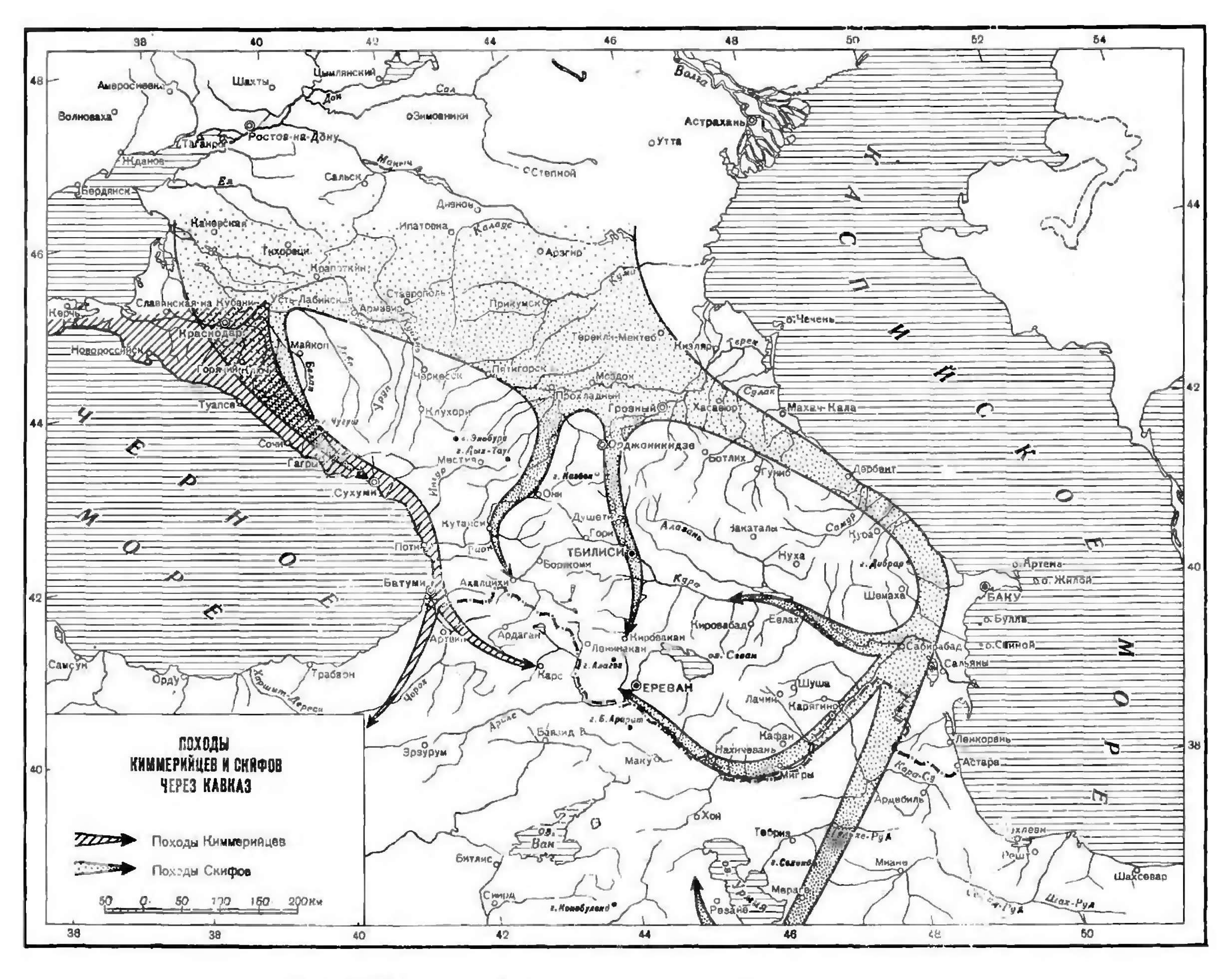

Рис. 4. Карта походов киммерийцев и скифов в Переднюю Азию

писал: «За рекою Танаисом (Доном.— *Е. К.*) уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу; во всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев»[62]. В действительности земли савроматов простирались к северо-востоку от Дона и Азовского моря[63].

Как известно, рядом античных авторов (Геродот, Плиний) засвидетельствована этническая близость савроматов со скифами. Античной традицией признавалось, что савроматы родственны скифам и говорили на диалекте скифского языка. Геродот указывал, что «савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном»[64]. Ираноязычность и родство между собою скифов и савроматов всегда признавались и языковедами (К. Мюлленгофом, В. Ф. Миллером, В. И. Абаевым[65] и др.). Материальная культура савроматов Нижнего Поволжья и Предкавказья, как установлено археологическими исследованиями, также имеет очень много общих черт, особенно в керамике и оружии[66]. Одновременно савроматы — ближайшие соседи меотов.

Так, знаменитый греческий врач и естествоиспытатель Гиппократ, называя савроматов даже скифским народом, свидетельствовал, что: «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его — савроматы»[67].

Почти то же самое о местоположении савроматов писал и Скилак Кариандский во второй половине IV в. до н. э., оставивший кроме того сведения, уточняющие древнюю географию западного Кавказа и расселения там местных племен[68].

Есть интересное свидетельство в пользу признания родства и киммерийцев со скифами. Оно приводится в одной из схолий к Аполлониеву «Походу аргонавтов», в которой повествуется, что: «Есть и другой Боспор — в Скифии, называемый Киммерийским, вследствие заселения тех местностей скифским народом-киммерийцами. По другим — это устье Меотийского озера, узкое и продолговатое, похожее на Боспор Византийский»[69]. Все эти данные согласно подтверждают определенное родство киммерийцев со скифами, последних с савроматами и местопребывание первых на северо-западном Кавказе.

Важные данные о работорговле окружающих Причерноморье племен с греками и о вывозе в Грецию скота, который, так же как и военнопленные рабы, мог захватываться и в районах центрального Кавказа, содержатся в «Истории» Полибия, зна-

[62] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 2, стр. 262.

[63] К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 16.

[64] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 2, стр. 262, прим. 8.

[65] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.— Л., 1949.

[66] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 591—592; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 102—104; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953, стр. 111—112; К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, 1957, № 3, стр. 17.

[67] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 4, стр. 189.

[68] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 168.

[69] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 3, стр. 248.

менитого историка древности, жившего во II веке до н. э. Полибий писал: «Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу» [70].

Еще более ценные и обстоятельные сведения по истории и этнографии Кавказа, в частности и Северного Кавказа, приводятся в труде греческого географа Страбона, который, как и все древние авторы, пользовался сведениями и своих предшественников, свидетельства которых до нас не дошли.

В «Географии» Страбона имеются такие данные: «От Танаиса и Меотиды непосредственно следуют страны по сю сторону Тавра, а за ними — лежащие по ту сторону... Части, прилежащие к Меотиде и Танаису,— это страны по сю сторону Тавра. Их передние части лежат между Каспийским морем и Эвксинским Понтом, с одной стороны, заканчиваясь у Танаиса и океана, как внешнего, так и сливающегося с Гирканским морем, а с другой — у перешейка, где наиболее близко расстояние от угла Понта до Каспийского моря... Эти страны занимают, во-первых, меоты и племена, живущие между Гирканским морем и Понтом до Кавказа, иберов и албанов, именно: савроматы, скифы, ахейцы, зихи и гениохи...» [71].

Для нас являются важными указания Страбона на расселение между Каспийским и Черным морями не только народов северо-западного Кавказа, как меоты, ахейцы, зиги и гениохи, но и савроматов и скифов. Это свидетельство Страбона особенно кажется ценным, в связи со все умножающимися находками скифо-савроматских могильных комплексов в степных районах между реками Кумой и Тереком, а также южнее [72].

Расселение скифов до гор Кавказских признавал и Диодор Сицилийский [73]. Во второй главе «Географии», при описании побережья Меотиды и Понта, Страбон упоминает и другие народы, обитающие на Северном Кавказе. Он пишет: «При таком делении, первую часть, начиная с северных стран, обращенных к Океану, населяют некоторые скифы, кочующие и живущие в повозках; ближе них — сарматы, тоже скифское племя, *аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор* (подчеркнуто нами.— *Е. К.*); одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием. У самого озера живут меоты. У моря лежит азиатская часть Боспорского царства и Синдика, а за ней живут ахеи, зиги, гениохи, керкеты и макропогоны (длиннобородые)» [74]. В этом отрывке содержится важное указание Страбона на пространственное размещение новых племен, считающихся сарматскими, или савроматскими,— аорсов и сираков, граничащих с Кавказскими горами.

В другом месте, описывая Кавказский горный хребет, перегораживающий перешеек, заключенный между двумя морями — Черным и Каспийским, Страбон

[70] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 3, стр. 300.

[71] Там же, № 4, стр. 189.

[72] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 168.

[73] В. В. Латышев. Известия.., ВДИ, 1947, № 3, стр. 248.

[74] № 4, стр. 209.

пишет: «К югу он отделяет Албанию и Иберию, а к северу — Сарматские равнины» [75]. Страбону, как, безусловно, и его предшественникам, довольно хорошо был известен Дарьяльский проход. Этим путем осуществлялась связь древней Иберии (Грузии) с северными, степными и равнинными районами Северного Кавказа, населенными, по Страбону, кочевниками. «Со стороны северных кочевников ведет трудный трехдневный подъем, а за ним узкая речная долина вдоль реки Арага (Арагва.— *Е. К.*), требующая четырех дней пути для одного» [76].

Эти сведения поражают своей точностью характеристики знаменитого Млетского спуска в узкую долину р. Арагви и предельно верным подсчетом дней, потребных древнему пешеходу для прохождения всего пути по тогда неблагоустроенной Военно-Грузинской дороге.

Страбон первый из многих других античных авторов называет племена гаргареев и уверенно помещает эти племена на северных отрогах Кавказского хребта как ближайших соседей мифических амазонок, обычно помещаемых на р. Термодонте, то в Малой Азии, то на Северном Кавказе, что наиболее вероятно. «... амазонки живут рядом с гаргареями, на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнскими... Гаргареи, говорят, пришли в эти места из Фемискиры вместе с амазонками...» [77].

Это же утверждают и другие авторы, в частности Плутарх, умерший после 120 г. н. э. [78]

Размещение амазонок и гаргареев в предгорьях Северного Кавказа позволяет вновь поставить вопрос о возможности отождествления р. Термодонта с р. Терек и о локализации этих племен в бассейне Терека, являющегося наиболее крупной рекой Северного Кавказа, вряд ли ускользнувшей от внимания древних авторов. Больше того, кажется просто невероятным, чтобы древние авторы могли не знать этой значительной реки, в бассейне которой или вблизи него локализуются называемые ими племена и народы.

В главе VI «Естественной истории» Плиния Секунда, погибшего при извержении Везувия в 79 г., «гаргареи» названы «гегарами» и помещены также на Северном Кавказе [79] (рис. 5).

Локализуя аорсов и сираков в Предкавказье, Страбон перечисляет еще несколько названий народов, обитателей центральных районов Северного Кавказа, на которые обычно не обращалось внимания в исторической литературе.

Перечислив закавказские районы и обращаясь к Северному Кавказу, Страбон говорит: «Спускаясь в предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков. Есть тут некие троглодиты (пещерники), живущие вследствие холодов в пещерах; у них уже и хлеб родится в изобилии. За троглодитами следуют какие-то народы, называемые

---

[75] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1947, № 4, стр. 215.
[76] Там же, стр. 218.
[77] Там же, стр. 222.
[78] Там же, стр. 283.
[79] Там же, стр. 296.

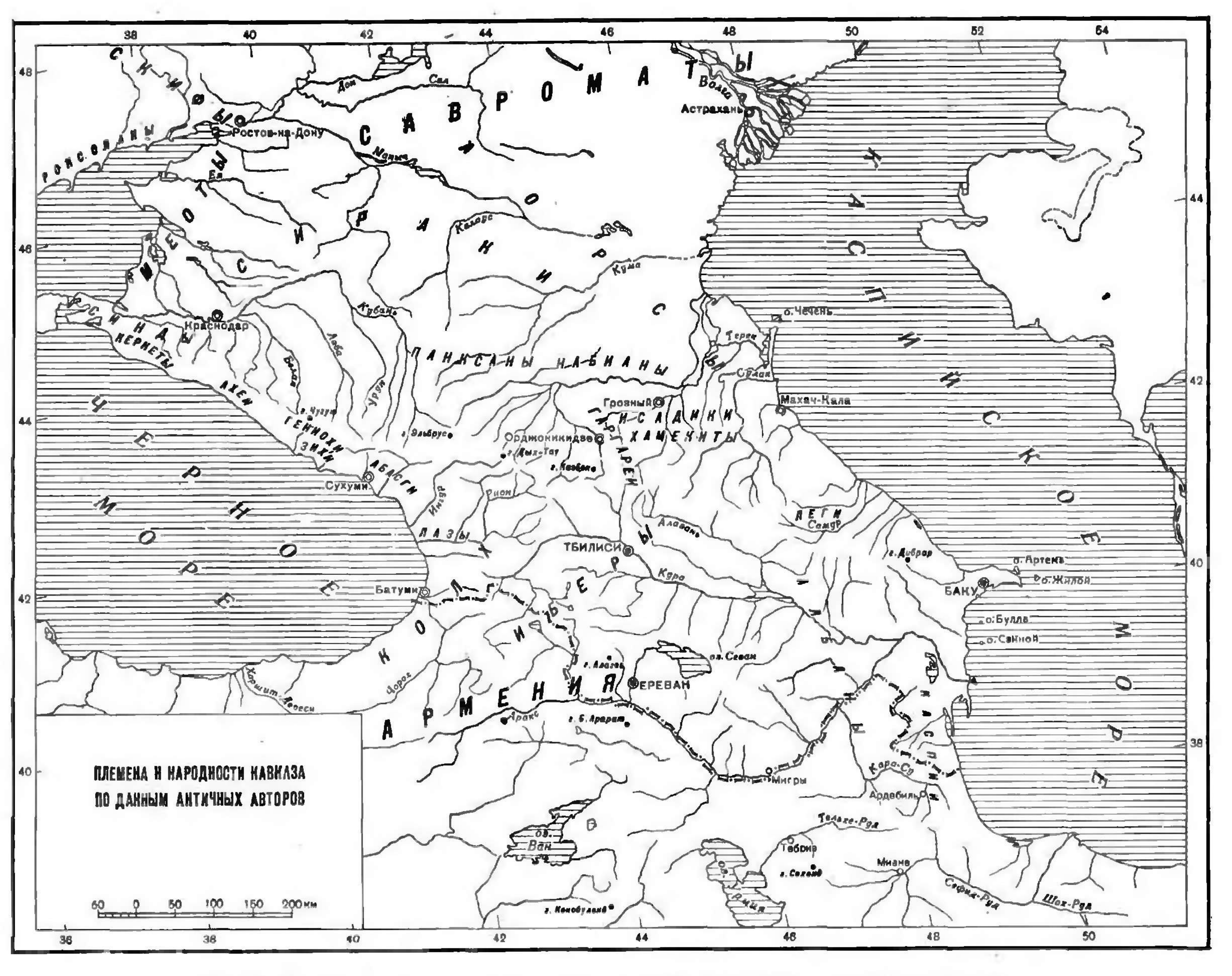

Рис. 5. Карта племен и народностей Кавказа по данным античных авторов

хамекитами и многоедами, и селения *исадиков* (курсив наш.— *Е. К.*), могущих заниматься земледелием, так как живут они не совсем еще на севере.

За ними следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно *набианы*, *панксаны* (курсив наш.— *Е. К.*) и затем уже племена сираков и аорсов. Аорсы и сираки, кажется, беглецы из среды живущих выше народов... ...Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею (современный Маныч.— *Е. К.*), который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду» [80].

Данный текст Страбона для разбираемой темы является очень важным источником, так как он содержит определенную зонально-географическую характеристику Северного Кавказа и уточняет размещение сираков в центральном Предкавказье. Северной границей расселения кочевых сираков будут являться районы, расположенные по р. Манычу, а южной — самые предгорья Кавказского хребта. Еще большее значение имеет этот текст в связи с рисующейся возможностью локализовать упоминаемые Страбоном племена: гаргареев, хамекитов, исадиков, набианов и панксанов, а также увязать эти этнонимы как с определенными группами памятников материальной культуры, так и с предками современных нам народов Северного Кавказа. Какие же для этого имеются основания?

Прежде всего нет никаких данных сомневаться в том, что это местные кавказские племена. И судя по тому, что все эти племена отсутствуют в обычных перечнях народов, даваемых другими античными авторами применительно к северо-западному Кавказу и районам Прикаспия (например, Дионисием [81]), с уверенностью можно полагать, что они обитали именно в центральных районах края, занимая преимущественно предгорья и нагорную зону Предкавказья, мало знакомую древним авторам.

На вопрос, являются ли они предками некоторых современных народов Северного Кавказа, до последнего времени ответить было затруднительно. Правда, в литературе известны вскользь брошенные замечания, отождествлявшие, например, страбоновских гаргареев с «галгаями», т. е. с племенами, являющимися предками современных ингушей (Л. А. Ельницкий [82], И. М. Дьяконов [83], В. Н. Гамрекели [84] и др.). Но эти сопоставления, сделанные слишком прямолинейно и без какой-либо аргументации, казались совершенно неубедительными, хотя самой постановкой вопроса безусловно заслуживали пристального внимания.

Еще несколько лет назад, когда мы не знали ни одного памятника материальной культуры античного времени (вторая половина I тысячелетия до н. э.) в горах и в предгорных районах Чечено-Ингушской АССР, это отождествление гаргареев с галгаями казалось особенно произвольным и необоснованным. Но за последние годы в центральной части Северного Кавказа, в частности и в Чечне и Ингушетии, откры-

---

[80] В. В. Латышев. Известия..., ВДИ, 1949, № 2, стр. 224—225.

[81] Там же, 1948, № 1, стр. 241.

[82] Л. А. Ельницкий. Комментарии к переизданию «Известий древних авторов о Скифии и Кавказе» В. В. Латышева, ВДИ, 1947, № 4, стр. 222.

[83] И. М. Дьяконов. Рецензия на работу Г. А. Меликишвили «Древневосточные материалы по истории народов Закавказья», ВДИ, 1946, № 2, стр. 59.

[84] В. Н. Гамрекели. О племени двалов. Сб. «Мимомхилвели», отд. оттиск. Тбилиси, 1957, т. IX, стр. 203. Примечание.

та и научно исследована целая серия поселений и могильников (VI—IV вв. до н. э. и позднее), которые предположительно вполне могут принадлежать названным Страбоном древним племенам. Это — поселения и могильники: Алхастинское, Нестеровское, Исти-су, Луговые (у сел. Мужичи), Урус-Мартановские и другие.

Еще большее значение имеют факты и наблюдения, установленные при изучении самого вещественного инвентаря ряда этих памятников, правильное истолкование которых стало возможным при помощи сравнительного этнографического материала из этих же районов Северного Кавказа.

Рис. 6. Реконструкция по черепу женщины из Нестеровского могильника
(работа М. М. Герасимова)

Так, крупных размеров бронзовые поясные пряжки с изображениями стилизованных зверей и птиц, известные из могильников Исти-су [85], Лугового (близ сел. Мужичи) и из других мест Чечено-Ингушской республики, вряд ли случайно совпадают с очертаниями и размерами позднесредневековых, уже серебряных женских поясных украшений почти всех горянок Северного Кавказа, в том числе и женщин Чечни и Ингушии. Еще убедительнее другой пример совпадения формы и функции древних и новых предметов. Среди головных бронзовых украшений, найденных нами при исследовании Нестеровского и особенно Лугового могильников, резко выделяются двуовальные пластинчатые бляхи, обычно находимые на лобной части черепа [86]. Понять их назначение можно было только сравнив и сопоставив их с крупными круглыми серебряными бляхами, украшавшими переднюю часть средневекового рогообразного головного убора богатых ингушских женщин XV—XVII вв. (так называемый кур-харс) [87] (табл. I).

---

[85] О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 70.

[86] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 160, рис. 3.

[87] Е. И. Крупнов. К истории ингушей. ВДИ, 1938, № 2, стр. 85, рис. 2.

Такое совпадение самих типов средневековых и древних головных и поясных украшений, зафиксированных в одних и тех же районах края, раньше всего указывает на известную преемственность материальной культуры. Но устанавливается ли этими примерами и этническая преемственность, в подобных случаях не всегда можно сказать утвердительно. Хотя в этом аспекте весьма значущим является свидетельство раннесредневекового армянского историка Моисея Хоренского о языке «гаргаров» или гаргареев, якобы «обильного горловыми звуками», что действительно характерно для языков вейнахских народов, богатых задненебными придыхательными звуками [88]. В пользу же положительного ответа на поставленный вопрос говорят антропологические и этнографические данные. Так, известный скульптор-антрополог М. М. Герасимов, восстанавливая облик женщины по черепу из исследованного нами Нестеровского могильника V в. до н. э. [89] (рис. 6), установил грацильность лицевых костей черепа, присущую и современным горянкам Чечено-Ингушской республики. А реконструируя (по остаткам украшений) женские головные уборы на черепах из Нестеровского и Хорочоевского могильника, он создал форму убора, близкую как средневековому ингушскому кур-харсу, так и современным северо-кавказским головным уборам, например, чеченским (см. табл. I).

При наличии таких примеров ранее упомянутое отождествление тех же гаргареев Страбона с ингушским племенем «галгаи» (до XIX в. занимавшим все Ассинское ущелье и позднее давшим свое имя всему ингушскому народу) не покажется уже таким необоснованным. Тем более что, как оказывается, сам термин «гаргар» до наших дней бытует у вейнахских народов в значении родня или родственники («гаргар» по-ингушски и «гергер» по-чеченски) [90]. Это очень важное наблюдение является решающим аргументом в пользу правомочности связи страбоновских гаргареев с галгаями. Больше того, при наличии в центральных районах Северного Кавказа синхронных гаргареям памятников материальной культуры, при установлении преемственности в типах украшений и близости антропологических черт древнего населения из тех же районов с современным, отождествление древних и современных этнонимов, т. е. гаргареев с галгаями, кажется нам сейчас доказанным. И в утверждении этого положения, как мы видели, немаловажную роль сыграли и данные археологии.

Итак, рассмотрев древнейшие литературные источники, свидетельствующие о племенах и народах древнего мира, исторические судьбы которых в той или иной степени оказались связанными с территорией срединной части Кавказа, мы приходим к следующим заключениям:

1. Исторически засвидетельствованное древними авторами мощное движение киммерийцев и скифов в Малую Азию нашло себе блестящее подтверждение в размещении соответствующих памятников материальной культуры, в топографии находок вещей скифского типа на Кавказе. Это движение было осуществлено через Кавказский

---

[88] Моисей Хоренский. История Армении. М., 1858, стр. 211.

[89] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. «Тр. ИЭНС», т. XXVIII, 1955, стр. 572, рис. 234.

[90] Пользуюсь случаем выразить благодарность за полученную консультацию об имени «гаргареи» научным сотрудникам Чечено-Ингушского научно-исследовательского института Мариам Чентиевой и О. А. Мальсагову.

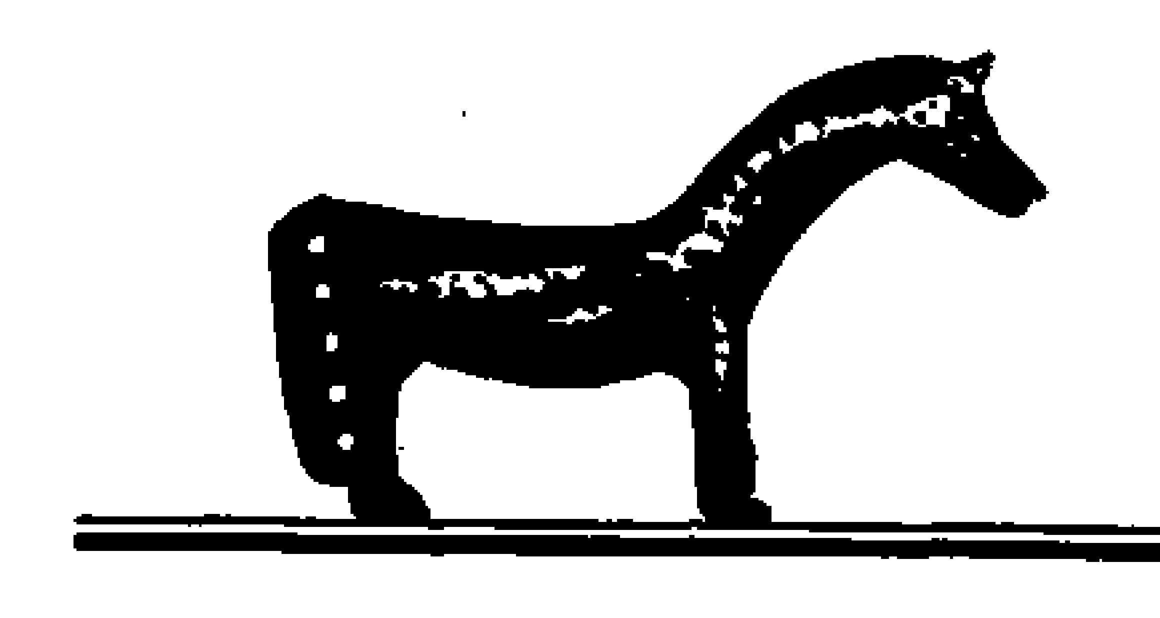
перешеек в два этапа и несколькими путями. Киммерийцы прошли в Закавказье и в Малую Азию по Меото-Колхидской дороге. Скифы же, вернее, племена носители скифской культуры, прорвались через Кавказ древними проходами и проникли в Закавказье и в Переднюю Азию разными маршрутами: по восточному побережью Черного моря, через Дарьяльский и Дербентский проходы, а также через Мамисонский перевал. Из всех этих путей главным для скифов был Дербентский проход (см. карту, рис. 4).

2. Учитывая свидетельства Страбона и других древних авторов, обычно опирающихся на более ранние исторические источники, мы находим возможным упоминаемые ими савроматские или ранне-сарматские племена сираков локализовать в степных районах центрального Предкавказья (от Маныча и южнее), кочевнические племена набианов и панкеанов — в междуречье Кубани и Терека и по среднему течению Терека, а «занимающихся и земледелием» гаргареев, хамекитов и исадиков — в нагорной полосе срединной части Северного Кавказа, преимущественно в разветвленном бассейне р. Терека (рис. 5).

3. В виду согласованности показаний археологических, антропологических и этнографических материалов с историческими и лингвистическими данными о гаргареях Страбона отождествление этого племени с ингушским племенем «галгаи», обитавшим в Ассинском ущелье до настоящего времени, нам представляется наиболее вероятным.

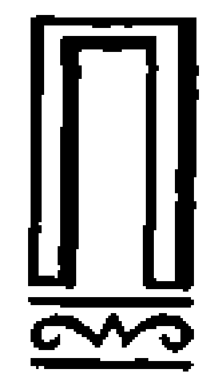
4. Использованные нами древнейшие литературные источники, в сопоставлении с археологическими данными, наглядно документируют пребывание носителей скифо-савроматской культуры в центральных районах Северного Кавказа, где они должны были оставить свой след в культуре местных племен, развернутый анализ которого на археологических материалах и дан нами в последующих главах этой работы.

Глава 4

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Прежде чем приступить к рассмотрению вещественных данных, которые будут служить нам непосредственными историческими источниками для обобщающих выводов и заключений об экономике и быте местного общества раннежелезного века и особенно скифского времени, познакомимся с археологическими материалами предшествующего периода, так как в них заложены истоки материальной культуры интересующей нас эпохи.

Как установлено археологическими исследованиями последних лет, начавшийся еще с эпохи энеолита активный процесс хозяйственного освоения древними местными племенами даже высокогорных районов Северного Кавказа (о чем уверенно можно говорить по памятникам Северной Осетии и в частности Дигории)[1] оказывается полностью завершенным уже в конце II—начале I тысячелетия до н. э. Выяснено, что не «знакомство с горными районами нужно предполагать» для I или даже для II тысячелетия до н. э., как думали некоторые авторы (А. А. Миллер [2] и Б. Е. Деген-Ковалевский [3]), а настоящее освоение этих районов племенами Северного Кавказа еще на грани камня и металла, особенно в эпоху ранней бронзы.

Массовое заселение ксерофитных районов и хозяйственное использование природных их богатств на рубеже II—I тысячелетий до н. э. несомненно было стимулировано растущей ролью стадного скотоводства в хозяйстве местного общества, а также дальнейшим развитием меднорудного дела, что являлось характерной чертой той эпохи.

---

[1] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии. МИА, 23, 1951, стр. 72.

[2] А. А. Миллер. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГИАМК в 1932 г. «Проблемы истории материальной культуры», Л., 1935, № 1—2, стр. 47—51.

[3] Б. Е. Деген-Ковалевский. Курганы в Кабардинском парке, МИА. № 3, 1941, стр. 290.

Последовательное изучение памятников материальной культуры Северного Кавказа предыдущих эпох приводит к выводу, что уже и тогда наблюдалось стремление древнего населения усовершенствовать как средства и орудия труда, так и производство продуктов питания.

ПАМЯТНИКИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Основными источниками для суждения об особенностях этой эпохи служат многочисленные памятники чрезвычайно оригинальной по своим формам кобанской культуры, получившей свое название от осетинского сел. Кобан [4]. Лучше исследованными памятниками этой культуры оказались могильники; известные в небольшом числе поселения изучены еще слабо. Первое поселение этой культуры у станицы Змейской в Северной Осетии было полностью исследовано только в 1957 г.[5]

Резко бросающаяся в глаза диспропорция, наблюдаемая между весьма малым числом известных поселений с культурными слоями кобанской культуры и кобанскими могильниками, особенно в горных районах края, объясняется двумя причинами: с одной стороны, тем, что до последнего времени бытовым памятникам археологи уделяли меньшее внимание чем могильникам, с другой — тем, что большинство современных населенных пунктов в горах расположены на древних поселениях, в силу чего древние культурные остатки оказываются или уничтоженными или трудно доступными для исследования, как например у сел. Камунта в Северной Осетии.

Пышно расцветшая на местной рудной базе кобанская культура занимает особое место в системе кавказских древностей. Она давно возбудила к себе глубокий интерес со стороны русских и зарубежных ученых. Неповторимое своеобразие богатого ассортимента оригинальных бронзовых предметов принесло Северному Кавказу мировую известность. Большую роль в популяризации кобанской культуры сыграл V Археологический съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 г.

Наиболее типичной формой погребального сооружения раннего этапа кобанской культуры является прямоугольная могила, обложенная каменными плитами или булыжником и накрытая плитой. В такой каменный ящик погребенного клали в скорченном положении, на правом или на левом боку. По проработанным мною статистическим методом дневникам раскопок памятников кобанской культуры, устанавливается произвольная ориентировка погребенных [6].

---

[4] Здесь уместно будет напомнить правильность написания и произношения терминов «Коба́н» и «коба́нская» культура (см. глава II, стр. 49); Г. Д. Филимонов. Доисторическая культура Осетии, М., 1878; В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе. V АС. Труды предварительных комитетов, 1882, стр. 242—245; МАК, вып. VIII, 1900; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, vol. I—II. Paris-Lyon, 1888; R. Virchov. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin, 1883.

[5] Впервые поселение, расположенное на отдельном холме близ станицы Змейской (Северная Осетия), было полностью исследовано Северо-Кавказской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Северо-Осетинского НИИ летом 1957 г. Вскрытая площадь равнялась почти 400 кв. м. Более подробное освещение раскопок Змейского поселения см. в гл. V, § 1.

[6] Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. «Уч. зап. КНИИ», т. I, 1946, стр. 145.

Как в мужских, так и в женских могилах в качестве сопровождающего инвентаря находилось огромное количество бронзовых предметов — оружие и украшения. В более ранний период железное оружие встречалось чрезвычайно редко. Головные уборы украшались бронзовыми мелкими круглыми бляшками. На руках, а иногда на ногах были надеты различные бронзовые браслеты. Руки, кроме того, были украшены спиральными наручниками и налокотниками. Шеи женщин украшали ожерелья из бронзовых и сердоликовых бус. Одежды скреплялись различными фибулами (застежками) и крупными стержневыми булавками. Умерших опоясывали пластинчатыми бронзовыми поясами, скреплявшимися высокими и массивными пряжками, нередко украшенными железной инкрустацией. Из оружия — резко выделялись бронзовые топоры чрезвычайно оригинальной формы и разнотипные кинжалы. Кроме того, с умершими клали множество разнообразных привесок, в виде птиц и животных, глиняную, а иногда и бронзовую посуду.

Первоначально памятники, относящиеся к кобанской культуре, были обнаружены только на территории Северной Осетии. Дальнейшими же исследованиями было установлено, что действительная область распространения кобанской культуры несомненно гораздо шире «области, простирающейся на несколько десятков верст на запад от Военно-Грузинской дороги и почти совпадающей с современной Осетией»[7], как ограничивали территорию распространения этой культуры прежние исследователи.

В своей основе кобанская культура больше всего отражает особенности культуры горных и предгорных районов Северного Кавказа, но изредка, особенно в поздний период, ее элементы встречаются даже в степных районах края [8] вплоть до Моздокской степи, откуда известны бронзовые топоры кобанского типа, хранящиеся в музеях городов Орджоникидзе и Нальчика.

В восточном от Осетии направлении эта культура, хотя и слабее, но также прослеживается в пределах горной и предгорной полосы Чечено-Ингушской АССР вплоть до Дагестана, откуда еще Д. Н. Анучину были известны случайные находки предметов кобанской культуры [9]. Нужно учитывать еще и крайне слабую изученность археологами территории Чечено-Ингушской АССР, к изучению которой приступлено только теперь. Особенно показательны в этом отношении, правда, более поздние могильники: у станицы Нестеровской [10], у сел. Мужичи (б. Луговое) [11] или у сел. Исти-су, расположенного в 40 км к востоку от г. Грозного [12], не считая случайных очень

[7] Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. М., 1925, стр. 101.

[8] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник, Л., 1941, стр. 24.

[9] Д. А. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. «Известия Русского географического общества», т. XX, вып. 4. СПб, 1884, стр. 357—449.

[10] «Труды ГИМ», вып. XII, М., 1941, стр. 175; «Труды ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 25.

[11] Е. Н. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95; Е. Н. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 158.

[12] Северо-Кавказская экспедиция. КСИИМК, вып. I, 1939, стр. 28; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 20.

интересных находок, как например, найденной Л. П. Семеновым в 1927г.[13] бронзовой фигурки оленя из сел. Джерах или бронзовых поясных пряжек из сел. Атаги[14] (таблицы II и III). Здесь кобанская культура соприкасается с синхронной ей, вновь открытой культурой северо-восточного Кавказа — каякентско-хорочоевской[15].

Наоборот, в западных от Осетии районах кобанская бронза представлена богато. Местонахождения могильников, поселений и отдельных предметов кобанского типа, выявленные В. Ф. Миллером, позже П. Г. Акритасом, К. Э. Гриневичем и автором данной работы[16], стали известны и по долинам рек Малки, Чегема, Черека, Баксана и другим горным ущельям Кабардино-Балкарской АССР. Подобные памятники известны и из западных районов Пятигорья вплоть до Теберды. Их исчерпывающе описал и определил А. А. Иессен[17]. Отдельные, но очень выразительные находки кобанской культуры из этих районов хранятся в музеях нашей страны и в особенно большом числе в музеях Нальчика и Пятигорска (таблицы IV и V).

Своими последними разысканиями в области древней кавказской металлургии меди А. А. Иессену удалось в Прикубанье выделить особый культурный очаг обработки цветных металлов, одновременный и даже сходный с кобанским производственным районом[18]. Этот очаг явился базой развития в бассейне верховьев Кубани и всего Прикубанья особой культуры конца бронзового и начала железного века, генетически связанной с культурой предшествующей эпохи и развивавшейся в контакте с древней культурой Абхазии и центрального Предкавказья.

Наконец, мы не можем не указать на поразительное сходство отдельных категорий предметов из могильников кобанской культуры центральной части Северного Кавказа с обильными находками бронзы из районов Юго-Осетии, Имеретии, Абхазии, Гурии, Аджарии и даже с южного, Турецкого побережья Черного моря (Орду)[19].

Еще не так давно это сходство, прежде всего выраженное в оружии (топоры, кинжалы), признавалось за тождество и служило почти всем исследователям основанием не только для признания культурного единства Осетии и западной Грузии, но

---

[13] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в 1927 г. Владикавказ, 1928, стр. 194.

[14] В ГИМе хранятся бронзовые поясные пряжки позднекобанского типа из окрестностей сел. Старые Атаги. Летом 1958 г. при раскопках курганов у сел. Старые Атаги Северо-Кавказской экспедицией ИИМК и ЧИНИИ Р. М. Мунчаевым была найдена бронзовая кобанская фибула.

[15] А. П. Круглов. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 111—118; Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1954, стр. 208, 225.

[16] МАК, вып. 1, 1888, стр. 85—87, табл. XXI—XXV; П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. «Уч. зап. КНИИ», т. II, Нальчик, 1946, стр. 301; К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23, стр. 125—139. «Уч. зап. КНИИ», т. IV и V, 1948 и 1950.

[17] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 75—124.

[18] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и начале I тысячелетия до н. э. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 18—22.

[19] S. W. Przeworski. Der Grottenfund von Ordu. «Archiv Orientalni», 7—8, Praha, 1935—1936.

и для установления южных и западных границ распространения, якобы, одной единой кобано-колхидской и даже просто колхидской культуры на Северном Кавказе, по Черноморскому побережью и в Колхиде. Некоторыми исследователями делались даже попытки к ликвидации самого термина кобанская культура, признания его устаревшим [20]. Но новый материал, в большом количестве поступивший в распоряжение исследователей, и новые методологические установки, более приемлемые при изучении древних культурных областей, заставляют полностью восстановить этот термин и лишь исправить и уточнить вопрос о юго-западных границах кобанской культуры, весьма близкой и все же отличной от колхидской культуры. То основное, что мы имеем на территории западной Грузии, скажем, в Эшерском могильнике—это нечто, действительно, близкое кобанской бронзе, но это не кобанская культура, характеризуемая и другими основными формами и другими хозяйственными признаками.

Внимательное изучение археологических источников из Грузии и Осетии приводит к заключению, что при значительном сходстве материала из горной части Северного Кавказа с материалом из Западной Грузии (сходстве, порожденном близостью и даже общностью более глубоких истоков обеих культур) между ними прослеживается и большое различие. Оно выясняется при анализе погребального обряда, керамики, типов топоров, поясных пряжек и других украшений. Отличительные признаки в данном случае более важны, чем признаки, сближающие эти культуры. Так, в Западной Грузии преобладают грунтовые и кувшинные погребения, каменные ящики со скорченными скелетами там очень редки; керамика иных форм и орнаментации по сравнению с кобанской; тип топора там преобладает узкообушный; отсутствуют высокие поясные пряжки, крупные булавки, спиральные наручники и налокотники, а также широкие браслеты со спиральными концами. Наконец, различие проявляется и в полном отсутствии на Северном Кавказе очень характерных для Колхиды бронзовых мотыжек, сечек-ножей для раскроя кожи [21] и топоров цалди. Все это дает основание в описанном сходном материале видеть не одну аморфную кобано-колхскую культуру [22], а две близкие и синхронные культуры — кобанскую — в центральном Предкавказье и колхидскую (но никак не колхскую) [23] культуру в Западной

---

[20] О. Н. Джанашиа Общественные науки в советской Грузии. Ин-т языка, истории и материальной культуры, т. I. Тбилиси, 1937; Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I. М., 1950, стр. 36. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.— Л., 1939, стр. 96; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1944, стр. 16, 68.

[21] Н. В. Трубникова. К вопросу о назначении кобанских «сечек». КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 49.

[22] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XII В. Тбилиси, 1944, стр. 327; Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I. М., 1950, стр. 36.

[23] Термин же колхская, которым некоторые грузинские товарищи пытаются заменить термин кобанская совсем не приемлем, ибо он является производным от этнического названия народа колхи, известного лишь с VI в. до н. э., тогда как начало развития кобанской культуры относится, по нашему мнению, к концу II тысячелетия до н. э., а к кобанской культуре колхи вообще никакого отношения не имели.

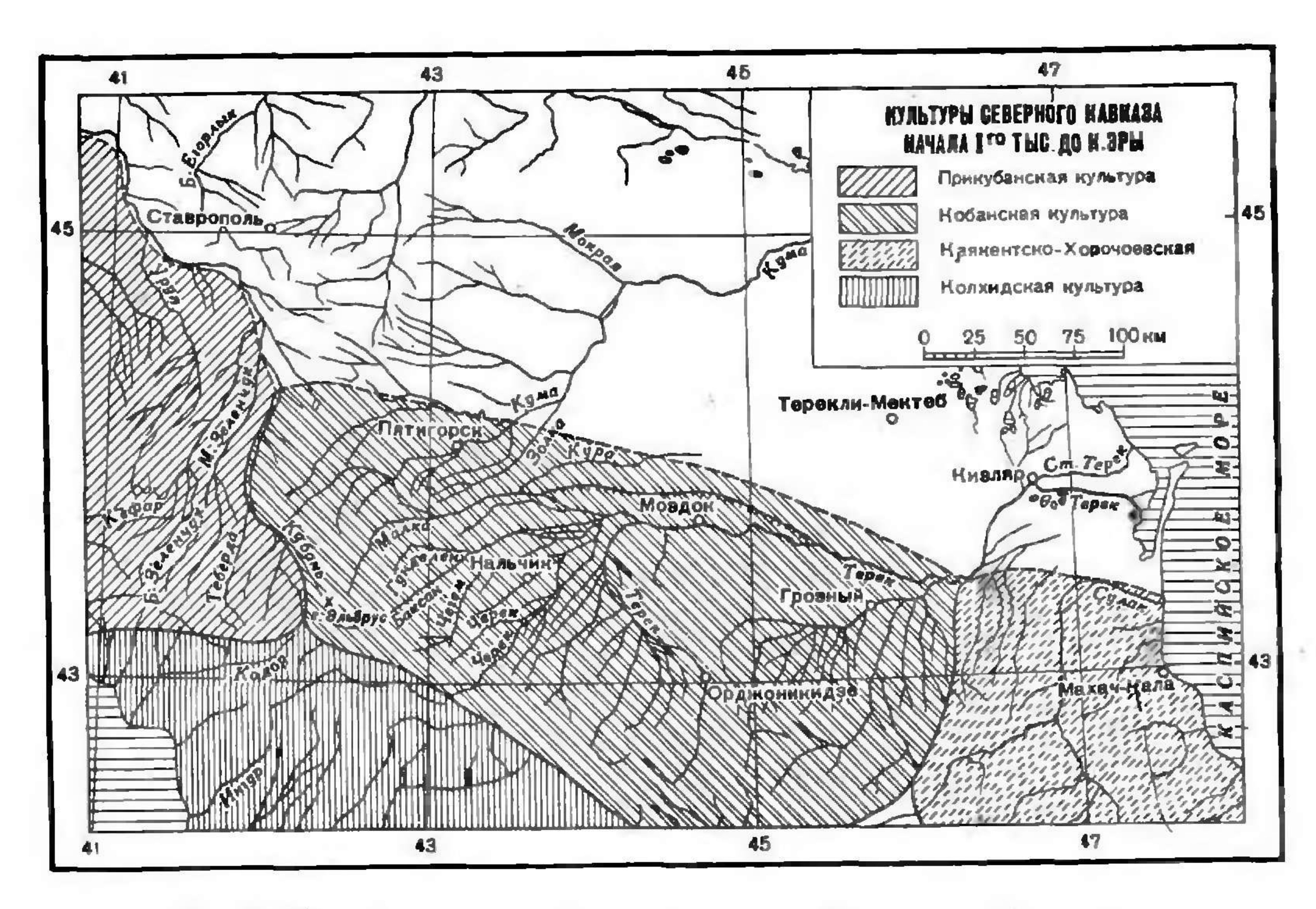

Рис. 7. Карта археологических культур Северного Кавказа

Грузии. К подобному же заключению о своеобразии колхидской культуры и ее отличии от кобанской пришел в своей диссертационной работе «Колхидский топор» и грузинский археолог О. М. Джапаридзе [24]. Наконец, определенное различие между кобанскими и колхидскими бронзовыми предметами было доказано последними исследованиями химического состава как тех, так и других [25]. В кобанских изделиях преобладала оловянистая бронза, в колхидских — мышьяковистая медь.

В аспекте нашей темы нет необходимости рассматривать другой, более крупный культурный очаг центрального Закавказья, охватывающий районы восточной Грузии, северной Армении и западного Азербайджана, где в это время бытовала особая культура, представленная такими могильниками, как Самтаврский, Калакентский, Редкин лагерь и другие.

Таким образом, уже в самом начале I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе намечаются три обширных зоны бытования различных племенных групп, носителей определенных культур (см. карту, рис. 7).

---

[24] О. М. Джапаридзе. Колхидский топор. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XVI В. Тбилиси, 1950, стр. 35—89 (на груз. яз.); его же. Бронзовые топоры Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 281.

[25] Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958, стр. 99.

На территории горного и предгорного Дагестана известна каякентско-хорочоевская культура, выявленная лишь в советский период [26]. Она оказывается связанной с местными и синхронными ей культурами восточного Закавказья [27].

Почти вся центральная часть Северного Кавказа (Чечено-Ингушетия, Северная Осетия и все Кабардино-Пятигорье) покрыта памятниками кобанской культуры разных стадий ее развития. В Прикубанье же, начиная с бассейна верховьев Кубани и дальше до Черноморья, развивалась особая, вновь выявленная культура, лишь в какой-то мере сходная с кобанской, условно названная прикубанской [28].

На сопредельных территориях с кобанской и прикубанской культурами, по ту сторону Кавказского хребта, как уже говорилось, пышно расцвела колхидская культура, питаемая как общностью более глубоких корней этих трех культур (кобанской, колхидской и прикубанской), так и наличием тесных хозяйственно-культурных связей между ними. Это — естественно, так как все эти три культуры граничат между собою и занимают области, некогда населенные родственными племенами, антропологически едиными и принадлежавшими к одной языковой семье. Географическое размежевание этих культур произведено мною на карте, опубликованной еще в 1952 г.[29]

Изучение орудий труда и быта, характерных для каждой из этих культур, приводит к выводу об их генетической связи с местными же культурами предшествующего этапа меднобронзового века на Кавказе. Дальше мы подробнее остановимся на этом вопросе.

Что же касается руководящих форм хозяйственно-бытового инвентаря этих сходных между собою культур (кобанской, колхидской и прикубанской), то в настоящее время можно положительно утверждать, что к самому началу I тысячелетия до н. э. производственные усилия носителей этих культур, применявшиеся в конкретной обстановке, завершились созданием особых типов основных орудий труда, присущих отдельным районам. К этому времени на Северном и Западном Кавказе были выработаны настолько оригинальные основные орудия труда, что их уверенно можно рассматривать как надежные признаки упомянутых культур. Наиболее типичными орудиями и оружием были бронзовые топоры, известные в нескольких вариантах. Попытки их типологической классификации даны в трудах Р. Вирхова, Е. Шантра, П. С. Уваровой, Ф. Ганчара [30], А. Л. Лукина [31], О. М. Джапаридзе [32] и других. Я вполне разделяю мнение О. М. Джапаридзе, прежде всего выделившего тип I, названный им колхидским топором (рис. 8).

---

[26] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II — I тысячелетии до н. э. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130; его же. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13. Л., 1948, стр. 111; МИА, 23, 1951, стр. 208 и 226.

[27] Е. И. Крупнов. Каякетский могильник-памятник древней Албании. «Труды ГИМ», т. XI, М. 1940, стр. 5 сл.

[28] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 29.

[29] Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. «Уч. зап. КНИИ», т. VII, 1952, стр. 8.

[30] F. Hančar. Die Beile aus Koban in der Sammlung Kaukasischer Altertümer. «Wiener prähistorische Zeitschrift», XXX, Wien, 1934.

[31] А. Л. Лукин. Археология бзыбской Абхазии. «Труды Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа», т. I, Л., 1941, стр. 33.

[32] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 284.

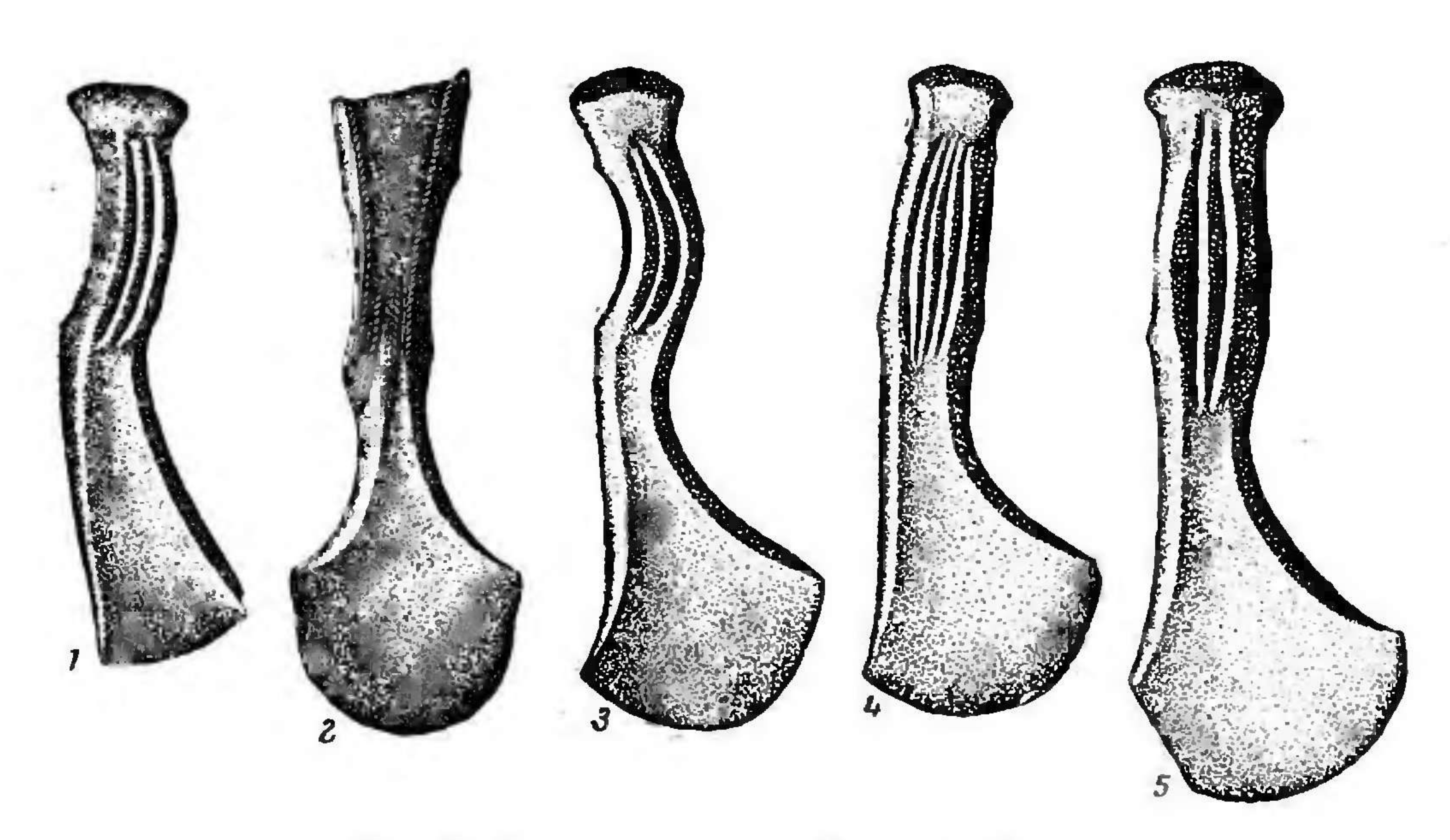

Рис. 8. Бронзовые топоры Северного Кавказа

1 — боевой топор прикубанского типа; *2* — боевой топор колхидского типа; *3* — боевой топор кобанского типа; *4, 5* — рабочие топоры, распространенные во всех зонах

В Западной Грузии, в зоне бытования колхидской культуры самым распространенным (как это подтвердил в своей диссертации О. М. Джапаридзе) и, следовательно, местным типом явился бронзовый топор с острым клиновидным обухом, прямым туловом и полукруглым лезвием (тип «Г» по Уваровской классификации кобанских топоров) [33]. Ф. Ганчар [34] назвал его первым типом кобанского топора. О. М. Джапаридзе выделяет его как первый колхидский топор, наиболее распространенный во всех районах западной Грузии. Последнее подтверждается специальной картой находок этого типа топора, опубликованной в его диссертации.

Наиболее типичным для кобанской культуры будет широко известный тип изящного, дважды изогнутого топора (тип «А» по Уваровской классификации и третий тип по классификации Ф. Ганчара и О. М. Джапаридзе).

Для прикубанского очага, как можно видеть по работе А. А. Иессена, наиболее обычным будет являться изогнутый топор с резко выраженным молотовидным обухом и с узким лезвием (близкий типу «Д»).

Эти три основные типа бронзовых топоров лишь эпизодически встречаются в зонах им несвойственных и служат лишь показателями связей населения этих зон между собою. Так, например, кобанский изящно изогнутый топор очень редко встречается в северных районах западной Грузии и совсем не известен в южных, в особенности в Аджарии.

---

[33] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, стр. 15—16.
[34] F. Hančar. Указ. соч., стр. 19.

Подтверждением наличия оживленного общения между племенами западного Кавказа и центрального Предкавказья [35] служит четвертый тип топора с прямым туловом и ограненной обушной частью («Б» по Уваровской классификации) и второй тип по Джапаридзе. Он занимает как бы промежуточное положение между типом «А» (кобанским) и «Д» (прикубанским). В некоторых вариантах (тип «В») он более массивен и почти одинаково множественен как на территории прикубанской и кобанской, так и колхидской культур. Следовательно, он атипичен. И довольно частые находки этого типа топора во всех районах распространения упомянутых культур (особенно же в пограничных, например, в Кабардино-Пятигорьи или в Лечхуме) могут свидетельствовать не только о социально-культурном единстве и связях разных обществ, но и доказывать преимущество рабочих качеств именно этого типа топора, по сравнению с другими топорами, законно считавшимися лишь боевыми. Этот же тип топора следует считать рабочим. Подавляющее большинство колхидских и кобанских топоров покрыто тонким и довольно сложным орнаментом (гравировкой) и не имеет следов употребления в работе. Следовательно, они рабочих функций не несли. Молоточную часть некоторых из них (особенно колхидских) иногда украшают даже скульптурные изображения животных. Очевидно это были лишь боевые и парадные топоры. Четвертый же тип топора, а отчасти и прикубанский, никогда не украшались узорами, а многие из них сохранили даже явные следы употребления в работе (затупленность, зазубренность и т. д.). Этим обстоятельством, по-видимому, и объясняется территориально более широкое распространение данного рабочего типа топора как на Северном Кавказе, так и в Закавказье (рис. 8).

Выше уже было отмечено, что намечающиеся отличительные признаки материальной культуры интересующих нас районов центрального и западного Кавказа прослеживаются не только по топорам, но и по наличию в одних районах и отсутствию в других определенных форм орудий труда и украшений, а также по погребальному обряду, что особенно важно, ибо все эти признаки — также признаки этнографические. Картографирование таких предметов в Западной Грузии, как топоры цалди, бронзовые мотыжки, сечки-ножи, тяпки и другие, позволили покойному Б. А. Куфтину еще полтора десятка лет назад установить ареал их распространения только в Колхиде и в Лазике [36]. Намеченные им границы почти совпадают с обозначенной нами границей распространения колхидской культуры. В основном совпадает наша карта и с границами размежевания трех культур — кобанской, колхидской и прикубанской, которые намечает А. А. Иессен в своей работе о прикубанском очаге металлургии [37].

Таким образом, уже в I тысячелетии до н. э. можно проследить расчленение всей территории Северного Кавказа на три крупные культурные области, населенные племенами — носителями определенных форм материальной культуры. На северо-

---

[35] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 230—233, рис. 49.

[36] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XII В. Тбилиси, 1944, стр. 314, карта, рис. 12.

[37] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 101, карта, рис. 34.

восточном Кавказе — это племена, оставившие нам памятники каякентско-хорочоевской культуры; в центральном Предкавказье — могильники и поселения кобанской культуры и, наконец, на северо-западном Кавказе — памятники вновь выделенной прикубанской культуры. Границы распространения этих культур и племен намечаются довольно четко, кроме северных, очерченных нами условно (рис. 7).

Несомненно, в недрах этих местных культур и в этническом составе местного населения той эпохи уже были заложены основы для формирования будущих народностей Северного Кавказа и их культур, таких, как адыго-черкесо-кабардинской, осетинской, чечено-ингушской и дагестанских народностей.

Оставляя в стороне вопрос этногенеза народов Чечни и Дагестана, глубокие корни происхождения которых также, несомненно, нужно искать в племенном составе носителей каякентско-хорочоевской культуры, отметим, что отсутствие и в более позднее время какой-либо общности в культуре народов Дагестана и центрального Кавказа не является случайностью. Кроме отдельных фактов, доказывающих существование определенных культурных связей, какого-либо культурного единства между древним населением Дагестана и Осетии не наблюдалось и в период бытования кобанской и каякентско-хорочоевской культур. Археологически эти культуры совершенно различны. Различны и антропологические типы носителей этих культур [38].

Наоборот, некоторые черты культурного единства, общность бытового уклада и единство антропологических типов населения центрального Предкавказья и северо-западного Кавказа, наблюдаемые еще со времени эпохи бронзы (с начала II тысячелетия до н. э.[39]) не исчезли и позднее, вплоть до I тысячелетия до н. э.

В дальнейшем мы постараемся показать, что последующее развитие местных обществ протекало в условиях частичного включения в сугубо местную кавказскую среду (относящуюся к иберо-кавказской языковой семье) инородных для Кавказа этнических элементов — носителей иранской речи (скифов). И хотя исторический процесс в эпоху раннего средневековья и завершился здесь сложением мощных языково различных этнических образований — алано-осского (иранского) и адыго-черкесо-кабардинского (иберийско-кавказского) массивов, традиционная связь между населением бассейнов Терека и Кубани, прочно установившаяся еще в эпоху бронзы, не прерывалась никогда [40].

В пограничных районах кобанской и прикубанской культур эта взаимосвязь особенно ощутима. Она покоится на более глубокой основе — на культурной общности древнего населения центральной части Северного Кавказа и всего западного Кавказа, прослеживаемой еще с эпохи ранней бронзы.

В этой связи нельзя не отметить, что прошлое археологическое единство этих областей, как известно, устанавливается и по лингвистическим материалам (по принадлежности населения этих районов к иберийско-кавказской языковой группе) и по

---

[38] В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа. Сб. МАЭ, т. XIV, 1953, стр. 361.

[39] Г. Ф. Дебец. Палеантропология СССР в последние годы. Тезисы, М., 1955.

[40] Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. «Сборник по истории Кабарды», вып. 1, Нальчик, 1951, стр. 47; его же. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 30—31.

антропологическим данным, устанавливающим распространение на всей территории западного Кавказа единого антропологического типа, названного В. В. Бунаком понтийским [41], отличного (по Г. Ф. Дебецу [42]) от восточно-кавказского типа.

Мы сознаем, что здесь нельзя будет обойти молчанием трудного вопроса происхождения рассматриваемых культур изучаемой эпохи.

Не касаясь вопросов происхождения и развития прикубанской культуры, частично освещенных в уже не раз упоминавшейся работе А. А. Иессена «О прикубанском очаге металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века», а также колхидской культуры, не являющейся прямым объектом нашего исследования, к тому же в какой-то мере освещенной В. А. Куфтиным и О. М. Джапаридзе [43], выскажем свои соображения о возникновении и развитии замечательной кобанской бронзы, какие у нас сложились в результате многолетних работ по археологии Северного Кавказа.

Рассмотрение генезиса кобанской культуры всегда связывалось с попытками решения общих вопросов о развитии кавказской металлургии меди. И это — естественно. Очень яркая и оригинальная кобанская бронза всегда производила сильное впечатление на всех исследователей и, при довольно слабой разработанности общекавказской истории и археологии, наталкивала их невольно на преждевременные попытки истолкования ее появления. Этим преимущественно и объясняются промахи в существующих концепциях и теориях о возникновении и развитии бронзовой индустрии на Кавказе, в частности на Северном. Иногда исследователи, чаще всего зарубежные, совершенно не знакомые ни с историей, ни с этнографией края, серьезно не овладевшие даже наличным фактическим материалом, создавали ложные концепции, пытаясь решить сложную проблему происхождения кавказских культур. В основе этих ошибочных построений лежали как порочная методологическая направленность их авторов, так и несовершенство приемов исследования. Ведь, на чем, чаще всего, основывались гипотезы о якобы внезапном появлении металлургии бронзы на Кавказе лишь в конце II тысячелетия до н. э. и о дальнейшем ее развитии в результате заноса извне? На случайных, часто внешних, формально-типологических сопоставлениях, а не на комплексном изучении источников, при явно недостаточном знакомстве с местным материалом, сведения о котором заимствовались обычно из вторых и даже из третьих рук.

Так родилось отрицательное отношение к мнению о возможности существования на древнем Кавказе очага собственной металлургии меди, высказанное Р. Вирховым [44], Э. Шантром [45] и другими, вскоре же после V Археологического Съезда в Тиф-

---

[41] По докладу В. В. Бунака на сессии Кабардинского НИИ в Нальчике в августе 1946 г. См. также В. В. Бунак. Указ. соч, стр. 345, 364.

[42] Сужу по докладу Г. Ф. Дебеца на сессии Отделения исторических наук, посвященной результатам экспедиционных работ в марте 1953 г.

[43] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1944, стр. 17; О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 291.

[44] R. Wirchow. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berl., 1883.

[45] E. Chantre. Congrès International d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques et de zoologie, vol. II, Paris, 1893.

лисе в 1881 г. Позднее оно было повторено Ж. Морганом [46] и другими, создавшими беспочвенные теории об импорте продукции металлического производства на Кавказе из различных районов Передней и даже Центральной Азии.

Так, уже в начале XX в., базируясь на чисто внешнем сходстве кобанской бронзы с отдельными вещами гальштатской культуры Дунайского бассейна (сходстве, прослеженном в основном по иллюстрациям, а не по подлинным предметам), Г. Вильке [47] и М. Гернес [48], совершенно не допуская и мысли о местных истоках кавказской металлургии, расцвет бронзовой культуры на Кавказе объяснили массовым переселением на Кавказ дунайских племен металлургов.

И хотя все более и более накапливавшийся материал разных этапов местного развития цветной металлургии давно уже опровергал все эти ложные схемы и миграционные концепции, их влияние долго еще сковывало успешную разработку кавказской археологии. Достаточно сказать, что «идеи европейского происхождения кобанской культуры» и отнесение кобанских древностей «к одной и той же европейской цивилизации» (гальштатской) признавались ценными и плодотворными и разделялись даже некоторыми советскими исследователями в 20-х годах текущего столетия [49].

Впервые только лишь А. А. Иессену [50] в 1935 г. в специальной работе, посвященной истории металлургии меди на Кавказе, удалось показать полную беспочвенность теорий заимствования, высказанных зарубежными учеными. В дальнейшем Б. А. Куфтин[51] и Б. Б. Пиотровский[52] наметили общую линию развития культуры Кавказа, в которой развитие закавказской металлургии являлось закономерным звеном.

Усилиями археологов-кавказоведов были обнаружены и обнародованы памятники начального периода освоения металла на Кавказе, а блестящее развитие местных бронзовых культур удалось связать с определенными меднорудными районами Кавказа[53]. Эти ценнейшие выводы, являющиеся важными достижениями советского кавказоведения в области археологии, оказываются приложимыми полностью и к Северному Кавказу. Здесь тоже намечается древнейший этап местного развития

---

[46] J. de Morgan. Notes sur les origines de la métallurgie. «L'Anthropologie», vol. XXX, 1932.

[47] G. Wilke. Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und dem unteren Donaugebiet. «Zeitschrift für Ethnologie», Wien, 1904.

[48] М. Гернес. Культура доисторического прошлого. М., 1914.

[49] А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 308.

[50] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935.

[51] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети; его же. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIII B. Тбилиси, 1944.

[52] Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949; его же. Археология Закавказья. Л., 1949.

[53] Более подробное освещение опыта разработки вопроса о кавказской металлургии и хронологических основ первобытной археологии Кавказа, поданное в критическом плане, содержится в известной работе А. А. Иессена «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» (Известия ГАИМК, вып. 120, 1935), в монографии Б. А. Куфтина «Археологические раскопки в Триалети», т. I, и в ряде работ Б. Б. Пиотровского, как например, «Археология Закавказья», Л., 1949.

металлургии, подготовивший столь пышный расцвет кобанской бронзы на рубеже II и I тысячелетий до н. э.

В каких же руководящих формах орудий труда и оружия выявляется этот предшествующий этап?

Хотя вопросам происхождения отдельных культур Кавказа, в частности кобанской и колхидской, не было еще посвящено специальных исследований, в ряде работ были высказаны соображения, предполагающие истоки кавказских культур эпохи поздней бронзы, вернее переходной поры от бронзы к железу, в археологических комплексах, характеризующих уровень развития материальной культуры эпохи средней бронзы в тех же районах Кавказа.

Так, Б. А. Куфтин давно уже обратил внимание на то, что район распространения бронзовых топоров колхидско-кобанских типов почти точно соответствует границам распространения определенной кавказской разновидности топора с опущенным и трубчатым обухом предшествующей эпохи средней бронзы [54]. Это заставляет думать, что не только в западной Грузии, но и на Северном Кавказе, в частности в Дигории и Кабарде, в кобанскую эпоху мы имеем дело в области металлургии не с абсолютно новыми явлениями, а лишь с фактами местного совершенствования культурных достижений середины второй половины II тысячелетия до н. э.

В этой связи мы не можем не отметить нашего расхождения с А. А. Иессеном во взгляде на историю развития металлургии в эпоху Кобана в западных районах Северной Осетии. Признавая «наличие в ряде моментов несомненных связей с предшествующими формами изделий и с ранее освоенной техникой» в районах центрального Кавказа, А. А. Иессен одновременно видит «разрыв преемственности в развитии металлических изделий и... наслоение новых, привнесенных извне, главным образом из Западного Закавказья, форм и технических приемов, неизвестных в предшествующее время». Давно и прозорливо наметив в Дигории и Раче особый очаг местного производства еще во второй половине II тысячелетия до н. э.[55], А. А. Иессен считает, что очаг этот был абсолютно чужд кобанской культуре, успешно вытеснившей его продукцию формами кобанской бронзы, заимствованными из западной Грузии [56]. В трактовке этого вопроса А. А. Иессеном мы усматриваем некоторое противоречие. С одной стороны, автор как будто не отрицает местных корней и связей кобанской культуры с предшествующим этапом и согласен резко отличать кобанскую культуру от колхидской, а с другой стороны, основные элементы Кобана он все еще склонен выводить из Западной Грузии [57]. Причины нечеткого определения позиций автора в этом вопросе, как мне кажется, заключаются в ощутимой тенденции его к использованию для своих выводов исключительно металлического инвентаря, без привлечения других памятников, прежде всего, керамики и погребальных сооружений. Одного же металла для решения интересующих нас вопросов происхождения кобанской

---

[54] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 12; его же. К вопросу о древнейших корнях... «Вестник Гос. музея Грузии», т. XII B, 1944, стр. 315—316.

[55] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 156.

[56] Его же. Прикубанский очаг металлургии и МИА, 23, 1951, стр. 80.

[57] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии... МИА, 23, 1951, стр. 80.

культуры недостаточно, поэтому у А. А. Иессена и приходится констатировать не совсем им изжитое представление о том, что «первоначальной базой возникновения кобанского комплекса металлических изделий является западное Закавказье» [58].

В рецензии на книгу А. А. Иессена мы уже имели случай отметить некоторую недооценку им производственных возможностей обитателей Северного Кавказа эпохи поздней бронзы [59]. В другой работе [60] с цифрами в руках мы постарались показать, что не только «область Лечхумских и Рачинских месторождений меди», как казалось А. А. Иессену, а абсолютно вся горная зона центрального Кавказа (включая и северные склоны), богатая меднорудными и полиметаллическими месторождениями, являлась производственной базой для расцвета бронзовой индустрии в начале I тысячелетия до н. э., в частности для производств таких сложных для того времени клепаных металлических изделий, как например, жемталинская ваза.

Что же касается генезиса и развития Дигорско-Рачинского металлургического очага, то, признавая его действительную культурную обособленность во второй половине II тысячелетия до н. э., мы должны, во-первых, сферу его действенности распространить и на западные районы Кабарды, откуда известен аналогичный дигорскому керамический материал (например, из внускных погребений Нальчикского могильника); во-вторых, в его производных формах следует видеть не чуждые более поздней кобанской бронзе образцы, якобы вытеснявшиеся появившимися извне кобанскими формами, а временное сосуществование старых традиционных форм, постепенно уступавших место новым, более совершенным, но той же культуры. Иными словами, мы считаем, что дальнейшее локальное развитие более древней культуры Дигорско-Рачинского металлургического очага происходило в окружении новых форм, присущих уже кобанской культуре, генетически также связанной и с этим очагом.

Факты же обнаружения, в восточных районах Осетии (селения Балта, Чми) [61] и даже Чечни [62] и в западных — Пятигорье (в урочище «Три камня» под Кисловодском) [63], даже в Карачае [64] и у станицы Андрюковской на Малой Лабе [65], таких характерных для дигорской культуры докобанского периода предметов, как крупные медные булавки с расплющенным рогообразным навершием, доказывают наличие

[58] А. А. Иессен. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.— Л., 1939, стр. 96; МИА, 23, стр. 119.

[59] Е. И. Крупнов. Рецензия на работу А. А. Иессена «К вопросу о древнейшей металлургии...» «Советское краеведение», М., 1936, № 11.

[60] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952.

[61] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 60 и сл.

[62] Могильник, насыщенный погребениями с бронзовыми украшениями северо-кавказской культуры, в том числе булавками с волютообразными навершиями, был обнаружен в 1956 г. в Чечне, близ сел. Гатен-кале на Аргуне, Северо-Кавказской экспедицией ИИМК 1956 г. (произв. работ. В. И. Марковин).

[63] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Пятигорского округа. «Труды V Археол. съезда в Тифлисе». М., 1887, стр. 51, табл. II, рис. I.

[64] Бронзовые булавки хранятся в ГИМ'е.

[65] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, стр. 94 и 115.

более широкой сферы влияния этого культурного очага [66], не ограниченного только Дигорией. Почти то же самое можно сказать и об определенных типах бронзовых вислообушных и трубчатообушных топоров, которые своим уже не круглым, а овальным отверстием для насадки на рукоять и появившимся орнаментом на обухе сближаются с ранними кобанскими формами. Они также имели более широкое распространение на Северном Кавказе, почти в границах позднего Кобана.

В своей работе «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода» [67] мы подробно рассмотрели целую серию источников эпохи средней бронзы, знаменующую уже достаточно высокий уровень материального производства, подготовивший следующий этап развития местной культуры — расцвет кобанской бронзы. В этой работе мы подчеркнули крупные хозяйственные успехи населения горных и предгорных районов Северного Кавказа того времени, признав которые, только и можно правильно понять и оценить еще более поразительные успехи горцев в обработке металлов в период существования кобанской культуры.

Мы убеждены в том, что кобанская культура не занесена на Северный Кавказ извне в готовых формах. Мы считаем, что для такого утверждения нет никаких оснований, ибо не знаем фактов, свидетельствующих о встрече и соперничестве местных и пришлых форм материальной культуры, за которыми можно было бы видеть борьбу аборигенов с пришельцами, носителями иной культуры. Наоборот, по ряду существенных признаков мы имеем основание предполагать непрерывный и естественный процесс развития материальной культуры на Северном Кавказе в переходный период от средней к поздней поре медно-бронзового века.

Здесь мы должны будем показать, на базе каких археологических предносылок выросла и развилась кобанская культура, иными словами, какие типы кобанских вещей имеют своих предшественников в более раннюю эпоху?

Кратко, но последовательно разберем все виды источников, начиная от типов погребальных сооружений, форм погребального обряда и, наконец, категорий могильного инвентаря, характерных для эпохи средней бронзы центрального Кавказа. В особенностях этих памятников мы найдем множество существенных признаков, убеждающих в том, что многое типическое для кобанской культуры не заносилось на Северный Кавказ извне, а существовало здесь и раньше в эмбриональных формах и позднее только развивалось и несколько трансформировалось на местной почве.

Так, например, самая характерная для раннего этапа развития кобанской культуры форма могильных сооружений — прямоугольные каменные ящики, известны в ряде мест горной Осетии еще с первой половины II тысячелетия до н. э. и позднее. Таковы, например: большой могильник Загли Барзонд выше сел. Верхний Кобан, сплошь состоящий из примитивных каменных ящиков, правда в большинстве случаев неправильных, приближающихся к квадрату [68], форм; почти аналогичный ему могиль-

---

[66] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии... МИА, 23 стр. 116.

[67] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 17 сл.

[68] Его же. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Сборник статей по археологии СССР. «Труды ГИМ», вып. VIII, 1938, стр. 40—41.

ник у сел. Нижний Кобан, исследованный Д. А. Драницыным в 1907 г.[69]; несомненно, часть известного Галиатского могильника Фаскау [70]; часть Кумбултского могильника Верхняя Рухта [71] и ряд отдельных каменных ящиков, содержавших погребения докобанского периода и вскрытых в разных районах Осетии и Кабардино-Балкарии, например, вскрытый нами в 1937 г. каменный ящик на территории Гизельдон ГЭС в самом сел. Верхний Кобан, что является особенно показательным фактом.

Таким образом, мы можем констатировать, что каменные ящики как типичная форма погребальных сооружений раннекобанской культуры имеют свои прототипы в местной среде еще с начала II тысячелетия до н. э.

Абсолютно то же самое можно сказать и о важнейших чертах самого погребального обряда — об определенной степени скорченности погребенных, довольно произвольной ориентировке, о положении на правом, реже на левом боку в могиле.

Эти особенности погребального обряда были свойственны как эпохе средней бронзы [72], судя по наблюдениям на тех же упомянутых могильниках, так и периоду раннего этапа развития кобанской культуры [73]. Еще с момента первых исследований кобанского могильника было установлено, что для раннекобанских погребений (как и для погребений предшествующей эпохи), характерными чертами являются: одиночность захоронения, не сильно скорченное положение костяка, находящегося в каменном ящике, чаще на правом, реже на левом боку, невыдержанность ориентировки и отсутствие над каменными ящиками каких-либо надмогильных сооружений [74].

Нам представляется, что для решения вопросов генезиса той или иной археологической культуры и даже для решения этногенических проблем наблюдаемая преемственность подобных явлений в погребальных обрядах или, наоборот, отсутствие связи между ними, имеют гораздо большее значение, чем восстановление лишь формально-типологических рядов орудий труда и оружия, ибо первые — важнейшие этнографические признаки, особенно устойчивые в древности, а вторые могут являться производными даже второстепенных факторов — случайных связей и эпизодических взаимоотношений одного общества с другим.

Между тем, в имеющихся попытках прояснить происхождение отдельных категорий предметов кобанской бронзы, а не кобанской культуры, как определенного историко-культурного явления в древней истории Кавказа, всегда в основе лежали

---

[69] ОАК, 1867, стр. 91—93; архив ИММК АН СССР, д. № 93, л. 32.

[70] МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 271—273.

[71] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии. МИА, 23, 1951, стр. 49, см. таблицу на стр. 70.

[72] Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. «Труды ГИМ», вып. VIII, стр. 42—47.

[73] Г. Д. Филимонов. Доисторическая культура Осетии. М., 1878, № 20; В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе. «Труды Подготовительного комитета». М., 1879, стр. 242—245.

[74] Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. «Уч. зап. КНИИ», т. I, 1946, стр. 145.

только типологические ряды металлических предметов и их стилистические сопоставления и никогда не учитывались более существенные признаки, какими являются черты погребального обряда, технология и формы керамики.

Этой особенностью отличаются работы Стефана Пржеворского, давшего типологию колхидских топоров в связи с изучением клада в Орду [75], почти все работы Франца Ганчара, посвященные изучению прикладного изобразительного искусства на материале кавказской бронзы [76], отчасти работа А. М. Тальгрена [77] и ряд работ других авторов. Вместе с тем, нельзя не отметить научную ценность некоторых выводов и наблюдений, содержащихся в ряде этих работ и опирающихся на объективное отношение авторов к исследуемому материалу. Нельзя не признать, что иногда подобные, серьезно выполненные, работы значительно подвигают трудную проблему к ее успешному разрешению. Так, например, для разбираемого нами сейчас вопроса определенное и немаловажное значение имеют некоторые наблюдения и выводы Ф. Ганчара.

Перейдем теперь к рассмотрению могильного инвентаря и прежде всего керамики.

Под нашим углом зрения еще никто и никогда специально не изучал керамические изделия эпохи бронзы центральной части Северного Кавказа. Между тем, обратившись к этому виду исторических данных, безусловно, более чем что либо другое отражающих локальные черты определенной археологической культуры и определенные этнографические особенности бытового уклада и производства носителей этой культуры, мы сможем проследить преемственность форм керамических изделий кобанской культуры и предшествующей ей эпохи.

Просматривая в этом аспекте пока, правда, еще малочисленные серии керамики эпохи средней бронзы, мы можем выделить некоторые формы сосудов, дожившие до расцвета кобанской культуры и характеризующие кобанскую керамику. Такими, например, являются глиняные сосуды, в виде приземистых горшков, с округлым туловом, с короткой шейкой и сильно отогнутым краем, какие известны из ранних комплексов кумбултского могильника Верхняя Рутха [78] и галиатского могильника Фаскау [79]. Сохраняя основные контуры, эта форма сосудов уже в период Кобана несколько изменит лишь соотношение частей и станет наиболее распространенным в кобанских комплексах горшочком, покрытым геометрическим орнаментом [80].

---

[75] S. Przeworski. Der Gottenfund von Ordu. «Archiv Orientalni», t. 7, № 3; t. 8, № 1, Praha, 1935—1936.

[76] F. Hančar. Die Beile aus Koban in der Wiener Sammlung der Kaukasischer Altertümer. «Wiener prähistorische Zeitschrift», XXI, Wien, 1934; его же. Zum Problem des kaukasischen Tierstils. «Wiener Beiträge zur Kunst Kulturgeschichte Asiens», B. IX, 1935; его же. Kaukasus — Luristan. ESA, IX. Helsinki, 1934.

[77] A. Tallgren. Die kupfernen Flachäxe mit seitlichen Zäpfen. Finkst. Torn Tidskrift, Helsingfors, 1912.

[78] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетия. МИА, 23, 1951, стр. 48, рис. 11 — 2, 3, 4, стр. 52, рис. 15—4.

[79] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 283, табл. 215.

[80] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии МИА, № 23, стр. 70, см. таблицу.

Такую же слабую эволюцию претерпевают, по нашим наблюдениям, и другие формы более ранней керамики: одноручные кобанские кувшинчики, развившиеся из приземистых кувшинов с одной ручкой, известные из могильника Фаскау и отдельных каменных ящиков древнейшего слоя могильника в сел. Верхний Кобан, а также баночной, почти цилиндрической формы сосуды, характерные для древнего могильника Загли Варзонд [81], в период Кобана лишь украшенные орнаментом [82].

Технология изготовления сосудов, обработка глиняного теста, характеризуемого хорошей отмучкой, незначительной примесью дресвы и довольно хорошим обжигом готовой, слегка лощеной посуды, также сближает керамику кобанской культуры с посудой эпохи средней бронзы Центрального Кавказа.

Орнаментальные мотивы, богато украшающие кобанскую керамику и особенно бронзовые изделия, спираль в разных вариациях и различные геометрические узоры также происходят еще из предшествующего периода. В этом отношении особенного внимания заслуживают редкие находки керамики со спиральным орнаментом, обнаруженные нами в слое могильника Верхняя Рутха, относимого к первой половине II тысячелетия до н. э.[83] В этом смысле мы уже давно по достоинству оценили ранний штриховой нарезной орнамент на одном из сосудов баночной формы из могильника Загли Барзонд, который, по нашему мнению, является прообразом той совершенной геометрической орнаментации, которая так богато украшала керамику и бронзовые предметы раннего периода развития кобанской культуры [84]. Территориальная близость могильника Загли Барзонд и кобанского могильника, форма и размеры каменных ящиков, относительно слабая скорченность костяков в них также позволили нам тогда генетически сблизить представляемые ими культуры и усмотреть прямую зависимость кобанской культуры от местной, более древней культуры эпохи бронзы.

Если мы обратимся, наконец, к металлическому инвентарю, то и в нем сможем выделить серию руководящих форм, генетически связанных с функционально аналогичными предметами предшествующей эпохи.

Начнем с рассмотрения топора. В выяснении вопроса о происхождении кобанского или колхидского топоров мы имеем плодотворные попытки в предшествующей литературе, в частности у Г. К. Ниорадзе [85], Б. А. Куфтина [86]и других авторов.

Не подвергая здесь обсуждению все высказанные точки зрения на процесс возникновения того или иного типа кобанского или колхидского топоров, отметим, что, по нашему мнению, ближе всего к истине были Ф. Ганчар и О. М. Джапаридзе,

---

[81] Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. «Труды ГИМ», вып. VIII, стр. 46, рис. 3.

[82] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. 1.

[83] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии. МИА, 23, 1941, стр. 36, рис. 6, 3, 4.

[84] Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы..., «Труды ГИМ», т. VIII, 1938, стр. 56.

[85] Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки в сел. Квишари. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XV B, 1948, стр. 1; СА, XI, 1949, стр. 186—187.

[86] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 68.

рассматривавшие известный, так называемый пятигорский, тип [87] каменных топоров, характерный для Кабардино-Пятигорья, а отчасти и Северной Осетии во II тысячелетии до н. э., как отдаленный прототип кобанского топора. Ф. Ганчар сближал его с типом 1_2 его классификации [88] (тип «Б» и «В» по классификации П. С. Уваровой). О. М. Джапаридзе, полемизируя с Ф. Ганчаром, уточнил вопрос. Он считает, что каменные топоры пятигорского типа более близки иному типу топора, а именно типу «Д» по Уваровской классификации, совсем не представленному в Грузии [89]. Но уваровские типы топоров «Б», «В» и «Д», выделенные Ф. Ганчаром в подтипы I_2 и I_3 кобанских топоров, хотя и разнятся между собой, но вместе с тем имеют и много общих черт. Как мы помним, по классификации Уваровой, топоры типов «Б» и «В» отличаются друг от друга лишь размерами и весом. Топоры же типов «Б» и «Г», те, которые Ф. Ганчар не случайно нашел возможным выделить лишь в подтипы I_2 и I_3, в некоторых вариантах имеют особенно разительные черты схожести. И тот и другой тип (по классификации Уваровой) или подтип (по классификации Ганчара) имеют резко ограненную и чуть приподнятую молоточную часть и менее округлую, чем, скажем, изогнутые кобанские или колхидские топоры, лезвийную часть. Этим они резко отличаются как от типичного колхидского топора (типа I по Ганчару), так и от изящного изогнутого кобанского топора (типа III по Ганчару). Вместе с тем они несколько разнятся и между собою, прежде всего большей округлостью и оттянутостью вниз лезвийной части, чем топоры «Б» и «В» по Уваровой или подтип I_3 по типологической классификации Ф. Ганчара. Так что отличать один тип от другого, безусловно, следует.

Но ведь и более древние каменные (чаще из змеевика или мергеля) топоры, выделенные А. Европеусом [90] в самостоятельный тип, названный пятигорским, также известны в двух вариантах или подтипах [91]. Одни из них имеют более укороченный корпус, очень рельефно обработанный и очерченный валиком круглый обух и сильно округлую и оттянутую вниз лезвийную рабочую часть. Другие, наоборот, характеризуются слабее выраженной молоточной частью и почти прямым, лишь с округлыми углами, лезвием [92].

---

[87] A. Äyräpää. Über die Streitaxtkulturen im Russland. ESA, Helsinki, 1933, стр. 57—60.

[88] F. Hančar. Die Beile aus Koban in der Wiener Sammlung der Kaukasicsher Altertümern. «Wiener Prähistorische Zeitschrift», XXI, 1934, с р. 12.

[89] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа; О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, стр. 291.

[90] A. Äyräpää. Über die Streitaxkulturen im Russland. ESA, t. VIII, Helsinki, 1933, с. 57—60.

[91] Кстати более правильно этот тип топоров называть кабардино-пятигорским типом, ибо в восточных районах Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и даже в районах Чечено-Ингушской АССР они также представлены не редкими находками. Известен такой топор даже из Кобана (в Венском музее). Кабардино-Балкария же дала наиболее многочисленные находки этих топоров. См. «Уч. зап. КНИИ», тт. IV, V, 1951; Сборник по истории Кабарды, вып. 1. Нальчик, 1951, стр. 57, а также книгу: Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, М., 1957, стр. 78.

[92] Утверждение покойного Б. Е. Дегена-Ковалевского о том, что эти каменные топоры являются производными от топоров уже меднолитейной техники, на наш взгляд лишено всяких оснований, ибо противоречит их хронологии. См. Б. Е. Деген-Ковалевский. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 238.

В принципе соглашаясь с Ф. Ганчаром в правомочности и закономерности типологического сближения каменных топоров кабардино-пятигорского типа с более поздними формами бронзовых кобанских топоров, мы, в противовес мнению О. М. Джапаридзе, считаем, что прототипом наиболее распространенного кобанского топора «Б» или «В» (по классификации Уваровой) или подтипа I_2 (по классификации Ганчара) был также очень распространенный в Кабардино-Пятигорье каменный топор укороченных пропорций, с четко очерченной обушной частью и сильно округлым лезвием; таков, например, топор из Дигора [93] или Константиновки по раскопкам Д. Я. Самоквасова [94].

Наоборот, прототипом бронзового топора «Д» (по Уваровой) или I_3 (по Ганчару) с почти прямым лезвием следует считать, по нашему мнению, такие каменные топоры эпохи средней бронзы, как топор из окрестностей г. Моздока на Тереке, опубликованный еще Э. Шантром [95], или топор из наших раскопок кургана у сел. Верхний Акбаш в Кабарде [96]. Рабочая часть этих топоров также отличается узким и прямым лезвием, лишь с округлыми углами.

В этих двух разновидностях каменных топоров кабардино-пятигорского типа мы усматриваем прообразы будущих бронзовых топоров раннекобанского времени, не случайно, по нашему мнению, оказавшихся также наиболее распространенными именно в районах, примыкающих к Кабардино-Пятигорью. Они стали типичными, с одной стороны, для прикубанской культуры, а отчасти и для кобанской, и больше всего оказались представленными в кладах бронзовых вещей, обнаруженных в пограничных районах (например в Боргустанском кладе) [97].

Этим самым мы прослеживаем как бы две линии развития двух вариаций или подтипов каменных топоров кабардино-пятигорского типа, весьма характерных для культуры средней бронзы Центрального Кавказа, завершившиеся оформлением двух типов бронзовых топоров кобанского времени, типа «В» и «Д» (по Уваровой) и подтипов I_2 и I_3 по классификации Ганчара. В этом плане существенна и критическая поправка О. М. Джапаридзе к схеме Ганчара, правильно ориентировавшая нас в установлении прототипа для топора «Д». Промежуточным звеном в этом эволюционном ряду мы выделили бы топоры, восстанавливающиеся гипсовой отливкой по литейным формам из сел. Зилги и сел. Кобан [98].

Таким образом, морфологические особенности, а также почти полное совпадение территориальных границ массового распространения тех и других топоров, позволяют нам генетически сближать каменные топоры кабардино-пятигорского типа с

---

[93] А. Äyrapää. Op. cit., ESA, t. VIII, Helsinki, 1933, стр. 58, рис. 51—52.

[94] Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекций древностей. Варшава, 1892, стр. 14 и 498.

[95] E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, I, Paris, 1885, табл. I, рис. 13.

[96] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1948, стр. 207, рис. 11.

[97] Н. М. Егоров. Боргустанский клад. СА, XV, 1951, стр. 292.

[98] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. «Известия ГАИМК», вып. 120, 1935, стр. 103.

наиболее распространенными в западных районах центрального Кавказа типами бронзовых топоров эпохи кобана и последние выводить из первых. Таким представляется нам процесс возникновения на Северном Кавказе бронзового прямого топора, типа «Б», который мы, в силу его большой распространенности также и на территории других культур, считаем атипичным для кобанской культуры. Однако его глубокие местные истоки для нас несомненны.

Оставляя вне нашего детального рассмотрения эволюцию типично колхидского топора с узкой обушной частью, отметим, что вслед за Г. К. Ниорадзе и Б. А. Куфтиным мы склонны прототипом колхидского топора считать более ранние меднобронзовые топоры из Западной Грузии, в частности топоры из Квишарского клада [99], которые хотя и не имели утилитарного назначения, тем не менее представляли собою имитацию настоящих, более древних бронзовых топоров, предшествующих колхидским. Ряд совпадающих признаков как у тех, так и у других топоров, признан и Г. Ф. Гобеджишвили и О. М. Джапаридзе[100]. Узкий обух, внешнее очертание топора, округленное лезвие и овальное отверстие для насадки — позволяют один тип топора (колхидский) выводить из другого (квишарского). Как на промежуточное звено в этой цепи развития формы от квишарского типа топоров к истинно колхидскому, можно указать на один из типов остробушных топоров, явно раннеколхидского типа, встреченный в Пицундском кладе, подробно описанный и верно датированный А. А. Иессеном. Автор справедливо называет его «ранним вариантом» именно колхидского остробушного топора и относит время его бытования к переходной поре от позднего этапа средней бронзы к позднекобанскому периоду [101].

Теперь остановимся на вопросе о возникновении типа топора, который оказывается наиболее характерным для кобанской культуры. Это — изящный по форме, дважды изогнутый бронзовый топор, еще П. С. Уваровой признанный наиболее часто встречающимся в могильниках кобанской культуры (тип «А» по Уваровой и тип III по Ф. Ганчару). Его отдаленным предшественником мы считаем каменный топор с округлым туловом и обушной частью, но более удлиненных пропорций, чем топор кабардино-пятигорского типа. В качестве образца этого прототипа истинно кобанского топора мы можем указать лишь на редкий экземпляр, найденный нами в 1940 г. при раскопках кумбултского могильника Верхняя Рутха.

Топор происходит из коллективной каменной гробницы № 16 и по сопутствующим ему вещам (громадным рогообразным булавкам, цветным пастовым бусам, «бородавчатому» бисеру, овальным височным кольцам в полтора оборота и глиняной посуде баночной формы) отнесен нами к началу второй половины II тысячелетия до н. э.[102]

Его удлиненное тело имеет такое же соотношение частей как у кобанского топора, т. е. отверстие для насадки топора на рукоять отделяет ровно треть молоточной

---

[99] Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки в сел. Квишари. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XV — В, 1948, стр. 1; его же. Археологические находки в сел. Квишари, СА, XI, 1949, стр. 186.

[100] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, XVIII, 1953, стр. 291.

[101] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, 1951, стр. 116—117.

[102] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Осетии. МИА, 23, 1951, стр. 54, рис. 18, 1.

части топора. Но отверстие его еще круглое и небольшое, в диаметре всего около 1,5 см. Топор сделан из плотного желтоватого мергеля, как и большинство топоров кабардино-пятигорского типа, и при наличии малого отверстия для рукояти и относительно значительного веса и затупленности лезвийной части вряд ли являлся рабочим топором. Это был — боевой и парадный топор, как и топоры кабардино-пятигорского типа.

Во всех случаях строго научных раскопок зафиксированное положение этих топоров, лежащих в могиле на уровне правых плеч мужских скелетов, рукоятями вниз (например, в погребении № 9 в кургане у сел. Верхний Акбаш), укрепляет мнение о боевом и парадном назначении этих топоров, нередко отличающихся необыкновенной стройностью, симметрией и изяществом [103]. Все эти признаки характерны и для топора из могильника Верхняя Рутха. По нашему убеждению, это тоже был боевой, парадный топор. Его лезвийная часть также припухло тупа, если рассматривать топор спереди, и достаточно уже округла, с оттянутым вниз концом лезвия — в профиль. Пока еще слабо намечающаяся двойная изогнутость корпуса топора, характерная округлость лезвийной части и слабо выраженная орнаментация обушка (в виде поперечной углубленной полосы), на наш взгляд, роднит этот тип топора только с истинно кобанским топором. Описанный каменный топор из могильника Верхняя Рутха мы и рассматриваем как прототип кобанского топора, причем прототип может быть даже не самый ранний, но в камне пока еще не зарегистрированный. По общему мнению исследователей, этот тип кобанского топора, наиболее богато орнаментированный, также служил боевым, парадным, но не рабочим топором.

Промежуточным звеном в цепи развития этого типа топора мы бы назвали сейчас ряд уже бронзовых топоров, также известных из Дигории в качестве случайных находок и хранящихся в музее г. Орджоникидзе. Таков, например, бронзовый топор из сел. Лескен. Отлитые из меди, эти топоры имеют отчетливо выраженную двойную изогнутость корпуса, орнаментальную ребристость обушной части и уже овальную втулку для насадки, что указывает на их более поздний возраст. В предшествующей нашей работе мы отнесли их к концу II тысячелетия до н. э. и считали уже прямыми предшественниками кобанских топоров [104].

Оставляя этот основной вывод в силе и сейчас, мы хотели бы несколько исправить и уточнить ранее высказанное мнение. В упомянутой работе «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода», руководствуясь наличием относительно узкого лезвия и тонкого обуха у этих топоров, мы ошибочно назвали их прообразами кобанских топоров типа «Г» и «Д», т. е. по существу колхидского и прикубанского топоров. Более углубленное изучение соответствующих серий топоров приводит сейчас нас к иному заключению; мы считаем, что описанные бронзовые дигорские топоры типологически ближе всего к кобанским топорам и являются лишь промежуточным звеном в общей цепи развития этого типа топоров от более ранних —

---

[103] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 207—8.

[104] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Осетии. МИА, 23, 1951, стр. 62, рис. 21—6.

каменных, представленных пока единственным топором из могилы № 16 Кумбултского могильника Верхняя Рутха.

Известно также, что Ф. Ганчар кобанский топор, выделенный им в тип III, выводил из бронзовых вислообушных топоров Северного Кавказа [105]. Полагаю, что это не лишено оснований. Нам только кажется, что как вислообушные, так и трубчатообушные бронзовые топоры порождали разные линии развития. Если строго иметь в виду прототип именно изящного кобанского топора, то в серии более древних вислообушных топоров центральной части Северного Кавказа мы назвали бы только бронзовый топор из сел. Кобан, хранящийся в Венском музее, на который правомерно ссылался Ф. Ганчар [106]. Производными же формами именно от этого (венского) топора и будут уже упоминавшиеся нами бронзовые дигорские топоры с овальными проушинами, двойной изогнутостью корпуса и рельефными гранями на обушной части. Повторяем, что в них-то мы и склонны видеть прямых предшественников настоящих кобанских топоров (типа «А» по Уваровой). И, может быть, не случайным является самый факт нахождения бронзового вислообушного топора, названного Ганчаром прототипом кобанского топора типа III (по его классификации), именно в окрестностях сел. Кобан.

Обратившись к другим видам первобытного оружия, ножам и кинжалам, мы также можем проследить преемственность форм этих видов оружия кобанского времени от соответствующего оружия предшествующего этапа средней бронзы. Причем выясняется, что при детальном ознакомлении с соответствующими местными сериями, например, бронзовых (еще кованых) кинжалов докобанской эпохи и при сопоставлении их с исключительно богатыми и многообразными типами колющего и режущего оружия кобанской культуры, отлитого уже в литейных формах, сразу намечаются две линии развития двух типов кинжальных клинков: один тип кинжалов со стержневой рукоятью, другой — только клинок без рукояти.

Первый тип, датируемый еще первой половиной II тысячелетия до н. э., представляет собою узкий, очень удлиненный клинок с ярко выраженной срединной гранью и плоской стержневой рукоятью. Образцами этого типа кинжалов могут служить, например, бронзовые кинжалы из ранних комплексов могильника Верхняя Рутха у сел. Кумбулта, а также кинжалы (случайная находка) из окрестностей сел. Дергавс [107] и из наших раскопок у сел. Галашки (б. с. Первомайское) в Чечено-Ингушской АССР [108]. Ко второму типу, более древнему, чем кобанские кинжалы, мы отнесли бы более многочисленную группу сравнительно широких плоских кинжальных клинков без рукоятей, удлиненно треугольных или овальных очертаний. Для скрепления с деревянной или костяной рукоятью в верхней части клинка имеются по краям два или три отверстия и даже гвозди. По продольной оси некоторых клинков про-

---

[105] F. Hančar. Die Beile aus Koban..., стр. 19, табл. III, рис. 8.

[106] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях... «Вестник Гос. музея Грузии», т. XII В, Тбилиси, 1944, стр. 305, рис. 8—4.

[107] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии. МИА, 23, стр. 45, рис. 9—*6*, *7*.

[108] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области КСИИМК, 32, 1950, стр. 90, рис. 24—8.

слеживается грань. Примерами этого типа докобанских кинжалов могут служить широкие кинжальные клинки из могильника Беахни-Куп близ сел. Чми [109], а также близкие кинжалы из окрестностей сел. Кобан, известные еще по изданиям П. С. Уваровой [110]. Свое происхождение эти клинки ведут от еще более древних форм кинжалов эпохи ранней бронзы.

Производными от первого типа кинжала с рукоятью следует считать все богатые вариации кинжалов, с самыми различными фигурными рукоятками, составляющие одну из своеобразных черт прославленной кобанской культуры. Соответствующие производные формы кинжальных клинков в эпоху Кобана дал и второй тип более ранних кинжалов, без рукоятей. Но число вариантов этого типа кобанских кинжалов намного уступает многообразию первого типа, иногда с весьма вычурными рукоятями, к которым имели такую сильную склонность носители кобанской культуры.

Можно назвать всего три типа кинжальных клинков кобанской культуры без рукояти. Первый тип представляет собой широкий клинок с легкой гранью, проходящей по продольной оси, и с притупленным концом лезвия. Второй — еще более широкий, остроконечный клинок с резко выступающей продольной полосой. Клинок этого типа представляется в виде равнобедренного треугольника, при помощи гвоздей скрепляющегося с рукоятью. Отличительная черта клинков обоих этих типов — слабая вогнутость края лезвия в центральной части, что нередко давало повод видеть в этих типах кинжальных клинков Центрального Кавказа якобы веское доказательство факта занесения на Кавказ форм микенских кинжалов, между тем как в действительности эта форма является производной от более древних местных форм кинжальных клинков. Третий тип, редко встречаемый, представляет собою массивный широкий, ровный клинок с резко выраженной острой продольной гранью и слабо выступающим стерженьком. Но, быть может, как раз этот тип и не местный, а привнесенный извне, возможно, из восточного Закавказья. Разумеется, все эти кинжалы кобанской культуры отливались уже в соответствующих литейных формах[111].

Только для времени кобанской культуры оказывается характерным еще один тип бронзовых кинжалов, не имеющий своих предшественников в более раннее время. Это — как бы промежуточный тип между кинжалами с массивными литыми рукоятками и совершенно плоскими кинжальными клинками. Таковы, например, кинжалы из сел. Кобан[112], из сел. Кумбулта [113] и др.

Существует мнение, особенно распространенное в грузинских археологических кругах, что якобы бронзовые наконечники копий были чужды в свое время носителям кобанской культуры. О. М. Джапаридзе видит в этом даже один из решающих признаков, отличающих кобанскую культуру от колхидской, для которой характерно «копье с расщепленной втулкой», т. е. кованое копье [114]. Действительно, в Западной

---

[109] П. С. Уварова. Могильники.., табл. LVII, № 6, 8.

[110] П. С. Уварова. Могильники.., табл. XI, № 3.

[111] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии.., ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 107, рис. 13.

[112] П. С. Уварова. Могильники.., табл. XXIX, 1.

[113] Там же, табл. XCУII, 4.

[114] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, стр. 283.

Грузии (например у Бешташени) [115] и даже в соответствующих слоях Самтаврского могильника находки бронзовых наконечников копий с листовидно удлиненной рабочей частью и раскованной втулкой почти обычное явление, чего нельзя сказать про Северный Кавказ. Но оказывается, что и здесь они бытовали, правда, не в массовых количествах. И по наличным данным и здесь можно проследить путь развития формы копья от более древнего бронзового с раскованной втулкой к литому наконечнику, а затем и к железному, как это еще более убедительно можно сделать по массовому материалу Закавказья.

Мы имеем в виду четыре бронзовых листовидных наконечника копья с расщепленной втулкой, обнаруженные нами в одной из полуразрушенных могил (погребение № 15) на Кумбултском могильнике Верхняя Рутха в 1940 г. (табл. VI). Найдены они вместе с раннекобанским кинжальным клинком и обломком украшения. Морфология этих копий позволяет сближать их с рядом таких же бронзовых наконечников копий из Самтаврского могильника, например, из погребений №№ 565, 600 (по раскопкам Ф. Байерна) [116] переходной поры от бронзы к железу, а также с наконечниками копий с расщепленной втулкой из ряда грунтовых погребений позднебронзовой эпохи, вскрытых Б. А. Куфтиным у дороги Бешташени—Сафар—Хариба. Нижним хронологическим пределом этих погребений Б. А. Куфтин считал XII—XI вв. до н. э.[117], т. е. относил их к самому начальному этапу развития кобанской культуры.

Раннекобанским временем мы датируем комплекс из Верхней Рутхи с упомянутыми выше наконечниками копий. Но эти копья не единичны. Еще П. С. Уварова опубликовала два бронзовых наконечника копья из галиатского могильника Фаскау. Один из них явно литой и по форме (укороченные крылья и удлиненная втулка) может быть отнесен еще к эпохе средней бронзы, а второй довольно близок копьям из Верхней Рутхи [118]. Сказать что-либо определенное о местном происхождении этих копий сейчас затруднительно, хотя несомненно их типологическое родство с более ранними формами копий со скованными и свернутыми в трубку втулками, давно известными на Северном Кавказе. Речь идет о бронзовом, скорее, медном, наконечнике копья с расщепленной втулкой из кургана № 7, раскопанного Н. И. Веселовским в 1897 г. у станицы Андрюковской на Кубани [119]. В комплекс, хранящийся в Государственном Историческом музее, входит очень выразительный для эпохи средней бронзы кинжал архаического типа, относящегося, по мнению А. А. Иессена, «к концу среднекубанского периода» [120].

Очень возможно, что более древние прототипы формы наконечников копий из Верхней Рутхи нужно искать вне территории центральной части Северного Кавказа — в Закавказье, а может быть, и на Западном Кавказе, где бытовали копья андрюковского типа и еще более ранние типы (стержневые). Вопросы хронологии этой последней формы копья и копий, имеющих уже литые втулки, а также вопрос о рас-

---

[115] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. XIV и др.

[116] Там же, стр. 70—71, рис. 74б, 75.

[117] Там же, стр. 70.

[118] П. С. Уварова. Могильники..., табл. CXVII, 2,3.

[119] ОАК, 1897, стр. 22.

[120] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, стр. 114.

пространении на Северо-западном Кавказе, включая и Кабардино-Пятигорье, более поздних форм литых наконечников копий эпохи раннего железа, обстоятельно рассмотрены А. А. Иессеном в одном из разделов его работы о «Прикубанском очаге металлургии и металлообработки», к которой мы и отсылаем читателя [121].

Отметим только, что для наших целей важно было подчеркнуть наличие и в комплексах кобанской культуры Северного Кавказа довольно ранних типов бронзовых листовидных наконечников копий с расщепленной втулкой, которые в свою очередь явились прообразами железных наконечников копий, характеризующихся той же узколистовидной формой и теми же соотношениями частей, какие наблюдаются уже к середине I тысячелетия до н. э.

Если мы теперь обратимся к украшениям, то по эволюционным рядам отдельных категорий этих бытовых предметов древних кобанцев также сможем установить их исходные формы в материальной культуре предшествующей докобанской эпохи. Возьмем ли мы только проволочные височные кольца в полтора оборота круглых очертаний, встречающиеся в самых ранних могильных комплексах эпохи бронзы, характерных для III и II тысячелетий до н. э., и овальные, или каплевидные, ставшие более массивными в период существования кобанской культуры; возьмем ли бронзовые бусы в виде толстопроволочных колечек первой половины II тысячелетия до н. э., превратившиеся в кольчатые, свернутые из тонкой бронзовой пластинки, бусы в эпоху Кобана, или серии различных привесок и подвесок в виде фигурок животных,— во всех почти случаях мы улавливаем трансформацию форм этих украшений, происходящих от своих первоначальных типов, бытовавших в местной среде в более отдаленные времена [122]. Наконец, остановимся на кобанских булавках, разнообразие типов которых составляет одну из ярких особенностей этой культуры. Еще со времени первых раскопок кобанских могильников было установлено многообразие не только их форм, но и назначения. Раскопками В. Б. Антоновича были зафиксированы случаи нахождения довольно крупных с лопатообразными навершиями булавок, лежащих скрещенно под головами погребенных женщин. Этим доказывалось употребление именно этого типа булавок как гигантских головных шпилек [123]. В других случаях было зарегистрировано положение иных, также сравнительно крупных булавок, на груди и высказано справедливое заключение о них, как о булавках, скрепляющих края одежды из грубой шерстяной ткани. Варианты форм этих булавок очень разнообразны, начиная от простых стержней с закрученным верхним краем и кончая причудливыми навершиями вплоть до ажурных [124] (рис. 9).

Ко всей этой многочисленной по своему составу серии булавок кобанской культуры, по явному недоразумению, основанному на формальном сходстве, относили и гигантские булавки с широкими рогообразными или волютообразными навершиями.

Несмотря на то, что, в отличие от других булавок, именно этот тип (с рогообразным навершием) никем и никогда не был обнаружен в кобанских комплексах,

---

[121] Там же, стр. 111—114.

[122] П. С. Уварова. Могильники..., табл. XXXV.

[123] В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. V АС. Протоколы подготовительного комитета, стр. 243.

[124] П. С. Уварова. Могильники..., табл. XXVII — XXVIII.

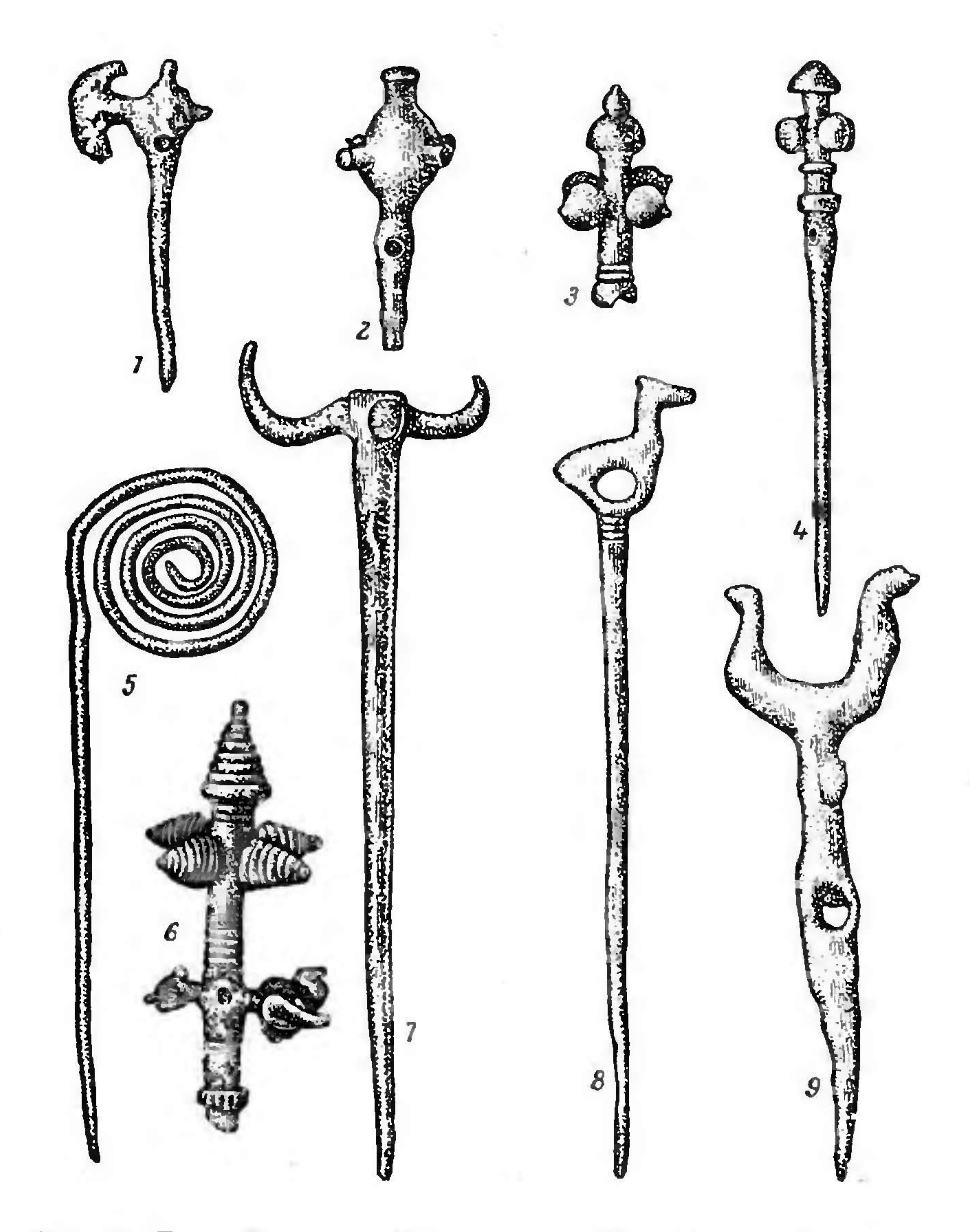

Рис. 9. Типы бронзовых булавок из кумбултского могильника Верхняя Рутха

1 — 9 — из раскопок 1939—1940 гг.

прямое отношение их к кобанской культуре до самого последнего времени ни у кого не вызывало сомнений.

Только в работе, опубликованной нами в 1951 г. и основанной на полевом опыте и первом факте обнаружения подобных булавок в комплексах, не связанных с кобанской культурой, нам удалось доказать, что они сравнительно широко бытовали в районах центральной части Северного Кавказа (от верховьев Кубани до

Дарьяльского ущелья и даже восточнее, вплоть до Чечни)[125] не в кобанское время, а в докобанский период местной истории [126].

Уточнив их назначение в качестве застежек, скрепляющих тяжелые парадные одежды древних жителей края, мы не могли отрицать их типологическую близость к булавкам, типичным для кобанской культуры; вместе с тем мы считали возможным рассматривать их как посредствующее звено между еще более древними формами булавок с молоткообразным навершием, с одной стороны, и уже чисто кобанскими формами, с другой. Сами же гигантские булавки с рогообразным навершием, относящиеся ко второй половине II тысячелетия до н. э., могут рассматриваться лишь как прямые предшественники чисто кобанских форм этих предметов быта [127]. Следовательно, и для этой наиболее оригинальной категории вещей кобанской культуры также прослеживаются местные, более глубокие прототипы.

Такие же изменения во времени форм местных типов предметов быта можно проследить и по браслетам, плоско-пластинчатым или же сделанным из треугольной или полусферической в сечении пластины с незамкнутыми концами, характерным для эпохи средней бронзы Северного Кавказа (II тысячелетие до н. э.) [128], превратившимся в эпоху кобана в массивные бронзовые браслеты с рубчатым корпусом и со спиральными концами или в простые браслеты из орнаментированного иногда массивного прута с несходящимися концами [129].

Мы не будем останавливаться сейчас на рассмотрении таких ярких атрибутов кобанской культуры, как различные поясные пряжки (начиная от высоких пластинчатых форм и кончая еще более разнообразными фигурными пряжками) [130], являющиеся, по нашему мнению, порождением местной культуры именно этой эпохи (т. е. на рубеже II и I тысячелетий до н. э.); пройдем мимо известных и разнообразных кобанских фибул, богато развившихся из простейшей формы дугообразной фибулы (греческого прототипа), вероятность занесения которой на Кавказ вполне допустима, но, разумеется, не в период возникновения в Северном Причерноморье греческих колоний, как ошибочно утверждал А. П. Калитинский [131] (где, кстати, таких фибул не было найдено), а в более раннее время — в конце существования микенской культуры (самый конец II тысячелетия до н. э.) [132], и подведем некоторые итоги.

Комплексное рассмотрение и анализ могильного инвентаря, а также особенностей погребального обряда, характерных для кобанской культуры, в сопоставлении

---

[125] Разведочным отрядом Северо-Кавказской экспедиции 1956—57 гг. (В. И. Марковиным) в Чечне у сел. Гатен-Кале открыт и исследуется самый восточный могильник, давший булавки с волютообразным навершием.

[126] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Осетии. МИА, № 23, 1951, стр. 56.

[127] Там же, стр. 58.

[128] Е. И. Крупнов. Археологичесские работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. 32, 1950. рис. 23, 9—10; «Уч. зап. КНИИ», т. V, стр. 214.

[129] П. С. Уварова. Могильники..., стр. 57.

[130] Там же, табл. XVII, № 3, табл. XXII, № 1.

[131] А. П. Калитинский. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'études á la mémoire de N. P. Kondakow. Pragge, 1926, стр. 50—57.

[132] O. Montelius. La Grèce préclassique, I p., Stockholm 1924, табл. 18—19; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 72,

с соответствующими данными предшествующей эпохи приводят к единственно возможному заключению: о формировании почти всего богатейшего комплекса кобанской культуры на местной основе и не благодаря привнесенным извне формам материальной культуры, а в результате естественного развития местных типов орудий труда, оружия и украшений, порожденного быстрым ростом производительных сил ранекобанского общества.

Действительно, мы имели возможность убедиться в том, что самая форма погребального сооружения — каменный ящик (даже при наличии на Центральном Кавказе и других типов могильных сооружений) была известна в тех же районах еще в эпоху средней бронзы, а в кобанский период сделалась самым распространенным и наиболее типичным для кобанской культуры типом усыпальницы.

Главнейшая особенность кобанского погребального обряда — скорченное положение погребенных, на правом или левом боку, как мы видели, также объясняется сохранением местной традиции, уходящей еще в эпоху ранней бронзы.

Наконец, типологический обзор вещественного материала кобанской культуры, последовательно разобранного нами по его категориям, позволил проследить путь развития отдельных типов орудий труда, оружия и украшений, начиная с эпохи средней бронзы. Мы имели возможность убедиться в том, что большинство типов даже самых выразительных для Кобана предметов (как топоры, кинжалы, булавки и пр.) уже существовало на Северном Кавказе во II тысячелетии до н. э. в качестве зародышевых форм или прототипов кобанских образцов; следовательно, мы могли убедиться в местном происхождении этой замечательной культуры, характеризующей уровень развития населения Северного Кавказа в поздне-бронзовом веке.

В свете высказанного, нам представляются сейчас совершенно беспочвенными, ничем не оправданными и глубоко ошибочными попытки — считать плодотворными всякие разыскания, имеющие целью доказать решающее участие индоевропейского населения Западной Европы в оформлении кобанской культуры (да и других близких культур Кавказа) [133].

В специальной работе: «К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным», на конкретных материалах различных эпох, мы показали достаточно тесные связи древнего населения Северного Кавказа, в частности и носителей кобанской культуры, с центрами и культурными очагами древнего мира, в том числе и с Западом (Гальштат) [134]. Но мы никогда не теряли из вида за межплеменными или международными связями внутренние движущие силы местного общества, самостоятельно развивающего свое хозяйство и свою культуру. И в данном случае, признавая наличие у древних кобанцев довольно широких связей с окружающим миром (об этом подробнее будет сказано в соответствующем месте VIII главы), а также и с Западом, признавая занесение в местную среду отдельных типов памятников материальной культуры, мы в самой категорической форме отвергаем

---

[133] А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. «Известия РАИМК», II, 1922, стр. 308.

[134] Е. И. Крупнов. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным. «Уч. зап. КНИИ», т. II, 1947, стр. 113—132. См. также МИА, 23, 1950, стр. 5—14, предисловие.

всякую идею европейского происхождения кобанской культуры. Для нас всегда был очевиден ее в основе местный, кавказский характер. Полагаем также, что вышеприведенным анализом материала местное происхождение кобанской культуры было в достаточной степени доказано.

Из всего, что было изложено, читатель мог уже составить себе представление и о том, что автор склонен время существования кобанской культуры относить *в основном — к начальным векам I тысячелетия до н. э.*

В общем смысле — это верно. Но вместе с тем, при более подробном рассмотрении вопроса о происхождении этой культуры, мы считаем себя обязанными ответить и более конкретно на вопрос, каким хронологическим отрезком ограничивается широкое бытование в центральной части Северного Кавказа тех основных форм материальной культуры, которые составляют специфику кобанской культуры? Какими моментами определяется начало развития этой культуры, на какой период падает ее расцвет и чем характеризуется угасание основных ее черт и упадок, или закат?

Надо сказать, что проблема датировки кобанской культуры уже имеет свою длительную историю. И хотя специальных работ по этому вопросу мы почти не имеем, тем не менее о хронологии Кобана высказано столько же мнений, сколько авторов занималось освещением кобанского материала в разных аспектах. Амплитуда колебаний предложенных для Кобана дат оказалась очень великой; она колеблется, начиная от XV в. до н. э. и кончая раннеримским временем. Известно, что наиболее раннюю дату для кобанской культуры, не говоря о первоначальной, чрезмерно завышенной датировке Ж. Моргана (XX в. до н. э.) предлагали Э. Шантр[135] и В. А. Городцов[136]. Ее начальный период определялся ими XV—XIV вв. до н. э. (по аналогии с Гальштатом, дата которого тогда тоже удревнялась).

Но вскоре же после открытия сокровищ кобанского могильника, во время V Археологического Съезда в Тифлисе были предложены более правильные, на наш взгляд, хронологические рамки этой культуры.

По мнению А. С. Уварова[137] и Р. Вирхова[138], кобанская культура должна датироваться последними веками II и первыми веками I тысячелетий до н. э. (XII—IX вв. до н. э.).

Позднее были сделаны попытки отнести культуру кобанского могильника даже к VI—V вв. до н. э. и синхронизировать ее с культурой греческих колоний Причерноморья. Авторами этих попыток были А. П. Калитинский[139] и М. М. Иващенко[140]. Но моложе всего кобанские комплексы представлялись И. И. Толстому и Н. А. Кондакову[141]. Неповторимое богатство узоров и орнаментальных приемов украшений

---

[135] E. Chantre. Recherches antropologiques dans le Caucase, стр. 13.

[136] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 284.

[137] А. С. Уваров. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о кобанских бронзовых предметах на Кавказе. «Труды V АС», М., 1887, стр. 1.

[138] R. Virchov. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, S. 10 сл.

[139] А. П. Калитинский. Из истории фибул на Кавказе, стр. 57.

[140] М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 68.

[141] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. III, СПб, 1890, стр. 114.

на вещах представлялось этим авторам не чем иным, как «варварской местной резьбой», которая якобы носила «грубо варварский характер», конечно, по сравнению с римскими образцами. Смешав раннекобанские комплексы с более поздними материалами из других памятников Северной Осетии, в которых сохранились пережиточные кобанские формы, И. И. Толстой и Н. А. Кондаков сочли ее культурой гетерогенного происхождения и отнесли к началу нашей эры.

В наше время только грузинские археологи проявляют, на наш взгляд, неоправданную тенденцию углублять дату кобанской культуры. Так, в одной из своих статей Г. К. Ниорадзе комплексы из сел. Комны, абсолютно аналогичные ранним кобанским, относил «ко времени не позже, чем XIII столетие до нашей эры»[142].

По-видимому, близких к последнему воззрений на время формирования и расцвета кобанской культуры придерживается и О. М. Джапаридзе. В одной из последних своих работ, содержащей и краткий обзор опыта датировки Кобана своими предшественниками, он, как бы несколько уточняя определение Г. К. Ниорадзе, считает возможным нижнюю хронологическую грань колхидской культуры (синхронной кобанской.— *Е. К.*) отнести к XIII в. до н. э. Верхнюю же границу этой культуры он склонен «довести до начала железного века, т. е. VIII в. до н. э.»[143].

Подавляющим же большинством исследователей, которые в той или иной мере касались уточнения даты Кобана (Г. Д. Филимонов[144], А. С. и П. С. Уваровы[145], Р. Вирхов, Гернес, В. Ф. Миллер[146], Б. В. Фармаковский[147], А. Тальгрен[148], М. И. Ростовцев, А. А. Миллер[149], Ф. Гончар[150], С. Пржеворский[151], А. А. Иессен[152], Б. А. Куфтин[153], Б. В. Техов[154] и др.), время бытования кобанской культуры определялось рамками — конец II тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э. В основе этой датировки Кобана у разных авторов лежали различные мотивы и наблю-

---

[142] Г. К. Ниорадзе. Археологические исследования в ущельях р. Куры. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIIВ, 1944, стр. 421 (на груз. яз.); его же. Археологические находки в селе Квишари. СА, XI, 1949, стр. 194.

[143] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 300.

[144] Г. Д. Филимонов. Доисторическая культура Осетии. М., 1872, № 20.

[145] П. С. Уваров. Могильник Северного Кавказа.

[146] В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии. МАК, вып. I, М., 1888, стр. 115.

[147] Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, вып. 34, стр. 50.

[148] A. Tallgren. Kaukasus, «Reallexicon für Vorgeschichte», VI, Berlin, 1926, стр. 260.

[149] А. А. Миллер. Изображение собаки в древностях Кавказа. ИГАИМК, II, 1922, стр. 306, 309.

[150] F. Hančar. Kaukasus — Luristan. ESA, IX. Helsinki, 1934, стр. 89.

[151] I. Przeworski. Op.cit., стр. 53.

[152] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, стр. 131 сл; см. также А. А. Иессен. Прикубанский очаг..., МИА, 23, 1951, стр. 119.

[153] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 72; его же. Урартский колумбарий у подошвы Арарата. «Вестник Гос. музея Грузии», XIIIВ, Тбилиси, 1944; его же. Материалы по археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949.

[154] Сужу по докладу Б. В. Техова на пленуме ИИМК в апреле 1959 г. о его раскопках Тлийского могильника.

дения. Тут были и соображения, основанные на типологическом развитии определенных предметов (как у Ганчара) и стилистические сопоставления с закавказской и переднеазиатской культурами (как у Уваровых или Фармаковского), но главными и основными доводами являлись — сопоставление кобанских материалов с уточненными данными о времени Гальштата, а также то соображение, что отсутствие железа в ранних комплексах служит верным показателем для датировки кобанской культуры.

Мы также считаем, что последний факт служит наиболее объективным и существенным критерием для определения дат для культур переходного периода от бронзы к железу, с учетом той конкретной обстановки, в которой они развивались.

Но при внимательном ознакомлении с хорошо документированными раннекобанскими комплексами выясняется, что и в их состав, правда, эпизодически, но уже входят железные предметы (в частности оружие), а не только бронзовые вещи, инкрустированные железом, как, например, известные раннекобанские бронзовые топоры, украшенные железными змеями[155].

Как известно, в Египте, например, железо употреблялось уже с середины II тысячелетия до н. э., хотя широкое, промышленное использование железа и в Египте и в Малой Азии началось только с XIII в. до н. э. Так, например, по раскопкам Кархемыша можно судить о том, что, только начиная с XII в. до н. э., железо стало широко распространяться в северной Сирии и в северо-западной Месопотамии[156].

Некоторые ученые на основании отсутствия в большинстве кобанских комплексов железа признавали, что кобанская культура характеризует еще бронзовый век в пору его расцвета, так как для овладения железом они предполагали обязательной стадию использования его сначала не в хозяйственных целях, а лишь для орнаментации.

Но умножающиеся числом факты показывают, что на Северном Кавказе железное оружие встречается в комплексах, которые с полным правом можно датировать VIII в. до н. э. (как например, ряд могил Каменномостского могильника)[157] или даже более ранним временем (как например, могила № 2, в кобанском могильнике по раскопкам Б. В. Антоновича[158] или могилы с кобанским инвентарем и железом, вскрытые В. В. Теховым на Тлийском могильнике в 1958 г.).

Не раскрывая широко этой темы, подробно освещенной нами в специальной статье «К вопросу о хронологии кобанской культуры», опубликованной еще в 1946 г.,[159] где приведена соответствующая аргументация, к которой мы и отсылаем читателя, отметим, что вновь поступающий в распоряжение исследователей кобанский материал вместе с железными орудиями[160] и включениями вещественных признаков

[155] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 18—19.

[156] В. И. Авдиев. История Древнего Востока, М., 1946, стр. 74.

[157] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабарде в 1948 году. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 273.

[158] Протоколы заседаний V АС, М., 1887, стр. 243.

[159] «Уч. зап. КНИИ», т. I, 1946, стр. 143—158.

[160] К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23, 1951, стр. 134.

других культур все больше укрепляет нас в правильности сделанных тогда основных выводов о хронологическом месте классического Кобана в системе кавказских древностей.

До последнего времени специалистами недостаточно учитывались (если не сказать, что совсем не учитывались) встречающиеся в составе кобанских комплексов 2-го этапа развития кобанской культуры такие «хронологические эталоны», как бронзовое и железное оружие скифского типа (акинаки, наконечники стрел, серповидные ножи), формы керамики (чарки с высокой ручкой и грушевидные корчаги), своеобразная орнаментика и другие признаки, чуждые местной среде и сближающиеся только с памятниками южных районов Европейской части СССР, где некогда господствовала культура скифских и савроматских племен середины I тысячелетия до н. э.

Между тем, массовое распространение этих форм материальной культуры скифского типа в памятниках Северного Кавказа, начиная с VII в. до н. э., служит верхним рубежом, дальше которого местная кобанская культура продолжает еще развиваться, но не во всех своих старых традиционных формах. Меняется не только общий облик материальной культуры, с этой поры постепенно приобретающей смешанный характер, но появляются даже новые формы могильных сооружений (погребения в грунте, в курганах) и даже новые черты погребального обряда (вытянутые погребения). Очевидно, в жизни местного общества, начиная с этого времени, происходят какие-то изменения, нашедшие свое отражение в материальной культуре Кобана (подробнее об этом речь будет ниже). Мы считаем, что Е. П. Алексеева имела достаточно оснований, чтобы этот новый этап развития культуры, начинающийся с VII—VI вв. до н. э., назвать позднекобанским [161]. Он и должен определять верхнюю дату бытования классической кобанской культуры.

Наоборот, нижней хронологической границей будет являться последнее столетие II тысячелетия до н. э., как в этом можно убедиться из комплексного анализа материалов предшествующей эпохи и общих соображений о первом появлении железа на Северном Кавказе. Мы видели, что истоки кобанских форм хорошо прослеживаются уже в местной культуре конца II тысячелетия до н. э. Таким образом, подлинный расцвет настоящей кобанской культуры в ее самых выразительных формах падает на период, начиная с рубежа II и I тысячелетий до н. э., вернее с XI в. и до VIII в. до н. э. включительно (т. е. до VII в. до н. э.).

Таковы наши основные выводы о происхождении и датировке раннего этапа кобанской культуры.

Мы позволили себе несколько подробнее остановиться на вопросах происхождения и особенностей кобанской культуры только потому, что за последние годы интерес к этой своеобразной культуре, по яркости своих комплексов нисколько не уступающей прославленным древним культурам Запада, например, гальштатской, несколько ослаб. Ослабление интереса и внимания к изучению этой культуры наблюдается и в университетских курсах, и в музейных экспозициях, и в тематике

[161] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949.

диссертаций, разрабатываемой молодыми научными кадрами. Нам известны только две диссертационные работы, содержащие попытки периодизации кобанской культуры и выделения позднего периода ее развития[162].

Проявляемое к особенностям этой культуры (да и других близких ей культур Кавказа) безразличие покажется особенно странным, если вспомнить тот заслуженно повышенный интерес к памятникам Центрального Кавказа, который был проявлен и русскими и зарубежными учеными при первом ознакомлении с замечательными кобанскими находками в конце XIX в. и позднее.

Известно, что для приобретения кобанской бронзы заграничные музеи командировали на Кавказ своих представителей, скупавших вещи у местного населения, стимулируя тем самым в дореволюционное время производство хищнических раскопок. Кобанской бронзой оказались заполнены как музеи Кавказа (Тбилиси, Орджоникидзе, Нальчика, Пятигорска) и центров (Москвы и Ленинграда), так и зарубежные (Берлина, Вены, Парижа, Лиона, Будапешта). Бронза Кобана долго привлекала повышенный интерес к себе среди русских исследователей. Справедливо Ю. В. Готье писал, что «В своей совокупности бронзовые вещи осетинских могильников дают картину, единственную по своеобразию и оригинальности»[163].

К настоящему времени накопился огромный вещевой материал, к сожалению, в большинстве своем плохо документированный. Он требует пристального к себе внимания и систематического изучения. Ведь целый ряд кардинальных вопросов древней истории народов Кавказа — их происхождения, экономического состояния и общественного устройства, а также культурных связей с другими народами, остаются еще далеко не выясненными. Для успешного решения многих из них основным источником будут являться памятники кобанской культуры, ждущие еще своих исследователей и в музейных хранилищах и в полевой обстановке.

Целью этого небольшого отступления от прямой нашей задачи является попытка снова вызвать исследовательский интерес и привлечь научное внимание к изучению этой яркой, весьма своеобразной, древней культуры Северного Кавказа. Она создана, несомненно, талантливым населением края, внесшим свою лепту в общую сокровищницу культуры древнего цивилизованного мира. По нашему глубокому убеждению, углубленное изучение кобанских древностей как исторических источников может вознаградить сторицей и историка-археолога, и этнографа, и искусствоведа. Материал кобанской культуры настолько богат, оригинален, ярок и специфичен, что его хватит всем для изучения его в самых разнообразных аспектах.

Нам кобанская культура всегда представлялась одним из самых замечательных явлений в области древней истории не только Кавказа, но и всего Советского Союза, и мы уверены, что изучение форм этой древней и яркой цивилизации позволит выявить глубокие истоки живой и самобытной культуры современных народов Северного Кавказа и тем помочь написать их историю, что, как известно, является конечной целью работы каждого историка-археолога.

---

[162] Е. П. Алексеева. Назв. работа, стр. 190. Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинир, 1957, стр. 135, 151.

[163] Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, 1925, стр. 103.

ПАМЯТНИКИ СТЕПНОЙ КИММЕРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Здесь уместно будет рассмотреть своеобразные памятники, свидетельствующие о проникновении в местную среду каких-то степных, еще доскифских материальных элементов. Это особая группа источников, генетически не связанных с кавказским материалом и типологически тяготеющих к памятникам степной полосы нашего юго-востока.

Что же это за памятники и с какой древней этнической группой они связываются? Основываясь на греческой литературной традиции, исследователи давно доказывали, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа (рубеж II—I тысячелетий до н. э.) многие степные районы юго-восточной Европы и в первую очередь степи северо-восточного Причерноморья (Приазовья и Подонья) были заселены киммерийцами.

Общепризнано также, что процесс формирования и развития этих племен на указанной территории (особенно исторически засвидетельствованное движение киммерийцев из северо-восточного Причерноморья через северо-западный Кавказ в Переднюю Азию) явился одним из факторов, обусловивших связанность исторических судеб племен и народов Кавказа, Передней Азии и древнего населения юго-восточной Европы [1]. В лице киммерийцев древние обитатели нашей страны впервые как бы связали свою историю со всемирной историей.

Киммерийцы — это древнейшее, историческими документами засвидетельствованное, племенное наименование населения, обитавшего в восточно-причерноморских степях, в Крыму, а отчасти и на северо-западном Кавказе в доскифский период. Имя киммеров, или киммерийцев, было весьма популярно в древности и нашло свое яркое отражение в многочисленных и разнообразных письменных источниках: ассирийских, урартских, греческих, персидских, иудейских и других [2].

Но скудость и отрывочность содержащихся в них сведений до сих пор служат серьезным препятствием для решения основных исторических вопросов, связанных с киммерийцами. Без четко выявленных особенностей именно киммерийской культуры исследователи долгое время все материальные памятники начала I тысячелетия до н. э. на этой территории вынуждены были относить, оперируя условными терминами, то к культуре конца эпохи бронзы, то к «доскифской культуре», то к собственно «культуре киммерийцев».

Сравнительно недавно в одной из своих работ А. А. Иессен перечислил все имеющиеся подступы к освещению киммерийской проблемы и наглядно показал состояние вопроса о киммерийской культуре [3]. Действительно, какие только толкования

---

[1] См. выше третью главу нашей работы, в которой подробно изложены показания древних письменных источников, упоминающих киммерийцев, и нарисована картина киммерийского вторжения в Малую Азию через Кавказ; там же приведена и библиография вопроса. См. также наши статьи: «О походах киммерийцев и скифов через Кавказ» (Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 186—194) и «Киммерийцы на Северном Кавказе» (МИА, 68, 1958, стр. 176—196).

[2] ВДИ, 1949, № 3, стр. 14.

[3] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII — VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 50.

этого вопроса не предлагались археологами. Так, например, О. А. Кривцова-Гракова считала формирование киммерийской культуры следствием «дальнейшего развития срубной культуры» [4]; наоборот, М. И. Артамонов к киммерийской культуре относил последний этап катакомбной культуры, доживавшей в Прикубанье и в Предкавказье до предскифского времени [5]. Это мнение разделяет и Т. Б. Попова [6].

Известна попытка просто приписать киммерийцам кобанскую культуру Центрального Кавказа [7] или почти соответствующую ей по времени кызыл-кобинскую культуру горного Крыма [8]. Не безынтересна мысль Т. Хорвата и Я. Харматта, объясняющая некоторую общность культуры Европы и Кавказа как результат киммерийского вторжения на Кавказ, в Северное Причерноморье и в Венгрию [9]. Близкую этой мысль высказал и А. Милчев, который некоторые находки вещей кобанского типа рассматривал как доказательство проникновения киммерийцев на Балканы [10].

Наконец, венский археолог Ф. Ганчар находил возможным киммерийскую культуру прямо сопоставлять с гальштатской культурой всего Придунавья и включать в нее схожие комплексы с советской территории, вплоть до Кавказа. Имеющиеся некоторые черты схожести в материалах Северного Кавказа и Гальштата раннежелезного века (черная лощеная керамика и ряд бронзовых и железных изделий) он склонен был также приписать воздействию проникших в Европу киммерийцев, одновременно являвшихся создателями кобанской культуры («восточного Гальштата», по терминологии Ганчара) [11]. Недавно в специальной рецензии Б. И. Надэль развеял это заблуждение, справедливо объяснив это сходство лишь «результатом межплеменных, экономических связей», а не этническим родством [12].

Все это с очевидностью свидетельствует о сложности киммерийской проблемы в целом и о необходимости внимательного изучения всех новых материалов, которые могут служить источниками, освещающими культуру мифических киммерийцев.

Кажется, в одном только сходится большинство исследователей, что киммерийцы, являясь давними аборигенами степных пространств Северного Причерноморья, Крыма и северо-западного Кавказа, были этнически неоднородны и что само название — киммерийцы (гимери, гимирраи, гомер, кимеры) в качестве собирательного имени распространялось на все местное доскифское население столь обширной

---

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Тр. ГИМ», XVII, 1948, стр. 164.

[5] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 47.

[6] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, М., 1953.

[7] Л. А. Ельницкий. Киммерийцы и киммерийская культура. ВДИ, 1949, № 3, стр. 25.

[8] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 65.

[9] J. Harmatta. La problème cimmerien. «Archeologiai Ertesito», ser. III, vol. VIII—IX. Budapest, 1948, стр. 79—132.

[10] Сборник «Гаврил Кацаров», II. София, 1955, стр. 359—373.

[11] F. Hančar. Hallstatt und der Ostraum (Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerier problems). Сборник «Гаврил Кацаров», I. София, 1950, стр. 265—274.

[12] Б. И. Надэль. Рецензия на 2 тома Сборника «Гаврил Кацаров», ВДИ, 1958, № 2, стр. 194.

территории, обнимающей пространство почти от Волги до Центральной Европы. Отсутствием четкого представления у исследователей о киммерийцах и их культуре, собственно, и объясняется многочисленность различных попыток освещения киммерийской проблемы. Эти попытки основаны на свидетельствах античных авторов и прежде всего Геродота, указывающего на пребывание киммерийцев, с одной стороны, у Керченского пролива, с другой — даже на Днестре[13].

В третьей главе настоящей работы мы уже говорили о том, что строго документальные данные ассирийских источников VIII в. до н. э.[14], отмечающие вторжение киммерийцев в страны Передней и Малой Азии, рисуют киммерийцев как многочисленный, очень подвижной и воинственный народ, пришедший из «Северного Края Земли» и угрожавший целостности и благосостоянию государств Древнего Востока. В ряде же других источников, как например, в греческих и библейских, те же исторические факты и события оказываются окрашенными в художественные и религиозно-мифологические тона; вместе с тем все они рисуют киммерийцев как грозную, воинственную и разрушительную силу.

Вот, например, как ярко и образно освещается в Библии появление киммерийцев в Передней Азии в самом конце VIII в. до н. э.

«И потому Яхве воспламенился гневом против своего народа, и простер руку свою на него, и поразил его. Горы сотряслись и трупы их стали как нечистоты на улицах; при всем том гнев его не утих; и рука его еще простерта. И поднимет он знамя народам дальним и позовет одного от Края Земли, и вот он быстро и легко явится. Не будет в нем ни изнемогающего, ни утомленного; он не будет дремать и не будет спать; пояс не снимется с чресл его, и не разорвется ремень у сандалий его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колесницы его, как вихрь; рев его подобен львиному; он ревет подобно алчущим львам; зарычит и схватит добычу, и унесет, и никто не спасет; и в тот день будет реветь против него подобно морскому шуму, и посмотрит он на землю, и вот тьма, скорбь, и свет померк на небе ее»[15].

Ряд исследователей допускает предположение, что первые походы в Двуречье и в Малую Азию были совершены киммерийцами еще в XI в. до н. э. (Врун и др.). По-видимому, эти походы киммерийцев и не только на юг, но и на запад, совершались и позднее, вплоть до VII в. до н. э., непосредственно уже смыкаясь с походами скифов. Многократность вторжений киммерийцев на территорию Передней и Малой Азии признается также рядом исследователей, например Б. Н. Граковым[16].

Из всех показаний этих источников справедливо выводится два важных заключения, сводящихся к тому, что, несмотря на некоторую неопределенность географических и этнографических сведений о киммерийцах, особенно сообщаемых греками,

---

[13] В. Н. Даниленко. К киммерийской проблеме. «Археология», V. Киев, 1951, стр. 225.

[14] Там же, стр. 54 и далее.

[15] В. В. Латышев. Известия древних писателей.., Восточные тексты о Скифии и Кавказе (из книги пророка Исайи). ВДИ, 1947, № 1, стр. 269.

[16] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 12.

киммерийцы, безусловно, являлись доскифским населением нашего степного юга[17] и что исходной областью их походов в Переднюю Азию всегда являлось северо-восточное Причерноморье, точнее побережье Меотиды[18].

Выше мы уже отмечали заслугу Я. А. Манандяна, который, по нашему мнению, убедительно доказал былое существование древнего пути из Приазовья в Закавказье, вдоль восточного побережья Черного моря (Меотидо-Колхидская дорога), которым воспользовались киммерийцы и который недооценивался ранее историками[19]. В этой связи нельзя не подчеркнуть одного важного совпадения, свидетельствующего, что не только литературная традиция греков, но и историческая традиция древневосточных народов (о чем говорилось выше) хотя и смутно, но настойчиво локализовала исходную территорию киммерийцев где-то в пределах северо-западного Кавказа, откуда они прорвались через восточное побережье Черного моря. Здесь уместно отметить, что возрожденное сомнение в возможности использования именно этого пути киммерийцами, высказанное в недавнее время И. М. Дьяконовым, на наш взгляд, лишено оснований[20].

Таким образом, базируясь на исторических свидетельствах, можно прийти к заключению, что в определении границ киммерийского расселения и во всяком случае границ распространения киммерийской культуры существеннейшее значение должна иметь и территория Северного Кавказа, разумеется, в первую очередь его западная часть. В настоящее время, насколько известно по литературе, все исследователи, в той или иной степени проявившие интерес к киммерийской проблеме, в связи с разработкой и освещением истории северо-западного Кавказа приходили к единодушному признанию наличия в этом районе киммерийских элементов.

Напомним о положительном мнении по этому вопросу Я. А. Манандяна. Далее, М. И. Артамонов, в связи со своей трактовкой вопроса о времени возникновения больших кубанских курганов, писал даже, что Прикубанье «было, вероятно, центром исторических киммерийцев, память о которых долго жила на берегах тесно связанного с Кубанью и географически и исторически нынешнего Керченского пролива»[21]. Отсюда, писал М. И. Артамонов в другой своей работе, киммерийцы «первые начали грабительские походы через Кавказ в страны древнего Востока»[22].

Реальность былого пребывания киммерийцев в восточном Крыму и на Тамани признана и В. Д. Блаватским[23]. Сопоставляя некоторые результаты археологических исследований на территории Боспора с античными свидетельствами о киммерийцах, В. Д. Блаватский не только допускает прошлое существование на месте

---

[17] О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 76, 79.

[18] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. Нальчик, 1957, стр. 122.

[19] Я. А. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944.

[20] И. М. Дьяконов. История Мидии, М.— Л., 1956, стр. 230, 237.

[21] М. И. Артамонов. Третий Разменный курган. СА, X, 1948, стр. 177.

[22] Его же. Вопрос о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 47.

[23] В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. «Вестник МГУ», 1948, № 8, стр. 9—10.

нынешнего г. Керчи древнего киммерийского пункта, но предполагает даже действенность влияния киммерийских этнических элементов в создании будущего греко-туземного государства Спартокидов на Боспоре. Рассматривая тему с других позиций, пребывание киммерийцев на Боспоре, в том числе и на северо-западном Кавказе, признают и Ю. С. Крушкол[24] и Л. И. Лавров[25].

Очень результативными в нашем аспекте оказались последние работы, произведенные И. Т. Кругликовой на Киммерике[26] и в других пунктах Крыма, доказавшие, главным образом по керамическому материалу, принадлежность поселений восточного Крыма племенам киммерийцев[27].

Наконец, сами материальные следы прошлого бытования киммерийцев в восточном Приазовье и на Кубани признавал выдающийся русский археолог В. А. Городцов[28], признает и А. П. Смирнов. Намечая южную границу распространения предметов киммерийской культуры, А. П. Смирнов писал, что эта граница «проходит к югу от Воронежа — на Кубань, к востоку от Краснодара»[29].

Вполне солидаризируясь с этим утверждением, автор данной книги в одной из своих работ попытался документировать это положение ссылками на соответствующий археологический материал так же из восточных районов центральной части Северного Кавказа[30].

Это оказалось возможным сделать только после известной и весьма плодотворной попытки В. А. Городцова[31] облечь «мифических киммерийцев археологической плотью», и после недавней не менее плодотворной попытки А. А. Иессена[32] выделить определенный круг доскифских памятников северо-западного Кавказа, который с наибольшей вероятностью можно приписать синхронной «степной культуре», т. е. киммерийцам. Теперь значительно расширились практические возможности для типологического и хронологического определения руководящих форм киммерийской культуры. Исходя из справедливой посылки, что основные орудия труда, оружие и важнейшие предметы быта киммерийцев (судя по довольно высокой степени их

---

[24] Ю. С. Крушкол. К вопросу о киммерийцах. Сборник «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 89.

[25] Л. И. Лавров. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. III. Нальчик, 1954.

[26] И. Т. Кругликова. Раскопки Киммерика. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 142.

[27] Ее же. Поселения эпохи поздней бронзы в восточном Крыму, СА, XXIV, 1956, стр. 90.

[28] В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР, БСЭ, изд. 1, т. 7, стр. 619; Бронзовый век. БСЭ, изд. 2, т. 6, стр. 154.

[29] А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. «Уч. зап. КНИИ», т. IV, 1948, стр. 69.

[30] Е. И. Крупнов. История и культура Кабардино-Пятигорья и северо-западного Кавказа в I тысячелетии до н. э. «Уч. зап. КНИИ», т. VII, 1952, стр. 27—33; его же. Древняя история и культура Кабарды. Нальчик, 1957, стр. 124—129.

[31] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. «Тр. секции археологии РАНИОНА», т. II, 1928, стр. 46—60.

[32] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, 1951, стр. 75—124; его же. К вопросу о памятниках VIII — VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 49—110; его же. Некоторые памятники VIII — VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», 1955, стр. 112.

общественного развития) должны быть нисколько не ниже вещественных памятников других народов Европы переходной поры от бронзы к железу, В. А. Городцов выделил некоторые орудия труда и быта, известные в южных районах Украины, Поволжья и всего Северного Причерноморья, и резонно признал в них руководящие типы предметов киммерийской культуры.

Таковыми он считал: медные или бронзовые плоские топоры и кельты (топоры с вертикальной втулкой), бронзовые мечи, кинжалы и широкие ножи со стержнем и характерным перехватом у черенка, втульчатые копья, бронзовые серпы с загнутой рукоятью, наиболее ранние типы удил, медную и бронзовую клепаную посуду, ряд бронзовых украшений, а также первые железные предметы (ножи). Киммерийскому же керамическому производству он приписал и наиболее ранние образцы черной лощеной посуды определенных форм (с раздутым корпусом), украшенной нарезным геометрическим орнаментом, иногда заполненным белой пастой [33].

В результате, в совокупности исторических и археологических данных, были намечены хотя и схематично, предполагаемые границы расселения киммерийских племен, а, вернее, границы распространения киммерийской культуры. Искомую территорию ограничивает линия, идущая от устья Дуная на Кишинев, Киев, Харьков, Валуйки, Новочеркасск, затем на Краснодар и Новороссийск [34]. Действительно, очерченная территория и дала все те основные категории предметов, которыми В. А. Городцов охарактеризовал культуру киммерийских племен.

В основном это заключение В. А. Городцова до самых последних дней не вызывало в археологических кругах принципиальных возражений, и ряд археологических предметов, действительно, можно считать довольно точными образцами материальной культуры киммерийских племен (например, кельты, кинжалы и др.). Подобно тому, как звериный стиль, детали конской сбруи и бронзовые втульчатые наконечники стрел принято считать образцами культуры скифских племен, хотя бытовали эти предметы, а иногда и производились, не только скифами степного Приднепровья и Приазовья, а и на далекой периферии скифской культуры.

Высказанные В. А. Городцовым соображения о руководящих формах киммерийской культуры и являются для нас отправными в данной работе.

К настоящему времени круг этих памятников количественно еще более расширился, охватив значительную территорию, в частности и Кавказ. И если совсем еще недавно, проявляя излишний скептицизм, допустимы были сомнения в обнаружении на северо-западном Кавказе существенных материальных следов доскифской киммерийской культуры, то в настоящее время оснований для таких сомнений не осталось. Они развеяны последними исследованиями А. А. Иессена по прикубанской бронзе доскифского периода [35].

В составе материала, выявленного им прикубанского очага металлургии и металлообработки, существовавшего на рубеже II и I тысячелетий до н. э., оказалось

---

[33] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре, стр. 54 и 59.

[34] Там же, стр.48. См. также карты в БСЭ, том СССР, 1947, стр. 291, карта II; БСЭ, изд. 2, т. 6, стр. 154.

[35] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 19—20.

такое количество предметов, совершенно чуждых местной среде и весьма схожих с киммерийскими, если не прямо тождественных им, что мы смело можем говорить о наличии киммерийских элементов и на Северном Кавказе. Корни происхождения таких предметов, как бронзовые кельты, характерные кинжалы с перехватом у рукояти и другие, в местной кавказской материальной культуре не прослеживаются. Морфологически они совершенно чужды культурам Кавказа. И не случайно, такой осторожный исследователь как А. А. Иессен, прямо и открыто не называя их киммерийскими, признает это в том смысле, что видит в них отраженное в местной культуре Прикубанья влияние степных культур[36].

Какими же археологическими материалами обосновывается это заключение?

Это подтверждается находками таких бронзовых вещей на территории северо-западного Кавказа, как бронзовые кельты (близ г. Сочи, у станиц Келермесской, Урупской, у аула Тауйхабль, у сел. Верхняя Теберда и в других местах), бронзовые серпы, с загнутым стержнем для насадки (у станицы Андрюковской, сел. Учкулан, на р. Индыш, у сел. Карт-Джюрт, в урочище Агур), втульчатые наконечники копий, ножи, кинжалы с перехватом у рукояти[37] и прочие предметы, весьма близкие формам синхронной степной киммерийской культуры[38].

С новыми показательными находками вещей киммерийского типа познакомил нас недавно Н. В. Анфимов. Во время пахоты, у станицы Удобной на р. Урупе в 1954 г. были вскрыты три кургана, в каждом из которых при костяке находились: бронзовый кинжал, двулезвийный киммерийский нож, или кинжал, и крюкастый серп, типа пятигорских серпов. Находки поступили в Краснодарский музей. Н. В. Анфимов справедливо найденные кинжалы считает «изделиями северных производственных центров»[39].

Одним из характерных признаков материальной культуры интересующего нас времени (мы уверенно называем ее киммерийской) А. А. Иессен не без оснований счел и древнейшие на нашем юге, особенно на северо-западном Кавказе, бронзовые принадлежности конской узды (в первую очередь удила и псалии[40]. Подробнее об этом речь будет ниже). Этот материал значительно расширяет возможности, для суждения о киммерийской материальной культуре.

Но формы орудий труда, оружия, частей конской узды и различных предметов быта, в частности керамической посуды, т. е. формы, подобные перечисленным на-

[36] См. его же более развернутую работу на эту тему: А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, 1954, стр. 86, а также его статью «К вопросу о памятниках VIII — VII вв. до н. э.» СА, XVIII, 1953, стр. 110, его же: Некоторые памятники VIII — VII вв. до н. э., в сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», 1954, стр. 112—131.

[37] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, 1951, стр. 86—88.

[38] Если даже некоторые из этих предметов и могли быть изготовлены в районах северо-западного Кавказа, например некоторые серпы и наконечники кокий, их возникновение, по нашему мнению, связано с воздействием степных киммерийских типов этих орудий, ибо в местной кавказской среде в большинстве случаев мы не имеем их прототипов.

[39] Н. В. Анфимов. Находки предметов эпохи бронзы близ станицы Удобной. СА, 1957, № 4, стр. 155.

[40] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII — VII вв. до н. э., СА, XVIII, 1953, стр. 50.

ходкам в Прикубанье, известны и в районах Кабардино-Пятигорья и в Северной Осетии и даже в районах Чечено-Ингушской АССР, особенно формы керамики.

Все это обязывает исследователей, в какой-то степени освещающих киммерийскую проблему в целом, учитывать и серьезно считаться с соответствующими находками, сделанными и в восточных районах северо-западного Кавказа, а не только в Прикубанье.

К только что упомянутым предметам киммерийского типа, найденным в разное время в верховьях Кубани, как бронзовые кельты из Краснодарского края [41], бронзовые серпы, кинжалы или копья из окрестностей станицы Удобной, селений Учкулан, Карт-Джюрт [42], урочища Агур [43] и другим следует прибавить аналогичные предметы, найденные на восточной территории Северного Кавказа.

Начнем с кельтов как наиболее инородных по своему происхождению для кавказской среды форм и, наоборот, весьма характерных для степной (киммерийской) культуры. Как известно, приуральские [44] или сибирские кельты совершенно иные, обычно они безушковые или с одним ушком; из 19 типов минусинских кельтов только восемь были с парными ушками [45]. Степные типы — двуушковые, и по соотношению частей и по форме втулки отличные от сибирских.

Раньше всего назовем два бронзовых кельта из клада, обнаруженного в 1877 г. на верхней Куме у станицы Бекешевской и ныне хранящегося в Гос. Историческом музее [46]. Один кельт более массивный, с двойным валиком по верхнему краю втулки и двумя большими ушками. Второй кельт меньше размером и другого типа, без валиков и с меньшими ушками. Рабочие же части их сходны [47]. Нам представляется, что сомнение, высказанное относительно принадлежности последнего кельта к Бекешевскому кладу, не основательно, так как не подкреплено никакой определнной документацией [48]. (Табл. VII).

Третьей находкой (без точного паспорта) является кельт, хранящийся в Пятигорском музее. Он не имеет ушков, но зато ниже втулки имеет углубленный пояс для скрепления с рукоятью; боковые стороны его украшены продольными гранями. Этими чертами он действительно отличается от всех двуушковых кельтов, найденных в Прикубанье и в Подонье, равно, как отличается от сибирских и приуральских. Но вместе с тем в какой-то степени его можно сближать с более архаичными безушковыми кельтами укороченных пропорций, на которых также имеются грани, правда

[41] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии.., МИА, 23, 1951, стр. 97, рис. 11.

[42] Там же, стр. 90.

[43] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей культуре металлургии..., ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 132, рис. 20.

[44] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западно-сибирских кельтов. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 65.

[45] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. «Тр. отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа», т. I, 1941, стр. 240, рис. 2.

[46] Московский Публичный Румянцевский Музей. Каталог отдельных древностей. М., 1905, № 3351—3352.

[47] Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. «Уч. зап. КНИИ», т. VII, 1952, стр. 32, рис. 6, 1—2.

[48] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, 1951, стр. 86.

не продольные, а поперечные [49]. За редкими, притом известными исключениями (например, часть коллекций Скиндера из Закавказья), археологические материалы, хранящиеся в Пятигорском музее, поступали из районов Северного Кавказа. Поэтому нет оснований сомневаться и в том, что бронзовый кельт является местной находкой.

Вместе с другими восемью кельтами с северо-западного Кавказа, подробно рассмотренными А. А. Иессеном, только что перечисленные три бронзовых кельта из Пятигорья, совершенно чужды по своим типам и формам кавказскому материалу, и очень схожи, например, с кельтами Крыма, в частности с Ялтинским образцом. Они с наибольшей определенностью документируют наличие и в этих районах Северного Кавказа элементов киммерийской культуры.

К разряду таких же убедительных показателей проникновения на Северный Кавказ продукции степных производственных центров относятся двулезвийные ножи, или кинжалы, с характерным перехватом у стержня. Более ранние из них так называемого срубного типа имеют заметный перехват в верхней части самого лезвия, а более поздние — перехват у самого стержня. Последние именуются срубными или киммерийскими ножами (кинжалами)[50]. Но это один тип кинжалов разных этапов развития.

Не считая трех находок подобных кинжалов в Прикубанье из кургана у станицы Крымской [51], в районе г. Кропоткина в 1929 г. [52], кинжала, поступившего в 1949 г. в Краснодарский музей [53] и последних поступлений замечательных кинжалов или черешковых дротиков из станицы Удобной, перечислим подобные же кинжалы, или двулезвийные ножи из восточных районов.

Два таких бронзовых кинжала киммерийского типа разных размеров хранятся в музее г. Нальчика. Один известен как случайная находка из сел. Заюково [54], другой, более крупного размера, из окрестностей сел. Курп. Оба они имеют узколистовидное лезвие и сильно выраженный кольцевой перехват у стержня для насадки на рукоять.

Один небольшой нож или кинжальчик найден нами в 1939 г. среди разрушенных гробниц на Кумбултском могильнике Верхняя Рутха [55] (табл. VIII, рис. 1).

Один обломок киммерийского кинжала с перехватом у рукояти из Северной Осетии в коллекции В. И. Долбежева, хранящейся в Государственном Историческом музее.

---

[49] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, стр. 99, рис. 30.

[50] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Тр. ГИМ», вып. XVII, М., 1948, стр. 162.

[51] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии.., ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 136, рис. 22.

[52] Его же. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, стр. 87.

[53] Собственная зарисовка кинжала во время командировки в Краснодарский музей в октябре 1949 г.

[54] Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. «Уч. зап. КНИИ», т. VII, 1952, стр. 30, рис. 5, *1*.

[55] Е. И. Крупнов. Материалы по истории Северной Осетии. МИА, 23, стр. 64, рис. 23, 2.

Крупного размера, несколько деформированный кинжал еще раннего, срубного типа хранится в музее г. Орджоникидзе и по всей вероятности найден на территории Северной Осетии [56]. Его длина — 16 см, ширина в утолщенной части клинка — 4,5 см.

Один бронзовый небольшой нож, с характерной для ножей срубной культуры выемкой почти по середине уплощенного клинка известен из сел. Гоуст [57]. Происходит он из коллекции В. И. Долбежева, хранящейся в Государственном Историческом музее.

Наконец, обломки, с сильно сточенным лезвием, киммерийского ножа, или кинжала был поднят нами на одном из песчаных выдувов вблизи сел. Бажиган Ставропольского края в 1948 г. [58]

Таким образом, мы зафиксировали в центральной части Северного Кавказа, при этом иногда даже в высокогорных районах, три бронзовых кельта и семь двулезвийных ножей, или кинжалов срубно-киммерийского типа.

После работы А. А. Иессена о прикубанском очаге металлообработки, в которой тщательнейшим образом были проанализированы все категории таких вещей, как бронзовые серпы, втульчатые наконечники копий, плоские бронзовые топоры-тесла, в сопоставлении их с северными типами, и доказано местное производство большинства из этих предметов, нельзя не различать предметы этих типов и видеть в них только привозные. Одновременно, не отрицая местного происхождения и изготовления втульчатых наконечников копий, бронзовых серпов и плоских топоров-тесел, следует признать, что их производство также росло и развивалось, видимо, не без воздействия некоторых форм, проникших извне, с одной стороны, из Закавказья, с другой,— из степных районов Причерноморья, Подонья и Поволжья, где господствовали в это время близкие формы материальной культуры киммерийцев или близких им по культуре племен. Уж слишком схожими оказываются, например, формы бронзовых серпов из Пятигорья и Прикубанья, с формами серпов из степных причерноморских районов нашего Юга.

В настоящее время на Северном Кавказе известно уже несколько десятков бронзовых серпов рассматриваемого времени, добрая половина которых происходит из районов срединной части Северного Кавказа, восточнее Прикубанья. Это:

1. Три серпа с загнутыми крюками из Бекешевского клада, хранящиеся в Государственном Историческом музее [59].

2. Десять почти таких же серпов из нового Боргустанского клада [60], из которых только один серп с отверстием у основания рукояти, попал в Пятигорский музей.

3. Два аналогичных серпа из могил под горою Бык близ Пятигорска. Найдены вместе с кобанскими предметами. Вещи хранятся в Пятигорском музее [61].

---

[56] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Тр. ГИМ», XVII, стр. 14, рис. 6.

[57] Там же, стр. 12, рис. 1.

[58] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде. КСИИМК, 32, 1950, стр. 97, рис. 26, 13.

[59] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, 1951, стр. 109.

[60] Н. М. Егоров. Боргустанский клад. СА, XV, 1951, стр. 294.

[61] А. А. Иессен. Прикубанский очаг..., МИА, 23. стр. 110.

4. Один серп удлиненных пропорций из подкурганной могилы в окрестностях с. Ново-Ивановки Кабардино-Балкарской АССР. Хранится в Нальчикском музее.

5. Половина бронзового широкого серпа из погребения № 3, вскрытого А. С. Уваровым близ с. Константиновки [62]. Хранится в Государственном Историческом музее (табл. VIII, рис. 2).

6. Один серп известен также как случайная находка в Северной Осетии из могильника Фаскау.

7. Половина серпа с отверстием у рукояти из могильника на р. Эшкаконе, опубликованного Н. М. Егоровым [63].

8. И, наконец, последней и важной находкой является половина бронзового серпа, обнаруженного при раскопках первого и полностью исследованного в 1957 г. поселения кобанской культуры близ станицы Змейской в Северной Осетии [64] (табл. IX, рис. 10).

Разбирая вопрос о месте производства бронзовых серпов позднебронзового века Северного Кавказа, А. А. Иессен убедительно доказал их местное происхождение, справедливо аргументируя его прослеженной преемственностью от более ранних типов прикубанских серпов типа серпа из Костромского клада и др.[65] Вместе с тем он справедливо признает близость некоторых причерноморских серпов и целых кладов их к вариациям северо-кавказских серпов, например, Тилигульский клад и другие находки; объяснить эту близость не всегда можно привозом с Кавказа даже полуфабрикатов.

Почти тоже самое можно сказать и о бронзовых втульчатых наконечниках копий и плоских тесловидных топорах.

В предыдущем разделе этой главы уже отмечалось малое количество находок бронзовых втульчатых наконечников стрел начальных веков I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе. Здесь их несравненно меньше, чем, скажем, в Закавказье, но они, будучи действительно редки, по сравнению даже с Прикубаньем [66], известны все же из разных районов Кабардино-Пятигорья и Северной Осетии. К данному выше перечню местных находок копий как с раскованной втулкой, так и цельнолитых, присоединим следующее:

1. Три бронзовых втульчатых наконечника копий из нового клада, обнаруженного в 1941 г. близ станицы Воргустанской [67].

2. Один бронзовый листовидный наконечник с цельнолитой втулкой из Кабарды без точного местонахождения. Хранится в Нальчикском музее.

3. Сохранившаяся удлиненная втулка (литая) с остатками начисто сточенного копья. Случайная находка из сел. Заюково. Хранится там же.

---

[62] Каталог Собрания древностей А. С. Уварова, отд. IV — VI, М., 1907, стр. 7.

[63] Н. М. Егоров. Могильник у реки Эшкакон. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 135, рис. 58, № 3.

[64] Работы Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и СОНИИ 1957 г. (производитель работ Д. В. Деопик).

[65] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии.., МИА, 23, 1951, стр. III.

[66] Там же стр. 91.

[67] Н. М. Егоров. Боргустанский клад 1941, СА, XV, 1951, стр. 292.

4. Половинка литейной формы из песчаника для отливки наконечника копья с цельной втулкой, найденная нами среди разрушенных могил на Кумбултском могильнике Верхняя Рутха в 1940 г.[68] (табл. X, рис. 3). Отлитое в этой форме копье типологически должно стоять в одном ряду с наконечниками копий, распространенных как в Закавказье, так и в Прикубанье (например, из Майкопа).

Не повторяя здесь своей аргументации в пользу тезиса о возможном занесении определенных форм копий из Закавказья (аргументации изложенной на стр. 100), где хорошо прослеживается на массовом материале линия их развития, снова отметим, что для нас несомненным является как местное происхождение некоторых копий с раскованной втулкой (берущих свое начало, например, от формы копья из кургана № 7 у станицы Андрюковской), так и местное производство копий с цельнолитой втулкой. За последнее говорит литейная форма для копий, найденная в центральной части Северного Кавказа. Таким образом, на Северном Кавказе мы зафиксировали десятки бронзовых наконечников копий, которые позднее послужат прототипами уже железных листовидных копий, более многочисленных.

В итоге, признавая, что распространение бронзовых втульчатых наконечников копий укороченных пропорций могло в позднебронзовом веке быть почти повсеместным на юго-востоке Европы, мы склонны объяснять этот факт действенностью межплеменных связей того времени, проявлявшихся по-разному, в частности и в военных столкновениях. Думается, что форма коротких и широких наконечников копий получила хождение на Северном Кавказе не без воздействия степных форм копья, какие, скажем, были известны в Причерноморье и в Нижнем Поволжье[69].

Прямым указанием на связь со степными типами оружия поздней бронзы служат в Предкавказье две известные находки наконечников копий с прорезями в крыльях листа. Один такой наконечник получен из Астраханщины[70], другой из окрестностей сел. Терекли-Мектеб[71] (табл. XI, рис. 5).

Как известно, подобные находки довольно обычны в степных районах Северного Причерноморья, начиная с Херсонской и Киевской[72] областей и кончая Подоньем[73], т. е. в районах, где обитание киммерийских племен или населения с культурой киммерийского облика ни у кого не вызывало сомнений.

С еще большим основанием можно говорить о связях создателей кобанской культуры с Закавказьем и со степными культурами поздней бронзы при рассмотрении бронзовых тесловидных топоров, которых насчитывается уже около десятка среди памятников центральной части Северного Кавказа.

---

[68] Е. И. Крупнов. Северо-кавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, XVII, 1947, рис. 42—3.

[69] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, рис. 14, № 8 и 9.

[70] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии.., МИА, 23, 1951, стр. 112.

[71] Случайная находка в песках, сделанная геологами. Мне известна через А. А. Формозова, которому приношу благодарность.

[72] А. И. Тереножкин. Среднее Приднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 51, рис. 3, № 13 и 14.

[73] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье.., МИА, 46, рис. 31, 32 и 34.

Эти находки требуют объяснения, ибо для местных памятников предшествующей поры, за исключением памятников Прикубанья, медные или бронзовые плоские топоры совершенно не характерны.

Из старого опыта исследования памятников материальной культуры центральной полосы Северного Кавказа неизвестно ни одного случая находки подобных тесловидных плоских топоров в научно добытых комплексах кобанской культуры. Для этой культуры они совершенно не типичны. Наоборот, в синхронных памятниках Закавказья как в Западной Грузии [74] на территории распространения колхидской культуры, так и в центральном и восточном Закавказье, среди материалов, представляющих культуру местных племен урартского времени (типа ходжалы-кедабекской культуры), разного рода плоские топоры пальштабовидного типа широко известны [75].

Округлостью и размерами своей нижней, рабочей части, а также наличием выступающих по бокам плечиков или упоров в срединной части, они варьируются очень широко, от плоских, удлиненных клиньев до широколезвийных плоских топоров с широко расставленными плечами в верхней части (пальштабы).

Типология этих орудий труда, служивших, надо думать, для обработки дерева, разработана Б. А. Куфтиным и представлена им в специальной таблице [76]. Подобные топоры-тесла широко распространены в древних культурах Малой Азии и всего Средиземноморья, вплоть до районов распространения гальштатской культуры Западной Европы и степных районов Восточной Европы [77]. Они характерны для культур, синхронных колхидской и кобанской культурам Кавказа. Например, плоское тесло-топор, но с плечевидными выступами, происходит из известного клада, обнаруженного вместе с колхидской бронзой близ с. Орду (Турция) и ныне хранящегося в Стокгольмском музее [78].

Хотя подобное бронзовое орудие для обработки дерева и имело более широкое распространение в древнем мире (такие же тесловидные топоры с заплечиками известны как в Гальштате, так и в культурах Западного Приуралья) [79], нам представляется, что типы тесловидных топоров, обнаруженных на Северном Кавказе, не случайно оказываются наиболее близкими с одной стороны — малоазийским, средиземноморским, западно-грузинским типам, приведенным в указанной типологической таблице Б. А. Куфтина, а с другой стороны степным формам, бытовавшим в киммерийское время в Северном Причерноморье [80], в Нижнем Поволжье [81], в Средней Азии и даже в Казахстане.

---

[74] S. Makalathia. Découvertes archéologiques en Géorggie en 1930. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien». Bd. LXII. Wien, 1932, стр. 104, рис. 4, 5.

[75] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, 1911, могилы № 56 и 91.

[76] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIIIВ, 1944, стр. 30, рис. 23а и23б.

[77] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье.., МИА, 46, рис. 13, 1—5.

[78] Stefan Przeworski. Der Grottenfund von Ordu. Archiv Orientalni. Praha, october 1935, стр. 396, табл. XLIIа.

[79] A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov, I. Helsinki, 1916, стр. 21, рис. 18.

[80] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 58, рис. 13, № 1—5.

[81] А. И. Тереножкин. Среднее Приднепровье.., стр. 51, рис. 2, 7 и 15.

Из случайных находок на Северном Кавказе давно уже были известны шесть тесел: одно бронзовое, плоское тесло-топор с тупоугольными выступами по бокам из окрестностей Пятигорска, хранящееся в Государственном историческом музее (собрание А. С. Уварова)[82] (табл. VIII, рис. 3), два бронзовых тесла без всяких выступов из клада, найденного у станицы Бекешевской[83] и через б. Румянцевский публичный музей уже в советские годы поступивших в Государственный исторический музей и, наконец, три бронзовых разнотипных плоских топора из Кубанской области, хранящихся в Краснодарском музее[84]. Один из них пальштабовидного, закавказского типа, другой — с выступами и третий — прямой.

В последние годы количество находок подобных топоров на Северном Кавказе увеличилось более чем вдвое.

В июле 1941 г., во время дорожных работ (на шоссе Боргустанская—Бекешевская) близ станицы Боргустанской, в двух глиняных сосудах был обнаружен клад бронзовых предметов кобанского типа, в числе которых находилось и восемь тесловидных топоров[85]. К сожалению, из-за утраты большинства вещей трудно сказать, сколько из этих топоров-тесел было с выступами, сколько без них. В Пятигорском музее краеведения, куда поступила лишь меньшая половина вещей, имеется лишь по одному экземпляру каждого типа (с выступами и без них).

Один тесловидный бронзовый топор с двумя боковыми выступами посередине поступил в Государственный Исторический музей от Н. М. Егорова вместе с сопутствующим ему инвентарем, обнаруженным в 1946 г. в одной из могил — каменном ящике на Березовском могильнике близ Кисловодска (табл. XII, рис. 3).

Другое тесло с выступающими «плечами», образующими тупой угол, было опубликовано Н. М. Егоровым как находка, сделанная на могильнике у р. Эшкакон в районе Кисловодска[86]. Аналогичное тесло-топор хранится (без точного паспорта) и в Нальчикском музее[87].

Таким образом, мы имеем с северо-кавказской территории более полутора десятка находок плоских топоров-тесел, ранние из которых плоские, прямые, имеющие сходство с медными теслами из клада у с. Привольное[88], по-видимому, относятся к серии вещей местного происхождения и производства. Для нас прикубанское происхождение топоров без выступов несомненно[89]. Оттуда они проникли и в восточные районы края, в Пятигорье. Не случайно мы и находим их в пограничных районах кобанской и прикубанской культур. Для самой кобанской культуры они не характерны. В степных же районах Поволжья они обычны.

Что касается тесловидных топоров с заплечиками, то будучи типичными для культур Закавказья, Передней и Малой Азии, где, по-видимому, и следует искать

[82] Каталог собрания А. С. Уварова, вып. 1.

[83] Московский Публичный Румянцевский Музей. Каталог отдельных древностей. М., 1905, стр. 145—146.

[84] По материалам Краснодарского музея.

[85] Н. М. Егоров. Боргустанский клад. СА, XV, 1951, стр. 292.

[86] Н. М. Егоров. Могильник у р. Эшкакон. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 135, рис. 58, *2*.

[87] Там же, та же стр.

[88] ОАК, 1894, стр. 42, рис. 60.

[89] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии.., МНА, 23, 1951, стр. 107.

их первичные и наиболее ранние формы, эти топоры-тесла, как нам представляется, проникали на Северный Кавказ лишь в порядке разного рода связей, осуществлявшихся между населением этих областей с более древних времен. Ибо такой тип топора абсолютно чужд более ранним комплексам местных древностей, среди которых можно было бы выявить его раннюю форму — прообраз.

Таким образом, хотя рассмотренные категории вещей и имеют свои местные прототипы на Кавказе, особенно в Прикубанье, некоторые из них типологически заметно отличаются от известных и соответствующих им форм орудий, характерных, например, для Закавказья (серпов и плоских топоров без выступов), где все эти типы представлены богаче и имеют длительный и вполне самостоятельный путь развития[90]. На Северном же Кавказе, думается нам, процесс развития перечисленных, местных в своей основе, форм был несколько стимулирован влиянием степной материальной культуры, общение с носителями которой у населения Северного Кавказа, вероятно было оживленным. Эта связь чувствовалась уже давно, начиная с эпохи бронзы, когда был установлен тесный контакт носителей северо-кавказской и катакомбной культур.

Лучше всего и в наиболее яркой и убедительной форме взаимосвязи населения Северного Кавказа со степными культурами Украины, Подонья и Поволжья прослеживаются в период раннего железа по сходным находкам частей конской узды и прежде всего наиболее древних бронзовых удил и псалий.

В одной из своих работ об археологических исследованиях в Кабардино-Балкарии, в связи с анализом интересных комплексов из Каменномостского могильника, особенно бронзовых удил и уникального псалия[91], мы подробно остановились на освещении вопроса о находках конских удил на Кавказе. По нашему мнению, изучение подобных находок в наиболее ранних памятниках Северного Кавказа имеет особое значение для местной истории, ибо эти находки свидетельствуют не только о роли лошади в хозяйстве местного даже высокогорного населения края и об использовании лошади для верховой езды еще в доскифское время, но и способствуют выяснению других важных вопросов: о месте возникновения этого рода конского снаряжения и о взаимоотношениях местного общества как с древними обитателями южнорусских степей, так и с народами Закавказья. Научная значимость правильного освещения этих вопросов для истории всего Северного Кавказа очевидна.

Мы отметили, что Кавказ дал наибольшее количество древних бронзовых удил и псалий и наибольшее количество их вариаций. Никакая другая область нашей страны не отличалась ни численностью подобных находок, ни таким их разнообразием (табл. XIII и XIV). В настоящее время на Кавказе насчитывается более 10 типов древних бронзовых удил и более 15 типов трензелей, или псалий, причем самые древние находки конской узды обнаруживаются в Закавказье, а самые многочисленные и разнообразные на северо-западном Кавказе.

---

[90] A. M. Tallgren. La Pontide prescythique. ESA, II, Helsinki, 1926, стр. 174; Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата. «Вестник Гос. музея Грузии», XIIIB, 1944, стр. 31—32; О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, стр. 293.

[91] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабарде в 1948 году. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 264—270.

Как известно, многими типами удил отличались и памятники разных провинций гальштатской культуры Западной Европы, причем некоторые из них, например, бронзовые фигурные удила и псалии так называемого «виллановского периода» Гальштата, Гёрнес, вслед за Монтелиусом, считал древнейшими и относил к периоду 1100—950 гг. до н. э.[92] Но при некотором чисто внешнем и формальном сходстве, обнаруживаемом гальштатскими образцами, с удилами и псалиями нашего степного юга и Кавказа (где также имеются фигурные псалии в виде коньков, например, из сел. Кобан, сел. Галиат и др.), наши удила и псалии проще, морфологически строже и не отличаются такой вычурностью форм, как гальштатские (табл. XIV, рис. 4—6).

И если уж искать где-либо область наиболее раннего, т. е. первого появления удил на нашей территории, и в первую очередь на нашем степном юге, как-то убедительно доказывается в последнее время К. Ф. Смирновым[93], вряд ли будет разумным исключать из искомой области Кавказский перешеек, ибо о фактах приручения и одомашнивания здесь лошади мы знаем по материалам культур бронзовой эпохи II тысячелетия до н. э. [94]

Касаясь этого вопроса, необходимо помнить, что даже на Древнем Востоке достоверные свидетельства о лошади, как животном, запрягаемом в колесницу, дошли только от вавилонского периода (вторая четверть II тысячелетия до н.э.)[95]. Очевидно, не случайно именно в Закавказье мы встречаем наиболее ранние у нас захоронения с конем (в могильнике Шахтахты второй половины II тысячелетия до н. э.)[96] и наиболее древние, близкие переднеазиатским, типы бронзовых удил, а на северо-западном и отчасти на центральном Кавказе, наблюдается и наибольшая многотипность ранних элементов конской узды и их максимальное распространение.

Повторяем, из всех подобных находок на нашей территории наиболее ранними образцами удил являются найденные в Закавказье. На южном Кавказе, как и в Луристане и вообще в Передней Азии, уже в самом начале I тысячелетия до н. э. появляются бронзовые удила с прямыми напускными псалиями с тремя сквозными отверстиями в стержне. Таковы удила из кургана у сел. Арчадзор[97],из древнего Цинцкаройского могильника, из окрестностей сел. Ходжалы и из Луристана, которые С. Пржеворский и Б. А. Куфтин справедливо относили к ранневанской эпохе[98]. Раннюю дату этих удил IX—VIII вв. до н. э. (а может быть даже X в.) серьезно подкрепляет находка на Кармир-блуре Б. Б. Пиотровским в 1952 г. бронзовых удил очень

---

[92] М. Гёрнес. Культура доисторического прошлого, т. III, 1914, стр. 24, рис. 6.

[93] К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 216.

[94] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 97; И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 98, табл. VI, рис. 4; его же. Работы Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 80.

[95] Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья. Л.— М., 1958, стр. 115.

[96] А. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, IV, 1937, стр. 249.

[97] ОАК, 1897, стр. 156.

[98] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 58—62, рис. 57.

близкого типа с именем урартского царя Менуа, правившего с 910 по 877 гг. до н. э.[99] А один тип удил, очень близкий закавказским и луристанским (из иранского некрополя «В» на городище Тепе-Сиалк), производителем раскопочных работ (Гиршманом) датируется даже XII—XI вв. до н. э.[100]

Всем этим наиболее древним удилам с прямыми напускными псалиями, характерным для Закавказья и Передней Азии в переходную эпоху от бронзы к железу, предшествовали другие, более распространенные типы удил, покрытых иногда острыми шипами, рядами выпуклин или нарезных квадратиков. По заключению специалиста Шарве, к консультациям которого обращался еще Э. Шантр[101], подобный тип удил считается особенно строгим, значительно облегчающим управление лошадью (табл. XIV, рис. 7). Иногда, особенно на Северном Кавказе, размеры этих удил достигают 24—25 см. Так, например, одно звено бронзовых двукольчатых удил из каменного ящика № 2 Каменномостского могильника равно 12 см[102]. Этим доказывается наличие на Северном Кавказе большеголовой породы лошадей, отличной, скажем, от карабахской или ахалтекинской пород (табл. XIII, рис. 10, 11).

Если исключить отмеченные закавказские удила, то оказывается, что из всех других находок бронзовых удил, сделанных на территории Советского Союза, наиболее древними будут стержневые удила, имеющие на наружных концах по два кольца (отсюда их название — двукольчатые). Прямые стержни этих удил обычно снабжены шипами, литыми зарубками или имитацией обмотки. Датируются они обычно VIII—VII вв. до н. э.[103]

В нашей работе «Археологические исследования в Кабарде в 1948 г.», отметив факты находок подобных удил и на Украине и в других областях, мы подчеркнули, что подавляющее большинство ранних удил происходит из районов Северного Кавказа, и не только из Прикубанья, но и из восточных районов, в том числе и из горных пунктов Кабардино-Пятигорья и Северной Осетии[104].

Позднее А. А. Иессен в связи с обработкой Новочеркасского клада подготовил и опубликовал специальную работу «К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР»[105], в которой дал обстоятельнейший разбор всех ранних типов принадлежностей конской узды юга и Кавказа, сделав ряд важных и для нашей темы выводов, которые мы полностью разделяем[106]. А. А. Иессен с исчерпывающей полнотой привел и систематизировал все находки разных типов ранних бронзовых удил, сделанные как на Северном Кавказе, так и в степных райо-

[99] К. Х. Кушнарева. Памятники поздней бронзы Нагорного Карабаха. СА, XXVII, 1957, стр. 166.

[100] «Syria,» XVI, Paris, 1935, стр. 245.

[101] E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, vol. I. Paris, 1885.

[102] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабарде в 1948 г. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 265, рис. 50.

[103] Там же, стр. 265.

[104] Там же, стр. 266.

[105] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв..., СА, XVIII, 1953, стр. 49—110.

[106] См. также его статью: «Некоторые памятники VIII—VII в. до н. э. на Северном Кавказе, в сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, освещающую вопрос о доскифской культуре Северного Кавказа.

нах Европейской части СССР. Это обстоятельство избавляет нас от необходимости приводить перечень и характеризовать интересующие нас предметы. Отметим только основные и хорошо обоснованные материалом положения этой работы, с которыми мы вполне солидарны.

Первое, это утверждение, что уже в VIII в. до н. э. на Северном Кавказе также начинают создаваться первые металлические уздечные наборы, подобные происходящим с нашего Юга, получившим широкое распространение до Поволжья и Приднепровья включительно[107]. Второе, что центром распространения наиболее ранних двукольчатых удил (добрая половина которых, из известных 50 находок, обнаружена на Северном Кавказе), совершенно явно оказывается Северный Кавказ[108]; в других областях нашего юга они тоже встречены, но в меньшем количестве, а в областях Средней Европы — просто неизвестны. Третье,— что второй тип двучленных удил с однокольчатыми концами (также архаичный) присущ только Северному Кавказу и что только третий тип удил (со стремечковидными кольцами) имеет более широкую зону распространения, хотя и на Северном Кавказе представлен массовыми находками, особенно в Прикубанье[109] (см. в работе А. А. Иессена соответствующие схемы распределения удил по районам СССР на таблицах 2 и 3).

С особым удовлетворением мы можем отметить верный взгляд автора на богатые потенциальные возможности прикубанского и кобанского металлургических очагов, создавших своеобразные формы ранних удил и псалий. Отметив некоторую общность, наблюдаемую и по этим элементам материальной культуры на территории Северного Кавказа, Подонья и Поволжья, А. А. Иессен справедливо склоняется к мысли, что оба указанные очага являлись районами производства этих удил и псалий[110] и их распространителями на нашем юге, с которыми северо-кавказские племена поддерживали живые связи еще с эпохи ранней бронзы.

В данном случае важно подчеркнуть признание автором плодотворного влияния на производство кавказских уздечных наборов связей с фрако-киммерийскими племенами (с VIII в. до н. э.), следствием чего якобы и явилось некоторое сходство в конских наборах Венгрии, Украины, Подонья и Северного Кавказа[111]. С еще большим удовлетворением мы отмечаем, хотя и выраженную с присущей автору излишней осторожностью, склонность все рассмотренные им в указанной работе памятники связывать с киммерийцами[112]. Верное заключение! Ибо как же иначе можно объяснить не раз отмеченную общность элементов материальной культуры нашего степного юга и Северного Кавказа?

В рассматриваемое нами время (X—VIII вв. до н. э.) южнорусские степи населяли сильные, воинственные, подвижные племена, создавшие своеобразную культуру, названную киммерийской. Прямым следствием их взаимоотношений с местными племенами Северного Кавказа, проявлявшихся в разных формах, и явились какие-то

---

[107] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках ..., С А, т. XVIII, 1953, стр. 109.
[108] Там же, стр. 70.
[109] Там же, стр. 71—72, а также стр. 97—98.
[110] Там же, стр. 105.
[111] Там же, стр. 105.
[112] Там же, стр. 110.

общие черты в материальной культуре юга и Кавказа, нашедшие выражение в предметах конского снаряжения, встреченных на Северном Кавказе, в Подонье и на Украине.

Находки наиболее ранних бронзовых удил и псалий на Северном Кавказе, присущих и киммерийской культуре, документируют пребывание в центральной части Северного Кавказа самих носителей этой культуры, которые познакомили местные племена с более совершенными типами конского снаряжения и тем самым стимулировали и местное производство этого убранства.

Рассмотрим еще один вид памятников — металлическую и глиняную посуду Северного Кавказа и сравним ее с соответствующими образцами юга Европейской части СССР начала I тысячелетия до н. э.

Общие черты в технике изготовления медных или бронзовых так называемых киммерийских котлов прослеживаются и в приемах изготовления металлической посуды горного Кавказа этого периода. Об этом можно судить по серии таких крупных бронзовых клепаных двуручных сосудов типа «гальштатских ситул», как Пятигорский сосуд [113], сосуд из с. Жаботина [114] и сосуд из Лечхумского клада в Грузии [115]. Больше же всего об однородности технических приемов изготовления киммерийских и кавказских сосудов можно говорить на примере замечательной вазы из Жемталинского клада [116] (самого конца VIII в., обнаруженного нами в Кабардино-Балкарии в 1947 г.) (табл. XV).

В нашей работе, посвященной историко-культурному анализу и определению места Жемталинского клада в системе кавказских древностей [117], мы привели все возможные аналогии (прямые и косвенные) составу Жемталинского клада, как среди кавказских, так и южностепных материалов той эпохи (к этой работе мы и отсылаем читателя). Здесь же, опять возвращаясь к технике, отметим только, что с кавказскими сосудами киммерийскую продукцию объединяет система скрепления отдельных полос заклепками и сама техника расковки бронзовых листов (также, как и поперечные ручки на некоторых закавказских бронзовых сосудах, например из сел. Шуахеви). Эти приемы особенно сближают кавказские бронзовые сосуды с киммерийскими. Явно киммерийского типа, на наш взгляд, оказался и бронзовый сосуд, обнаруженный Т. М. Минаевой в Михайловском кургане под г. Ставрополем в 1954 г. [118].

---

[113] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. «Тр. секции археологии РАНИОН», т. II, 1928, стр. 46—60; В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. «Тр. РАНИОН», т. IV, 1928, стр. 126, рис. 46.

[114] С. Магура. Дві мідні посудини з Черкащини. «Хроника археологiї та мистецтва», ч. 1, Київ, 1930, стр. 53; N. Makarenko. La civilisation de Scythes et Hallstatt. ESA, т. V. Helsinki, 1930, стр. 40.

[115] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIII В, 1944, стр. 34.

[116] Е. И. Крупнов. Основные проблемы древней истории и археологии Кабарды. «Уч. зап. КНИИ», т. IV, 1948, стр. 281.

[117] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952.

[118] Сообщение Т. М. Минаевой на кавказской секции Сессии ОИН и Пленума ИНМК весной 1955 г. в Москве.

Вообще же киммерийске бронзовые котлы отличаются от кавказских постановкой вертикальных ручек на краю сосудов, в то время как на кавказских, за исключением нескольких сосудов (из Шуахеви, Заюково и др.), парные, в виде фигурок зверей ручки прикреплены на боковых стенках сосудов.

Очевидно, в местном и более древнем происхождении самих форм как киммерийских, так и кавказских сосудов, возникших из глиняных форм эпохи поздней бронзы, сомневаться не приходиться.

В свое время еще В. А. Городцов зорко подметил поразительное сходство силуэтной формы и даже орнамента бронзовых сосудов, найденных на границе б. Таврической и Херсонской губерний в 1915 г., с формой и орнаментом большого глиняного сосуда, найденного вместе с бронзовыми киммерийскими кельтами в с. Березняках, б. Кременчугского уезда [119].

О. А. Кривцова-Гракова на целой серии соответствующих примеров проследила преемственную связь бронзовых киммерийских котлов с почти синхронными глиняными сосудами, опоясанными налепными валиками [120]. Таким образом, развитие этой формы бронзовых сосудов, связываемых с киммерийцами, имеет свою историю, истоки которой уводят нас к степным керамическим формам эпохи поздней бронзы.

То же самое мы можем сказать и о генезисе кавказских бронзовых сосудов. Не приводя здесь всей аргументации, изложенной нами в работе «Жемталинский клад» [121], повторим только, что, несмотря на уникальность формы самой жемталинской вазы, ее происхождение мыслимо только в условиях местной кавказской среды периода бытования на Кавказе кобанской культуры. Конечно, не случайно жемталинскую вазу, жаботинский, пятигорский, лечхумский и другие сосуды объединяет с киммерийскими котлами система скрепления отдельных полос заклепками и сама техника расковки бронзовых листов. Эти особенности обработки цветных металлов стали свойственны широкому киммерийско-кавказскому культурному миру; они распространились в результате оживленных взаимосвязей, которые сейчас все больше и больше признаются исследователями далекого прошлого Украины, например, А. И. Тереножкиным [122].

Как известно, предпринимались попытки рассматривать подобные бронзовые сосуды с парными звериными ручками, особенно найденные на Украине, не только как вещественные доказательства взаимосвязей нашего юго-востока, включая Кавказ, с гальштатской культурой Западной Европы, но и как свидетельство решающего якобы влияния этих связей на развитие древних культур нашей страны. Ведь именно так и осмысливались известные жаботинские бронзовые сосуды, например, Антоновичем. Это мнение разделяли и некоторые советские исследователи. Так например,

---

[119] В. В. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре, стр. 51, рис. 24.

[120] Доклад О. А. Граковой в секторе первобытной археологии ИИМК от 6.I 1951 г.; ее статья: Поселение бронзового века на Белозерском лимане, КСИИМК, вып. 26, стр. 79 и ее работа: Алексеевское поселение и могильник. «Тр. ГИМ», т. XVII, 1948, стр. 158.

[121] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952.

[122] А. И. Тереножкин. Памятники предскифского периода на Украине. КСИИМК, вып. 47, 1952, стр. 10, 12; его же. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 52.

С. П. Магура и Н. И. Макаренко жаботинским сосудам приписывали гальштатское происхождение.

Б. Б. Пиотровский, Б. А. Куфтин и А. А. Иессен впервые поставили вопрос о кавказском происхождении подобных сосудов. Позднее нам с еще большими основаниями (имея в руках соответствующий статистический материал) удалось окончательно отвергнуть гальштатское происхождение этих сосудов и доказать их кавказское производство[123].

Самый факт сопоставления количества украинских находок (всего четыре) с кавказскими (теперь уже около 100), при абсолютном отсутствии находок подобных сосудов в других районах нашей страны и Западной Европы, не оставляет сомнений в правильности этого заключения (см. карту, рис. 10).

Некоторое отступление от нашей прямой темы, мы позволили себе, полагая, что известная общность в технических приемах и технологических особенностях изготовления кавказских и киммерийских бронзовых сосудов не случайна. Местные корни происхождения форм той и другой групп памятников и самого мастерства металлообработки, опирающегося на кавказскую и степную традицию ковки и плавки металла в формах по восковой модели, прослеживаются еще с эпохи средней бронзы; однако сходные особенности техники и почти одинаково высокий уровень обработки цветных металлов и в степи, и на Кавказе объясняется лишь существующими тесными взаимосвязями между этими районами, более оживленными, чем это представлялось ранее[124]. Поэтому одни и те же особенности металлообработки и оказались присущими всему широкому киммерийско-кавказскому культурному миру. А одним только законом конвергенции этой общности объяснить нельзя.

На общность материальной культуры Северного Кавказа начальных веков I тысячелетия до н. э. с культурой нашего степного юга указывают и другие данные, в том числе керамические материалы.

Если мы вспомним некоторые черты керамики ряда могильников Пятигорья и Кабардино-Балкарии (могильник у Провала в Пятигорске, у г. Машук, известный могильник у сел. Каменномостское и т. д.), а также образцы керамических форм и орнаментации соответствующих древних поселений (например, так называемого Зольского карьера, сел. Кызбуруна III и поселений восточных районов, вплоть до Северной Осетии и Чечено-Ингушской АССР, таких как Змейское[125], Алхастинское и Айвазовское), и сравним их с предскифской керамикой степного юго-востока (скажем, Кобякова городища), приписываемой киммерийцам, то и в керамике мы признаем определенное сходство с киммерийской посудой.

Что же тут приходится сравнивать? Прежде всего, сами довольно крупные, с широким корпусом и узким днищем сосуды, имеющие невысокую шейку и сильно отогнутый почти прямой край; затем технологию изготовления вылощенной посуды и, наконец, особый нарезной геометрический орнамент, иногда, заполненный

---

[123] Е. И. Крупнов. Кемталинский клад. М., 1952, стр. 29.

[124] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века, СА, 1957, № 2, стр. 59.

[125] Змейское поселение в Северной Осетии впервые было открыто и исследовано Северо-Кавказской экспедицией ИИМК АН СССР и Сев.-Осет. НИИ летом 1957 г.

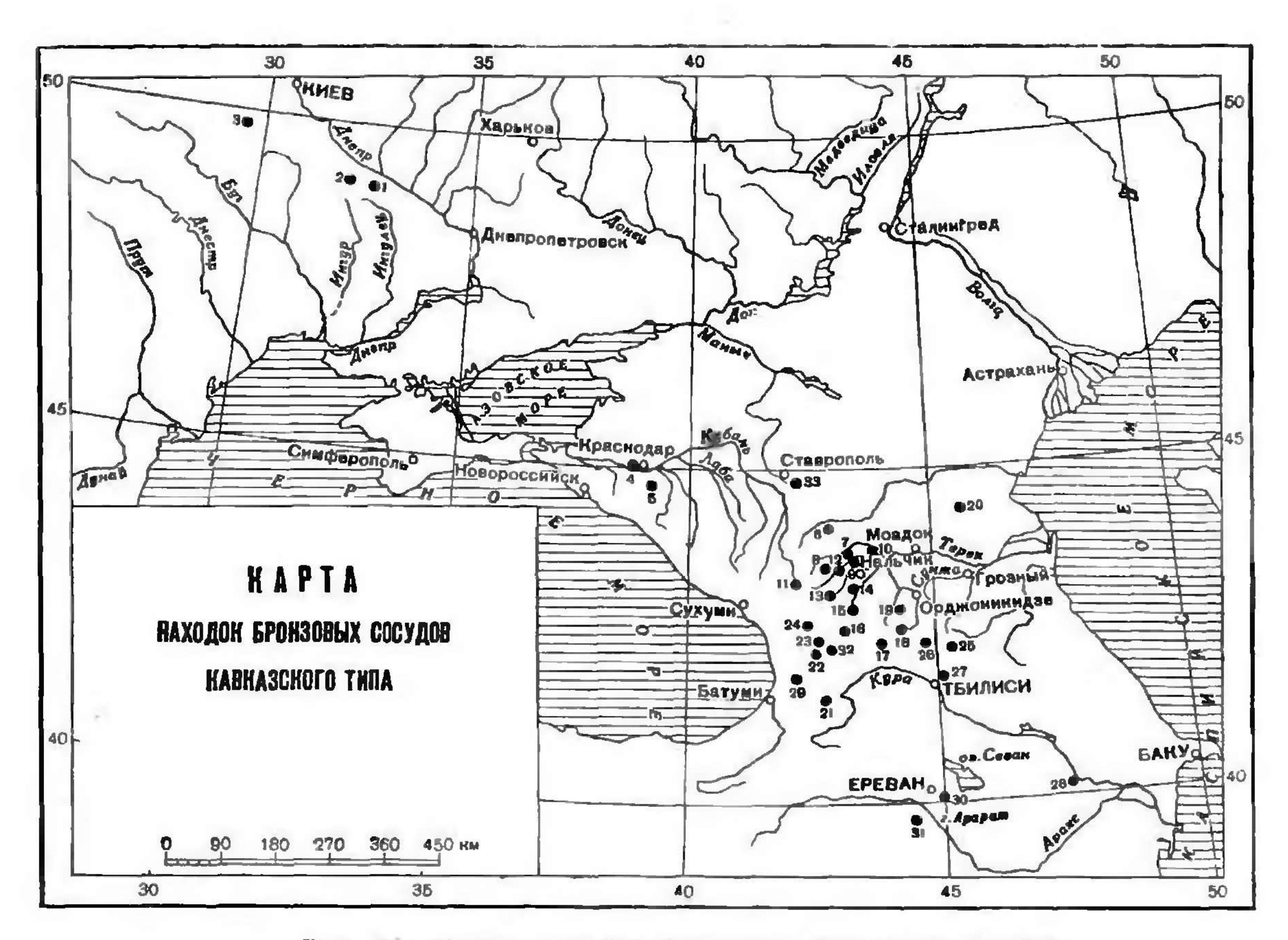

Рис. 10. Карта находок бронзовых кавказских сосудов

1 — с. Жаботино; *2* — с. Константиново на р. Серебрянке; *3* — с. Таганча; *4* — Краснодарский край; *5* — станица Келермесская; *6* — Пятигорск; *7* — с. Заюково; *8* — с. Гижгид; *9* — Нальчикский район; *10* — с. Нижний Баксан; *11* — у подножья Эльбруса; *12—13* — Бкасан или Чегем; *14* — с. Советское; *15* — с. Жемтала; *16* — с. Кумбулта, могильник «Верхняя Рутха»; *17* — с. Галиат, могильник «Фаскау»; *18* — с. Архон; *19* — с. Кобан; *20* — с. Махмут-Мекбет; *21* — с. Зекари; *22* — с. Окуреши (Лечхуми); *23* — с. Квишари; *24* — с. Лехвано; *25* — с. Шаухеви; *26* — Мартвильский район; *27* — Грузия; *28* — с. Чайлы; *29* — с. Мере; *30* — Кармир-Блур; *31* — Малаклю; *32* — с. Брили; *33* — Ставрополь.

белой пастой, отличный от закавказской орнаментации[126]. Ярким примером таких крупных (более 30 см в высоту) сосудов являются сосуды из Каменномостского могильника[127]. Прямых аналогий в древней кавказской керамике даже ранней стадии кобанской культуры они не имеют. Пожалуй, только некоторые черты морфологического сходства обнаруживаются лишь с определенными типами крупных сосудов каякентско-хорочоевской культуры северо-восточного Кавказа, думается нам, также не случайно обладающей этими формами в начале I тысячелетия до н. э.[128]

[126] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, 1911, табл. XIV.

[127] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 22, табл. III; Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 248, рис. 48; стр. 253, рис. 52.

[128] ОАК, 1898, стр. 142; Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Тр. ГИМ», вып. XI, 1940, табл. II, № 1.

Каменномостские сосуды своей формой и соотношением частей близки некоторым сосудам, известным из Кабардино-Пятигорья, а также сосудам из Моздокского могильника (из курганов №№ 1 и 2 и из грунтового погребения № 1)[129]. Но последние изготовлены несколько хуже и не орнаментированы. Вероятно, эта разница объясняется некоторым хронологическим разрывом между Моздокским и Каменномостским могильником, из которых, первый, конечно, более молодой.

Кроме других признаков, в бо́льшей древности Каменномостского могильника нас убеждает и поразительное сходство верхних частей крупных каменномостских сосудов с верхом бронзовой вазы из Жемталинского клада, датированной нами самым концом VIII в. до н. э. И там,и здесь — почти прямые короткие шейки с круто отвернутыми и оттянутыми краями. Некоторая разница в формах корпусов этих сосудов может объясняться и различием материала (металла и глины).

Новым и в аспекте нашей работы особенно интересным является многочисленный керамический материал, добытый нами летом 1957 г. при исследовании первого поселения кобанской культуры в Северной Осетии у станицы Змейской (производитель работ Д. В. Деопик). Среди обильной керамики резко выделяются огромные сосуды-хранилища грушевидной формы и корчаги, а также сосуды с округлым корпусом и резко отвернутым венчиком, т. е. формы, близкие формам степной посуды типа образцов из кургана у с. Гамарни на Украине[130]. Вся керамика прекрасно вылощена и в большинстве случаев богато украшена нарезным орнаментом с заполнением белой пастой, что также сближает ее как с местными северо-кавказскими, так и со степными формами. Некоторые фрагменты керамики резко выделяются своей орнаментацией, не отличимой от керамики так называемой кизил-кобинской культуры горного Крыма, приписываемой поздним киммерийцам[131] (табл. XVI—XVIII).

В связи с необходимостью объяснения происхождения подобных форм керамики Кавказа и нашего юга, давно уже делались безуспешные попытки связать их с керамическими формами гальштатской культуры Западной Европы и первые вывести из вторых. Действительно, один тип гальштатской посуды из южной Австрии и Венгрии (например, урна из Иоденбурга) [132] очень близок каменномостским и особенно моздокским грушевидным сосудам. Но все же его пропорции, вычурность формы и особенности его орнаментации резко отличают его от северо-кавказской посуды. Полного же подобия гальштатской керамике на Кавказе нет, если не считать двух объектов: одного, очень оригинального, узкогорлого кувшина с двумя ручками, с раздутым корпусом, украшенным четырьмя гирляндами узоров, состоящих из заштрихованных и незаштрихованных ромбов, из Каменномостской каменной гробницы № 9[133] и второго, известного сосуда из Ставропольского кургана с изображением бегущих оленей[134] (табл. XIX, рис. 3; табл. XX, рис. 1, 2). Форма первого сосуда

---

[129] N. Makarenko. La civilisation des Scythes et Hallstatt. ESA, т. V. Helsinki, 1930, стр. 40.

[130] Д. Я. Самоквасов. Каталог коллекций древностей. Варшава, 1892, стр. 8—9.

[131] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, стр. 65.

[132] J. Déchelette. Manuel d'Archéologie, vol. II. Paris, 1930, стр. 823, рис. 335.

[133] К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23, стр. 124, рис. 12.

[134] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 40, рис. 9.

Кавказу не свойственна и, действительно, несколько напоминает определенные типы гальштатской керамики. Форма второго, ставропольского, также близка формам сосудов дунайской группы гальштатской культуры (в частности сосудам из Гемейнлебарна)[135]. Но любопытно, что в его трех не совсем точных подобиях (нальчикском, моздокском и пятигорском сосудах) А. А. Иессен признал влияние скифо-сибирского искусства (в манере изображения ног оленей), а главное, местное происхождение самих сосудов[136] (табл. XX, рис. 3).

Нам представляются вполне целесообразными поиски истоков форм северо-кавказских крупных сосудов типа каменномостских в материальной культуре той широкой степной, киммерийской среды (позднее сменившейся раннескифской), которая и способствовала созданию некоторой культурной общности на всем нашем юго-востоке в начале I тысячелетия до н. э.[137]

В киммерийское время эти области не были изолированы друг от друга. Наоборот, населяющие их племена развивали свою культуру в тесной взаимосвязи. Только при учете этого фактора становится понятным — почему, скажем, доскифские сосуды из кургана № 1 и особенно из кургана № 7, вскрытых Д. Я. Самоквасовым у дер. Гамарни на Украине[138], или керамика культуры II (по А. А. Миллеру)[139] из Кобякова городища и из других доскифских нижнедонских городищ, как, например, у Потайновского хутора, или из Заднепровских городищ (из Субботовского городища)[140] и особенно раннетаврская керамика горного Крыма[141], а также керамические находки из поселений восточного Крыма[142], приписываемые исследователями киммерийским племенам, не случайно обнаруживают общие черты и в морфологии и в технике изготовления сосудов (примесь дресвы, хороший обжиг и лощение поверхности) и даже в нарезной геометрической орнаментации, с керамикой таких памятников центральной части Северного Кавказа, как поселение у Зольского карьера в Кабардино-Пятигорье, Змейское поселение в Северной Осетии и Алхастинское[143] и Айвазовское[144] поселения Чечено-Ингушской АССР. Ведь если некоторые образцы орнаментированных сосудов, например, из доскифского слоя Алхастинского

---

[135] М. Гёрнес. Культура доисторического прошлого, ч. III. М., 1924, стр. 47, рис. 20.

[136] А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, 1931, № 2. стр. 15.

[137] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 259.

[138] Д. Я. Самоквасов. Каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. 8—9.

[139] А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1924 и 1925 гг. СГАИМК, т. I, 1926, стр. 130—132, рис. 26—28.

[140] Б. Н. Граков и А. И. Тереножкин. Субботовское городище. СА, 1958, № 2, стр. 172 сл.

[141] ИАК, вып. 30, 1908, стр. 149. «Наукови записки Харьковского державного пед. ин-та», 1940, стр. 159—161.

[142] И. Т. Кругликова. Поселения эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 74—92.

[143] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, «Тр. ГИМ», т. XVI, 1948, стр. 20—22. рис. 12—15.

[144] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. 32, 1950, стр. 94, рис. 25, *6*.

поселения сопоставить с такими же образцами из Кобякова городища (культура II которого всеми справедливо называется киммерийской), то их трудно будет отличить один от другого, настолько велико их сходство (табл. XXI).

Еще В. А. Городцовым, во время раскопок Хопровского поселения на Дону, были найдены бронзовый двухручный кельт и бронзовый прорезной наконечник копья, поступившие вместе с соответствующей керамикой в Ростовский музей. В Хопровском поселении В. А. Городцов склонен был видеть стоянку «вероятнее всего киммерийцев, имевших бронзовые орудия и глиняные сосуды, покрытые геометрическими узорами, состоящими из шнуровых (веревочных), резных, зубчато и кружково-чеканных элементов»[145].

Теперь мы убеждаемся в наличии всех этих элементов и на ряде памятников Северного Кавказа, расположенных даже в районах более удаленных к востоку от пунктов, через которые проходили пути киммерийцев в Закавказье.

Эта широкая культурная среда, порожденная, очевидно, большой подвижностью и активностью так называемого киммерийского населения нашего степного юга и явилась той основой, на которой позднее возникали такие близкие друг другу формы и типы керамики, как на Украине (например, ряд сосудов из собрания Зноско-Боровского[146], сосуды из кургана XV на р. Серебрянке)[147], на донских поселениях (Кобяково городище, Хопровское, Гниловское, Марьинское поселения и др.) и на Северном Кавказе (керамика Каменномостского могильника, Зольского карьера, Змейского, Алхастинского и других поселений).

И технологические свойства посуды и сама форма и орнаментация ряда северокавказских сосудов доскифского времени (заштрихованные ромбы, квадраты, углы, зигзаги, наконец, валикообразные налепы) приводят к мысли о том, что источники происхождения этой керамики и ее орнаментальных узоров нужно искать в посуде так называемой киммерийской культуры, в других ее выразительных элементах (бронзовые кельты, ножи, кинжалы), также представленной и на Северном Кавказе.

Правда, подобных находок еще не так много. Но они существуют и в аспекте данной работы заслуживают самого серьезного внимания. Конечно, их нельзя переоценивать, но не следует и недооценивать. Находки в районах центрального Кавказа отдельных киммерийских кельтов, бронзовых кинжалов и даже керамики, абсолютно схожей с посудой из доскифского слоя Кобякова городища, это все-таки факты, с которыми нельзя не считаться. И при наличии других, правда, менее четких археологических показателей (выраженных и в керамике и в металле) эти факты, в сопоставлении с историческими свидетельствами о походах киммерийцев через Кавказ, приобретают достоверность исторических источников, фиксирующих проникновение и в центральные районы Северного Кавказа, а не только в Прикубанье, киммерийских этнических элементов и их культуры, ибо в данном случае, за распространением вещей мы можем видеть и движение людей, коими эти вещи распространялись.

---

[145] В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. «Памятники древности на Дону», вып. 1, Ростов/Д. 1940, стр. 3—4.

[146] Б. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. III. Киев, 1900, табл. LXIII, рис. 2.

[147] А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ мест. Смелы, т. I. СПб., 1887, стр. 34.

Наблюдавшееся до последнего времени скептическое отношение ряда исследователей к признанию реальности киммерийских элементов на Северном Кавказе обычно обосновывалось отсутствием тождества в материальной культуре киммерийцев и в доскифской культуре Северного Кавказа.

На предыдущих страницах мы стремились посильно показать, как в определенный период (около VIII в. до н. э.) в материальной культуре центрального Кавказа начинают появляться отдельные признаки, присущие культуре степных районов нашего юга, с полным основанием называемой киммерийской.

Но, за исключением отдельных, явно привозных, и прежде всего металлических, вещей, полного тождества в культуре Кавказа и киммерийцев быть не может. Во-первых, потому, что кавказская среда сама была достаточно творчески богатой и дееспособной, чтобы, без нужды и при забвении своих культурно-производственных традиций, рабски копировать извне занесенные образцы. А во-вторых, даже районы Кабардино-Пятигорья и Северной Осетии, не говоря уже о восточных районах Северного Кавказа, могли являться лишь той наиболее отдаленной юго-восточной периферией огромной территории нашего степного юга, на которой создавалась, вернее на которой распространялась в начале I тысячелетия до н. э. так называемая киммерийская культура.

Для нас былое присутствие на северо-западном Кавказе киммерийцев и их культуры, в особенности после недавних полевых и исследовательских работ в Крыму и на Кавказе, не подлежит никакому сомнению. Их пребывание там аргументируется более весомо, чем в каком-либо другом районе Северного Причерноморья, в том числе и в западном.

Выявленные же нами в памятниках центральной части Северного Кавказа особенности, чуждые местной среде и осмысленные только при их сопоставлении с киммерийскими формами, неоспоримо свидетельствуют о проникновении элементов киммерийской культуры и в расположенные к востоку от Прикубанья районы центрального Кавказа. В этих районах носители киммерийской культуры лишь соприкасались с местными племенами, создавшими оригинальную и несколько более высокую по уровню развития, чем киммерийская, замечательную кобанскую культуру.

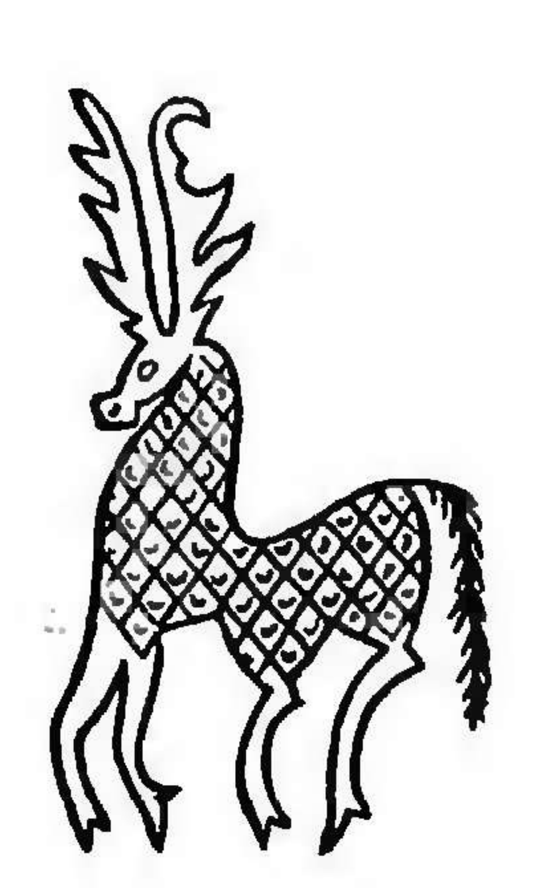
Итак, не только письменные источники, но и археологические данные подтверждают пребывание киммерийцев на всем северо-западном Кавказе. Эта территория была исходной позицией, с которой совершали походы киммерийцы, а позднее и скифы, в Закавказье и дальше в Малую Азию.

Отдельные же элементы культуры киммерийцев, как мы имели возможность убедиться по археологическим данным, проникли и в самые восточные районы Северного Кавказа и нашли свое отражение в отдельных памятниках материальной культуры края. Каково же было влияние этих элементов на местную среду?

Подводя итоги этому разделу, следует сказать, что эти, пусть даже скромные, элементы культуры наших степей, положительным образом сказались на дальнейшем процессе развития кобанской культуры. Они сказались и в технике металлообработки и в выработке новых форм (в металле и глине) предметов вооружения и быта. На этом этапе, возможно, они несколько даже обогатили кобанскую культуру

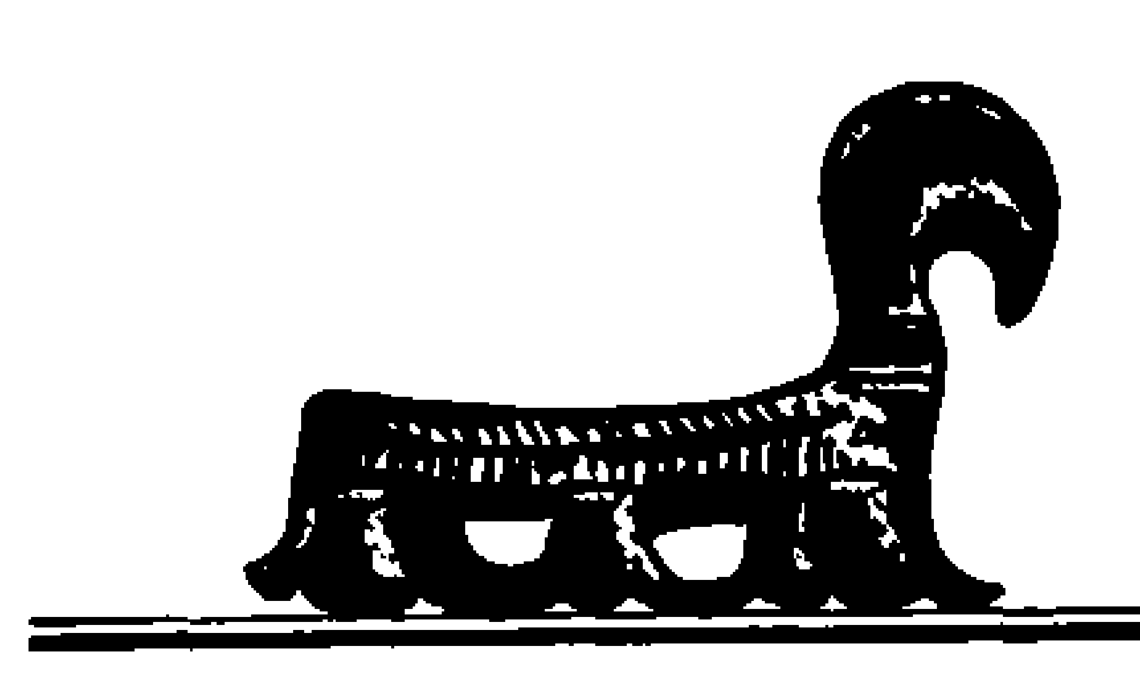
новыми врнантами орудий труда и оружия (например, плоским топором, серпом и др.). По ним уверенно прослеживается раннее проникновение степных киммерийских племен на Северный Кавказ в начале I тысячелетия до н. э. Киммерийцы не только теснее связали Кавказ с основными областями нашего степного юга, но и реально подготовили те более крупные исторические события и более глубокие явления, наблюдаемые в истории местного общества на Северном Кавказе, выразившиеся в формировании его материальной и духовной культуры, с которыми мы знакомимся уже в связи с движениями через Кавказ скифов и савроматов, происходившими в последующие периоды истории Кавказа.

Но эти явления будут освещены в других главах нашей работы.

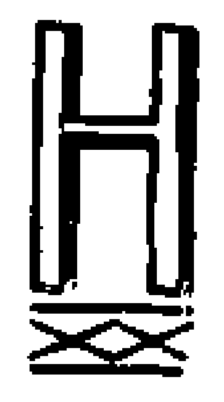
Дата	Западная группа (Кабардино-Пятигорская)						Центральная группа (Северо-Осетинская)						Восточная группа (Грозненская)					
	Погребальн. сооружения и обряд	Керамика	Металлическая посуда	Орудия труда и оружие	Конское снаряжение	Украшения	Погребальн. сооружения и обряд	Керамика	Металлическая посуда	Орудия труда и оружие	Конское снаряжение	Украшения	Погребальн. сооружения и обряд	Керамика	Металлическая посуда	Орудия труда и оружие	Конское снаряжение	Украшения
Поздний этап (VII–IV вв. до н. э.)																		
Ранний этап (XI–VIII вв. до н. э.)																		

Локальные варианты культуры центральной части Северного Кавказа в I-м тысячелетии до н. э.

Глава 5

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В РАННЕЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И ЕЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ

Несмотря на значительный опыт изучения древних памятников материальной культуры Северного Кавказа и известное накопление фактического материала, характеризующего особенности отдельных исторических эпох и уточняющего черты отдельных археологических культур, одна группа важных материальных источников не получила еще достаточного освещения в историко-археологической кавказоведческой литературе. Речь идет о местных памятниках, содержащих элементы скифской культуры. Эти памятники Северного Кавказа знаменуют собой новый этап в истории края, наступивший вскоре после перехода от бронзы к железу, с постепенным преобладанием последнего, особенно в выделке ведущих типов орудий труда и оружия. Вместе с тем, они характеризуют собою определенную ступень в развитии местной (в частности, кобанской) культуры, осложненную оживлением взаимодействий с окружающим миром и в первую очередь со скифскими племенами южнорусских степей и с племенами-носителями скифской и савроматской культур. Поэтому и сама местная материальная культура центральной части Северного Кавказа этого периода приобрела некоторый «скифоидный» облик. Но как уже отмечено, эти памятники все еще недостаточно изучены, хотя они и существуют в довольно большом числе.

БЫТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ (ПОСЕЛЕНИЯ И ГОРОДИЩА)

Из предыдущих глав мы уже знаем, что в дореволюционные годы ни кавказоведы, ни скифологи изучением подобных памятников не занимались. Только в наши дни археологические объекты скифского типа на Кавказе начинают осознаваться как важнейшие исторические источники, которые должны стать отправными не только

при изучении истории Кавказа определенного периода (с VII по IV вв. до н. э.), но и при освещении всей скифской проблемы в целом применительно к Кавказу.

Для постановки и решения проблемы взаимосвязей Скифии и Кавказа по археологическим данным, мы в настоящее время уже располагаем значительной суммой материальных источников. Это — древние поселения, могильники, клады и случайные находки. К сожалению, степень их изученности далеко не одинакова.

Оставляя сейчас в стороне численно все увеличивающиеся погребальные комплексы и случайные находки, которые явятся предметом нашего анализа в следующих разделах этой главы, рассмотрим одну категорию археологических объектов, как важнейшую для суждения о быте и о хозяйственных основах местной культуры скифского облика.

Это — поселения и городища.

Как известно, бытовые памятники в дореволюционный период вообще исследовались весьма слабо. А на Кавказе, на изучаемой нами территории они были совершенно не известны. Объяснение этому нужно видеть прежде всего в тех методологических установках, которыми руководствовались полевые работники-археологи дооктябрьского периода, изучавшие культуру верхушечных слоев древних обществ по ярким могильным комплексам и с пренебрежением относившиеся к рядовому, массовому материалу, который обычно содержат бытовые памятники.

Между тем для изучения хозяйства, выяснения всей картины экономической жизни и быта населения определенной эпохи и ряда других социально-экономических вопросов, решающую роль играют данные, полученные при исследовании именно бытовых, а не погребальных памятников.

И мы с особенным удовлетворением приступаем в данном разделе к систематизации материалов, происходящих из поселений и городищ центральной части Северного Кавказа скифского времени, добытых преимущественно за самые последние годы [1]. Правда, эти данные пока еще скромны, но очень важны, а главное — достоверны. В подавляющем количестве они получены в результате планомерных исследовательских усилий местных научно-краеведческих сил, организованных вокруг таких музеев, как Краснодарский, Грозненский, Пятигорский и другие.

Некоторые из вновь открытых памятников, подвергнувшиеся научно-поставленным раскопкам, впервые дали прочные отправные данные, для суждения о характере хозяйства и быта племен Северного Кавказа изучаемого периода.

Прежде чем перейти к перечню и краткому описанию их, считаем себя обязанными оговориться, что некоторые бытовые объекты со следами доскифской и скифской культуры, названные городищами, в действительности ими не являются, так названы они были обследователями исключительно по внешнему виду и часто по собранному на них подъемному материалу, нередко перемешанному с более поздним, происходившим из верхних слоев (сарматского времени или даже времени ран-

---

[1] Первой попыткой систематизации бытовых памятников Северного Кавказа скифского времени является наша статья. «К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе», КСИИМК, вып. 24. 1949, стр. 27—41. В этой статье были упомянуты и аналогичные поселения Прикубанья, по данным, полученным от Н. В. Анфимова.

него средневековья). И при проверке (при вскрытии площадей и разрезах валов) может оказаться, что неукрепленное поселение скифского времени, только в сарматское время или даже позднее было окружено рвом и валом и сделалось настоящим городищем.

Поэтому, сохраняя за рядом рассматриваемых памятников, с которых собран интересующий нас материал, название «городище» (например, кабардино-пятигорских), данное первыми обследователями памятников, мы считаем это название пока условным. Только последующие раскопки могут уточнить истинный характер интересующих нас археологических объектов. Основные же памятники, как выяснено полевыми работами, являются открытыми поселениями (селищами).

В связи с тем, что исследуемая нами проблема теснейшим образом связана со скифами и их культурой, элементы которой из всех районов Кавказа раньше всего были зафиксированы на Кубани, в данном разделе, посвященном поселениям скифского времени на Северном Кавказе, необходимо будет учесть опыт изучения кубанских синдо-меотских городищ, содержащих явные элементы скифской культуры или культуры ей близкой [2]. Рассмотрение в этом разделе результатов изучения прикубанских памятников оправдывается тем обстоятельством, что на Кубани, усилиями М. В. Покровского и особенно Н. В. Анфимова, они были выявлены полнее и, кроме того, основные выводы, к которым пришли авторы, абсолютно совпадают с нашими заключениями, основанными на исследовании аналогичных же памятников в восточных районах, где о прямой связи со скифской культурой раньше говорить было трудно.

По мнению Н. В. Анфимова, наиболее ранними памятниками оседлого населения Прикубанья интересующего нас времени являются неукрепленные поселения. Это небольшие, расположенные по берегам небольших речек, поселки. Обычно они обнаруживаются по находкам на их поверхности или в береговых обнажениях обломков глиняной посуды, костей домашних животных и различных бытовых предметов [3]. Толщина отложения отстатков обитания на них человека, т. е. толщина культурных слоев, как правило не превышает 0,5 м.

Возникшие в Прикубанье открытые поселения раннескифского времени, позднее, примерно с IV в. до н. э., начинают (по Н. В. Анфимову) расширяться и окружаться земляными валами и рвами, превращаясь в городища [4]. Таких городищ и древних послений в Прикубанье обнаружено уже более 150 [5].

На большинстве правобережных по р. Кубани городищ (у станиц Усть-Лабинской, Ладожской, Тбилисской, Казанской и других) в нижних слоях залегают

---

[2] Сведениями о характере и состоянии городищ Прикубанья мы обязаны исключительно Н. В. Анфимову, обследовавшему все нижеперечисленные городища и давшему впервые историческую характеристику этим памятникам. См. Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, т. XI, 1949, стр. 241. Наконец, в 1953 г. Н. В. Анфимов опубликовал специальную брошюру, посвященную этим памятникам («Древние поселения Прикубанья». Краснодар, 1953), переизданную там же в 1958 г. под названием «Прошлое Кубани».

[3] Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 18.

[4] Там же, стр. 21.

[5] Н. В. Анфимов. Основные этапы развития меото-сарматских племен Прикубанья (автореф. канд. дисс.). М., 1954 стр. 5.

археологические материалы, относящиеся к VI—V вв. до н. э. и имеющие сходные черты со скифской культурой степного Приднепровья. Это, главным образом, обломки очень характерной для того времени посуды — чарок с высокими раздвоенными ручками, крупных грушевидных корчаг и мисок, сделанных без помощи гончарного круга, но с хорошо сглаженной, залощенной поверхностью, глиняные пряслица и другие вещи. Находя себе прямые аналогии в инвентаре расположенных рядом грунтовых могильников (например, в Усть-Лабинском № 2 и др.) в виде наконечников скифских стрел, целых сосудов и прочих предметов, эти находки позволяют довольно точно определять время возникновения и характер жизни на этих городищах и поселениях северо-западного Кавказа.

Анализ добытого на них материала привел исследователей к выводу, что основным занятием обитавших на них синдо-меотских племен было земледелие и пастушеское скотоводство и что эти местные племена имели тесные связи со скифами и носителями скифской культуры [6].

Все эти материалы и предварительные выводы, полученные при изучении Прикубанских поселений и городищ, оказываются весьма важными при осмыслении подобных же памятников центральной части Северного Кавказа, к рассмотрению которых мы и перейдем.

Начнем обзор наших источников с районов, прилегающих к верховьям Кубани и закончим восточными районами Чечено-Ингушской АССР. При этом, Прикубанские поселения будут являться для нас сравнительным материалом (см. карту, рис. 11).

1. Первым таким объектом, отвечающим нашим целям, может служить сравнительно недавно открытое Е. П. Алексеевой поселение в Карачаево-Черкесской Автономной области. В 1954 г., во время работы экспедиции Черкесского научно-исследовательского института на одном из крупных так называемых Тамгацикских бугров, возле озера у сел. Жако, где предполагалось вскрыть слои аланского поселения, неожиданно были обнаружены остатки более раннего поселения, а именно скифского времени [7].

Производившей раскопки Е. П. Алексеевой, в сравнительно неглубоком культурном слое, среди остатков «разрушенных каменных жилищ и бытовых сооружений» было найдено много керамических сосудов местной позднекобанской культуры, наряду с мисками скифского типа, бронзовые стремевидные удила, бронзовые двуперые и трехперые втульчатые наконечники стрел скифского типа, железные короткие мечи — акинаки и другие предметы.

Особенно интересными оказались миски, наполненные доверху раковинами каури (Cyprea moneta) со срезанными вершинами для нанизывания на нитку. Очевидно, это своеобразные «денежные» клады. Любопытно, что миски с раковинами, по словам Е. П. Алексеевой, были найдены на полу и под полом жилых помещений, как бы запрятанные.

---

[6] В. П. Шилов. Население Прикубанья конца VII — середины IV в. до н. э. по материалам городищ и грунтовых могильников (автореф. канд. дисс.). Л., 1951, стр. 8—9.

[7] Первые данные об этом интересном поселении сообщаю по письму ко мне Е. П. Алексеевой от 27.VII 1954 г. с любезного разрешения автора письма.

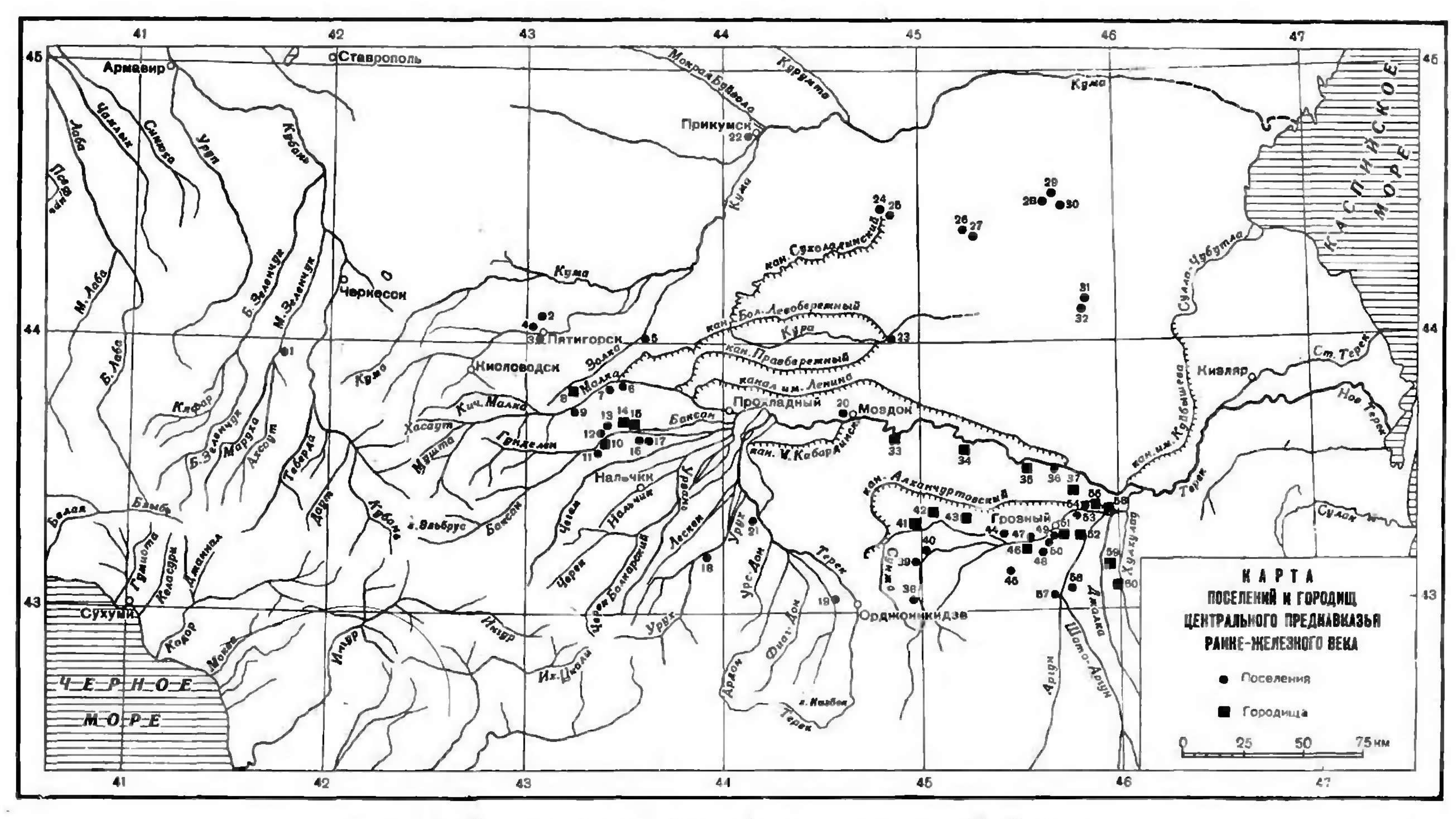

Рис. 11. Карта поселений и городищ центрального Предкавказья

Все «эти вещи были обнаружены в разрушенных постройках, вместе с человеческими и конскими костями, в огромной яме, вместе с камнями, черепками и прочими находками».

Е. П. Алексеева полагает, что «на рубеже VI—V вв. до н. э. жителей Тамгацика постигла какая-то катастрофа (нападение врагов), в результате чего жилые дома и постройки для содержания скота были разрушены и под развалинами их погибли люди и животные. Оставшееся население, не успевшее спастись бегством, было перебито и изрубленные трупы сброшены в яму» [8].

Очень возможно, что это первое впечатление автора раскопок действительно рисует один из трагических моментов в истории Тамгацикского поселения. Но может быть это впечатление и ошибочно, и производитель работ просто имел дело с могильником скифского времени, разрушенным позднее.

Необходимо отметить исключительную ценность этого памятника, вдвойне важного для нашей темы — и как яркого исторического источника, и как первого археологического бытового объекта с явными следами скифской культуры из районов, прилегающих к верховьям Кубани и Зеленчукам. Он как бы перебрасывает мост от Прикубанских памятников к их восточным группам (рис. 12).

К сожалению, кроме отмеченного древнего Тамгацикского поселения, об аналогичных бытовых памятниках из районов по верхнему течению Кубани и из западных районов мы пока никакими данными не располагаем, хотя не сомневаемся в их наличии и там.

Следующей группой интересующих нас объектов является группа неукрепленных поселений, расположенных уже в Пятигорье. Весьма скромные данные об этих поселениях можно почерпнуть только из предварительных отчетов Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1929 г. и частично из материалов Пятигорского музея [9].

Первичное обследование этой группы памятников было произведено в 1929 г. особым отрядом экспедиции ГАИМК, возглавляемым А. А. Иессеном.

2. На южном склоне г. Бештау у бывшего Бештаугорского монастыря, близ г. Пятигорска, А. А. Иессеном были зарегистрированы остатки древнего поселения. В отложениях культурного слоя найдены фрагменты лощеной керамики с налепами. Образцом такой посуды может служить опубликованный А. А. Иессеном в предварительном отчете обломок сосуда с налепным знаком в виде свастики и налепной змейкой, опоясывающей шейку сосуда [10]. И тот и другой прием орнаментации хорошо известен в местных памятниках скифского времени, например, в материалах Лугового и Нестеровского могильников и Нестеровского поселения, о которых речь будет ниже, при обзоре источников Чечено-Ингушской АССР. Поэтому нам думается, что это поселение следует относить к раннескифскому времени, а не к эпохе бронзы, как оно отнесено в отчете.

В Пятигорском музее хранится интереснейший подъемный керамический материал, собранный в 1929—1930 гг. местным краеведом Н. М. Егоровым в г. Пятигорке.

---

[8] Из письма Е. П. Алексеевой от 27.VII 1954 г.

[9] Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. СГАИМК, № 3, 1931, стр. 29—30.

[10] Там же, стр. 30.

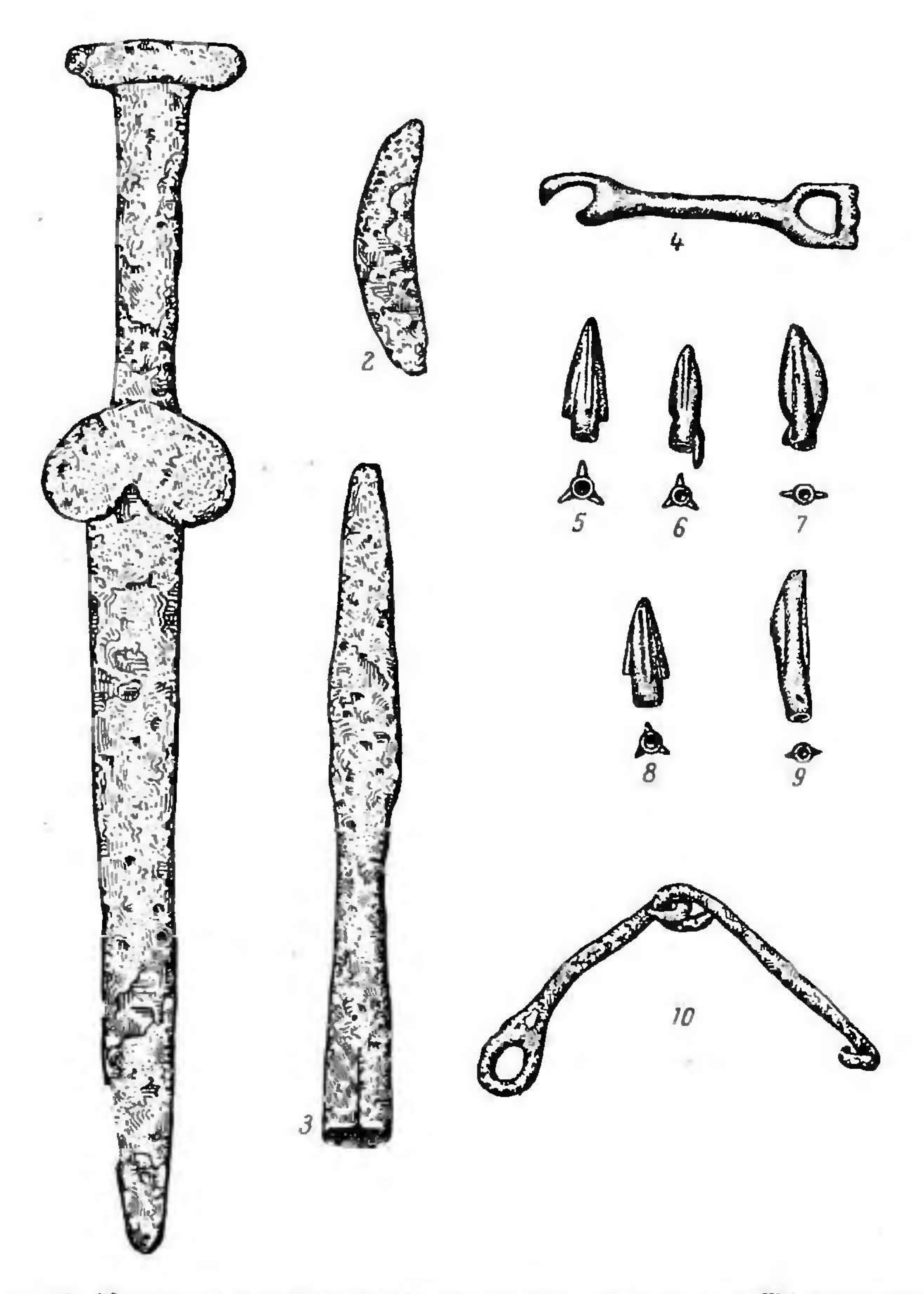

Рис. 12. Комплекс находок скифского типа из могил на Тамгацикском поселении.

Раскопки Е. П. Алексеевой 1954 г.

4—9 — бронза; *1—3, 10* — железо

у Провала на южном склоне Машука, ниже каменоломни [11]. Этот материал подтверждает наличие древнего Провальского поселения. Об этом поселении упоминает и А. А. Иессен, сообщая, что оно обладает «мощным культурным слоем, насыщенным

[11] Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 55.

огромным количеством золы и представляет почти всей своей толщей отложения именно интересующего нас раннескифского времени»[12].

Среди фрагментов темно-серой лощеной керамики встречаются образцы с нарезным геометрическим орнаментом раннескифского типа (узоры орнамента: зигзаги, ромбы, угольники и заштрихованные клетки). Форма некоторых чаш-мисок напоминает форму кисловодских и каменномостских сосудов. Отмечается иногда и налепной орнамент. В Пятигорском музее сохранился небольшой горшочек с уплощенной ручкой, украшенной налепным знаком в виде скосившегося знака вопроса (инв. № 545). Сосуд по своей фактуре типичен для местной керамики скифского времени.

4. Не меньший интерес представляют остатки древнего поселения, расположенного у подножья г. Машук тоже близ Пятигорска. Здесь еще раньше Н. М. Егоровым были обнаружены зольные слои и фрагменты черной керамики, в том числе несколько обломков с белой инкрустацией. Заложением небольшого раскопа А. А. Иессен установил, что мощность зольного слоя достигает 0,8 м. Слой насыщен культурными остатками. «Наличие типичной черной лощеной керамики с геометрической орнаментацией позволяет относить это поселение к эпохе ранних скифов[13].

5. Значительное и хорошо сохранившееся поселение отмечено вблизи станции Зольской. Оно было открыто в процессе работы на старом, ныне заброшенном карьере. Поселение отличается мощным культурным слоем, достигающим толщины 1,6—1,7 м[14].

В Пятигорском музее хранится обильный подъемный материал из старого Зольского карьера. Это обломки керамики. Поражает в этом материале чрезвычайное разнообразие форм сосудов, технических приемов их изготовления и орнаментации.

Вся посуда лепная, но сделана отлично. Поверхность большинства керамических образцов хорошо вылощена. Цвет посуды темно-серый и черный, но со многими, даже желтоватыми оттенками, обусловленными неровностью обжига. Вообще же посуда хорошо обожжена.

Судя по керамическим обломкам, можно предполагать следующие формы: а) крупные грушевидные сосуды (корчаги) типа моздокских; б) миски; в) чашки и г) горшки почти баночной формы. Орнаментика двух типов: первый тип — налепной, щипковый, второй тип — нарезной, геометрический, заполненный белой пастой. Последний орнамент явно преобладает. Он очень разнообразен по узорам; встречается косошахматный, с заштрихованными треугольниками, зигзагообразный, в виде параллельных бороздок и др.

Раннескифский облик культуры этого поселения несомненен.

6. Остатки, по-видимому, небольшого, разрушаемого водою поселения были отмечены и восточнее сел. Куба на правом берегу р. Малки, почти напротив станицы Марьинской. Культурные обнажения, сохранившиеся на небольшой площади, со-

---

12 А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 35.

13 Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. СГАИМК, № 3, 1931, стр. 28.

14 Там же, стр. 30.

держали значительное количество обломков керамики эпохи поздней бронзы и раннескифского времени [15].

Группа аналогичных поселений была выявлена на территории Кабардино-Балкарской АССР А. А. Иессеном, а позднее работами экспедиций Кабардинского научно-исследовательского института.

7. Поселение более крупное по размерам было обнаружено в 1949 г. на правом берегу на мысу р. Малки у западной окраины сел. Куба (за современным Кабардинским кладбищем), экспедицией Кабардино-балкарского научно-исследовательского института под руководством К. Э. Гриневича [16]. На значительной площади был собран разнообразный керамический материал — фрагменты темно-серых лощеных сосудов ручной работы. Обжиг хороший. Большинство орнаментировано нарезными геометрическими узорами. Встречаются обломки, украшенные семячковидным орнаментом и сосцевидными выпуклинами типа нестеровских и алхастинских сосудов. Характерны также образцы и с налепным щипковым орнаментом скифского типа.

8. Городище Черная Гора в виде огромного 10-метрового холма расположено на восточной окраине сел. Золукокуаже, типа широко распространенных в Кабардино-Пятигорье средневековых холмов-укреплений. Разведочными раскопками той же экспедиции было установлено, что городище имеет перемешанный слой. Толщина слоя — 0,7 м. Среди керамических образцов преобладают обломки посуды аланского типа, но наряду с ними, очевидно, из нижнего слоя происходят фрагменты из светлой глины с примесью дресвы и хорошего обжига, с явными следами лощения. На этих фрагментах преобладает нарезной геометрический орнамент, наряду с налепным и щипковым, что позволяет и здесь видеть поселение раннескифского времени.

9. Другое поселение, открытое той же экспедицией близ с. Сармаково, находится в 1 км к северо-западу от селения, слева от дороги из с. Малки, на трехтеррасном отроге, внешне напоминающем городище. Культурный слой, также якобы перемешанный, не превышал 0,65 м в толщину и залегал на гравии. Судя по собранному материалу, это поселение было обитаемо как в сарматский период, так и в раннее средневековье с более древних времен. По-видимому, из нижнего слоя происходит множество фрагментированной черной лощеной керамики, покрытой уже известным нам нарезным геометрическим орнаментом (типа сольской посуды), а также налепами и небольшими семячковидными углублениями и нарезками [17].

10. Городище, находящееся на правом берегу р. Баксана, напротив сел. Атажукино (быв. с. Заюково), открытое А. А. Иессеном в 1934 г.[18] и дополнительно обследованное К. Э. Гриневичем в 1949 г. На городище, отличающемся мощностью культурных отложений более поздних эпох, отмечен и слой, давший керамику, украшенную характерным резным геометрическим орнаментом и небольшими ямочками (типа Березовских сосудов Пятигорья).

---

[15] Там же, стр.29.

[16] По сведениям участницы экспедиции О. В. Милорадович. См. также краткую информацию К. Э. Гриневича, опубликованную в ВДИ, 1950, № 4, стр. 208.

[17] По сведениям О. В. Милорадович.

[18] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Л., 1941, стр. 228.

А. А. Иессен датировал этот слой позднекобанским временем. Экспедиция 1949 г. вновь подтвердила эту дату. Был собран керамический материал, характеризующийся хорошим обжигом, лощением поверхности и соответствующими раннескифскому времени орнаментами — нарезным, налепным и щипковым.

11. Судя по подъемному материалу, собранному О. В. Милорадович в окрестностях городища, здесь можно предполагать еще одно неукрепленное поселение того же времени. Косвенно на эту дату указывает и курган, исследованный на этой территории К. Э. Гриневичем в 1949 г., относящийся к раннескифскому времени [19].

12. Другим примером древних поселений Кабарды служит поселение, зафиксированное А. А. Иессеном на левом берегу р. Баксан у сел. Кызбурун-I, на самом краю речной террасы. В обнажениях берегового обрыва замечено много золы, костей животных и хорошо выделенная керамика, украшенная геометрическим орнаментом; культурный слой достигает мощности около 1 м. Культурные остатки прослеживаются, по наблюдениям автора отчета, на протяжении 200 м по обе стороны шоссе.

Время существования этого поселения определяется керамическими находками, типичными для III стадии местной истории Кавказа — «гальштатской» (по автору), продолжающейся для середины I тысячелетия до н. э.[20]

13. Отмечены следы другого, аналогичного поселения на левом берегу р. Баксан близ сел. Кызбурун-I, давшего керамику скифского времени [21].

14—15. Из городищ, содержавших раннескифские слои, следует отметить еще два памятника на левом берегу р. Баксан, у сел. Кызбурун-II [22]. Интересующий нас керамический материал в них залегал, как и в Заюковском городище, внизу и был перекрыт более поздними городищенскими наслоениями.

16—17. Наиболее яркими из серии подобных же памятников Кабарды являются еще два древние поселения, расположенные почти на границе степи. Одно из них находится в 5—6 км южнее сел. Кызбурун-III и также открыто под более поздним городищенским слоем. Другое — на левом берегу ручья Псариша, в 6—7 км северо-западнее сел. Баксан. И здесь интересующий нас слой, аналогичный заюкскому, залегает под другим более поздним слоем [23].

Эти городища Кабарды, своими культурными отложениями с заключенным в них разнообразным материалом, принадлежат к различным историческим периодам местной истории и заслуживают серьезного внимания в плане изыскательских работ по древней и средневековой истории края.

На территории соседней с Кабардой республики — Северной Осетии можно указать пока, к сожалению, лишь четыре бытовых памятника, со следами элементов скифской культуры.

18. Несомненным пунктом местонахождения (может быть даже не одного, а нескольких) поселений с культурой скифского облика являются ближайшие окрестности

---

[19] К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23, 1951, стр. 189.

[20] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Л., 1941, стр. 228.

[21] Там же, та же стр.

[22] Там же, та же стр.

[23] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 228.

сел. Чикола (б. Магометановское). При сооружении здесь Дигорского канала в 1935—1937 гг., по всей трассе канала Е. Г. Пчелиной было собрано множество бронзовых наконечников стрел раннескифского типа, конусообразных и биконических пряслиц, зернотерок, обломков керамики и других предметов скифского типа [24], без явных доказательств наличия здесь могил. Находки же зернотерок прямо подтверждают наличие поселений.

19. Другое поселение, безусловно, находилось на вершине холма, расположенного напротив сел. Гизель по левую сторону речки Гизельдона. Среди большого подъемного керамического материала эпохи раннего средневековья, собранного здесь научным сотрудником ЛОИИМК АН СССР В. П. Любиным в 1954 г., находилось и немало фрагментов лощеной керамики, отличающейся признаками, характерными для посуды скифского времени. В. П. Любин отметил явную многослойность этого интересного памятника [25].

20. Третье поселение скифского времени расположено близ г. Моздока. В 1935 г. экспедицией ГАИМК были произведены археологические работы на территории железнодорожных карьеров у станции Моздок, где еще раньше был открыт известный Моздокский могильник раннескифского времени [26]. В южном обрезе одного карьера были обнаружены выходы культурного слоя, наблюдавшегося на протяжении 180 м. Это — остатки древнего поселения. Примерная площадь его равнялась 150×200 м. Культурные остатки были найдены, начиная с глубины 0,2—0,3 м от дневной поверхности и до глубины 1,2—1,5 м.

Культурный слой состоял из окрашенного перегноем в темный цвет лёссовидного суглинка с массовыми включениями в него зольных линз и древесного угля. Места скопления золы сопровождались особенно большим количеством культурных остатков в виде обломков керамики, поделок из камня и зернотерок, костей домашних животных, а также костей рыб, птиц и створок раковин.

Керамика представлена обломками сосудов разнообразных форм и размеров. Среди них следует отметить: а) большие сосуды грушевидной формы, с темной лощеной поверхностью, достигающие высотой до 0,8 м (корчаги); б) сосуды горшечной формы, высотой до 0,2—0,3 м, иногда украшенные по плечам налепными валиками; в) сосуды в форме мисок с узкими днищами и слабо загнутыми внутрь краями (диаметром до 0,2 м); г) небольшие кувшинчики с ручкой [27]. Типы керамических форм справедливо расценивались как раннескифские. Никаких остатков жилищ раскопками не обнаружено. Несмотря на однотипный и довольно устойчивый характер вещественного материала, автор отчета (М. А. Миллер) все же счел необходимым ограничить время существования Моздокского поселения двумя-тремя столетиями, в пределах VI—IV вв. до н. э., что нам кажется необоснованным.

---

[24] «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. XI. Дзауджикау, 1947, стр. 26. Материал хранится в Северо-Осетинском музее краеведения в г. Дзауджикау.

[25] За любезно сообщенные данные об этих находках у сел. Гизель приношу В. П. Любину свою благодарность.

[26] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 238—242.

[27] Там же, стр. 240.

Рис. 13. Общий вид раскопок Змейского поселения в 1957 г.

Еще раньше, в 1933 г., а затем в 1936 г., Б. Б. Пиотровский [28] исследовал грунтовой могильник с аналогичной керамикой. Так что связь описанного поселения с более широко известным Моздокским могильником VI в. до н. э. не подлежит никакому сомнению.

21. Наконец, четвертым бытовым памятником в Северной Осетии следует считать, правда с некоторой оговоркой, одно из поселений, исследованных Северо-кавказской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и СевОсНИИ в 1957 г., на одном из холмов близ станицы Змейской (рис. 13, 14).

В основном, поселение относится ко времени кобанской культуры, но в верхних горизонтах довольно мощного (более 1 м толщины) культурного слоя, было обнаружено немало глиняных подставок и фрагментов черной, прекрасно лощеной керамики с геометрическим нарезным орнаментом, абсолютно совпадающей, с одной стороны, с керамикой из Алхастинского поселения (о чем ниже), с другой — с формами и орнаментацией керамики из так называемых раннетаврских поселений горного Крыма, датируемых, как например, Инкерманское и Симферопольское поселения VII и даже VI вв. до н. э.[29], т. е. уже скифским временем (табл. XXII—XXV).

На близость культуры верхнего слоя Змейского поселения кизил-кобинской культуре горного Крыма указывает и поразительное сходство колоколовидных форм хозяйственных ям-хранилищ, известных в Крыму [30] и впервые обнаруженных нами на Змейском поселении Северного Кавказа.

Вместе с тем, из этого же горизонта культурного слоя происходят и многочисленные обломки сосудов, характеризующих керамику кобанской культуры разных этапов ее развития. Это — небольшие чарки с выступающими ручками малых форм и

---

[28] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940.

[29] Х. И. Крис. Поселение кизил-кобинской культуры в балке Ашлама-дере. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 46. Ее же. Раннетаврское поселение в Инкермане. Там же, стр. 52—53.

[30] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 64—65.

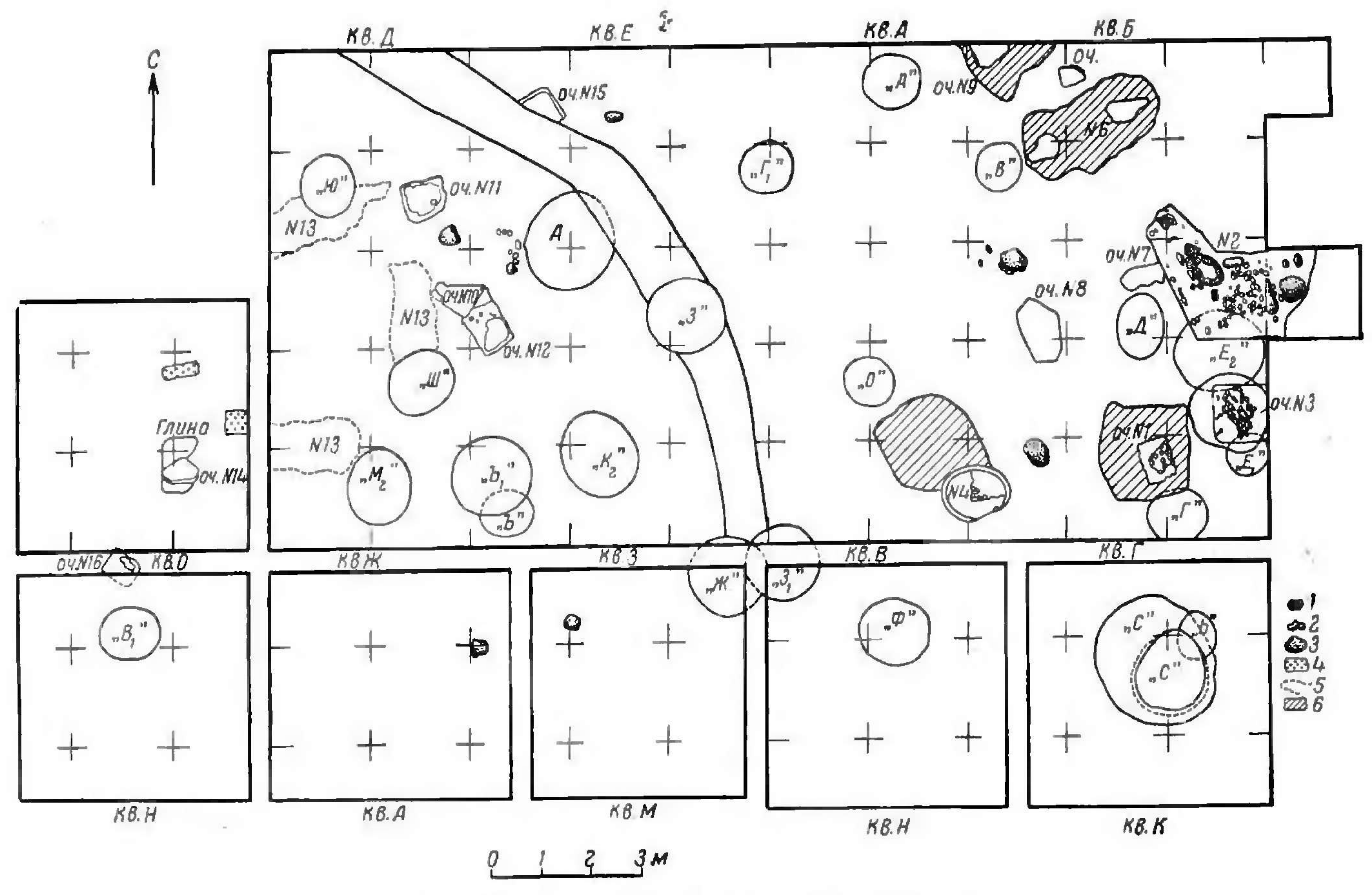

Рис. 14. План раскопа Змейского поселения

горшочки, покрытые нарезным геометрическим орнаментом, характерным для местной керамики предскифского периода (табл. XXIV).

Собранный в слое остеологический материал дает соотношение численности домашних животных в стаде, известное по материалам из других поселений скифского времени на Северном Кавказе (Алхастинском, Нестеровском, Луговом и др.), речь о которых будет ниже.

Обработанные проф. В. И. Цалкиным кости животных, найденные на Змейском доскифском поселении представляют следующие виды и особи:

Крупный рогатый скот	82	кости	от 7	особей
Мелкий рогатый скот	34	»	» 9	»
Свинья (без подразделения на дикую и домашнюю)	30	»	» 8	»
Лошадь	40	»	» 3	»
Собака	1	»	» 2	»
Благородный олень	7	»	» 2	»
Косуля	1	»	» 1	»

Как видим, за исключением свиньи (кости которой определены без подразделения на дикую и домашнюю), по числу особей первые места в таблице занимает крупный и мелкий рогатый скот и только третье место занимает лошадь, т. е. мы впервые убеждаемся в том, что, очевидно, в период раннежелезного века на северном Кавказе лошадь также употреблялась в пищу местным населением и что она количественно в хозяйстве занимала меньшее место, по сравнению с крупным и особенно с мелким рогатым скотом (рис. 15). Эту же картину мы будем наблюдать и на других исследованных поселениях. До полной камеральной обработки всех материалов из интереснейшего Змейского поселения, более подробные данные об этом пункте пока привести затруднительно. Змейское поселение является объектом специального исследования Д. В. Деопика, публикуемого в г. Орджоникидзе.

22. Следующим объектом можно считать поселение, исследованное В. А. Городцовым еще в 1907 г. на месте развалин г. Маджары близ г. Прикумска (б. Буденновск, Святой Крест).

На участке города, называемом Островом, В. А. Городцов обнаружил зольный холм высотою менее 1 м и диаметром около 30 м. Из разрытой части зольника извлечены кости лошади, коровы, овцы, одна челюсть собаки, а также некоторое количество обломков керамики и глиняных пряслиц. «Вся посуда принадлежала одному виду керамики, имела черный цвет, иногда блестящий снаружи и только в исключительных случаях покрывалась простым орнаментом»[31]. Здесь дается довольно точная характеристика керамики скифского типа. Но, судя по опубликованному отчету, В. А. Городцов находил возможным в какой-то степени сравнивать ее с керамикой, добытой на тут же раскопанном грунтовом могильнике. Одновременно, эту группу керамики он сопоставлял с керамикой «зольников Полтавской губернии», с которой он только что перед этим имел дело при изучении Бельского городища, т. е.

[31] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. «Тр. XIV АС», т. III, 1911, стр. 162—208.

Рис. 15. Тондыр (печь) на Змейском поселении, рядом с которым видны кости барана.

с керамикой, типичной для скифской культуры. По-видимому, какая то часть несохранившейся керамики и, скорее всего найденной вместе со скелетами в скорченном положении, действительно имела сходные черты с лощеной скифской керамикой Бельского городища.

23—32. Сюда же следует приписать и поселения, о наличии которых свидетельствует массовый подъемный материал, в большом количестве собранный экспедицией ИИМК АН СССР, Государственного Исторического музея и Грозненского республиканского музея краеведения за полевые сезоны 1946—1948, 1952 и 1955 гг. в северных степных полупустынных районах Восточного Предкавказья, в окрестностях селений Агабатыр, Ачикулак, Махмут-Мектеб, Бажиган и Терекли-Мектеб.

Неоднократное обследование песчаных выдувов вблизи названных населенных пунктов дало множество находок, собранных прямо на поверхности развеянной почвы. Найденные здесь бронзовые и железные наконечники скифских стрел (рис. 16), глиняные пряслица, обломки характерной раннескифской и савроматской керамики, зернотерки, куски металлического шлака и другие вещи неоспоримо свидетельствуют о том, что значительная часть их, безусловно, происходит не только из развеянных курганов, но и из разрушенных природой древних поселений (рис. 17); число этих поселений, конечно, превышает указанное здесь количество (лишь десять поселений), если судить по размерам территории, на которой собраны эти находки, но при наличии только подъемного материала из выдувов, это утверждение трудно доказуемо. Во всяком случае, вблизи указанных современных селений можно, как минимум, предполагать по два древних поселка, расположенных по обе стороны от селений.

Следующая большая группа интересующих нас памятников материальной культуры (поселений и городищ), находящихся уже в предгорных районах Чечено-Ингушской АССР, была в подавляющем числе открыта лишь в последние годы путем разведочных работ местных краеведов, бывших сотрудников Грозненского института и Музея краеведения — Н. И. Штанько и в особенности М. П. Севостьянова, энтузиазму которых я и обязан своим знакомством с этими памятниками по собранному на них подъемному материалу, хранящемуся в музее г. Грозного [32].

33. Одно городище расположено на правом высоком берегу Терека в 1 км к северо-востоку от пос. Ногай-Мирза (б. с. Братское). Среди собранных М. П. Севостьяновым в 1949 г. керамических обломков встречаются и средневековые. Но, по-видимому, из нижних слоев городища происходят фрагменты серой, хорошего обжига ручной лепки лощеной посуды в виде мисок, со слабо загнутыми внутрь краями, а также обломки, украшенные по краю венчика рядом узкоовальных углублений, типа Березовских и других сосудов раннескифского времени (инв. № 6203).

34. Такого же типа городище было обследовано М. П. Севостьяновым на том же правом берегу р. Терека близ сел. Верхний Наур, к юго-западу от станицы Наурской (расположенной на левом берегу р. Терека) [33]. Наряду со средневековыми и сарматоидными ручками от сосудов здесь встречены среди подъемного материала образцы темно-серой керамики со слабым лощением. Тесто с дресвой. Форма сосудов — мискообразная. Некоторые обломки имеют налепы (инв. № 6203).

35. Очевидно, в эту же группу следует включить и городище, открытое М. П. Севостьяновым у сел. Шеды-Юрт, б. хутора Терского. Оно находится на том же правом высоком берегу Терека в 0,5 км к востоку от хутора и юго-востоку от станицы Калиновской, расположенной на левом берегу. Вместе со средневековыми образцами здесь были найдены обломки посуды красновато-серого цвета с налепным орнаментом, иногда украшенные мелкими поперечным углублениями. Тесто содержит дресву и иную примесь. Отмечено и несколько обломков черных, хорошо вылощенных мисок, со слабо вогнутыми краями, раннескифского т ипа (Инв. № 6199).

36. В том же районе, на правом берегу р. Терека, еще А. П. Кругловым в 1936 г. было открыто одно древнее поселение у сел. Аду-Юрт (б. с. Правобережное), к юго-западу от станицы Николаевской, расположенной на левом берегу Терека. По наблюдениям А. П. Круглова, это поселение окружали раннесредневековые оборонительные сооружения.

Собранная на поселении керамика изготовлена без гончарного круга. Поверхность многих черных сосудов была хорошо вылощена. Исследователь особо выделяет обломок черного лощеного сосуда, орнаментированного пересекающимися линиями, образующими треугольники и ромбы [34].

---

[32]. Пользуясь случаем, не могу не выразить глубочайшей признательности Н. И. Штанько и М. П. Севостьянову за предоставленную мне возможность ознакомиться с керамическими находками на указанных памятниках, собранными в 1947—1957 гг.

[33] Городище упоминается и А. П. Кругловым в его отчете о работе в Чечено-Ингушской АССР в 1936 г.

[34] А. П. Круглов. Археологические раскопки летом 1936 г. «Записки НИИ языка и истории», т. I. Грозный, 1938, стр. 9.

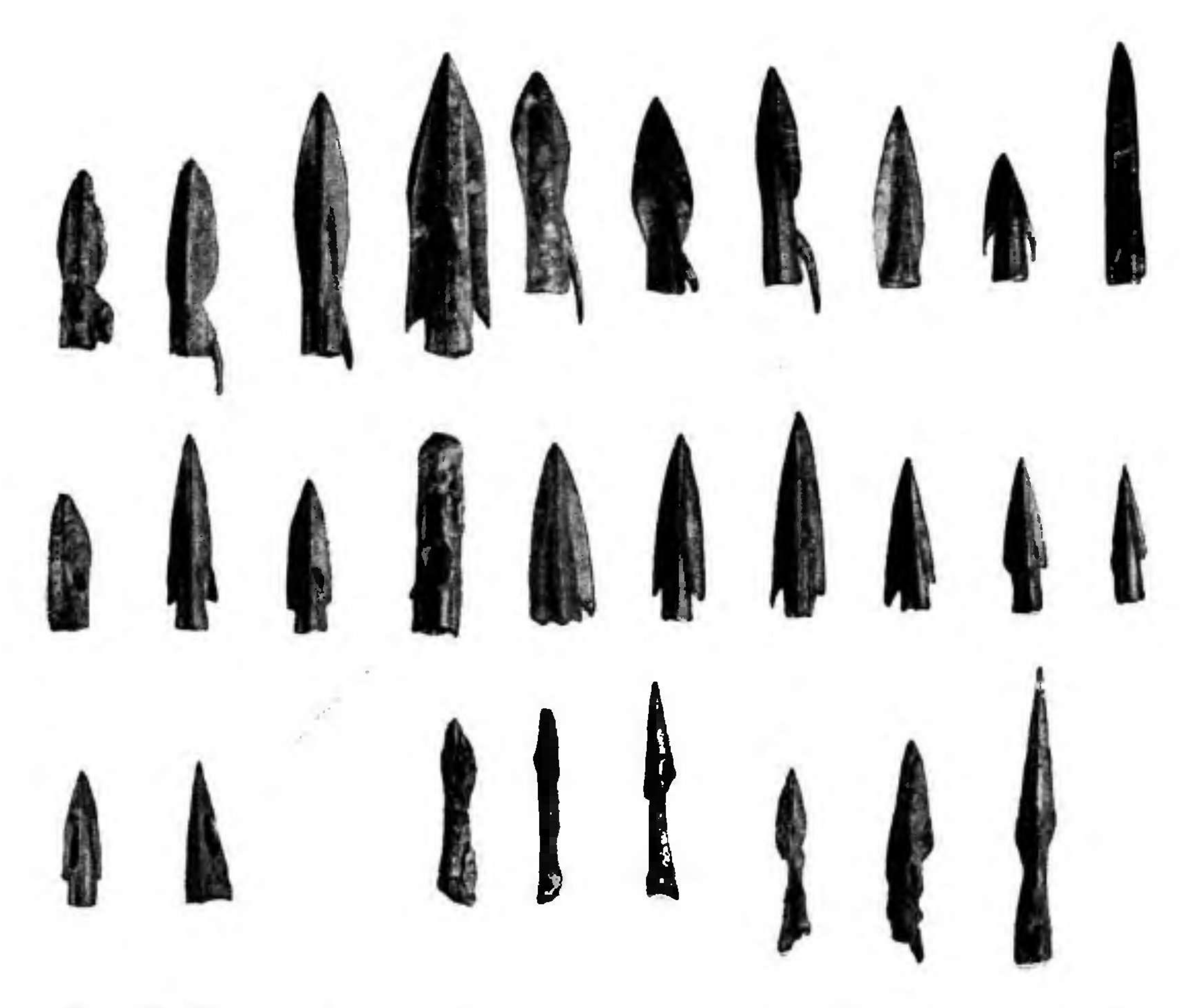

Рис. 16. Бронзовые и железные наконечники стрел скифо-сарматского типа. Подъемный материал из окрестностей селений Ачикулак и Бажиган Ставропольского края

37. Из подобных же двухслойных городищ обращает на себя внимание Горячеисточнинское городище № 2. Это — одно из двух городищ,находящихся в окрестности села Горячеисточнинского (б. станица Барятинская). Городище открыто М. П. Севостьяновым в 1949 г. Среди собранного подъемного материала преобладают керамические остатки позднесарматского времени. Но резко выделяются и обломки из теста с примесью дресвы, хорошего обжига, с лощеной поверхностью. Некоторые из них сохранили орнамент — налепной и щипковый, а также в виде отдельных выпуклин. Формы посуды разнообразны, начиная от мисок, со слабо загнутым внутрь краем, до больших горшков (Инв. № 6194).

Теперь перейдем к обзору памятников южных предгорных районов и, в первую очередь, наиболее богатого интереснейшими памятниками древности Ассинского ущелья.

38. Первое поселение находится на левом высоком берегу р. Ассы, в двух км севернее сел. Мужичи (б. Луговое). Оно расположено на огромной поляне, имеющей

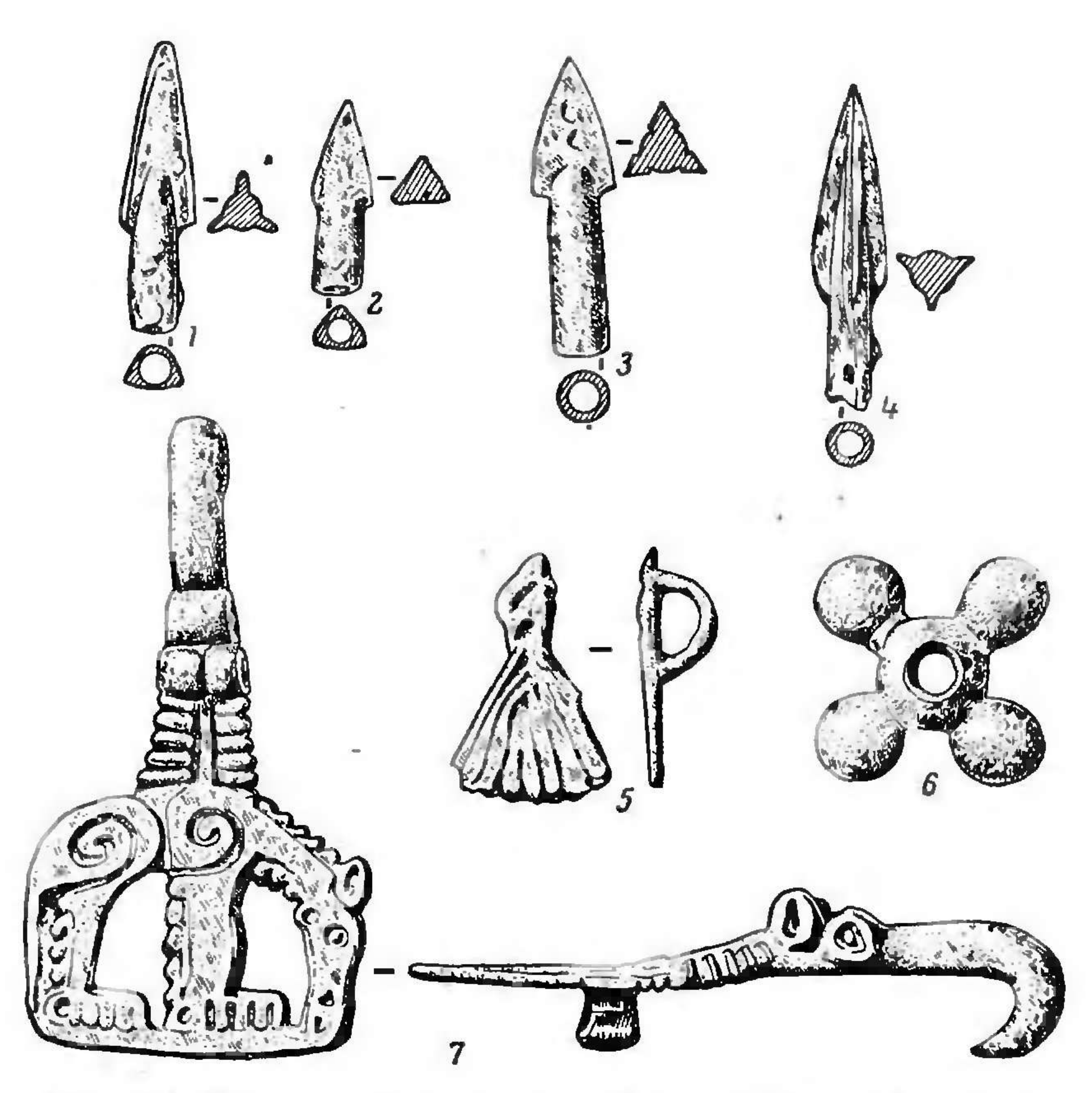

Рис. 17. Комплекс бронзовых находок из развеянной могилы у сел. Бажиган Ставропольского края

1—4 — наконечники стрел скифского типа; *5, 6* — бляшки; *7* — поясная пряжка савроматского типа

заметный скат к обрыву р. Ассы. Размеры поляны 250×300 м. Через поляну проходит дорога на север, в сел. Галашки (б. с. Первомайское). В первой публикации данных об этом поселении, оно не совсем точно было названо мною Первомайским. Но обследование на месте заставляет отнести его к окрестностям с. Лугового, а не с. Первомайского. Тем более, что исследование нами в 1952 г. грунтового могильника скифского времени, расположенного всего в 0,5 км севернее с. Луговое, убедило нас в возможной связи могильника с поселением. Честь обнаружения этого поселения принадлежит бывшему сотруднику Грозненского областного музея краеведения Н. И. Штанько, собравшему в 1946 г. на его поверхности подъемный керамический материал, содержащий и раннескифские типы керамики.

Обследованием Лугового поселения, произведенным экспедицией ИИМК АН и ГИМ в 1948 г.[35], было установлено, что вся территория огромной поляны издавна

[35] Первое сообщение о раскопках Лугового поселения содержится в нашей статье. «Археологические работы в Кабарде и Грозненской области».КСИИМК, вып. 32, 1950, стр. 94. Ввиду того,

запахивалась, доказательством чего служит отсутствие камней на поверхности и сильно распаханные золистые пятна. Прямо на поверхности, разумеется, не в первичном залегании, были подняты образцы позднесредневековой керамики и фрагменты с налепным и щипковым орнаментом. Последняя группа керамики привлекла особое внимание экспедиции и для полного выяснения культурного облика этого объекта был заложен раскоп у нижнего края поляны (поселения).

Раскопками было подтверждено наличие культурного слоя толщиной около 1 м, насыщенного обломками посуды, кусками глиняной обмазки и костями животных. Верхний горизонт перепаханного слоя до 0,45—0,5 м содержал как позднесредневековую, так и более древнюю керамику. Наоборот, нижний слой гумированного суглинка, толщиной около 0,35—0,4 м изобиловал лепной, но хорошо формованной керамикой, украшенной налепным и щипковым орнаментом и небольшими вдавлениями по краю. Собственно эта керамика и является для поселения наиболее характерной.

Никаких следов жилищ прослежено не было. Только в профиле южной стенки раскопа была отмечена узкая золистая ладьевидная прослойка, являвшаяся, очевидно, краем пола очага. Дополнительным посещением Лугового поселения участниками нашей экспедиции 1955 г. В. И. Марковиным и М. П. Севостьяновым был собран подъемный материал раннескифского времени, среди которого особо выделялся черно-лощеный обломок сосуда с геометрическим орнаментом.

Несомненный интерес представляет результат определения остеологических материалов, добытых из нижнего слоя Лугового поселения, произведенного В. И. Цалкиным. Из общего количества костей (140 экз.) определено лишь 73 кости, принадлежащие следующим животным:

Крупный рогатый скот	23	кости	от	2—3	особей
Мелкий рогатый скот	28	»	»	3—4	»
Свинья	13	»	»	2—3	»
Лошадь	5	»	»	1—2	»
Косуля	2	»	»	1	»
Сайга	2	»	»	2	»

Здесь мы наблюдаем картину соотношения видов домашних животных, какая уже известна из опыта исследования и других аналогичных памятников Северного Кавказа скифского времени; на первом или на втором месте стоит мелкий или крупный рогатый скот, на третьем месте — свинья (правда, без подразделения на дикую и домашнюю) и только четвертое место занимает лошадь.

Насколько мне известно, здесь впервые для южных предгорных районов (на высоте почти 1000 м над уровнем моря) встречается сайга — животное исключительно степной зоны [36], в частности восточных районов Ставрополья и южных районов Астраханщины.

что это поселение скифского времени вошло уже в литературу как «Луговое поселение», нецелесообразно сейчас изменять его название в связи с восстановлением старого названия селения, вблизи которого оно расположено.

[36] В 1949 г. В. В. Бобин сообщил мне, что ему известен другой редкий случай обнаружения костей сайги в Кисловодске (на территории Кисловодского могильника VIII—VII вв. до н. э.).

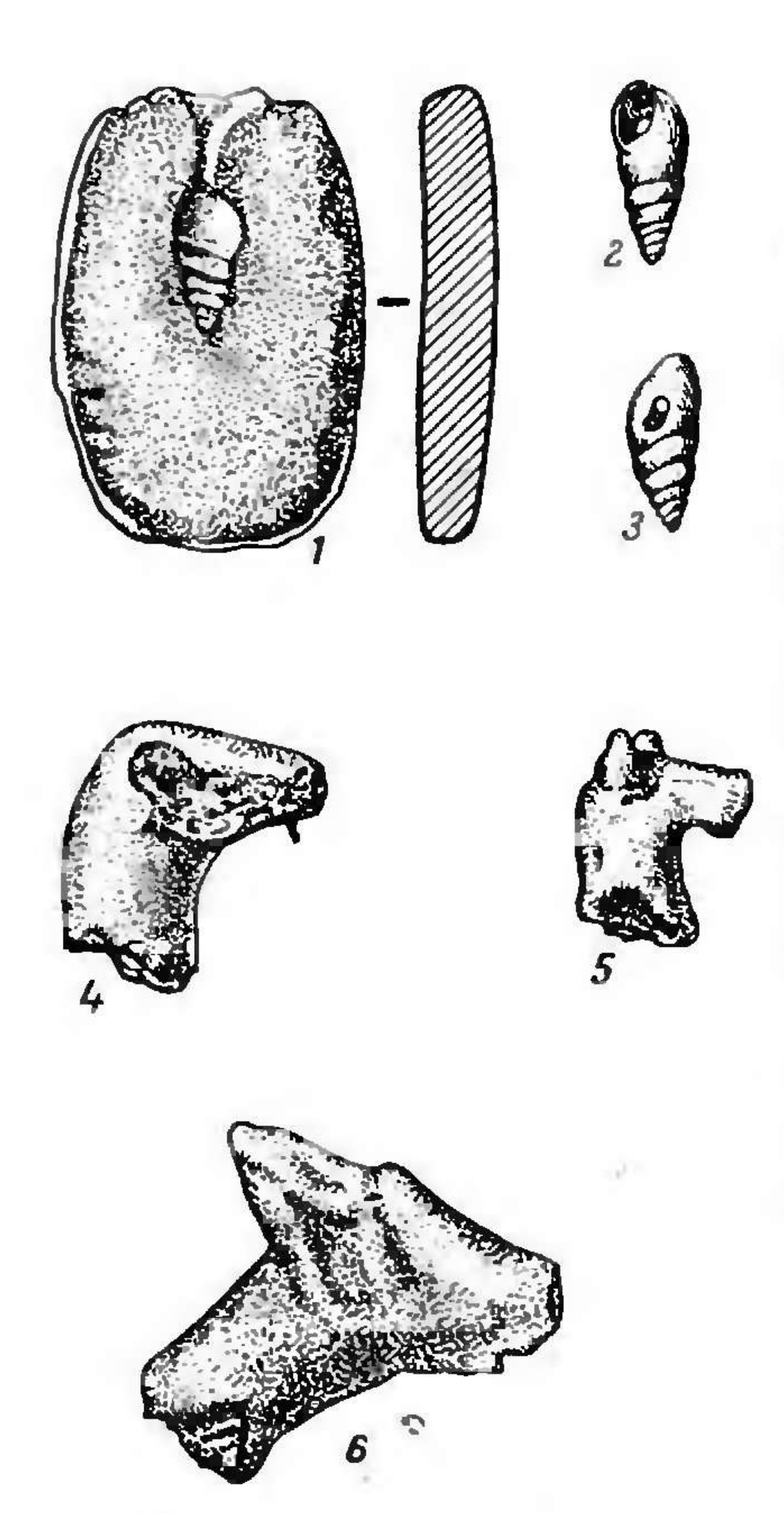

Рис. 18. Находки из Алхастинского поселения ЧИАССР

1 — глиняная форма для отливки височных украшений в виде раковин; 2, 3 — ископаемые раковины; 4—6 — глиняные головки животных

39. Наибольший интерес представляет древнее поселение, расположенное к северу от Лугового поселения в том же Ассинском ущелье. Точнее, оно находится на первой террасе левого берега р. Ассы, в 0,5 км к северу от сел. Алхасте (б. поселке Красно-Октябрьского). Протяженность поселения вдоль берега (отступя от него метров на 100) не превышает 0,5 км. Интереснейшей особенностью этого поселения является наличие на нем довольно крупного зольного холма, давшего наибольшее количество интереснейших находок.

Алхастинское поселение было открыто экспедицией ГИМ и ИИМК АН СССР в 1937 г. и в течение 1938—1939 гг. подверглось исследованию [37]. Была вскрыта площадь равная почти 400 кв. м. Раскопками установлено, что поселение имеет культурный слой, достигающий 1—1,1 м. Никаких стерильных прослоек слой не имел, хотя и содержал последовательные отложения остатков прошлой жизни разных хронологических периодов, начиная от эпохи поздней бронзы до скифского времени.

Только по материалам слой делится на два яруса или горизонта, верхний, более мощный (толщина 0,6 м — 0,65 м), и нижний (до 0,4—0,45 м). Исследования нижнего яруса дали керамику, украшенную зубчатым чеканом, т. е. орнаментом, типичным для срубной культуры эпохи бронзы. В нижнем же ярусе была открыта могила с интересным погребением человека, положенного ничком.

В аспекте нашей работы особый интерес представляет состав находок из верхнего яруса или горизонта. Определенная группа находок, полученная из верхнего слоя, как глиняные пряслица, в том числе биконической формы, половинка глиняной литейной формочки для отливки головного украшения — серьги, моделью для которой служила винтообразная ископаемая раковина *Buliminus sp.* (рис. 18), обломки каменных зернотерок и особенно множество самой разнообразной как по форме, так и по орнаментации керамики, украшенной различным нарезным геометрическим орнаментом, а также орнаментом, выполненным другими приемами (налепами

[37] Подробная характеристика Алхастинского поселения дана нами в работе: Е. И. Крупнов. «Археологические памятники Ассинского ущелья». «Тр. ГИМ», т. XII, 1941 г. и в кандидатской диссертации, часть которой вышла из печати в «Тр. ГИМ», т. XVII, 1949, стр. 7—54. В этих же работах приведены основания для сопоставления изучаемого материала с памятниками срубной и скифской культур нашего юга.

и защипами) позволили нам эти керамические находки разбить на две группы и одну из них отнести к раннескифской эпохе (VII—VI вв. до н. э.), а другую приписать предшествующей поре (VIII, а возможно и IX вв. до н. э.), т. е. доскифскому периоду [38] (табл. XXVI, XXVII).

Основанием для датировки первой группы керамики послужили аналогичные материалы известных памятников Украины [39] (таких как Бельское городище и др.) и Северного Кавказа (как памятники Пятигорья — гробницы у Чеснок-Горы, близ колонии Каррас [40], Моздокский могильник [41], Маджарский зольник и другие), что с несомненностью лишний раз доказывало наличие и в центральной части Северного Кавказа элементов скифской культуры на самой ранней стадии ее развития.

Рис. 19. «Пинтадеры» или штампы Кавказа

1—5 — из Алхастинского поселения; 6 — из Абхазии; 7—костяной штамп из кургана № 1 ст-цы Келермесской.

Важно отметить, что среди материала верхнего яруса культурного слоя доскифского периода, равно как и зольного холма удалось выделить еще более интересную группу вещей, в состав которой входят пять уникальных глиняных штампов или печатей (pintadera) (рис. 19), глиняные фигурки животных, бронзовое колечко, поделки из рога и кости и особенно много образцов керамики, несомненно, относящейся к предшествующей эпохе (табл. XXVIII).

В эту же группу входят обломки темно-серых довольно крупных горшков,

[38] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Тр. ГИМ», т. XVII, стр. 17, 20.

[39] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии в 1906 году. «Тр. XIV АС», т. III, 1911.

[40] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908.

[41] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1941.

сделанных из хорошо приготовленного теста. Плечи их украшены широким поясом, состоящим из тройной линии полос, опоясывающих весь сосуд, от которых опускаются вниз заштрихованные зубцы, треугольники, в свою очередь обведенные двойным зигзагообразным узором. Орнамент нарезной. Обжиг сосудов хороший, но неровный. На одном крупном фрагменте заметны следы красноватой краски.

К этой же группе нужно причислить и образцы светлой и темной лощеной керамики, украшенные разнообразным чеканом, вернее чередующимися мелкими углублениями, то мелкими треугольниками, то семечковидными вдавлинами, то короткими штрихами (рис. 20). Все эти орнаменты встречают себе прямые аналогии в приемах орнаментации некоторых типов керамики культуры II из Кобякова и Гниловского городищ Нижнего Дона [42]. Некоторые обломки керамики с геометрическим нарезным орнаментом, опубликованные А. А. Миллером[43], во всех деталях повторяют определенные типы алхастинской керамики. Сходство прослеживается и в следах окрашивания черных сосудов красной краской [44] (табл. XXI). Материалы из Подонья не без оснований датируются начальными веками I тысячелетия вплоть до VIII в. до н. э. и считаются представляющими культуру киммерийцев [45] (см. предыдущую главу, стр 134.). Здесь уместно отметить, что как там, так и на Алхастинском поселении во всем культурном слое железо отсутствовало полностью.

Донские параллели и позволяют, в первую очередь, из всей массы керамики верхнего горизонта Алхастинского поселения выделить перечисленную выше группу и отнести ее к доскифской культуре. Но вместе с ней, в верхнем же ярусе, особенно в первых двух штыках находилось множество обломков керамики и других вещевых находок, которые мы с полным правом датировали раннескифским временем. Этот факт является следствием систематического перепахивания всей площади поселения. Последнее доказывается, как значительной окатанностью фрагментов керамики, так и их более или менее равномерным распределением по всей поверхности поселения. Это наблюдение подтверждается и стратиграфией культурного слоя поселения, что особенно важно. Никакого резкого перерыва в смене культурных элементов стратиграфией не отражено. Это заключение целиком распространяется и на нижний ярус относящийся к эпохе бронзы с элементами степной срубной культуры. Нижний слой также никакой стерильной прослойкой от верхнего не отделен.

Следовательно на Алхастинском поселении мы имеем редкий в местной археологической практике случай наблюдать постепенный переход от культуры эпохи поздней бронзы к культуре типа скифской, через какой-то промежуточный доскифский этап, прямо соответствующий киммерийскому этапу, наблюдаемому в северных районах нашего юга. Таким образом, при исследовании Алхастинского поселения

---

[42] А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции. ИГАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 11.

[43] А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1924—1925 гг. СГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 130, рис. 26, стр. 132, рис. 1—2.

[44] По данным экспедиции Государственного Эрмитажа 1941 г.

[45] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 160, 162.

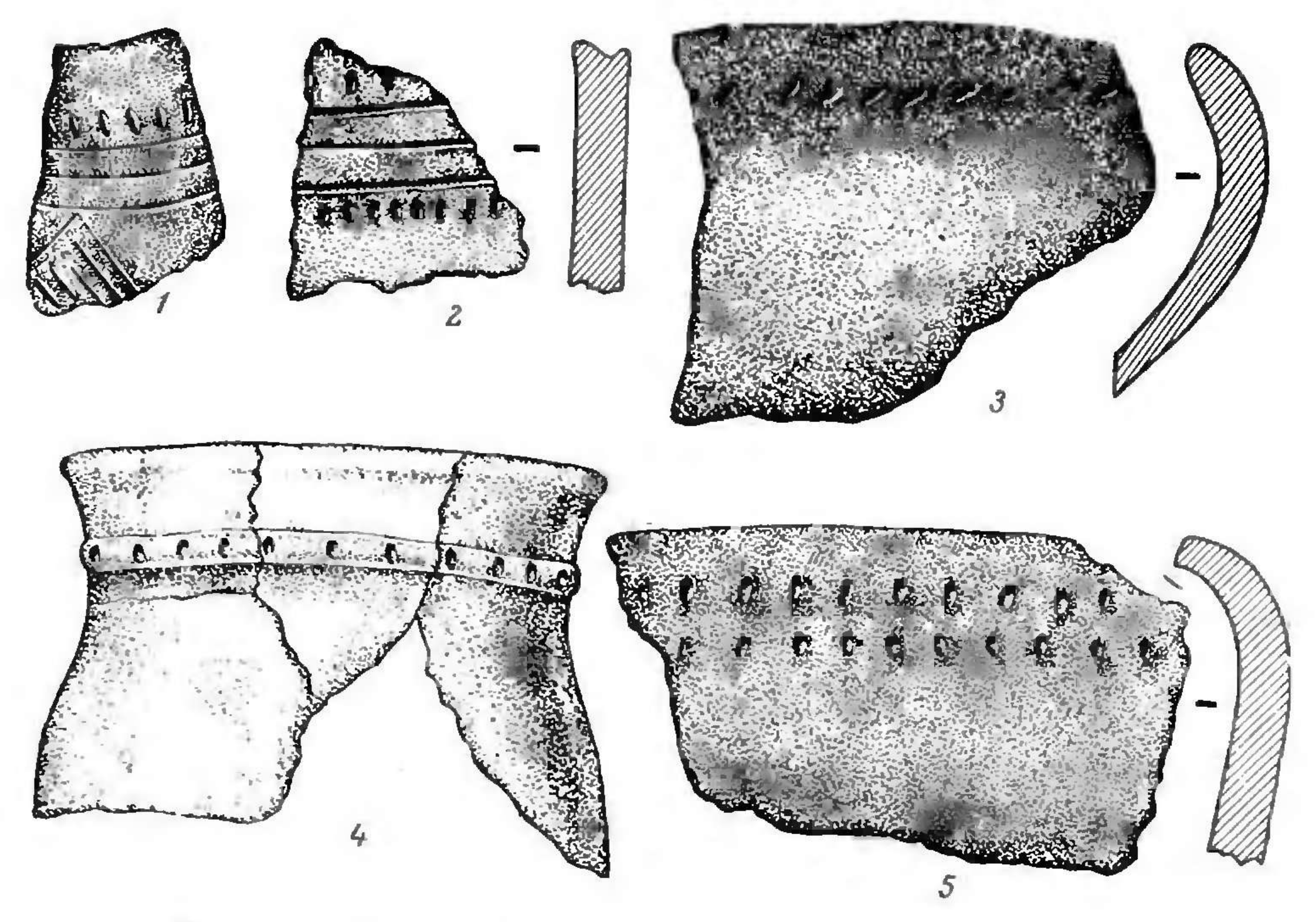

Рис. 20. Образцы керамики из Алхастинского поселения

мы столкнулись с той же картиной автохтонного развития культуры, какая была выявлена ленинградскими товарищами по стратиграфическим данным и материалам Кобякова и Гниловского городищ и других памятников Подонья.

Интересную картину рисуют остеологические находки, сделанные в верхнем горизонте Алхастинского поселения. Все костные остатки животных из верхнего яруса Алхастинского поселения, по определению погибшего в 1942 г. в бою с фашистскими захватчиками Н. А. Сугробова, распределяются следующим образом:

Домашние животные			
Свинья (без подразделения на дикую и домашнюю)	199 костей	от 12	особей
Крупный рогатый скот	126 »	» 8	»
Мелкий рогатый скот	50 »	» 6	»
Лошадь	25 »	» 4	»
Собака	3 »	» 1	»
Дикие животные			
Косуля	3 кости	от 2	особей
Олень	3 »	» 1	»
Лисица	1 »	» 1	»
Хомяк	5 »	» 1	»

Таким образом, остеологический материал Алхастинского поселения дает нам то же соотношение видов домашних животных, какое мы наблюдали по данным Лугового поселения (когда лошадь занимает далеко не первое место), и какое, как

увидим дальше, будет типичным явлением для всех поселений Северного Кавказа скифского времени.

40. Аналогичное поселение было открыто экспедицией ГИМ и ИИМК в 1940 г. у самого выхода из Ассинского ущелья, вблизи станицы Нестеровской [46].

Оно находится на склоне верхней террасы пойменной долины левого берега р. Ассы. На поселении был обнаружен сильно распаханный и частично смытый по склону сточными водами зольник. Он и дал наибольшее количество керамических находок и костей животных. Небольшими раскопками 1940—1946 гг. была установлена толщина культурного слоя Нестеровского поселения, не превышающая 0,5 м. Были открыты жалкие остатки очагов, возможно даже глинобитных печей [47].

Найденный на поселении материал: глиняные льячки, типа льячек Дьяковской культуры, обломки железного шлака, несколько железных орудий труда (шилья, зубила), обломки каменных зернотерок, глиняные пряслица, глиняные сосуды-сита, цедилки и особенно богато представленная посуда (горшки, миски, чарки), темная, лощевая, часто украшенная налепами, защипами и нарезным орнаментом,— позволяет уверенно сближать Нестеровское поселение с кругом памятников степной скифской культуры. А на основании прямых аналогий в материале из соседнего Нестеровского могильника (о котором подробно будет сказано ниже) представилась возможность датировать Нестеровское поселение VI—V вв. до н. э. Подробному анализу керамики Нестеровского поселения посвящена специальная статья Н. В. Трубниковой [48] (табл. XXIX).

Любопытную картину являет состав стада Нестеровского поселения. Собранный нами остеологический материал был определен В. И. Цалкиным. 89 экземпляров определимых костей животных распределялись таким образом:

Крупный рогатый скот	44 кости
Мелкий рогатый скот	20 костей
Свинья (без подразделения на дикую и домашнюю)	18 костей
Лошадь	4 кости
Собака	3 кости

Как видим, кости лошади опять занимают четвертое место, как и на других исследованных поселениях. Кстати отметим, что подобный остеологический материал, добытый нами и при исследовании Нестеровского могильника, который мы связываем с этим поселением, сохранял то же соотношение. Среди немалого числа отдельных находок костей животных там тоже преобладали кости крупного и мелкого рогатого скота над конскими костями.

41. Троицкое городище, расположенное среди садов на левом берегу р. Сунжи к северу от станицы Троицкой.

---

[46] Е. И. Крупнов. Северо-Кавказская археологическая экспедиция, КСИИМК, вып. 17, 1947, стр. 104.

[47] Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. 24, 1949, стр. 34.

[48] Н. В. Трубникова. Керамика Нестеровского поселения. «Известия Грозненского областного института и музея краеведения», вып. 2—3. Грозный, 1950, стр. 16.

Обследованием городища, произведенным Т. М. Минаевой и Н. И. Штанько, установлена его многослойность. Среди собранного ими материала обращают на себя внимание формы мисок, со слабо загнутыми внутрь краями, и фрагменты лощеных сосудов, с налепами и защипами нестеровского типа. Дата образования нижнего культурного слоя —середина I тысячелетия до н. э.— несомненна.

42. Слепцовское городище—на левом берегу р. Сунжи, несколько к востоку от станицы Орджоникидзевской (б. Слепцовской). Его также обследовали Т. М. Минаева и Н. И. Штанько. Судя по собранному материалу, хранящемуся в Грозненском музее, городище двуслойное. Несомненно, из нижнего слоя происходят образцы темной, слегка лощеной посуды с налепами и защипами, а также ручки от горшков скифского типа. Верхний слой изобилует средневековой керамикой.

43. Одно из крупнейших городищ края, так называемое Серноводское городище, расположенное на древней высокой террасе р. Сунжи, близ самого курорта Серноводск, давно уже известно в литературе как памятник сарматского времени.

Но, дополнительным обследованием М. П. Севостьянова, на этом городище была собрана коллекция керамических находок, удостоверявших и более раннюю обитаемость этого населенного пункта, а именно в скифское время.

Это доказывается фрагментами темно-серой, хорошо вылощенной посуды, нередко украшенной налепными и щипковыми орнаментами. Керамические формы посуды представлены мисками со слабо загнутыми внутрь краями и большими сосудами типа моздокских грушевидных корчаг (Инв. № 6207).

44. Пригородное поселение, находящееся несколько западнее сел. Закан-Юрт (б.сел. Пригородное). Обследованием Н. И. Штанько и М. П. Севостьянова установлена однослойность поселения, открытого на левом берегу р. Сунжи. Небольшой культурный слой насыщен обломками керамики темно-серого цвета, в большинстве случаев со следами лощения. Многие из них украшены налепными валиками, уже известными нам по данным Нестеровского поселения. Довольно разнообразны и представленные формы керамики, начиная от мисок скифского типа — до крупных грушевидных корчаг.

45. Другое поселение открыто Н. И. Штанько в 1939г. на речке Гехи выше сел. Гехи (б. Благодатное). В обрыве реки был прослежен культурный слой, слабо насыщенный керамикой и костями животных, но содержавший много кусков обгоревшей глиняной обмазки и булыжников как бы выстилающих пол. Обломки невыразительны, но среди них был встречен обломок темно-серого лощеного сосуда с налепной фигурой в «виде нижней части якоря» [49].

46. Остатки почти полностью размытого реками Сунжей и Гехинкой городища были отмечены Н. И. Штанько и у самого устья р. Гехинки, на правом берегу р. Сунжи. Им собран довольно однородный материал. Керамика вся лепная, неровного обжига; тесто с примесями дресвы и песка. Некоторые обломки керамики покрыты «замечательными налепами и защипами пальцами. Один черепок имеет двойной ряд щипкового орнамента» [50].

---

[49] Из письма ко мне Н. И. Штанько от 17.XI 1949 г.

[50] Там же.

Материал дает основание отнести остатки этого поселения к интересующей нас группе бытовых памятников Северного Кавказа.

47. Одним из интереснейших археологических объектов Чечено-Ингушии и всего Северного Кавказа является большое городище, расположенное вблизи станицы Ермоловской на левом берегу р. Сунжи. Оно находится в окружении большой группы курганов, относящихся к различным эпохам.

Ермоловское городище известно еще со времени работ под Грозным А. А. Бобринского в 1886—1888 гг. В советское время оно было подвергнуто обследованию экспедицией ГАИМК в 1938 г. и дважды в 1945 г. Т. М. Минаевой и Н. И. Штанько от Грозненского музея[51]. В обнажениях городища был собран обильный керамический материал, важность которого заключается в том, что он, дополняя старую характеристику этого объекта, как памятника сарматско-аланского периода, одновременно доказывает наличие на нем и слоя раннескифского времени. На середину I тысячелетия до н. э., указывают многочисленные обломки лощеной темно-серой и черной посуды разнообразных форм налепными валиками и налепами со щипковым орнаментом.

К этому же времени относятся и остатки почти уничтоженного водами р. Сунжи древнего поселения, расположенного в 4-х км к северу от сел. Алхан-Юрт (б. Айвазовское) на левом берегу р. Сунжи. Поселение было открыто весною 1948 г. энтузиастом-краеведом М. П. Севостьяновым и осмотрено участниками экспедиции ИИМК и ГИМ летом того же года. Культурный слой ныне сохранился только на центральной части омываемого водами небольшого выступа поселения и не превышает 0,5 м толщиною. Слой золистый, сыпучий и не богат культурными остатками.

Тем не менее, и М. П. Севостьянову и нам удалось собрать типичнейшие образцы керамики, удостоверяющие принадлежность Айвазовского поселения к интересующему нас кругу памятников Кавказа. Это фрагменты черной и серой лощеной керамики, как с налепным щипковым, так и с нарезным геометрическим орнаментом. Из всей собранной коллекции резко выделяется крупный фрагмент довольно толстостенного большого сосуда почти черного цвета с лощеной поверхностью, украшенный нарезным геометрическим узором, заполненным белой пастой или известковыми солями (табл. XXI, рис. 11). Морфологически сосуды варьируют от крупных чаш с почти прямыми шейками и горшков до мисок с загнутым внутрь краем. В слое поселения отмечены кости коровы, овцы, свиньи и лошади.

Ввиду того, что материал из этого поселения, под названием Айвазовского, уже введен в литературу, мы сохраняем это его наименование [52].

49—50. К разряду поселений раннескифского времени, но содержащих культурные остатки и более поздних эпох, относятся два поселения, обнаруженные работниками Грозненского музея М. П. Севостьяновым и Е. Г. Дозоровым в 1948—1949 гг. в Черноречье, близ Грозного. Одно Черноречевское (I) поселение расположено при впадении Черной речки в р. Сунжу, восточнее сел. Алды, а другое (II) поселение — на берегу самой Черной речки, западнее того же сел. Алды.

---

[51] ОАК, 1886—88 гг.; Сб. трудов Ставроп. Гос. пед. ин-та, в. 13, 1958, стр. 413.

[52] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде..., КСИИМК, вып. 32, 1950, стр. 94, рис. 25, *6*.

Золистые слои этих поселений содержали и такие керамические находки, как обломки сосудов с соскообразными выступами и разнообразными налепами раннескифского типа. Здесь же были найдены и куски зернотерок.

51. Хинкальское городище расположено в так называемом Хинкальском ущелье в районе Новых нефтепромыслов Грознефти. На городище сохранились слабые следы валов на вершине гребня. Впервые обследовано М. П. Севостьяновым в 1949 г. Среди собранного им подъемного материала позднеаланской культуры Северного Кавказа, имеется и значительное количество обломков темно-серой лощеной керамики с налепным и щипковым орнаментом уже знакомого нам типа. Несколько образцов — с продолговатыми налепными валиками (Инв. № 6217).

52. По материалам Грозненского музея, собранным Н. И. Штанько и М. П. Севостьяновым на городище, расположенном на левом берегу р. Аргуна близ сел. Бердыкельское (б. Комсомольское) устанавливается, что и это городище подстилал слой раннескифского времени. Судить об этом можно по уже описанным выше типам фрагментов керамики, покрытых налепным и щипковым орнаментом, которые на нем собраны.

53. Старо-Сунженское поселение, о котором можно иметь представление по подъемному материалу, хранящемуся в Грозненском музее, находится при устье речки Старая Сунжа, вблизи селения того же названия, в 5 км к северо-востоку от г. Грозного. Материал однороден, что позволяет предполагать однослойность Старо-Сунженского поселения. По данным музея, культурный слой насыщен костями животных и обломками посуды скифского облика (горшки, миски и др.). Преобладающая орнаментация — в виде налепов с защипами пальцами.

54. Полную аналогию этому поселению представляет другое, обследованное работниками Грозненского музея на левом берегу Сунжи, на 0,5 км восточнее станицы Петропавловской. Оно также однослойное, при толщине культурного слоя в 0,5 м и характеризовалось такими же керамическими находками, что и предыдущие.

55. Еще дальше, в трех км к востоку от станицы Петропавловской, на том же левом берегу р. Сунжи находится городище, на котором, наряду со средневековой керамикой, был собран и материал интересующей нас эпохи. Это — керамические находки уже известных нам типов с налепами и защипами. Они позволяют и здесь усматривать поселение раннескифского времени (по материалам Грозненского музея).

56. Последним городищем в этом районе является Ильинское, расположенное на левом берегу р. Сунжи, на юго-западной окраине сел. Ильинского. Открыто и обследовано оно было Н. И. Штанько и М. П. Севостьяновым в 1948 г. На основании собранного ими подъемного материала, время его бытования определяется алано-хазарским и сарматским периодами местной истории. Но часть собранных керамических находок доказывает обитаемость этого городища, с более ранних времен, а именно с середины I тысячелетия до н. э. (Инв. № 6236).

57. Одно древнее поселение было зафиксировано А. П. Кругловым в 1936 г. в предгорной юго-восточной полосе республики. Оно расположено на левом берегу р. Аргуна, против места впадения в него р. Шаро-Аргуна [53].

---

[53] А. П. Круглов. Археологические раскопки летом 1938 г. «Записки ИИИ языка и истории». Грозный, 1938, т. I, стр. 13.

В обрыве берега был прослежен культурный слой, достигающий 1,5 м в толщину. Он тянется на протяжении 250 м. В обрезе видны прослойки обожженной глины и золы и очень большое количество керамики и костей животных. Наиболее характерной формой посуды являлся широкогорлый сосуд с низким, резко отогнутым венчиком. Часть посуды была сделана из глины с примесями, с черной лощеной поверхностью. Таковы чашки с плавно загнутыми внутрь краями, большие горшки и кувшины с высоким горлом. Особо следует отметить фрагменты баночных сосудов, орнаментированных налепными валиками под краем венчика, покрытые защипами [54], т. е. налицо прием орнаментации, типичнейший для скифской керамики.

58. Другое, очевидно, такое же поселение обнаружено Н. И. Штанько и М. П. Севостьяновым на правом берегу р. Аргуна близ сел. Дуба-Юрт (б. Родниковое). Состав керамических находок на этом поселении включает как обломки темно-желтоватой посуды разных форм, от горшков до мисок, так и экземпляры с налепным щипковым орнаментом; обращают на себя внимание несколько образцов уплощенных выступов-ручек типа сосудов, известных по Пашковскому могильнику № 3 под Краснодаром, относимых к IV в. до н. э.[55] На основании множества фрагментов битого керамического брака, обследователи этого поселения предполагают, что на его месте существовала древняя гончарная печь (горн).

59. Городище, обследованное теми же сотрудниками Грозненского музея близ сел. Герменчук (б. Мостовое), на правом берегу р. Джалки. Хранящийся в Грозненском музее подъемный материал характеризует его как очень интересный памятник, хронологически обнимающий огромный период, от эпохи поздней бронзы до средневековья. Нашим прямым интересам отвечает определенная группа фрагментированной керамики черного цвета, украшенная защипами и налепами, что позволяет этот объект включить в рассматриваемую группу.

Судя по обилию разновременного материала, происходящего с этого городища, оно, несомненно, представляет интерес и в будущем должно быть подвергнуто детальному археологическому исследованию.

60. Близким ему по типу является и другое городище, близ сел. Сержен-Юрт (б. Подлесное). Керамический материал, хранящийся в Грозненском музее, и здесь документирует наличие подстилающего слоя раннескифского времени. Уверенно об этом можно судить по некогда бытовавшим у населения этого городища крупным грушевидным сосудам и посуды, украшенной налепными валиками [56]. Раскопками этого поселения нашей экспедицией в 1959 г. отмечен доскифский слой.

Сообщением об этом городище и ознакомлением с собранным подъемным материалом мы обязаны любезности бывших сотрудников музея г. Грозного — Н. И. Штанько и М. П. Севостьянова. Их опыт обследования своего края служит прекрасной иллюстрацией действенности и научной значимости краеведческой работы, если она хорошо поставлена. Одновременно, их опыт, доказывая наличие та-

---

[54] А. П. Круглов. Археологические раскопки летом 1938 г. «Записки НИИ языка и истории». Грозный, 1938, т. I, стр. 13.

[55] К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3. КСИИМК, вып. 26, 1949, стр. 89.

[56] По материалам Грозненского музея.

кого большого количества интересующих нас памятников в Чечено-Ингушской Республике, позволяет предполагать не меньшее число подобных бытовых памятников и в других районах Северного Кавказа, в частности, в районах равнинного Дагестана, о чем косвенно свидетельствуют открытые недавно могильники скифского времени, типа Исти-су, Нестеровского и др.[57] Это вполне соответствует нашему представлению о заселенности центральной части края местными племенами, знакомыми со скифской культурой.

Все городища Чечено-Ингушской АССР, по словам посетившего их в недавние годы Н. И. Штанько, имеют довольно мощные культурные напластования от 1 до 2 м толщины и больше. В срезах обнажений городищ заметна многослойность. Среди собранного на поверхности и выпавшего из обнажений подъемного, хронологически разнообразного материала почти всегда удается легко выделить обломки темной лощеной керамики, с змеевидными валиками или с щипковым налепным орнаментом, т. е. обнаружить тот прием орнаментации, который очень характерен для керамики раннескифской культуры Украины и степного Предкавказья скифского времени.

* * *

Таковы те первые, краткие и общие, но ценные данные, которыми мы располагаем сейчас о 60 городищах и поселениях центральной части Северного Кавказа с культурными слоями скифского времени; это только те памятники, существование которых подтверждено собранным на них археологическим материалом. В действительности же, их, конечно, гораздо больше. В этом убеждают показательные результаты разведочных поисков, организованных Краснодарским и Грозненским музеями. Группу поселений, расположенных в основном в бассейне р. Терека, мы и положим в основу наших суждений о характере этих памятников, времени их существования и о хозяйственном быте их древних обитателей (рис. 11).

В итоге нашего обозрения бытовых памятников Северного Кавказа, начиная от Прикубанья и кончая границами Дагестана, можно с еще большей уверенностью сказать, что ни один из них в действительности «древним городищем», т. е. преднамеренно укрепленным пунктом, возникшим еще в скифское время, не являлся. Ни в Прикубанье, где все они законно называются городищами, ни тем более в восточных районах Кабардино-Пятигорья, Северной Осетии и Чечено-Ингушской АССР, мы не знаем ни одного случая, когда была бы установлена безусловная связь интересующего нас культурного слоя, содержащего элементы скифской культуры, с городищенскими валами или рвами.

Наоборот, как мы видели из приведенной полевой документации археологических экспедиций или из музейных собраний подъемного материала, культурные слои (содержащие элементы скифской или правильнее сказать — скифоидной культуры) всех городищ Кубани, Кабарды и даже Чечни, залегают под иногда мощными

---

[57] Р. М. Мунчаев. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана. Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махач-Кала, 1954, стр. 27; М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Тезисы докладов на научной сессии Дагестанского филиала АН СССР по археологии Дагестана. Махач-Кала, 1959, стр. 35.

напластованиями более поздних эпох, сарматской и алано-хазарской, когда, по-видимому, впервые и сооружались оборонительные укрепления. Таковы, например, Заюковское и четыре Кызбурунские городища Кабардино-Балкарии и Троицкое, Серноводское, Ермоловское, Хинкальское и другие городища Чечено-Ингушской Республики, на которых фортификационные сооружения были возведены позднее, на месте старых поселков скифского времени. Все же остальные объекты вообще являются открытыми, неукрепленными поселениями. Пока их больше всего выявлено в восточных районах края, где, может быть, условия, вызвавшие к жизни поздние кубанские городища, покрывшие раннескифские слои, были менее действенны. Но не исключается возможность обнаружения открытых поселений с зольниками и в Прикубанье, особенно на левобережье в предгорной зоне, вблизи, скажем, таких пунктов как Келермесские курганы, Ульский аул и другие. Еще А. А. Спицын допускал возможность открытия здесь таких древних поселений [58].

По данным Н. В. Анфимова, в последние годы в Краснодарский музей стал поступать случайный подъемный материал (обломки керамики скифского типа) с левобережья Кубани, прямо доказывающий наличие и в предгорной зоне древних поселений интересующего нас периода.

Наконец, открытые им в последние годы неукрепленные поселения в долине р. Урупа, на р. Куксе, у станиц Владимирской и Отрадной, расположенные в предгорной полосе, лучшие тому доказательства [59].

В восточных районах Северного Кавказа почти все ранее описанные нами бытовые памятники, именно селища, хотя и не были укреплены, но, как правило, основывались в таких пунктах, где в случае опасности сам рельеф местности мог успешно служить целям защиты. Так, они закладывались на краю речного обрыва, в окружении ложбин, на высоких холмах и гребнях отрогов и т. д. Примером таких поселений может служить Луговое поселение, с двух сторон защищенное обрывом и оврагом, а с третьей стороны очень крутым лесистым склоном.

Еще более показательным примером использования рельефа местности древним населением края при закладке своих поселков служит Змейское поселение в Северной Осетии. Небольшое по площади, оно было основано на отдельном холме, резко возвышающемся среди других всхолмлений на третьей надпойменной террасе левого берега Терека у станицы Змейской.

Характер всех вышеперечисленных объектов как открытых, неукрепленных поселений не вызывает сомнений. Причем на большинстве из них, в силу каких-то пока невыясненных причин примерно с конца IV — начала III вв. до н. э., жизнь прекращается, а если и продолжается, то уже с возведением оборонительных сооружений (валов и рвов). Очень возможно, что этот факт находится в связи с увеличившейся опасностью нападения со стороны степных полукочевых племен, в связи с началом мощного проникновения на Северный Кавказ сарматских племенных групп из Подонья и Нижнего Поволжья. О весьма заметном процессе сарматизации культуры местных племен именно с этого времени (с IV—III вв. до н. э.) мы можем судить

---

[58] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 134.

[59] Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1935, стр. 18.

по целой серии весьма выразительных случайных находок и по подкурганным комплексам, известным не только из Прикубанья, где этот процесс никем никогда не отрицался [60], но и с территории Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Это, например, наборы железного оружия из сел. Вольный Аул (под Нальчиком), бронзовые зеркала, украшения и соответствующая керамика из станицы Ассиновской, окрестностей г. Грозного, сел. Ачикулак и других пунктов края. Подобных находок известно уже много из разных районов не только степной, но и предгорной и даже горной зон Северного Кавказа. Вспомним старые материалы из осетинского селения Корца [61]. Ими характеризуется уже следующий этап развития местной культуры, а именно культуры сарматского периода.

С конца IV в. н. э., по общему признанью всех исследователей меотских памятников Прикубанья, наступает новый этап в истории местных племен, характеризующийся началом сарматизации, углублением социальных и имущественных различий и изменением средств войны, обороны и быта [62].

С другой стороны, возникновение фортификационных сооружений на старых неукрепленных поселениях Северного Кавказа не могло не порождаться и заметно усилившимся процессом социально-экономической дифференциации самого местного общества, как правильно предполагают В. П. Шилов [63] и Н. В. Анфимов [64].

Но вернемся к нашим памятникам. Это — типично первобытные селища или поселения, которые ни в какое сравнение не могут идти ни с Вельским (на Полтавщине), ни с Немировским (в Подолии), ни с каким-либо другим так называемым раннескифским городищем Украины.

Из предыдущего обзора явствовало, что на Северном Кавказе до сих пор пока еще не обнаружено ни одного *городища* раннескифского времени, т. е. наблюдается то же явление, какое отмечено И. И. Ляпушкиным [65] и для восточных районов Украины. Собственно, даже на Бельском городище, как выяснил еще В. А. Городцов, городищенский вал был насыпан в более позднее время, уже на слой, сложившийся в результате обитания в этом пункте человеческого коллектива более раннего времени [66]. В последней своей работе и Б. Н. Граков утверждает, что на территории земледельческой части Скифии даже в период Геродота не было еще укрепленных городищ. Они возникают только с IV в.[67]

---

[60] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 205.

[61] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. LXXV—LXXVII.

[62] Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, вып. 34, 1950, стр. 85; К. В. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. 46, 1952, стр. 10 и 12.

[63] В. П. Шилов. Население Прикубанья конца VII — середины IV вв. до н. эры, по материалам городищ и грунтовых могильников (автореф. канд. дисс.). Л., 1951, стр. 7.

[64] Н. В. Анфимов. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. Рукопись диссертации, стр. 62 и сл.

[65] И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры «скифов-пахарей» в бассейне Сейма. КСИИМК, вып. 27, 1949, стр. 67—68.

[66] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. «Труды XIV АС», т. III, 1911, стр. 169.

[67] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 7.

Совершенно очевидно, что описанные нами бытовые памятники — поселения, открытые в подавляющем числе лишь в самые последние годы и, к сожалению, лишь частично исследованные, дают важнейшие данные для постановки и решения главных вопросов экономической истории и быта местных племен Северного Кавказа в середине I тысячелетия до н. э.

Результаты исследования прежде всего рисуют оседлый быт их обитателей. Солидная толщина культурного слоя, достигающая иногда 1—1,5 м, с несомненностью доказывает оседлый, а не кочевой быт древних обитателей этих родовых поселков.

При толщине культурных отложений от 0,5 м (как на Нестеровском, Айвазовском, Петропавловском и других поселениях) и 0,8 м (на поселении у г. Машука) до 1,5 м (на Зольском, Моздокском и других поселениях), да при наличии особых зольных куч (зольников) почти на всех пунктах, трудно допустить временный характер этих поселков и кочевой образ жизни их обитателей, как это предполагалось некоторыми исследователями [68]. Золистые холмы вблизи жилищ создаются довольно медленно и только при длительном обитании на одном месте человеческого коллектива, в котором практикуется обычай ссыпать золу и хозяйственный мусор в одно место.

Еще В. А. Городцов, исследуя Маджарский зольник и заинтересовавшись вопросом о его происхождении, выяснил, что обычай ссыпать золу в определенное место был широко распространен у народов степного юга от Украины (Полтавщины) до Предкавказья. По его словам, у окрестных жителей нынешнего г. Прикумска — караногайцев, каждой семьей принято ссыпать золу в определенное место, метрах в 5—10 от своего жилища. «Чем больше холм, тем больше почета главе семьи», говорят караногайцы [69].

Действительно, такое же объяснение множеству зольных холмов вблизи домов караногайских поселков в Ачикулакском районе Ставропольского края пришлось услышать и нам от местных жителей во время работы экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ в северных степных районах северо-восточного Кавказа в 1947—1948 гг.

Здесь уместно будет отметить одно наблюдение, сделанное участниками экспедиции при посещении ряда ногайских и караногайских селений и особенно селения Кара-Тюбе, Ачикулакского района Ставропольщины.

Вдоль тянущихся по широкой улице прямоугольных хат-жилищ, сложенных из саманного кирпича, с соломенными и камышевыми крышами, густо обмазанными глиной, параллельно располагаются и ряды зольных куч, отстоящих от жилищ на расстоянии 10—15 м. Некоторые кучи достигают 1 м высоты при 3—4 м диаметра. По словам старого местного учителя сел. Кара-Тюбе тов. Карабалиева, обычай насыпать золу вблизи своего жилища в определенном месте — очень древний. Он широко распространен в здешних районах у ногайцев, туркмен (трухмен) и караногайцев. По мнению местных жителей, размеры таких зольников якобы доказы-

---

[68] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1941, стр. 49—50.

[69] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 году. «Труды XIV АС», т. III, 1911, стр. 207.

вают достаток и многочисленность семьи, тем самым повышая авторитет, почет и уважение к главе дома.

Это объяснение буквально совпадает с вышеприведенным объяснением, записанным в дневнике В. А. Городцова еще в 1911 г. при исследовании им Маджарского зольника, как слышанное им от местного населения в другом районе края.

Известно, что существует мнение о зольниках, как об остатках каких-то культовых мест [70], на которых некогда совершались различные культовые действия, вплоть до человеческих жертвоприношений. Со всей решительностью должны мы отвергнуть подобные попытки рассматривать упоминаемые нами зольные холмы на древних и современных поселениях Северного Кавказа как культовые места. Абсолютно никаких данных у нас для этого нет. Правда, в горных районах Северного Кавказа известны очень древние культовые места — капища, на протяжении тысячелетий пользующиеся глубоким почитанием у меняющегося населения края. Таковы, например, осетинское святилище Реком, существовавшее еще со времени кобанской культуры, затем, место находки знаменитого казбекского клада и другие. Но при наличии многочисленных следов и остатков различных массовых жертвоприношений, никаких зольных куч (зольников) в этих пунктах никем не отмечалось.

Описанные же нами зольные холмы у сел. Кара-Тюбе в представлении местных жителей ни с какими культовыми церемониями, ни вообще с культами не связывались. По словам окрестных жителей, это обычные мусорные кучи. Но так как местное степное топливо (сухой степной бурьян, пучки полыни, солома и кизяк), сжигаемое в неимоверно больших количествах, дает очень много золы, естественно, что этот вид хозяйственных отбросов и составляет основное содержание зольных холмов.

Наоборот, опыт изучения нами зольников на Алхастинском и Нестеровском поселениях, а также обстоятельный сбор сведений о зольных кучах в караногайских поселках Восточного Предкавказья убеждают в бытовом происхождении зольников Северного Кавказа.

Ни разу в зольниках не было найдено человеческих костей или каких-либо других находок, которые могли бы поставить под сомнение наше утверждение о хозяйственно-бытовом характере зольных холмов. Зольники изобиловали обломками керамики и костями животных. Правда в отдельных случаях в них встречались и другие находки. Так, три фрагментированных глиняных печати (pintadera) из пяти нами были подняты при исследовании зольного холма на Алхастинском поселении. Но две другие печати находились в культурном слое. Просто, за долгий промежуток времени, в зольные холмы, как в сорные кучи попадали так же и затерявшиеся среди хозяйственного мусора отдельные предметы, а также вещи, поломанные и в силу этого выбывшие из употребления. Таким образом, частые находки в зольниках даже лучших вещей из всех собранных на поселениях, как раз подтверждают бытовой, а не культовый характер зольников.

Произведенные нами наблюдения над зольными кучами в сел. Кара-Тюбе и в других пунктах, а также объяснения по поводу их происхождения, полученные у

---

[70] Сужу по докладу И. И. Ляпушкина на Пленуме ИИМК АН СССР в 1951 г.

оседлых скотоводческих обитателей восточного Предкавказья, имеют немаловажное значение для правильного истолкования зольников так же и скифского времени, некогда существовавших не только в степных и лесостепных районах Украины, но и на Северном Кавказе. Зольные холмы, или зольники на древних скифских поселениях, по нашему мнению, имели чисто бытовое (утилитарное), а не культовое происхождение.

В дополнение к данным о зольниках Вельского городища, приведенным в обстоятельнейшем отчете В. А. Городцова [71], которые свидетельствуют о их бытовом характере, наблюдения, произведенные за последние годы И. И. Ляпушкиным над распаханными зольными холмами на раннескифских поселениях по р. Ворскле от г. Полтавы до г. Бельска, также убеждают в бытовом, а не в культовом происхождении всех этих зольных куч.

В одном случае, на поселении (зольник № 8) у с. Стасовцы И. И. Ляпушкин установил, что расстояние между двумя рядами зольников достигало 25—30 м (замеры были произведены от геометрических центров распаханных зольников) [72]. Нам представляется, что здесь мы имеем почти прямое указание на планировку жилищ, вблизи которых когда-то создавались зольные, подобно тому, что мы наблюдали в караногайских селениях Предкавказья, как, например, в сел. Кара-Тюбе и других. Кстати отметим, что на Бельском и на Пастерском городищах именно вблизи зольников и были открыты жилища-землянки [73].

Таким образом, соответствующий сравнительный материал также подтверждает хозяйственно-бытовое, а не культовое происхождение зольных холмов, с которыми мы познакомились в предгорных и в степных районах Северного Кавказа. И здесь они, как и на Украине, достигают иногда более 1 м высоты и до 20 м в диаметре, разумеется, в разрушенном природой и временем состоянии.

Самый же факт перехода обычая,— каждой семье насыпать свой большой зольный холм—в глубокую традицию, сохранившуюся до наших дней, конечно, мог иметь место не в кочевом обществе, а только в оседлом и полуоседлом, каким является современное общество у скотоводов — жителей предкавказских степей, как караногайцы и туркмены (трухмены) и какими нам также представляются и прежние обитатели восточных степных районов Предкавказья.

При временном проживании на одном месте даже большого человеческого коллектива, хотя бы и в течение одного десятка лет, в местных полустепных условиях не может не только сохраниться сыпучий зольный холм, но даже образоваться более или менее заметный культурный слой. А мы имеем культурные слои более 1 м толщины, как на Моздокском, Зольском, Прикумском (Буденновском) и других поселениях и зольники до 1 м высотою, как на Алхастинском поселении. С течением времени они неминуемо должны быть развеяны столь обычными в степных районах сильными восточными ветрами — суховеями. Сохранились же они только благодаря

---

[71] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Звеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. «Тр. XIV АС», т.III, 1911, стр. 115.

[72] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. 17, 1947, стр. 124.

[73] История СССР, части I—II. Л., 1939, стр. 225.

очень длительному проживанию людей на одних и тех же местах. Таким образом, мы приходим к убеждению, что сохранившиеся зольники на интересующих нас поселениях свидетельствуют об оседлом образе жизни прошлого населения равнинных и степных районов края.

Еще больше оснований для утверждения оседлости былых обитателей предгорной зоны дают соответствующие памятники Кабардино-Пятигорья, такие как Зольское поселение, и Чечено-Ингушии, как Нестеровское, Алхастинское, Луговое и другие поселения, всегда в древности, как и сейчас, окруженные лесными массивами. Даже Моздокское поселение несомненно бытовало в лесной зоне левобережья Терека, в условиях малопригодных для кочевья. Ведь само название Моздока происходит от кабардинского названия урочища Мздогу — дремучий лес.

Между тем известно, что ряд исследователей после миллеровских тезисов «О скифах» хозяйство и быт всего населения наших южнорусских степей, включая и районы Северного Кавказа, стали осмысливать, как претерпевшие в скифское время (VII—IV вв. до н. э.) существенные изменения, якобы «связанные с освоением лошади и развитием кочевого и полукочевого скотоводства» [74].

Правда, подобные мнения о кочевом характере хозяйственной основы и быта северо-кавказских племен в скифский период почти всегда выражались в самой общей, схематичной форме и глубокой аргументацией не сопровождались; тем не менее обойти их своим вниманием в данном разделе мы не можем, хотя более подробно остановимся на анализе этих утверждений в главе, посвященной хозяйственной деятельности местных племен изучаемого периода.

Мы никогда не были склонны конкретную историю племен и народов рассматривать, как механическую смену социологических «стадий». Одновременно, мы отказываемся историческое прошлое населения всей северной части Кавказа рисовать как нечто единое и целое в этническом, культурном и хозяйственном отношениях, даже в пределах одной эпохи.

По нашему глубокому убеждению, жизнь в разных районах этого края протекала по-разному и в силу внешних политических факторов того времени, и в силу особенностей социально-экономического развития населения каждого такого микрорайона, отчасти обусловленного местной географической средой. Не следует забывать, что мы имеем дело с историческими явлениями почти трехтысячелетней давности. Поэтому общая характеристика всего северо-кавказского общества первой половины и середины I тысячелетия до н. э., как кочевого или даже полукочевого общества, якобы переживавшего какую-то обязательную для всего нашего юга «скифскую стадию», вытекающую из закономерности своего внутреннего развития, а не в результате внешних связей со скифским миром, нам всегда представлялась неверной. По нашему убеждению, эти позиции не учитывают истинных событий местной истории того времени, различных в разных районах изучаемой нами территории. Вместе с тем, мы далеки от мысли отрицать весьма ощутимые связи местных культур Северного Кавказа со скифским культурным миром. Наоборот, в дальнейшем изложении мы постараемся проследить и наглядно показать на ряде разнообразных

[74] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, 1941, стр. 49.

примеров действенность этих связей, настолько сильных, что они способствовали материальному переоформлению местной культуры Северного Кавказа и значительному включению в местную среду разнообразных скифских элементов; они и определили собою создание условий в центральной части Северного Кавказа для будущего оформления ираноязычного (алано-осетинского) этнического массива, совершенно чуждого местной кавказской языковой среде.

Мы только отказываемся признать, будто местные племена центрального Предкавказья, да даже и некоторых районов Прикубанья (в частности Закубанья) в середине I тысячелетия до н. э. были кочевниками или полукочевниками, у которых в хозяйстве и в быту роль коня была чуть ли не ведущей. Какое место конь занимал в стаде древнего населения края, мы видели по итогам определения остеологического материала Алхастинского, Нестеровского, Лугового и Змейского поселений.

Чтобы окончательно решить вопрос о характере быта обитателей всех рассмотренных выше древних поселений Северного Кавказа, обратимся к некоторым фактам и явлениям из более поздней истории и этнографии народов того же Северо-кавказского края. Применение такого ретроспективного приема, с использованием прежде всего местных материалов, поможет нам правильно интерпретировать древние памятники, а в дальнейшем определить и хозяйственные основы племен центрального Предкавказья скифского времени.

Из истории мы знаем о существовании в прошлом полукочевого быта у ряда народов мира, в том числе у народов Кавказа. Примерно такими полукочевниками были адыго-черкесо-кабардинские племена накануне завоевания Кавказа русским царизмом. Быт адыгских племен, особенно в районах Кабардино-Пятигорья, характеризовался довольно частыми переносами жилищ и отсутствием прочной связи населения с определенными обитаемыми пунктами. И не этими ли причинами объясняется то обстоятельство, что до сих пор, при наличии большого количества кабардинских подкурганных захоронений в дубовых гробах, широко распространенных от Прикубанья почти до границ Дагестана, мы не знаем позднекабардинских мест поселений?

Граф Потоцкий, посетивший предкавказские степи в самом начале XIX в., отмечал, что кабардинцы обитали в одном месте не более 4—5 лет [75]. Об этом же свидетельствовал Семен Броневский [76], князь Шаховской [77] и другие. «Если какое-нибудь место в соседстве обещает им лучшую почву, обильнейшие пастьбы, более воды и лесу,— читаем мы в одном источнике,— то они тотчас оставляют свои деревни и с удивительной скоростью переселяются на сие новое место» [78]. К полукочевому быту были приспособлены и жилища кабардинцев, наскоро сделанные из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной, так называемые турлучные.

[75] J. Potocki. Voyage dans les Steppes d'Astrakhan et du Caucase, vol. I. Paris, 1829, p. 177.

[76] С. Броневский. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе, т. II. М., 1823, стр. 86—87, 91.

[77] Г. А. Кокиев. Малокабардинские поселения в XVI—XVIII вв. на Северном Кавказе. «Уч. зап. КНИИ», т. II, 1947, стр. 34.

[78] «Русский инвалид», СПб., 1822, № 35, стр. 139.

Говоря о скотоводстве у черкесов в XVIII в. французский консул в Константинополе Пейсонель сообщает, что черкесы «кочуют с места на место, не выходя из границ владения своего рода. Лето черкесы проводят обыкновенно на равнинах, а зимою возвращаются в горы» [79]. Понятно, что в условиях столь частых переселений, отложиться где-либо культурному слою или образоваться значительному зольному холму весьма и весьма трудно.

Отметим еще одно существенное обстоятельство. Почти у всех адыго-черкесо-кабардинских племен в эпоху позднего средневековья, по признанию почти всех исследователей, скотоводство являлось ведущей отраслью хозяйства при наличии и земледелия. Причем особое место в животноводстве, особенно у кабардинцев, занимало коневодство. И не с коневодством ли в первую очередь и нужно связывать отмеченный полуоседлый характер хозяйства и быта у некоторых адыго-кабардино-черкесских племен?

Конские табуны требуют для выпаса гораздо больших участков степи, чем стада рогатого скота, да и удерживать конские табуны на какой-либо ограниченной территории несравненно труднее, чем рогатый скот, особенно мелкий. И не случайно, конечно, при множестве подкурганных захоронений Северного Кавказа, которые обычно связываются с распространением адыго-кабардинских этнических элементов в восточные районы края, мы до сих пор почти не знаем синхронных им мест поселений. Отсутствие бытовых памятников материальной культуры кабардинцев и других близких им по характеру хозяйства народов, обитавших в предгорной и равнинных зонах Северного Кавказа, может объясняться полукочевым бытом этих народов. Их поселки, состоящие из легких, плетневых, обмазанных глиной турлучных жилищ, просто не сохранились, или сохранились с весьма слабыми, трудно обнаруживаемыми следами, что доказывается полевыми работами северо-кавказских экспедиций, фиксирующих иногда вдоль рек лишь редкие и отдельные находки предметов без явно выраженного культурного слоя. Есть еще одна немаловажная черта, характеризующая материальную культуру и быт полуоседлых народов, какими были, скажем, кабардинцы в эпоху позднего средневековья. Это — отсутствие в домашнем обиходе глиняной посуды *собственного производства* [80].

Оказывается, в сравнительно недавнем прошлом сами кабардинские мастера гончарным ремеслом не занимались. В народном быту преобладала привозная металлическая посуда и особенно деревянная, доступная изготовлению каждой семьей. Разумеется, глиняная посуда тоже встречалась, правда редко, но она являлась продукцией не кабардинцев, а, например, кумыков, которые, как известно по данным начала XIX в., под Нальчиком имели свою ремесленную колонию. В крестьянском же быту явно преобладала деревянная посуда собственного изготовления. Любопытно, что при самом тщательном опросе местного населения за время полевой работы в Кабарде в 1947—1949 гг., ни нам, ни этнографам (Е. Н. Студенецкий) ни разу не удавалось получить положительных ответов на вопрос о гончарстве кабардинцев.

---

[79] Материалы для изучения истории черкесского народа, вып. II. Краснодар, 1927, стр. 10.

[80] Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 274, примечание 2.

Зато мы много слышали рассуждений о преимуществе деревянной посуды, дешевой, прочной и легко доступной для изготовления в каждой семье. Становится ясным, почему и погребальные комплексы адыгов и кабардинцев, начиная с XIV в., резко отличаются отсутствием глиняной посуды местного изготовления. В своей среде они ее не изготовляли, она была очень редка в быту, еще реже попадала в могилу.

В прямой связи с этим находится и одно наблюдение филологов, которые установили, что до сих пор в кабардинском языке, для всего разнообразия форм глиняной современной посуды имеется лишь один термин. Это заимствованное из русского языка слово кувшин, в то время, как любая форма деревянной посуды имеет свое название. Конечно, это явление не может объясняться случайностью. Думается, что отсутствие гончарного дела в хозяйстве кабардинского народа в недалеком прошлом находилось в прямой зависимости от их действительно полукочевого быта, предполагающего частую смену мест обитания. Многочисленные же древние поселения и городища содержат довольно мощные культурные напластования и зольные холмы, богатые керамическими находками,что прежде всего и подтверждает оседлость оставившего их населения. Поэтому нет абсолютно никаких оснований обитателей их выдавать за древних кочевников или даже полукочевников Северного Кавказа.

Кратко сформулированные выводы данного раздела сводятся к следующему:

1. Все бытовые памятники Северного Кавказа эпохи I тысячелетия до н. э., расположенные в предгорьях и прилегающих к ним участках степи, являются открытыми, неукрепленными селищами или поселениями.

2. Само географическое размещение этих памятников по бассейнам рек Кубани и Терека при наличии ряда отличительных черт в соответствующих им могильных комплексах позволяет разделить их на две большие группы — Прикубанскую и Терскую [81].

3. По содержащимся в культурных напластованиях этих поселений керамическим формам посуды, ее технологическим свойствам и приемам орнаментации (особенно нарезным геометрическим или налепным щипковым орнаментами), встречающим себе многочисленные аналогии в лучше изученных памятниках доскифской и скифской культур нашего юга, все эти поселения могут быть отнесены к VIII—IV вв. до н. э., но в основном к скифскому времени.

4. Население этих селищ было оседлым, оставившем за период долгого обитания на одних и тех же пунктах значительные отложения культурного слоя, а в ряде случаев и зольные холмы (зольники).

5. Рассмотренные неукрепленные поселения Северного Кавказа, при их еще слабой археологической изученности являются ценнейшими историческими источниками для социально-экономической характеристики двух различных племенных групп Северного Кавказа I тысячелетия до н. э.— Терской и Прикубанской.

Терская группа, по существу и будет в дальнейшем являться основным объектом нашего исследования.

---

[81] Наше разделение древних поселений Северного Кавказа на две группы совпадает с выделением двух групп поселений и городищ края, произведенным В. П. Шиловым в его кандидатской диссертации (см. выше ссылку на его автореферат), названных им Кубанской и Ставропольской.

2. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ (КУРГАНЫ И МОГИЛЬНИКИ)

Еще более показательными для характеристики второго этапа развития местной кобанской культуры и ее взаимосвязей прежде всего со степными культурами нашего юга являются погребальные памятники — курганы, гробницы в виде каменных ящиков и грунтовые могильники, расположенные на широкой территории бассейна р. Терека и в пограничных с ним районах. Действительно, к настоящему времени, на территории центральной части Северного Кавказа, лишь случайно почти совпадающей с административными границами б. Терской области, выявлено большое количество археологических объектов; наряду с основной массой предметов местной культуры, они содержат и предметы, типичнейшие для доскифских культур юго-восточных степных районов Европейской части СССР, а также культур, связывающихся со скифами и савроматами.

Явно скифоидные по своему культурному облику поселения, курганы, могильники и масса отдельных вещей теперь во множестве известны из предгорных и равнинных районов юга Ставропольщины (в Черкессии и особенно в Пятигорье), в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и в Чечено-Ингушской АССР. В высокогорной зоне их меньше, но и здесь они, среди памятников VII — V вв. до н. э., обычны.

Одних погребальных памятников, т. е. подкурганных могильников, грунтовых и состоящих из каменных ящиков, на очерченной территории, сейчас уже насчитывается около сотни. Основная часть их могильного инвентаря (бронза, керамика, а отчасти и железо) сохранила еще черты более раннего этапа кобанской культуры, а в западных районах и прикубанско-киммерийской культуры. Другая же часть,— чем позднее памятник, тем больше,— имеет черты, характерные для скифской (в широком понимании этого термина) и родственной ей савроматской культуры. Появление скифоидных элементов в памятниках материальной культуры Северного Кавказа падает на период VII—IV вв. до н. э, и точнейшим образом характеризует как бы второй этап развития и более широкого территориального распространения кобанской культуры, придавая ей соответственный смешанный облик.

Теперь уже на более широкой территории Терского бассейна этот второй этап представлен более многочисленными археологическими памятниками, обнаруженными и в районах Карачаево-Черкесии и Минеральных Вод, Пятигорска и Кисловодска, в бассейнах рек Чегема, Баксана и Черека, под Нальчиком, в Дигории, и в других районах Северной Осетии, и в Моздокской степи и в Ассинском ущелье и даже за Грозным как к северу, так и к востоку.

В определенных погребальных комплексах этих мест уже не встречаются ни бронзовые кобанские топоры раннего типа, ни высокие поясные пластинчатые пряжки, ни широкие браслеты со спиральными концами, ни крупные булавки, ни массивные бронзовые архаические пояса — все то, что составляло типические особенности кобанской культуры более раннего периода ее развития (до VII в. до н. э.). Следует учесть, что отсутствие в могилах железных вещей далеко не всегда является показателем их ранней датировки. В могилы клались преимущественно бронзовые украшения. Железные же вещи были более редкими и ценились больше. Нередко же наборы бронзовых гривен, накосников,

колец и перстней и особенно типы керамики характеризуют погребения железного века (табл. XXX).

Только с VIII—VII вв. до н. э. большая часть оружия изготавливается уже из железа (ножи, кинжалы, наконечники копий). Частыми находками становятся бронзовые, железные и костные наконечники стрел так называемого скифского типа. Появляются железные кинжалы с перекрестьем (акинаки) и становятся еще более разнообразными принадлежности конской узды, выполненные в скифском стиле (рис. *21*, *4*, *5*).

Очень заметные изменения происходят и в производстве керамики. Появляются новые формы сосудов (корчаги, кружки, миски), более древней местной посуде не свойственные. Видоизменяется и совершенствуется геометрический нарезной орнамент и получает распространение налепной и щипковый орнамент, сделанный пальцами по валику из сырой глины.

Несколько трансформируется и сам погребальный обряд, особенно в предгорных районах и на равнине, где, кстати, начинают преобладать погребения в курганах. При строгой выдержанности скорченного положения погребенных, характерного для более раннего этапа, обращает на себя внимание появление пока еще сравнительно редких случаев вытянутого положения костяков и западной ориентировки, типичной для скифского погребального обряда.

Памятников материальной культуры этого периода выявлено в центральном Предкавказье даже больше, чем предшествующей поры. Но и в них сильно сказывается глубокая и устойчивая традиция замечательной кобанской культуры. Собственно она и является глубокой основой местной культуры населения центральной части Северного Кавказа скифского времени.

В группу памятников этого времени входят, не считая рассмотренных выше поселений, многочисленные подкурганные и грунтовые могильники, а также очень выразительные случайные находки отдельных вещей или кладов.

Они широко распространены от районов, соседствующих с верховьем Кубани — на западе и до районов, примыкающих к Дагестанской АССР — на востоке; в меридиональном направлении они известны в степных районах Ставропольщины и в Чечено-Ингушской АССР—на севере, в высокогорных пунктах на склонах Главного Кавказского хребта — на юге.

Мы не сомневаемся в том, что к этой же группе следует отнести и большинство крупных курганов, наиболее густо расположенных в равнинных районах очерченной территории и у выходов рек из горных ущелий на равнину. Основанием для этого служат многочисленные случаи обнаружения в подобных курганах вещей скифского типа и даже скифских погребений нередко основных, не говоря уже о впускных (например, под Грозным, Урус-Мартаном, Нальчиком, близ сел Ачикулак и др.).

Здесь же уместно будет сказать и о том, что тщательный анализ могильного инвентаря, особенно керамики, а также погребального обряда, наблюдаемого в разных районах этой территории, позволяет установить некоторые варианты в общем однородной культуры, очевидно отражающие культурные особенности отдельных племенных групп более или менее однородного населения центральной части Северного Кавказа раннежелезного века или скифского времени.

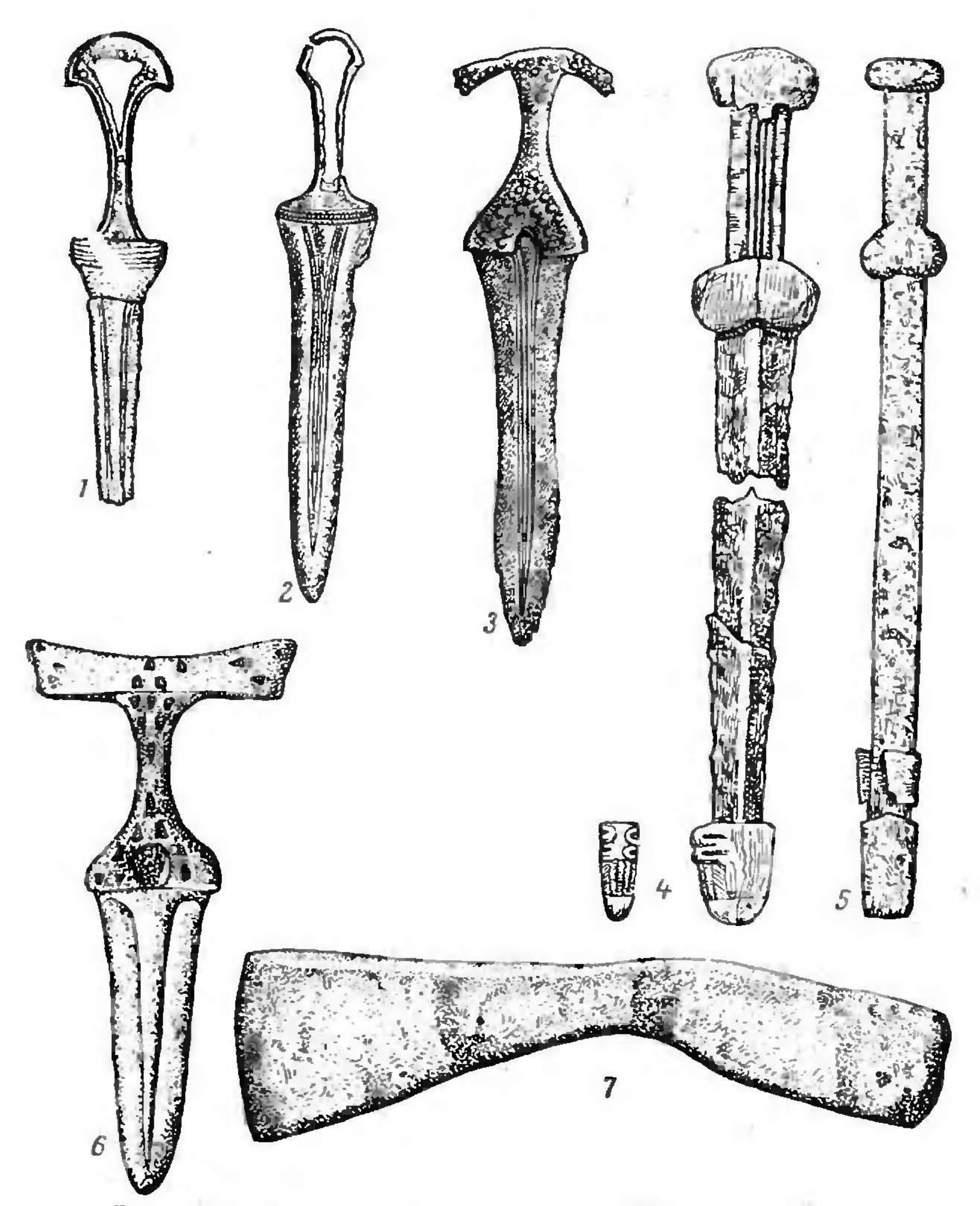

Рис. 21. Оружие из могильников Северного Кавказа

1 — бронзовый кинжал из могильника Верхняя Рутха; *2*, *3* — бронзовые кинжалы из кобанского могильника; *4* — железный акинак из могильника у г. Минеральные Воды; *5* — то же из Нестеровского могильника; *6* — бронзовый вотивный кинжальчик из могильника Верхняя Рутха; *7* — железный топор из могильника у сел. Советское (б. Кашкатау)

Здесь мы, несколько забегая вперед, должны будем сказать, что при довольно выразительной общности материальной культуры Северного Кавказа этого периода (являющейся не чем иным, как отражением глубокой, культурной основы, главным образом, кобанской культуры) начинают отчетливо выступать такие существенные признаки, как различие в формах погребальных сооружений, в чертах погребального обряда и, наконец, разница в формах и орнаментации наиболее массового керамического материала — различия, присущие отдельным районам центральной части Северного Кавказа.

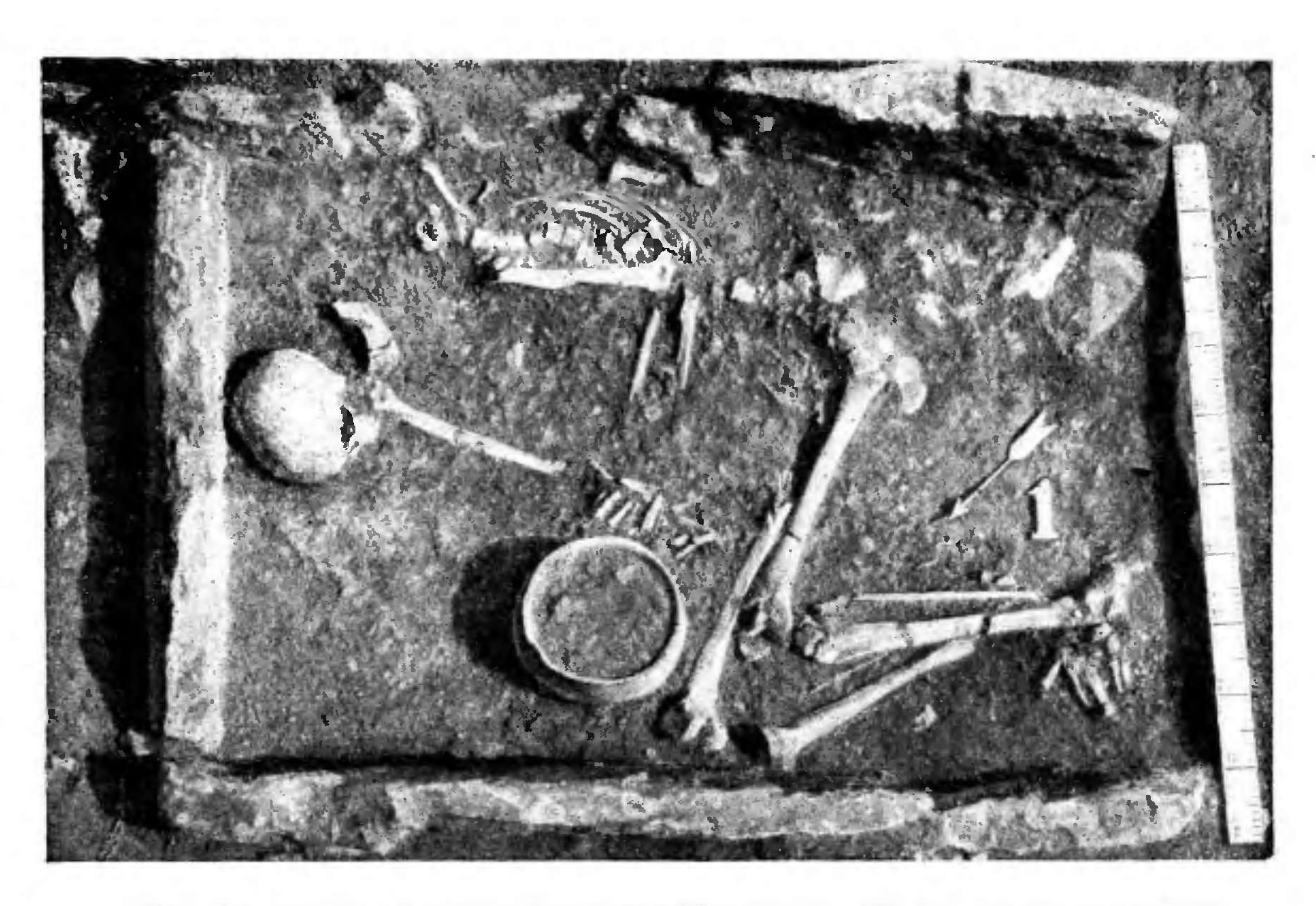

Рис. 22. Каменный ящик Кабардино-Пятигорья (Кисловодский могильник)

Как известно, все особенности погребального обряда, включая и самые погребальные сооружения, являются существенными этнографическими признаками, имеющим и тем большее значение, чем древнее наблюдаемые явления. Различие в чертах погребальных обрядов древности само по себе дает право усматривать за ними если не этнические, то во всяком случае племенные отличия, характерные для тех или иных групп древнего населения.

Еще больше оснований для различения племенных группировок среди населения срединной части Северного Кавказа изучаемого периода дает керамика как самый массовый и притом, действительно, сугубо местный этнографический источник. За редкими, обычно хорошо известными исключениями, производство керамики и ее сбыт (потребление) и в древности, и в средние века ограничивалось определенными районами, о чем хорошо можно судить и по разбираемому нами материалу.

Как мы увидим в дальнейшем, руководствуясь этими двумя основными признаками (погребальный обряд и керамика), на очерченной территории можно наметить три группы памятников этого периода, отражающих отдельные варианты местной культуры раннежелезного века, что, очевидно, будет соответствовать размещению крупных племенных групп Северного Кавказа того времени.

Первая группа — западная, или кабардино-пятигорская. Ее характеризуют: 1) могильные сооружения в виде очень массивных гробниц или каменных ящиков,

в плане приближающихся к квадрату (рис. 22), и 2) керамические формы, в виде крупных сосудов и мисок хорошего обжига, богато орнаментированных геометрическими нарезными узорами (табл. XXXI).

Вторая группа — центральная, или северо-осетинская. Для нее особенно типичны: 1) каменные ящики прямоугольной формы кобанского типа и могилы «колодцем», обложенные булыжником, и 2) малые формы хорошей керамической посуды, в основном повторяющие старые формы раннего этапа кобанской культуры.

Наконец, *третья группа* — восточная, или грозненская, представлена, главным образом: 1) грунтовыми могилами, заваленными булыжником (рис. 23), и подкурганными захоронениями и 2) керамикой более слабого теста с явным преобладанием скифских степных форм с налепным щипковым орнаментом (грушевидных корчаг, горшечков и невысоких мисок), характерных для культуры скифского типа.

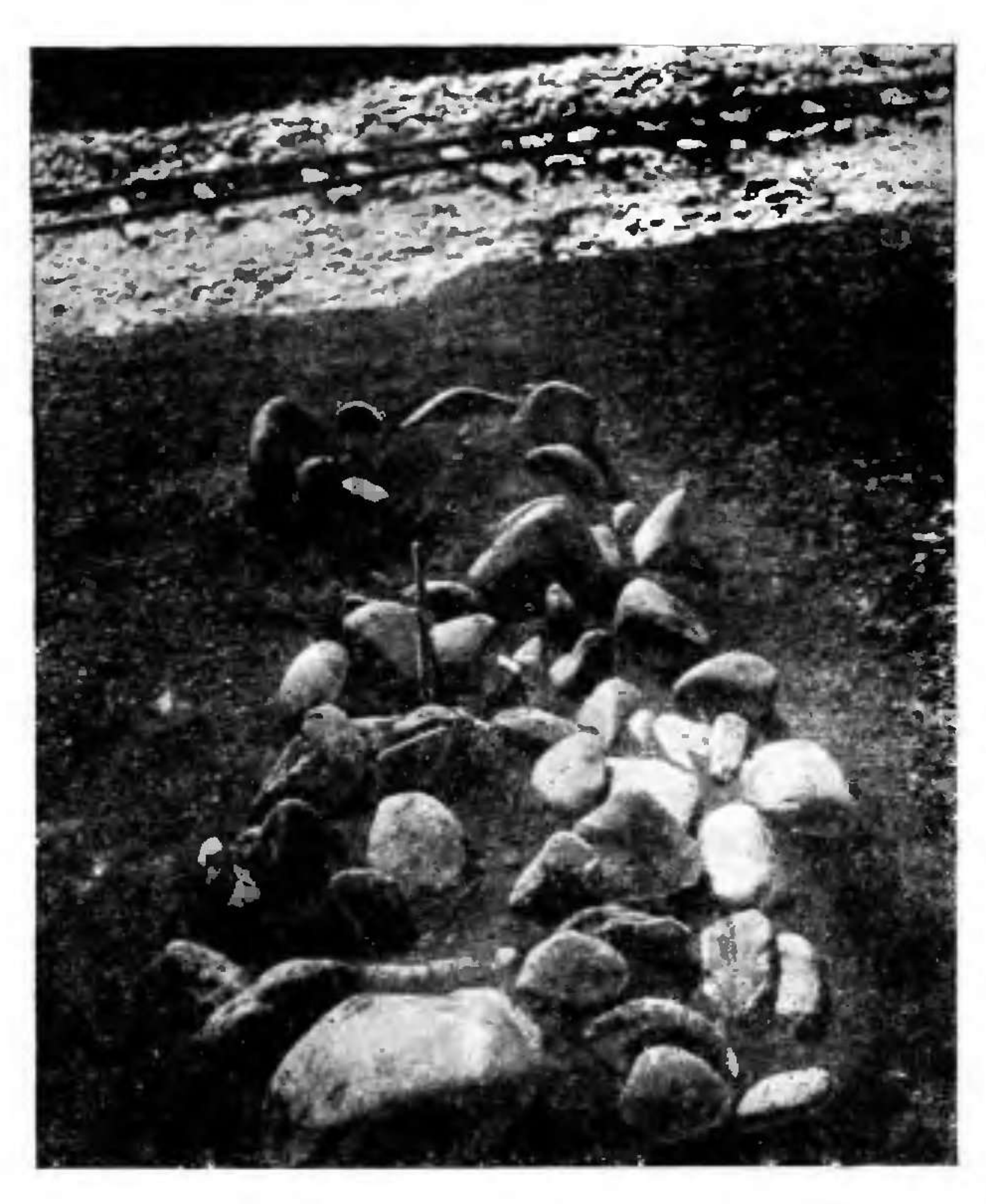

Рис. 23. Кладка над могилой № 28 Нестеровского могильника

Не случайно, при установлении этих групп выбраны погребальные памятники, а не бытовые, т. е. поселения. Сделано это, во-первых, потому, что в погребальных объектах лучше отражаются древние этнографические особенности изучаемой культуры, а, во-вторых, в массе своей бытовые памятники, хотя и являются источниками огромной важности для выявления подобных различий, они бывают обычно менее показательными; к тому же, как мы видели, они все еще слабо изучены. Вот почему более подробно мы остановимся на погребальных памятниках.

Рассмотрим эти объекты по соответствующим группам. Эти группы, по нашему мнению, содержат отличительные признаки отдельных племенных групп населения. Причем условимся для экономии времени и места, при характеристике каждой группы в отдельности, ограничиться обстоятельным освещением наиболее типичных памятников для того или иного варианта местной культуры предскифского и скифского времени. Это избавит нас от неминуемого дублирования и позволит читателю ярче представить себе культуры определенного района.

Наш обзор погребальных памятников изучаемой культуры мы начнем с первой, западной группы (рис. 24).

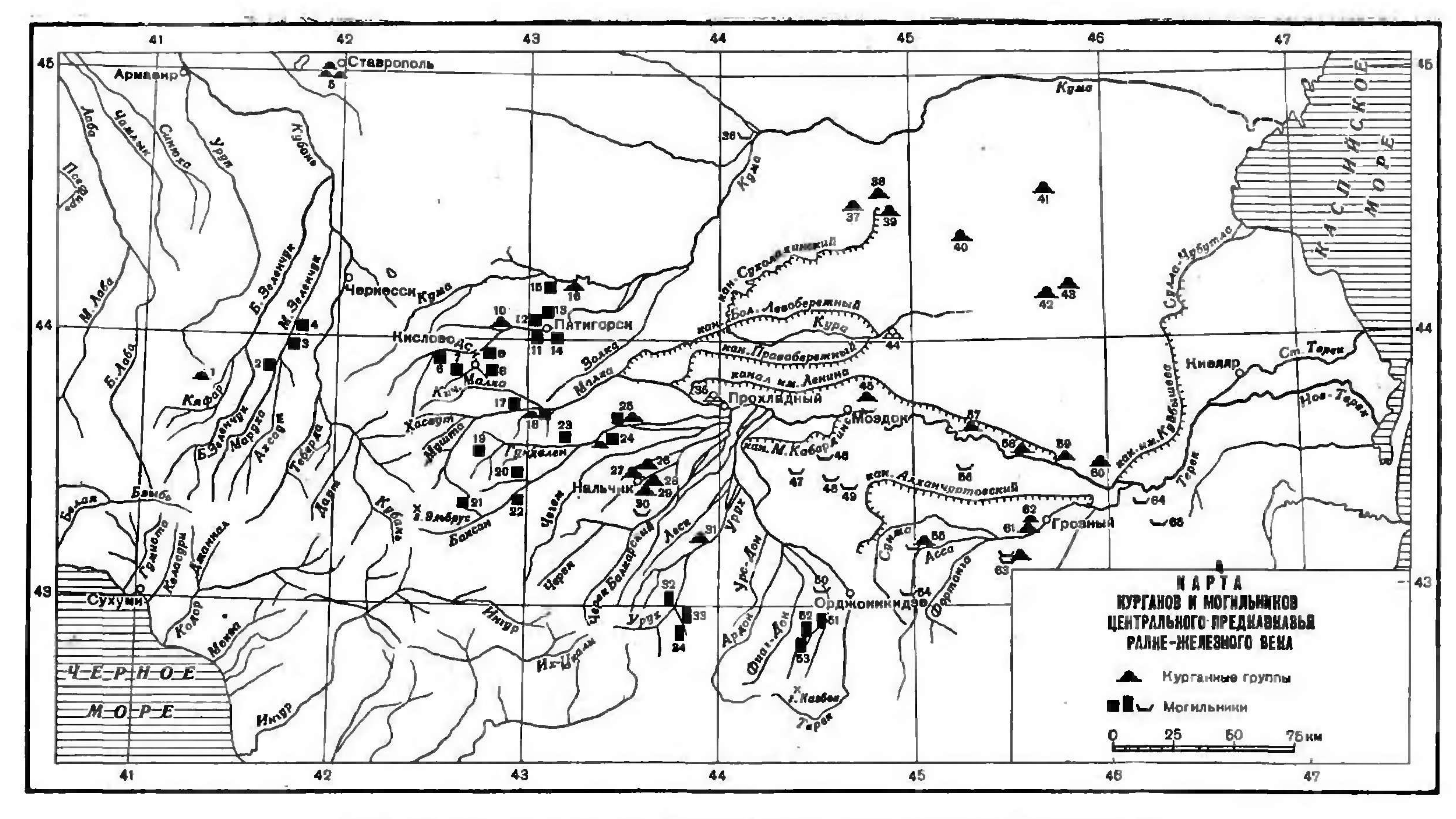

Рис. 24. Карта курганов и могильников центрального Предкавказья

А. ЗАПАДНАЯ (КАБАРДИНО-ПЯТИГОРСКАЯ ГРУППА)

1. Курган у хутора Пантелеймоновского на р. Уруп с каменной гробницей, содержащей бронзовые украшения кобанского типа [82].

2. Могила в виде каменной гробницы у сел. Маруха на р. Марухе Зеленчукского района. В процессе строительных работ обнаружена фибула, бусы [83].

3. Тамгацикский могильник у сел. Жако в Карачаево-Черкесской АО с каменными гробницами, содержавшими бронзовые и железные изделия скифского облика. Открыт и исследовался Е. П. Алексеевой в 1954 г.[84]

4. Могильник у сел. Инжи-чукун с каменными гробницами. Могильник открыт случайно. Первые раскопки произведены местным учителем [85] (рис. 25).

4а. Курган близ хутора Дружба к западу от г. Черкесска, содержавший инвентарь с наконечниками стрел скифского типа. Раскопан Е. П. Алексеевой в 1956 г.[86]

5. Курганы близ г. Ставрополя, содержавшие погребальный инвентарь скифского типа [87].

6. Могильник на речке Эшкакон, состоящий из каменных гробниц, содержавших интвентарь кобанской культуры. Открыт при дорожных работах в 1954 г.[88]

7. Березовский могильник на речке Березовке, близ г. Кисловодска. Состоит из каменных гробниц. Открыт в 1938 г. Н. М. Егоровым. Им же было вскрыто в 1938 и 1939 гг. несколько погребений [89]. Подробный анализ материала будет дан ниже.

8. Кисловодский могильник на территории санатория им. М. Горького. Состоит из каменных гробниц с инвентарем кобанского облика. Открыт в 1938 г. В. В. Поповым. Позднее исследовался С. Н. Замятниным, В. В. Бобиным и нами [90].

8а. Могильник под г. Кисловодском на восточном склоне горы Малое седло [91].

9. Подкумский могильник; раскопан на берегу р. Подкумка. Аналогичен предыдущим [92].

---

[82] По данным, полученным от сотрудника ИА АН СССР В. А. Кузнецова.

[83] То же.

[84] Н. К. Лисицына. Хроника. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 134.

[85] За сообщение сведений об особенностях этого могильника приношу благодарность Е. П. Алексеевой.

[86] Отчет Е. П. Алексеевой в архиве ИИМК.

[87] Т. М. Минаева. Железный меч из Ставропольского музея, СА, № 1,1958, стр. 230, 231. А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 117.

[88] Н. М. Егоров. Могильник на р. Эшкакон. КСИИМК, вып. 64, 1958, стр. 135.

[89] Материал хранится в Пятигорском музее. Описание дается по письму Н. М. Егорова от 5.XII 1949 г.

[90] ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 216; «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 54; В. В. Бобин. Могильник и поселение VII—VI вв. до н. э. на Барановской и Крестовой горах... «Тр. Крымского мед. института», т. XIX, Симферополь, 1958, стр. 147; СА, 1958, № 3 стр. 109.

[91] По материалам Пятигорского музея.

[92] Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 55.

Рис. 25. Каменный ящик древнего могильника у сел. Инжи-Чукун (Карачаево-Черкесия)

10. Курганы у г. Есентуки, содержавшие конские наборы раннескифского времени. Вещи хранятся в Пятигорском музее [93].

11. Могильник в г. Пятигорске на ул. Калинина, обнаруженный во время строительных работ. Сведения о могильнике с каменными гробницами и захоронениями раннескифского времени приводятся по данным Н.М.Егорова.

12. Могильник на окраине г. Пятигорска (у Провала), аналогичный предыдущему [94].

12а. Перкальский могильник к северу от г. Машук, восточнее места дуэли М. Ю. Лермонтова. Ограблен в древности [95].

13. Могильник близ б. шотландской колонии Каррас, исследованный Д. Я. Самоквасовым в 1882 г. [96]

14. Могильник, расположенный у г. Бык вблизи б. Быкогорского монастыря. Материал из этого могильника кобанского облика хранится в Пятигорском музее.

15. Могильник близ г. Минеральные Воды, исследовался в последние годы А.П. Руничем при участии Н.М. Егорова [97].

16. Курганы у станции Дебри на правом берегу р. Кумы. Отдельные вещи из курганов хранятся в Пятигорском музее.

17. Могильник, расположенный в районе сел. Хабаз (по материалу, хранящемуся в музеях Нальчика и Пятигорска).

18. Каменномостский могильник близ с. Каменномостское на р. Кич-малке, состоящий из курганов и каменных гробниц. Исследовался разными лицами [98]. Материал хранится в Государственном Историческом и в Нальчикском музеях.

---

[93] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э.., стр. 121; его же. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 60, 61, рис. 6.

[94] Н. М. Егоров. Минераловодский могильник. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 55.

[95] Там же, стр. 59.

[96] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 123.

[97] Н. М. Егоров. Минераловодский могильник, стр. 53.

[98] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 22; П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. «Уч. зап. КНИИ», т. II, 1947, стр. 311; Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1947 г. «Уч. зап. КНИИ», т. II, 1950, стр. 243; К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23, 1951, стр. 128.

19. Могильник у г. Кинжал (по материалам, хранящимся в музеях Пятигорска и Нальчика).

20. Могильник у сел. Гижгид (судя по данным документации, хранящейся в музее г. Нальчика).

21. Могильник, расположенный у подножья г. Эльбрус (судя по собраниям Нальчикского музея).

22. Могильник близ сел. Былым на правом берегу р. Баксана [99].

23. Могильник в районе сел. Гунделен (судя по коллекциям Нальчикского музея).

24. Курганы и могильник из каменных гробниц близ сел. Заюково [100].

25. Курганы и могильник, аналогичный предыдущему, в районе сел. Кызбурун II (по данным Нальчикского музея и разведки П. Г. Акритаса) [101].

26. Курганная группа у сел. Шалушки [102].

27. То же близ сел. Чегем I [103].

28. То же в районе г. Нальчика [104].

29. То же в окрестностях хутора Вольный Аул [105].

30. Недавно открытый грунтовой могильник в г. Кисловодске на территории мебельной фабрики. Состоит из каменных гробниц и содержит богатый материал, хранящийся в Пятигорском музее. Исследовался А. П. Руничем и Н. Н. Михайловым в 1957—1959 гг.

Таким образом, начиная от верховьев правобережья Зеленчуков и Кубани (в районах стыка кобанской и прикубанской культур), а в основном на территории Кабардино-Балкарии и Пятигорья зарегистрировано более 30 пог реба [illegible] ников (включая № 4а, 8а и 12а), содержавших убедительные материалы, являющиеся нашими основными источниками (рис. 26).

Культура, представленная этими археологическими объектами, прежде всего по характеру погребального обряда и особенностям могильного инвентаря, наконец, по антропологическим признакам, позволяет прослеживать преемственную их связь с культурой кобанских племен предшествующей поры. Ведь как известно, характерной чертой кобанских захоронений раннего этапа была скорченность костяков, заключенных в каменных ящиках с произвольной ориентировкой. Так, например, в 22 каменных ящиках, вскрытых Э. Шантром на кобанском могильнике, наблюдалась довольно произвольная ориентировка погребенных, с небольшим преобладанием лишь восточного и южного направлений. В. Б. Антонович, вскрыв пять могил на кобанском могильнике, установил, что два погребения имели северное

---

[99] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 22.

[100] Там же; К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды, стр. 135.

[101] П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. «Уч. зап. КНИИ», т. II, 1947, стр. 311.

[102] Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. «Уч. зап. КНИИ», т. VII, 1952, стр. 38.

[103] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3. 1941, стр. 22.

[104] Там же.

[105] Там же.

направление, а три — западное. Почти такая же картина наблюдалась и В. И. Долбежевым при его раскопках кобанских могильников (Северное и Западное кладбища).

Однако в погребениях западной группы позднекобанской культуры чувствуется уже некоторое преобладание восточной ориентировки.

Другой общей чертой этой группы памятников является сочетание каменных ящиков почти квадратной формы с подкурганными погребениями. Очевидно, оба эти признака следует рассматривать как очень архаичные, идущие еще от местной, северо-кавказской культуры эпохи бронзы, но несколько трансформировавшиеся в новых условиях.

Наконец, сам вещественный материал этого периода из Кабардино-Пятигорья сохраняет преемственность от всех основных категорий прославленной кобанской бронзы: кинжалов, топоров, наконечников копий, браслетов, шейных гривен, фибул, булаков, различных привесок и украшений зооморфного типа, кроме поясных пряжек, которые до сих пор, среди памятников западной, или кабардино-пятигорской группы, не встречены. Большинство вещей этих категорий известно в комплексах Каменномостского, Кисловодского, Березовского, Минераловодского, Каррасского и других могильников края, представляющих эту группу.

Но наряду с ними в некоторых могильниках позднекобанские вещи находятся в сочетании с предметами скифского или савроматского типа, как, например, железный акинак с костяным обрамлением явно савроматского стиля из грунтовой могилы Минераловодского могильника [106] (рис. 21, *4*) или бронзовые зеркала так называемого ольвийского типа из Каррасского [107] или Каменномостского [108] могильников. Значение подобных находок из местных памятников двояко важно: и потому, что ими уточняется датировка могильных комплексов, и потому, что по ним прослеживается характер взаимосвязей местных племен с племенами южнорусских степей раннежелезного века.

Подобные материалы содержат почти все могильники западной группы, т. е. и здесь наблюдается та же картина, что на самих кобанских могильниках. А это лишний раз доказывает, что почти все кобанские могильники являлись длительно (несколько веков) используемыми кладбищами.

Некоторые из них характеризуют и ранний этап развития кобанской культуры и поздний этап, осложненный уже контактом со скифо-савроматской материальной культурой. Такими памятниками и являются Каменномостский и Быкогорский могильники. Более поздними, на наш взгляд, должны быть признаны Каррасский, Кисловодский[109], Минераловодский, Березовский и другие могильники края (рис. 27 и табл. XXXI). Они наиболее полно характеризуют местную культуру

---

[106] Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 57, рис. 20, *1*.

[107] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 128.

[108] П. Г. Акритас. Археологические работы в Кабарде в 1954, г., стр. 46.

[109] При первой публикации материалов Кисловодского могильника Н. С. Замятнин, правильно связав этот памятник с кобанской культурой, слишком удревнил его датировку (X—IX вв. до н. э.). См. С. Н. Замятнин. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. ГАИМК, вып. 109. Л., 1935, стр. 225.

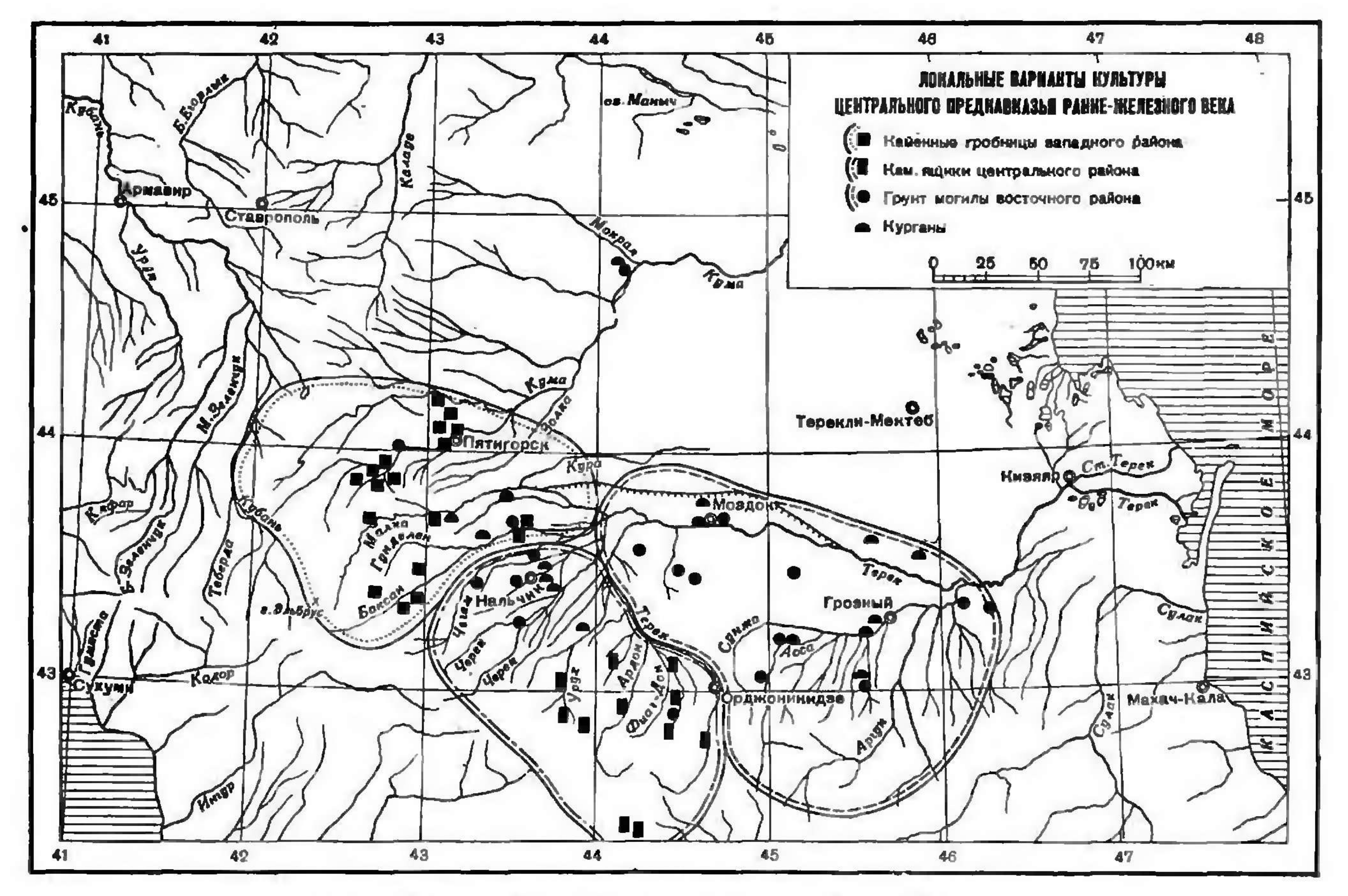

Рис. 26. *Карта. Локальные варианты кобанской культуры*

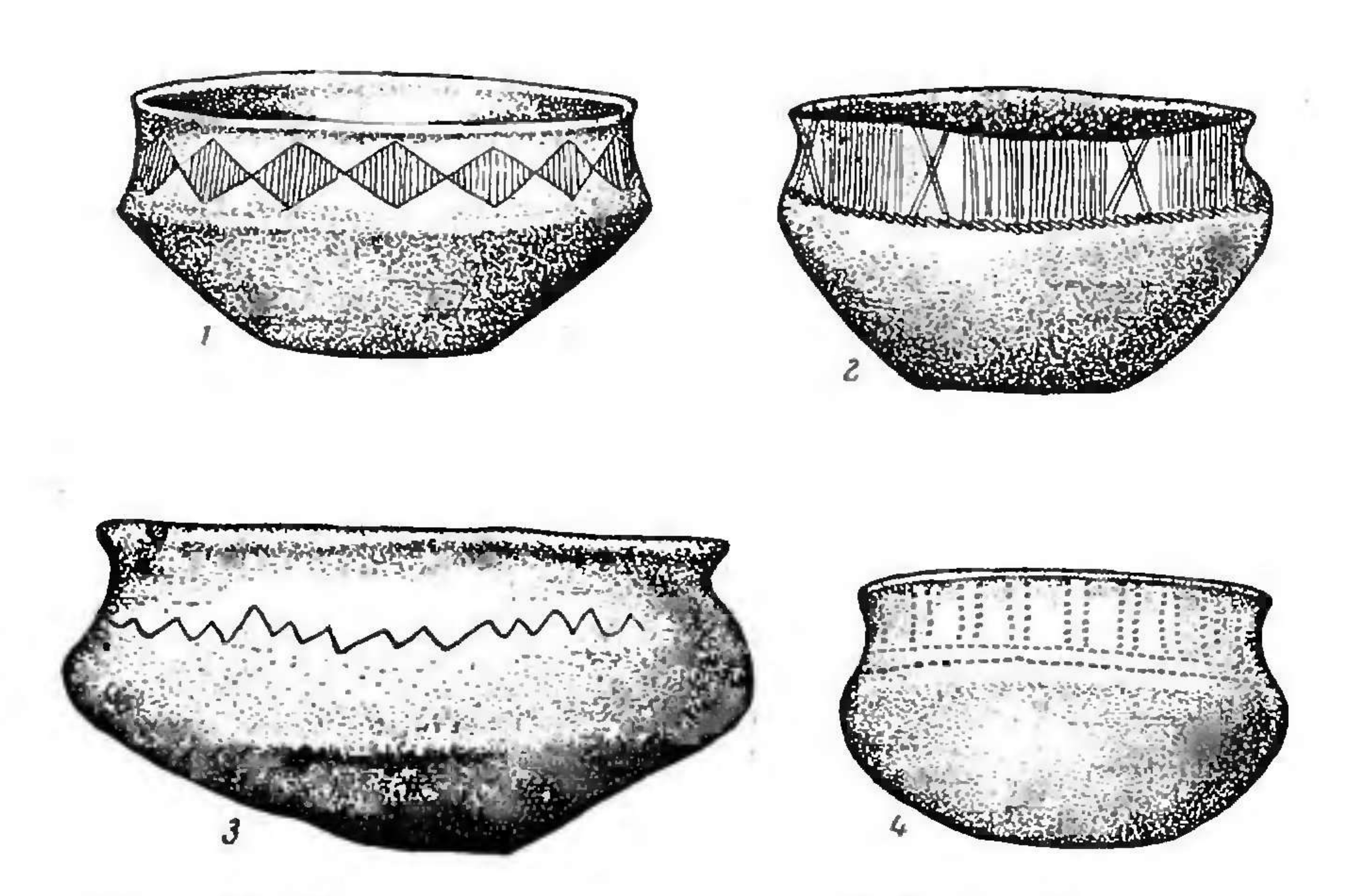

Рис. 27. Керамика из могильников Кабардино-Пятигорья

1 — из Кисловодского могильника; *2* — из могильника у подножья г. Эльбруса; *3*, *4* — из Березовского могильника

раннежелезного века. Ввиду того, что большая часть из них в разной степени освещена в литературе, мы подробно остановимся на характеристике совершенно неизвестного Березовского могильника, наиболее полно представляющего западный вариант кобанской культуры.

Березовский могильник

Березовский могильник расположен в 7 км к юго-западу от г. Кисловодска на левом берегу речки Березовки, являющейся притоком р. Подкумка [110]. Березовка протекает здесь в узкой долине; на верхней террасе левого берега, вблизи родника, и находится Березовский могильник.

Открыт он был в 1938 г. бывшим научным сотрудником Пятигорского музея, неутомимым краеведом-энтузиастом Н. М. Егоровым. Прямым поводом к открытию могильника послужили находки археологических предметов, сделанные в процессе строительно-земляных работ рабочими расположенного здесь пригородного хозяйства одного из кисловодских санаториев [111].

Судить о размерах могильника пока нет данных, ибо могильник не имеет никаких наружных признаков, а серьезным научным исследованиям он еще не подвер-

---

[110] Местоположение Березовского могильника дается по письму, полученному мною в декабре 1949 г. от Н. М. Егорова, которому приношу благодарность за информацию.

[111] По словам Н. М. Егорова, на территории могильника в дореволюционный период находился хутор некоего Калинкина. Этот хутор обозначен на старой карте бывшей Терской области (одноверстке — 1 : 42 000) издания 1912 г. В довоенные годы на этом месте было организовано пригородное хозяйство Кисловодского санатория б. Наркомзема.

гался. Могильник — бескурганный. Погребения находятся в прямоугольных каменных ящиках, вернее гробницах, сложенных из грубообработанных массивных плит местного известняка.

Глубина залегания каменных ящиков в грунте очень невелика. Некоторые из могильных плит были даже обнажены, что и послужило причиной первых хищнических раскопок этого могильника. В целях предотвращения печальных последствий кладоискательства, Н. М. Егоров в 1938 и 1939 гг. предпринял первые шаги по исследованию ряда обнажившихся каменных ящиков на Березовском могильном поле. Всего Н. М. Егоровым было вскрыто около десяти ящиков. Могилы были одиночные. Погребенные не имели строгой ориентировки; наблюдается лишь небольшое преобладание восточного направления. Все костяки находились в скорченном положении. Обнаруженный при раскопках богатый, интересный и разнообразный могильный инвентарь тогда же поступил в Пятигорский музей краеведения и частично был экспонирован.

Временная оккупация фашистами г. Пятигорска в период Великой Отечественной войны пагубно сказалась на общем состоянии Пятигорского музея и, в частности, на коллекции из Березовского могильника. Коллекция оказалась нарушенной; утрачены десятки ценных предметов; спутаны комплексы; утрачена связь археологического материала с документацией.

При нашем ознакомлении в 1949 г. с археологическими собраниями Пятигорского музея и, в частности, с коллекцией из Березовского могильника можно было установить принадлежность отдельных предметов лишь к девяти погребальным комплексам. Позднее керамика из Березовского могильника частично была разыскана В. А. Кузнецовым, а зарисовки переданы мне [112].

Часть интересных вещей с паспортом «Березовский могильник» трудно определима в своей принадлежности к отдельным могилам и нуждается в более углубленных исследованиях.

Рассмотрим доступный нам могильный инвентарь по погребениям.

К а м е н н ы й я щ и к № 1. В состав могильного инвентаря, обозначенного № 6997, входят: три раковины каури (*Cyprea moneta*); одна просверленная раковина *Buliminus sp.* в виде штопора; одно глиняное пряслице круглой формы с выемчатым основанием и выпуклыми стенками, образующими как бы усеченный конус; три бронзовых пронизи-накосника в виде трубочек, свернутых из тонкой прямоугольной пластинки, с заходящими концами. Поверхность трубочек слабо реберчата. Украшения типичны для позднекобанских комплексов (рис. 28,*5*). Небольшой круглодонный сосудик с лощеной, но неорнаментированной поверхностью, аналогичный сосудикам из Каменномостского могильника [113] и из таврских могил горного Крыма (табл. XXXII, рис. 3). Набор сохранившихся вещей позволяет уверенно считать это погребение женским.

К а м е н н ы й я щ и к № 2. От могильного инвентаря этого погребения остались: массивная бронзовая шейная гривна, витая, со сплюснутыми и завернутыми

---

[112] Пользуюсь случаем выразить В. А. К у з н е ц о в у мою благодарность.

[113] Е. И. К р у п н о в. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 245.

в спираль концами. Толщина прута, из которого изготовлена гривна, в нижней части достигает 0,8 см (табл. XXXIII, рис. 3); две сердоликовые бусины, в виде уплощенных кружков с неровными краями. Сверление сделано трубкой; приземистый реберчатый горшок с высокими наклонными плечами, покрытыми редкой косой сеткой из тонких нарезных линий.

Каменный ящик № 3. От этого комплекса остались: массивная бронзовая шейная гривна, сделанная, в отличие от предыдущей витой, из гладкого округлого прута с утончающимися концами. По форме гривна близка браслетам позднего этапа кобанской культуры (табл. XXXIII, рис. 2); бронзовое, круглое в сечении шило или проколка, довольно крупная.

Каменный ящик № 4. От комплекса осталась только половина горшка грубоватой ручной формовки. Нижняя часть горшка покрыта неправильными рядами ногтевого орнамента, какой известен на посуде Кисловодского и Нестеровского могильников.

Каменный ящик № 5. К остаткам этого, по-видимому, очень интересного комплекса относится бронзовый наконечник стрелы, так называемый площик. Сделан он из плотной бронзовой пластины путем обрубания ненужных частиц. Хотя стрела сильно деформирована, сохранившаяся часть воссоздает тип плоского наконечника стрелы с опущенными крыльями пера. Верх и концы крыльев обломаны (рис. 28,*8*); железный серповидный нож с обломанной рукоятью.

Несомненно, это было мужское погребение.

Каменный ящик № 6. От этого погребения остался глиняный светло-коричневый лощеный сосуд, орнаментированный по шейке и плечам углубленным чеканом в разных комбинациях: шахматным, волной или зигзагом (инв. № 534) (табл. XXXII, рис. 7).

Данных о погребении № 7 в нашем распоряжении нет.

Каменный ящик № 8. В состав могильного инвентаря входят: бронзовая небольшая полусферическая бляха с петлей на внутренней стороне, очевидно, принадлежность конской сбруи; десять малых бронзовых полусферических пуговок с прямой перекладиной на внутренней стороне. Подобные пуговицы служили деталью одежды; круглый лепешковидный предмет из беловатого сплава, украшенный с одной стороны глубоким орнаментом, в виде четырехугольной звезды с кружками в центре и между углами; железный серповидный нож с обломанной рукоятью; половинка четырехгранного точильного камня из песчаника с просверленным отверстием для ношения (рис. 28,*13*).

Это тоже явно мужское погребение.

О погребении № 9 сведений нет.

Каменный ящик № 10. В каменном ящике при скорченном костяке, лежащем на правом боку, найдена лишь одна чаша-миска. Сосуд приземистой формы. Поверхность лощеная; по ребру корпуса проходит узкая полоса, образованная двумя линиями, между которыми — мелкие треугольнички. По плечам — несколько геометрических заштрихованных фигур (инв. № 528) (рис. 29,*2*).

Через В. А. Кузнецова позднее я получил дополнительные сведения о том, что Н. М. Егоров в 1939 г. недалеко от могилы № 10 вскрыл еще один каменный ящик

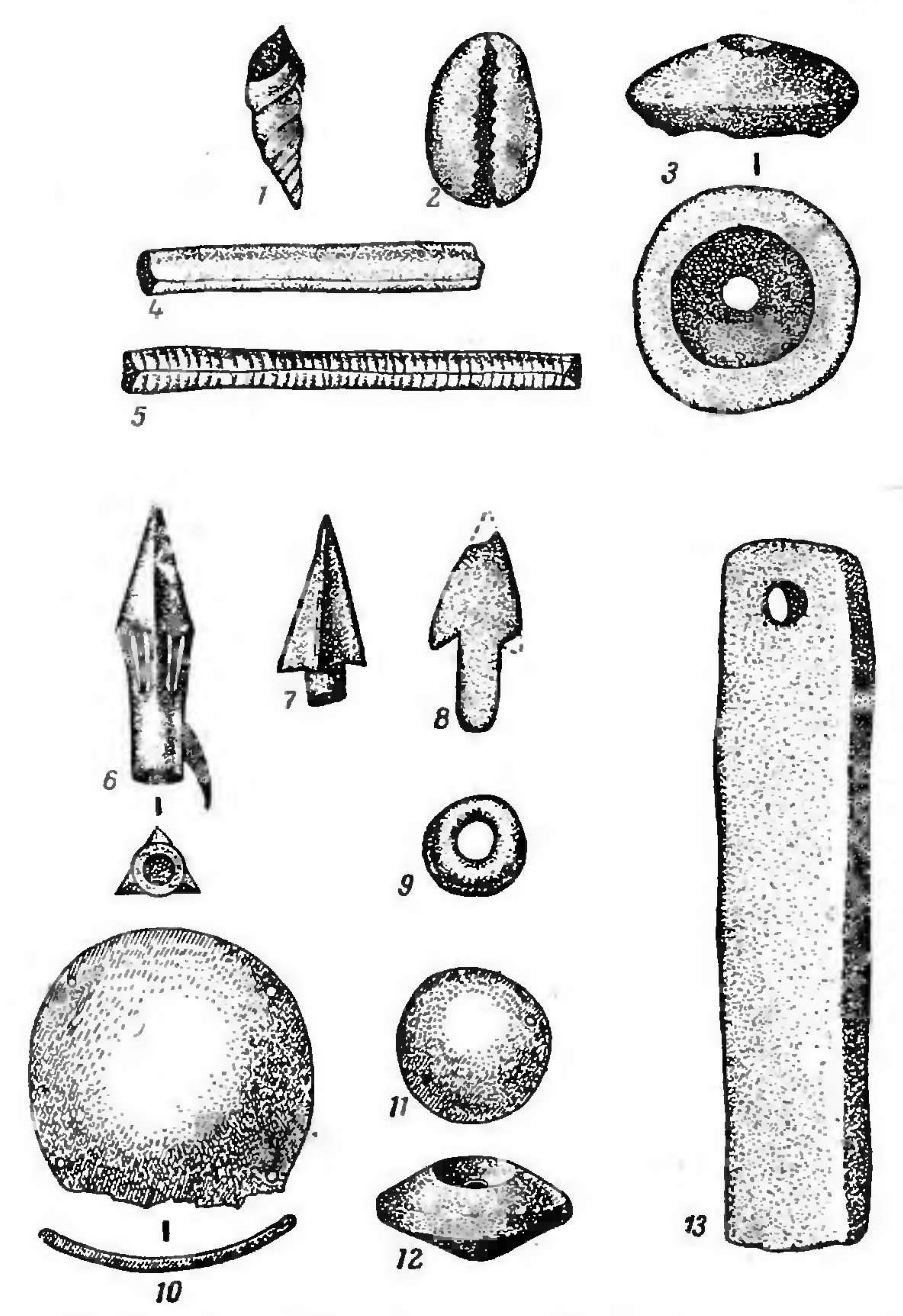

Рис. 28. Инвентарь Березовского и Кисловодского могильников
(раскопки В. В. Бобина)

1—5, 7—10, 13 — из Березовского могильника; *6, 11, 12* — из Кисловодского могильника

небольших размеров, названный им кладовой потому, что он не содержал костей погребенного. По существу это кенотаф, о чем подробнее речь будет ниже. В нем обнаружено восемь предметов: два бронзовых браслета, сегмент листовой бронзы, зуб-подвеска, медная пуговица, кусочек янтаря и два глиняных сосуда; один горшок с туловом, орнаментированным косыми полосами, по сторонам которых расположены заштрихованные треугольники, и миска с высокой вогнутой шейкой, покрытой вертикальными линиями и точками по ребру (табл. XXXII, рис. 1, 2).

Кроме того, как уже сказано, в собрании Пятигорского музея сохранилось несколько предметов из Березовского могильника без точного указания на происхождение и принадлежность к определенным могилам. К ним относятся:

1. Несколько раковин каури (Ciprea moneta).

2. Две массивные бронзовые шейные гривны из толстого прута с закрученными в спираль, утончающимися концами: одна гривна с гладкой поверхностью, другая в трех местах орнаментирована системой мелких насечек в елочку (инв. № 1645) (табл. XXXIII, рис. 1, 4).

3. Один бронзовый браслет кобанского типа из толстой пластины, с концами, закрученными в спираль. По краям и посредине браслета с внешней стороны проходят резко выступающие грани.

4. Одно небольшое бронзовое шило или проколка, почти круглая в сечении.

5. Одна бронзовая полусферическая пластинчатая бляха с четырьмя отверстиями по окружности для прикрепления (рис. 28, *10*).

6. Два обломка бронзовых удил стремевидной формы.

7. Железный серповидный нож, аналогичный двум таким же ножам из погребений № 5 и 8.

Этим далеко не полным перечнем археологических предметов, к сожалению, и ограничиваются наши представления о материале из Березовского могильника, сохранившемся в Пятигорском музее в послевоенные годы.

Кроме того, небольшой, но интересный комплекс вещей из этого могильника оказался у Н. М. Егорова, добытый им за время его повторных обследовательских посещений Березовского могильника в 1946 г. Осматривая два ограбленных каменных ящика, Н. М. Егоров в одном из них обнаружил бронзовый трехперый втульчатый наконечник стрелы укороченных пропорций скифского типа (рис. 28,*7*).

Но, несомненно, наибольший интерес представляет могильный инвентарь из этого же комплекса, обнаруженный Н. М. Егоровым в третьем обнажившемся, но не ограбленном каменном ящике Березовского могильника. По описанию Н. М. Егорова, верхняя (покровная) плита этой могилы была разбита и сброшена. По зачистке оказалось, что плохо сохранившийся человеческий костяк лежал в скорченном положении, на правом боку, с сильно поджатыми ногами. Ориентирован погребенный головой на восток. Правая рука была вытянута в северном направлении. Кисть левой находилась у пояса. Судя по могильному инвентарю, это, несомненно, было мужское погребение.

В состав могильного инвентаря входили:

1. Совершенно распавшаяся глиняная миска темно-коричневого цвета, в свое время поставленная у изголовья погребенного. Н. М. Егорову удалось взять лишь три фрагмента от венчика этой миски, по которым можно судить об особенностях керамики этого могильника. Глина хорошо отмучена. Заметна слабая примесь дресвы. Обжиг хороший. Поверхность вылощена. По-видимому, диаметр миски не превышал 23—25 см. Она была довольно приземиста, но с высокой, выгнутой внутрь шейкой, на которой сохранились элементы орнамента из нарезного узора в виде вертикальных линий, с правой стороны которых расположено по несколько грубо заштрихованных треугольников.

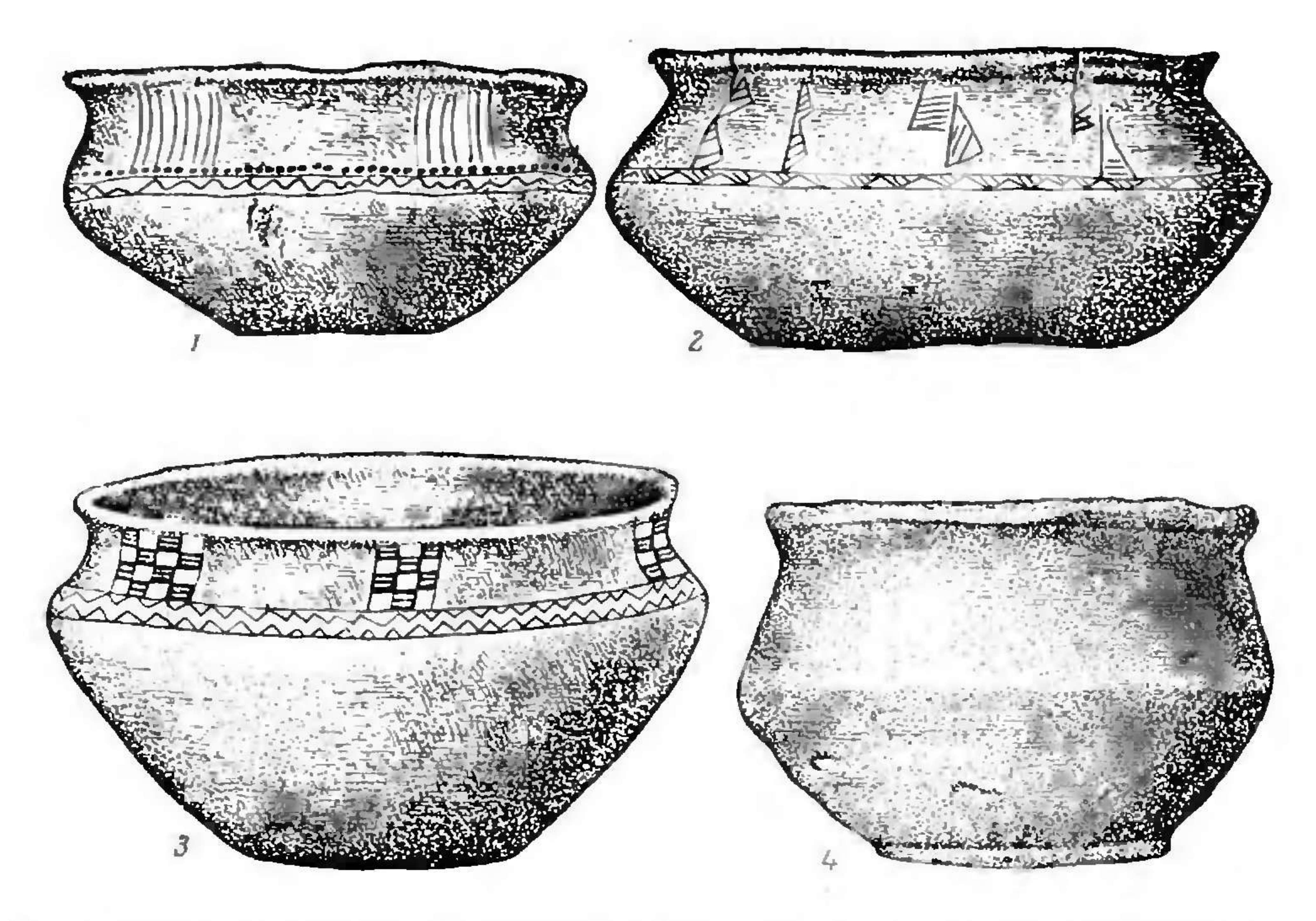

Рис. 29. Керамика из разных погребений Березовского могильника

2. Бронзовый узкий и плоский тесловидный топор с двумя боковыми выступами посредине. Нижний рабочий конец слегка расширен. Верхний конец с наплывом несколько деформирован, возможно, от ударов молотком. Судя по хорошо сохранившимся заусенцам на боковых ребрах этого тесловидного топора, он отлит в двухстворчатой литейной форме. Найден топор у правой вытянутой руки. Его длина — 15 см. Наибольшая ширина — 4,75 см (табл. XII, рис. 3).

3. Бронзовый предмет неизвестного назначения из толстого прута с круглым отверстием для ношения на одном утолщенном округлом конце. Другой конец — узкий, расплюснутый и достаточно острый с резко выступающим под углом массивным острым шипом. Этот предмет имеет внешнее сходство с современными консервными ножами. Его длина 15,2 см, ширина — 2,5 см. Он находился у таза и, очевидно, носился у пояса (табл. XII, рис. 2).

4. Кинжал — железный клинок с бронзовой рукоятью, также найденный у пояса, справа. Бронзовая прорезная рукоять имеет верхнее кольцевое навершие и плоское пластинчатое перекрестие, с двумя круглыми отверстиями на расширяющихся концах. Посредине рукояти проходит шиловидный железный стержень, вероятно, в свое время обложенный деревянными пластинками, которые не сохранились. Железный клинок имеет выступающее ребро, проходящее посередине лезвия. Нижний конец его обломан. Общая длина кинжала 26 см. Длина рукояти 11 см. Ширина перекрестья 5,75 см. (табл. XII, рис. 1).

5. Железный наконечник копья листовидной формы с выступающим ребром посредине. Широкое перо копья округлых очертаний. Длинная втулка в расширенном

нижнем конце имеет отверстие для скрепления с древком. Общая длина копья 22,5 см втулки 2,5 см. Находилось копье у кисти правой вытянутой руки костяка (табл. XII, рис. 4).

6. Железный втульчатый копьевидный крюк с плавно изогнутым верхним концом и очень длинной втулкой, с отверстием на нижнем конце для скрепления с древком. Длина крюка 25,5 см, ширина 5 см, диаметр 2 см. Крюк также находился вместе с копьем у правой руки костяка (табл. XII, рис. 5).

7. Два железных толстых шила, в сечении округло-четырехугольные; найдены они оба были также у правой руки костяка в числе других подобных же предметов, принятых Н. М. Егоровым за наконечники стрел (табл. XII, рис. 8, 9). Длина одного шила — 9 см, другого — 7,5 см, толщина — 0,3 и 0,5 см.

8. Точильный камень, или оселок из мелкозернистого песчаника, широкий, но плоский, с круглым отверстием на верхнем конце для ношения. Оселок весь распался. В восстановленном виде он имел такие размеры: длина — 14 см, ширина — 3,5 см, толщина — 0,8 см. Найден он у правой руки костяка (табл. XII, рис. 6).

Эти предметы были, очевидно, преднамеренно размещены у кисти вытянутой правой руки костяка.

9. Другой точильный камень, или оселок из сланца. В отличие от первого он имеет в сечении почти овальную форму. Концы его чуть сужаются. На верхнем конце также имеется круглое отверстие для ношения на поясе. Оселок и находился у пояса. Его длина — 15,8 см, максимальный диаметр — 2,8 см (табл. XII, рис. 7).

10. Фрагменты железного предмета, возможно ножа или кинжала.

Все перечисленные предметы из каменного ящика, исследованного Н. М. Егоровым в 1946 г., были переданы им в Государственный Исторический музей, где они и хранятся в Отделе древней истории за № 82 997.

Наконец, в 1957 г. при посещении Березовского могильника пятигорским краеведом, инженером А. П. Руничем, им был расчищен и исследован еще один каменный ящик[114]. Его продольные плиты равнялись 0,86 м, поперечные — 0,82 м. Ящик ориентирован по сторонам света. В нем лежал женский скелет в скорченном положении на левом боку, головой на восток. При костяке находились: один глиняный горшок без орнамента, две бронзовых полусферических бляшки от головного убора, четыре бронзовые пластинчатые трубочки-накосники, 42 сердоликовых бусины с равными краями и одна бусина из пасты. Таким образом, мы располагаем вещественным материалом из 12 исследованных каменных ящиков.

Переходя к общей характеристике и культурно-исторической оценке как всего могильного инвентаря, так и форм погребальных сооружений Березовского могильника, раньше всего следует отметить некоторое единство одних признаков и разнообразие других.

Так, все каменные ящики Березовского могильного поля содержали лишь индивидуальные захоронения. По свидетельству Н. М. Егорова, во всех случаях костяки лежали в скорченном положении, чаще на правом боку (как правило, это были мужчины). Такой же тип одиночного погребения рисует и могила, вскрытая

---

[114] Архив ОПИ ИА. Отчет А. П. Рунича за 1957 г.

Н. М. Егоровым в 1946 г. Что касается ориентировки погребенных, то мы не располагаем данными для утверждения о строгой выдержанности какого-либо одного направления. Можно лишь сказать, что восточная ориентировка здесь преобладает.

Сама же форма погребальных сооружений отличается устойчивостью и единством. Все могилы Березовского могильного поля — массивные каменные ящики, вернее гробницы. Этой особенностью могильник сближается с рядом древних могильников кобанской культуры нагорной полосы Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, хотя здесь же нужно отметить и различие: кобанские ящики — прямоугольно-длинные, кабардино-пятигорские — почти квадратные. Очень показательны в этом отношении размеры каменного ящика, вскрытого А. П. Руничем на Березовском могильнике. Его стороны не превышали 1 м (0,86 × 0,82 м). Наибольшую же близость Березовский могильник обнаруживает с Кисловодским могильником, исследованным В. В. Поповым и С. Н. Замятниным в 1932 г. [115], а позднее и В. В. Бобиным [116]. Большое сходство устанавливается у Березовского могильника с Каменномостским и другими древними кладбищами Кабардино-Пятигорья, характеризующимися массивными и также почти квадратными каменными гробницами, содержащими могильный инвентарь кобанской культуры второго этапа ее развития.

Таким образом, по сходству погребального обряда, непосредственная связь Березовского могильника с могильными памятниками кобанской культуры намечается довольно отчетливо. Учитывая, что особенности погребального обряда в древности являлись в бóльшей степени этнографическими признаками, чем в более поздние времена, мы вряд ли ошибемся, если носителей культуры Березовского могильника будем считать этнически родственными племенам, оставившим нам многочисленные памятники кобанской культуры во всех районах Северного Кавказа, особенно, если мы учтем еще и близость форм материальной культуры.

Займемся теперь анализом доступного нам могильного инвентаря Березовского могильника. Рассмотрим его по отдельным категориям вещей.

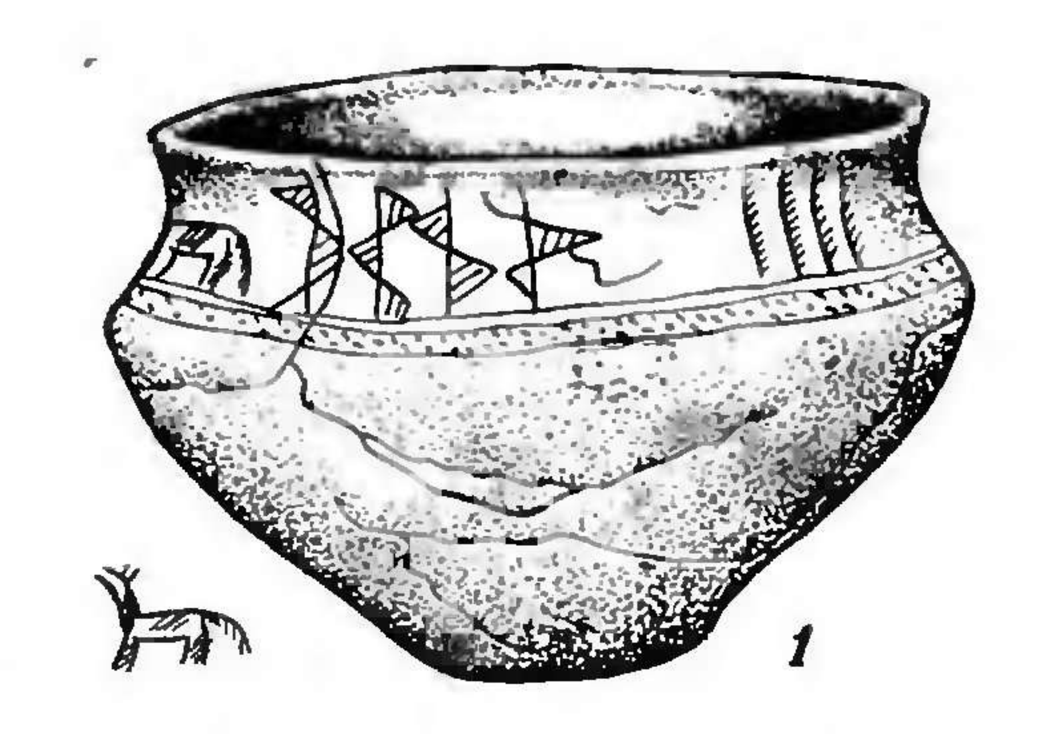
Керамика. Общеизвестно, что глиняная посуда является наиболее массовым вещевым материалом, оставленным нам исчезнувшими древними племенами, по которому легче всего изучать уровень самобытного хозяйственного развития древнего населения той или иной области. Как правило, в древности керамические изделия не перевозились на большие расстояния, за исключением хорошо известных случаев (например, античная посуда); а наоборот, они производились на месте по выработавшимся формам, составляя специфику местной культуры и быта определенной племенной группы.

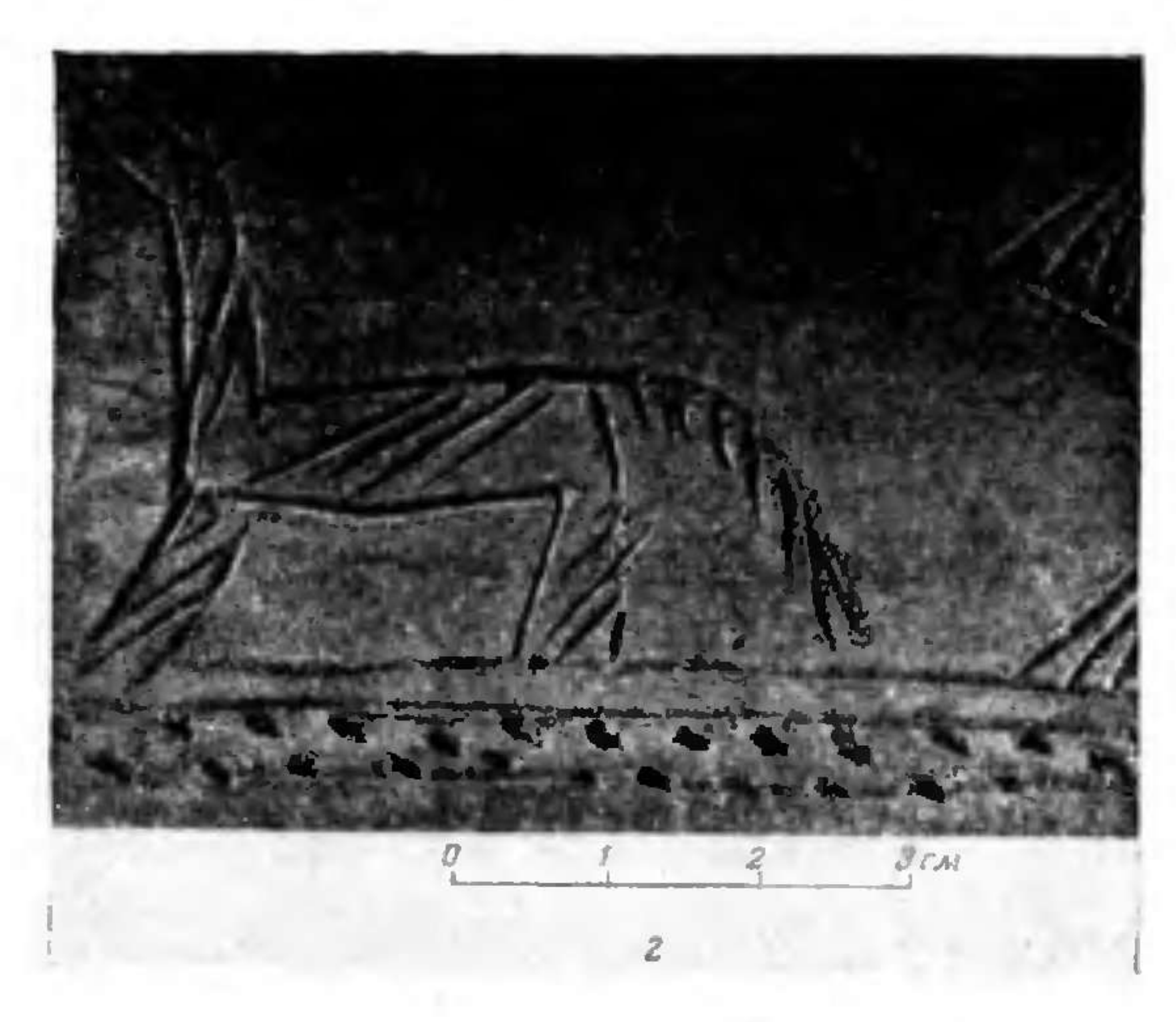
В этом плане несомненный интерес представляют те образцы керамики из Березовского могильника, которыми мы располагаем. Разной степенью лощения, составом глины, обжигом и другими технологическими качествами, посуда Березовского могильника весьма сходна с сосудами из Кисловодского, Каменномостского и из

---

[115] С. Н. Замятнин. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 225.

[116] В. В. Бобин. Могильник и поселение VII—VI до н. э. на Барановской и Крестовой горах в г. Кисловодске. «Тр. Крымского мед. института», т. XIX, Симферополь, 1958, стр. 147.

Рис, 30. Миска из Кисловодского могильника с изображением лошади (из раскопок В. В. Бобина, 1955 г.)

других аналогичных могильников Кабардино-Пятигорья, таких как Быкогорского, у станции Минутка и других (рис. 30).

То же самое можно сказать по поводу формы сосудов и их орнаментации. Наиболее распространены здесь сосуды в виде чаш-мисок; относящиеся к этой же категории фрагменты венчика большой миски из каменного ящика, вскрытого Н. М. Егоровым в 1946 г., позволяют предполагать принадлежность их к типу мисок, хорошо представленных в Кисловодском [117], Каменномостском [118] и в других могильниках Кабардино-Пятигорья, у г. Кинжал под Эльбрусом, у провальной каменоломни и под г. Бык, близ Пятигорска [119] (рис. 27). Морфологически все эти чаши-миски очень напоминают небольшие бронзовые, кованые чаши-миски кобанской культуры, которые имеют то же соотношение частей, что и исследуемые глиняные миски (табл. XIX, рис. 5). Они часто украшены разнообразным нарезным геометрическим орнаментом. На основании близости этих чаш-мисок бронзовым кованым чашам кобанской культуры [120], а также внешнего сходства их с чашами из Кобякова городища и других донских городищ киммерийского времени [121], мы полагаем, что генетически их можно производить от более древних грубых чаш-мисок местной северо-кавказской культуры эпохи средней бронзы. Таковы чаши из кургана № 2 в урочище Три камня и из кургана № 7 близ с. Константиновки в Пятигорье [122]. Поэтому в местном происхождении и длительном пути развития этой формы посуды на Северном Кавказе сомневаться нет оснований.

---

[117] С. Н. Замятнин. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. ИГАИМК, вып. 109. М.—Л., 1935, стр. 216, рис. 200, № 5—9.

[118] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 247, рис. 42; стр. 253, рис. 55.

[119] По материалам Пятигорского музея краеведения.

[120] И. С. Уварова. Могильники..., табл. XLI, № 9.

[121] А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1924 и 1925 гг. СГАИМК, 1926, т. I, стр. 130—152; т. II, 1929, стр. 70

[122] A. M. Tallgren. Zu der Nordkaukasischen frühen Bronzezeit, ESA, t. VI, 1931, стр. 128, рис. 7 и 11.

Вторым, менее распространенным типом местной керамики, представленным и в Березовском могильнике, является крупный горшок. Отличительными особенностями подобных горшков, достигающих иногда более 30 см в высоту, является раздутый корпус, невысокая шейка, круто отвернутый край и узкое днище (табл. XXXIV, рис. 9). Все они хорошо вылощены. Образцами этого второго типа можно считать один из сосудов, обнаруженных Н. М. Егоровым в могиле кенотафе на Березовском могильнике, и ряд крупных сосудов из Каменномостского могильника. Верхняя часть таких горшков очень близка верху бронзовой жемталинской вазы. Какие-то черты сходства с ними обнаруживают и некоторые горшки каякентско-хорочоевской культуры, но еще ближе они стоят к сосудам степных районов Украины и Подонья (из курганов № 1 и 7 у сел. Гамарни) [123], из донских городищ [124], относимых к кимерийской культуре [125].

Подробнее об этом сказано во втором разделе главы IV.

Одновременно этот тип горшков Березовского, Каменномостского и других могильников Кабардино-Пятигорья формой и соотношением частей несколько напоминает крупные сосуды вытянуто-грушевидной формы из других могил того же Каменномостского могильника (по раскопкам П. Г. Акритаса 1954 г.[126]), из Моздокского могильника (из курганов № 1 и 2 и из грунтового погребения № 1) [127]. Но последние изготовлены несколько хуже и не орнаментированы (табл. XIX, рис. 5, 7). Вероятно, эта разница в технике изготовления керамики объясняется некоторой хронологической дистанцией между датами Березовского и Каменномостского могильников, с одной стороны, и Моздокским могильником и близкими ему памятниками, с другой.

Третьим типом местной (среди нее и березовской) керамики являются малые круглодонные горшочки без ручек. Известны сходные с ними небольшие круглодонные сосудики из Каменномостского могильника и чаши из Моздокского и Нестеровского могильников. Вообще же круглодонная посуда (ковши, чарки и кружки) в местных памятниках Прикубанья и всего Северного Кавказа появляется лишь в раннескифское время. Таковы достоверные находки круглодонных чарок с высокими ручками в Усть-Лабинском могильнике на Кубани [128], типологически близких им сосудиков в Кумбултском могильнике Верхняя Рутха [129] и др. Да и на Украине, как известно, круглодонная погребальная посуда также встречается в памятниках раннескифского времени [130] (табл. XVIII, рис. 1—3).

---

[123] Д. Я. Самоквасов. Каталог коллекций древностей. Варшава, 1842, стр. 8, 9.

[124] А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1924—1925 гг. СГАИМК, т. I, стр. 130—152, рис. 26—28.

[125] Е. И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, 68, 1958, стр. 193, 194.

[126] П. Г. Акритас. Археологические работы в Кабарде в 1954 г., стр. 46.

[127] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940.

[128] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 43, 1951, стр. 161.

[129] Е. И. Крупнов. Из результатов Северо-Кавказской археологической экспедиции Государственного Исторического музея, 1937—1938 гг. ВДИ, № 1, 1939, стр. 264, 265.

[130] ОАК, 1901, стр. 99, 100.

Такие же сосудики в 1957 г. были обнаружены нами и на Змейском поселении в Северной Осетии. Но наиболее сходные черты подобные сосуды обнаруживают с такими же малыми черными круглодонными сосудиками кизил-кобинской или раннетаврской культуры горного Крыма [131].

При несомненных связях Украины, Крыма и Кавказа того времени, о чем уверенно можно судить по целой серии других признаков, возможность заноса этой формы извне кажется наиболее вероятной [132].

Наконец, выделяется тип горшков более грубой выделки, не лощеных, а иногда украшенных ногтевым орнаментом, местного архаического типа.

Узоры рисунка и сама техника нанесения орнамента (острой палочкой по венчику) — системы заштрихованных треугольников, квадратов, иногда в шахматном порядке — на Березовских сосудах абсолютно те же, что и на посуде Кисловодского [133] и Каменномостского [134] могильников, с поселения у Зольского карьера, и с Перкальского поселения под Пятигорском [135].

Этими особенностями данная керамика довольно резко отличается от керамических форм самого кобанского могильника и составляет характерную, локальную особенность материального быта племен Кабардино-Пятигорского варианта кобанской культуры; отличается она и от керамических форм, расположенных далее к востоку от памятников, таких как Моздокский, Луговой, Нестеровский, Исти-осу и др.

Среди керамических изделий Березовского могильника заслуживают внимания и биконические, неправильных форм глиняные пряслица из каменного ящика № 1 и другие.

Березовские пряслица морфологически повторяют тип пряслиц, широко распространенных в раннескифское время на огромной территории от Украины (Бельское городище) до Кавказа. Почти такие же пряслица известны в комплексах Нестеровского [136], Лугового [137] могильников Чечено-Ингушской АССР и ряда могильников Кабардино-Балкарии, например могильника Закуты у с. Советское [138], т. е. памятников VII—VI вв. до н. э.

Подобные пряслица в культурах Северного Кавказа получают более или менее широкое распространение лишь в I тысячелетии до н. э., хотя раскопками послед-

---

[131] Х. И. Крис. Поселения кизил-кобинской культуры... «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 43, 45 и др.

[132] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 261, 271.

[133] С. Н. Замятнин. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 218, рис. 201, № 3.

[134] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 248, рис. 44.

[135] Подъемный материал, хранящийся в Пятигорском музее краеведения.

[136] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Тр. ГИМ», т. XVIII, 1950, стр. 25, рис. 21.

[137] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 164, рис. 5, 1—4.

[138] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабарде в 1948 году. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 234.

них лет была зафиксирована и несколько более ранняя дата их бытования на Кавказе [139].

О р у д и я т р у д а и о р у ж и е. Рассмотрим вначале бронзовые предметы и затем железные.

Тесла-топоры. Одним из предметов, важных для общекультурной характеристики этого района изучаемого времени, является бронзовый плоский тесловидный топор (с выступами) из могилы 1946 г. (табл. XII, рис. 3).

Из опыта исследования прошлых лет памятников материальной культуры центральной полосы Северного Кавказа вытекает заключение, что плоские топоры для кобанской культуры совершенно не характерны. В свое время это дало повод А. А. Иессену предположить, что на северный склон Кавказского хребта они вообще не переходили. В синхронных же памятниках Закавказья, в Западной Грузии [140], в зоне распространения колхидской культуры и в Восточном Закавказье, среди богатых материалов, представляющих культуру местных племен центрального Закавказья доурартского и урартского времени, плоские топоры различных типов довольно обычны [141].

Разработанная Б. А. Куфтиным [142] типология подобных орудий труда с учетом их многочисленных вариаций дает отчетливое представление о конструктивных особенностях этих орудий, очевидно первоначально выполнявших многие функции, начиная от обработки дерева и кончая земляными работами.

В одной из своих старых работ Тальгрен бронзовые плоские топоры с боковыми выступами считал орудиями горного дела и их широкое распространение в Европе (вплоть до Англии) приписывал поисковой деятельности каких-то народов древности, искавших металл (например, финикийцев). Но ни один экземпляр этих топоров не сохранил следов грубой работы по камню и это обстоятельство заставляет считать мнение Тальгрена несостоятельным.

Важно отметить, что в Западной Грузии до недавнего прошлого при всякого рода плотничьих работах широко применялся железный плоский топор с поперечными выступами, так называемый пехечо.

Подобные топоры-тесла особенно широко были распространены в древних культурах Малой Азии и всего Средиземноморья, вплоть до районов распространения гальштатской культуры Западной Европы, в основном синхронной колхидской и кобанской культурам Кавказа. Именно такое тесло-топор с зубовидными плечевидными выступами, как березовское (только более широкое), происходит из известного клада, обнаруженного вместе с кобанско-колхидской бронзой близ с. Орду (Турция) [143],

---

139 Е. И. К р у п н о в. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXX, 1950, стр. 85 сл.

140 S. M a k a l a t h i a. Découvertes archéologiques en Géorgie en 1930. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd. LXII, Wien, 1932, стр. 104, рис. 45.

141 А. А. И в а н о в с к и й. По Закавказью. Материалы по археологии Кавказа, вып. VI, М., 1911, стр. 128 (могилы №№ 56 и 91), табл. IV, 6.

142 Б. А. К у ф т и н. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIII B, 1944, стр. 30—33, рис. 23—а и 23—б.

143 S. P r z e w o r s k i. Der Grottenfund von Ordu. «Archiv Orientalni», Praha, october, 1935, стр. 396, XLII, a.

из VII города Трои, из Астерабада (Тюренг-Тепе, Иран), с Алишарского холма (Малая Азия), из Рима (Монте Ровелло), из Гальштата (уже железное) и т. д. В тех же районах Передней Азии, Средиземноморья и Закавказья широко представлен и другой тип тесла с тупоугольными выступами и выгнутым туловом, в последнее время ставшим известным и на Северном Кавказе и в особенности в Кабардино-Пятигорье. Наконец, теслами с косыми плечиками особо богато Закавказье, в частности Западная Грузия.

Мы уже отмечали, что этот тип бронзовых орудий для обработки дерева имел очень широкое распространение в древности. Например, такие же тесловидные бронзовые и железные топоры известны в древних культурах Украины (Субботовское городище [144]), Крыма и в культурах Западного Приуралья [145]. Все же нам представляется, что основными районами, где ранее всего появились подобные орудия, были районы Древнего Востока. Очевидно, и в Восточную Европу типы этих орудий могли проникнуть с ближнего Востока тремя путями: через Кавказ, через Средиземноморье и юг Европы, а из Средней Азии — в Пркуралье. Не случайно наибольшее их распространение падает на время киммерийского продвижения в Малую Азию. Поэтому тип нашего березовского тесла не случайно оказывается наиболее близким малоазийским, средиземноморским и, в первую очередь, западногрузинским типам.

В главе IV нашей работы, в разделе, посвященном анализу степных, киммерийских материалов, ставших известными из различных районов Северного Кавказа, мы описали шесть бронзовых тесел: из Пятигорска [146]; в составе клада, найденного у станицы Векешевской [147] (табл. VII) и через б. Публичный Румянцевский Музей уже в советские годы поступившего в Государственный Исторический музей, и, наконец, три бронзовых разнотипных плоских топора из Кубанской области [148].

В последние годы количество находок подобных топоров-тесел на Северном Кавказе значительно увеличилось.

На р. Малке у сел. Хабаз в 1935 г. было найдено тесло, аналогичное пятигорскому. Оно хранится в Пятигорском музее.

Накануне второй мировой войны, летом 1941 г. на шоссе Боргустанская — Бекешевская, ближе к станице Боргустанской, был обнаружен клад бронзовых предметов кобанского типа, в число которых входило и восемь тесловидных топоров [149].

В Пятигорском музее краеведения сейчас сохранилось лишь по одному экземпляру каждого типа: с выступами и простой плоский топор-тесло. Первый наиболее близок Березовскому топору с плечиковидными выступами по бокам.

В Кабардино-Балкарском музее краеведения хранится одно бронзовое тесло

---

[144] Б. И. Граков и А. И. Тереножкин. Субботовское городище. СА, 1958, № 2, стр. 175.

[145] A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov, I. Helsinki, 1916, стр. 21, рис. 18.

[146] Каталог собрания А. С. Уварова, вып. I, стр. 46, № 214.

[147] Московский Публичный Румянцевский Музей. Каталог древностей. М., 1905, стр. 145, 146.

[148] По материалам Краснодарского музея; см. также А. А. Иессен, Прикубанский очаг... МИА, 23, стр. 84, рис. 7.

[149] И. М. Егоров. Боргустанский клад. СА, XV, 1951.

с тупоугольными выступами и с вогнутым туловом из Нальчика. Известен еще один такой же экземпляр бронзового тесла из могильника на р. Эшкакон [150].

Итак, включая березовский экземпляр, мы располагаем данными о находках на Северном Кавказе около двух десятков плоских топоров-тесел, ранние из коих (без выступов) по всем данным относятся к концу бронзовой эпохи на Кавказе. (Таковы, например, тесла из клада у с. Привольного [151].) Их закономерно связывают со степными формами этих орудий, присущими и киммерийской культуре Крыма и Причерноморья [152].

При отсутствии же массовых находок этих предметов в многочисленных научно-добытых комплексах кобанской культуры мы не можем считать их характерными для этой культуры.

Будучи типичными для культур Закавказья, Передней и Малой Азии, где, по-видимому, и следует искать их первичные и наиболее ранние формы, эти топоры-тесла, как нам представляется, проникали и на Северный Кавказ лишь в порядке разного рода связей, существовавших между населением этих областей с более древних времен. С особенной уверенностью об этом можно сказать применительно к топорам-теслам с плечиковидными выступами по бокам, т. е. к Березовскому типу тесла-топора. Он абсолютно чужд более ранним комплексам местных древностей и составляет характерный признак древних культур Закавказья. Плоские тесла-топоры являются результатом контакта местных форм со степными раннекиммерийского времени.

Предмет с шипом. К категории орудий труда, а не оружия и не украшений, несомненно, должен быть отнесен и бронзовый предмет из толстого прута с отверстием для ношения на одном конце и сильно выступающим шипом на другом, найденный в могиле, вскрытой Н. М. Егоровым в 1946 г. Даже приблизительно сходные формы орудий нам неизвестны (табл. XII, рис. 2).

Если не предполагать возможности его использования как своеобразного «кочедыка» при изготовлении узких ремней (фадана) для горской обуви из сыромятной кожи (мачи), то следует оставить его пока под названием предмета неопределенного назначения.

Бронзовые булавки или проколки. Мы располагаем данными о нескольких экземплярах, размерами не превышающих 10—12 см. Все они в сечении округлы, с одним утолщенным концом. Внешне они повторяют типы небольших булавок или проколок кобанской культуры, но без ярко выраженных наверший, которые так разнообразны на кобанских булавках (табл. XI, рис. 1). Близкие березовским булавки известны из каменных ящиков, вскрытых у сел. Верхний Кобан [153] и сел. Тли [154] еще в дореволюционные годы.

---

[150] М. Н. Егоров. Могильник у р. Эшкакон. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 136.

[151] ОАК, 1894, стр. 42, рис. 60.

[152] И. Т. Кругликова. Поселения эпохи поздней бронзы в восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 90; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, стр. 160; Е. И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе, МИА, 68, 1958, стр. 187, 188, рис. 5.

[153] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XXII, рис. 6.

[154] ОАК, 1889, раскопки В. И. Долбежева.

Такие булавки имеют гладкую поверхность и часто в верхнем утолщенном конце — небольшое отверстие. В отличие от бронзовых кобанских булавок с лопатообразными и другими вычурными навершиями, являвшихся головными украшениями, подобные булавки употреблялись для скрепления грубых шерстяных одежд и тканей. Вероятно, они использовались и для скрепления туалетных сумочек из шерсти, подобно серебряным и костяным булавкам у чечено-ингушских женщин недавнего прошлого.

Отсутствие на березовских экземплярах даже подобия наверший позволяет считать их скорее проколками, применявшимися при работе с кожей, т. е. орудиями труда. Такая же бронзовая проколка (или шило) 6 см длиной, известна из каменного ящика № 1 Кисловодского могильника, исследованного В. В. Бобиным в 1937 г. В состав инвентаря еще входили: миска, оселок и железный наконечник копья [155].

Бронзовые наконечники стрел. В состав оружия Березовского могильника входят стрелы двух типов. Тип первый представляет собой бронзовую стрелу с выступающим плоским черешком для насадки и с двумя опущенными крыльями. В археологической литературе подобный тип стрел называется площиком. Экземпляр из каменного ящика № 5 оказался в сильно деформированном состоянии (рис. 28, *8*).

Подобный тип бронзовых наконечников стрел известен из ряда погребений Самтаврского могильника, у сел. Тли [156] и из других мест Закавказья. Встречаются они и на Северном Кавказе. Таковы находки бронзовых площиковых стрел у сел. Чми, на Галиатском могильнике Фаскау [157], в Северной Осетии и в Нальчикском районе Кабарды [158]. Судя по архаичности комплексов, в которых такие стрелы были обнаружены в Закавказье, например в одной из могил самтаврского могильного поля, такой тип стрел относится к первому этапу развития местных культур Кавказа — таких, как кобанская и культур Закавказья раннеурартского времени.

По последним достоверным наблюдениям, их бытование устанавливается, в частности, на Северном Кавказе и позднее. Так, наконечники стрел — площики — как бронзовые, так и железные входили в состав могильного инвентаря 20 погребения Нестеровского могильника [159]. Комплекс объединял браслеты кобанского типа и бронзовые двугранные с шипами наконечники стрел, которые могут датироваться никак не позднее, чем V, а скорее VI в. до н. э., может быть его концом. Такой же бронзовый площик обнаружен В. В. Бобиным и на Кисловодском могильнике. Бронзовый же наконечник стрелы, почти площик, был найден нами в 1952 г. и на Луговом могильнике, в погребении № 11 (VI—V в. до н. э.). В определении времени бытования бронзовых стрел площиков, эту дату — VI в. до н. э.— мы можем считать наиболее поздней, когда наряду с бронзовыми появляются и существуют железные и костяные наконечники стрел.

---

[155] В. В. Бобин. Могильник и поселение... «Тр. Крымского мед. института», т. XIX. Симферополь, 1958, стр. 150, рис. 3, 4.

[156] ОАК, 1889 (раскопки В. И. Долбежева).

[157] В коллекции ГИМ, № 21630—22183, купленной у Дзелихова.

[158] Коллекция ГИМ, № 44817 (дар Московского археологического общества).

[159] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Тр. ГИМ», вып. XVII, 1947, стр. 25, рис. 22, № 7, 8.

Бронзовый наконечник стрелы второго типа, найденный Н. М. Егоровым на Березовском могильнике, иной (рис. 28, 7). Это трехгранный, втульчатый наконечник без шипов, несколько укороченных пропорций. Подобный тип скифских наконечников стрел наиболее обычен; он широко распространен на нашем юге, а также и на Кавказе, например в Елизаветовке, на Нестеровском могильнике [160] и в других пунктах. П. Рау в своей классификации скифских стрел относил этот тип к V—IV вв. до н. э.[161]. Б. Н. Граков считает бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел «вступившими в свои права» уже с половины VI в. до н. э. и исчезнувшими лишь на протяжении IV в. до н. э.[162].

Таким образом, наиболее вероятной датой этого типа наконечников стрел можно считать конец VI в. до н. э.

Как известно, скифские стрелы являются находками, значительно облегчающими датировку комплекса. Такой находкой следует считать и наконечник стрелы, обнаруженный Н. М. Егоровым на Березовском могильнике.

Любопытно, что другой также трехгранный бронзовый наконечник стрелы, но только с шипом был найден В. В. Бобиным [163] в каменном ящике № 3 на Кисловодском могильнике, с которым, как уже отмечалось, сближается Березовский могильник (рис. 28, 6). Его также можно датировать концом VI в. до н. э. Комплекс, к которому он относится, этому не противоречит.

Кинжал с бронзовой рукоятью и железным клинком из могилы, вскрытой Н. М. Егоровым в 1946 г. Этой своей особенностью он очень показателен для переходного периода от бронзы к железу (табл. XII, рис. 1). Со своей бронзовой полой и сквозной рукоятью этот кинжал типологически пока единичен [164]. Другого кинжала с такой рукоятью мы не знаем.

Но своим очень своеобразным перекрестьем, в виде плоских полуопущенных остроугольных крыльев с двумя сквозными отверстиями по краям, березовский кинжал сближается с небольшой серией местных кинжалов, также отличающихся сочетанием бронзовых рукоятей и железных клинков (табл. XXXV, рис. 4, 5 и табл. VIII, 4).

По данной серии вооружения легко прослеживается начальный период широкой замены одного металла (бронзы) другим (железом), т. е. регистрируются те же явления, какие протекали в раннежелезном веке и на других территориях Европы и Азии.

Так, А. И. Тереножкин установил этот момент по ряду находок железных клинков кинжалов и мечей с бронзовыми рукоятями в районах Среднего Поднепровья,

---

[160] Там же, стр. 25, рис. 22, № 3.

[161] P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit in unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 57, табл. IX, 3 ряд.

[162] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел... «Труды секции археологии РАНИОН», вып. V, М., 1930, стр. 72.

[163] В. В. Бобин. Могильник и поселение... «Труды Крымского мед. института», т. XIX. Симферополь, 1958, стр. 155, рис. 12.

[164] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М. 1957, стр. 114.

справедливо объясняя его взаимосвязями с гальштатской культурой Западной Европы [165]. Такой же переходный момент прослежен и в Сибири [166].

К местной серии интересующих нас предметов принадлежат:

1. Кинжал из могилы № 5, вскрытой В. И. Долбежевым в 1898 г. у сел. Кескем [167]. Он имеет бронзовую литую рукоять, в виде круглого массивного стержня с грибообразным навершием и плоским перекрестием в виде угловатых крыльев бабочки со сквозными отверстиями на концах.

2—3. Два таких же кинжала хранятся в Нальчикском музее. Один, из сел. Хабаз, имеет парные отверстия на перекрестье. Другой их не имеет. Найден он якобы в горном районе [168] (на Баксане), вместе с бронзовым втоком от кинжальных ножен, бронзовыми удилами архаического типа и бронзовыми двухлопастными наконечниками стрел с шипами. Железные клинки обломаны (табл. XXXV, рис. 4).

4—5. Два абсолютно подобных же кинжала (без клинков) известны из Каменномостского могильника. Один — из грунтового погребения, поступления 1914 г.[169] и второй — как случайная находка в 1928 г. На перекрестье второго кинжала также имеются парные отверстия. Оба они хранятся в Нальчикском музее.

По сходству наверший и перекрестий, а главное по сочетанию железных клинков с бронзовыми рукоятями в эту серию следует включить и кинжалы несколько другого типа из Кабардино-Пятигорья.

9. Таков железный кинжал с бронзовой же, но уже не с круглой, а с уплощенной рукоятью из подкурганного погребения, вскрытого в 1921 г. на Каменномостском могильнике [170].

Грибообразное навершие у него тоже уплощенное. Перекрестье хотя и уже, но сохраняет те же черты, что и на предыдущих кинжалах. На опущенных его крыльях также имеются сквозные отверстия. Сама рукоять сильно покрыта окислами железа. Найден этот кинжал в могиле вместе с железным листовидным копьем, точильным бруском, бронзовой пуговкой и клювовидным перекрестьем для ремня скифского типа.

10. Прямой аналогией этой рукояти является рукоять такого же кинжала, найденного в 1947 г. Н. М. Егоровым на речке Березовке и в 1950 г. переданная им в Государственный Эрмитаж[171]. Ее отличает от каменномостской лишь циркульный орнамент (исполненный еще в литье) и перекрестье, морфологически близкое

---

[165] А. Н. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 55, рис. 4.

[166] М. П. Грязнов. Памятники Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 9, рис. 5, 1, 6.

[167] ОАК, 1898, стр. 158. Хранится в ГИМ'е.

[168] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 263.

[169] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 21, рис. 4, 1.

[170] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, рис. 4, 2.

[171] По сведениям А. А. Иессена, сообщенным им в докладе в апреле 1951 г., на Пленуме ИИМК АН СССР, посвященном экспедициям 1950 г.

предыдущим экземплярам (табл. XXXV, рис. 1). Одна бронзовая рукоять с циркульным орнаментом была найдена на Змейском могильнике в Сев. Осетии в 1959 г.

11. Последним представителем этой серии кинжалов можно считать бронзовую кинжальную рукоять, давно уже известную как случайная находка на Ананьинском могильнике Прикамья (собрание Алабина) [172] (табл. XXXV, рис. 3). Она еще более уплощена и имеет более широкое перекрестье, но покрыта теми же тремя рядами циркульного орнамента, как и рукоять из Березовки. Типологически эта рукоять наиболее близка образцам, обозначенным нами № 9 и 10; вместе с тем она служит важным источником для выяснения вопроса о древних связях Северного Кавказа с Приуральем и Прикамьем, прослеживаемых и по другим данным.

Таким образом, за исключением последнего экземпляра, подобные типы кинжалов не выходят за пределы центральной части Северного Кавказа, наглядно иллюстрируя собой все еще продолжающийся процесс превращения бронзового оружия в железное. Этот тип кинжалов сугубо местный — кабардино-пятигорский, выработавшийся еще до появления в местной среде чисто железных кинжальных клинков скифского типа — акинаков, хотя он продолжал бытовать и в более позднее время, вплоть до VI в. до н. э., если судить по комплексу из подкурганного погребения Каменномостского могильника, открытого в 1921 г. [173]

Железные наконечники копий. В нашем распоряжении их два. Оба из могилы, вскрытой Н. М. Егоровым в 1946 г. При этом один из наконечников заслуживает особого внимания. Из-за правильной изогнутости полосы лезвия он представляется скорее крюком. Какое-либо орудие труда, скажем, скобель для обработки дерева, в нем предполагать трудно (табл. XII, рис. 4, 5). Для этого не нужна была бы столь длинная втулка, да еще насаженная на деревянную рукоять, о чем свидетельствует отверстие для скрепления. Можно было бы предполагать, что повреждение оружия производилось в культовых целях, по совершении погребения, но тогда это явление должно было бы быть массовым. А этого как раз и не наблюдается. Больше того, в одной могиле оказываются положенными рядом у правой руки «крюк» и неповрежденное копье, что указывает на то, что оба орудия являлись, очевидно, оружием. Не являлся ли он орудием для стаскивания неприятеля с седла? Для этого он вполне пригоден. И длина втулки в этом случае вполне оправдана. Она рассчитана на прочность и растяжку. Любопытно, что подобные крюки встречены и в других пунктах Северного Кавказа того же приблизительно времени. Почти такое же изогнутое железное копье известно из могилы, вскрытой Д. Я. Самоквасовым в 1882 г. у колонии Каррас[174], а в наше время найдено Н. И. Штанько в грунтовом погребении № 3 на новом могильнике в сел. Луговое ЧИАССР и нами в 1952 г., в могиле № 11 [175]. Эти факты подкрепляют предположение, что данный предмет действительно мог служить целям нападения, в качестве крюка для стаскивания всадника с седла.

---

[172] Рукоять хранится в ГИМ'е.

[173] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, рис. 4, стр. 22.

[174] Д. Я. Самоквасов. Каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. 45.

[175] Раскопки Грозненского музея краеведения в 1949 г.

Второй наконечник принадлежит к обычному типу вытянутого листовидного железного копья с реберчатым лезвием и чуть расширяющейся внизу втулкой. Подобные наконечники характерны для могильников Северного Кавказа раннескифского времени, например Верхне-Кобанского, Каррасского, Нестеровского, Каменномостского, Исти-су и многих других [176], а особенно их много оказалось в Луговом могильнике. Там они даже разнотипны.

Их много и в закавказских комплексах. Известны они как в Азербайджане [177], так и в Грузии [178] и в Армении. Весьма вероятно, что в богатом не только медью, но и железом Закавказье они появились раньше и только в раннескифский период в связи с оживлением сношений с Закавказьем получили более широкое распространение на нашем юго-востоке, в частности на Северном Кавказе. Во всяком случае, более раннее и более широкое использование железного оружия в Закавказье делает такое предположение вполне вероятным.

Самый тип наконечника копья (узко-листовидный) был известен в бронзе Кавказа с еще более раннего этапа местной истории. Таковы бронзовые листовидные наконечники копий из сел. Тли (Грузия), из Кумбултского могильника Верхняя Рутха (Северная Осетия) и других мест. Так что в местном происхождении самих типов железных втульчатых наконечников копий сомневаться не приходится.

Железные серповидные ножи с утолщенной спинкой. На Березовском могильнике они встречены в могилах № 3 и 8. Эти орудия труда вообще атипичны, ибо, начиная с VII в. до н. э., они получают очень широкое распространение почти во всех культурах эпохи раннего железа средней и южной зон нашей страны, таких, как скифская, дьяковская и др. В этом отношении культуры Северного и южного Кавказа этой поры не составляют исключения. И здесь местное происхождение серповидных ножей от более ранних бронзовых серповидных копий вполне вероятно.

Каменные точильные бруски или оселки, встреченные в Березовском комплексе № 8 и в Егоровском комплексе 1946 г., также довольно обычны в памятниках раннескифского времени нашего юга и Кавказа. Появившись еще в предшествующую эпоху, в раннескифское время они становятся почти обязательной принадлежностью мужских захоронений, особенно содержащих уже железные скифские короткие мечи — акинаки. Их прямая связь с акинаками установлена в ряде случаев, например, на Краснодарской каменной статуе война [179], в Нестеровском могильнике (могила № 53), на Луговом могильнике и в других памятниках. Типологически они неоднородны. В сечении они — круглые, овальные, прямоугольно-плоские и других форм. Но все имеют на одном конце отверстие для подвешивания к поясу и служат одной цели. В Березовских комплексах точильные бруски представлены тремя типами: прямоугольным, плоским и круглым в сечении.

---

[176] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 21, рис. 4, 3.

[177] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, табл. V, № 2, 3, 6.

[178] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. XVI, XXXV.

[179] А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, VII, 1941, стр. 21, рис. 4; Б. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 66, рис. 28.

Заканчивая обзор оружия из Березовского могильника, нельзя не упомянуть еще о трех типах вооружения этой группы племен Северного Кавказа в раннежелезном веке: о железном *топоре-клевце* из Перкальского могильника, о *железном мече* савроматского типа из Минераловодского могильника [180], о *топоре-секире* из могильника у колонии Каррас близ Пятигорска, по раскопкам Д. Я. Самоквасова 1882 г. [181], и о новом интересном комплексе оружия из могильника на мебельной фабрике в Кисловодске, рис. *21,4* (табл. XXXVI, рис. 1, 4, табл. XXXVII).

Как известно, клевцы совсем не характерны для древнего Кавказа и перкальской находке невозможно подобрать аналогий, кроме как из памятников Прикамья [182] или Южной Сибири [183]. Топорику-секире из Каррасской могилы № 8 вполне соответствуют такие же железные топоры-секиры из Лугового могильника VI—V вв. до н. э. в Чечено-Ингушской АССР [184] и бронзовая секира из синдской могилы конца VII — начала VI в. до н. э. на Таманском полуострове у Цукурского лимана [185] (табл. XXXVI, рис. 1—5).

Наконец, железный массивный акинак с валикообразным навершием и с костяным наконечником-втоком, орнаментированным в савроматском зверином стиле из Минераловодского могильника очень близок богатому акинаку из Луговского могильника ананьинской культуры Прикамья [186].

Все приведенные параллели особенно важны и для датировки местных памятников и для установления древних связей Северного Кавказа со столь отдаленными районами.

Этим мы закончим рассмотрение предметов, связанных с оружием и военной техникой, и перейдем к анализу украшений.

Прежде всего следует отметить, что почти все бронзовые украшения, найденные в Березовских могилах, весьма характерны для женских погребений кобанской культуры Северного Кавказа. Таковы шейные гривны, браслеты, накоснпки, бляхи, полусферические пуговицы и прочие украшения.

Бронзовые шейные гривны. Все они приблизительно одинаковых размеров, с внутренними диаметрами, не превышающими 12—14 см. Все они одного типа — сделаны из толстого прута с утончающимися иногда расплюснутыми концами, свернутыми в спираль (табл. XXXIII). Разнятся же они между собою формой поперечного сечения прута и орнаментацией. Только одна массивная толстопроволочная

---

[180] Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 58, рис. 20, 1,3.

[181] Д. Я. Самоквасов. Каталог коллекции древностей, стр. 127.

[182] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 3, 1952, стр. 104, табл. XXII.

[183] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, стр. 141.

[184] Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 104, рис. 6.

[185] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 30, рис. 13.

[186] А. В. Збруева. К датировке акинака из Луковского могильника. КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 142—145, рис. 76.

гривна (из могилы № 3) имеет сплюснутые, но не завернутые и не сходящиеся концы, напоминая собою браслет. Такая же гривна вошла в кобанский могильный комплекс, исследованный Г. Д. Филимоновым в 1877 г., вместе с бронзовым сосудом с ручкой италийского типа. Комплекс датируется II в. до н. э.[167] Разумеется, сама гривна более древняя.

Другие гривны, хотя и редко, но также представлены в инвентаре древнего Кобана [188], причем, как указывает П. С. Уварова [189], ее наблюдения и опыт исследования кобанских могил Антоновичем, Ольшевским и другими не подтвердили утверждений Э. Шантра о том, что массовые гривны составляли принадлежность только мужских могил. По-видимому, действительно, кобанские бронзовые шейные гривны являлись и мужскими и женскими украшениями.

В Березовском могильнике в могиле № 2 гривна с витым стержнем также найдена с сердоликовыми бусами, что укрепляет мнение о наличии женского захоронения в этой могиле.

Наиболее ранними типами гривен Кобана являются гривны из толстого массивного прута, украшенные тонкой насечкой в елочку — орнамента, характерного для древнего этапа развития кобанской бронзы.

Витой стержень, как справедливо предполагала и П. С. Уварова, появился в более поздний период и в ранних комплексах он не встречался [190]. Как пример сравнительно поздней даты этого типа гривен с витым стержнем можно указать погребение № 28 на Нестеровском могильнике, относимом к рубежу VI—V вв. до н. э.

Бронзовые браслеты. На Березовском могильнике встречено два типа браслетов. Тип I — обычный для древнего Кобана — массивный, с продольным ребром и спиральными концами. Он составляет характерную черту кобанской культуры, причем раннего этапа ее развития [191], а если изредка и встречается в более поздних комплексах, как на Березовском могильнике, то только в качестве пережитка.

Другого типа браслет из могилы № 3— из гладкого массивного прута с несходящимися и утончающимися концами. Этот тип уже обычен в могильниках Северного Кавказа раннескифского времени, например в Нестеровском, Верхняя Рутха, Каррасском и других [192].

Другие мелкие бронзовые украшения — принадлежности платья и головного убора,— встреченные в Березовских могилах: накосники в виде трубочек, полусферические бляшки с четырьмя отверстиями для прикрепления к одежде и маленькие полушарные пуговки с перекладиной, не составляют исключения из группы предме-

---

[167] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 84, табл. XLIV, 1; Протоколы заседаний по устройству антропологич. выставки, № 20, М., 1878, стр. 29.

[188] П. С. Уварова Могильники..., табл. XXX, 3.

[189] Там же, стр. 56.

[190] Там же, стр. 57.

[191] Там же, стр. 57, табл. XXX, 4 и 5.

[192] Там же, стр. 57, табл. XXXIII, 5 и 6; Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. «Тр. ГИМ», вып. XII, 1940, табл. V, № 1; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Тр. ГИМ», вып. XVII, 1947, стр. 28, рис. 24—33.

тов, сопоставляемых с материалами кобанской культуры второго этапа ее развития[193]. Они довольно обычны в северо-кавказских комплексах, содержащих элементы раннескифской культуры, каковы, например, инвентари Нестеровского могильника [194].

Нам следует остановиться еще на раковинах, также служивших украшениями, встреченных в березовских каменных ящиках. Раковины — двух видов; оба хорошо представлены в могиле № 1.

Тип I это — каури (Cyprea moneta). Раковины эти явно привозные, так как родиной их обычно считается побережье Индийского океана, а по последним данным и весь бассейн Индийского океана. Нахождение их в столь отдаленных областях от пунктов их естественного распространения оказывает помощь в установлении фактов древних связей и обмена между далекими районами Индии или Аравии и Кавказа. В памятниках нашего юга раковины каури в массовых количествах начинают встречаться не раньше начала I тысячелетия до н. э. Почти такая же картина наблюдается как на северном, так и на южном Кавказе. Ранние комплексы кобанской культуры их еще не содержат. А в таких могильниках, связанных с той же культурой, как Моздокский, Кескемский, Нестеровский, Каменномостский, Каррасский и другие, они уже обычны. В более же ранее время преобладали сердоликовые бусы.

Очень возможно, что распространение на нашем юге раковин каури в качестве бус находится в прямой зависимости от исторических событий, имевших место в первой половине I тысячелетия до н. э. в Передней Азии, когда было нарушено направление традиционных связей Древнего Востока с Кавказом.

По Г. Г. Лемлейну [195], именно на этот период падает время прекращения притока на Кавказ сердоликовых бус из Передней Азии, и источниками снабжения Кавказа украшениями оказываются городские центры Причерноморья, которые с VII—VI вв. до н. э. стали основными поставщиками пастовых и стеклянных бус для всего нашего юго-востока, в частности для Кавказа. Возможно, что и раковины каури стали поступать на Северный Кавказ через средиземноморские пункты, связанные с причерноморскими колониями.

Иное следует сказать о другом виде раковин березовской могилы № 1, в которой их встречено более 200 экземпляров. Это — раковины Biluminus sp.[196] Они безусловно местного происхождения и имеются на Кавказе в ископаемом состоянии. Известны также случаи, когда подобная раковина служила моделью для отливки серьги или височного украшения. Об этом можно судить по половинке глиняной формочки для отливки головного украшения, найденной нами в 1938 г. в верхнем слое Алхастинского поселения Грозненской области [197]. Правда, литой такой серьги мы пока не знаем, но бронзовые височные привески из туго витой проволоки, внешне

[193] П. С. Уварова. Могильники..., стр. 68.

[194] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья, стр. 179, табл. V, № 8.

[195] Г. Г. Лемлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 29, 30.

[196] По определению геологов МГУ.

[197] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья, стр. 170, табл. IV, рис. 1—2.

сходные с раковиной Biluminus sp., известны из гробницы № 2 Каррасского могильника [198], и из могил Нестеровского [199], Усть-Лабинского [200], Исти-су [201], Лугового и других могильников Северного Кавказа раннескифского времени.

Датировка и историко-культурная характеристика Березовского могильника

При определении времени существования Березовского могильного поля следует учитывать многие моменты. Как уже говорилось, могильные сооружения и черты погребального обряда (скорченные погребения в каменных ящиках) роднят Березовский могильник с наиболее ранними погребениями кобанских могильников, где, однако, ящики удлиненно-прямоугольные, тогда как на Березовском они ближе к квадратной форме. Последней чертой Березовский могильник гораздо ближе стоит к могильным сооружениям Каменномостского и Кисловодского могильников, могильника под г. Бык и других могильников Кабардино-Пятигорья. С кругом этих памятников он сближается и по керамике, которой отличается от кобанских могильников Северной Осетии.

Ряд других показателей, содержавшихся в могильном инвентаре, таких, как бронзовые кобанские браслеты с рубчатой поверхностью, шейные гривны ранних форм, бронзовое тесло древней формы и керамика с архаическим нарезным орнаментом, на первый взгляд еще больше сближают березовские находки с раннекобанскими.

Подобные архаические черты содержатся и в других аналогичных могильниках, например в Каменномостском и Кисловодском. Эти черты позволили С. Н. Замятнину при первой публикации материала из Кисловодского могильника отнести его к X—IX вв. до н. э., безоговорочно сопоставив с ранним Кобанским могильником [202].

Но мы должны учитывать и другие, более важные для датировки признаки, содержащиеся в материале всех этих могильников. По поводу прочих могильников речь об этом была в другой нашей работе [203]; в Березовском же могильнике мы так же не можем не принять во внимание предметов, понижающих датировку могильника: это, прежде всего, бронзовый трехперый наконечник стрелы скифского типа, найденный Н. М. Егоровым; его ни в коем случае нельзя отнести ко времени древнее конца VI, а может быть даже начала V в. Он очень схож с типом наконечника стре-

---

[198] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 124.

[199] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, стр. 28, рис. 24, № 27.

[200] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 163, рис. 2, № 3.

[201] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, вып. XIV, 1950, стр. 20 сл.

[202] С. Н. Замятнин. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске, стр. 235.

[203] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году, стр. 272.

лы V в. до н. э. по Рау [204]. Нужно вспомнить, что и в одной из могил Кисловодского могильника В. В. Бобиным также был найден бронзовый трехперый втульчатый наконечник скифской стрелы не древнее VI в. до н. э.[205]

Бронзовые с витым стержнем шейные гривны, бронзовые накосники, полусферические бляшки и пуговицы, железный кинжал с бронзовой рукоятью и, наконец, уже чисто железные орудия труда и оружие — серповидные ножи и наконечники копий, обнаруженные в Березовских могилах,— находят себе прямые аналогии в могильных инвентарях Моздокского, Кисловодского, Каменномостского, Каррасского, Нестеровского и других могильников Северного Кавказа, имеющих родство с кобанской культурой, но уже второго этапа ее развития, осложненного проникновением степных доскифских и раннескифских элементов.

Существенными для датировки являются все вышеперечисленные предметы, главным же образом бронзовые наконечники стрел. Мы уже указывали на аналогии стрелам — площикам в Нестеровском могильнике. Близкий тип плоских стрел из сел. Нули в усадьбе Чаатани (Южная Осетия) Б. А. Куфтин датирует VII в. до н. э.[206] В основном на это же время падает и массовое распространение железных предметов на Северном Кавказе.

Все эти обстоятельства обесценивают хронологическое значение архаических черт, наблюдаемых в Березовском могильнике и заставляют определять, учитывая находки трехперого наконечника стрелы и других поздних предметов, время использования этого пункта для могильника как VII—VI вв. до н. э., а не только VII в., как датирует его А. А. Иессен [207], как, очевидно, следует датировать и Каррасский могильник под Пятигорском, если даже не веком позднее.

Нам представляется, что Березовский могильник являлся погребальным полем, принадлежавшим сравнительно небольшому поселку, где проживали представители нескольких родов, и среди населения которого наблюдалось заметное имущественное расслоение. При единообразии погребального обряда и существенных различиях в могильном инвентаре отдельных погребений (бедные и богатые, как, скажем, в Каменномостском могильнике и др.), это становится очевидным.

Кроме того, изучение Березовского материала, при сопоставлении его с типологически близкими археологическими данными и вообще с памятниками кобанской культуры других районов центральной части Северного Кавказа, позволяет сделать ряд заключений.

Во-первых, можно признать с несомненностью, что могильный инвентарь Березовского могильника отражает затянувшийся на Северном Кавказе процесс перехода от бронзы к железу. Это явление, наблюдаемое, одновременно и в Закавказье, очевидно, находится в прямой зависимости не столько от трудности овладения техникой

---

[204] P. Rau. Die Gräber der Frühen Eisenzeit in unteren Volgagebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 97, т. IX.

[205] В. В. Бобин. Могильник и поселение..., «Тр. Крымского мед. института», т. XIX. Симферополь, 1958, стр. 155.

[206] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 48, табл. XXXV.

[207] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., МИА, 23, 1951, стр. 107.

массового производства железа (с которой население Кавказа было давно знакомо), сколько от традиционного и более легкого использования богатых медно-рудных месторождений, что наблюдалось на Кавказе и позднее, вплоть до раннего средневековья.

Время захоронения на Березовском могильнике представителей некоей родоплеменной группы должно быть отнесено, как сказано, не ранее чем к VII—VI вв. до н. э. При очевидной связи Березовского материала с кобанской культурой Северного Кавказа эта столь, казалось бы, поздняя датировка лишний раз подчеркивает неправомерность отнесения кобанской культуры чуть ли не к эпохе средней бронзы и датирования ее концом II тысячелетия до н. э. (XIII—XI вв. до н. э. Г. К. Ниорадзе, С. И. Макалатия и др.).

По нашему глубокому убеждению, самые ранние комплексы кобанской культуры характеризуют уже переходный период от бронзы к железу. Основное же развитие этой замечательной культуры Северного Кавказа падает на первую половину I тысячелетия до н.э. и по существу характеризует ранний железный век на Северном Кавказе.

При наличии ряда общих черт с типично кобанскими памятниками (особенно проявляющихся в бронзе, в частности в украшениях) березовские комплексы, равно как и другие памятники Кабардино-Пятигорья, содержат специфические особенности, присущие только памятникам этого района. Они заставляют видеть в них местный, именно западный вариант кобанской культуры.

Перечисленные памятники позволяют допустить их принадлежность к довольно значительной племенной группе, хотя и родственной этнически и культурно населению восточной части Центрального Кавказа, но имеющей и свои локальные особенности. Характерными представителями этой западной группы памятников являются: Каменномостский, Кисловодский, Березовский и другие могильники Кабардино-Пятигорья.

Б. ЦЕНТРАЛЬНАЯ (СЕВЕРО-ОСЕТИНСКАЯ ГРУППА)

Вторая, притом наиболее важная группа памятников интересующей нас культуры расположена преимущественно в нагорных районах Северной Осетии и частично в Юго-Осетии (Грузинская ССР). Она представлена наиболее ранними памятниками кобанской культуры и археологическими объектами скифского времени. Для выяснения вопросов происхождения и поэтапного развития кобанской культуры эта группа особенно важна. По своему промежуточному положению между западной (Кабардино-Пятигорской) группой и восточной (о которой речь будет дальше) эта группа названа центральной (или Северо-Осетинской). Собственно, эту группу выделила уже в послевоенные годы Е. П. Алексеева, справедливо углядев в ней центрально-кавказский вариант кобанской культуры. Но Е. П. Алексеева подвергла изучению лишь поздние памятники скифского времени [208].

В основу определения центральной группы положены те же признаки, по которым выделена западная группа, т. е. типы могильных сооружений, особенности по-

[208] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 191.

гребального обряда и могильный инвентарь — раньше всего керамика. Типичным погребальным сооружением центральной группы кобанской культуры является вытянутый прямоугольный каменный ящик, сложенный из нескольких довольно тонких плит местного камня (от 4 до 10 см). Наиболее обычными образцами погребальных сооружений этого района можно считать каменные ящики у сел. Верхний Кобан, ставшие широко известными еще по первым публикациям кобанского могильника. Их размеры в длину в среднем не менее 1,2 м и в ширину 0,7 м. Толщина плит местного песчаника не превышает 1,1—0,15 м. Каменный ящик, вскрытый нами в самом селении Верхний Кобан в 1937 г. (на территории рабочего поселка Гизельдон ГЭС) и содержавший скорченный костяк с кобанским горшком, имел в длину 1,5 м и в ширину около 0,8 м.

Как видим, сами пропорции каменных ящиков этой группы могильников кобанской культуры совсем иные, чем в Кабардино-Пятигорье, где гробницы были почти квадратные.

Однако в эту же группу входит и несколько могильников с идентичным инвентарем, но с различными погребальными обрядами — подкурганными захоронениями и грунтовыми погребениями без всяких признаков каменных ящиков. Таковы, например, курганы у сел. Чикола или грунтовые могилы близ сел. Советское (б. Кашкатау), почти на границе Северной Осетии и Кабардино-Балкарии.

Само местоположение этих объектов в северных пределах центральной группы, почти на границе с другими группами, заставляет рассматривать эти различия как вполне естественные включения чуждых этнографических признаков, присущих одним племенным группам, в другие ареалы. Самый же факт местонахождения в окрестностях сел. Верхний Кобан могильника с позднекобанским инвентарем не в каменных ящиках, а в колодцах, обложенных булыжником, особенно знаменателен, как показатель нового этапа в развитии кобанской культуры, хорошо представленного в восточном варианте этой культуры. Это же явление прослежено Б. В. Теховым при раскопках могильника у сел. Тли.

Забегая несколько вперед, следует сказать, что второй этап развития кобанской культуры лучше прослеживается по памятникам восточной группы; это, очевидно, находится в зависимости от вероятного колонизационного потока древних кобанских племен в восточные районы Северного Кавказа (о чем речь будет ниже), а в связи с этим и самые факты возникновения на исконной кобанской территории памятников с другими погребальными чертами оказываются вдвойне важными, ибо они раньше всего отражают происшедшие изменения в состоянии местного общества и его идеологии. Кроме того, они знаменуют начало другой хронологической ступени в развитии самой материальной культуры кобанского общества [209].

Этим самым прослеживается непрерывность исторического развития на основной для нас территории центрального района Кобанской культуры.

Какие же могильные памятники расположены в этом районе?

Начнем обзор этих памятников с западных районов Северной Осетии, примыкающих к Кабардино-Балкарской АССР (рис. 26).

---

[209] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура..., стр. 193.

1. Грунтовой могильник в урочище Закуты близ сел. Советское (б. Кашкатау) на территории Кабардино-Балкарии. Значительный, но плохо паспортизованный материал из этого могильника, добытый при дорожных работах в 1930—1937 гг., находится в Нальчикском музее. Научно исследовался экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР, Государственного Исторического музея и местным научно-исследовательским институтом в 1948 г.[210] Можно согласиться с тем, что включение могильника в эту группу спорно. Он может рассматриваться как результат отпочкования какой-то племенной группы восточного района, но знаменует собою процесс продвижения исконно кобанской группы на новом историческом этапе к северо-западу. Принадлежность этого могильника, судя по могильному инвентарю, к позднекобанской культуре несомненна.

2. Курганная группа в окрестностях сел. Чикола на р. Урух. Обильные материалы из разрушенных курганов, в виде бронзовых, железных и керамических изделий позднекобанского и скифского типов, добыты во время земляных работ при сооружении Дигорского канала[211]. Ряд косвенных данных указывает на то, что вещи происходят из курганов, грунтовых могильников и даже поселений, разрушенных в процессе рытья канала.

3. Могильник, содержащий каменные ящики и грунтовые погребения, называемый Верхняя Рутха близ сел. Кумбулта (Дигория). В литературе ошибочно известен более под названием в действительности несуществующего могильника Нижняя Рутха[212]. Исследовался экспедицией ГИМ и Северо-осетинского музея краеведения в 1938—40 гг.[213] В дальнейшем будет приведено подробное изложение последнего опыта раскопок этого интереснейшего могильника, лучше всего представляющего центральную группу памятников кобанской культуры по новым материалам.

3-а. Такой же могильник в окрестностях сел. Донифарс, известный по материалам дореволюционных лет[214]. Коллекция хранится в Историческом музее.

4. Могильник, вошедший в литературу под названием Фаскау[215], что значит край села. Могильник расположен на левом берегу речки Коми-Дон, почти напротив сел. Галиат. Самого селения Фаскау в природе не существует. Проверочные раскопки на этом многослойном могильнике были произведены нами в 1935 г.[216] Судя по остаткам разрушенных могил, погребения совершались в каменных ящиках (табл. II).

---

[210] Подробное описание материала и результатов раскопок могильника Закуты дано нами в «Ученых записках КНИИ», т. V, 1950, ср. 231—242.

[211] Вещи хранятся в Северо-Осетинском Республиканском музее краеведения в г. Орджоникидзе, к сожалению, также без точной паспортизации.

[212] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 246.

[213] Е. И. Крупнов. Северо-Кавказская археологическая экспедиция (1940). КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 99; его же. Из результатов Северо-Кавказской археологической экспедиции ГИМ, 1937—1938 гг. ВДИ, 1939, № 1, стр. 264.

[214] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 204.

[215] Там же, стр. 271.

[216] Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ в Северной Осетии в 1955 г. «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 130—168; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951.

5. Могильник в окрестностях сел. Камунта, откуда происходит чудесная бронзовая фигура оленя и другие вещи [217]. Достаточных данных для суждения об этом могильнике нет.

6. Грунтовой могильник в окрестностях станицы Архонской, содержавший бронзовые украшения позднекобанского типа (бронзовые фибулы, браслеты и другие украшения). По словам бывшего директора Северо-Осетинского музея т. Дзугаева, вещи были собраны колхозниками во время земляных работ в 30-х годах. Часть вещей находится в музее г. Орджоникидзе.

7. Могильник из каменных ящиков близ сел. Нижний Кобан, очевидно, хищнически раскопанный еще в дореволюционные годы. Из него происходит целая серия типичных образцов кобанской культуры в коллекции Государственного Исторического музея.

8. Основной могильник из каменных ящиков в окрестностях сел. Верхний Кобан, по названию которого выделена самостоятельная кобанская культура (табл. I). Этот громадный могильник дал весьма большое количество погребений и могильного инвентаря, относящегося к значительному промежутку времени. Судя по разысканиям Е. П. Алексеевой, изложенным в ее работе, посвященной позднекобанской культуре центрального Кавказа [218], он идентичен тому так называемому Западному кладбищу близ сел. Верхний Кобан, которое исследовалось В. И. Долбежевым [219].

9. Другой основной могильник близ сел. Верхний Кобан, состоящий из каменных ящиков и так называемых могил-колодцев. Та же Е. П. Алексеева убедительно сопоставила и отождествила этот могильник с так называемым Северным кладбищем, которое открыл и исследовал В. И. Долбежев в том же 1891 г.

10. Могильник в районе сел. Корца (в ущелье р. Корца), состоящий из гробниц, покрытых плитами и «овальных ям, выложенных булыжником». Исследовался П. С. Уваровой [220] и В. И. Долбежевым [221]. Е. П. Алексеева весь могильник Корца относит ко второму периоду позднекобанской культуры [222]. В действительности же наличие в коллекции Исторического музея акинаков, копий, пряжек скифского типа допускает в этом могильнике и более ранние погребальные комплексы, а именно раннескифского времени.

11. Могильник близ сел. Архон в Нардском ущелье. О могильнике можно судить по выразительным бронзовым вещам, вымытым «весенним потоком с северного склона» [223]. Вещи хранятся в Государственном Историческом музее и характеризуют позднекобанский этап местной культуры скифского времени.

12. Могильник в окрестностях сел. Инал, в Алагирском ущелье, где, по словам В. И. Долбежева [224], бронзовые «предметы выпахиваются часто». Е. П. Алексеева,

---

[217] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 293.

[218] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13, 1949, стр. 198.

[219] ОАК, 1891, стр. 121.

[220] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 176.

[221] ОАК, 1892, стр. 86.

[222] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура..., стр. 216.

[223] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 334.

[224] ОАК, 1893, стр. 33.

типологически разбирая небольшую коллекцию из этого могильника, справедливо признает наличие здесь разновременного кобанского материала [225].

13. Могильник Царца близ сел. Чми, на левом берегу Терека, напротив Джераховского ущелья на Военно-Грузинской дороге. Исследовался давно и бессистемно. После контрольных раскопок А. П. Круглова [226] в 1934 г. в местности Царца, ему удалось исправить заблуждение А. А. Бобринского и В. И. Долбежева и установить наличие здесь разрушенного разновременного могильника. Е. П. Алексеева правильно выделила здесь погребальный слой кобанской культуры [227].

14. Могильник у сел. Тли, на южном склоне Кавказского хребта, в Юго-Осетии. Исследовался В. И. Долбежевым [228], а в последнее время Б. В. Теховым [229]. Однородный могильный инвентарь кобанского облика был найден в каменных ящиках, в грунтовых могилах, обложенных булыжником, и в грубо сложенных сооружениях из плитняка, в которых Б. В. Техов усматривает древнейший прототип горских надземных склепов. Встречались индивидуальные и коллективные погребения.

15. Знаменитый так называемый Казбекский клад бронзовых вещей, обнаруженный в 1877 г. Г. Д. Филимоновым на Военно-Грузинской дороге [230]. Основная часть клада хранится в Государственном Историческом музее, другая — в музее Грузии. Он всегда привлекал большое внимание исследователей своим сложным и интересным составом. Условно включая Казбекский комплекс в этот перечень, мы завершаем им ряд погребальных памятников центральной группы кобанской культуры, главным образом потому, что по своему составу (фигуркам оленей, фибулам, цепям и пр.) он ближе всего стоит к могильникам второго этапа развития кобанской культуры. Да и не исключена возможность, что часть вещей из этого якобы клада, например, хранящаяся в Государственном музее Грузии, происходит из разрушенных могил.

Таков круг основных погребальных комплексов, входящих, по нашему мнению, в центральную группу памятников кобанской культуры. По своим специфическим особенностям эта группа лучше всего представляет так называемый центральный локальный вариант культуры Кобана.

Из предыдущего изложения читатели уже знают, что эта культура, возникшая в самом конце бронзовой эпохи на Северном Кавказе, одновременно характеризует и начало железного века. Она прошла довольно длительный период развития, на втором этапе развиваясь в контакте с культурой скифо-савроматского мира южнорусских степей. Происхождение же и оформление первого этапа развития кобанской культуры на Северном Кавказе нами показано в первой части IV главы.

---

[225] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура..., стр. 216.

[226] А. П. Круглов. Археологические работы на реке Терек. СА, т. III, 1937, стр. 245—250.

[227] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура..., стр. 213.

[228] ОАК, 1908, стр. 101; 1891, стр. 123.

[229] Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна, Сталинир, 1957, стр. 51.

[230] Г. Д. Филимонов. О доисторической культуре в Осетии. Протоколы заседаний Комиссии по устройству антропологической выставки. М., 1879, № 20, стр. 41.

Второй этап кобанской культуры довольно убедительно был выделен в диссертации Е. П. Алексеевой [231]. Поэтому в данной главе нет смысла снова прослеживать поэтапное развитие кобанской культуры и устанавливать ее периодизацию. Сообразуясь с задачами этой главы, важнее показать специфические признаки и культурные особенности группы кобанских памятников, отличной от других групп, представляющих другие локальные варианты.

Разумеется, интереснее эти признаки показывать не на старых, известных читателю памятниках, а на новых, еще не опубликованных материалах.

Одним из таких новых источников, помогающих выявлению центрального варианта кобанской культуры, является могильник, расположенный близ осетинского селения Кумбулта (в Дигории), носящий название Верхняя Рутха. Этот могильник, известный и ранее в кавказоведческой литературе, был подвергнут раскопкам археологической экспедицией Государственного Исторического музея, Института истории материальной культуры АН СССР при участии Северо-Осетинских научных учреждений в 1937, 1938 и 1940 гг. [232]

Небольшое дигорское селение Кумбулта находится, по выражению П. С. Уваровой «в поднебесной выси» в 2,5 км от не менее известного дигорского селения Донифарс, что значит «по ту сторону реки» (Уруха). На расстоянии 1 км на юго-восток от сел. Кумбулта, на самой вершине каменистого отрога, спускающегося к урочищу Мацута (место слияния р. р. Уруха и Сонгутидона) высятся развалины древнего замка. На южной стороне этого отрога со стороны Урухского ущелья, непосредственно примыкая к скале, находится некогда популярное в Дигории святилище Бахайте или Бахайтерах. Отрог имеет ряд языков, или выступающих утесов, весьма различных по размерам. На трех из этих утесов и расположены три могильника: знаменитый Кумбултский могильник и могильники Верхняя и Нижняя Рутха.

Все эти могильники в конце XIX в. в разной степени исследовались К. И. Ольшевским, В. И. Долбежевым [233] и осматривались П. С. Уваровой [234]. Но больше всего они подверглись хищническим раскопкам местных кладоискателей, таких как известный Бегизар Дзелихов, и окрестного населения. Ввиду некоторой несогласованности данных, приводимых авторами о точном наименовании и определении местоположения указанных могильников, необходимо привести все сведения о них, полученные нами от местного населения и основанные на наблюдениях за время работы экспедиции.

Весь южный склон громадного отрога, тянущегося с запада на восток, от сел. Кумбулта к Мацуте, обращенного к р. Уруху, носит местное название Хор-гон, что значит солнечная сторона. По В. И. Долбежеву только один западный могильник

---

[231] В уже упоминавшейся работе Е. П. Алексеева центральную группу не без оснований делит, в свою очередь, на западную (Дигорскую) и восточную.

[232] Е. И. Крупнов. Из результатов Северо-Кавказской археологической экспедиции ГИМ 1937—1938 гг. ВДИ, 1939, № 1, стр. 264; его же. Северо-Кавказская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 99.

[233] ОАК, 1882—1888, стр. CCCI—CCII; ОАК, 1889, стр. 58—63; ОАК,1891, стр. 122—123.

[234] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 235—253.

носит это название[235]. Самый же западный и наибольший из трех выступающих утесов, справа омываемый речкой Гибинони-доном (впадающей в Урух), занят огромным Кумбултским могильником. Он находится ближе других могильников к сел. Кумбулта (в 1 км к югу). У местных жителей он слывет под осетинским названием Царциат или Стр-Царциат, т. е. обширные древности.

Судя по изрытой площади, могильник некогда занимал территорию, равную приблизительно 30 тыс. кв. м. Всюду видны старые ямы с обвалившимися краями, забросанные камнем и поросшие травой. Ямы прямоугольные, со сторонами, равными 3×2 м и даже 5×3 м. Встречаются остатки отдельных каменных ящиков, подземных склепов, склепов-камер, сложенных из грубых плит местного камня. Подобные склепы упоминала еще П. С. Уварова[236]. На основании найденного нами на этом могильнике подъемного материала, относящегося к эпохе раннего средневековья, при учете масштаба хищнических раскопок можно думать, что именно из этого наибольшего Кумбултского могильника и происходит основная масса предметов из золота, серебра и бронзы, украшенных цветными камнями и финифтью, имеющихся в собрании Уваровой в Историческом музее с неопределенным паспортом Рутха[237].

На этом же названии Рутха, применительно к одному из Кумбултских могильников, настаивал и В. И. Долбежев. Но еще П. С. Уварова отметила, что Рутха имя собирательное, характеризующее всю местность, или скорее несколько отдельных холмов-площадок. Правильность этого заключения подтвердилась и нашими наблюдениями на месте. Оказывается Рутха — это осетинское название мельничных жерновов и прилагается к местам выборки камня, идущего для изготовления небольших мельничных жерновов здесь же на месте. А так как на южном склоне упомянутого отрога имеется несколько выходов камня, где он выбирается для жерновов, то и название это, конечно, не может быть приурочено к какому-либо одному из них. И действительно, как было установлено еще в конце XIX в., название Рутха относится к двум пунктам, или выступающим в сторону Уруха утесам.

На втором, особенно выделяющемся по склону утесе, отделенном от могильника Царциат глубокой и широкой ложбиной, к востоку от него, находится могильник, называемый Верхняя Рутха. Выше этого могильника, расположенного почти на самой оконечности утеса или языка, спускающегося к р. Уруху, находится дзуар, или святилище Бахайта. Еще восточнее, отделенный только малой впадиной, или ложбиной, находится другой малый утес, слывущий у населения под именем Нижняя Рутха. В обрывах, спускающихся к Уруху, из того и другого утесов издавна добывается камень для мельничных жерновов, которые делаются тут же. Таким образом, жернова (по осетински рутха) и дали имя открытым на утесах могильникам[238].

По ознакомлении с утесом, на котором, по уверению П. С. Уваровой, находился могильник Нижняя Рутха, относимый ею к эпохе бытования кобанской культуры, экспедицией было установлено, что поверхность его, сильно поросшая травой,

[235] ОАК, 1889, стр. 58.
[236] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 211—212.
[237] Там же, таблицы CII и CV.
[238] Более подробная характеристика могильника у сел. Кумбулта дана в моей работе: «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода». МИА, 23, 1951.

сохранила слабые следы чьей-то раскопочной деятельности. Но ни в обнажениях южного края, где берется камень, ни на поверхности утеса, никаких культурных остатков при самом внимательном осмотре экспедиция не обнаружила. При осмотре же утеса Верхняя Рутха, поверхность которого представляла собою довольно безотрадную картину, в обнажениях южного и западного склонов, где добывается материковый камень для жерновов, и на поверхности были найдены в большом количестве обломки и даже целые мелкие бронзовые предметы и керамика. Поверхность утеса, сильно изрытая прямоугольными кладоискательскими ямами, и особенности стратиграфии, которые можно было наблюдать в обрывах и срезах, не оставляли сомнения в том, что мы имеем дело с давно и хищнически перекопанным могильником. Но обилие всюду торчащих в обнажениях бронзовых предметов, главное же облик этих вещей, указывающий на иную дату, чем та, к которой относится в археологической литературе этот могильник, и заставили нас поставить раскопки на этом месте.

Как известно, с легкой руки П. С. Уваровой, могильник Верхняя Рутха, содержавший золотые вещи, украшенные гранатами, альмандинами и финифтью, прочно вошел в археологический обиход, как могильник V—VI вв. н. эры. [239] Находимый же в срезах подъемный материал, связывающийся с хорошо известными образцами кобанской культуры и даже культуры более древней, если не менял в корне уваровскую характеристику, то, во всяком случае, вносил в нее существенные коррективы.

Признавая огромную ценность новых данных, корректирующих наши представления о крупных коллекциях, хранящихся в музеях и происходящих из объектов, некогда хищнически раскопанных, мы решили отыскать на могильнике Верхняя Рутха нетронутые могилы.

Раскопками в 1935 г. на известном дигорском могильнике Фаскау у сел. Галиат, мы получили материал, который подтвердил правильность паспорта огромной коллекции, хранящейся в Государственном Историческом музее за № 21863. Эта коллекция была некогда приобретена у жителя сел. Галиат Бегизара Дзелихова и якобы собрана им на могильнике Фаскау, что принималось далеко не всеми археологами.

Да и для чисто исследовательских задач значение научно-поставленных раскопочных работ, какие были, например, организованы последующими исследователями на таких могильниках, как Кобанский, Кзыл-Ванкский, Ходжалинский и особенно Самтаврский — очевидно. Подобными соображениями и определился выбор этого объекта для постановки на нем археологических раскопок.

Общие размеры могильника невелики. По данным П. С. Уваровой, длина могильника Верхняя Рутха не превышала 69 саж., ширина — 21 саж. [240] В настоящее время, в результате усиленной выборки камня из слоя, подстилающего погребальный слой и вследствие хищнических раскопок, размеры могильника сильно сократились.

Раскопом № 1, заложенным экспедицией в северной части могильника, был обнаружен слой плотного камня на глубине менее 0,5 м. Этим была установлена северная граница могильника. Западная, восточная и южная границы хорошо отмечены

---

[239] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 239.

[240] Там же, стр. 235.

обрывами, местами выборки камня для жерновов. К моменту наших раскопок на могильнике его протяженность по слабому скату с севера на юг не превышала 40 м, а с запада на восток — 30 м.

Пробными, разведочными шурфами, заложенными в разных местах могильника, примыкающих к обрыву, еще в 1937 г. был получен весьма интересный материал, характеризующий в первую очередь разные стадии развития кобанской культуры. Материал, относящийся к эпохе раннего средневековья, встречался в единичных экземплярах и указывал только, что древнее могильное поле и в столь поздний период также использовалось местным населением.

Среди огромного количества обломков плит и камней, очевидно выброшенных из разрушенных могильных сооружений, на разной глубине в изобилии встречались различные археологические предметы: бронзовые поясные пряжки, браслеты, булавки, подвески, бусы, бронзовые и железные наконечники стрел скифского типа, серебряные серьги и височные привески. Наряду с этим, было встречено огромное количество керамики в обломках и даже несколько целых сосудов, представляющих собою классические образцы подлинно кобанской керамики.

Все эти находки и послужили поводом для организации раскопок на могильнике. Всего за три полевых сезона (1937, 1938 и 1940 гг.) была вскрыта площадь более чем в 400 кв. м, иногда на глубину до трех м.

Исследование могильника производилось путем вскрытия его площади отдельными поперечными по отношению к протяженности могильника раскопами, или траншеями, последовательно примыкавшими друг к другу. Размеры закладываемых раскопов в значительной степени определялись очертаниями самого утеса, на котором расположен могильник. Поэтому все раскопы в плане имеют форму трапеций.

Первый раскоп, ориентированный как и все последующие по странам света, был заложен на южном конце могильника. Западный край раскопа упирался в обнаженную скалу, восточный круто обрывался в результате работ подбоем, производившихся здесь ранее для добывания камня. В зависимости от рельефа, раскопы имели и различную ширину — от 2 до 4 м. Длина же раскопов варьировалась от 6 до 20 м.

Большую часть материала, добытого на могильнике Верхняя Рутха, составляют определенные комплексы предметов. По топографическим, стратиграфическим и иным условиям нахождения они рассматриваются нами как остатки отдельных могильных инвентарей некогда разрушенных и ограбленных могил.

Всего было обнаружено 20 таких комплексов, включая и один клад бронзовых вещей. Два комплекса (№ 10 и 16) по ряду признаков относятся к более древней докобанской эпохе и в данной работе не рассматриваются. Они уже опубликованы отдельно[241]. Еще один комплекс (№ 2) является остатком могильного инвентаря сарматского времени. В его состав входят две золотые монеты, представляющие собой кавказские подражания статерам Александра Македонского[242].

---

[241] Могильные комплексы № 10 и 16, опубликованные мною в МИА, 23, 1951.

[242] Е. И. Крупнов. Из результатов Северо-Кавказской экспедиции Государственного Исторического музея 1937—1938 гг. ВДИ, 1939, № 1, стр. 266.

Могильник Верхняя Рутха

К о м п л е к с № 1. Остатки могильного инвентаря первого погребения были обнаружены у юго-западного угла раскопа I, на глубине 0,40 м от уже перерытой линии горизонта. Никаких костей не обнаружено. Комплекс (табл. XXXVIII, рис. 1—8) объединял:

1. Крупный обломок бронзового широкого пластинчатого пояса, обычного для кобанских инвентарей, но без нарезного орнамента. Край пояса украшен штампованными ямками с одной стороны и выпуклинами с другой. Обломок очень плохой сохранности.

2. Три бронзовых спиральных трубочки типа накосников, витых из довольно прочной, прямоугольной в сечении пластинки. Длина их различна. Диаметр около 0,5 см. Как головные украшения они типичны для кобанских женских могил.

3. Одну бронзовую подвеску, в виде суженной, стилизованной бараньей головы с сильно закругленными рогами, направленными в разные стороны и с высокой петлей посредине. Одно из самых распространенных кобанских украшений [243].

4. Пять бусин-подвесок в виде «гусиных лапок» из светловатого металлического сплава, очевидно, из сурьмы. В верхней части все подвески имеют сквозные отверстия для подвешивания. Более чем вероятно, что они отливались, судя по линейному шву, в двусторонних формах [244].

5. Несколько обломков неопределенных бронзовых предметов.

К о м п л е к с № 2, как более поздний, опускается.

К о м п л е к с № 3. В юго-восточном углу того же раскопа, почти на глубине 0,5 м, был зачищен третий комплекс. На мергелистом материке, в одной горизонтальной плоскости, вблизи друг от друга лежали:

1. Бронзовая поясная пластинчатая пряжка кобанского типа. Она невелика и деформирована; состоит из двух половинок. Длина пряжки — 10,8 см, ширина — 2,5 см.

2. Два обломка браслетов, в поперечном сечении образующих приплюснутый полукруг.

3. Четыре бронзовых «ворворки» — части конской сбруи. Они представляют собою кубики с пересекающимися во всех направлениях сквозными втулками. Известны они еще из первых раскопок кобанского могильника [245]. Использовались в конской упряжи, в местах пересечения тонких ремней, например, на узде. Их размеры — 2 × 1,4 см.

4. Девять бронзовых височных толстопроволочных привесок, в один и полтора оборота, с утончающимися концами. Они не овальны, а почти круглы и внешне напоминают подобные же очень архаичные привески эпохи ранней и средней бронзы.

К о м п л е к с № 4. Почти посередине раскопа I, ближе к северному краю, на

---

[243] П. С. У в а р о в а. Могильники Северного Кавказа, табл. XXXV, рис. 3—5.

[244] А. П. К р у г л о в. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., МИА, 68, 1959, стр. 82.

[245] П. С. У в а р о в а. Могильники Северного Кавказа, табл. XXXVI, рис. 4.

глубине 0,8 м, обнаружено скопление предметов, объединенных в комплекс № 4. В него (табл. XXXVIII, рис. 14—18) входили:

1. Одна бронзовая толстопроволочная височная привеска (в полтора оборота) с расходящимися концами.

2. Бронзовый браслет из ложновитого толстого прута с одним загнутым концом, другой — обломан.

3. Обломок пластинчатого широкого браслета с рубчатой поверхностью обычного кобанского типа [246].

4. Одна бронзовая подвеска в виде головы рогатого животного.

5. Шесть полых конусообразных предметов из тонкой бронзы.

6. Глиняный плоскодонный сосудик из красноватой глины, сделанный от руки, но хорошего качества. Он имеет почти прямую шейку, резко выраженные округлые плечики и плоское днище. Ручка очень массивна и имеет небольшое сквозное отверстие. Его диаметр — 5,9 см, высота — 7,7 см.

7. Второй сосудик из той же глины имеет менее округлый корпус. Он тоже с одной обломанной ручкой и слабо выраженной шейкой. Его диаметр—8,3 см, высота—8,4 см.

Комплекс № 5. Севернее комплекса № 3, в северо-восточном углу раскопа был обнаружен разрушенный и полузавалившийся склеп, сложенный из брусков дикого камня и плит, без всякой скрепляющей прослойки. Этот тип погребального сооружения не столь типичен для кобанской культуры, хотя известен в кобанских могильниках, например, в сел. Тли. Нам удалось проследить только остатки и направление восточной стены склепа. Другие стены не сохранились.

На дне склепа, на глубине 1 м от поверхности, были (табл. XXXIX, рис. 1—3) найдены:

1. Бронзовый пластинчатый неширокий разомкнутый браслет со спирально закрученным концом. Другой конец обломан. Ширина пластины браслета — 1,9 см.

2. Бронзовый браслет из пластины, с выступающим ребром на внешней стороне. Браслет вывернут в обратную сторону. Концы браслета приплюснуты.

3. Бронзовая подвеска в виде очень стилизованной головы барана, с отверстием в лобной части для подвешивания. Рога украшены тройными продольными линиями. Из Кумбултского могильника подобные привески давно известны [247].

4. Бронзовая пластинчатая поясная пряжка кобанского типа.

5. Обломок навершия небольшой бронзовой кобанской булавки.

6. Два обломка бронзовых спиралей разного диаметра.

7. Обломок стержня кобанской булавки.

8. Обломок бронзового височного украшения. Размеры его — 8,9 × 0,5 см.

9. Три обломка бронзовых браслетов из прута.

Все перечисленные предметы находились на дне разрушенного склепа и могут рассматриваться как остатки некогда разграбленного погребения.

Комплекс № 6. При продолжении раскопок в западной половине раско-

---

[246] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 81, рис. 76.

[247] Там же, табл. XCIII, рис. 3,4.

па II, ближе к его середине, на глубине 0,8 м, среди обломков плит и камня разрушенного погребального сооружения были (рис. 31) найдены:

1. Бронзовый кинжал с прорезной рукоятью; клинок состоит из двух частей, промежуточная часть не сохранилась; обломан и конец клинка. Характерна рукоять: прорезная внутри, она по-видимому заполнялась деревом или пастой, которая закреплялась пятью гвоздями-заклепками, отверстия для которых сохранились. По краю рукояти, имеющей округлые очертания, идет выступающий ободок для скрепления обкладки. В верхней части кинжал украшен четырьмя поперечными рельефными линиями, клинок — двойными продольными. Конец клинка слегка искривлен. Общая длина сохранившихся частей кинжала — 26,8 см, максимальная ширина — 6,6 см. Подобные кинжалы известны из Кобанского могильника[248]. Особенности их рукоятей допускают мысль, что их местное производство могло быть связано с кинжалами так называемого переднеазиатского типа II тысячелетия до н.э.

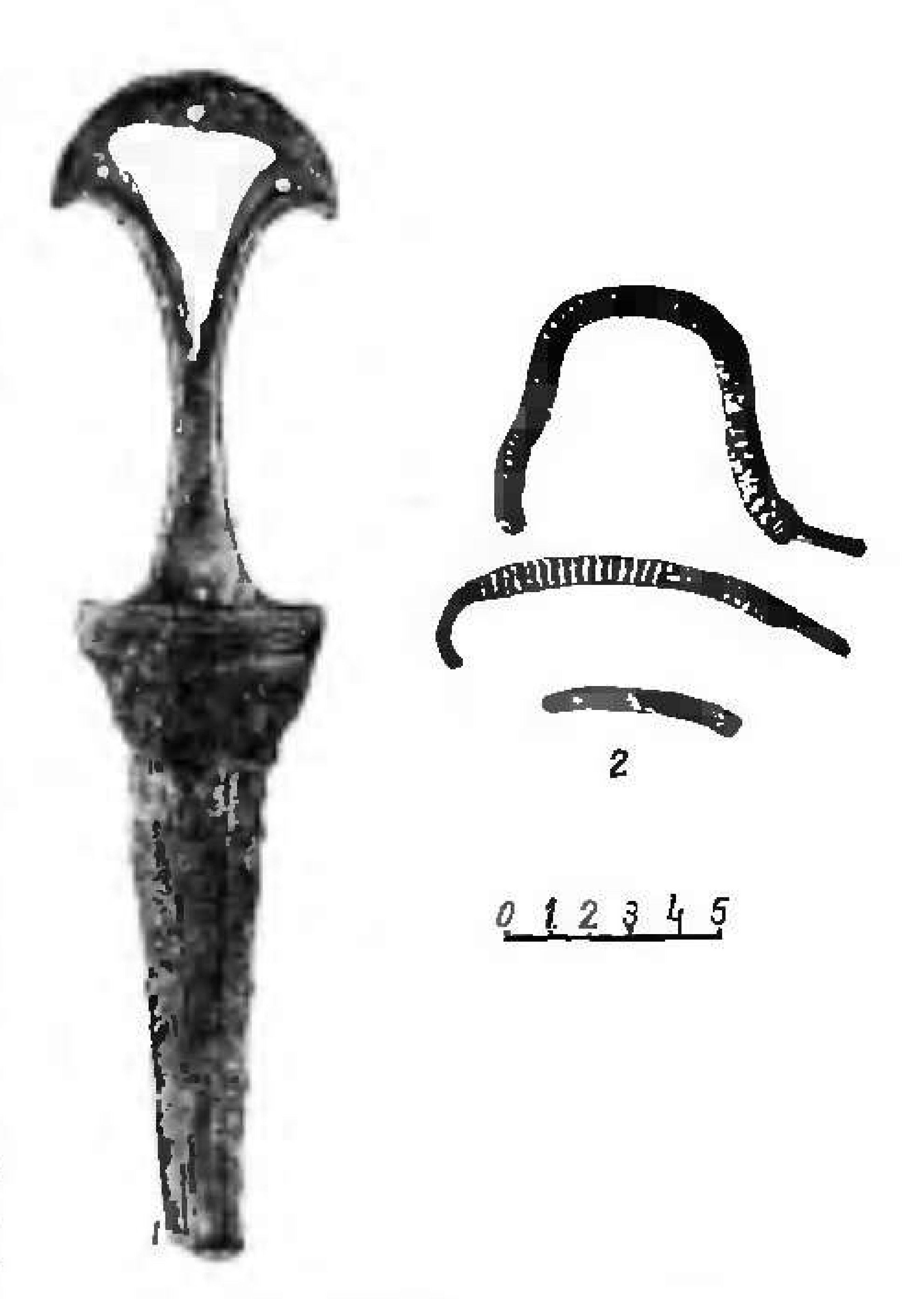

Рис. 31. Кумбултский могильник Верхняя Рутха. Комплекс № 6

1 — бронзовый кинжал; 2 — обломки бронзовой гривны

2. Обломок бронзовой гривны из круглого стержня с завитком на одном конце обычного кобанского типа.

3. Три обломка стержневой гривны, густо перевитой граневой проволокой.

4. Две бронзовые бусины в виде пластинчатых широких несходящихся колец.

Учитывая однородный характер найденных предметов и их местоположение на одном уровне и в одном месте, все перечисленные вещи были объединены в один комплекс № 6.

К о м п л е к с № 7. На восточной половине раскопа, у северной стены его, на глубине 1 м, среди брусков плит и камня были (табл. XXXIX, рис. 8, 11—13) найдены:

1. Четыре глиняных сосуда из светлой глины отличного качества. Сосуды небольшие; размер их не превышает 8,5×6 см, но каждый из них имеет некоторые отличия: а) два сосудика, по форме очень близкие, с обломанными ручками, в виде

---

[248] П. С У в а р о в а. Могильники Северного Кавказа, табл. VIII, рис. 5; табл. IX, рис. 3.

пузатых горшков, украшенных по тулову редкими и широкими каннелюрами, идущими к днищу; такие сосудики с округлыми днищами давно известны из Кумбултского могильника[249]. б) один сосудик с отломанной ручкой, с явно выраженной шейкой, плавно переходящей в низко опущенные плечики; в) один горшочек с отвернутым краем, слабой шейкой и пузатым туловищем.

Все сосуды плоскодонные. Ручки, по-видимому, выдавались над краями сосудов.

2. Бронзовая поясная пряжка. Длина — 5,9 см, ширина — 5,3 см.

3. Обломки стержня бронзовой булавки.

4. Обломок бронзовой шейной гривны из круглого прута.

5. Несколько обломков бронзовых височных подвесок, булавок и других вещей.

Комплекс № 8. У западного края раскопа II, на глубине более 1 м в одном месте обнаружены были предметы, которые по единству характерных особенностей были определены, как комплекс № 8. Он состоял из:

1. Бронзового литого браслета с одним обломанным концом в виде толстого прута. Его размеры — 6,5 см × 5,5 см.

2. Бронзовой подвески в форме головы барана.

3. Трех бронзовых обломков гривен из гладкого прута.

4. Двух трехлучевых подвесок из светлого металлического сплава, очевидно сурьмяных. На концах они имеют утолщения. В одном из концов — отверстие для продевания нитки. Они сходны с подвесками из могилы № 1.

5. Двух толстопроволочных височных привесок-колец.

6. Трех обломков бронзовых браслетов (пластинчатых).

7. Девяти обломков бронзовых спиралей-пронизей.

8. Пяти кувшинообразных бусин из металлического сплава (табл. XXXVIII, рис. 9—13).

Комплекс № 9. В северо-восточном углу раскопа III, на глубине 1,95 м от все повышающейся к северу поверхности утеса, на плотном дне разрушенного склепа, сложенного из крупных камней, собрано несколько предметов. Это — остатки разграбленного могильного инвентаря. Здесь (табл. XL) найдено:

1. Три бронзовых пластинчатых браслета овальной формы с несходящимися концами. Два из них имеют ближе сходящиеся концы, украшенные нарезными изображениями змеиных головок.

2. Одиннадцать накосников в виде легких бронзовых, слегка изогнутых трубочек, покрытых поверх легким листовым низкопробным золотом. Длина их не превышает 6 см, диаметр — 0,6 см. Почти все они деформированы. Судя по двум сохранившимся, эти трубочки были скреплены по три в ряд, если не больше. Остальные найдены поодиночке. Скреплялись они в концах специальными бронзовыми штифтиками, пропущенными через три трубочки в ряд. По всей вероятности, эти трубочки, украшенные позолотой, являлись частью богатого головного женского убора.

3. Гривна бронзовая из прута; концы оформлены в виде змеиных головок; состоит из двух обломков.

---

[249] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XCVIII, рис. 2.

4. Бронзовый браслет из ребератой пластины, изогнутый в форме буквы «Л».

5. Железный черешковый наконечник стрелы с обломанным концом.

6. Обломок бронзового стержня булавки.

7. Пять обломков бронзовых спиральных трубочек.

8. Костяное колечко в форме усеченного конуса.

Комплекс № 10. По ряду существенных признаков (керамика со шнуровым орнаментом, кремневые наконечники стрел и др.) этот комплекс относится к более раннему времени, чем весь остальной инвентарь из могильника Верхняя Рутха, и опубликован в моей работе «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода» [250].

Комплекс № 11. Почти посредине раскопа III, в условиях, аналогичных комплексу № 9, т. е. среди остатков разрушенного прямоугольного склепа, от которого лучше сохранилась лишь западная сторона, обнаружены предметы, объединенные в комплекс № 11. В него (табл. XLI) входят:

1. Два обломка бронзового ножа.

2. Бронзовый кинжальчик, вотивный, с петлей на обратной стороне. Подобные кинжальчики типичны для могильника Верхняя Рутха [251].

3. Бронзовая поясная пряжка в виде подковки с выступающей птичьей головой посредине, аналогичная опубликованной П. С. Уваровой [252].

4. Бронзовая пряжка полусферической формы с тремя петлями на обратной стороне (у основания) и крючком на вершине дуги. Такие пряжки известны и в Кобане, и в Кумбулте [253].

5. Восемнадцать бронзовых подвесок в виде животных и «рогатых» птиц с петлями для подвешивания. Они давно известны в кобанских и кумбултских коллекциях [254]. Подобные подвески в виде «птичек-барашков» и амулеты в форме трубчато-обушного топорика, происходящие из абхазских дольменов, впервые были отнесены к эпохе средней бронзы Б. А. Куфтиным [255]. Несколько подобных украшений из разрушенных погребений могильника Верхняя Рутха были ошибочно включены нами в комплекс № 16 и датированы докобанским периодом [256]. В настоящее время представляется более правильным считать эти массовые находки зооморфных привесок и «рогатых» птиц связанными с кобанской культурой I тысячелетия до н. э. Основанием для этого служит как более внимательное изучение всех вообще находок в могильниках кобанской культуры, так и обнаружение подобных подвесок в синхронных кобанским памятникам могильных комплексах Западной Грузии.

6. Восемь астрагалов овцы, просверленных посередине.

---

[250] МИА, 23, 1951, стр. 17—74.

[251] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XCIII, рис. 19 и табл. XV, 7.

[252] Там же, табл. XXXVIII, рис. 3,4.

[253] Там же, табл. XXIII, рис. 2; табл. XCII, рис. 2.

[254] Там же, табл. XXXV, рис. 2, 10, 11; табл. XV, рис. 8, 9, 14.

[255] Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 11, рис. 3.

[256] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 56, рис. 19, № 2,6.

7. Один астрагал свиньи.

8. Одна полусферическая круглая бляшка-пуговица.

9. Один обломок костяного кольца плоского с выемкой посередине.

10. Шесть обломков просверленных предметов в виде треугольников неопределенного назначения. Все они с сильно сглаженной поверхностью.

11. Глиняный круглодонный сосудик (чарка) с высокой ручкой. Украшен по тулову нарезными вертикальными и косыми линиями.

12. Два глиняных круглодонных сосудика (сильно деформированы).

Комплекс № 12. При вскрытии дополнительного раскопа IV, прирезанного с северной стороны, был обнаружен комплекс № 12.

Он состоял из компактно лежащих в юго-восточном углу раскопа IV предметов. Вещи собраны на глубине более 1 м. Это были:

1. Бронзовый литой браслет с несходящимися концами, с выступающим ребром по внешней стороне.

2—3. Два бронзовых браслета, сходные с предыдущим.

4. Бронзовая булавка с плоским навершием.

5. Два обломка бронзового браслета.

6. Бронзовое пластинчатое кольцо.

7. Два стержня бронзовых булавок.

8. Подвески из металлического сплава, близкие подвескам из погребений №№ 1 и 8.

9. Обрывки бронзовых цепей.

10. Два обломка бронзового кольца.

11. Низка бронзовых бус.

Комплекс № 13. В восточной половине раскопа IV, у южной его стенки ближе к середине, было вскрыто сильно разрушенное склепообразное сооружение. По остаткам камней, из которых некогда был сложен этот склеп, можно сказать, что он был также прямоугольный и близок остаткам склепов № 9 и 11.

На глубине 1,5 м на дне этого склепа были найдены в разбросанном состоянии:

1—2. Два бронзовых браслета из прута с расплюснутыми и несходящимися концами.

3. Один пластинчатый, орнаментированный бронзовый браслет.

4. Один круглый в сечении точильный камень.

5. Один железный серповидный нож.

6. Один бронзовый колокольчик с отверстием посредине.

7. Два обломка бронзового браслета.

8. Два обломка железного втульчатого копья.

9. Два обломка бронзы.

10. Обломок железного ножа.

11. Одна янтарная прямоугольная крупная привеска-бусина.

12. Три бараньих астрагала.

13. Низка разных бус.

Комплекс № 14. Особого внимания заслуживают два могильных сооружения в виде прямоугольников, почти квадратов в плане, сложенных из местного камня. Обнаруженные в них комплексы вещей записаны нами за № 14 и 16.

Стены склепов имеют широкие уступы внутрь, на которых, очевидно, покоилось деревянное перекрытие этих, явно коллективных могил, в виде накатника из бревен.

Одно из таких сооружений было обнаружено в западной половине раскопа IV на глубине около 2 м. Стороны склепа равны 2,5 м. Ориентирован он по сторонам света. Высота стен около 0,7—0,8 м. Толщина — более 0,5 м. Наружная часть стены состоит из вертикально поставленных камней и плитняка. Внутренняя, образуя уступ, представляет собою как бы прямоугольник из горизонтально положенных плит и камня.

К сожалению, как и во всех предыдущих случаях, здесь также не было обнаружено человеческих скелетов, а встречаемые кости человека были разбиты и разбросаны вместе с уцелевшим могильным инвентарем.

Собранные на дне этого склепа вещи составили комплекс № 14:

1. Один бронзовый нож.
2. Семь обломков стержней булавок.
3. Одна бронзовая булавка-проколка со сквозным отверстием в верхней части.
4. Бронзовый вотивный кинжальчик в обломках.
5. Один просверленный бараний астрагал.
6. Один прямоугольный просверленный костяной вток (табл. XXXIX, 4—10).
7. Один треугольный предмет из кости с отверстием посредине, аналогичный костяным предметам из погребения № 11.
8. Три бронзовых обломка.
9. Низка разных бус.

Однотипность обнаруженных в этом своеобразном могильном сооружении вещей заставляет объединить их в комплекс, характерный для кобанской культуры.

Сам же склеп как могильное сооружение для этой культуры совсем не типичен и, судя по аналогичному и лучше сохранившемуся склепу № 16 с более архаичным инвентарем, оба эти могильные сооружения— № 14 и 16 — должны быть датированы докобанской эпохой. Нахождение же в склепе № 14 кобанских вещей, мне кажется, следует рассматривать как доказательство вторичного использования более раннего склепа.

К о м п л е к с № 15. На восточном конце раскопа IV на глубине более 1 м было расчищено несколько бронзовых вещей, составивших комплекс № 15. Все найденные вещи компактно залегали на площадке в 0,5 кв. м (табл. VI).

1. Клинок бронзового кинжала с обломанным нижним концом, литой, с добавочной проковкой. Вдоль клинка резко выступает широкая срединная часть. Кинжал без рукояти, которая, по-видимому, была деревянной, прикреплявшейся пятью гвоздями; остатки их сохранились в верхней части клинка, представляющего один из самых распространенных ранних типов кобанских кинжалов [257].
2. Два обломка бронзовых спиралей от трубочек-накосников.
3. Четыре бронзовых втульчатых наконечника копий. Втулки сделаны путем ковки из толстой бронзовой пластины. Стенки втулок не сходятся. Для скрепления

[257] П. С. У в а р о в а. Могильники Северного Кавказа, табл. XII, рис. 3.

с древком копья во всех втулках имеются отверстия. Форма наконечников — узколистовидная. Размеры их различны. На всех сохранились явные следы проковки.

Комплекс № 16. Этот комплекс, подобно комплексу № 10, относится к более ранней эпохе и в данной работе не рассматривается. Он также опубликован в МИА № 23.

Комплекс № 17. В связи со случайно обнаруженным на восточном склоне утеса обломком пластинчатого бронзового пояса, был дополнительно к раскопу IV прирезан небольшой раскоп V.

На глубине более 1 м среди обломков каменных плит были найдены остатки погребального инвентаря, записанного в дневнике за № 17. Его (табл. XLII) составляли:

1. Два крупных фрагмента бронзового пластинчатого пояса, лежавших под острым углом. Продольные стороны пояса были украшены крупноточечным, вернее ямочным орнаментом. Концы имели полукруглую форму с тремя отверстиями на одном конце для прикрепления к пряжке и с одним отверстием для крючка — на другом. Пояс плохой сохранности.

2. Две бронзовые фибулы с полукруглыми витыми высокими дужками и с плоскими, вытянутыми приемниками, что обычно отличает более ранний тип кобанских фибул [258].

3. Янтарная бусина.

4. Бронзовый массивный браслет с округлыми несходящимися концами. С внешней стороны посредине браслета выступает ребро.

5. Два бараньих астрагала.

6. Прямоугольная плоская пронизь из костяной пасты, орнаментированная цилиндрическими кругами с обеих сторон.

7. Фрагментированная серебряная височная привеска из толстой проволоки.

Комплекс № 18. Во время раскопок могильника на раскопе VI (самом северном), протяженностью в 17 м и шириной в 4 м, были обнаружены многие предметы (бронзовые вещи и керамика), лежавшие довольно компактно. Они залегали на глубине 0,6 м и размещались на площади овала, диаметры которого равнялись 0,85 м и 0,65 м.

Все эти вещи также были найдены не in situ, но их с полным основанием можно считать остатками одной, не полностью ограбленной, могилы. Об этом достаточно хорошее представление дает полевой фотоснимок (рис. 32).

В состав этого комплекса (табл. XLIII) входили:

1. Семь глиняных сосудов небольших размеров разной сохранности; пять из них оказались почти целыми. Все сосуды сделаны из хорошо приготовленного теста, отличного обжига, хотя и ручной, но отличной формовки. Цвет их варьирует от темно-серого до черного. Почти все сосуды лощеные и орнаментированные, за исключением одного горшкообразного сосуда об одной ручке:

---

[258] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XXX, рис. 2.

Рис. 32. Общий вид разрушенной могилы № 18 на могильнике Верхняя Рутха близ с. Кумбулта

а) один сосудик с вытянутой и слабо выраженной шейкой, с массивной, уплощенной в сечении ручкой, дно сильно округлое, уплощенное, по плечам туловища сосуда проходит двойная линия, нанесенная узким штампом, в виде коротких поперечных штришков; от этой линии вниз к днищу в пяти местах спускаются от трех до пяти таких же продольных линий;

б) один сосудик почти таких же пропорций, но с более «пузатым» туловом; ручка еще более массивна и выдается над краем сосуда, на уровне основания ручки его опоясывает ровная глубокая линия; выше нее шейку опоясывают две линии, состоящие из мелких косых черточек; по тулову проходят тройные такие же линии в наклонном положении; по своим пропорциям сосудик очень близок подобным сосудам из Кобана и Кумбулты[259];

---

[259] Там же, табл. XLII, рис. 10; табл. CXXIX, рис. 6.

в) один сосудик таких же пропорций, но с обломанной ручкой и с туловищем, испещренным длинными, спускающимися к днищу, нарезными линиями — обычный прием орнаментации, применяемый кобанскими мастерами [260].

г) два сосудика неорнаментированных; один из них с высокой округлой ручкой, другой — с обломанной;

д) один плоскодонный сосуд в виде приземистого горшочка с хорошо выраженной невысокой шейкой и сплюснутым туловом, т. е. обычной кобанской формы [261];

е) один почти круглодонный сосудик, сходный с предыдущим, с выступающей желобчатой ручкой. С трех сторон тулова сосудик украшают парные выступы-соски.

2. Крупная бронзовая фибула с высокой гладкой дужкой, с узким вытянутым приемником, т. е. обычного раннекобанского типа [262] (табл. XLIV, *6*).

3. Маленькая проволочная бронзовая фибула с невысокой, как бы уплощенной дужкой и с деформированной иглой.

4. Две абсолютно одинаковые бронзовые шейные гривны из толстого круглого в сечении прута с уплощенными и загнутыми в спираль концами. В кобанских комплексах они обычны [263].

5. Бронзовый браслет из толстого прута с заходящими друг за друга концами.

6. Бронзовая подвеска в виде головы барана с широкой петлей для подвешивания.

7. Бронзовая бляшка ромбической формы с перекладиной с внутренней стороны, обычного кобанского типа.

8. Бронзовая пронизь в виде прямоугольной пластинки с округлыми углами и шестью поперечными отверстиями. Среди кобанских украшений они известны, например из Корца [264].

9. Подвеска из лигнита в виде головы животного с выступающими ушами и уплощенной мордой. В верхней части имеется маленькое отверстие для подвешивания.

К о м п л е к с № 19 (погребение). Еще в начале исследования могильника в 1937 г. у западной окраины перерытого могильного поля, во время разведочных раскопок, на глубине 1,65 м, среди разбросанных осколков плит и камней, было обнаружено единственное, сильно потревоженное, но почти не ограбленное погребение (рис. 33).

По зачистке выяснилось, что разбросанные и далеко не все сохранившиеся кости человеческого скелета лежали прямо в мергелистом грунте на истлевшей берестяной подстилке. Отсутствовали грудные и тазовые кости. Сохранились только кости ног и рук. В некотором расстоянии от человеческих останков и на меньшей глубине был встречен череп довольно хорошей сохранности, но без нижней челюсти. Отличительной особенностью черепа являются: выдающиеся надбровные дуги и заметно выступающая назад затылочная кость, что резко подчеркивает длинноголовость

---

260 П. С. У в а р о в а. Могильники Северного Кавказа, табл. XLI, рис. 6 и 7.

261 Там же, табл. XLI, рис. 4.

262 Там же, табл. XXXI, рис. 5,6.

263 Там же, табл. XXXIX, рис. 9, 10.

264 Там же, табл. LXXVI, рис. 17.

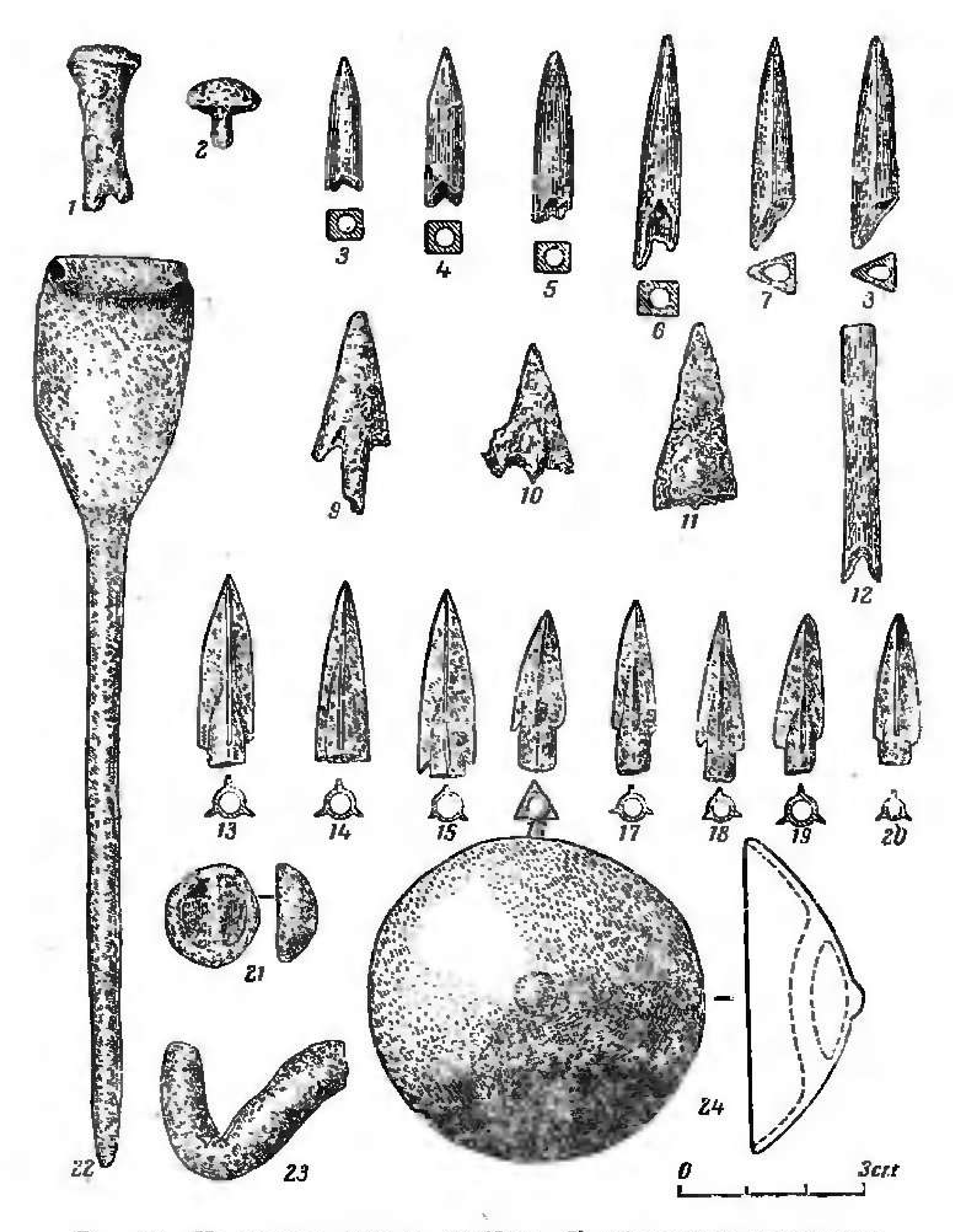

Рис. 33. Инвентарь могилы № 19 на Кумбултском могильнике Верхняя Рутха

1, 2 — обломки бронзовых булавок; *3—8* — костяные наконечники стрел; ***9—11*** — железные наконечники стрел; *12* — деревянный дротик; *13—20* — бронзовые наконечники стрел; *21* — бронзовая пуговка; *22* — бронзовая булавка; *23* — обломок предмета из сурьмы; *24* — бронзовая бляха

погребенного. По условиям местонахождения, череп предположительно может связываться с погребением № 19.

Почва, на которой покоились смещенные кости, была настолько плотной, что исключала всякое предположение о раскопках могилы в более позднее время, скажем, в конце XIX в. Очевидно, костяк был сильно сдвинут и даже частично выброшен в очень отдаленное время, при совершении других погребений и потому вещи оказались на месте; только некоторые из них несколько изменили свое первоначальное положение. По направлению костей ног и положению найденного могильного инвентаря можно было предполагать северо-западную ориентировку погребенного.

При костях последнего были (рис. 33) найдены:

1. Небольшая бронзовая булавка с узким лопатообразным навершием обычного кобанского типа [265]. Верхний край навершия завернут в трубочку.

2. Два обломка стержня от подобной же булавки.

3. Бронзовая круглая умбонообразная бляха без орнамента. На внутренней стороне, в центре, имеется петля для продевания ремня. Бляха, по-видимому, от конского убора. Она очень близка бляхе из Кобанского могильника [266].

4. Обломок изогнутого бронзового прута, трехгранного в сечении, внешне напоминающего обломок браслета.

5. Два железных втульчатых наконечника копий в обломках.

6. Один бронзовый плоский наконечник стрелы с опущенными крыльями (площик).

7. Двенадцать бронзовых наконечников стрел трехперых, втульчатых, явно скифского типа.

8. Четыре плоских железных наконечника стрел, также с опущенными крыльями (площики).

9. Несколько деревянных древков для насадки наконечников стрел. На некоторых сохранились выемчатые основания для накладки на тетиву. Формой эти концы древков были сходны с древками стрел позднего средневековья.

10. Небольшая прямоугольная деревянная коробочка-футляр, в которой находилось несколько бронзовых наконечников стрел скифского типа. Коробочка вся распалась. Возможно, она являлась частью колчана или вкладывалась в него.

Этим исчерпывается могильный инвентарь погребения № 19.

Комплекс № 20 — клад. Замечательным комплексом бронзовых предметов явился клад, обнаруженный экспедицией в 1937 г. на той же западной окраине могильника Верхняя Рутха.

При зачистке обрывов западной части могильника, на глубине 1,05 м, в небольшой ямке, вырытой в плотном грунте, был замечен один глиняный горшочек небольших размеров. Он был накрыт бронзовой поясной пряжкой кобанского типа. Внутри

---

[265] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XXVI, рис. 4; табл. XXXI, рис. 1.

[266] Там же, табл. VI, рис. 4.

сосуда оказалось девять бронзовых браслетов. Переплетаясь, браслеты были так компактно сложены, что все уместились внутри горшочка.

Это обстоятельство, помимо стратиграфических данных, подтверждает характер этой находки как клада. Это было не случайное скопление вещей, забытое во время хищнических раскопок, скажем, в конце XIX в., а именно собранный и тщательно запрятанный древний клад однородных вещей. Если бы это было позднее захоронение, несомненно в собрание вещей входили бы и многие другие предметы из могильного инвентаря.

Однородность состава, тщательное размещение в небольшом сосудике только браслетов, покрытие сосуда поясной пряжкой не оставляет сомнений в том, что мы имеем дело с преднамеренным захоронением ценных вещей.

Клад состоит из:

1. Сосуда типа горшка, но с одной крупной ручкой. Сосуд сделан от руки из грубо приготовленной глины. Обжиг хороший. Сосуд черного цвета. Поверхность слабо залощена. Он имеет широкое горло, слабо выраженную шейку и угловато-пузатый корпус. Дно плоское и широкое. Ручка слегка выступает над краем сосуда. Высота его — 9 см, диаметр горла — 8,5 см (табл. XLV, рис. 2);

2. Бронзовой пластинчатой поясной пряжки с крючком на одной стороне и рядом сквозных отверстий для цепочек с другой. Отверстий — девять; почти во всех сохранились овальные проволочные кольца. Продольные стороны пряжки имеют слабую вогнутость внутрь. Поперечные, наоборот, выгиб наружу. Пряжка не орнаментирована. Длина пряжки — 7 см, ширина — 2,5 см. (табл. XLV, рис. 1);

3. Девяти бронзовых, довольно массивных браслетов. В поперечном сечении почти все браслеты образуют приплюснутый полукруг. Все они с незамкнутыми и далеко не сходящимися концами. Но они существенно разнятся между собой как в весе, так и в орнаментации (табл. XLVI):

а) два наиболее массивных браслета с обрубленными концами, самые концы браслетов покрыты грубоватыми поперечными полосами;

б) два менее массивных браслета с концами в виде змеиных голов, очерченных довольно реалистично, вся внешняя выпуклая поверхность браслетов покрыта парным насечным орнаментом, разделенным короткими промежутками;

в) один бронзовый браслет тоже с концами в виде стилизованных змеиных головок; вся выпуклая поверхность этого браслета украшена сплошными поперечными нарезами;

г) четыре бронзовых браслета, по форме приближающихся к предыдущим, с той только разницей, что концы их еще менее воспроизводят головы змей, а внешняя поверхность покрыта не сплошь, а только в трех — четырех местах поясами поперечных насечек.

В основном же все эти браслеты однотипны и, за исключением первых двух более массивных браслетов, мало варьируют.

Средние размеры их следующие: наибольший диаметр — 4,5 см, наименьший — 3,5 см, толщина стержня браслета — 0,6—0,8 см. Все браслеты повторяют разнообразные подтипы ручных украшений древних кобанцев, известных из разных пунктов бытования позднекобанской культуры, начиная от могильника у сел. Каррас

в Пятигорье [267] и кончая Урус-Мартановским, Нестеровским и Луговым могильниками в Чечено-Ингушской АССР [268].

Перечнем двадцати комплексов археологических предметов, являющихся остатками разграбленных и разрушенных погребений, исчерпывается материал Кумбултского могильника Верхняя Рутха, имеющий гораздо большую научную ценность, чем обычный подъемный, случайный материал.

Кроме этого, в процессе раскопок могильника был добыт количественно не меньший материал, представляющий собою отдельные находки среди развороченных битых плит камня, земли, но вне могил. Этот сборный материал почти равномерно размещался по всей площади могильника и залегал на различной глубине. Связывать эти находки с каким-либо определенным комплексом мы не имеем оснований.

В группу сборного материала (табл. X, рис. 2—4) входят:

1. Крупный обломок литейной формы из плотного песчаника для отливки бронзового втульчатого наконечника копья. Верх формы плоский. Нижняя часть — почти полусферической формы. Оба конца формы отбиты. Сохранилась только центральная часть с прекрасно выточенными очертаниями перьев листовидного наконечника и втулки. Углубления очень заметные и сделаны твердой, уверенной рукой мастера.

2. Обушная часть железного топора кобанского типа, с реберчатой поверхностью обеих сторон и с неясно выраженным скульптурным изображением животного (близкого барсу) на бронзовом топоре из Галиатского могильника Фаскау (табл. LI).

3. Железный топор кобанского типа с характерной овальной втулкой и овальной же формы рабочей частью. Обушная часть округлая. Топор был найден на могильнике Верхняя Рутха жителем сел. Лизгор Емазой Бетрозовым и передан нашей экспедиции.

4. Бронзовая литая поясная пряжка полусферической формы. Лицевая сторона украшена двойным широким поясом с выпуклым зигзагообразным орнаментом. Мелкие треугольники по обеим сторонам зигзага углублены умелой рукой мастера. Центральная часть заполнена тремя сообщающимися врезанными спиралями. Оборотная сторона имеет три петли для прикрепления к поясу и крючок. Очень схожие с нашей пряжки из Кобанского могильника хранится в Венском музее (табл. XLVII, рис. 8, 9), [269] и в Музее Грузии.

5. Бронзовая пластинчатая поясная пряжка с расширяющимися концами. Лицевая сторона украшена зигзагообразной полосой, середина которой покрыта точками. Нижняя часть имеет девять отверстий для прикрепления к поясу с помощью цепочек; сохранилось одно колечко. На верхней стороне крюк. Пряжка обычна для позднекобанских комплексов [270].

6. Бронзовый массивный литой браслет с несходящимися концами. По краям и посредине внешней стороны проходят резко выступающие ребра (табл. XLVIII, рис. 12).

---

[267] «Труды V АС», 1884, табл. III, № 7.

[268] Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 101, рис. 4.

[269] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XI, рис. 12.

[270] Там же, табл. XXXI, рис. 1; табл. CV, рис. 1.

7. Два бронзовых вотивных кинжальчика с петлями на рукояти с обратной стороны. Лицевая сторона украшена геометрическим линейным орнаментом, сделанным еще в форме. Очертания кинжальчиков и поразительное сходство в их орнаментации позволяют предполагать их отливку в одной литейной форме. Может быть, не случайно подобные вотивные кинжальчики известны только из Кумбултского могильника[271] (табл. XLVII, рис. 1—4).

8. Бронзовый вотивный кинжальчик, имитирующий ранний тип кобанских кинжалов, с рукоятью и широким навершием в виде пластины. Вся рукоять украшена глубоко врезанными треугольниками (рис. 21, *6*).

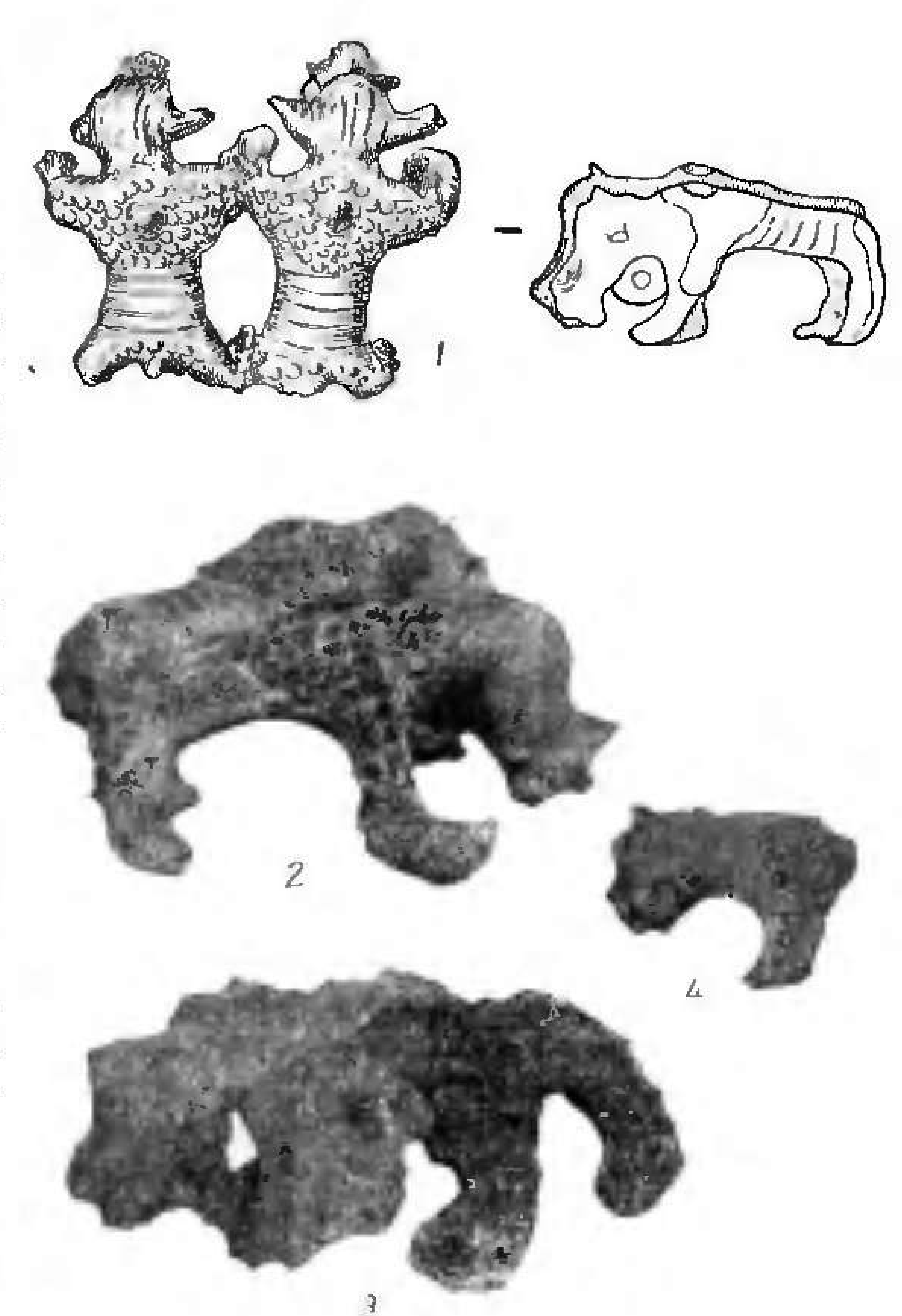

Рис. 34. Кумбултский могильник Верхняя Рутха

1—4 — фигурки бронзовых парных животных

9. Три бронзовых пластинчатых браслета с орнаментированными и расплюснутыми змеевидными несходящимися концами. Один браслет сплошь пластинчатый. Два другие из прута, только концы расплюснуты. Сторона браслетов, противоположная змеевидным голов кам, слегка вогнута. Подобные браслеты в позднеахеменидскую эпоху имели довольно широкое распространение и на Кавказе[272].

---

[271] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XCIII, рис. 19; табл. CV, рис. 7.

[272] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1944, стр. 32.

10. Около десятка бронзовых булавок с самыми разнообразными навершиями (целые и в обломках), известных как из кобанских, так и из дигорских могильников (рис. 9).

11. Две поясных пряжки из бронзового прута в виде извивающихся змей (табл. XLVIII, рис. 1, 2).

12. Поясная пряжка своеобразной формы в виде прорезного полукруга, над которым возвышается схематическая голова ушастой птицы (табл. XLVII, рис. 5).

13. Бронзовый кинжал кобанского типа без рукояти (табл. X, рис. 1).

14. Множество различных подвесок, обломков предметов быта и украшений (табл. XLIX и рис. 34).

15. Пятнадцать серебряных и золотых колец, привесок и украшений (рис. 35).

Несмотря на то, что на всей вскрытой площади могильника Верхняя Рутха (около 400 кв. м, иногда при глубине 2 м и более) не было обнаружено ни одного неограбленного и неразрушенного погребения, общие результаты раскопок этого памятника трудно переоценить.

Прежде всего, нашими работами в окрестностях сел. Кумбулты впервые точно устанавливается и топографическое и хронологическое размещение давно вошедших в литературу, но неверно в ней освещающихся Кумбултских могильников.

Добытый на могильнике Верхняя Рутха обильный материал, повторяющий в основной своей массе типы вещей из ряда пунктов Северной Осетии и всего Северного Кавказа, свидетельствует о том, что этот могильник, как и большинство могильников горного Кавказа, служил местом погребения сменявшегося населения в течение очень длительного времени, начиная с эпохи бронзы.

Два наиболее многочисленных по инвентарю комплекса, вскрытые на могильнике Верхняя Рутха, как нам удалось показать в другой работе [273], относятся еще к докобанскому периоду и представляют собою древнюю культуру II тысячелетия до н. э. с полным правом могущую быть названной «Дигорской».

Основная же масса археологического материала относится к различным этапам кобанской культуры (I тысячелетия до н. э.). Этой эпохой в основном и должен датироваться Кумбултский могильник Верхняя Рутха.

Единичные предметы других более поздних эпох, найденные в могильнике, не меняют его основной даты и указывают только на частичное использование его, как и большинство нагорных могильников Кавказа, также и в более позднее время.

Датировка и историко-культурная характеристика Кумбултского могильника Верхняя Рутха

При известной дефектности и научной неполноценности добытого нами на могильнике Верхняя Рутха материала нельзя не признать за ним значения нового и важного исторического источника, характеризующего центральный или северо-осетинский вариант кобанской культуры. Уже бегло приводимые нами аналогии доказывают, что этот интересный могильник органически входит в круг памятников

[273] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии (Опыт периодизации памятников энеолита и эпохи бронзы). МИА, 23, 1951.

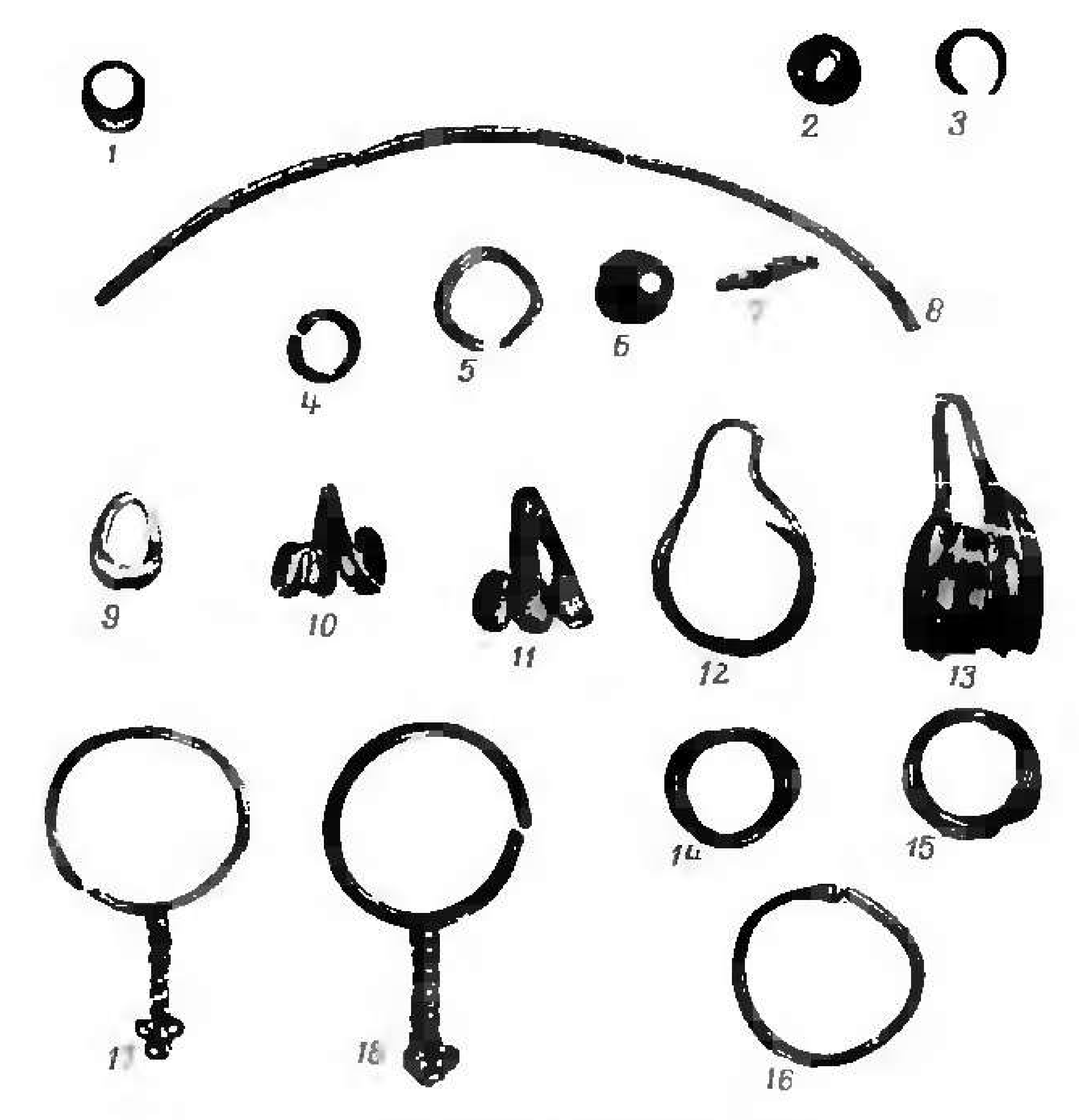

Рис. 35. Могильник Верхняя Рутха.
Женские золотые и серебряные украшения из разрушенных могил
10. 12—16 — золотые: остальные — серебряные

кобанской культуры, одновременно отражая и некоторые особенности, присущие дигорским памятникам, на что обратила внимание еще Е. П. Алексеева. Она же справедливо выделила (в намечаемом нами теперь варианте) западную и восточную группу памятников позднекобанской культуры [274].

Не случайно дигорская группа рядом признаков сближается с некоторыми синхронными памятниками Юго-Осетии и Западной Грузии (Рача). Сходство объясняется не только наличием тесных связей этих двух областей (через Мамисонский перевал), но и преемственностью развития от более древних памятников, также близких между собою в Дигории и Грузии (подробнее см. об этом в главе IV, 1).

Но, разумеется, весь собранный нами материал не одновременен. Он характеризует разные этапы развития кобанской культуры. Напомним читателю ее периодизацию: ранний, или первый этап,— с IX по VIII в. до н. э. и поздний, или второй этап,— с VII по IV в. до н. э.

[274] Е. А. Алексеева. Указ. соч., стр. 193—194.

К первому этапу развития кобанской культуры, даже, пожалуй, ближе к его концу, т. е. к IX — VIII вв. до н. э., мы отнесли 10 описанных выше комплексов (№№ 1, 4, 5, 6, 8, 11, 14, 15, 17 и 18).

Комплекс № 1 к этому периоду мы отнесли, руководствуясь наличием в нем широкого бронзового пояса, типичного для раннего Кобана, привески в виде бараньей головы и массивных сурьмяных подвесок, характерных для могильных комплексов центрально-закавказской и каякентско-хорочоевской культур начальных веков I тысячелетия до н. э. В последней своей работе А. П. Круглову удалось доказать местное производство этих украшений на северо-восточном Кавказе и раннюю дату каякентско-хорочоевской культуры [275] (табл. XXXVIII, рис. 1—8).

Широкий пластинчатый браслет, массивная височная привеска в полтора оборота, подвеска в виде головы рогатого животного и ранние формы сосудиков из комплекса № 2 заставляют их отнести именно к этому периоду (табл. XXXVIII, рис. 14—18). Особенности браслетов со спирально закрученными концами, архаичная зооморфная подвеска, пластинчатая поясная пряжка, навершие булавки из комплекса № 5 также указывают на более раннюю дату, чем VII—VI вв. до н. э. табл. XXXIX, рис. 1—3). Кинжал с рукоятью, близкой по технике выполнения рукоятям так называемых переднеазиатских кинжалов [276], из комплекса № 6, может уверенно датировать остатки этого разрушенного погребения самым началом I тысячелетия до н. э. (рис. 31).

К первому же типу кобанской культуры мы относим и комплекс № 8, с его подвесками в виде головы барана, массивным браслетом и сурьмяными трехлучевыми подвесками и кувшинообразными бусами (табл. XXXVIII, рис. 9—13).

Самый факт вхождения в комплекс № 11 целой серии бронзовых привесок в виде рогатых птиц и животных, ранее относившихся даже к эпохе средней бронзы [277], поясных пряжек, полушарной формы, архаичного вотивного кинжальчика и кинжала без рукояти раннекобанского типа не оставляет сомнений в правильности датировки этого комплекса начальными веками I тысячелетия до н. э. (табл. XLI).

Сам тип могильного сооружения в виде низкого коллективного склепа, перекрытого накатником из бревен, в котором были собраны остатки могильного инвентаря № 14, указывает на более древнюю, еще докобанскую эпоху [278]. Как уже вышесказано, найденные в этой коллективной могиле вещи кобанской культуры указывают лишь на повторное использование могильного сооружения и в кобанское время. Такие остатки могильного инвентаря № 14, как бронзовый нож, обломки булавок, вотивный кинжальчик и обломки костяных треугольных просверленных предметов (неизвестных в более поздних и хорошо датированных комплексах кобанской культуры) позволяют считать их погребенными именно в первый период развития этой культуры.

---

[275] А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II тыс. до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 83, рис. 103, № 18.

[276] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода МИА, 23, 1951, стр. 66, рис. 25.

[277] Там же, стр. 56

[278] Там же, стр. 49.

Несомненно, к самому началу первого этапа кобанской культуры относится и комплекс № 15 с его архаическим кобанским кинжалом без рукояти, с бронзовыми спиральками и с четырьмя бронзовыми наконечниками копий с раскованной втулкой (табл. VI). Известно, что с VIII в. до н. э. и позднее, судя по Каменномостскому могильнику и другим памятникам, на Северном Кавказе распространяются уже железные наконечники копий. Нахождение бронзовых копий вместе с кобанскими вещами на Северном Кавказе особенно важно как доказательство принадлежности их кобанской культуре, что до последнего времени не признается нашими грузинскими коллегами.

Очевидно, к концу первого этапа Кобана следует отнести и наш комплекс № 17, объединяющий фрагменты бронзового пластичного пояса, массивный браслет с выступающим ребром по внешней стороне, серебряную височную толстопроволочную привеску в полтора оборота и дугообразные фибулы с витыми дужками и с плоскими и неширокими приемниками. Такие узкие приемники обычны для более ранних фибул кобанской культуры (табл. XLII). Наоборот, фибулы более позднего этапа (VI—V вв. до н. э.), как правило, имеют сильно расплющенные и широкие приемники. Об этом можно судить по фибулам из Казбекского клада [279] или фибулам из Лугового могильника [280] и Исти-су [281].

Концом раннего этапа мы склонны датировать и самый богатый комплекс № 18. Основанием для этого служат не только те же особенности фибульных приемников, но и гладкие шейные гривны со спиральными концами (а не сплюснутыми, что характерно для более позднего этапа) и архаичность толстопроволочного браслета и мелких украшений.

Особенно примечательна в этом отношении керамика, наиболее полно и разными формами представленная в этом комплексе. При сохранении характерных особенностей раннекобанской керамики (миниатюрность форм, некоторая округлость днищ, приемы орнаментации) позднее в ней несколько меняется соотношение частей, она снабжается уплощенными и более выступающими ручками; формами и технологией начинает сближаться с местной керамикой предскифской и скифской поры. Усиливается лощение, керамика приобретает темный и даже черный цвет, начинает господствовать нарезной орнамент, налепной или сосцевидный. Сосуды из комплекса № 18 (а, б, в, е) очень близки керамическим образцам из Змейского поселения кобанской культуры, относимого нами к доскифскому времени, т. е. к первым векам I тысячелетия до н. э.[282] (табл. XLIII и XLIV).

Безусловно, ранний этап развития кобанской культуры характеризуют и определенные серии предметов, найденные нами в выбросах земли на могильнике Верхняя Рутха.

---

[279] МАК, вып. VIII, табл. LXVIII, рис. 1,2.

[280] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 159, рис. 2, № 4, 8.

[281] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 44, рис. 17, № 3.

[282] Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 78, 1960.

Это — каменная форма для отливки наконечника копья, лучше всего доказывающая местное производство подобного оружия у племен кобанской культуры. Это все многочисленные типы небольших бронзовых булавок с самыми разнообразными навершиями. Это бронзовые кинжалы и вотивные кинжальчики, рубчатые браслеты и многочисленные зооморфные и иные подвески. Таковы, например, массивные парные фигурки медведей (рис. 34) и кабанов или подвесок в виде бараньей головы, соединенной планкой с перпендикулярно расположенными полушариями, или подвески с тремя ответвлениями, концы которых заканчиваются стилизованными бараньими головками. Абсолютно такие же подвески из Уплисцихе хранятся в Музее Грузии (Горийского района) (табл. XLIX, рис. 14) [263].

Наконец, в эту группу входит обломок железного топора, близкого своим прототипам — бронзовым топорам кобанской культуры. Все они принадлежат материальной культуре раннего Кобана и хронологически могут относиться к более дробным отрезкам времени в пределах IX—VIII вв. до н. э.

Ко второму этапу кобанской культуры (с VII до IV вв. до н. э.) мы относим следующие шесть комплексов вещей, обнаруженных нами в могильнике: №№ 3, 7, 12, 13, 19 и 20 (клад). В состав этих комплексов уже не входят предметы, типичные для раннего этапа кобанской культуры, как топоры, кинжалы, высокие пластинчатые поясные пряжки, рубчатые браслеты, булавки с вычурными навершиями и специфические кобанские зооморфные подвески.

Этот этап характеризуется другими признаками. Поясные пластинчатые пряжки теперь уже делаются невысокими и укороченных пропорций. Получают распространение другие пряжки, в частности змеевидные из прута. Браслеты делаются из толстого прута с расплюснутыми концами и орнаментируются насечками. Старые формы украшений еще бытуют, но видоизменяются. Получает широкое развитие железное оружие и орудия труда. Появляются образцы вооружения скифского типа, иногда хорошо датированные.

Руководствуясь этими признаками, ко второму периоду Кобана мы и относим комплекс № 3, содержащий короткую поясную пластинчатую пряжку и бронзовые ворворки, обычно встречаемые в степных районах с принадлежностями конской сбруи раннескифского времени [284]. Правда, в этот комплекс входит и набор височных проволочных привесок в полтора оборота. Но, как известно, диапазон их бытования во времени очень широк — начиная от эпохи ранней бронзы до скифского периода. Так, например, подобные привески входили в могильные инвентари Нестеровского и Лугового могильников VI—V вв. до н. э.[285]

Предположительно к этому же этапу следует отнести и комплекс № 7, содержащий соответствующую поясную пряжку и небольшие сосудики, которые хотя и сохраняют реннекобанские формы, но соотношением частей, вытянутостью шейки со-

---

[263] Каталог археологических материалов Гос. музея Грузии, т. II, Тбилиси, 1955, стр. 56, табл. XXXVI, 5,6.

[284] В. А. Ильинская. Курган «Старшая могила» — памятник архаической Скифии. «Археология», V, Киев, 1951, стр. 207, табл. V,1 (на укр. языке).

[285] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 160, рис. 2, 5—7.

судов и выступающими ручками сближаются с керамикой скифской поры. Возможно, этот комплекс занимает во времени промежуточное положение между ранним и поздним этапами.

Думается также, что тем же переходным временем нужно датировать и комплекс № 12. В его состав хотя и входят браслеты архаического типа, но другие вещи, такие как пластинчатое кольцо, оправка бронзовых цепей и булавка с узким плоским навершием, имеют явно более поздние формы.

Безусловно, ко второму этапу, причем не к самому началу его, нужно отнести комплекс № 13. Решающими признаками для его датировки являются: бронзовый наконечник, бронзовые браслеты из толстого прута с расплюснутыми и несходящимися концами, характерные для комплексов раннескифского времени, и особенно железные предметы вооружения и быта — серповидные ножи и наконечники копий. Они обычны именно в памятниках скифского времени на Северном Кавказе (Моздокском, Нестеровском и Луговом могильниках).

Волее точно может быть датирован комплекс № 19, представляющий собою набор вещей при полусохранившемся скелете (кости рук, ног, череп). Обращает на себя внимание сочетание в нем кобанских предметов с оружием скифского типа. Последнее, как известно, является уже признаком, могущим дать довольно точную дату захоронения. Речь идет о 12 бронзовых втульчатых трехперых наконечниках стрел, которые по классификации П. Рау датируются не ранее VI и не позднее V в. до н. э. [286]. Подтверждают эту дату и плоские железные и бронзовые наконечники стрел с опущенными крыльями, известные из Нестеровского и Лугового могильников VI—V вв. до н. э.[287] (рис. 33).

Входящие в состав могильного инвентаря этого единственного полуразрушенного, но неограбленного погребения на могильнике Верхняя Рухта бронзовая умбовидная бляха с петлей с внутренней стороны и булавка с узким лопатообразным навершием также не противоречат этой дате, так как близкие им формы встречаются в тех же позднекобанских могильниках края. Поэтому мы и склонны датировать погребение № 19 V веком до нашей эры.

К началу второго этапа развития кобанской культуры мы бы отнесли и замечательный клад, состоящий из короткой пластинчатой поясной пряжки и девяти массивных браслетов, найденных в небольшом глиняном сосуде. Решающим моментом в определении даты захоронения этого клада для нас является форма и технологические особенности самого сосуда, имеющего многочисленные параллели в керамических формах позднекобанских могильников Северного Кавказа (в Нестеровском, Луговом и др.) (табл. XLV) [288]. То же самое можно сказать и о браслетах из этого клада. Все типы в разных, но точных аналогиях известны в могильных комплексах

---

[286] Paul Rau. Die Gräben der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929; Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. «Тр. РАНИОН», т. V, М., 1930.

[287] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Тр. ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 25, рис. 22.

[288] Там же, стр. 26, рис. 23, №№ 1—3.

таких памятников Северного Кавказа раннескифского времени, как Моздокский[289], Урус-Мартановский [290] и те же Нестеровский и Луговой могильники (табл. XLVI).

К тому же второму периоду Кобана мы причисляем и многочисленную серию случайных вещей, собранных на этом Кумбултском могильнике. В эту группу входят: небольшие поясные пряжки укороченных пропорций, пряжки в виде умбонов, птиц и круто извивающихся змей, за последнее время по аналогиям в Нестеровском и других могильниках края получивших хронологическое определение. К нему же принадлежат: браслеты простых форм, очкообразные височные привески и масса мелких зооморфных подвесок-украшений, менее массивных и реалистичных, чем раннекобанские (табл. XLVII—XLIX). Очевидно, в эту группу следует включить и целый железный топор из Лизгора, который, хотя и сохраняет в молоточной части особенности раннекобанских бронзовых топоров, своей рабочей частью сближается уже с топорами скифского времени, например с нестеровским топором (о нем речь ниже) и даже со скифскими топорами VI в. до н. э.[291]

Наконец, самым поздним комплексом, завершающим группу вещей, отнесенных нами ко второму этапу развития кобанской культуры, представляется комплекс № 9. Кроме двух-трех вещей, бытовавших и в VI и в V вв. до н. э. на Кавказе (бронзовые накосники, железный наконечник стрелы — площик), комплекс № 9 содержит пластинчатые браслеты, со слегка вогнутой дужкой и со змеиными головками на концах, которые обычно относятся к эллинистическому или позднеахеменидскому времени и могут быть датированы IV веком до нашей эры [292]. Судя по широкому сравнительному материалу, подобные браслеты с выгибом до V—IV вв. до н. э. не были еще в употреблении ни на Кавказе, ни в Передней Азии, и только позднее они всюду получают широкое распространение [293] (табл. XL, рис. 2—4).

Наличие в инвентаре комплекса № 9 золоченых трубочек от головного венца не может противоречить этой дате, так как в более ранних хорошо датированных комплексах они не известны, а использование листового золота в украшениях в более позднее время становится обычным.

Таким образом, Кумбултский могильник Верхняя Рутха как погребальное поле использовался, как и большинство нагорных могильников Кавказа, очень длительное время начиная от эпохи средней бронзы до средневековья. Но наиболее массовым порядком он использовался в I тысячелетии до н. э. в период обитания в этом районе племен — носителей кобанской культуры.

Правда, раскопки могильника, обеспечившие нас образцами материальной культуры, не дали новых и твердых данных о погребальном обряде. Но те немногие данные об остатках разрушенных каменных ящиков и склепообразных сооружений из рваного камня и булыжника (которые могли быть семейными усыпальницами),

---

289 А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. 1940, стр. 46, табл. IX, 2.

290 О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 57, рис. 23, № 7.

291 В. А. Ильинская. Курган «Старшая могила» — памятник архаической Скифии. «Археология», V, Киев, 1951, стр. 211, табл. 1, 6, 7 (на укр. языке).

292 Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 33.

293 Его же. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 39.

перекликаясь со сведениями о могильных сооружениях на этом могильнике, приведенными еще П. С. Уваровой [294], и новыми данными Б. В. Техова о раскопках могильника у с. Тли [295], позволяют сближать могильник Верхняя Рутха с погребальными памятниками кобанской культуры. Эти же особенности заставляют видеть в нем одновременно представителя лишь западной (дигорской) группы памятников центрального варианта кобанской культуры.

Сам же вещевой материал, как мы видели из анализа могильного инвентаря, типологически однороден и близок почти всем категориям вещей кобанской культуры; одновременно и лучше всего он представляет материальную культуру центрального или североосетинского варианта изучаемой культуры, несколько отличного от уже рассмотренного кабардино-пятигорского варианта и восточного, или грозненского, варианта, к характеристике которого мы сейчас и перейдем.

Особое значение кобанского культурного очага заключается не только в том, что здесь почти по материалу любого могильника можно проследить его поэтапное развитие, но и в том — а это главное, — что по названным памятникам удается установить происхождение, развитие и распространение этой самой замечательной культуры Северного Кавказа, лишь одним из новых представителей которой и является Кумбултский могильник Верхняя Рутха.

В. ВОСТОЧНАЯ (ГРОЗНЕНСКАЯ) ГРУППА

Эта группа, пока не столь многочисленная, как западная, могла быть выделена по памятникам, обнаруженным в основном лишь в советский период (рис. 26).

Ее составляют грунтовые могильники и подкурганные захоронения скифского времени, расположенные в предгорной полосе и на прилегающих участках равнины. Погребения, находящиеся на небольшой глубине, обычно завалены булыжным камнем. Как правило, все скорченные захоронения имеют не всегда строго выдержанную ориентировку, кроме Лугового могильника. Керамика этой группы технологически более низкого качества, по сравнению с керамикой других групп, но вместе с тем она разнообразнее.

Явное преобладание в могильном инвентаре этой группы железных предметов (и не только оружия, но и украшений, в том числе поясных пряжек, браслетов, колец, перстней, накосников) само по себе указывает на несколько более поздний период оформления этого культурного варианта, возможно, в результате отпочкования какой-либо племенной группы от основной.

Как будто на это уже указывает и преобладание в рассматриваемых памятниках ярких скифских и савроматских культурных признаков, хотя наличие последних может быть объяснено и большей близостью района изучаемого культурного варианта к юго-восточной периферии распространения скифской культуры и юго-западной периферии савроматской культуры.

---

[294] МАК, вып. VIII, стр. 211.

[295] Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинир, 1957, стр. 51.

Восточную (или Грозненскую) группу составляют следующие археологические объекты[296]:

1. Грунтовый и подкурганный могильник у станции Моздок[297].

2. Грунтовый могильник в районе г. Малгобек, откуда происходит костяная резная рукоять ножа, выполненная в «скифском зверином стиле»[298].

3. Могильник у сел. Ахлово (современное сел. Верхний Курп)[299].

4. Грунтовый могильник у сел. Кескем, исследованный В. И. Долбежевым в 1898 г.[300]

5. Аналогичный Кескемскому могильник близ сел. Пседахи, исследованный тем же В. И. Долбежевым.

6. Грунтовый могильник близ сел. Луговое (ингушское селение Мужичи)[301].

7. Грунтовый и подкурганный могильник у станицы Нестеровской[302].

8. Грунтовый могильник близ рабочего поселка нефтепромыслов Горагорская[303].

9. Курганный могильник у станицы Наурской, на левом берегу среднего течения Терека[304].

10. Аналогичный могильник близ станицы Калиновской, там же[305].

11. То же, близ станицы Николаевской[306].

12. То же, близ станицы Червленной[307].

13. Курганный могильник у сел. Алды, по старым раскопкам А. А. Бобринского[308].

14. То же, близ сел. Куляры[309].

---

[296] В восточную группу мы включаем не только местные памятники предгорной полосы, содержавшие все признаки кобанской культуры второго этапа ее развития, но и синхронные подкурганные захоронения прилегающей равнинной полосы с определенными элементами скифской и савроматской культур (например, подкурганные погребения на левобережье Терека), связь которых с кругом памятников кобанской культуры совершенно очевидна.

[297] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. 1, 1940.

[298] Там же, табл. IX.

[299] ОАК, 1898, стр. 151 (могила № 1).

[300] Там же, стр. 157—162.

[301] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 96—100; СА, 1957, № 2 и 1958, № 3 (статьи Е. И. Крупнова).

[302] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Тр. ГИМ», вып. XVII, 1947, стр. 25—35.

[303] По материалам Грозненского музея краеведения, поступившим в 1957 г. (бронзовые фибулы и браслеты кобанского типа).

[304] По материалам, поступившим в ГИМ в 1946 г.

[305] По сведениям, полученным нами от жителей станицы Калиновской, во время полевых работ Северо-Кавказской экспедиции, обследовавшей курганные группы по левобережью Терека в 1955—1956 гг.

[306] То же.

[307] То же.

[308] ОАК, 1882—1888, стр. CCLVIII.

[309] Там же.

15. Два курганных могильника в районе сел. Урус-Мартан, в местности Ани-ирзо и Бойси-ирзо, исследованных Г. А. Вертеповым в 1900 г.[310]

16. Грунтовый могильник близ г. Гудермеса[311].

17. Грунтовый могильник у сел. Исти-су[312].

18. Курганный могильник близ сел. Атаги, исследованный Северо-Кавказской экспедицией в 1958 г.[313]

Одним из наиболее интересных и наиболее полно представляющих третью восточную, или Грозненскую, группу памятников скифского времени на Северном Кавказе являются два могильника — Нестеровский и Луговой. Правда, первым памятником, впервые позволившим археологам-кавказоведам обстоятельно затронуть скифскую тему, в связи с кавказскими материалами, был могильник, открытый у станции Моздок. Но Моздокский могильник был исследован в небольших масштабах и, хотя и дал ряд очень ценных материальных источников для нашей темы, по полноте добытого материала, он намного уступает Нестеровскому и особенно Луговому могильникам, которые дали соответственно один 53, а другой — 167 научно исследованных могильных комплексов. В этом отношении даже Нестеровскому могильнику уступает близкий по культуре ранее исследованный могильник у сел. Исти-су, также представляющий третью восточную группу памятников скифского времени. По наименованию пунктов, наиболее полно отражающих специфику восточного варианта данной культуры, можно было бы условно назвать эту группу Моздокско-Нестеровской, но надо учесть, что большинство памятников расположено в восточных районах Чечено-Ингушской АССР, в стороне от этих пунктов. Могильный инвентарь Моздокского, а особенно инвентарь и погребальный обряд Нестеровского да и Лугового могильников, в наибольшей степени выражают те особенности материальной культуры северокавказских племен середины I тысячелетия до н. э., о которых говорилось в начале этой главы, т. е. ее смешанный характер.

Эти соображения и позволяют нам в основу общей историко-культурной характеристики Северного Кавказа интересующего нас времени положить материалы Нестеровского могильника. Нередко мы будем привлекать материалы и Лугового могильника как наиболее полно исследованного, но еще не опубликованного. Первый названный могильник расположен близ станицы Нестеровской Сунженского района Чечено-Ингушской АССР, на левом берегу р. Ассы, при выходе ее из горного Ассинского ущелья, а второй — в глубине этого ущелья, также на левом берегу реки Ассы, близ ингушского селения Мужичи, (быв. сел. Луговое)[314].

---

[310] Отчет о раскопках в Терской области Г. А. Вертепова. ОАК, 1900, стр. 54—60; ОАК, 1901, стр. 89—92.

[311] По материалам из разрушенных могил, поступившим в Грозненский музей в 1956 г.

[312] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 20—69.

[313] Пять курганов раскопано Р. М. Мунчаевым в 1958 г.

[314] Ввиду того, что интереснейший Луговой могильник и рядом с ним находящееся энеолитическое Луговое поселение прочно уже вошли в литературу под этими названиями по первым нашим публикациям, мы по-прежнему сохраним за ними название «Луговое».

Оставляя в стороне дневниковые данные раскопок Нестеровского могильника, излагаемые нами в разделе приложенных в конце «Материалов», подвергнем обстоятельному рассмотрению и сравнительному анализу основные данные — формы погребального обряда и категории орудий труда, типы оружия, посуды и украшений, обнаруженных нами при исследовании этих новых, еще не изданных находок.

Сравнительный анализ погребального обряда

В историко-археологической и этнографической литературе считается общепризнанным, что устройство определенных могильных сооружений, а также особенности погребального обряда, характерные для определенных групп населения, определенного времени, могут являться и, как показывают факты, действительно являются точными энтографическими признаками, облегчающими возможность решения ряда таких важнейших исторических вопросов, как происхождение той или иной археологической культуры и даже этногенетических вопросов, касающихся происхождения самих носителей этих культур[315].

Рассмотрим под этим углом зрения погребальный обряд и типы могильных сооружений, а также сам могильный инвентарь из 220 могил, исследованных нами на Нестеровском, а частично и на Луговом могильниках (рис. 36 и 37).

Прежде всего необходимо отметить, что определение этих могильников как «грунтовых» должно быть дополнено указанием на существование в Нестеровском могильнике ряда погребений под небольшой курганной насыпью. Причем никакой разницы в инвентаре и в погребальном обряде, наблюдаемых в подкурганных погребениях и в грунтовых могилах, не обнаруживается. Наполовину исследованный нами курган близ станицы Нестеровской не случайно расположен на территории грунтового могильника: он оказался органически связан с основной массой погребений Нестеровского могильника и содержал останки представителей того же самого общества (рис. 38). Как отмечено в приложении (стр. 403), по словам рабочих, на территории карьера было еще несколько таких курганчиков, разрушенных при выборке гравия в 1938 г.

Из 53 погребений, вскрытых на Нестеровском могильнике, 13 находились под такой невысокой курганной насыпью, образованной мощным слоем булыжных, речных камней[316] (рис. 39). Остальные 40 могил были грунтовыми, отличающимися многообразием форм погребального обряда.

Но подобное соединение подкурганных и грунтовых погребений, наблюдаемое в Нестеровском могильнике, оказывается характерным не только для этого объекта. Такое же органическое сочетание разного рода погребений (подкурганных и грунтовых) наблюдалось и при исследовании Моздокского могильника, ставшего широко известным после обстоятельной публикации первых итогов его исследования

---

[315] М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, 1957, № 3, стр. 81.

[316] По не зависящим от экспедиции обстоятельствам (нахождение на кургане колхозного птичника) курган не был раскопан полностью.

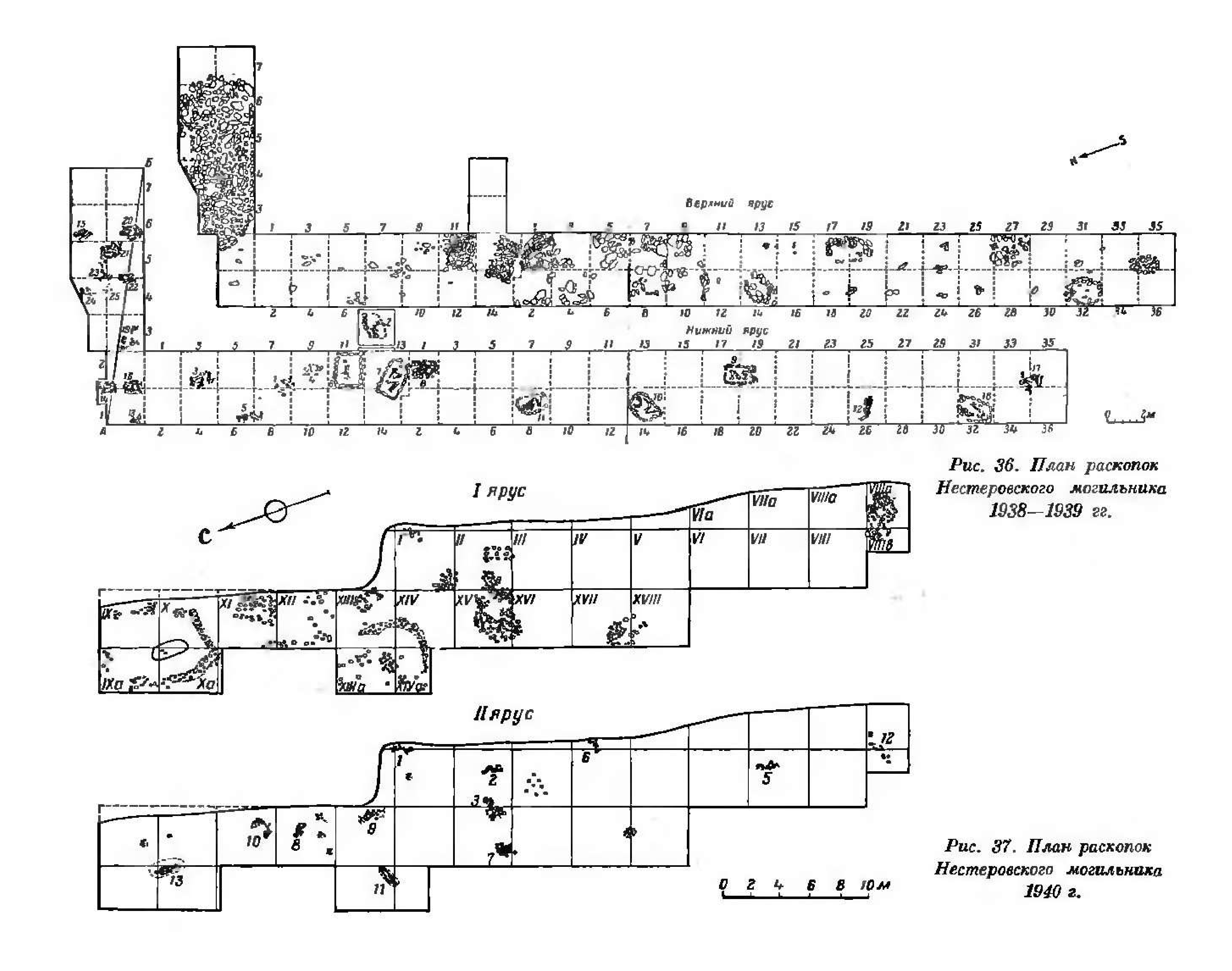

Рис. 36. План раскопок Нестеровского могильника 1938—1939 гг.

Рис. 37. План раскопок Нестеровского могильника 1940 г.

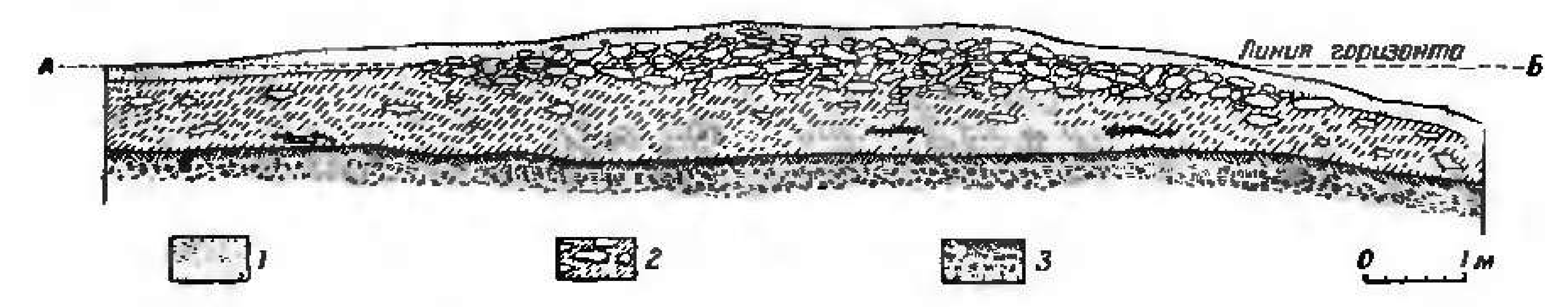

Рис. 38. Нестеровский могильник. Разрез кургана
1 — почва; 2 — булыжник; 3 — материк

Б. Б. Пиотровским и А. А. Иессеном. Там также на грунтовом могильнике, открытом на новом железнодорожном карьере у станции Моздок, из которого происходит наибольшая часть собранных вещей, находилась и курганная группа [317].

По ряду признаков можно полагать, что исследованные в 1898 г. В. И. Долбежевым грунтовые могильники у селений Кескем и Пседахи, близкие Нестеровским, также содержали погребения этих двух типов [318]. Учитывая малую высоту сильно оплывших курганных насыпей (около 0,5 м), причем насыпей, образованных из булыжных камней, можно думать, что и в ряде других пунктов Северного Кавказа в свое время также существовали могильники именно этого типа.

Близкими Нестеровскому могильнику по характеру могильных сооружений и погребальному инвентарю являются курганные и грунтовые могильники также и в Кабардино-Балкарии, такие как Баксанский [319], Шалушинский, Чегемский I, Кашкатауский (ныне с. Советское) [320] и отчасти ряд могильников Пятигорья (Перкальский, Минераловодский и др.).

Есть основания полагать, что и известные могильники у шотландской колонии Каррас в Пятигорье, открытые и исследованные Д. Я. Самоквасовым еще в 1881 г., также содержали два вида погребений — грунтовые и подкурганные захоронения под невысокими булыжными насыпями [321].

То же самое предполагает А. А. Иессен [322] и в отношении таких могильников, как Маджарский (ныне Прикумский), исследованный В. А. Городцовым в 1907 г. [323]

Хронологически, а отчасти и типологически близкими Нестеровскому могильнику оказываются и грунтовые могильники: № 2 у станицы Усть-Лабинской, Красно-

---

[317] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, стр. 5, 29.

[318] ОАК, 1898, стр. 157—162.

[319] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, вып. 3, 1941, стр. 22; Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 231.

[320] По материалам Пятигорского музея.

[321] «Труды V Арх. съезда», М., 1884, стр. 45—47; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 123—127.

[322] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, стр. 29.

[323] «Труды XIV Арх. съезда», т. III, М., 1911, стр. 202—206.

Рис. 39. Нестеровский могильник. Общий вид раскопок кургана

дарский могильник за Кожзаводом и др.[324] Представляя своеобразную местную культурную среду, они также содержат элементы раннескифской материальной культуры. Из погребальных полей скифского времени, расположенных к востоку от Нестеровского могильника, но сходных с ним типологически, раньше всего нужно указать на интересный грунтовой могильник у сел. Исти-су, исследованный в 1937—1938 гг. М. И. Артамоновым и покойным А. П. Кругловым[325], материал которого позднее был опубликован О. А. Артамоновой-Полтавцевой[326]. Здесь также отмечались небольшие курганные насыпи, исчезнувшие позднее. С законным основанием к этой группе рассматриваемых памятников можно отнести и скорченные погребения под небольшими курганными насыпями, вскрытые А. А. Бобринским в тех же восточных районах Чечено-Ингушской АССР у сел. Алды и Куляры[327], а также курганные могильники Ани-Ирзо и Бойси-Ирзо близ с. Урус-Мартана[328].

---

[324] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 158—162.

[325] Северо-Кавказская I экспедиция. КСИИМК, вып. 1, 1939, стр. 28.

[326] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период, стр. 20—101.

[327] ОАК, 1882—1888, стр. CCLXVIII.

[328] ОАК за 1900 г., стр. 54—60; ОАК за 1901 г., стр. 89—92; О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 46.

Из районов, расположенных еще более к востоку от Чечено-Ингушской АССР и даже Дагестана, укажу на могильники вновь выявленной культуры Северо-Восточного Кавказа, так называемой каякентско-хорочоевской, по раскопкам В. И. Долбежева в 1898 г. и А. П. Круглова в 1938—1940 гг.[329]

Погребения, относящиеся к этой культуре, производились, правда, в массивных каменных гробницах, но «иногда окруженных на поверхности земли кольцом из камня, или же перекрытых небольшой каменной насыпью». Покойники помещались в скорченном положении на правом или левом боку[330], что наблюдалось и в могильниках у с. Урус-Мартан и в Нестеровском. Но каякентско-хорочоевские памятники древнее и относятся к другой культуре (рис. 40).

Из внешне сходных с Нестеровским, но расположенных на более удаленной от Кавказа территории можно упомянуть невысокие земляные савроматские курганы Нижнего Поволжья и Приуралья, так называемых блюменфельдской и особенно прохоровской стадий развития савроматской культуры.

Характерной особенностью савроматских погребений этих стадий, по Б. Н. Гракову[331], являются: невысокие (от 0,5 до 2 м) земляные насыпи, узкие овальные могильные ямы, иногда содержавшие и парные захоронения; курганы же прохоровской группы, кроме того, отличаются еще и наличием каменных куч над погребениями и каменных оградок или колец, что также было встречено в Нестеровском могильнике и особенно при раскопках Лугового могильника[332]. На Луговом могильнике девять могил, исследованных в 1956 г., были окружены каменными кольцами—кромлехами. Многие из могил с кромлехами были особенно богаты могильным инвентарем.

В этой же связи позволительно привести аналогии внешнему виду Нестеровских и Луговых могил и с еще более удаленной территории — из горного Крыма. Там Н. И. Репникову в 1907 г. удалось установить, что исследуемая им группа каменных ящиков в урочище Мал-Муз у дер. Бача, в отличие от других групп, находилась под небольшой каменной насыпью[333], а могилы у дер. Скели помещались в каменных оградках.

Последние две группы памятников Крыма и Поволжья нами приведены не случайно. И сам могильный инвентарь и некоторые детали погребального обряда, характерные для этих объектов, в дальнейшем будут привлечены нами и по другим мотивам, для более полного освещения культуры Лугового, Нестеровского и других близких им могильников края. И при обзоре поселений, например Змейского

---

[329] ОАК, 1898, стр. 141. См. нашу работу «Каякентский могильник — памятник древней Албании» («Тр. ГИМ», вып. XI, 1940), А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 7—144.

[330] «История СССР с древнейших времен». Изд. ИИМК АН СССР, ч. Л., 1939, стр. 113.

[331] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 104.

[332] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95; СА, 1957, № 2, стр. 154.

[333] Е. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины, ИАК, вып. 30, 1909, стр. 130, 155.

Рис. 40. Нестеровский могильник. Кромлех вокруг могилы № 51

поселения в Северной Осетии, мы также вынуждены приводить аналогии из области таврской культуры горного Крыма.

Подавляющее большинство могил, вскрытых на Нестеровском и Луговом могильниках, содержало индивидуальные погребения. Так, на Нестеровском могильнике из всех пятидесяти трех исследованных могил разных типов, в сорока одной могиле находилось по одному костяку, шесть могил содержали парные погребения, по-видимому, останки мужчины и женщины (погребения №№ 2, 16, 19, 30, 52), в том числе один случай погребения женщины с ребенком (погребение № 49) и только в четырех могилах находилось более чем по 2 костяка — в трех по 3 скелета (погребения №№ 14, 21 и 32), а в одной могиле даже 6 костяков (погребение № 8) (рис. 41).

Несколько иную картину дал Луговой могильник. Из 167 вскрытых погребений только 6 являлись парными. Все остальные — одиночные. Парные состояли из останков мужчины и женщины или женщины и ребенка.

Судя по возрастным и половым признакам, а также по могильному инвентарю, во всех этих парных и коллективных могилах несомненно можно видеть семейные могилы. Указанное количественное соотношение индивидуальных и коллективных могил свидетельствует о том, что члены древней местной общины не особенно придерживались обычая хоронить своих сородичей только в семейных могилах, а предпочитали индивидуальные захоронения.

По всей вероятности, эти семейные могилы в свое время имели какие-нибудь внешние отличительные признаки, позволявшие легко отыскать могилу как для повторного захоронения, так и для совершения сородичами умершего тризны или поминок, следы чего были неоднократно отмечены в процессе раскопок могильников.

Очень соблазнительно было бы счесть за эти признаки многочисленные булыжные надмогильные выкладки.

Действительно, они могли бы являться хорошим ориентиром для распознавания отдельных могил. Но на поверку оказывается, что почти все парные и коллективные могилы, например Нестеровского могильника, были просто грунтовыми могилами и не содержали на поверхности никаких следов булыжника. Наоборот, в Луговом могильнике, где нами было вскрыто 167 грунтовых могил, почти все они являлись одиночными и почти все под булыжными камнями.

Оставляя в стороне один случай парного захоронения в Нестеровском могильнике под общей курганной насыпью (погребение № 19), следует сказать, что из всех 10 коллективных погребений, только над двумя погребениями — № 8, где лежали 6 скелетов (как было установлено, погребенных в разное время), и над могилой № 49 (женщины и ребенка) — сохранились булыжные кладки. Считать их за распознавательные признаки при отсутствии подобных кладок над большинством коллективных могил было бы натяжкой.

С какими же целями над могилами сооружались небольшие, а иногда и громадные выкладки из булыжника, отмеченные нами на Луговом и особенно на Нестеровском могильниках (рис. 23)?

Ведь не считая тринадцати Нестеровских захоронений (погребения №№ 15, 19—25 и 36—40) под общей курганной насыпью, образовавшейся в результате сооружения мощного булыжного слоя, надмогильные выкладки были над двадцатью одной могилой. Причем в большинстве случаев погребения залегали сравнительно близко от поверхности — около 0,3—0,6 м. И наоборот, никаких выкладок и завалов булыжником не имели могилы, вырытые на бо́льшую глубину. Несколько иная картина наблюдалась при исследовании Лугового могильника, где глубина погребений иногда превышала 0,8 м и абсолютное большинство могил было обильно завалено булыжником.

Невольно возникает мысль о том, что булыжные выкладки над могилами могли иметь чисто охранное назначение. Так как на большую чем 1 м глубину вырыть могилу было нельзя, ибо ниже шел гравий (особенно на территории Нестеровского могильника), а вырыть на эту глубину яму в плотном суглинистом слое было трудно,— хоронили и на меньшей глубине, особенно, может быть, в зимнюю пору. Но небольшая глубина вряд ли могла предохранять погребенные трупы от хищных животных — явление, которое нередко наблюдается на кладбищах и сейчас, если в силу каких-нибудь обстоятельств могила оказывается неглубокой или плохо засыпанной. Остается единственное средство — завалить могилу камнем или плитами. Может быть, здесь сказывался как пережиток еще более древний обычай закидывать могилу родича камнем из страха перед умершим.

Соседняя река Асса всегда с лихвой обеспечивала жителей Ассинского ущелья булыжным камнем, который мы и находим в изобилии в могилах Нестеровского и Лугового могильников. Он здесь использовался не только для охранного завала большинства могил (иногда в несколько ярусов), предохраняющего могилы от разрушения и расхищения погребенных хищными животными, но и для сооружения самих могил, вырытых в суглинистом грунте.

Восемнадцать могил Нестеровского могильника имели стены, сложенные из тех же булыжных камней в 1—2 ряда в высоту и толщину. Обычно высота могильных сооружений не превышала 0,30—0,35 м. Еще большее число таких могил наблюдалось на Луговом могильнике.

В плане это были обычные прямоугольные могилы с настолько округлыми углами, что некоторые из них формой приближались к овалу. Размеры их в длину никогда почти не превышали роста взрослого человека.

Рис. 41. Нестеровский могильник. Коллективное погребение. Могила № 32

Эта форма могильных сооружений очень напоминала могилы-колодцы, обложенные булыжником, исследованные еще П. С. Уваровой на знаменитом могильнике у сел. Верхний Кобан и Тимофеевым на Галиатском могильнике Фаскау в Северной Осетии[334]. Обкладка могил булыжником была отмечена В. И. Долбежевым при исследовании уже упомянутых могильников у с. Кескем и Пседахи[335] и Д. Я. Самоквасовым при вскрытии Каррасских могил в Пятигорье[336]. Обкладка могил булыжными кольцами-кромлехами является очень древней кавказской традицией, своими корнями уходящей еще в эпоху меди и бронзы[337]. Любопытно, что эта традиция дожила до времени бытования Нестеровского, Лугового и синхронных им могильников края. Но как известно, распространенность этого явления более широкая. Обычно его связывают с наличием солярного культа у древнего населения того или иного района.

Два погребения Нестеровского могильника отличались от всех других еще одной особенностью (рис. 42). Они находились в центре каменных колец и оградок, состоящих из булыжников (погребения №№ 51 и 53). Среди вышеперечисленных памятников, хронологически и территориально близких Нестеровскому могильнику, подобные явления наблюдались на Луговом могильнике (всего 9 могил)

[334] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, стр. 87—91.

[335] ОАК, 1898, стр. 157.

[336] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 123—128.

[337] Подобная картина была выявлена нами и при раскопках в 1947 г. древнего кургана у сел. Старый Лескен в Кабарде. (Основное погребение датируется рубежом III—II тысячелетий до н. э. См. «Уч. Зап. КНИИ», т. IV, 1948, стр. 289).

Рис. 42. Нестеровский могильник. Вытянутое положение костяка. Могила № 51

и среди памятников других культур. Так, могилы каякентско-хорочоевской культуры (по А. П. Круглову) нередко окружены каменными кольцами [338]. Каменные кольца окружали и могилы Прохоровской группы савроматской культуры Поволжья и Приуралья. Каменными кольцами окружались и древние могилы в Закавказье и на Северном Кавказе.

Наконец, также уже упоминавшиеся таврские каменные ящики горного Крыма иногда находились в центре каменных оградок, например группа у дер. Скели [339]. Кольца из бесформенных камней окружали (по А. А. Спицыну) и низкие каменные курганы со скифским инвентарем у дер. Ивановки в Подолье [340]. Так что каменное кольцевое окружение могил является древним признаком погребального обряда, связываемого с солярными представлениями у древнего населения.

Два Нестеровские погребения (№№ 51 и 53) имеют еще и другие признаки, отличающие их от всех окружающих могил (о чем речь будет ниже). и потому вряд ли отмеченные вокруг них каменные кольца можно объяснить случайностью.

Эти погребения характеризовались вытянутым положением костяков, лежавших

---

338 К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе сел. Тарки. МИА, 23, 1951, стр. 245.

339 ИАК, вып. 30, 1909, стр. 154—155.

340 А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 92.

Рис. 43. Нестеровский могильник.
Скорченное положение костяка. Могила № 51

на спине, что резко отличает их от всех других захоронений Нестеровского могильника, содержавших скорченные погребения (рис. 42). Правда, кроме этих погребений (№№ 51 и 53), окруженных каменными кольцами, с вытянутыми костяками, являвшимися мужскими, были и еще две могилы (№№ 12 и 33). Это были обычные грунтовые могилы без каменных колец и булыжной обкладки.

Итак, только четыре могилы из пятидесяти трех на Нестеровском могильнике содержали вытянутые костяки и все с различной ориентировкой. На Луговом же могильнике не зафиксировано ни одного вытянутого погребения.

Обычное положение погребенных в Нестеровских могилах было скорченным, притом значительно более часто на правом боку и реже на левом (рис. 43).

Так, в положении на правом боку был зафиксирован 41 костяк, а на левом только 10 (погребения № 7, 13, 14, 16, 20, 23, 30, 34, 39) при общем количестве 67 костяков и 5 неопределенных по положению.

Имеются некоторые основания считать скорченное положение на левом боку более характерным для женщин, а на правом — для мужчин. Такая картина наблюдалась, например, в погребении № 30, где мужчина лежал на правом, а женщина на левом боку, но редко наблюдались и обратные случаи (погребение № 8). В Луговом же могильнике все 156 погребенных (мужчины и женщины) лежали на правом боку, только две (женщины) — на левом.

Вообще же скорченность, притом часто значительная, при положении кистей рук у лицевых костей черепа является самой характерной особенностью погребений Нестеровского и Лугового могильников (табл. LI).

Эта черта погребального обряда, как известно, весьма типична для общекавказских могильников различных эпох и районов. Своими корнями она уходит еще

в эпоху энеолита и ранней бронзы (Нальчикский могильник). Скорченность костяков составляла одну из особенностей погребального обряда почти всех древних, в том числе и кавказских культур. Как пережиток скорченность на Кавказе сохранилась даже до эпохи раннего средневековья[341].

Скорченностью характеризовались все погребения широко распространенной на Северном Кавказе кобанской, а в западном Закавказье — колхидской культуры. Скорченность костяков доминировала и в каменных гробницах каякентско-хорочоевской культуры (начало I тыс. до н. э.).

Эта обрядовая деталь оказалась очень устойчивой и на следующем этапе развития кобанской культуры (VII—VI вв. до н. э.). Именно скорченность наряду с самим могильным инвентарем и составляет самый выразительный признак ряда могильников Северного Кавказа, позволяющий объединить эти могильники в определенную группу местных памятников скифского времени, интереснейшими представителями которой и являются Нестеровский и Луговой могильники.

В скорченном положении и чаще на правом, чем на левом боку, оказались погребенные в могильнике у сел. Исти-су, где также было вскрыто несколько погребений в вытянутом положении, на спине[342]. Скорченностью и положением на правом боку отличались все погребения Каменномостского могильника и почти все погребения Кисловодского могильника.

Большинство могил, раскопанных В. И. Долбежевым у селений Кескем и Пседахи, также содержали костяки, лежавшие в скорченном положении и на левом боку[343].

Скорченное положение погребенных, лежащих на правом боку, было отмечено и Д. Я. Самоквасовым в некоторых гробницах у колонии Каррас (например, в 11-й), где, кроме того, ряд могил содержал якобы и сидячие скелеты, что очень сомнительно[344], так как этот обряд не свойствен центральному Кавказу.

Наконец, пять случаев (три на правом, два на левом боку) скорченности известны и из опыта изучения раннескифских погребений Усть-Лабинских могильников №№ 2 и 4 (в Краснодарском крае), где основная масса погребений этого времени имела вытянутое положение. В скорченности погребенных Н. В. Анфимов справедливо видит черту преемственности от культуры эпохи бронзы[345].

Кстати отметим, что среди основных погребений раннескифского времени Усть-Лабинских могильников №№ 2 и 4 вытянутое положение костяков, лежавших на спине, часто характеризовалось и очень слабой согнутостью ног в коленях[346], т. е. такой деталью, которая была отмечена нами в трех из четырех случаев вытянутых погребений на Нестеровском могильнике. Такой же особенностью отличались неко-

---

[341] Случаи скорченного положения костяков были установлены при исследовании могильников Северной Осетии алано-хазарского времени (Херх, близ Чми, Камунта и др.).

[342] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период, стр. 46.

[343] ОАК, 1898 г., стр. 157—164.

[344] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, М., 1908, стр. 124.

[345] Н. В. Анфимов. Основные этапы развития меотской культуры Прикубанья. Автореферат диссертации. 1951.

[346] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 159.

торые вытянутые костяки на могильнике Закуты близ с. Советское, исследованном нами в 1948 г. в Кабардино-Балкарии [347]. По-видимому, это отступление от полной вытянутости погребенных, наблюдаемое в определенной группе могильников Северного Кавказа, является обрядовой чертой нового на Кавказе погребального ритуала, присущего каким-то особым древним степным элементам, входящим в состав местного северо-кавказского общества скифского времени.

В связи с вопросом о скорченности костяков в Нестеровском и Луговом могильниках обратимся снова к таврским каменным ящикам горного Крыма, где сильная скорченность также составляла характерную особенность погребений, особенно под курганными насыпями [348].

Сравнительный материал указывает на то, что и в других районах бытования скифской культуры, в соответствующих могильниках с явным преобладанием вытянутости наблюдались нередкие случаи скорченности погребенных. Касаясь этого вопроса, А. А. Спицын в своей известной работе «Курганы скифов-пахарей» [349] писал: «Итак, мы могли только в Киевско-Подольском районе указать 42 кургана с скорченными костяками и одновременно с вещами скифских типов (большей частью ранних и лишь изредка среднескифской культуры)». Обряд погребения в этих курганах близок к скифскому. Раннескифские курганы Харьковщины также изобилуют скорченными костяками и составляют, по Спицыну, как бы прямой и непосредственный переход к скифской культуре от более древних культур [350].

Не так давно вопрос о скорченности погребенных как о показателе местного, а именно тавро-скифского элемента в некрополях Ольвии и Херсонеса стал предметом обсуждения и в кругах антиковедов [351]. Эти факты, приведенные из разных районов бытования скифской культуры, с несомненностью доказывают живучесть истоков местных культур. Такая архаическая черта погребального обряда местных культур, как скорченность, и в скифское время оказалась еще настолько действенной и устойчивой, что в ряде мест составила одну из особенностей соответствующих этапов развития местных культур, значительно осложненных связями со скифской культурной средой. Такой местной, искони кавказской чертой погребального обряда скорченность погребений и представляется нам в культуре Нестеровского, Лугового и близких им могильников Северного Кавказа.

Чтобы покончить с анализом погребального обряда, необходимо рассмотреть еще ориентировку костяков в могилах Нестеровского и Лугового могильников. Во всех этих могильниках, за исключением Лугового, все погребенные были ориентированы (с малыми отклонениями) головами на юго-запад. В целом мы имеем еще

---

[347] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1951, стр. 232.

[348] Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, стр. 127.

[349] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 93.

[350] Там же, стр. 97.

[351] С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. СА, вып. VII, 1946, стр. 166—167; Т. И. Книпович. Некрополи в северо-восточной части Ольвийского городища. СА, вып. VI, 1946, стр. 92—106.

более пеструю картину, чем та, которая наблюдалась при рассмотрении форм могильных сооружений и положения костяков в могилах.

Но при всей пестроте наблюдается определенная тенденция класть погребенных, ориентируя их головами в основном то в западном, то в северном направлении с легким отклонением в ту или иную сторону.

Так, из всех определимых по положению скелетов 67 погребений Нестеровского могильника, наибольшее число, а именно 24 погребения (могилы №№ 1, 5, 8, 14, 15, 16, 20, 21, 22, 32, 33, 53) имели северо-северо-восточную ориентировку. Причем в эту группу вошли все коллективные могилы, с тремя и шестью костяками, как могила № 8 и др. Четыре погребения имели строго северную ориентировку (могилы №№ 3, 11, 13, 18), пять погребений — северо-восточную (могилы №№ 10, 17, 27, 37, 47) и, наконец, одно погребение было ориентировано на северо-северо-запад (погребение № 28) и другое на северо-запад (погребение № 48).

Таким образом, из 67 определимых по положению костяков погребений Нестеровского могильника 35 случаев приходится в основном на северную ориентировку (в секторе СЗ—СВ).

Другая группа погребений проявляет тенденцию к противоположной ориентировке, в основном к южной, с легким отклонением к западу. Два погребения имеют южную (могилы №№ 46 и 49) и еще два юго-юго-западную (могилы №№ 9, 24) ориентировку, а шесть ориентированы на юго-запад (могилы №№ 30, 38, 41, 42, 44), из которых в одной семейной могиле (№ 30) мужчина и женщина (мужчина на правом боку и женщина на левом), головами были положены в одном направлении. Абсолютно такая же картина однажды наблюдалась и при раскопках Лугового могильника.

Два погребения (могилы №№ 6 и 7) имели юго-восточную ориентировку и всего одно нестеровское погребение (могила № 40) было ориентировано на юго-юго-восток.

Эти погребения образовывали другую группу, объединившую всего 13 погребений с явной тенденцией к южной ориентировке с отклонением к западу (в секторе ЮЗ—ЮВ).

Остальные погребения в отношении ориентировки по странам света распределялись еще более дробно и не давали цельной картины. Так, на восток были ориентированы только четыре погребения, а на запад — три.

Никакой закономерности в отношении ориентировки не наблюдается в погребениях, группирующихся по другим признакам, например по наличию курганной насыпи или по вытянутому положению костяков и др. Ориентировка здесь самая различная. Например, вытянутые погребения распределяются так: в могиле № 12 — головой на юго-восток-восток, в могиле № 51 — на запад и только в могилах №№ 33, 53 погребенные лежали в одном направлении — головами на северо-северо-восток.

Это впечатление пестроты усугублялось и противоположной ориентировкой погребенных, положенных в одну могилу. Такой случай был отмечен в могиле № 19, содержавшей двух погребенных женщин, одна из которых была положена головой на восток, а другая — на северо-запад-запад. Если подобный случай можно было бы объяснить, скажем, разницей в происхождении погребенных, то этого нельзя

сказать о другом примере, когда женщина была положена головой на юг, а ребенок в ногах — головой на восток (могила № 49).

В литературе не раз высказывались мнения о причинах различного положения погребенных по странам света с различными отклонениями. Тут ориентирами считали и солнце и страны света и направление течения близлежащих рек и другие ориентиры. Трудно применить что либо из этих ориентиров к Нестеровскому, да и другим могильникам края. Редким исключением является Луговой могильник, где все 167 погребенных лежали на юго-запад, в сторону горного перевала, ведущего из Ассинского ущелья в широкую Владикавказскую равнину. Возможно в древности на перевале было какое-либо культовое место (подобно горским святилищам Северного Кавказа недавнего прошлого). Оно и могло служить ориентиром древнему населению Ассинского ущелья, хоронившего своих сородичей на Луговом могильнике.

Но повторяю, при всей наблюдающейся пестроте картины, какая рисуется нам при рассмотрении вопроса об ориентировке погребенных в Нестеровском могильнике, все же намечается определенное преобладание северной ориентировки, с отклонением к востоку в одной группе могил и с противоположной ей, в основном южной ориентировкой — в другой (табл. I на стр. 419).

Уже не раз привлекавшиеся для сравнения синхронные Нестеровскому могильнику памятники Северного Кавказа и других территорий также не дают примеров особенно строгой и устойчивой ориентировки, кроме Лугового могильника.

Так, например, каменные гробницы каякентско-хорочоевской культуры характеризуются различной ориентировкой погребенных, особенно в восточной группе могильников Дагестана [352].

Погребения ранней стадии кобанской культуры, насколько можно судить по исследованным каменным ящикам, также дают не слишком устойчивую ориентировку. Так, из пяти скорченных погребений, открытых В. Б. Антоновичем в 1879 г. близ Верхнего Кобана, два погребения имели северную ориентировку (каменные ящики №№ 4 и 5), а три погребения — западную [353]. Е. Шантр, вскрывший на Кобанском могильнике 22 могилы, в определимых случаях указывает южную и восточную ориентировки (например, богатая могила № 9 и др.) [354].

Некоторые могильники соседней Дигории, как Донифарский, Кумбултский, известный Галиатский могильник Фаскау, содержащие погребения с явно кобанскими комплексами, тоже не дают какой-либо строго выдержанной ориентировки. Тут встречаются положения костяков головами и на север, и на юго-запад, и на северо-запад, причем это различие в ориентировке сочетается и с различием в положении костяков — скорченно и вытянуто на спине [355].

---

[352] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н.э. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 132.

[353] В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. «Труды подготовительного комитета к V Арх. съезду». М., 1879, стр. 243.

[354] E. Chantre. Указ. соч., I, 1885, стр. 11 сл.

[355] МАК, вып. VIII, 1900, стр. 87 сл.

Если мы обратимся к могильникам Северного Кавказа, синхронным второй стадии развития кобанской культуры и уже упоминавшимся ранее, как могильники у с. Исти-су, у селений Кескем, Пседахи, Каррасские могильники близ Пятигорска и др., типологически близкие Нестеровскому, то, как правило, и здесь мы не обнаружим какого-либо устойчивого направления в положении костяков. Так, в группе исследованных В. И. Долбежевым могил у сел. Кескем преобладала восточная ориентировка, а на соседнем и совершенно однородном по культурному облику могильнике у сел. Пседахи встречены нередкие случаи южной ориентировки [356].

Из 20 погребений на могильнике Исти-су 10 имели юго-западную ориентировку, остальные разбивались весьма дробно. Кисловодский могильник имел чаще восточную ориентировку, при наличии единичных случаев западной и северо-северо-восточной ориентации.

Аналогичные же могильники в Пятигорье, в которых, по уверению Д. Я. Самоквасова, якобы преобладали могилы даже с «сидячими» костяками (как отмечено выше, обряд, совершенно не свойственный культурам центрального Кавказа), имели северо-восточную, восточную и юго-восточную ориентировку [357]. Только погребения в Моздокском могильнике как будто бы последовательно сохраняют южную ориентацию. Но их исследовано не так много, чтобы можно было сделать обоснованный вывод о южном направлении, как устойчивом [358].

Более выраженную ориентацию на юг обнаруживают могилы Усть-Лабинских могильников Прикубанья (№№ 2 и 4), но и там среди раннескифской группы погребений встречается и западная ориентация.

Не столь выдержанной, как казалось бы, судя по общему облику таврской культуры, является ориентировка погребенных и в каменных ящиках горного Крыма. При наличии довольно частых случаев положения головами на север [359] там встречаются и существенные отклонения [360].

Давно уже установлено, что типичной для погребений скифской культуры является западная ориентировка. Однако и среди могильников, несомненно представляющих скифскую культуру, можно встретить также различные положения погребенных по странам света.

Как пример приведу Воронежскую группу Частых курганов, где при явном преобладании южной ориентировки (курганы №№ 2, 3, 9, 11 и др.) исследователи отметили и северную ориентировку (курган № 10) [361].

Приведенные факты самой различной ориентировки погребенных представителей различных культур, относящихся к одному времени и объединенных некоторой общностью материального быта, могут свидетельствовать о возможной пестроте этнических элементов, составляющих эти культуры.

---

[356] ОАК, 1898, стр. 157—161.

[357] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 123—124.

[358] «История СССР с древнейших времен». Изд. ИИМК АН СССР, Л., 1939, ч. II, стр. 114.

[359] Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, стр. 127.

[360] С. А. Семенов-Зусер. Таврские мегалиты. «Наукові записки Харківського Державного педагогічного институту», т. V, 1940, стр. 115—162.

[361] С. Н. Замятнин. Частые курганы. СА, вып. VIII, 1946, стр. 37.

Как известно по историческим данным, жизнь населения нашего степного юга и Предкавказья в скифскую эпоху была насыщена бурными событиями — частыми военными походами, массовыми столкновениями и передвижениями различных племен и народностей.

Естественно, что подобные явления не могли не способствовать хотя бы незначительной перетасовке местных аборигенных групп населения и содействовать той пестроте, которая наблюдается в это время на Кавказе почти повсюду и отражается в погребальном обряде.

Сравнительно более замкнутый характер развития местных обществ, который мог кое-где еще наблюдаться в эпоху бронзы, в этот период сменился оживленными и действенными связями племен с окружающим их миром. Подробно рассмотренный погребальный обряд по материалам Лугового, Нестеровского и других могильников Северного Кавказа позволяет представить себе древнее местное общество, обитавшее в центральной части Предкавказья, как общество с относительно пестрой материальной и духовной культурой, обусловленной оживленными связями местных племен с окружающими племенами и народами.

Сравнительный анализ могильного инвентаря

Такую же весьма пеструю картину представляет и сама материальная культура древнего населения Северного Кавказа скифского времени, насколько об этом можно судить по могильному инвентарю Луговых, Нестеровских и аналогичных им погребений. Перечисленные памятники являют собой яркий пример культурного синкретизма, обусловленного, по-видимому, не только включением в культуру местного общества овеществленных явлений разных культур древности, но и сторонних этнических элементов.

Какую бы категорию вещей мы ни взяли, наряду с явно местными, притом архаичными, признаками мы обязательно обнаружим и инородные для Кавказа черты.

Основные, глубоко местные этнографические признаки настолько тесно переплелись здесь с подобными же признаками из других районов и областей, что наложили глубокий отпечаток на общий облик материальной, а если иметь в виду и погребальный обряд, и духовной культуры местного общества, представленного Луговым, Нестеровским и другими могильниками края. Обилие и значимость этих инородных для Кавказа признаков и определила смешанный характер культуры, с которым мы сталкиваемся при знакомстве с инвентарем Нестеровского могильника или подобным ему памятником Северного Кавказа скифского времени, представляющим восточный вариант этой культуры.

Опять условимся, что в основе анализа будет лежать могильный инвентарь Нестеровского могильника, с привлечением новых материалов Лугового могильника.

Начнем рассмотрение могильного инвентаря с керамических изделий.

П о с у д а. Керамика Лугового, Нестеровского и близких им могильников довольно многочисленна и разнообразна, но за немногим исключением — она невысокого качества.

Несмотря на сравнительно небольшие размеры и невысокое технологическое качество большинства сосудов, трудно допустить, что вся керамика Нестеровского могильника это ритуальная керамика. Большой емкости грушевидные сосуды Моздокского могильника и случаи находок обломков крупных сосудов на Луговом и Нестеровском могильниках (в остатках тризны) в первую очередь указывают на наличие безусловно бытовой посуды.

Многообразие форм здесь столь значительно, что позволяет судить и о поражающем разнообразии функционального назначения сосудов, а значит и о разнообразии стола.

По одним морфологическим признакам устанавливается более 12 типов сосудов различных по своему назначению. Столь широкий ассортимент посуды, безусловно, свидетельствует как о разнообразии стола древнего северокавказского общества, так и о широких хозяйственно-бытовых потребностях членов этого коллектива в разнообразной посуде. Уже один этот факт сам по себе является для своего времени значительным показателем общественно-экономического развития и культурного уровня обитателей центральной части Северного Кавказа в скифское время.

По технологическим признакам вся керамика может быть разделена на три основные группы. Керамика лепная, сделана от руки, а не на гончарном круге, хотя последний в Закавказье давно уже применялся.

Первая, наиболее многочисленная группа керамики объединяет горшки, кружки с одной ручкой, миски и чаши; сделаны они из серой неотмученной глины, содержащей значительную примесь дресвы и крупного песка. Обжиг производился на костре, результатом чего явилось неравномерное прокаливание сосуда и оттенки в цвете. Поверхность чаще темно-серая, как правило, покрытая слабым лощением. В изломе цвет сосудов также темно-серый (табл. LVI и LVIII).

Во вторую группу входят сосуды (чаши, ритуальные сосудики и кружки, сосуды баночной формы), сделанные из глины несколько лучшего качества, лучшего обжига и светло-серого цвета с охристым оттенком. В этой группе встречаются и нелощеные сосуды; она несет на себе следы производственной традиции гончарства эпохи бронзы (табл. LV).

Наконец, третья, самая малочисленная группа состоит из нескольких образцов — блюда и маленьких сосудиков, изготовленных из хорошо отмученной глины, не содержащей никакой примеси и прекрасного обжига. По сравнению с керамикой предыдущих групп эта керамика наиболее прочна (табл. LVIII).

1. Первый тип сосудов — это небольших размеров горшочки и кружки с одной ручкой, очень укороченных пропорций. Как правило, все они широкогорлые, со слабо выраженными шейками, с выпуклыми тупоребрчатыми туловами и с плоскими днищами, всегда меньшими в диаметре, чем в горле (табл. LVI и LIX, рис. *1*, *2*).

Если это не горшки, а кружки, то чаще всего они имеют ручки овально-округлых очертаний, круглых или овальных в сечении. Одним концом ручка упирается в корпус, а другим, верхним концом прикрепляется к самому краю, всегда несколько выступая над линией края сосуда; ручки этих кружек, пожалуй, являются наиболее ранними прототипами позднейших звериных ручек сарматской керамики. Обычно их размеры не превышают 10 см в *h* и 7—8 см в *d*.

Сосуды этого типа сделаны из глины с примесью дресвы и сравнительно хорошо обожжены. Поверхность их чаще всего лучше вылощена, чем у других; она имеет темный, почти черный цвет, с меньшим количеством светлых полутонов, обусловленных неравномерным обжигом на костре.

По морфологическим признакам, по особенностям ручек, по технологическим свойствам и цвету этот тип нестеровских, моздокских и луговых сосудов очень сильно напоминает кобанские формы керамических изделий, присущих ранней стадии развития кобанской культуры, датируемой рубежом II и самыми начальными веками I тысячелетия до н. э.

Такие же по форме, размерам, технологическим признакам и цвету горшочки и кружки с одной ручкой составляли основной керамический инвентарь древнекобанских погребений в каменных ящиках. Подобные сосуды известны из таких прославленных могильников Северной Осетии, как могильники у селений Верхний Кобан[362], Чми[363], Кумбулта[364] и из других мест Северного Кавказа[365].

Правда, кобанская керамика этих форм отличается например, от нестеровской более совершенной выделкой и орнаментикой. Подавляющее большинство кобанских отлично вылощенных сосудов орнаментировано нарезными геометрическими узорами, чего не имеет рассмотренный тип керамики. Но во-первых, абсолютно такой же нарезной геометрический орнамент (заштрихованные треугольники и зигзаги) был встречен на подобных же сосудах из Моздокского[366], Карраского (погр. № 2) и других органически связанных с Нестеровским могильником, а во-вторых и в Нестеровском могильнике еще в первый год раскопок была извлечена чаша-миска (погр. № 2), украшенная по краю именно таким узором[367]. Таким образом, архаический для этих мест геометрический нарезной орнамент зарегистрирован и на керамике Нестеровского некрополя.

Но ведь и кобанская керамика не вся покрывалась таким орнаментом, особенно в более позднее время. Сохраняя свои основные формы и качество и на втором этапе развития (в раннескифское время — VII—VI вв. до н. э.), кобанские горшки и кружки нередко украшаются только легкой реберчатостью (каннелированной поверхностью), параллельными нарезами или даже совсем не орнаментируются. Заметно вытягивается шейка сосудов, больше выступают ручки, а у некоторых кружек округляется и дно, превращаясь в своеобразные чарки скифского типа. Такой тип кобанской керамики хорошо прослеживается по материалам могильников Северной Осетии как в Тагаурии, так и в Дигории[368]. Круглодонные и близкие к таковым чарки с высокой ручкой и с рифленым корпусом мы находили в погребениях раннескифского времени на Кумбултском могильнике Верхняя Рутха.

---

[362] МАК, вып. VIII, табл. XLI, рис. 3, 4, 6; табл. XLII, рис. 9.

[363] Там же, табл. CXXVIII, рис. 4.

[364] Там же, табл. CXXIX, рис. 6.

[365] По материалам Нальчикского музея.

[366] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, 1940, табл. X—XI.

[367] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. «Тр. ГИМ», вып. XII, 1941, стр. 147, табл. VI, рис. 2.

[368] МАК, вып. VIII, табл. XLII, рис. 11; табл. CXXVIII, рис. 2.

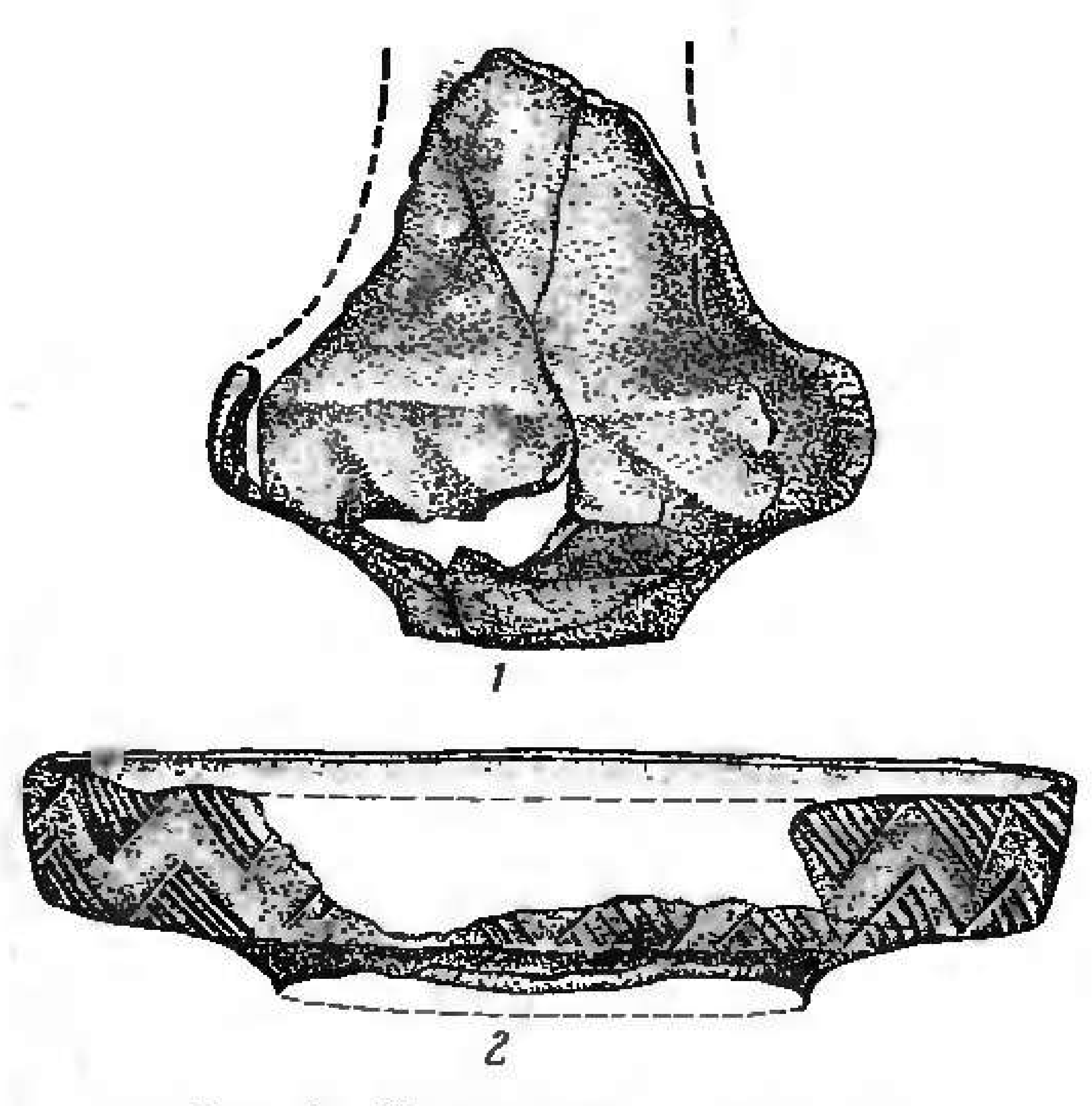

Рис. 44. Нестеровский могильник. Сосуд и миска из могилы № 2

Сосудики с рифленым корпусом были встречены в Моздокском могильнике[369] и в одном из Пятигорских могильников[370]. Один такой сосудик встречен и в Нестеровском могильнике (погребение № 2)[371] (рис. 44).

При сличении, например, кружки рассматриваемого типа нестеровской керамики из погребения № 52 с такой же кружкой из клада, найденного нами на могильнике «Верхняя Рутха» близ с. Кумбулта в 1937 г., обнаруживается абсолютное тождество. Почти те же формы, размеры, цвет, качество и отсутствие орнамента. В кумбултском сосуде находилось 9 бронзовых браслетов и пластинчатая поясная пряжка позднекобанского периода. Точно такой же сосуд есть и в Моздокском могильнике[372]. Обычен он и для Лугового могильника.

Датировать раннескифским временем этот тип сосудов помогает еще одно обстоятельство. Большинство нестеровских и луговых горшочков и кружек имеют одну особенность, знаменующую собой целый этап в развитии всей керамики нашего юга середины I тысячелетия до н. э.: венчики большинства этих сосудиков опоясаны налепными валиками, украшенными щипковым орнаментом. Таковы, например сосуды из нестеровских погребений № 5, 34, 38 и др.

Этот прием орнаментации совершенно чужд местной среде как предшествующего, так и рассматриваемого периода, поэтому искать для него каких-либо аналогий в специфически кавказских культурах бесполезно.

Как хорошо известно, этот тип орнаментации керамики, настолько связан с раннескифской культурой степных районов северного Предкавказья и Украины, что может служить достаточно точным показателем времени бытования керамики, украшенной таким орнаментом.

---

369 А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, 1940, Табл. X.
370 Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли..., стр. 124.
371 «Труды ГИМ», вып. XII, стр. 197, табл. VI, рис. 1.
372 А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, табл. VI, рис. 1.

Еще более этот налепной щипковый орнамент связывается со вторым типом разбираемой керамики.

2. Ко второму типу керамики относятся горшки более вытянутых пропорций, близкие к баночной форме. Это широкогорлые высокие горшки с раздутым туловом, с высокой шейкой и чаще всего с отвернутым краем. Сделаны они из той же глины и теми же техническими приемами, что и сосуды первого типа. Черты этих горшков (почти баночная форма, то же соотношение частей, налепной щипковый орнамент) сходны с массовыми образцами посуды на Украине. Таковы глиняные сосуды из курганов у сел Будки и Волковцы Роменского района на Полтавщине[373], из кургана, раскопанного Н. Е. Бранденбургом в урочище Голущино Чигиринского района на Киевщине[374], из кургана у местечка Смелы[375], из курганов, раскопанных на Полтавщине В. А. Городцовым[376], и из других мест нашего степного Причерноморья. Этот тип керамики наиболее распространен среди керамических изделий скифской культуры (табл. LVI, рис. 6, 7).

Среди вариантов его ярко выделяется один сосуд из нестеровской могилы № 32, баночной формы, без налепного орнамента. Наиболее близкие аналогии этому сосуду имеются в керамике из Бельского городища[377]. Сосуды со щипковым орнаментом встречаются и в горах Кавказа, но опять-таки они и там знаменуют собою проникновение степных скифских элементов[378].

Еще более тесную связь с образцами скифской керамики обнаруживает третий тип сосудов.

3. Третий тип рассматриваемой керамики обнимает самые лучшие образцы посуды. Из Нестеровского могильника в нашем распоряжении имеются два целых сосудика[379]; один из них двойной или парный, сделанный из хорошо отмученной глины, хорошей фактуры, светло-серого цвета. Эти парные сосудики маленьких размеров и, судя по тому, что они сообщаются между собой, назначение их было ритуальное (табл. LVIII, рис. 1, 2).

Но по обломкам крупных сосудов, некогда использованных при совершении тризны на Нестеровском могильном поле, а особенно по находке на Луговом могильнике, удается полнее воссоздать и этот тип изучаемой керамики.

Его основная форма — грушевидная, несколько вычурных очертаний; сосуды очень вытянутых пропорций, горла их меньшего диаметра, чем днища; корпус почти остро реберчатый; шейка очень высокая. По сути это кувшинообразные горшки. Если второй тип Нестеровской посуды мог предназначаться для пареной или вареной

---

[373] Бр. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II. Киев, 1899, стр. 41, табл. XXXIV, №№ 675—676.

[374] Бр. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, табл. III, рис. 819.

[375] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ мест. Смелы, т. III, стр. 19, табл. CCCLXV, фиг. 56.

[376] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавск. губ. в 1906 г. Труды XIV Арх. съезда в Чернигове в 1909 г., том III, М., 1911, стр. 127, табл. I, рис. 5 и 9.

[377] Там же.

[378] МАК, вып. VIII, табл. CXXIX, рис. 11 (сосуд из Камунты).

[379] Погребение № 21.

пищи, скажем, для какой-нибудь каши, то третий тип сосудов явно предназначался для жидкостей, а если учесть крупные размеры сосудов (до 0,4 м высоты), то, может быть — и для хранения зерна. В Луговом могильнике встречались подобные сосуды-хранилища и более крупных размеров.

На обломках одного небольшого, но вылощенного сосуда, найденного на Луговом могильнике, сохранились остатки нарезного изображения стилизованного оленя, подобного оленям, изображенным на известных сосудах раннескифского времени из Ставрополя, Моздока, Нальчика и Пятигорска (табл. XX).

Из территориально наиболее близко расположенных могильников, где встречены грушевидные сосуды, можно указать опять-таки на ту же Моздокскую группу, где они были найдены как в курганах № 1 и № 2, так и в грунтовом могильнике[380]. Имеются они и в памятниках, расположенных далее на запад, в Кабардино-Балкарии[381], в Пятигорье[382], на Ставропольщине[383] и в Прикубанье (табл. XIX, рис. 2, 6, 7).

Хорошо представлены такие сосуды в известных Усть-Лабинских могильниках № 2 и № 4, в раннескифских погребениях[384].

Сосуды этого типа из западных районов Северного Кавказа в связи с изображениями на них оленей в 1935 г. подверглись специальному анализу А. А. Иессена, установившего органическую связь их с скифским миром[385].

Действительно, подобные сосуды довольно широко представлены почти во всех районах распространения скифской культуры. Так, они известны из чигиринских могил Киевщины. Немало их представлено и в других памятниках Киевщины и Полтавщины. Известная коллекция Зноско-Боровского, опубликованная братьями Ханенко[386], также содержит несколько грушевидных сосудов. Некоторые из них украшены геометрическим нарезным орнаментом. По-видимому, основная скифская территория и явилась той почвой, на которой возникла и развилась грушевидная форма сосудов, получившая в скифское время более широкое распространение вплоть до Кавказа.

4. Четвертым типом нестеровских сосудов, по-видимому также связанным с бытовой керамикой скифского круга, являются миски. Они малочисленны. Самая крупная не превышает в диаметре 0,3 м при высоте 0,1 м (табл. LV, рис. 7, 9).

Все они имеют очень слабо вогнутые стенки при небольшом днище. Края мисок округлые, довольно высокие и загнуты внутрь. По технологическим свойствам миски близки первым двум типам. Поверхность их слабо лощеная. Считается доказанным, что этот тип посуды обязательно связывается с мясным столом. Действительно,

---

[380] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, табл. III, VII, XI.

[381] По материалам Нальчикского музея. Сосуд из сел. Шалушинского.

[382] По материалам Пятигорского музея и ГИМ (Из могильника у колонии Каррас).

[383] А. А. Иессен. Северокавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, 1935, № 2, стр. 15.

[384] Н. В. Анфимов. Усть-Лабинский могильник № 2, стр. 163, рис. 2, *2* и по материалам Гос. Эрмитажа.

[385] А. А. Иессен. Указ. соч., СГАИМК, 1931, № 2, стр. 17.

[386] Бр. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, 1900, табл. XIII, рис. 10.

находки костей овцы в подобных мисках довольно обычны, особенно в позднескифское и сарматское время (табл. LIX рис. *4*).

Исключая закавказские образцы мискообразных сосудов урартского времени и редкие мискообразные чаши эпохи бронзы на Северном Кавказе, местная среда не знает подобных сосудов. В большом количестве они появляются на Кавказе примерно с середины I тысячелетия до н. э. Такие миски известны, например, из могильника у с. Корца (Северная Осетия), откуда происходит интересный набор скифского железного оружия [387].

Миски типа нестеровских и луговых в нескольких экземплярах представлены в Моздокских могильниках и курганах [388], в Пятигорских [389] и в Усть-Лабинских могильниках [390] и в ряде поселений раннескифского времени, открытых в предгорной и равнинной части Северного Кавказа [391]. Иногда края их также бывают орнаментированы геометрическим нарезным узором — треугольниками. В погребальных комплексах скифской культуры подобные миски обычны. Стоит только под этим углом зрения пересмотреть издания скифских древностей, чтобы убедиться в этом [392]. Миски, найденные на Нестеровском, Луговом, Моздокском и других могильниках, являются, как мне кажется, производными от украинских мисок скифского типа.

5. Пятый тип местной посуды представлен довольно глубокими чашами при средних размерах около 0,10—0,15 м в диаметре и 0,06—0,09 м в высоту (табл. LV, рис. 1, 3, 5, 6).

Все чаши узкодонны. При множестве вариантов, которые дают формы этих чаш, резко бросается в глаза четкая профилировка их боковых тонких стенок. Сделаны они из грубо приготовленной глины и отличаются наихудшим качеством.

Как ни соблазнительно типологически сближать их с рассмотренными мисками, мы склонны этот тип, в частности нестеровскую керамику, считать специфически местной кавказской формой и выводить ее из формы древних бронзовых чаш горной кобанской культуры, хорошо известных по собранию Уваровых и Ольшевского из Кобана и других мест Северного Кавказа [393] (табл. XIX, рис. 5).

Связь рассматриваемых чаш Нестеровского могильника с кобанскими бронзовыми чашами может быть подтверждена наличием в горных районах Кавказа и глиняных чаш с ручками [394], в деталях повторяющих профилировку как бронзовых кобанских, так и нестеровских глиняных чаш.

Любопытно, что все эти бронзовые чаши и глиняные чарки с выступающими ручками характеризуют не ранний этап развития кобанской культуры, а этап, близкий раннескифскому времени.

---

[387] МАК, вып. VIII, табл. XXIX, рис. 13, 14.

[388] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, табл. II, VI, VIII.

[389] Каталог коллекций древностей проф. Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1892, стр. 41—45.

[390] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 160, рис. 1.

[391] По материалам ГИМ, Пятигорского, Нальчикского и Грозненского музеев.

[392] Бр. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, 1900.

[393] МАК, вып. VIII, табл. XLI, рис. 9 (подобные бронзовые чаши из горных районов Кабардино-Балкарии имеются и в собрании Нальчикского музея).

[394] МАК, вып. VIII, табл. XLI, рис. 7 (Кобан); табл. CXXIX, рис. 5 (Чми) и др.

Нам представляется, что генетическая связь рассмотренных нестеровских чаш с указанными чашами и чарками кобана несомненна, и на этом примере мы убеждаемся в давности и силе местной культурной традиции, дожившей до времени существования Моздокского, Нестеровского и других могильников края.

6. Ярким примером довольно совершенной выделки нестеровской посуды являются два сосуда, изготовленные с особенной тщательностью. Это две плошки с четырьмя уплощенными округлыми ручками, диаметрально расположенными по краям сосудов. Диаметр одной плошки 13,5 см при общей высоте в 3 см; плошка почти круглодонная. Другая, чуть меньшего размера, плоскодонная. Поверхность обеих плошек вылощена (табл. LV, рис. 4). Обе плошки составляли керамический инвентарь погребения № 50. Известны плошки из могил №№ 4 и 7 могильника Исти-су[395] довольно близкие им по форме. Но те сосуды, названные их издателем мисками, имеют по одной ручке и являются продукцией более грубого производства.

Вряд ли этот тип посуды имел строго утилитарное назначение. Ни размеры, ни форма не указывают на это. Оригинальная форма сосудов, найденных в могиле, раньше всего вызывает мысль об их культовом характере.

Даже независимо от того, можно ли считать их своеобразными подвесными плошками-светильниками, нельзя не признать их принадлежности какому-либо ритуалу, может быть именно погребальному. Что такие сосуды в то время широко бытовали, доказывается оригинальным сосудом баночной формы с ножкой и боковой ручкой из погребения № 7, найденным на могильнике Исти-су[396].

Своеобразие могилы № 50, заваленной большим количеством крупных булыжников, в расположении которых наблюдалась определенная закономерность, а также наличие в ней распавшегося железного оружия, костяного наконечника стрелы и отмеченных выше оригинальных плошек, допускает возможность рассматривать это погребение как погребение представителя родовой верхушки, возможно и жреца.

Не найдя прямых аналогий плошкам в какой-либо иной культурной среде, предполагаем, что они могли бы быть продукцией местного гончарного мастерства, хотя пока и не можем указать на их местные прототипы.

7. Седьмой тип представлен всего одним сосудом из Нестеровского погребения № 37. Это довольно своеобразный сосуд, в виде высокого горшка асимметричной формы с выпуклым туловом. Край несколько отвернут. Шейка слабо выражена. Дно плоское и диаметром почти равное горлу. Основание шейки опоясывает двойная линия мелких и неровных треугольных вдавлений (табл. LVII, рис. 4).

Формованный гораздо грубее других, сосуд этот имеет светлую глину с большим процентом примесей кварцевого песка; цвет — грязноохристый, поверхность в трещинах.

Грубость выделки сосуда, асимметричность формы, цвет и даже соотношение частей как будто находят себе параллели в посуде каякентско-хорочоевской куль-

[395] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период, стр. 27 и 31.

[396] Там же, стр. 31, рис. 8, 3 и стр. 69.

туры[397]. Особенно близок, на первый взгляд, сосуд из сел. Лагодехи[398], но сходство это лишь внешнее. Почти все сосуды указанной культуры имеют неровную бугристую поверхность и непропорционально малое днище. Кроме того, они прочнее.

Также внешнее сходство нестеровский сосуд из погребения № 37 имеет и с посудой из Березовского могильника близ Кисловодска и из могильника у станции Минутка, судя по инвентарю могил, относящихся к позднекобанскому времени[399]. В каменном ящике могильника у станции Минутка в 1938 г. и еще раньше в могиле № 4 Березовского могильника были обнаружены сосуды почти таких же форм и пропорций, но сделанные более тщательно и сплошь орнаментированные узкими треугольниками.

Любопытно, что близкие формы сосудов в виде небольших горшочков известны и из высокогорных пунктов Северной Осетии, из Галиатского могильника Фаскау и из Кумбултского могильника Верхняя Рутха. Оба сосуда хранятся в Государственном Историческом музее. Оба они по плечам украшены поясом, состоящим из цепи треугольных вдавлений. В нескольких местах эти вдавления образуют треугольники, обращенные вершиной вниз (табл. LVII, рис. 2, 3).

Сама по себе форма этих сосудов чужда массовой керамике Северного Кавказа предшествующего периода и, по-видимому, так же как и второй тип,— баночная форма происходит из северных степных районов Предкавказья, если не из еще более северных.

Пожалуй, наибольшую типологическую близость Нестеровскому сосуду из погребения № 37 обнаруживает серия таких же грубо сделанных савроматских сосудов из ряда пунктов Нижнего Поволжья и Приуралья.

В известной работе П. Рау о могильниках раннежелезной эпохи Поволжья[400] приводятся экземпляры грубой керамики из Покровска[401], с. Лебяжьего, близ Камышина[402], Фриденберга[403] и из других мест, повторяющие форму нашего сосуда.

Некоторые параллели этому сосуду можно подыскать и в других памятниках Поволжья раннескифского времени.

На находки сосудов, близких описанным, ссылается и И. В. Синицын в одной из своих работ, посвященной археологическим исследованиям в Нижнем Поволжье[404].

Такие же горшки с широким горлом, округлым брюшком и плоским дном из

---

[397] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, М., 1958, стр. 124.

[398] Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. «Тр. ГИМ», вып. XI, 1940, табл. II.

[399] По материалам, хранящимся в Пятигорском музее.

[400] P. Rau. Указ. соч., стр. 83 сл.

[401] Там же, стр. 83, рис. 25 (курган № 31).

[402] Там же, стр. 85, рис. 27, (курган I); стр. 86, рис. 29 (курган 2).

[403] Там же, стр. 81, рис. 23, из раскопок Рыкова 1925, курган № 5.

[404] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Уч. зап. Саратовского Гос. ун-та», XVII, Саратов, 1947, стр. 12, табл. VII, рис. 1 (курган 4, погр. 3 близ Бородаевки и др.).

прохоровских и красногорских могил Южного Приуралья были описаны М. И. Ростовцевым[405]. Они происходят из 4-го проховского кургана[406] и из с. Поканева (раскопки С. И. Руденко)[407].

Если еще учесть сосуды абсолютно тех же форм, доживших в Поволжье до римской эпохи, насколько об этом можно судить по публикациям П. С. Рыковым и П. Рау[408] инвентаря Сусловского могильника[409] и других материалов, именно на территории Поволжья и можно проследить последовательный путь развития этого типа сосуда от скифского времени до рубежа нашей эры. Там эта форма оказалась наиболее устойчивой.

Наконец, мы не можем не указать еще на керамику, аналогичную нашим сосудам, ставшую известной в самые последние годы, из области бытования так называемой юхновской культуры, синхронной раннескифской. Это обломки глиняных горшков, украшенных по плечам линией прямоугольных и треугольных вдавлений, расположенных треугольниками, из раскопок А. Е. Алиховой городища Кузина гора в Курской области и раскопок В. А. Ильинской поселения у с. Бондариха на Украине[410]. Очевидно, это морфологическое и орнаментальное сходство не случайно. Эти примеры, вероятно, служат иллюстрациями древних связей населения степных и лесостепных районов с племенами Северного Кавказа.

Очень возможно, что в результате древних хозяйственно-культурных связей северных, в их числе и нижневолжских племен с обществами кавказских предгорий (осуществлению которых в древнейшие времена ничто не мешало) и проникла из Поволжья на Кавказ форма, зарегистрированная нами как в нестеровской могиле № 37, так и в могильниках Северной Осетии и Пятигорья.

8. Также всего одним сосудом представлен и восьмой тип нестеровской керамики. Это сосуд баночной, сильно приплюснутой формы, с непомерно широким горлом, короткой шейкой, округлым корпусом и широким днищем. Его длина почти равна высоте. Сделан грубо из светло-серой глины без примеси. Слабо вылощен. Основание шейки опоясывает глубокая и неровная линия, от которой через промежутки в 2—2,5 см опускаются вниз треугольники, состоящие из пяти ямочек, расположенных в шахматном порядке, а в одном случае треугольник, образованный сходящимися насечками. Найден сосуд в могиле № 39 (табл. LVII, рис. 5).

Если не форма, то приемы орнаментации округлыми вдавлениями и треугольниками, расположенными в шахматном порядке (в опрокинутых треугольниках), кроме упомянутых выше случаев, известны на Северном Кавказе еще и на сосудах середины II тысячелетия до н. э., происходящих из группового могильника у быв-

---

[405] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, вып. 37, Пг., 1918, стр. 75.

[406] Там же, табл. V, рис. 13.

[407] Там же, стр. 75, рис. 38.

[408] П. С. Рыков. Сусловский могильник. Саратов, 1925.

[409] P. Rau. Указ. соч., стр. 48, рис. 75, (курган С. 7).

[410] Сужу по докладам А. Е. Алиховой и В. А. Ильинской в секторе скифо-сарматской археологии ИИМК в 1957—1958 гг. См. также статью В. А. Ильинской в КСИА АН УССР, вып. 5, Киев, стр. 19 сл.

шего сел. Первомайского (ныне Галашки) в том же Ассинском ущелье [411]. И этот пример вновь заставляет вспомнить сосуды из с. Вондарихи [412] и вновь указать на далекие связи, возникшие еще в эпоху бронзы (табл. LVII, рис. 1).

Такими треугольниками из пяти ямок, расположенных в шахматном порядке, и грубыми нарезными угольниками были покрыты обломки керамики из поселения у хутора Ляпичева Сталинградской области, исследованного М. И. Артамоновым и покойным А. П. Кругловым в 1932 г.[413] Некоторое сходство есть и в орнаментике керамики и Кобякова городища [414].

Этот тип посуды дожил до римского времени, ибо соответствующие образцы грубых горшков, иногда орнаментированных, встречаются в Поволжье в поздних курганах сарматской культуры. Таков, например, горшок из кург. С9 из окрестностей с. Харьковки [415]. Эти сопоставления позволяют предполагать проникновение на Северный Кавказ типа сосуда нестеровского погребения № 39 из северных савроматских районов Предкавказья и Нижнего Поволжья.

9. К девятому типу относятся сосуды в виде кружек с одной ручкой, стоящие особняком в ряду других типов керамики Нестеровского могильника и близких ему, например, Исти-су (табл. LVI, рис. 2, 5).

Кружки грубой работы. Сделаны они из глины с большой примесью дресвы. Обожжены неровно, поэтому и цвет имеют неодинаковый с оттенками от светло-серого до желтоватого. Таковы две кружки из Нестеровского могильника со слабо вздутым корпусом; бо́льшая из них имеет отвернутый край. Обе они плоскодонные, с ручками округлых очертаний, при прямом основании. Кружки найдены — меньшая в погребении № 8, большая в погребении № 16. Такие кружки известны и из могильника Исти-су [416].

Этому типу сосудов в местной керамике мы также не находим аналогий. Но по некоторому сходству, проявляющемуся и в форме и в технике изготовления, этот тип кружек обнаруживает поразительную близость к керамическим изделиями из таврических каменных ящиков горного Крыма, на что давно обратил внимание Д. А. Крайнов.

Особенно большое сходство по технологическим, да и внешним признакам имеют нестеровский сосуд из погребения № 8 и сосуд из каменного ящика № 6, исследованного Н. И. Репниковым в Крыму, в урочище Мал-Муз в 1908 г. [417] По форме

---

[411] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 91—93, рис. 24.

[412] В. А. Ильинская. Указ. соч.

[413] По материалам Эрмитажа.

[414] А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах. СГАИМК, вып. 1, 1926.

[415] А. А. Иессен и Б.Б. Пиотровский. Моздокский могильник, 1940, табл. VI, рис. 2.

[416] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа..., стр. 28, рис. 6.

[417] Н И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 143—144, рис. 20, 21, 25.

и соотношению частей второй нестеровский сосуд из погребения № 16 может быть сравниваем с сосудом из Херсонесского музея [418].

На сходство с керамикой Крыма как будто указывает и десятый тип сосудов.

10. О десятом типе сосудов можно судить по довольно редким экземплярам. Это маленькие, но толстостенные полусферические чашки с абсолютно круглым дном, сделанные из светло-серой глины и слабо вылощенные. Их диаметр не превышает 8—10 см, высота — 4,5—5 см. По своему назначению это, по-видимому, культовые сосудики. Они известны из Нестеровского (могила № 43) и из Лугового могильников (табл. LV, рис. 10).

Связывать их, скажем, с круглодонными небольшими чарками кобанской культуры скифской стадии нет никаких оснований. Здесь все — другое, хотя круглодонные сосудики малых форм и известны из западных районов Северного Кавказа, в комплексах, хронологически близких Нестеровским, Луговым и Моздокским. Это черные, хорошо вылощенные, круглодонные сосудики из Каменномостского могильника Кабардино-Балкарии. Но и те типологически увязываются с таврской керамикой горного Крыма [419]. Действительно, прямые аналогии этим чашкам имеются только в таврской керамике. Такую же по размерам круглодонную чашечку из одного таврского погребения опубликовал Семенов-Зусер [420]. Его чашечка отличается несколько от нашей лишь профилировкой стенок. Такая же чашечка известна и из Моздокского могильника [421].

Подобные же сосудики — круглодонные чашечки и чарки — известны из ряда пунктов горного Крыма по раскопкам Н. И. Репникова [422] и по материалам Херсонесского музея [423]. Таким образом, и по этому типу сосудов как будто намечается некоторая связь Крыма с Кавказом.

Только по таким признакам, конечно, рискованно делать какие-либо сопоставления с материалом из столь отдаленных областей и приходить к заключениям исторического порядка. Но, к нашему удовлетворению, налицо выступает еще ряд сходных признаков, наблюдающихся и по другим категориям вещевого материала (о чем подробнее будет сказано дальше), вследствие чего и эта, пусть весьма отдаленная, близость в керамике не кажется уже случайной, а отмеченное сходство не представляется необоснованным.

11. Одиннадцатый тип керамики восточного варианта изучаемой культуры объединяет довольно высокие кувшины с раздутым корпусом и почти прямой высокой шейкой. Нередко они хорошо вылощены и имеют разные оттенки от черного до светлого, охристого. Такие кувшины были известны еще из могильника Исти-су.

---

418 По зарисовкам Н. В. Пятышевой, которой приношу благодарность за предоставление мне рисунков.

419 Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Уч. Зап. КНИИ», т. V, Нальчик, 1949, стр. 253, рис. 54.

420 С. А. Семенов-Зусер. Таврские мегалиты. Наукові Записки Харківского пед. ин-та, т. V, 1940, стр. 157, рис. 17.

421 А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, табл. VI, рис. 2.

422 Н. И. Репников. Указ. соч. Из кам. ящика № 6.

423 По зарисовкам Н. В. Пятышевой (Из Балаклавы и окрестностей Херсонеса).

Встречены они и на Луговом могильнике. Один из них опоясывает по плечам прямая углубленная линия, другие — слабый елочный орнамент, третьи опоясываются рядом параллельных борозд. Эта группа немногочисленна (табл. LIX, рис. 3).

12. В последнюю группу входят сосуды, типологически не вошедшие в какую-либо из перечисленных групп. Таков, например, глиняный сосуд в виде банки с ручкой и носиком из погребения № 7 могильника Исти-су [424].

Для полноты анализа необходимо снова вернуться к двум типам описанных сосудов, прежде всего к парному сосудику, встреченному в Нестеровском погребении № 21. Это маленький двойной сосудик, состоящий из двух сообщающихся посредством перемычки сосудиков грушевидной формы с острореберчатым туловом. Типологически, как уже отмечалось выше, этот сосуд связывается с грушевидными скифскими корчагами и другими подобными сосудами меньших размеров (табл. LXIII, рис. 1). Назначение может быть определено с учетом параллелей из иного культурного мира.

Его осмысление как культового сосудика значительно расширяет область сравнений, но вряд ли облегчает нашу задачу в отношении установления его происхождения вне местной среды. Ведь подобные двойные или парные сосудики как культовые (и вряд ли бытовые) известны с глубочайших времен, бытовали в хронологически различных культурах вплоть до современности как на западе, так и на востоке. Они известны в древнем Библосе, в памятниках гальштаттской культуры и у этрусков. Известны они на Кавказе и в более ранее время. Здесь находятся истоки ритуала, для удовлетворения нужд которого кавказские аборигены и изготовляли двойные или парные сообщающиеся сосудики.

Двойные сосудики известны в Закавказье, в частности по материалам Самтаврского могильника начала I тысячелетия до н. э. Один парный сосудик, в виде шаровидных чарок с переплетающимися высокими ручками известен и из кобанского могильника [425]. По способу соединения двух сосудиков при помощи перемычки на уровне корпуса он очень близок парному сосудину из нестеровской могилы № 21. Весьма сходны с кобанскими парными сосудиками такие же парные из Моздокского могильника [426].

Кобанский двойной сосудик (явно культовый, судя по малым размерам и орнаментации) по его морфологическим признакам может быть отнесен к раннескифскому времени. Но этот сосудик органически связан с горной культурной средой, опирающейся на глубокие и древние традиции кобанской культуры, и поэтому естественно своей формой он не походит на нестеровский двойной сосуд, составленный из грушевидных, плоскодонных сосудиков.

Нам кажется, этот пример наглядно доказывает, что, несмотря на глубокие местные корни, в оформлении культуры Нестеровского могильника участвовали и иные культурные элементы, в том числе и скифские.

---

[424] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период, стр. 31, рис. 8,8.

[425] МАК, вып. VIII, табл. XLII, рис. 11.

[426] Хранятся в Пятигорском музее.

Аналогичное объяснение мы предлагаем и для налепов в виде змеек, зафиксированных на обломках крупного сосуда, найденного вблизи Нестеровского погребения № 48 и на ряде обломков из Лугового могильника. К сожалению, темно-серый лощеный сосуд находится в крайне фрагментарном состоянии. По-видимому, он был брошен вблизи могилы после совершения тризны (табл. LX, рис. 1, 2).

Судя по профилю почти прямых обломков, на которых изображены обрывки валиков в виде змей, исполненных в высоком рельефе, этот орнамент не мог опоясывать корпус сосуда: получился бы сосуд невероятно большого диаметра. Значит, налепы в виде змей располагались вертикально. В таком случае при наличии плоского дна и изгиба реберчатого корпуса обломки со змеями должны приходиться на прямые плечи очень вытянутого грушевидного кувшина, типа сосуда из Моздокского могильника, хранящегося в Пятигорском музее [427]. Таким образом, прием украшения сосуда змеей связывается с характерным скифским типом посуды.

Особый интерес представляет прием змеиной орнаментации сам по себе. Он, как известно, широко распространен во многих культурах, ибо змея всегда играла значительную роль в культах и поверьях народов. Налепы в виде змеи встречаются и на таврской керамике горного Крыма.

Очень велика роль змеи в культах кавказских народов. С законным основанием наш сосуд мы можем считать культовым. Но этот пример в памятниках Кавказа скифского времени не одинок.

Зигзагообразные налепы были встречены нами в 1940 г. на обломках такой же керамики из поселения, расположенного вблизи Нестеровского могильника и, как нами было установлено, органически связанного с могильником.

Такой же змееобразный налеп украшал обломки лощеной керамики, собранной А. А. Иессеном с поселения раннескифского времени у горы Бештау в Пятигорье [428].

Хорошо известны изображения змей, выгравированные на кобанских бронзовых топорах, и поясные пряжки в виде извивающихся змей. Глиняный сосуд, опоясанный налепной змейкой, происходит и из Кумбултского кладбища [429].

Аналогичные примеры изображения змей на предметах быта, в том числе и на глиняной посуде, в виде рельефов знает и закавказская культурная среда как урартского, так и доурартского периода [430]. Изображения змей встречаются на весьма известных закавказских лощеных черных сосудах, инкрустированных белой пастой [431]. Это врезанные изображения, но есть и выпукло-рельефные. Рельефная змея опоясывает корпус кувшина из погребения № 11 Бешташенского могильника (Грузия, по раскопкам Б. А. Куфтина) [432].

Такой же орнамент имеет буроглиняный мискообразный горшок из раскопок Я. И. Гуммеля [433]. Плечи этого сосуда покрыты двумя опоясывающими его выпукло-

---

[427] По материалам Пятигорского музея.

[428] Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. СГАИМК, вып. № 3, 1931, стр. 30.

[429] Раскопки В. И. Долбежева. 1889 г. Хранится в ГИМ.

[430] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

[431] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, табл. XIII, рис. 4, 14.

[432] Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 74, рис. 82.

[433] По письму Я. И. Гуммеля от 16/VI 1941 г., адресованному автору.

рельефными (налепными) змеями. Тело змей усеяно мелкими точкообразными углублениями, заполненными белой пастой (инкрустацией). Горшок был извлечен Я. И. Гуммелем в 1941 г. из подкурганной могилы близ г. Ханлара. По сопутствующему горшок инвентарю курган может датироваться периодом урартского владычества в Закавказье. Таким образом, змеиный орнаментальный узор на посуде является давно бытующим как на Северном, так и на Южном Кавказе.

Возвращаясь к нашим сосудам с налепными змеями из Нестеровских могильника и поселения, мы должны видеть в этом проявление глубоко местной общекавказской традиции в орнаментации культовой посуды, осуществлявшейся уже в другой культурно-исторической обстановке; этим и объясняется близость к скифским образцам и самой грушевидной формы украшенного змеями сосуда и технического приема — налепного извивающегося валика.

Заслуживает упоминания также и более редкий случай орнаментации керамики в виде налепного знака свастики, который зафиксирован нами на одном обломке горшка из Лугового могильника. Для Лугового могильника этот орнаментальный прием обычен. Как увидим из последующего изложения, почти все бронзовые двуовальные бляхи из этого могильника были украшены пунктирным орнаментом в виде свастики. При довольно широком хронологически и территориально распространении этого древнего знака как символа огня, силы, могущества и плодородия (от Индии до Западной Европы) мы должны будем все же признать местный генезис этого знака, поскольку он давно известен в памятниках Кавказа [434].

Заканчивая обзор керамики восточной группы памятников скифского времени на Северном Кавказе, необходимо отметить, что, несмотря на обилие керамических форм (безусловно свидетельствующих об их функциональном различии) и несмотря на различия в их происхождении, основные типы сосудов, притом наиболее многочисленные, как было указано выше, оказываются генетически связанными с развитием местных типов северокавказской керамики рубежа позднего периода эпохи бронзы и раннежелезного века.

Как мы видели, принадлежность к местной культурной среде выступает не только в самих формах некоторых типов сосудов (условно выделенные нами типы 1, 5 и 6), но и в таких технических особенностях изготовления керамики, как примеси, обжиг, цвет и лощение.

Наконец, на глубокую связь с местными культурными традициями указывает и присутствие среди рассмотренной посуды двойных ритуальных сосудов и исконно кавказского приема орнаментации змеей и свастикой.

П р я с л и ц а. Довольно частыми находками на могильниках, перечисленных выше, были глиняные пряслица для сучения шерстяной нити. Все они имеют сквозные отверстия. Найдено их несколько сотен. Они составляли почти обязательную принадлежность инвентаря всех женских погребений, иногда встречаясь по четыре и даже по восемь экземпляров в одной могиле, как, например, на Луговом могильнике.

Их разнообразие по форме в основном можно свести к четырем типам. Размеры их более или менее одинаковы.

---

[434] А. А. И в а н о в с к и й. По Закавказью. МАК, вып. VI, стр. 113, 121.

Первый тип представлен пряслицами в виде современной канцелярской печати с резко выступающей верхней частью почти цилиндрической формы (табл. LVII, рис. 4);

второй тип — высокой и конусообразной формы, иногда с усеченной вершиной и прямым основанием (табл. LX, рис. 5);

третий тип пряслиц может рассматриваться как производный от второго, но сильно уплощенный и с выпуклыми сторонами (табл. LX, рис. 6) и, наконец, четвертый тип пряслиц самый низкий, в виде лепешки с выпуклым верхом и выемчатым основанием, хотя выемчатость основания вообще присуща почти всем типам пряслиц (табл. LX, рис. 7).

Как ни странно, но этот вид орудий женского труда мало известен в ранних комплексах кавказских культур, т. е. до середины I тысячелетия до н. э.

Наиболее ранние глиняные пряслица на Кавказе, близкие описанному второму типу и даже орнаментированные, впервые были нами обнаружены в могильнике у сел. б. Первомайское (ныне Галашки) в том же Ассинском ущелье; могильник датируется серединой II тысячелетия до н. э.[435] В памятниках других близких культур Кавказа они были неизвестны. И потому связывать разбираемые глиняные пряслица с первомайскими и непосредственно выводить первые из вторых затруднительно, хотя эта связь между ними и возможна. Позднее глиняные, притом орнаментированные пряслица были нами встречены при исследовании Змейского поселения (не позднее VIII в. до н. э.) в Северной Осетии. Эти находки, быть может, являются единственным звеном, как будто связывающим более ранние пряслица с типами скифского времени. Но их все же мало.

Они пока неизвестны в промежуточных культурах рубежа II—I тысячелетий до н. э. Глиняные пряслица не встречались ни в погребениях раннекобанской культуры, ни каякентско-хорочоевской, ни в погребениях синхронных им закавказских культур. Это не значит, что подобные орудия труда вообще были неизвестны, скажем, носителями кобанской культуры, основой существования которых было прежде всего скотоводство и связанная с ним обработка шерсти. Конечно, и в то время они бытовали, но были очевидно, более редкими, при преобладании деревянных, бытовавших у различных горцев Кавказа до последнего времени[436], поэтому они и не сохранились.

Впервые в массовом обиходе древних кавказских племен глиняные пряслица появляются в скифское время (VII—VI вв. до н. э.) и, думается, не случайно они оказываются типологически очень близкими пряслицам степного скифского населения.

Перечисленные выше, четыре основных типа нестеровских пряслиц находят себе прямые аналогии во всем многообразии форм пряслиц, известных как из скифских поселений, так и из курганов и могильников.

Формы их настолько общеизвестны, что нет нужды обосновывать сходство,

---

[435] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 92, рис. 23. *8*.

[436] Любая выставка по этнографии народов Кавказа дает представление о бытовании древнейших деревянных пряслиц до последнего времени.

скажем, нестеровских и луговых пряслиц (первого и второго типов) с такими, например, пряслицами, какие находил В. А. Городцов на Бельском городище[437], какие опубликовал А. А. Бобринский с паспортом из окрестностей Смелы[438], с. Аксютинцы[439] и других мест (первого, третьего и четвертого типов). Известны такие же пряслица и с Немировского городища и других пунктов нашего юга[440].

Именно в период бытования скифской культуры на Украине и происходит массовое распространение глиняных пряслиц «скифских» форм и на Северном Кавказе. Так, они известны из ряда городищ и поселений Прикубанья, Пятигорья и более восточных районов Северного Кавказа, как Алхастинское и Нестеровское, Луговое, Ермоловское и другие поселения[441]. Много их найдено и в северных степных районах Ставрополья и Дагестанской АССР. Известны они и из ряда могильников, стадиально близких Нестеровскому, как, например, Луговой, Каррасский или могильник у Чеснок горы[442] и др. (табл. LVIII, рис. 1—4).

Это обстоятельство лишний раз доказывает, что глиняные пряслица получают свое широкое распространение на Северном Кавказе в скифское время не случайно, а в связи с общим проникновением на Кавказ других элементов скифской культуры, если не самих скифских этнических элементов.

Очажные подставки. К одним из самых интересных предметов, найденных на Нестеровском могильнике вне погребений, относятся обломки двух глиняных подставок. Они имеют округло-вытянутый верхний край и утолщенное плоское основание для устойчивости. В центре имеется круглое отверстие. Их размеры невелики (табл. LX, рис. 8 и 9).

Будучи реставрированы, они оказались абсолютно тождественными таким же подставкам, обнаруженным в насыпи одного из курганов (№ 3), раскопанных А. А. Миллером под г. Моздоком[443]. Размеры и форма одни и те же. Разница заключается только в том, что моздокские подставки имеют штампованный и пунктирный орнамент, отсутствующий на нестеровских.

Почти такие же подставки, или, как их еще называют, «рогатые кирпичи», содержат и культурные слои ряда городищ по р. Кубани[444]. По определению М. В. Покровского, на мнение которого ссылались А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, эти слои «датируются временем от IV в. до н. э. по III в. нашего летоисчисления»[445]. Такой же «кирпич», или подставка, из желтоватой и грубо промешанной глины

[437] «Труды XIV АС», том III, М., 1911, из зольников 2, 3 и 4.

[438] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ мест. Смелы, том. II, табл. II, рис. 11, 22; том. I, табл. V, рис. 16.

[439] Там же, том III, табл. IV, рис. 2, 16, стр. 25, фиг. 3.

[440] Бр. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, Киев, 1899, стр. 41, табл. XXXXIV, рис. 704—714.

[441] По материалам Северо-Кавказской экспедиции ИИМК и ГИМ, 1946—1947 гг.

[442] Каталог древностей коллекции Д. Я. Самоквасова, стр. 43, гробы №№ 2 и 3, № 1976.

[443] Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг. Л., стр. 243, т. XI, рис. 8—10.

[444] А. В. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, вып. 3, 1941, стр. 173.

[445] Там же.

известен из поселения, находящегося между станицами Варениковской и Джигинской, якобы относящегося к рубежу нашей эры [446].

Близки по форме подставкам из Нестеровского могильника и Моздокского кургана № 3, а также кубанским находкам и глиняные, действительно рогатые кирпичи, найденные В. А. Городцовым на Старшем Каширском городище и встречаемые на других памятниках дьяковской культуры [447]. Старшее Каширское городище датируется VII—IV вв. до н. э., т. е. приблизительно тем же временем, каким могут датироваться все перечисленные северо-кавказские экземпляры подставок.

Аналогичные глиняные очажные подставки известны и в памятниках юхновской культуры, синхронной скифской культуре [448].

Есть и на Кавказе образцы, близкие старокаширским и юхновским формам рогатых кирпичей. Это глиняные подставки, найденные на Долинском поселении близ г. Нальчика [449], в Тквиавских курганах [450] и находки Б. А. Куфтина в Юго-Осетии [451] эпохи энеолита. Наконец, рогатые кирпичи, или очажные подставки найдены нами и на Луговом энеолитическом поселении [452]. Как и нестеровские подставки, все они имеют отверстие посредине. Обломки абсолютно сходных с нестеровскими очажными подставками были нами подняты в песчаных выдувах в северных степных районах Дагестанской АССР в 1948 г. [453]

Глиняные цилиндрические очажные подставки с отверстиями и подлинные рогатые кирпичи (полые и с отверстиями) обнаружены нами на Луговом поселении в 1952 г. у энеолитического очага [454]. Они, правда, несколько иной формы, чем позднейшие, но назначение их было, очевидно, такое же. Эти энеолитические рогатые кирпичи по аналогии с малоазийскими и закавказскими образцами, по-видимому, имели и бытовое назначение и использовались при отправлении древних культов [455].

Функциональное родство всех этих предметов не подлежит никакому сомнению. Нахождение их вблизи очагов или остатков тризны доказывает несомненную связь их с процессом приготовления мясной пищи, в том числе и ритуальной, поминальной (на вертеле — «шампури»).

---

[446] По зарисовке проф. А. П. Смирнова в Краснодарском музее.

[447] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 14—15, табл. IV, рис. 13.

[448] М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1948, стр. 73, рис. 17, б—з.

[449] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, вып. 3, 1941, стр. 171, табл. III.

[450] С. И. Макалатия. Назв. раб., стр. 104.

[451] Б. А. Куфтин. К изучению проблемы энеолита внутренней Картли и Юго-Осетии. «Вестник Гос. музея Грузии», вып. XV, Тбилиси, 1947.

[452] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1955, стр. 95.

[453] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 99, рис. 40, 2, 3, 5, 6.

[454] Там же, стр. 95.

[455] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий. «Вестник Гос. музея Грузии», вып. XIII В, Тбилиси, 1944, стр. 30 и сл.

В указанной книге В. А. Городцова и в работе А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого даны краткие сводки всех подобных находок, сделанных на нашей территории и вне ее. В этих же работах приведены и серьезные основания в пользу взгляда, рассматривающего все эти глиняные подставки и рогатые кирпичи именно как очажные подставки, а не грузила для веретен или ткацкого станка и не грузила для сетей, как казалось некоторым авторам.

Долго оставался неясным вопрос об использовании их в быту или при совершении каких-нибудь культовых церемоний. В. А. Городцов, хотя и осторожно, высказался за культовый характер этих предметов. Авторы работы о Долинском поселении, основываясь на находках рогатых кирпичей вблизи очагов, настаивали на утилитарно-бытовом их назначении, считая их обязательной принадлежностью очажных комплексов.

Наши находки глиняных подставок на Нестеровском могильнике вблизи следов тризны, моздокские находки в насыпи кургана, далее, наши находки подставок на местах развеянных поселений, кажется, примиряют обе точки зрения на эти подставки. Они имели одновременно и «культовую значимость», как предполагал В. А. Городцов, и, конечно, являлись «инвентарем жилых комплексов», как думали А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий.

Вместе с тем и глиняные очажные подставки Нестеровского могильника и моздокские находки подтверждают глубокую преемственную связь местной культуры скифоидного облика, с культурами Северного Кавказа более отдаленного времени, начиная с эпохи энеолита и ранней бронзы (по материалам Лугового могильника, Долинского поселения и др.).

Рис. 45. Нестеровский могильник. Железный топор. Находка вне могил.

Оружие. Среди материалов, происходящих из археологических комплексов Северного Кавказа типа Нестеровского могильника, особое место занимает оружие. Оно внушительно и по количеству и по своим качествам. Кроме того, оно обладает определенными хронологическими признаками.

Оружие представлено несколькими категориями предметов: железными рабочими топорами, боевыми топорами-секирами, железными короткими мечами и кинжалами, многочисленными железными наконечниками копий, наконечниками стрел (бронзовыми, костяными и железными) и серповидными ножами. Почти все перечисленные виды оружия добыты в могилах и только несколько экземпляров найдено вне могил. Первой из таких важных находок является железный топор (рис. 45).

Массивный железный *топор* имеет удлиненные пропорции. Молоточная часть четырехгранная, сужающаяся к резко обрезанному концу. Рабочая часть (лезвие) сегментовидная, слегка выгнутая. Втулка слегка овальна. Найден топор на глубине 0,6 м на квадрате XVII Нестеровского могильника.

Специальные исследования этого топора, произведенные в лаборатории кафедры металловедения Московского Механического Института (химический и спектральный анализы, металлографическое исследование и испытание на твердость) показали, что нестеровский топор изготовлен из сварочного железа, содержащего неметаллические включения (окиси и силикаты) путем деформации в горячем состоянии. Наличие в поверхности структуры перлита указывает на цементацию топора[456]. Железные топоры этого типа являются вообще сравнительно редкими находками, особенно в практике исследований памятников скифской культуры. Подобных топоров известно немногим более 10 экземпляров.

На первый взгляд он имеет мало общего с местными формами бронзовых топоров кобанского типа, среди которых позже известны и железные. Но наш имеет черты, сходные с пятью железными топорами из могильника у сел. Кашкатау раннескифского времени. Они хранятся в Нальчикском музее (рис. 21, 7). Один такой железный топор из Северной Осетии хранится в Государственном Историческом музее. Поиски аналогий приводят нас к скифским образцам, в скифскую культурную среду.

Пожалуй, наиболее близким по типу нашему топору является железный топор, найденный А. А. Бобринским в одном из курганов б. Роменского уезда Полтавщины[457]. С топором никаких вещей не найдено. Роменский топор несколько отличается от нестеровского только чуть укороченными пропорциями и формой втулки. Бобринский именовал его боевым топором.

Другой экземпляр происходит тоже из Полтавщины, из Старшей Могилы (курган № 1), исследованной близ с. Аксютинцы (в урочище Стайкин Верх) Д. Я. Самоквасовым в 1876 г. Он имеет более массивную также четырехгранную обушковую и не менее массивную рабочую часть[458]. Соответствующим могильным инвентарем — наконечниками стрел, железным мечом и другими вещами — весь комплекс в свете последних разысканий датируется VI в. до н. э.[459] В последней публикации всего комплекса из кургана Старшая Могила близ с. Аксютинцы, осуществленной В. А. Ильинской, приводится еще более уточненная датировка — «не позже первой половины VI в. до н. э.»[460].

Третий железный топор, несколько иных очертаний в деталях и меньших размеров, был введен в научный оборот С. Н. Замятниным[461]. Найден он был в кургане

---

[456] Заключение ассистента кафедры Л. П. Васильевой.

[457] А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ мест. Смелы, т. II, 1894, стр. 172, 208, табл. XXV, рис. 14.

[458] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 96.

[459] Сужу по докладу А. В. Гусаркиной в ИИМК, 10/V 1947 г.

[460] В. А. Ильинская. Курган «Старшая могила» — памятник архаической Скифии. «Археология», V, 1957, стр. 196—212.

[461] С. Н. Замятнин. Частые курганы. СА, вып. VIII, стр. 21, рис. 1.

№ 7 знаменитой воронежской группы Частые курганы, суммарно датируемой V—III вв. до н. э.[462] Только последний из перечисленных экземпляров, пожалуй, может считаться по праву рабочим топором. У него очень укороченная молоточная часть, да и найден он был вместе с другими железными орудиями труда. Что же касается нестеровского, роменского и аксютинского топоров, то они вполне могли быть и боевыми. Лучшим доказательством этого служит то обстоятельство, что аксютинский топор входил в состав набора оружия и военного снаряжения, а не мирного бытового инвентаря.

С Украины известно еще несколько топоров, близких нестеровскому, например из раскопок Бранденбурга, а также из Посулья[463].

В подтверждение боевого назначения нестеровского железного топора может быть привлечено и изображение почти подобного топора (на рукояти с ременной петлей для подвешивания к руке) на известном каменном изваянии, до 1900 г. стоявшем на кургане у Зубовского хутора на Кубани, а ныне хранящегося в Государственном Историческом музее[464]. Ориентировочно дата этого изваяния определяется IV в. до н. э. Изображенный на нем топор морфологически близок нестеровскому, а боевые его функции бесспорны. Это обстоятельство позволяет также нестеровский топор квалифицировать как оружие и датировать раннескифским временем. Железные топоры Нальчикского музея и позднекобанские железные топоры из Дигории сходные с нестеровским, при дальнейшем накоплении их на Кавказе еще увереннее позволяют решить вопрос о местном происхождении этого типа топоров, импортировавшихся даже в далекую Скифию, что в свете прочно установившегося мнения о давних связях Скифии и Кавказа[465] представляется вполне вероятным.

Кинжалы (акинаки). Один Нестеровский могильник дал пять коротких железных мечей или акинаков, из них три целых (из погребений № 1, 12 и 53), а о двух можно судить по сохранившимся рукояткам (из погребений № 8, 46). Все они имеют скифский облик (табл. LXII, рис. 1, 2 и рис. 21,*5* а также рис. 46, *7*).

Наиболее архаичным по типу является короткий меч, вставленный в довольно хорошо сохранившиеся железные ножны с тупоугольным концом. Рукоять широкая, массивная, плоская. Навершие рукояти в виде удлиненно-овального сплюснутого валика. Нижнее перекрестье плохо сохранилось, но все же дает представление о несколько вытянутой бабочковидной форме перекрестья. Общая длина меча 0,4 м (рис. 21, *5*).

Наиболее близким этому акинаку является такой же короткий меч и в таких же ножнах, изображенный на погибшей каменной статуе — «Каменной бабе» из Пятигорского музея и на каменной статуе скифского воина из Краснодарского музея[466]. Рядом изображен такой же каменный оселок, какой лежал в могиле и с нестеровским

---

[462] Там же, стр. 46.

[463] В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 212.

[464] ОАК, 1900, стр. 39—40, рис. 100.

[465] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947; Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1950.

[466] А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, вып. VII, стр. 20—21, рис. 4.

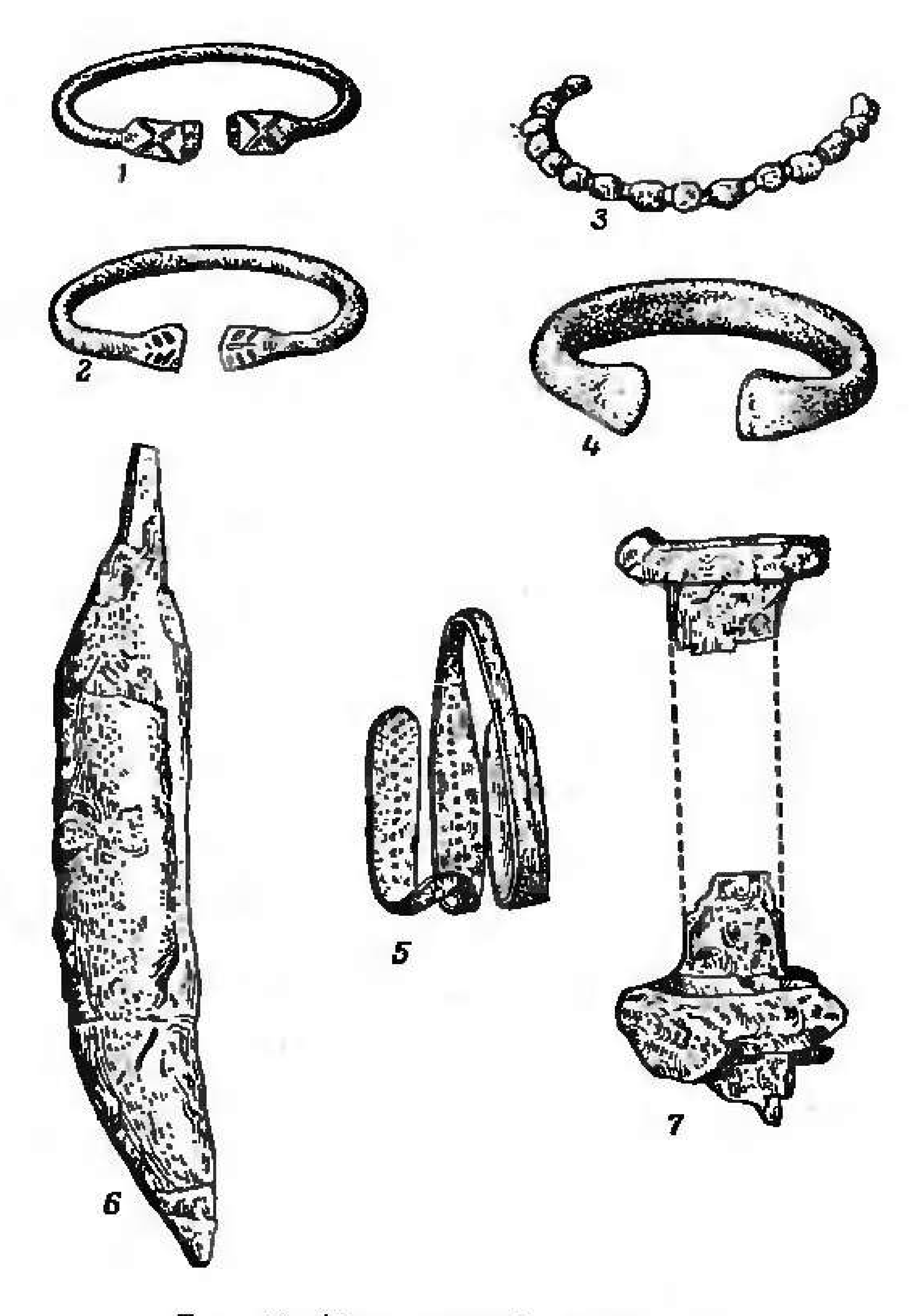

Рис. 46. Нестеровский могильник. Вещи из разных могил

1, 2, 4 — бронзовые браслеты; *3* — железный браслет; *5* — бронзовая височная привеска; *6, 7* — железные нож и обломок акинака

акинаком. Такой же меч, близкий по форме рукояти и тоже в железных ножнах, из могильника у б. с. Кашкатау [467] хранится в Нальчикском музее.

Сходство с нашим акинаком обнаруживает и кинжал из гробницы № 8 на могильнике Чесног гора близ Пятигорска [468] и один железный меч с валикообразным навершием и бабочкообразным перекрестьем, найденный крестьянами у Нижних Хуторов в долине р. Сукко в Абхазии в 1928 г. и хранящийся в Историческом музее (инв. № 67423).

Имея в виду прямое навершие и бабочковидное перекрестье при массивной уплощенной рукояти, не было бы произвольно сближать нестеровский акинак с наиболее ранними скифскими короткими мечами, такими, как мельгуновский [469], келермесский[470], из Аксютинец [471] и кинжал из Луговского могильника [472]. Как известно, время бытования этих кинжалов определяется VI в. до н. э.

Более обычным в древностях нашего юга является второй тип кинжала, в двух экземплярах встреченный в Нестеровском могильнике (в могиле № 12 — целый, в могиле № 46 — обломок рукояти). Этот тип отли-

[467] Из хищнических раскопок курганов в 1930 г.

[468] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 127.

[469] Е. Придик. Мельгуновский клад. МАР, вып. 31, СПб., 1911, стр. 4, рис. 1—2.

[470] ОАК, 1904.

[471] В. А. Ильинская. Курган «Старшая могила» — памятник архаической Скифии, стр. 199, табл. 1, рис. 1.

[472] А. В. Збруева. Из работ Куйбышевской экспедиции. КСИИМК, вып. X, 1946, стр. 109—110.

чается от первого более округлыми очертаниями бабочковидного нижнего перекрестья и полукруглым, с завернутым внутрь концами, навершием.

Подобные кинжалы известны из ряда пунктов как Западного, так и Северного Кавказа, в том числе из могильника у сел. Пседахи, исследованного В. И. Долбежевым в 1898 г.[473], из могильников Пятигорья, раскопанных Д. Я. Самоквасовым[474], из северных степных районов Ставрополья и Дагестанской АССР (по материалам экспедиции ИИМК и ГИМ 1946—1955 гг.) и из ряда пунктов Кабардино-Балкарии[475] и Краснодарского края[476]. Около десятка железных кинжалов мы получили и при исследовании Лугового могильника в Ассинском ущелье Ингушетии[477] (рис. 47). Причем характерная особенность некоторых из луговых кинжалов, а именно желобчатость их клинков, позволила нам в другом месте нашей работы сопоставить их с желобчатыми бронзовыми кинжалами кобанской культуры и бронзовыми мечами из центрального Закавказья, предположить преемственность первых от вторых и тем самым установить местное происхождение этого типа так называемых скифских коротких мечей, или акинаков. Как известно, такой же особенностью клинков отличались и некоторые кинжалы из Елизаветовского могильника Прикубанья.

Но наибольшее распространение этот тип кинжала получил в скифское время на Украине. Абсолютно тождественными нестеровским кинжалам из могилы № 12 и 46 являются железные кинжалы, найденные у Ивановского склада близ Смелы[478], около м. Староселья[479] близ г. Чигирина, из окрестностей с. Журовки[480] и из других мест.

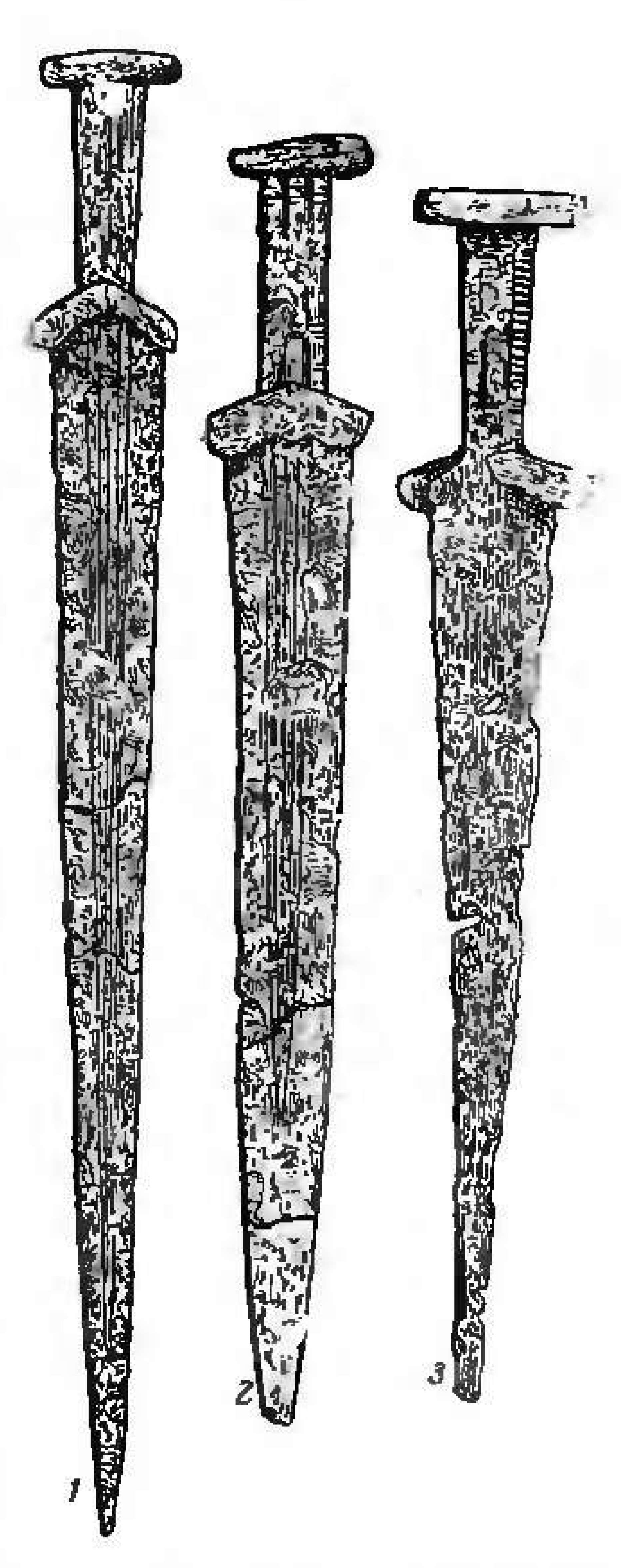

Рис. 47. Железные акинаки из Лугового могильника

1 — из могилы № 49; 2 — из могилы № 50; 3 — из могилы № 37

---

[473] ОАК, 1898, стр. 161.

[474] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 125.

[475] По материалам Нальчикского музея.

[476] К. Ф. Смирнов. Местный могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 311.

[477] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 1, табл. VII, рис. 2.

[478] А. Бобринский. Указ. соч., т. I, 1887, табл. VII, рис. 2.

[479] Там же, табл. VII, рис. 6.

[480] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капщановки. ИАК, вып. 17, стр. 30.

Гинтерс вполне основательно подобные короткие мечи, как и мечи с антенным навершием, датирует V в. до н. э.

По-видимому, на это же столетие падает и время бытования нестеровских кинжалов типа, обнаруженных в погребении № 1 и 8. Один из них (из могилы № 1) имеет тоже бабочковидное перекрестье, но навершие у него узкое и прямое лишь с круто вогнутыми внутрь концами; другой (из могилы № 8) и нижнее перекрестье имеет прямое. Этими чертами они типологически сближаются с типами кинжалов с антенными навершиями и, следовательно, тоже должны датироваться V в. до н. э.

Наконечники копий. Восемь экземпляров железных втульчатых наконечников копий из Нестеровского могильника (различной сохранности) представлены двумя типами удлиненных пропорций — с заметно расширяющимися книзу втулками и с отверстием для скрепления с древком (табл. LXII, рис. 3, 5—7).

О первом типе можно говорить по двум хорошо сохранившимся образцам из коллекции гр. Арчакова [481]. Этот тип копья имеет узко листовидное перо, переходящее во втулку под резко выраженным углом. Перо имеет значительное реберчатое утолщение посредине. Втулка несколько больше пера. Несколько таких наконечников копий было нами добыто при раскопках Лугового могильника, вообще отличающегося поразительным богатством и разнообразием копий [482].

Второй тип наконечников копий был зарегистрирован в инвентаре погребений №№ 2, 8, 10, 21 и 52 в коллекции гр. Арчакова (один экземпляр). Его отличие от первого типа заключается в более удлиненных пропорциях, в большей длине пера и в отсутствии на нем четкой реберчатой грани, а также в лавролистной форме самого пера.

Оба типа копья, как нам кажется, ведут свое происхождение от местных, более древних кавказских типов, еще кованных из бронзы, с несомкнутыми удлиненными втулками. Они входили в ассортимент бронзового оружия кобанской культуры первого ее этапа и особенно культуры заказказских племен урартского времени (например, под Кедабеком).

Такие бронзовые копья с лавролистным пером известны из случайных находок на Галиатском могильнике Фаскау [483], из окрестностей сел. Корца, сел. Тли [484] (Юго-Осетия), из наших раскопок могильника Верхняя Рутха (погребение № 15) [485] и других мест.

Уже в предскифский и раннескифский периоды подобные наконечники из желез были встречены в могилах близ сел. Бешташени, а также в Цинцкаройском и Так-Килисинском могильниках [486], в погребениях Самтаврского могильника в Грузии

---

[481] П. С. Уварова. Указ. соч. МАК, вып. VIII, табл. CXVII, рис. 4.

[482] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 1, табл. VII.

[483] МАК, вып. VIII, табл. XXVII, рис. 3.

[484] Там же, табл. CXXXII, рис. 4.

[485] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1, стр. 16, рис. 10.

[486] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 48, рис. 8, табл. XXXV.

(например, погребение № 293, 1947 г.)[487], на Каменномостском, Кашкатаусском и других могильниках Кабардино-Балкарии[488] и дальше на запад, вплоть до подкурганных погребений у станицы Бесленеевской на Кубани[489], а также на Луговом могильнике (табл. LXIII).

Отнесение определенной серии наконечников железных копий на Кавказе к скифскому времени может быть обосновано сопутствующими им вещами — кинжалами, стрелами, ворворками явно скифского типа.

На наш взгляд, в обоих типах железных наконечников копий Нестеровского могильника прослеживается более глубокая местно-кавказская струя, оказавшая наиболее действенное влияние на материальную культуру Северного Кавказа и северных степных районов, особенно в скифский период. Местное, кавказское происхождение нестеровских железных наконечников копий для нас не подлежит никакому сомнению.

Наконечники стрел. Ассортимент наконечников стрел количественно не богат, но разнообразен не только типологически, но и по материалу. В нестеровском комплексе представлены бронзовые, железные и костяные наконичники стрел; типологически они различны, но все являются весьма характерными для этой категории оружия скифо-савроматской культуры VII—IV вв. до н. э. (рис. 48, *1—8*).

Столь явные признаки этой последней культуры в материале Нестеровского могильника вдвойне важны потому, что они позволяют уверенно определить время бытования нестеровского погребального поля и даже датировать остальные погребения. Кстати отметим, что в большем числе погребений Лугового могильника наконечников стрел тех же типов оказалось примерно столько же.

При наличии у нас сводных работ, посвященных опыту хронологической классификации скифских наконечников стрел, задача определения даты стрелы того или иного типа, встреченного в том или ином комплексе, значительно упрощена. Мы имеем в виду уже не раз упоминавшиеся работы П. Рау и Б. Н. Гракова и отчасти работу Б. З. Рабиновича[490].

При всей относительности этой классификации основные соотношения типов стрел с определенными хронологическими деталями как будто остаются в силе и до наших дней и по-прежнему являются отправными точками при суждении о дате археологических комплексов, включающих скифские наконечники стрел.

Наиболее архаичный тип нестеровских наконечников стрел представлен двумя экземплярами бронзовых двуперых втульчатых наконечников с шипами из могилы № 20, особенно одним из них, с пером ромбических очертаний (рис. 48, *1—2*).

---

[487] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в советской Грузии. Тбилиси, 1952, табл. XXVI; Г. А. Ломтадзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, табл. VIII.

[488] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, Л., 1941, стр. 20, рис. 4 и по собственным зарисовкам материалов Нальчикского музея.

[489] По докладу К. Ф. Смирнова в ИИМК от 6/XII 1947 г. См. его же. Меотский могильник у станицы Пашковской, стр. 277, рис. 5 и 8.

[490] Б. З. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА, вып. 1, Л., 1936.

Подобный тип наконечника стрелы, отмеченный на обширной территории нашего степного европейского юга от сел. Жаботино, Смелы и Аксютинцы на Украине до Камышина на Волге и Келермеса на Кубани, по классификации Рау, относится к раннеархаическому периоду, обнимающему VI в. до н. э.[491] По Б. Н. Гракову, такой тип появляется даже с конца VII в. до н. э. и широко бытует в VI в.[492] Также стрелы с ромбическим или яйцевидным пером Б. З. Рабинович датирует VI в. до н. э.[493]

Двуперые втульчатые шипастые бронзовые наконечники стрел, как известно, входят в состав могильного инвентаря Каррасских могил, исследованных Д. Я. Самоквасовым, и ряда других погребальных комплексов центральной зоны Северного Кавказа, а не только Прикубанья. Так, они представлены в материалах могильников Кабардино-Балкарии, таких как Кашкатаусский, Шалушинский, а также могильников Северной Осетии и ЧИ АССР.

Целую серию подобных наконечников стрел (в качестве подъемного материала) добыла Северо-Кавказская экспедиция ИИМК АН СССР и ГИМ за время своих разведочных работ в полупустынных ныне, северных районах Дагестанской АССР (Бажиган, селения Терекли-Мектеб и Махмут-Мектеб), а также в восточном районе Ставрополья (с. Ачикулак). Так что наиболее архаичный тип наконечников скифо-савроматских стрел зарегистрирован на Северном Кавказе многочисленными находками.

По-видимому, близким по времени бытования нужно считать и другой тип бронзовых наконечников стрел. Это трехперый, втульчатый с массивной укороченной втулкой. Он происходит из могилы № 21. По мнению скифологов, существенным архаическим признаком этого типа стрел является «пузатость» пирамидки и укороченность пропорции втулки. Б. Н. Граков считает его относящимся к периоду с середины VI до начала V в. до н. э.[494].

К этому же времени мы склонны отнести и два железных наконечника-площика с плоским черешком и с опущенными краями, найденные нами в могиле № 20; ромбические шипастые бронзовые стрелы архаического типа из могилы № 2 (табл. LXV, рис. 1—4) и такие же стрелы из Лугового могильника.

Возможно, они имеют генетическую связь со специфическо кавказской формой бронзовых черешковых наконечников стрел, в свою очередь связывающихся «с каменными наконечниками стрел, известными в Закавказье в большом количестве. Да и черенок у бронзовых экземпляров имитирует закрепление наконечника в расщепе древка стрелы»[495].

По контурным очертаниям железные площики из Нестеровского могильника могут стать в одном ряду с бронзовыми плоскими черешковыми наконечниками из погребения № 8 Бешташенского могильника (Грузия), исследованного Б. А. Куфтиным[496], но относятся уже к последующему периоду истории Кавказа, хотя, как

---

[491] Р. Rau. Указ. соч., стр. 89.
[492] Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 72, рис. 1.
[493] Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 85, рис. 6, в.
[494] Е. Н. Граков. Указ. соч., стр. 73, рис. 2, табл. LXII, рис. 1—4.
[495] Б. Б. Пиотровский. Скифы и Закавказье. ТОВЭ, III, Л., 1949, стр. 82.
[496] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалетии, стр. 75, рис. 85.

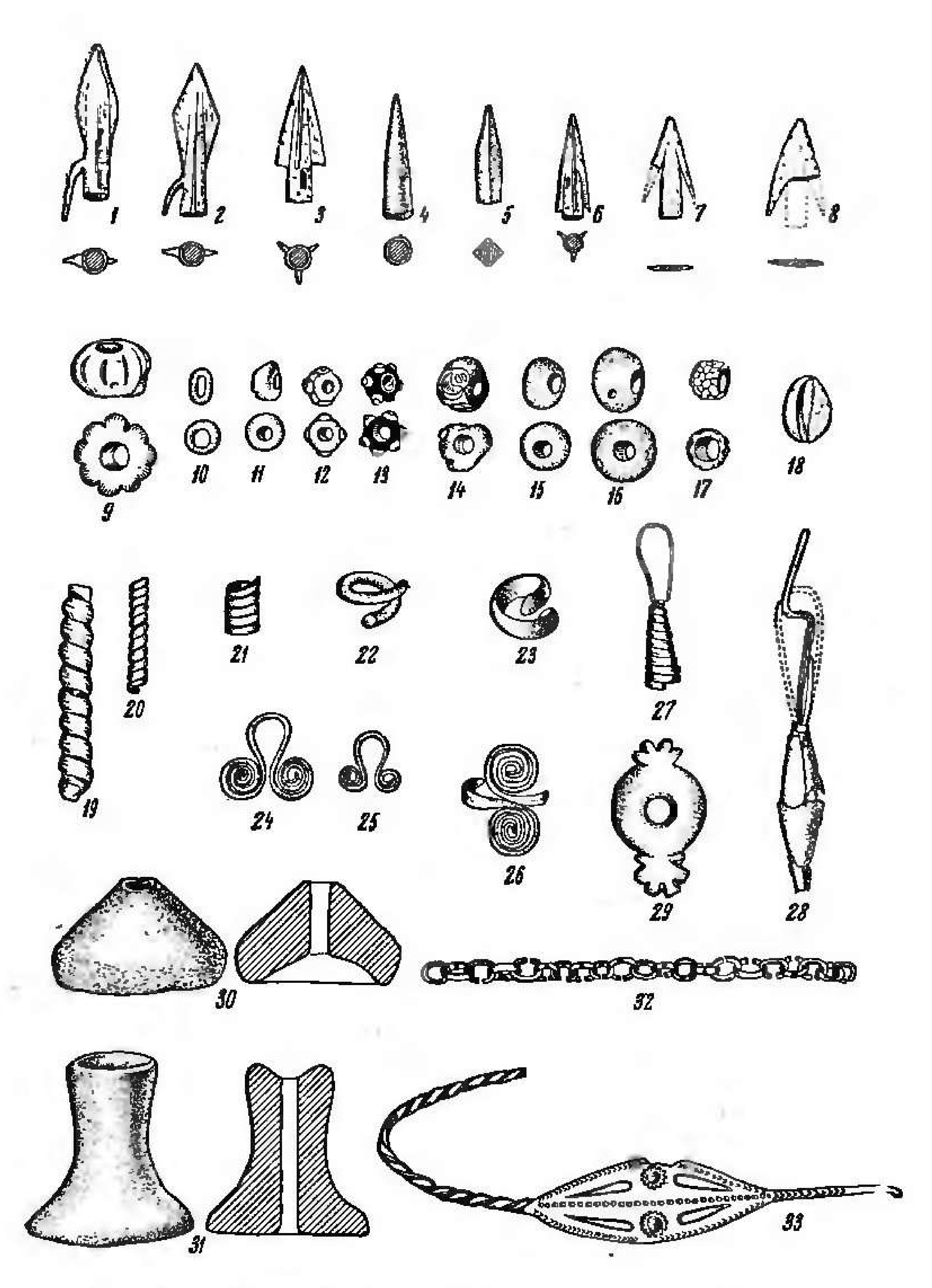

Рис. 48. Нестеровский могильник. Оружие и украшения из разных могил

1—8 — оружие; *9—18* — бусы; *19—33* — украшения и предметы быта.

известно, железные наконечники втульчатых стрел развивались на Кавказе, в частности на Кубани, почти одновременно с бронзовыми.

К следующему столетию, т. е. к V в. до н. э., и позднее нужно отнести костяные цилиндрические и квадратные в сечении (последние почти башнеобразной формы), а также бронзовые с внутренней втулкой, трехперые, и железные втульчатые, трехперые, но с удлиненной втулкой наконечники стрел. Время их распространения всеми авторами определяется с начала V до III в. до н. э.

Наличие костяных круглых и квадратных в сечении наконечников стрел в таких комплексах, как Чмырева Могила [497], с одной стороны, и Старшая Могила у с. Аксютинцы [498] — с другой, расширяет диапазон их бытования от самого начала VI по IV в. до н. э. включительно. Но цилиндрический костяной наконечник стрелы сопутствовал в Нестеровском погребении № 20 очень архаичным бронзовым наконечникам стрел, поэтому его присутствие здесь не снижает даты этого погребения далее самого конца VI в. до н. э.

Вряд ли все другие наконечники стрел позволят датировать материал позже IV в. до н. э. Датировка V—IV вв. до н. э. этих типов стрел хорошо подкрепляется аналогиями из могильных комплексов станицы Елизаветинской [499], Усть-Лабинской и др.

Ножи. Железные ножи почти все сохранились в разной степени деформации. Они входили в инвентарь как мужских, так и женских погребений (№№ 8, 14, 20, 21, 22). Кроме того, один нож происходит из коллекции гр. Арчакова. Все ножи серповидной формы, хотя некоторые имеют и абсолютно прямую линию лезвия при сильно выпуклой внешней утолщенной стороне (табл. LXII, рис. 4 и рис. 46, *6*). Они двух типов. Первый имеет довольно слабый черенок для насадки на рукоять. Этот тип настолько широко распространен в памятниках скифского времени на громадной территории от Дьяковской культуры в Подмосковье [500] до Кавказа, что всякие разыскания его прототипов вряд ли приведут нас к желаемым результатам. Как наиболее простой вид самого распространенного бытового орудия труда и оружия, маленький железный нож мог возникнуть всюду, где в нем была потребность (по закону конвергенции).

Но другой тип нестеровского ножа с массивной плоской и расширяющейся книзу рукоятью (с двумя отверстиями для скрепления гвоздями с костяными или деревянными обкладками) обнаруживает определенное родство только с скифскими ножами. При раскопках Лугового могильника было найдено несколько таких ножей с остатками костяных рукоятей, закрепленных бронзовыми гвоздями. Железные ножи с рукоятями, обложенными костяными или роговыми пластинками, известны из курганов у дер. Дарьевки [501] и из других мест Украины [502].

---

[497] ОАК, 199, стр. 127 сл.

[498] В. А. Ильинская. Указ. соч., стр. 211, табл. II.

[499] ОАК, 1913, кург. 1 и 3; К. Ф. Смирнов. Меотский могильник..., стр. 310; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 162, рис. 2, 7.

[500] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 14 сл.

[501] А. Вобринский. Курганы и случайные находки у мест. Смелы, т. II, 1894, стр. 128, табл. XV, рис. 4 и 6.

[502] В Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 37, рис. 5.

Оселки. Мужские погребения Нестеровского могильника дали четыре оселка или точильных камня (погребения №№ 8, 12, 46 и 53). Все они из плотного песчаника, все имеют круглое отверстие на одном конце для подвешивания к поясу (табл. LXVI, рис. 1—2). Три оселка разного диаметра имеют в сечении форму трапеции и слегка округлые концы, а один (из погребения № 8) — форму прямоугольника. Судя по положению оселков в могилах рядом с кинжалами или под ними, можно уверенно воссоздать способ прикрепления их к поясу на ремне рядом с кинжалом. Такое взаимоположение акинака и оселка зафиксировали древние мастера на одном известном изваянии скифского воина, хранящемся в Краснодарском музее, и на разрушенной каменной статуе из Пятигорского музея. Подобные точильные камни известны во многих синхронных описываемым находкам памятниках Северного Кавказа[503]. Широкое распространение имели они в скифское время и в степных районах. Такой же круглый оселок входил, например, в могильный инвентарь подкурганного скифского погребения № 3 в группе Частые курганы под Воронежем, суммарно датируемой С. Н. Замятниным V—III вв. до н. э.[504]

Украшения. Украшения, встречаемые преимущественно в женских могилах Нестеровского могильника, довольно разнообразны. Изготовлены они также из разного материала: бронзы, железа, стекла, пасты и шиферного сланца.

Двуовальные бляхи. Раньше всего рассмотрим один тип оригинальных бронзовых украшений из Нестеровского могильника, который до наших раскопок Лугового могильника в 1952—1955 гг. оставался функционально неопределимым. Речь идет о бронзовых парных двуовальных слегка вогнутых пластинчатых бляхах, орнаментированных пунктирным узором (рис. 49, *5*).

Из Нестеровского могильника происходят две половинки такой бляхи малых размеров, причем во фрагментарном состоянии. По краю овала бляхи покрыты точечным орнаментом. Посередине одного овала сохранился знак свастики, выполненный той же техникой пунктира. Половинки происходят из коллекции гр. Арчакова и, по словам последнего, были найдены на грудной клетке костяка в одной из разрушенных могил. По свидетельству рабочих карьера, иногда и на других скелетах встречались подобные же украшения. Это были первые находки подобных блях в практике археологических исследований. И только после раскопок Лугового могильника, где было обнаружено более десятка подобных двуовальных блях более крупных размеров, было установлено их назначение (табл. LXVII, рис. 4)[505].

Оказалось, что эти бляхи в женских могилах находились у лобных костей черепа и, следовательно, имели прямое отношение к головному убору, а в мужских могилах они являлись нагрудными украшениями. Несомненно, нестеровские малые образцы и служили именно такими украшениями. Ни в СССР, ни в Европе до сих пор такие бляхи не известны. Некоторое типологическое сходство они обнаруживают лишь

---

[503] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 21, рис. 4.

[504] С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем. СА, вып. VIII, 1946, стр. 26, рис. 12.

[505] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1955, стр. 96.

Рис. 49. Нестеровский могильник. Украшения из разных могил

1—4 — различные бусы; *5—7* — бронзовые бляшки

с золотыми и серебряными парными бляхами округлых очертаний из могил центральной Анатолии (Алача Гейюк в Турции). Но те прикреплялись к одежде специальными булавками, а не нашивались, как наши; кроме того, алачинские бляхи более древние (III тысячелетие до н. э.) [506], и поэтому сопоставлять их с нестеровскими мы не имеем оснований. Одно несомненно, что рассматриваемые бляхи являются пока уникальным типом украшений древних племен, населявших Ассинское ущелье. Одновременно они отражают специфику материальной культуры местных племен скифского времени в рамках восточного варианта позднекобанской культуры Северного Кавказа.

Шейные гривны. Единственным предметом из крупных шейных украшений оказалась бронзовая витая гривна с почти ромбическим щитком, украшенным

---

[506] Hamit Züber Kosay. Ausgrabungen von Alaca Höyük. Ankara, 1944, стр. 111, табл. XXXII, №№ 28—30; стр. 124, табл. XCII, № 34.

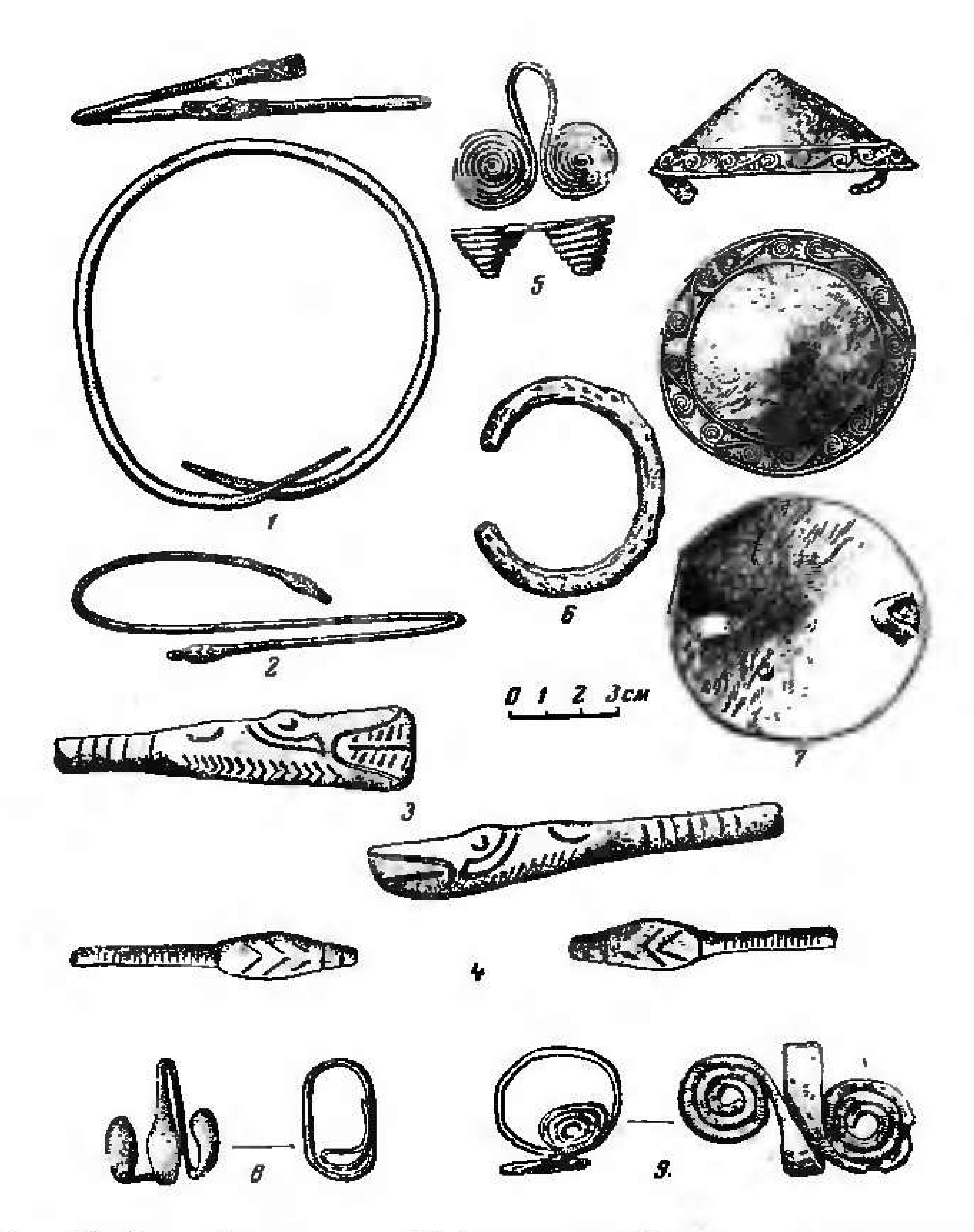

Рис. 50. Луговой могильник. Шейные гривны, бронзовая поясная пряжка, железный браслет и другие украшения

своеобразным орнаментом — мелкой насечкой в елочку, пунктиром и мелкими выпуклинами. Гривна обломана. Не достает одного конца ее, по-видимому, также с ромбическим щитом (рис. 48, *33*). Указанная особенность — ромбовидный щиток— делает эту находку в местных условиях не совсем обычной.

Как мы знаем из предыдущего изложения, бронзовые гривны в кобанских погребениях не редки. Они сделаны из толстого бронзового прута, иногда с сужающимися и заходящими друг за друга концами. В позднекобанских комплексах встречаются (приблизительно с VII—V вв. до н. э.) витые и ложновитые менее массивные гривны, иногда даже с расплюснутыми в виде лопаточки концами и с отверстием для завязывания. Такие гривны известны из б. крепости Воздвиженской (погребение

в Кобане), по коллекции Венского музея[507] и др. Такие же бронзовые гривны из нетолстого витого прута входили в состав позднекобанских комплексов, вскрытых нами в 1940 г. и на Кумбултском могильнике Верхняя Рутха. Несколько бронзовых гривен с расплюснутыми и оформленными в зооморфном стиле концами найдено нами на Луговом могильнике. Особенностью их отделки мы считаем возможным сближать их с типом савроматских украшений Нижнего Поволжья [508] (рис. 50, *1—4*).

Тип древних витых гривен известен далеко за пределами Кавказа, например в погребении № 94 Зуевского могильника в Прикамье, датируемого А. В. Збруевой V—IV вв. до н. э. [509] Но нестеровский экземпляр витой гривны с ромбовидным гравированным щитком резко отличается от всех этих образцов и обнаруживает неожиданное и поразительно точное соответствие, с одной стороны, с гривнами из нагорных могильников Западной Грузии (у сел. Гоби в Раче, по раскопкам Г. Ф. Гобеджишвили) [510] и, с другой — с древнетаврскими шейными украшениями горного Крыма. В отчете Н. И. Репникова о раскопках каменных ящиков Байдарской долины приводятся и гладкие и «крученые» гривны [511], и обломок гривны со щитком, украшенным таким же точечно-выпуклым орнаментом [512], какой украшает и нестеровский экземпляр. Как известно, таврские погребения суммарно датируются раннескифским временем [513].

Более прямых и близких аналогий гривне из Нестеровского могильника пока неизвестно. Мы уже отмечали и другие примеры тождества посуды и украшений из Нестеровского и других могильников Северного Кавказа и горного Крыма рассматриваемого периода.

Браслеты. Нестеровский могильник содержит браслеты нескольких типов. Браслеты имелись как бронзовые, так и железные (табл. LXVIII, рис. *1 — 5*). По форме они различны. Все они сделаны из прута разной толщины. Многие орнаментированы нарезным узором (рис. 46, *1—2*). Бронзовые браслеты—трех типов. К первому типу относятся массивные браслеты (как из погребения № 45) со слабо рубчатой поверхностью и с толстыми концами (рис. 51, *1*). Этот тип является обычным для кобанской культуры второго этапа ее развития и особенно характерен для горной полосы [514]. Так, он известен из могилы близ с. Верхний Кобан, раскопанной В. И. Долбежевым

---

[507] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, табл. XXXIX, рис. 12; табл. XXXIV, рис. 4.

[508] Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа, стр. 106—107.

[509] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 37, табл. IV, рис. 18.

[510] Сужу по материалам экспозиции археологического отдела Гос. музея Грузии.

[511] Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 151, рис. 29, *5*, *10*.

[512] Там же, стр. 148, рис. 28—48; П. С. Уварова. Указ. соч. МАК, вып. VIII, табл. XXXIII, рис. 7; табл. XXXIX, рис. 5; табл. XXXVIII, рис. 15.

[513] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского. История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 65.

[514] П. С. Уварова. Указ. соч., табл. XXXIII, рис. 7; табл. XXXIX, рис. 5; табл. XXXVIII, рис. 15.

в 1891 г.[515] Браслеты, близкие описываему типу, как мы видели, входили и в состав клада из Кумбултского могильника Верхняя Рутха. Но встречаются они и в предгорной и даже в равнинной полосе, в памятниках типа Нестеровского могильника. Такие же типологически близкие им браслеты содержали гробницы № 2 и 4 на могильнике Чеснок Гора[516] погребения Березовского могильника близ Кисловодска, Чегемского, Моздокского[517], Лугового, Урус-Мартановского могильников[518] и др. (табл. LXVII, рис. *2, 3*).

Другой тип бронзовых браслетов с гладкой поверхностью, но с расплюснутыми и несходящимися концами (погр. № 21) менее массивен. Он также обычен в кавказских комплексах, например, в Кобане[519], случайно найден в Ичкерии[520] и в других местах (рис. 46, *4*). Известны они и с территории Украины. Например, один с паспортом из б. Киевской губ. опубликован во II выпуске «Древностей Приднепровья»[521], другой — из кургана CLXXIV близ Смелы[522].

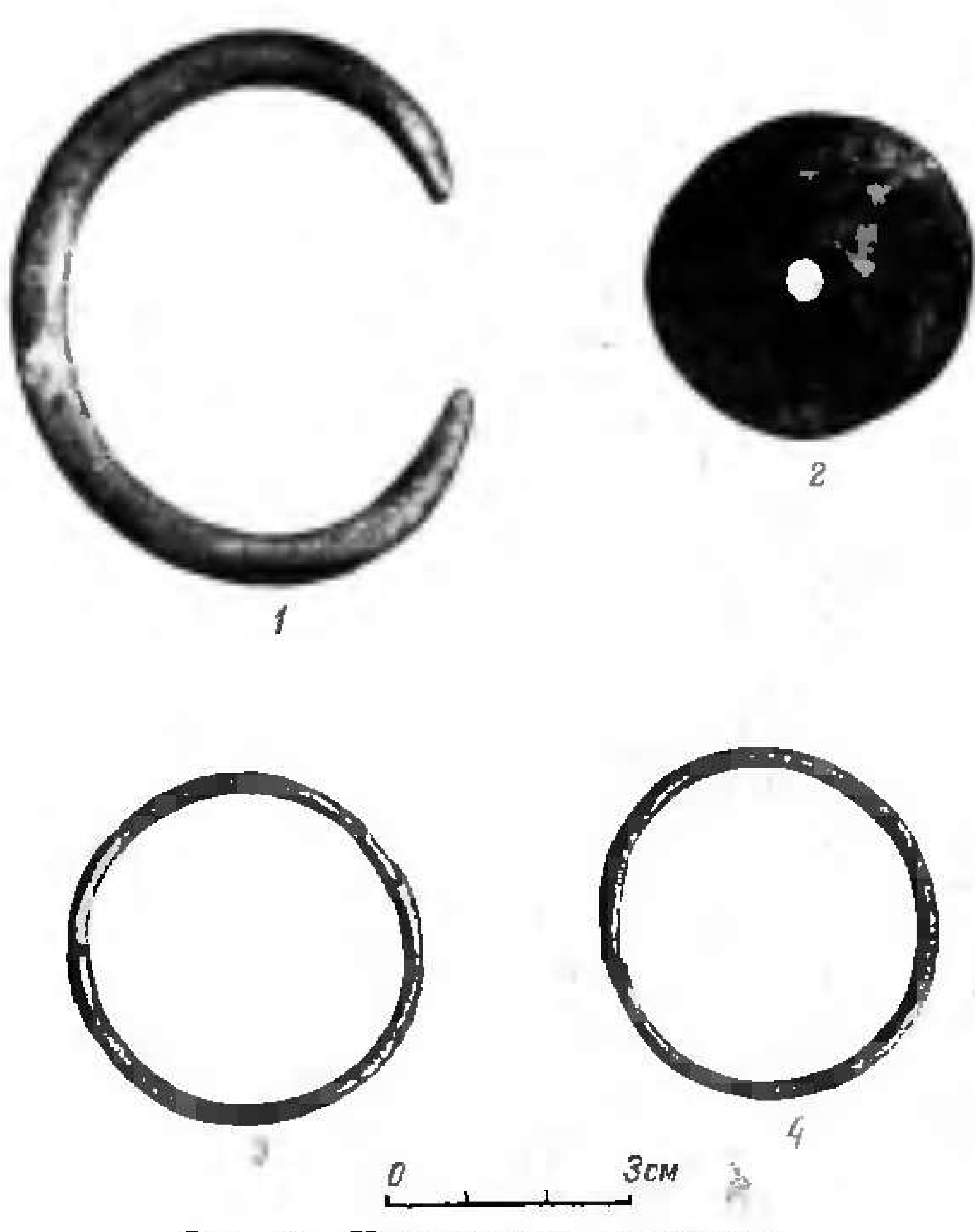

Рис. 51. Нестеровский могильник. Комплекс из могилы № 45

1 — бронзовый браслет; *2* — пряслице; *3*, *4* — бронзовые серьги

Третий тип бронзовых браслетов (из погребения № 22) сделан из нетолстой проволоки с расплюснутыми в лопаточку концами, орнаментированными штрихами

[515] ОАК, 1891.

[516] Каталог коллекции древностей Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1892, стр. 41, табл. 160 1913; табл 173, № 2095.

[517] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, табл. IX. рис. 2.

[518] О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 53, рис. 28.

[519] МАК, вып. VIII, табл. XXIII, рис. 5 и 6.

[520] Хранится во Втором отделе ГИМ за № 35179.

[521] Бр. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, 1899, стр. 25, табл. X, рис. 266.

[522] А. Бобринский. Курганы и случайные находки..., стр. 75, табл. III, рис. 26.

и нарезками. Такие браслеты не столь типичны для горного Кавказа и, может быть, не случайно они находят себе прямые аналогии только в гробницах горного Крыма [523] (рис. 46, *1—2*).

Железные браслеты представлены двумя типами: массивным браслетом из толстого прута, подобно первому типу бронзовых (из погребения № 8 и др.), и браслетом с поверхностью, украшенной выпуклинами (из коллекции Арчакова) (рис. 46, *3*). Близкий этому типу бронзовый браслет был найден в кургане № 12 под Воронежем в группе Частые курганы [524]. Известен он и с территории Северной Осетии, например из сел. Корца [525].

Подобный тип браслетов, нам кажется, ведет свое происхождение от сильно рубчатых и почти с волнистою поверхностью бронзовых браслетов позднего Кобана [526]. Для нас представляется совершенно несомненным, что все эти типы бронзовых и железных браслетов имеют местное, кавказское происхождение.

Безусловно местного происхождения, с истоками в кобанской культуре, мы должны будем считать и железную фигурную поясную пряжку из Нестеровского могильника (табл. LXVIII, рис. 6), абсолютно подобную бронзовой пряжке из окрестностей сел. Чми [527], и бронзовые плоские овальные височные привески (рис. 46, *5*) в полтора оборота (из погребений №№ 17 и 21), являющиеся архаическими кавказскими женскими украшениями [528], и бронзовые перстни с завитками на концах и очкообразные привески и наборы бронзовых кованых и литых биконических бус, различных бронзовых фибул, бляшек, завитков и спиралей [529]. Они столь типичны для хорошо известных кобанских комплексов, что не оставляют сомнения в прямой органической связи этих категорий вещей Нестеровского могильника с древними предметами Кобана (рис. 48, *19—26*, и рис. 50, *5*, *7—9*).

Если мы обратимся к другой серии нестеровских украшений, таких как серебряные и бронзовые проволочные серьги или проволочные височные кольца, как бронзовые пластинчатые и спиральные трубочки-накосники, то увидим, что и они не стоят одиноко при сопоставлении с погребальным инвентарем из позднекобанских могил (табл. LXIV, рис. 5—7).

Многие из перечисленных категорий вещей имеют свои местные прототипы, а факты нахождения одинаковых по форме бронзовых вещей на Кавказе и, скажем, в Крыму и на Украине [530], как это было доказано Б. В. Пиотровским,

---

[523] Н. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 149, рис. 29, № 11, 13, 17.

[524] С. Н. Замятнин. Частые курганы, стр. 47, рис. 39.

[525] МАК, вып. VIII, табл. LXXVI, рис. 12.

[526] МАК, вып. VIII, табл. XXXIV, рис. 13.

[527] П. С. Уварова. Указ. соч., МАК, вып. VIII, 1900, табл. LVI, рис. 3.

[528] Там же, табл. IX, рис. 6, 7; табл. XXXIX, рис. 10—13.

[529] Там же, табл. XXVI, рис. 6, 7; табл. XXXIV, рис. 5—7; табл. XXXVI, рис. 3, 8, 9, 10; табл. XXX, рис. 6.

[530] «Тр. XIV АС», т. III, 1911, стр. 160, табл. 1, рис. 5 и 9; табл. II, рис. 4, 8; Бр. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, табл. II, рис. 55; табл. III, рис. 65; табл. XXXIV, рис. 655, 676; А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы, т. I, табл. IX, рис. 15; С. Н. Замятнин. Частые курганы, стр. 43, рис. 32, № 6—8.

следует объяснить лишь активным общением населения этих отдаленных районов, проявлявшимся в разных формах [531].

Об этом же свидетельствуют и бусы (табл. LXIV, рис. 10, 12—17). Простых форм стеклянные бусы (синие, зеленые, белые, коричневые) и крупные рифленые, а также пастовые (мелкие и крупные многоцветные и так называемые глазчатые) бусы Нестеровского могильника (рис. 48, *9—17*) не стоят особняком среди подобных украшений из других могильников ЧИ АССР, таких как Исти-су и особенно Луговой, где они богаче и разнообразнее [532]. Как выяснено рядом исследователей [533], подобные бусы (табл. LXIX) появляются в памятниках Средиземноморья и Кавказа только в ахеменидский период. Объясняется это тем, что в тот период традиционные связи Кавказа с переднеазиатскими странами Древнего Востока оказались нарушенными и, судя по работам Г. Г. Лемллейна [534], оттуда прекратился приток цветного камня в виде сердоликовых и сардеровых бус, так богато представленных в погребальных комплексах Кавказа предшествующего периода. Начиная же с VI—V вв. до н. э. и позднее потребности местного населения в украшениях (бусах) стали удовлетворять посреднические центры Западной Грузии и Причерноморья. Производственными центрами искусственных бус (из стекла и пасты) являлись сирийские и египетские города Ближнего Востока [535]. Поэтому в скифское время особое распространение на всем нашем юге получили цветные стеклянные и пастовые бусы. Таковы, например, серии глазчатых бус из с. Герасимовки на Украине, а также бусы из таврских погребений горного Крыма.

Среди материалов Нестеровского и Лугового могильников резко выделяется еще одна небольшая группа женских украшений, указывающая на безусловные связи кавказского населения, с одной стороны, с савроматами и, с другой — с таврскими племенами горного Крыма.

Это прежде всего спиральные конические височные привески. Одна такая привеска найдена в Нестеровском погребении № 22 (рис. 48, *27*). Казалось, она не столь характерна для памятников Кавказа, хотя известна и из могильника Исти-су. Но она оказывается типичной для культуры товаров горного Крыма [536]. Сходство привески нестеровской (из могильника № 22) и привесок из каменных ящиков №№ 5, 7, 21 и 26, раскопанных Н. И. Репниковым, настолько поразительно, что возникновение их трудно объяснить законом конвергенции. По данным Н. В. Пятышевой, в Крыму известно более десятка таких подвесок. Но даже при скромных пока данных мы можем проследить и путь проникновения этого типа серег, или подвесок, в Крым с Кавказа. Этот путь восстанавливается по находкам таких же подвесок в погребении

---

[531] Б. Б. Пиотровский. Культура и история Урарту. Ереван, 1944.

[532] Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа, стр. 101, рис. 5.

[533] Б. А. Куфтин. Материалы для археологии Колхиды, т. II, Тбилиси, 1952, стр. 146.

[534] Г. Г. Лемллейн. Техника сверления каменных бус на Кавказе. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 22.

[535] F. Neuburg. Glass in Antiquity. London, 1949, табл. XXXI, XXXII.

[536] Антропологическая выставка 1879 г., т. III, ч. 1, 1880, стр. 223. Раскопки Филимонова; ИАК, вып. 30, 1909, стр. 151, рис. 28 и 2; С. А. Семенов-Зусер. Таврские мегалиты. «Наукові записки Харківского пед. ин-ту», т. V, 1940, стр. 18.

№ 18 Усть-Лобинского могильника [537], в гробнице № 2 Каррасского могильника [538], в Нестеровском могильнике, в могиле № 3 могильника Исти-су [539] и, наконец, в грунтовой могиле у с. Брили в Раче (Западная Грузия) [540].

На крымские параллели указывает и второй тип височной полой биконической привески с петлей, сделанной из березовой пластины и найденной на Нестеровском могильнике вместе с витой гривой (рис. 48, *28*). Эта привеска совершенно одинакова с привесками из тех же таврских каменных ящиков № 21 и 22 (по Репникову [541]) и других могил горного Крыма (по Семенову-Зусеру) [542]. Позднее, уже при раскопках Лугового могильника, в Ассинском ущелье мы получили около двух десятков таких же биконических, но уже литых серег с петлями [543]. Они воспроизводят тот же второй тип. Определенное сходство с этим типом серег имеют лишь савроматские золотые полые биконические серьги из кургана Биш-Оба (близ г. Орска), раскопанного П. С. Назаровым в 1890 г.[544] Они заканчиваются в нижней части шариками, как и серьги из Лугового могильника. Серьги датируются рубежом VI—V вв. до н. э. (рис. 52). Очень близкая форма имеется также в комплексах Северного Кавказа. Так, в одном из курганов у сел. Шалушинское близ Нальчика в 1927 г. вместе с набором скифских стрел V в. была найдена маленькая полая золотая серьга, в деталях почти повторяющая биш-обийские серьги. При учете других фактов это сходство савроматских серег с северокавказскими нам представляется не случайным. Оно объясняется наличием оживленных сношений между Кавказом, Нижним Поволжьем и Приуральем.

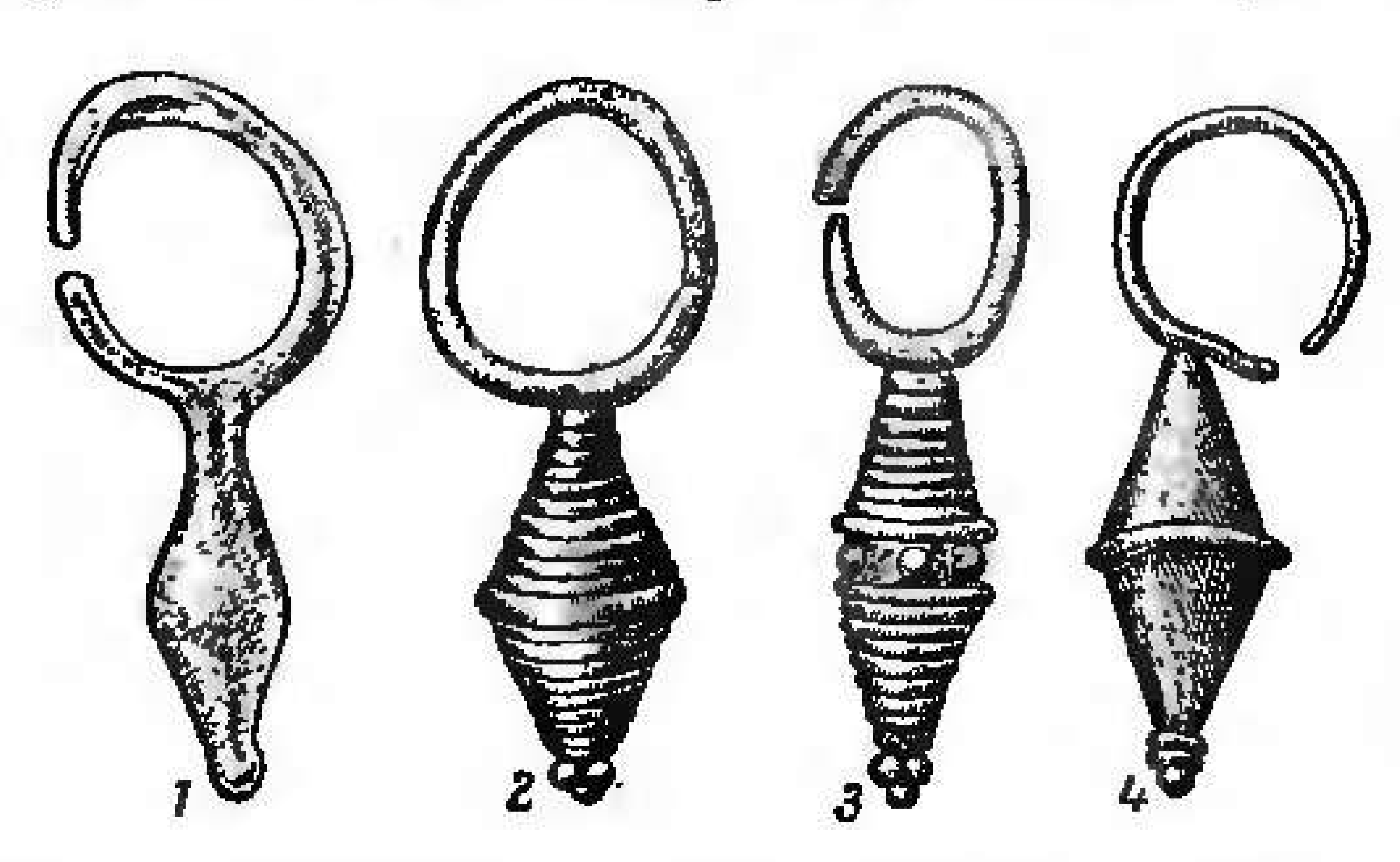

Рис. 52. Металлические серьги Северного Кавказа и Южного Урала

1 — бронзовая серьга из лугового могильника; *2* — золотая серьга из кургана у сел. Шалушка; *3* — бронзовая серьга с Полтавщины; *4* — золотая серьга из сел. Бишобы

---

[537] Н. В. Анфимов. Меото-Сарматский могильник у станции Усть-Лобинйско, стр. 162, рис. 2, № 3—4.

[538] Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. 41, № 1912.

[539] О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 12, рис. 9.

[540] По личному сообщению Г. Ф. Гобеджишвили.

[541] ИАК, вып. 30, 1909, стр. 151, рис. 28, рис. 44.

[542] С. А. Семенов-Зусер. Таврские мегалиты. «Наукові записки Харьківского пед. ин-туту», V, 1940, стр. 159, рис. 21.

[543] Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 101, рис. 3, № 11—12.

[544] С. И. Руденко. Отчет о раскопках Прохоровских курганов. Материалы по археологии России, вып. 37, П., 1918, стр. 26, табл. VII, рис. 2.

Датировка Нестеровского могильника

Произведенный анализ погребального инвентаря Нестеровского могильника и всего сравнительного материала, привлеченного из разных областей степного юга, Крыма и Кавказа, позволяет прийти к заключению по поводу времени совершения захоронений на Нестеровском погребальном поле и составить его культурно-историческую характеристику.

Суммарная датировка Нестеровского могильника не вызывает особых затруднений. Из всей многочисленной серии хорошо датируемых предметов, отражающих специфические черты той или иной археологической культуры и привлеченных нами как прямые или очень близкие аналогии вещевому богатству Нестеровского могильника, нельзя указать на вещи, которые были бы старше VI в. и моложе IV в. до н. э.

Даже совокупность столь ярко выраженных кобанских и других архаических черт в материальной культуре Нестеровского могильника в значительной степени хронологически нейтрализуется включением в погребальные комплексы элементов скифо-савроматской культуры, не углубляющейся во времени за пределы VI в. до н. э.

Конечно, бронзовые двухперые втульчатые с шипами наконечники стрел, как известно, имеют свое начало еще в VII в., но в наших комплексах они встречаются в сочетании с другими предметами, время бытования которых не раньше VI в. до н. э.

Почти то же самое можно сказать по поводу железных наконечников стрел-площиков. Как было отмечено, они имеют своим прототипом бронзовые закавказские наконечники стрел урартского периода, а быть может даже и каменные стрелы эпохи бронзы. Стрелы того вида, который представлен в могилах №№ 2 и 20, могли быть изготовлены на Кавказе еще в доскифский период, на что указывают находки подобных стрел в могилах у Самтаврского монастыря (в Грузии) [545], но нахождение их в комплексах с другими, поздними, хорошо датируемыми вещами также не позволяет уводить их в глубь веков, за пределы VI в. до н. э.

Если мы возьмем другую крайнюю дату, упоминавшуюся при рассмотрении нестеровского могильного инвентаря, а именно IV век, то ею мы и должны будем ограничить диапазон времени бытования нашего памятника на основании и другого вещевого материала. Так, например, железные, довольно узкие трехперые втульчатые наконечники стрел, а также костяные, квадратные в сечении, с зубчатыми выступами в основании наконечники характерны почти для всего эллинистического периода, во всяком случае по III в. до н. э. включительно. То же самое можно сказать и о бусах из коричневого стекла и других вещах. Но в нестеровских могилах все эти предметы встречены в комплексах, включающих и такие вещи, бытование которых ограничивается самым началом IV в. до н. э.

[545] В. Вырубов. Предметы древности в хранилище Общества любителей кавказской археологии. Тифлис, 1877, табл. 1, рис. 1—3 и 8.

В целом при наличии большого разнообразия весьма архаических черт в погребальном обряде и при смешанном характере могильного инвентаря весь материал Нестеровского могильника производит определенное и довольно цельное впечатление хронологической однородности. Это VI — IV вв. до н. э. Вот две крайние даты, которые указывают на возникновение и прекращение существования нестеровского памятника как места упокоения древнего населения этого района Ассинского ущелья.

Правильность этой датировки косвенным образом подтверждается материалом, добытым нами при исследовании расположенного всего в $^{1}/_{2}$ км от могильника древнего поселения с зольником [546]. Формы глиняных пряслиц, глиняных лощеных сосудов, украшенных по венчику налепным щиповым орнаментом, и отдельные железные предметы, с одной стороны, органически связывают между собою поселение и могильник, а с другой — подкрепляют высказанную суммарно дату Нестеровского могильника.

Затрудняясь в пределах указанной даты точно распределить все 53 погребения, полагаем, что некоторые могильные комплексы Нестеровского могильника можно датировать довольно точно.

Так, нам представляется, что к VI в. до н. э. (может быть, к его середине) должны быть отнесены такие комплексы, как погребение № 17 (с бронзовой височной привеской позднекобанского типа, с сосудом, подражающим местным бронзовым сосудам и с пряслицем, близким массивным конусообразным глиняным пряслицам), погребение № 20 (с набором разных наконечников стрел весьма архаического типа), погребение № 21 (с двойным сосудиком грушевидной формы, с массивными литыми браслетами, с архаической бронзовой привеской в полтора оборота, с наконечниками железного копья и стрелы укороченных пропорций), погребение № 45 (с набором цветных пастовых бус с глазками, с отличным массивным бронзовым браслетом позднекобанского типа, височными кольцами и другими предметами) и, наконец, погребение № 53 (с железным акинаком в железных ножнах и каменным оселком, типологически близким ранним образцам скифского оружия).

Все остальные погребения были совершены уже в V в. до н. э., причем наиболее уверенно, мне кажется, можно говорить о погребении № 2 (с архаической посудой, но уже с трехперыми бронзовыми наконечниками стрел), о коллективной могиле № 8 (с рядом архаических признаков, но уже с железными браслетами и акинаком с антенообразным навершием), о погребении № 9 (где наряду с грушевидной формы сосудиком встречены и желтые стеклянные бусы и позднего типа браслеты), о погребении № 10 и особенно о погребении № 12 (с чудесным акинаком, с крупной стеклянной реберчатой бусой, бронзовым и костяным наконечниками стрел V в.) и о погребении № 22 (с явными признаками таврской культуры — спиральной височной привеской, проволочными орнаментированными на концах браслетами и прочими вещами). Пока мы не видим оснований для четкого выделения комплексов, которые могли бы быть датированы только IV в. до н. э. Полагаем, что основная масса захоронений на Нестеровском могильнике была совершена в V в. до н. э, но вполне допускаем возможность отдельных захоронений и в IV в. до н. э.

---

[546] См. об этом в начале главы V, § 1.

Конечно, булыжная насыпь, образовавшая курган, была сделана в самом конце существования могильника, доказательством чего служит скорченный костяк № 15, захороненный почти на самой вершине кургана, в булыжном слое с обломками сравнительно поздней керамики (без орнамента). На остальной площади насыпь была совершенно не нарушена более поздними захоронениями.

Одновременно следует сказать, что при учете всех материалов, аналогичных нестеровским (из могильников Исти-су, Лугового и др., в состав которых входят и привески-пирамидки из цветного стекла и железные удила с коленчатыми двудырчатыми псалиями более позднего времени), в культуре восточной группы можно будет выделить комплексы и IV в. до н. э. и даже более поздние, если судить по данным Урус-Мартановского, Пашковского (меотского) и других могильников Северного Кавказа [547].

Историко-культурная характеристика Нестеровского могильника, представляющего восточный вариант позднекобанской культуры

Можно ли установить какое-либо строгое соответствие обряда погребения (скажем, вытянутое положение костяка с западной ориентировкой) тому или иному хронологическому отрезку? Решение такого вопроса может быть дано только с учетом большого сравнительного материала, добытого на всех северокавказских памятниках скифского времени.

Применительно к Нестеровскому могильнику можно сказать, что отмеченная разнородность погребального обряда может находиться в зависимости не столько от времени, когда было совершено то или иное погребение, сколько от этнического состава общества, жившего у входа в Ассинское ущелье и хоронившее своих умерших сородичей на территории изучаемого могильника с VI по IV в. до н. э.

Нам представляется, что как Нестеровский, так и Луговой могильники являлись кладбищами одной родоплеменной группы, обитавшей на левобережье Ассинского ущелья. Отмеченная разница в погребальном инвентаре определенно указывает на наличие имущественного неравенства в этой группе. Налицо и парные и коллективные погребения, которые, по-видимому, отражают момент становления малой семьи при наличии еще ее глубокой подосновы — патриархальной (большой) семьи, о которой можно судить по коллективной могиле № 8.

Мы не имеем оснований говорить о могилах верхушечного слоя этого общества, особенно по данным Нестеровского могильника. Если такие и были, то скорее всего они находятся в огромных (до 5 м высотою), еще не исследованных курганах, находящихся вблизи и в окрестностях станиц Нестеровской, Ассиновской, Сунженской и др.

Только в качестве гипотезы можно высказать взгляд, допускающий принадлежность таких погребений, как № 53 (с каменным кольцом, с вытянутым костяком и

---

[547] ОАК за 1900 г., стр. 55; К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 306.

прекрасным акинаком) и № 50 (со сложным завалом булыжника и с ритуальной посудой), главам больших патриархальных семей или родовым старейшинам. Возможно также, что и под курганными насыпями погребались представители отдельного рода, но одной родоплеменной группы, жившей в одном поселке. Примеры из этнографии, в том числе кавказской этнографии, вполне допускают такое предположение. Известно, что в одном поселке живут представители двух-трех родов, которые хоронят своих сородичей в одном месте, но раздельно.

Поднимая вопрос об этническом составе этой родоплеменной группы, вероятно, мы будем правы, если охарактеризуем эту группу как сравнительно весьма пеструю по своему составу. К такому выводу приходишь невольно, подвергнув сравнительному анализу весь могильный инвентарь и памятуя, что устройство могил и погребальный обряд являются важнейшими признаками этнографического порядка [548].

Изучение всех материалов, добытых при исследовании Нестеровского и других могильников восточной группы позднекобанской культуры, позволяет высказать следующее. Моздокский, Нестеровский, Луговой, Исти-су и другие могильники этой группы являются важными источниками по изучению Грозненского локального варианта кобанской культуры Северного Кавказа VI—IV вв. до н. э. При наличии в них очень архаических черт все они знаменуют собою давно совершившийся переход от бронзы к железу. Из бронзы делаются одни только украшения. Все орудия труда и оружие изготовляются уже из железа. Сам погребальный обряд и могильный инвентарь в своей основе оказываются генетически связанными с соответствующими чертами кобанской культуры предшествующего этапа местной истории. Именно в этот период на территории современной ЧИ АССР оказывается наибольшее количество памятников, отражающих проникновение сюда племен — носителей позднекобанской культуры. Вместе с сохранением всех существенных черт кобанской культуры (табл. LXX) местные племена вырабатывают новые формы вещей (двуовальные бронзовые бляхи, биконические серьги, особые бронзовые и железные поясные пряжки и др.), составившие специфику данной группы памятников или восточного варианта местной культуры скифского времени (табл. LXVII, рис. 4; LXXI—LXXIII и рис. 52, *1*).

Одновременно культура Нестеровского и близких ему могильников отличается смешанным характером и некоторой пестротой составляющих ее компонентов. Она развивается под заметным воздействием скифской и савроматской культуры. Наряду с очень архаическими местными особенностями в ней прослеживаются явные элементы скифской, савроматской и даже таврской культур, появление которых здесь опирается на более глубокие и традиционные связи кавказских племен с населением европейского юго-востока, начиная с эпохи бронзы.

Основное научное значение Нестеровского и других могильников этого района заключается в том, что они дали материалы, проливающие новый свет на важнейший этап местной истории, характеризующийся хозяйственным освоением железа, и на «скифскую проблему» в целом, применительно к Северному Кавказу. В этом аспекте

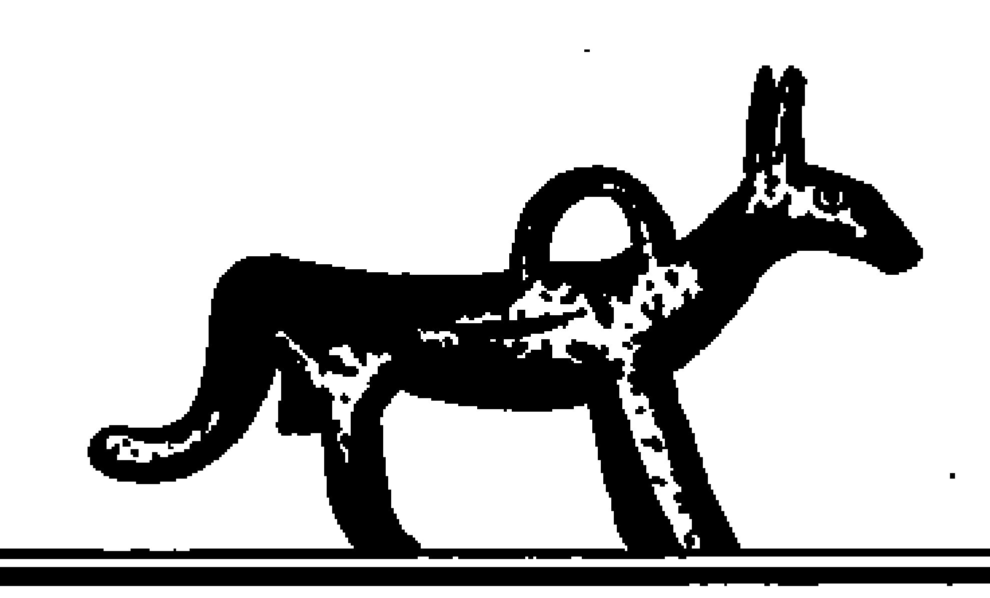
[548] М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, 1947, № 3, стр. 81.

особое значение приобретают факты появления на Кавказе вытянутых с западной ориентировкой погребений, обычно приписываемых скифскому обряду.

Такие могильники, как Луговой, Исти-су, Нестеровский, резко выделяются из серии им подобных памятников других районов Северного Кавказа выразительностью элементов скифо-савроматских и даже таврских и являются ценнейшими источниками для освещения восточного варианта позднекобанской культуры края.

Для более глубокого и детального выяснения всех вопросов, связанных с этой культурой Северного Кавказа, необходимы поиски и планомерное исследование новых археологических памятников типа Моздокского, Нестеровского и Лугового могильников и связанных с ними поселений.

Глава 6

ОСНОВЫ ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

История развития любого общества есть не что иное, как история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс. Всякое изучение истории и культуры любого народа следует начинать с освещения его хозяйственной деятельности, его производства, а затем уже выяснять и характер связанных с экономикой производственных отношений, внешних связей и надстроечных категорий.

Историческое освещение интересующего нас раннежелезного века мы и начнем с анализа хозяйственных основ развития местных обществ Северного Кавказа.

Теперь мы знаем, что начиная с эпохи энеолита и высокогорные районы Северного Кавказа были уже достаточно освоены местным населением, о чем особенно уверенно можно говорить по памятникам материальной культуры Ингушетии и Северной Осетии [1]. Этот процесс полностью оказался завершенным уже на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Несомненно, массовое заселение ксерофитных районов и хозяйственное использование их природных богатств было стимулировано и растущей ролью в хозяйстве местного общества пастушеского скотоводства и быстрым развитием металлургии меди.

Подобные явления обычно сопутствуют производственному, общественно необходимому процессу, который завершается первым применением железа. Это уже эпоха «железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора... Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях..., оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из из-

---

[1] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии. МИА, 23, М., 1951, стр. 25—26; его же. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1955, стр. 99

вестных тогда металлов»[2]. Только в эту эпоху и на юге нашей страны начинает развиваться пашенное земледелие, накапливаются предпосылки для будущего отделения ремесла от земледелия.

Почти со всеми этими признаками, характеризующими определенный этап в развитии любого общества, мы сталкиваемся и при изучении родо-племенных организаций центрального Предкавказья раннежелезного века.

Чтобы правильно понять экономическое состояние местного общества скифского времени, необходимо вспомнить хозяйственные характеристики, какие давались кобанскому обществу предшествующего периода, непосредственно связанного с изучаемым.

Последовательно попытаемся охарактеризовать основные виды хозяйственной деятельности северокавказских племен раннежелезного века, о которых можно судить прежде всего по памятникам материальной культуры.

СКОТОВОДСТВО

На первом этапе изучения кобанской культуры, кроме В. И. Долбежева, мало кто интересовался хозяйственной основой общества, представленного этой культурой. Основываясь на своем знакомстве с многочисленными памятниками кобанской культуры и с кавказской этнографией, В. И. Долбежев писал следующее: кобанцы — «племя было пастушеское. Сомнительно, чтобы кобанцами возделывалась земля, так как нигде не найдено земледельческих орудий; можно с достоверностью утверждать, что кобанцы не владели и крупным рогатым скотом, необходимым для пахания, а имели только горных коней и то в небольшом количестве»[3]. Некоторые находки свидетельствуют «об их боевом и охотничьем быте».

Таким образом, еще в дореволюционные годы была признана овцеводческая основа кобанского производства с полупризнанием роли охоты в быту кобанцев. Земледелие почти отрицалось.

Кстати отметим, что В. И. Долбежев первый из археологов заинтересовался характером жилищ древних кобанцев, искал их поселения и пришел к заключению, ввиду отсутствия остатков их зодчества, что «кобанцы строили себе жилища в виде (каких-то) легких деревянных шалашей»[4]. Важно отметить, что этим самым В. И. Долбежев признавал оседлый характер жизни и быта древних кобанцев.

Уже в советские годы некоторые положения, вытекающие из опыта изучения скифских кочевых племен и их хозяйства и культуры, почти механически были перенесены и на другие племена, в том числе и на племена Северного Кавказа изучаемого периода. Скифские элементы в местных памятниках и случаи конских захоронений

---

[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, стр. 183.

[3] В. И. Долбежев. Об орнаментах и формах бронз, находимых в доисторическом кладбище, близ сел. Уолла-Кобань Терской области. СМОМПК, вып. —VI, Тифлис, 1888, стр. 72—73.

[4] В. И. Долбежев. Об орнаментах и формах бронз..., стр. 75.

(как в Моздокском могильнике) были восприняты как убедительные доказательства якобы происшедших в хозяйстве местного населения изменений, связанных с освоением лошади и развитием кочевого или полукочевого скотоводства.

Начиная с 30-х годов текущего столетия в соответствующей кавказоведческой литературе, особенно в работах наших ленинградских товарищей [5], памятники рассматриваемого периода в предгорной зоне прямо приписывались даже кочевым, а не только полукочевым племенам Северного Кавказа, якобы проходившим так называемую скифскую стадию своей истории, когда конь играл наиболее крупную роль и в хозяйстве и в быту населения [6].

Остановимся на этом вопросе подробнее. Мнение о кочевом характере быта населения северо-западного Кавказа в скифскую эпоху нашло свое отражение даже в таком сводном труде, каким является известный довоенный макет «Истории СССР с древнейших времен до образования Киевского государства» [7]. По словам авторов соответствующего раздела, появление «многочисленных поселений, известных по Кубани и низовому Дону», уже в сарматскую эпоху ставится в прямую связь с «углублением экономической дифференциации в среде *кочевого общества* (курсив наш.— *Е. К.*) и свидетельствует об усложнении степного скотоводческого хозяйства прибавлением к нему земледелия» [8].

Известно также, что большинство исследователей такие памятники Прикубанья VII—V вв. до н. э., как Келермесские курганы и др., считали принадлежавшими скифам-кочевникам [9] (Миннз, А. П. Смирнов и др.).

Однако исследованиями Н. В. Анфимова прослеживается в древнем Прикубанье совершенно иная картина. Его разведочными работами прочно документированы оседлые земледельческие поселения еще в досарматский период [10].

Правда, заключения о кочевом характере хозяйства и быта северо-кавказских племен в скифскую эпоху никогда не сопровождались развернутой аргументацией, тем не менее обойти их молчанием нельзя, так как они в свое время нашли широкий отклик в нашей научной литературе, особенно после Миллеровских тезисов «О скифах» [11]. Разумеется, мы не можем следовать тенденции, которая заставляет всю северную часть Кавказского перешейка рассматривать как единое целое даже в пределах одной эпохи. Нам представляется, что конкретная историческая жизнь в разных районах этого края протекала по-разному не только в силу политических событий того времени, но прежде всего в силу особенностей хозяйственного развития каждого микрорайона.

---

[5] А. А. Миллер. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. «Сообщения ГАИМК», 1932, № 9—10, стр. 62.

[6] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник, 1940.

[7] «История СССР», т. I, ч. 2, изд. ИИМК, Л., 1939.

[8] Там же, стр. 334.

[9] А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов. М., 1935, стр. 27.

[10] Н. В. Анфимов. Поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 20.

[11] А. А. Миллер. Тезисы к вопросу о скифах. Проблемы истории материальной культуры. 1933, № 5—6; А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 20—21.

Поэтому нам кажется, что общая характеристика северо-кавказского общества, проходившего «скифскую стадию», как кочевого или даже полукочевого, никак не отражает истинного положения и состояния местного общества того времени, по-разному развивающегося в разных районах изучаемой нами территории.

Но вместе с тем мы далеки от мысли отрицать ощутимую связь тогдашней культуры Северного Кавказа со скифским культурным миром. Мы только отказываемся верить в то, что местные племена центрального Предкавказья (даже и районов Прикубанья) в середине I тысячелетия до н. э. были кочевниками, у которых и в хозяйстве и в быту роль коня была чуть ли не ведущей.

Какие данные лежат в основе подобных заключений? Основанием для сторонников этого взгляда служат факты погребений с конем, например в курганах Прикубанья и под Моздоком, а также находки костей лошади в культурных слоях рассматриваемых городищ и поселений. Но если строже подойти к этим доводам, то они не выдерживают критики. Во-первых, в соответствующих культурных слоях северокавказских городищ и поселений, как мы видели (глава V), содержатся не только конские кости, но и кости других животных (например, свиньи), причем в большем числе. Почему же они не учитываются?

Теперь о конских захоронениях. Действительно, массовые захоронения лошадей в курганах Прикубанья (Костромская станица, Ульский аул и др.) как будто свидетельствуют о значимости коня, нашедшей отражение даже в погребальном культе местного населения. Но, во-первых, нужно еще серьезно обосновать утверждение, что подобные памятники принадлежат именно местному аборигенному населению, т. е. прочно связать их с соответствующими городищенскими слоями и подлинно местными памятниками, скажем, с Усть-Лабинским могильником; нам лично они всегда казались принадлежавшими скифским племенам. А во-вторых, эти захоронения могут характеризовать лишь локальные особенности культуры Прикубанья, не случайно имеющую сильную окраску скифской культуры. Памятники типа Келермесса и др., действительно, могли быть оставлены скифами. Это доказывается и наличием в них могильных алтарей — эсхаров, известных у скифов Приднепровья.

Но кроме того, нужно учесть, что связь коня с погребальным культом известна и у оседлых народов, например у горных осетин, а погребения с конем известны даже в центре Грузии [12]. Почему же эти факты обязательно должны свидетельствовать о кочевом образе жизни всех северокавказских племен? Тем более, что нам известны случаи полного отсутствия конских захоронений у народов, у которых коневодство, действительно, было ведущим, например у кабардинцев.

Если мы учтем весь костный материал из всех известных городищ и поселений как Прикубанских, так и более восточных, то убедимся, что его состав определяется не столько костями лошади, сколько костями крупного и мелкого рогатого скота и даже свиньи (Семибратнее и Усть-Лабинское городища, поселения Кабардино-Пятигорья и Северной Осетии). Что же касается поселений и городищ восточных районов Чечено-Ингушской АССР, впервые подвергнутых нами научному исследованию, то их изучение заставляет прийти к совсем иным выводам. Как мы уже

[12] С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 234.

видели из показаний остеологического материала Лугового, Алхастинского и Нестеровского поселений Ассинского ущелья, а также Змейского поселения, наиболее распространенным видом домашних животных у местных племен рассматриваемого периода нередко был крупный рогатый скот, затем мелкий (овца, коза) и только третье место занимала лошадь, если не считать свиньи. Кости свиньи иногда превышают даже количество костей коровы, но без подразделения на кости дикой и домашней свиньи; поэтому в данном аспекте мы их не учитываем.

Массовые находки костей домашних животных на исследованных поселениях дают основание не только судить о составе стада, но и доказывают факты употребления в пищу местным населением мяса коровы, лошади и овцы.

Но при явном преобладании в стаде крупного и мелкого рогатого скота, кажется, невозможно говорить об особо заметной роли коня в быту местных племен, а тем более утверждать за ними кочевой характер их хозяйства и быта.

Именно широко развитое животноводство, как одна из основ хозяйственной деятельности древних оседлых племен центрального Предкавказья, раньше всего и подтверждается хорошо документированным костным материалом с исследованных памятников Северного Кавказа изучаемого периода.

Причем, в местных условиях Кавказа, животноводство, пусть даже преимущественно овцеводство, совсем не обязательно должно обусловливать наличие кочевого или полукочевого быта. Наоборот, как мы видели по материалам V главы, довольно мощные культурные слои предгорных и равнинных поселений (Моздокское) доказывают именно оседлость населения.

Известные факты из кавказской этнографии убеждают в том, что весьма характерная для всего Кавказа и даже сохранившаяся до наших дней форма животноводства (так называемое яйлажное или кошевое скотоводство), бытующая у народов как Северного, так и Южного Кавказа, совершенно не характеризуется полным отрывом временных кочевий стад от постоянного пункта проживания основной массы населения [13]. Широко практикуемый и сейчас, уже в колхозных условиях, отгон стад на пастбищные участки (летом в горы на альпийские луга, а зимой в степи) носит исключительно сезонный характер, осуществляется сравнительно небольшим числом пастухов (чабанов) и совершенно не вовлекает всю массу населения, которое живет оседло в горах или на равнине в определенных и постоянных пунктах.

Насколько нам известно, никто и никогда не называл полукочевниками ни грузин, ни осетин, ни дагестанцев, издавна практикующих сезонные перегоны овечьих стад летом на горные пастбища Грузии, Осетии и Кабарды, а зимой — на подножный корм в Караногайские степи или на Черные земли. Это оседлые горцы Кавказа, какими позднее стали и кабардинцы, основой хозяйства которых было экстенсивное скотоводство в сочетании с довольно развитым земледелием.

Такими же представляются нам и обитатели тех древних поселений центрального Предкавказья, которые мы выше рассмотрели в их археологических остатках.

---

[13] Д. Каллестинов. Кочевое скотоводство. «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», 1926, № 3, Баку, стр. 74. Об условиях жизни кочевников-скотоводов в Азербайджане см. там же, стр. 95.

Итак, первый же опыт изучения вновь открытых древних поселений срединной части Северного Кавказа I тысячелетия до н. э., расположенных и в предгорных и в равнинных районах края от Прикубанья до Дагестана (около 70 пунктов), заставляет прийти к другим выводам. Прежде всего мощностью культурных отложений и многочисленностью зольников эти древние поселения веско документируют не кочевой, а оседлый характер быта древнего населения Северного Кавказа с культурой смешанного типа (местной, кобанской позднего этапа ее развития, в сочетании с элементами степной, скифо-савроматской культуры).

Нам представляется, что в I тысячелетии до н. э. не только в высокогорных и предгорных районах проживали оседлые племена, но и на прилегающих пространствах степи также жили не настоящие кочевники. На это указывают и новые палеоботанические данные, которыми наша наука раньше не располагала; об этом же свидетельствует сам археологический материал.

В этом плане большое значение имеют заключения палеоботаников, основанные на споро-пыльцевом анализе погребенных почв из наших раскопок в ныне полупустынных пунктах северных районов Ставропольщины и Дагестанской АССР (в недавнем прошлом Грозненской области). По мнению Р. В. Федоровой [14], пыльцевой анализ позволяет предполагать в районах между Тереком и Кумой, начиная с эпохи бронзы и кончая почти сарматским периодом, иную природную обстановку. В указанное время, судя по обнаруженной пыльце, в ныне пустынных и полупустынных районах произрастали широколиственные (липа и др.) и даже хвойные (сосна) леса. Многочисленные находки разнообразного подъемного материала, в том числе и скифо-савроматских типов, и особенно разнообразных зернотерок, найденных нами на местах развеянных древних поселений в районах селений Терекли-Мектеб, Махмут-Мектеб, Агабатыр, Ачикулак и Бажиган, неоспоримо свидетельствуют об оседлости населения и о занятии его также и земледелием.

Эти новые данные для освещения древней жизни ранее археологически совершенно не изученных степных районов северо-восточного Кавказа и северо-западного Прикаспия принципиально очень важны. Оказывается даже применительно к этим районам и то нельзя реконструировать для древности один только кочевой характер местного быта. Тем более (в свете всех последних данных) нельзя этого утверждать в отношении древних племен предгорных и особенно нагорных районов Северного Кавказа, по культуре близких один другому.

Рассмотрим последовательно, что же представляли собой в хозяйственном отношении нагорные и предгорные районы срединной части Северного Кавказа и какими экономическими рессурсами и возможностями они характеризовались в начальные века и в середине I тысячелетия до н. э.

Высокогорные районы Северного Кавказа, с их крутыми склонами, каменистыми почвами и маломощным почвенным покровом, естественно, мало пригодны для земледелия, получившего свое развитие на равнинных участках еще в эпоху энеолита. Но зато эти районы, богатые великолепными горными лугами и пастбищами,

[14] Р. В. Федорова. Результаты исследования споро-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. «Известия Грозненского обл. краев. музея», вып. 5. Грозный, 1953, стр. 154—162.

прекрасно удовлетворяли потребности стадного скотоводства, главным образом овцеводства. Кроме того, горные районы, богатые цветными металлами (свинцово-цинковые месторождения в Алагирском ущелье, месторождения редких цветных металлов в Баксанском ущелье и др.) [15], хорошо отвечали нуждам опытных металлургов, какими были представители кобанской культуры на всех этапах ее развития.

Если учесть множественность высокогорных пунктов, с которых в музейных коллекциях собраны образцы кобанской бронзы, особенно второго этапа ее развития, нетрудно прийти к заключению о довольно густой заселенности древними обитателями северокавказских ущелий горной зоны, заселенности, даже мало уступающей недавнему прошлому. В ряде районов Северного Кавказа (в частности, в Дигории) в окрестностях каждого горного селения находят памятники I тысячелетия до н. э.; эти находки удостоверяют очень давнюю обитаемость этих мест северокавказскими горцами. Но существовать довольно большому населению только охотой (древняя форма хозяйства) и продуктами примитивного мотыжного земледелия в то время было уже невозможно. Основой всей жизни и трудовой деятельности местного общества и было скотоводство, притом гуртовое скотоводство, еще точнее — овцеводство. Вся предгорная и высокогорная зона края очень благоприятна для развития овцеводства. Кроме того, надо помнить, что мелкий рогатый скот менее прихотлив и более рентабелен в подобных условиях. Что скотоводство у местных племен носило массовый характер, доказывается поразительной множественностью различных бронзовых фигурок овцы и козы в виде привесок, зооморфной скульптуры и орнаментации украшений, находимых в могилах I тысячелетия до н. э. и в древнейших культовых местах (например, в святилище Реком). Эти факты говорят о распространении в то время культа барана. Подобные культы были известны даже в недавнем прошлом у многих горцев Северного и Южного Кавказа (например, у осетин, у мтеульцев и др.). Любопытно, что культ барана обычно наблюдается у народов, занимающихся исключительно или по преимуществу овцеводством. В пользу овцеводства, как хозяйственной основы населения нагорных районов этого периода, говорит и остеологический материал, входящий, как правило, в состав заупокойной трапезы погребенных.

Таким образом, все наличные источники допускают единственно убедительное заключение, что ведущей формой хозяйства, главной экономической основой жизни древних племен было овцеводство. Можно думать, что рост поголовья скота и забота об обеспечении его кормовой базой и привели к освоению высокогорных превосходных лугов и пастбищ, богатых травой. Ибо пастбища, расположенные вблизи от селений при старой пастушеской форме животноводства, теперь не могли уже удовлетворять кормовую потребность скота.

Но прокормить в течение всего года, особенно долгой зимы, крупные стада овец и коз также чрезвычайно трудно. Для этого необходимы огромные запасы сухого корма на долгий зимний период, что, разумеется, могло быть достигнуто лишь в очень ограниченных размерах, ибо даже теперь в Кабардино-Балкарии, например, на зимние пастбища приходится всего 2,3% заготовляемых кормов [16]. При продол-

[15] «Северный Кавказ». М., 1957, стр. 23, 366.
[16] Там же, стр. 373.

жительной (более полугода) зиме превосходные тучные альпийские пастбища, расположенные на высоте от 2500 до 3000 м над уровнем моря, полностью не могут быть использованы под сенокосы и для заготовки сухого корма, так как они бывают свободны от снега не более 3—4 месяцев в году. Кроме того, сама заготовка сена в горах связана с невероятными трудностями, которые значительно снижают эффективность затраченного труда. При всех обстоятельствах обеспечение сухими кормами большого стада на всю зиму в горных условиях просто невозможно. Казалось бы, климатические и географические условия должны были сковывать возможности горцев-скотоводов и предопределять границы развития животноводства, являвшегося главным занятием населения того времени. На протяжении столетий рогатый скот, особенно мелкий, давал горцам все необходимое для удовлетворения их насущных потребностей: мясо, молоко для сыра, шерсть и кожу для одежды и обуви. Немудрено, что в натуральном хозяйстве древнего северокавказского общества животноводство и было ведущим видом хозяйства.

Но оно стало таким только после коренной перестройки системы скотоводства, которую произвели горцы Северного Кавказа в борьбе за свое существование. Еще в эпоху бронзы, начиная с середины II тысячелетия до н.э., как северные, так и южнокавказские племена [17], вынужденные расширять скотоводческое хозяйство, впервые стали применять временный, сезонный отгон своих стад на зиму в равнинные и степные районы северо-восточного Кавказа [18]. Из простого пастушеского и экстенсивного занятия скотоводство превратилось в кошевое, отгонное, или яйлажное [19], когда крупные стада скота весною стали перегоняться на высокогорные альпийские луга, а осенью — в долины предгорий и в степные районы северо-западного Прикаспия на подножный корм, где и до наших дней пасутся еще зимой стада дагестанских, чечено-ингушских, осетинских, кабардино-балкарских и карачаево-черкесских колхозов.

Такое скотоводство до недавнего прошлого оставалось еще экстенсивным, ибо оно не предполагало стойлового содержания скота, но обеспечивало возможность более широкого разведения скота, являвшегося основой хозяйства северо-кавказских горцев на протяжении тысячелетий.

Насколько можно судить по сравнительным статистическим данным недавнего времени, горное животноводство (точнее — овцеводство) по его удельному весу в народно-хозяйственном балансе нагорных районов Северного Кавказа всегда занимало значительное место.

Что же касается высокогорных районов, то здесь оно постоянно являлось основой не только сельского, но и других отраслей народного хозяйства.

Так, например, по данным Евг. Максимова, в конце XIX в. на 100 жителей (села) приходилось [20]:

---

[17] Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, М., 1955, стр. 6.

[18] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 83.

[19] От тюркского составного слова «яйлаг» («яй» — лето и «лаг» — стан). «Яйлаг» противопоставляется тюркскому же слову «кишлаг» («киш» — зима и «лаг» — стан).

[20] Евг. Максимов. Чеченцы. «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, Владикавказ, 1893, стр. 79—80.

	Мелкого рогатого скота, голов	Крупного рогатого скота, голов	Лошадей, голов
У кабардинцев	350,1	166,2	46,5
У осетин	223	67	17
У терских казаков	213	133	22
У чеченцев	196,2	104,1	9,2
У ингушей	183	95	22
У крестьян России	53,6	33	28,3

Если оставить в стороне показатели в отношении терских казаков, в основном живущих не в нагорных районах Северного Кавказа, то приведенные цифры достаточно наглядно рисуют преобладание в первую очередь мелкого и крупного рогатого скота в составе горского стада, особенно по сравнению с хозяйством русских крестьян.

Такое же преобладание наблюдалось и в более позднее время, вплоть до современности. Большой удельный вес горного животноводства (именно овцеводства) наглядно выступает в составе северокавказского стада. Об этом говорят данные о составе горского стада за 1931 г. (в %) [21]:

	Северо-Кавказский край	Национальные области и республики горных районов
Овцы (мелкий рогатый скот)	46,7	76,8
Крупный рогатый скот	27,0	66,3
Лошади	9,6	42,0

Таким образом, на протяжении тысячелетий прослеживается доминирующее положение в хозяйстве кавказского горца стадного овцеводства.

Но как теперь, так и в древности крупное овцеводство на Кавказе не могло носить замкнутый характер и развиваться только на определенной, строго ограниченной территории, где проживают сами владельцы стад. Необходимость разрешения основных хозяйственных вопросов заставляла население степей и гор идти к расширению экономических связей и установлению новых форм скотоводства.

Многочисленные находки предметов позднекобанской культуры в степных районах Предкавказья (например, в Бажиганских степях, куда до сих пор пригоняются стада даже из Грузии) и, наоборот, еще более многочисленные находки предметов степных культур (особенно скифского типа) в высокогорных пунктах Северного Кавказа (вплоть до Дигории) подсказывают мысль о расширении хозяйственных связей

[21] Болгашов, Узлемир, Червочкин и Колиман. Задачи животноводства в горной полосе. Журнал «Революция и горец», 1933, № 9, Ростов-Дон, стр. 27.

между обитателями гор и равнин и о широком развитии яйлажной, или кошевой, системы овцеводства на Северном Кавказе именно в период бытования позднекобанской культуры, точнее в конце первой половины I тысячелетия до н. э.

Разумеется, трудно уверенно ответить на вопрос о породах скота, бытовавших на Северном Кавказе в изучаемый период. Довольно малочисленные остеологические материалы (по сравнению со всей массой археологических находок) до сих пор не изучались под этим углом зрения. Можно лишь предполагать, отправляясь от современных исследований животноводов (зоологов), что, очевидно, в древности господствовали те местные мелкие породы овец и горских коз, какие под названием аборигенных до последнего времени сохранились у тушин (тушинская овца), у вейнахских народов (чеченцев и ингушей) и в горном Дагестане.

Известная более крупная, так называемая карачаевская овца, вряд ли имеет давнее происхождение на Кавказе. Очевидно, эта овца результат позднейшей метизации местной овцы более мясной степной породой. Кстати, по качеству шерсти она уступает местной породе, особенно тушинской.

Как известно, все местные аборигенные породы мелкого рогатого скота маломолочны, но жирностью молока превосходят лучшие культурные породы, давая жирности 5—6 и даже 9% [22].

Обычная же горская коза превосходит аборигенную овцу и по удойности и по жирности молока.

Судя по соотношению костей домашних животных, отмеченному по материалам из древних поселений предгорной полосы (Алхастинское, Нестеровское и др.), в составе стада преобладал крупный рогатый скот. И это естественно, если учесть использование его в земледелии и вообще в сельском хозяйстве, имевшем в этой зоне более развитой характер. Можно предполагать, что и крупный рогатый скот того времени представлял собою две местные древние породы коровы, которые позднее стали известны под названием «великокавказской мелкой породы» черной масти (высокогорной породы) и «малокавказской более крупной» красной масти, типичной для предгорных районов. По мнению современных животноводов (акад. Лискуна и проф. Калантари), обе эти породы коров — аборигенные древние, хорошо акклиматизировавшиеся. Они и должны использоваться для улучшения пород скота на Северном Кавказе [23].

По всем данным, лошадь на Северном Кавказе стала основным средством передвижения никак не ранее IX—VIII вв. до н. э. Судя по находкам костей домашней лошади в степных районах юго-востока и в Закавказье, мы знаем, что лошадь в Нижнем Поволжье [24] и в Закавказье [25] была приручена уже в конце II тысячелетия до н. э. На Древнем Востоке одомашнивание лошади и использование коня для верховой езды произошло на несколько столетий раньше. Известно, что гиксосы—выходцы

[22] Там же, стр. 36.

[23] Там же, стр. 37.

[24] К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 133, 215.

[25] А. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, IV, 1937, стр. 255.

из южной Сирии и Палестины — на рубеже XVIII и XVII вв. до н. э. разгромившие и оккупировавшие Египет (при XIII династии), впервые имели на вооружении боевые колесницы, запряженные лошадьми, и верховых, хотя конницы как особого рода войск тогда еще не было создано [26]. Во второй половине II тысячелетия до н. э. прирученная и используемая как транспортная сила лошадь стала известна и в Малой Азии и в Иране [27]. А в конце II тысячелетия до н. э. и позднее в Закавказье совершались захоронения с конями [28].

Судя по бронзовым фигуркам лошадей, встречающимся среди ранних комплексов кобанской культуры (рубежа II и I тысячелетий до н. э.), и особенно по бронзовым кобанским удилам VIII—VI вв. до н. э., можно заключить, что и на Северном Кавказе всадничеству предшествовал какой-то период использования лошади как транспортной силы, как средства передвижения. Возможно, этот промежуточный этап улавливается появлением костяных трехдырчатых (простейшей конструкции) псалий, которые стали известны в последние годы из раскопок Дагбашского могильника в Дагестане, Змейского поселения в Северной Осетии доскифского времени и которые почти всюду, например на Украине (Субботовское городище), предшествуют бронзовым удилам и псалиям (табл. XIII, рис. 1—3) [29].

Ставшие теперь уже нередкими находки в позднекобанских комплексах (не только на территории Осетии, но и Кабардино-Пятигорья и даже Прикубанья) массивных бронзовых конских удил наиболее ранних типов и псалий (трензелей) свидетельствуют о широком использовании на Северном Кавказе в первой половине I тысячелетия до н. э. коня как транспортного средства и для верховой езды (табл. XIV) [30].

Об использовании лошади в I тысячелетии до н. э. в качестве тягловой силы в колесницах свидетельствуют: находки в Закавказье бронзовых поясов с изображением конских колесниц, модели самих колесниц, с конской запряжкой (например, из Лчашена) [31] и навершия от дышла — в Прикубанье. Известно, что в состав конских уздечных наборов, изготовлявшихся, как доказал А. А. Иессен, на Северном Кавказе начиная с VIII—VI вв. до н. э., входят удила крупных размеров. Таковы, например, удила, добытые в могиле № 2 у сел. Каменномостского [32], в курганном погребении у сел. Заюково [33], удила из Кобана. Нередко они достигают 18—20 см длины. Удила отличаются острыми шипами и массивными псалиями, или трензелями,

[26] «Всемирная история», т. I, 1955, стр. 338.

[27] «Siria», XVI. Paris, 1935, p. 245.

[28] Б. А. Куфтин. Раскопки в Триалети, стр. 47.

[29] I. Г. Шовкопляс. Археологічні дослідження на Україні. Київ, 1959, (1917—1957), стр. 153, 8; его же. Курганный могильник предскифского времени на среднем Днепре. КСИА АН УССР, вып. 2, 1953, стр. 41 сл.

[30] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 70.

[31] О. М. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, № 2, стр. 150, рис. 8.

[32] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Уч. зап. КНИИ», т. V, Нальчик, 1950, стр. 251—252, рис. 49—50.

[33] К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА 23, 1951, стр. 136, рис. 42, 2

свойственными так называемым строгим удилам, значительно облегчающим усмирение и управление лошадью. Применялись столь большие по размерам удила, вероятно, для укрощения крупной, большеротой породы лошади.

Если вспомнить экстерьер современного, как известно, метизированного кабардинского коня, то вряд ли будет большой натяжкой отнести начало выращивания глубоко местной прославленной кабардинской породы лошади (крупной, сильной и выносливой) именно к VIII—VII вв. до н. э. Только с этого периода мы уверенно можем реконструировать развитие горского коневодства на Северном Кавказе, иллюстрируемое не только самыми разнообразными удилами, но и многочисленными изображениями лошади в кобанской бронзе [34].

Очевидно, не случайно специалисты-животноводы отличные качества метизированной кабардинской лошади (блестяще проявленные ею и в Великой Отечественной войне) относят за счет старой крупной аборигенной породы, давно акклиматизировавшейся в местных условиях Северного Кавказа [35]. О массивной голове древнего местного коня можно судить также по изображениям конской головы на серебряных синдских монетах V в. до н. э.[36]

В пользу определенной роли коневодства в хозяйстве древнего населения центрального и северо-западного Кавказа говорит и исключительное многообразие форм конской упряжи [37]. Вообще же на всем Кавказе насчитывается до 10 типов древних бронзовых удил и до 15 типов трензелей, или псалий, в основном местного производства. Такого многообразия конской узды мы не встречаем в других районах древней Евразии. Это явление само по себе весьма показательно, так как свидетельствует не только об использовании лошади в хозяйстве горцев Северного Кавказа, а также для верховой езды и как транспортной силы, но и способствует выяснению важного вопроса об отношениях местного населения с населением степей Предкавказья, Украины и с племенами Закавказья. Здесь уместно подчеркнуть, что яйлажное скотоводство также связано с развитием коневодства.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Богатый животный мир края по-прежнему успешно мог удовлетворять любые потребности охотников. Но в изучаемый период охота не имела уже прежнего хозяйственного значения, хотя охотничий промысел был еще распространен в быту древних племен. На это указывают те же количественно превышающие все прочие бронзовые фигурки оленя, медведя, горного козла, а также птиц и других животных гор и лесов [38]. На это же указывают и многочисленные находки различных поделок и орудий труда из кости и рога, обнаруживаемых в раскопках (например, на Змейском поселении). Орудиями охоты по-прежнему были те же орудия войны — лук и стрелы, причем для этого времени характерно производство наконечников стрел не из

[34] П. С. Уварова. Указ. соч., табл. XXXV, рис. 1, 7; табл. XXXVIII, рис. 5.
[35] «Революция и горец», 1933, № 9, Ростов/Дон, стр. 40.
[36] Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, табл. II.
[37] А. А. Иессен. Указ. соч., табл. I и II.
[38] МАК, вып. VIII, табл. XXXV.

камня, а из кости, бронзы и железа как втульчатых, так и черешковых (плоских). Но общий уровень выросшей материальной культуры, конечно, не мог теперь уже базироваться на такой архаической отрасли хозяйственной деятельности людей, как охота. Последняя теперь выступает лишь как подсобное занятие мужского населения, по своей продуктивности на много уступающее ведущим формам хозяйства — скотоводству и даже земледелию. Что охота в это время занимала в хозяйстве местного населения далеко не первое место, доказывается численным соотношением костных остатков оленя, дикой свиньи, косули, сайги и других неодомашненных представителей местной фауны, зарегистрированных нами при научных раскопках Алхастинского, Нестеровского и Лугового поселений в предгорной полосе Чечено-Ингушской АССР и Змейского поселения в Северной Осетии. Всюду эти виды животных по количеству особей оказываются на последних местах, уступая даже лошади, занимающей третье место в перечне остеологических материалов исследованных поселений [39] (см. главу V (1) стр. 150, 155, 159, 160).

По-прежнему помощницей горца в охоте была собака, которая, судя по скульптурным изображениям на навершиях кобанских булавок, выполняла служебную роль в практиковавшейся и в более раннее время гаевой, коллективной охоте. Можно думать, что теперь еще большая роль стала принадлежать собаке в охране растущих стад мелкого рогатого скота, что отчетливо прослеживается по особенностям (по позе) многих фигурок этих животных, отлитых в бронзе.

Еще меньшее значение в хозяйстве аборигенного общества прошлого имело рыболовство, о чем можно судить по малому числу изображений рыбы в памятниках позднекобанского периода и незначительности количества рыбьих костей и рыболовных принадлежностей, обнаруженных при исследовании тех же поселений. Кости рыбы и каменные грузила при раскопках указанных мест поселений встречались буквально единицами. Если при обследовании соответствующих памятников Прикубанья [40] наблюдается, что рыболовство служило там значительным подспорьем к ведущим формам хозяйства — земледелию и скотоводству, то в районах центрального Кавказа можно лишь констатировать рыболовство, но нельзя приписывать ему хозяйственное значение.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

О примитивном мотыжном земледелии в центральных районах Северного Кавказа мы знаем по материалам энеолитического Лугового поселения, по данным Долинского поселения Кабарды (начало II тысячелетия до н. э.) и другим древним памятникам края. Каменные мотыжки из нижнего слоя Алхастинского поселения доказывают, что примитивное земледелие дожило здесь до эпохи поздней бронзы.

В первой половине I тысячелетия до н. э. в связи с общим подъемом хозяйства и развитием производительных сил, несомненно, сделало шаг вперед и земледелие. Развитие земледелия стимулировалось растущей плотностью населения, о чем можно судить по густоте расположения древних памятников.

[39] Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях..., КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 37.
[40] Н. В. Анфимов. Новые данные к истории азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 266.

Земледелие, несомненно, развивалось, но неравномерно. Ограниченное местными (горными) условиями, оно вряд ли в этот период имело большее значение в нагорной полосе, чем скотоводство. Правда, на этой стадии развития производительных сил и большего использования тягловой силы (быков и лошадей) закономерно предполагать и в нагорных районах зачатки уже пашенного земледелия с применением первобытного горского плуга или деревянной сохи, какие известны кавказской этнографии (рис. 53). Но подтвердить это археологическими остатками такого вполне вероятного архаичного земледельческого орудия мы пока не можем. Вместе с тем имеются прямые и косвенные указания на то, что и в более ранний период в области земледелия происходили определенные изменения, ибо на смену древнему деревянному серпу с кремневыми вкладышами, какие известны из Лугового поселения, появился бронзовый серп, известный, например, из Галиатского могильника Фаскау (Дигория), из Змейского поселения (Северная Осетия), из могильника у горы Бык и из других пунктов Кабарды и Пятигорья.

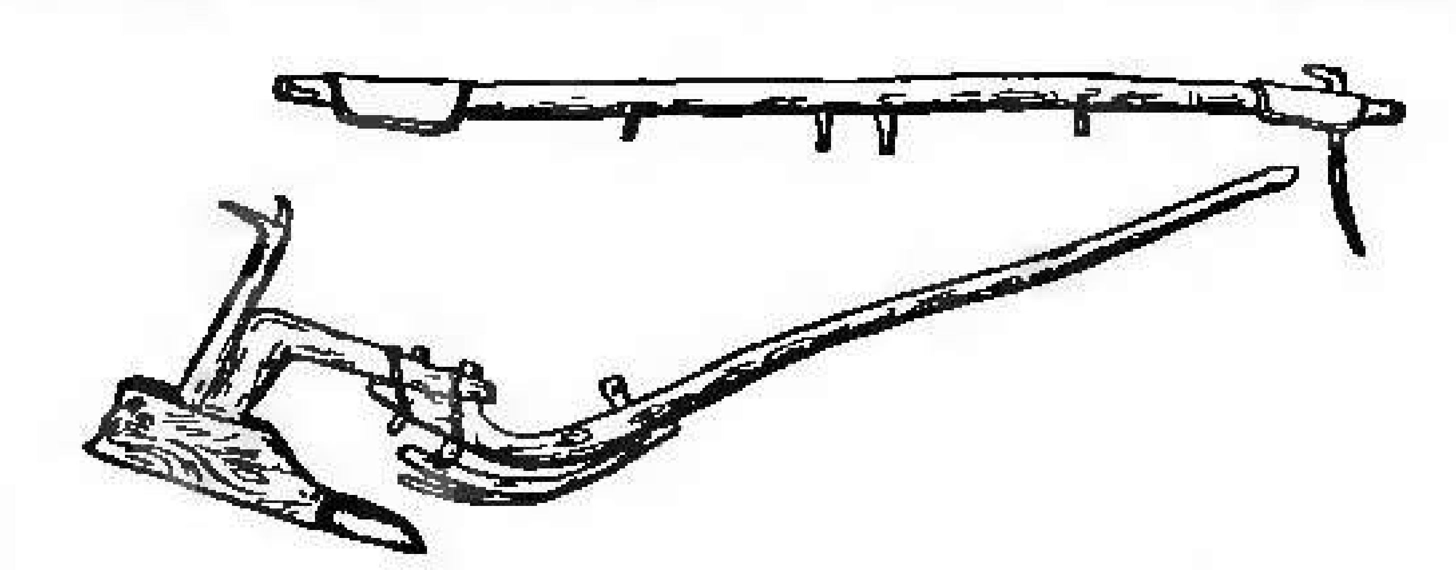

Рис. 53. Горский плуг из Ингушетии

Более чем вероятно, что возникновение металлических серпов свидетельствует о большом скачке в земледельческой технике древних жителей, вызванном переходом от более примитивного, еще мотыжного земледелия к плужному, во всяком случае, в предгорьях и на равнине. Понятно, что плужное земледелие облегчает обработку более крупных площадей земли, обеспечивает выращивание на них бóльшего количества хлебных злаков, но вместе с тем требует появления орудий труда с большим коэффициентом производительности труда, какими, несомненно, и являются бронзовые серпы. Для нас вполне реальным и допустимым кажется предположение, что в это время с успехом даже в предгорной плодородной зоне, могли уже применяться примитивные, грубые деревянные плуги, подобные тем, какие применялись, по Страбону, в Кавказской Албании [41] и которые известны кавказской этнографии. Любопытно, что в ряде северокавказских языков (например, черкесо-кабардинских) этимология названия плуга или сохи раскрывается через наименования вола и дерева, т. е. слово «плуг» осмысляется как воловий инструмент или деревянный сошник [42].

Возможно, именно о плужном земледелии свидетельствуют многочисленные находки таких земледельческих орудий труда, как зернотерки и даже первые небольшие жернова, находимые на поселениях предскифского и скифского времени. Различные каменные серпы, песты и зернотерки были нами обнаружены в 1957 г. на Змейском поселении. На одном развеянном поселении в Бажиганских песках в 1948 г. нами была поднята внушительных размеров каменная уплощенная зернотерка,

---

[41] «История Азербайджана», т. I. Баку, 1958, стр. 51.

[42] А. Н. Генко. О названиях плуга в северокавказских языках. ДАН 1930, № 7, стр. 130.

находившаяся в окружении бронзовых наконечников стрел и обломков керамики раннескифского типа. Наконец, при раскопках Лугового поселения скифского времени был обнаружен небольшой примитивный каменный жернов.

В пользу развитого земледелия, во всяком случае в предгорных районах края, говорит и довольно широкий ассортимент глиняной посуды, находимой в могильниках и на поселениях скифского времени, начиная от разнообразных мисок и горшков почти баночной формы и кончая крупными грушевидными сосудами (корчаги), по-видимому, служившими для хранения пищи, муки и зерна. Горшечная форма подсказывает мысль о приготовлении каких-нибудь каш из растительных продуктов (табл. XVI и XIX).

Кроме того, наличие хозяйственных ям прямоугольной (на Алхастинском поселении) и колоколовидной формы (на Змейском поселении) наводит на мысль о вероятном использовании их как хранилищ — подземных закромов — в таких хозяйствах, основой или ведущей формой которых было земледелие. Неслучайно они и находятся на поселениях, расположенных почти на границах предгорий и равнин.

Наконец, преобладание костей крупного рогатого скота в исследованных поселениях Северного Кавказа доскифского и скифского времени свидетельствует не только об употреблении в пищу, но и о применении его в пахотном земледелии.

На Кавказе мы наблюдаем ту же картину, какую установил В. И. Цалкин (по остеологическим материалам) в степных районах юга СССР [43]. Все это подтверждает мысль о наличии плужного земледелия в предгорных и равнинных районах центрального Предкавказья еще в первой половине I тысячелетия до н. э.

К сожалению, мы не имеем документальных археологических данных для суждения о бытовавших тогда видах хлебных злаков. Но по ряду соображений резонно можно предполагать, что за исключением кукурузы основные современные хлебные злаки—ячмень, пшеница и просо[44] —были главными земледельческими культурами Северного Кавказа и в эпоху раннего железа.

Ячмень (Hordeum Sativum) резонно считается самым древним злаком Кавказа [45]. Косвенным доказательством этого служит односложный термин «хьэ» (ячмень), сохранившийся в кабардинском языке с тех отдаленнейших времен, когда очень далекие предшественники кабардинцев говорили еще «односложными или моносиллабическими словами — корнями» [46].

Целый ряд остатков основных хлебных злаков — ячменя и пшеницы (как твердой — Triticum durum, так и мягкой—Triticum vulgare)—был неоднократно отме-

[43] В. И. Цалкин. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. МИА, 61, т. II, 1958.

[44] По определению проф. В. Л. Менабде, обуглившиеся зерна проса были обнаружены еще в энеолитическом слое холма Диха-Гузубе близ Анаклии. См. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XII В. 1944, Тбилиси, стр. 338 (примечание).

[45] В. Л. Менабде. Ячмени Грузии. «Труды Тбилисского ботанического ин-та», т. 6. Тбилиси, 1938, стр. 87; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1956, стр. 63; Ф. Х. Бахтеев. К истории культуры ячменя в СССР. «Материалы по истории земледелия СССР», сб. II, 1956, стр. 219.

[46] Н. Ф. Яковлев. Кавказская лингвистическая экспедиция. «Вестник АН СССР», № 11, 1949, стр. 114.

чаем археологами при исследовании памятников эпохи бронзы и раннего железа в Закавказье (раскопки Я. И. Гуммеля в Ханларе, Б. Б. Пиотровского на Кармир-Блуре и др.), в Дагестане (раскопки А. П. Круглова на Каякентском поселении) и, наконец, на северо-западном Кавказе (при раскопках античных памятников) [47].

Специальными ботаническими исследованиями установлено, что богатая кавказская флора дала человечеству не только пленчатый двурядный ячмень, но и наибольшее число видов пшеницы, в том числе ставшие позднее очень распространенными виды мягкой пшеницы, рожь, кавказскую яблоню, грушу, домашнюю сливу (естественный гибрид алычи и терна), кизил и другие растения [48]. Думается, не случайно у таких сугубо аборигенных кавказских горцев, какими являются так называемые вейнахские народы Северного Кавказа (чеченцы и ингуши), дикая груша всегда считалась священным деревом и даже при сплошной вырубке лесных массивов грушевые деревья всегда сохранялись, иногда образуя целые грушевые рощи.

В данном аспекте очень интересен самый факт сохранения в черкесском и кабардинском языках таких односложных корней слов, как «дзе» — зерна злака, «щье» — земля, почва, «мье» — дикое яблоко, кислица (плод), «зе» — кизил, «де» — орех и др., как будто свидетельствующий о давности и местном их возникновении, возможно еще в дометаллическую эпоху [49].

В раннежелезном веке основной комплекс культурных злаков и даже некоторых плодовых деревьев, несомненно, бытовал в разных районах Кавказа. Это подтверждено рядом археологических находок и серией ботанических исследований [50].

При учете хозяйственных связей того времени нет никаких оснований сомневаться в том, что и племенам центральной зоны Северного Кавказа предскифского и скифского времени также были хорошо знакомы основные культурные растения (ячмень, пшеница и просо) [51], составлявшие, как и у их соседей, основу тогдашнего земледелия.

Общий, довольно высокий уровень изучаемой материальной культуры не противоречит, а наоборот, вполне согласуется с выводом, что земледелием в довольно развитой форме занимались не только племена степных, равнинных районов, но и горцы нагорной полосы, где, конечно, в силу местных условий земледелие имело меньшее хозяйственное значение, чем скотоводство.

Таким образом, основными ведущими формами хозяйственной деятельности местных племен центрального Предкавказья (горной и предгорной полосы и прилегающих к ним участков степи) в первой половине I тысячелетия до н. э. были экстенсивное

[47] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 71, 109; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., стр. 131; К. Фляксбергер. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих в Черному морю. КСИИМК вып. VIII, 1940, стр. 117—119.

[48] П. М. Жуковский. Об отечественных и пришлых культурных растениях в СССР. «Материалы по истории земледелия в СССР», сб. II, М., 1956, стр. 7.

[49] Н. Ф. Яковлев. Культура кабардинцев и черкесов по данным словаря. «Уч. зап. КИИИ», т. II, 1947, стр. 158.

[50] М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. «Материалы по истории земледелия в СССР», сб. II, М., 1956, стр. 42.

[51] «Очерки истории Адыгеи», т. I. Майкоп, 1957, стр. 46.

(яйлажное, или кошевое) животноводство с преобладанием овцеводства и довольно развитое (уже пашенное) земледелие при безусловной оседлости всего населения центральной части Северного Кавказа.

Этим выводом окончательно снимается ранее казавшийся дискуссионным вопрос о якобы кочевом характере скотоводческого хозяйства и быта насельников этого края в I тысячелетии до. н. э.

Но скотоводство и земледелие были только главными видами производственной деятельности основной массы местного населения. Северокавказские племенные группы стремились в пределах своих возможностей всемерно использовать окружавшие их природные богатства, в том числе полезные ископаемые, и в первую очередь цветные металлы: медь, цинк, свинец, сурьму, серебро, а затем и железо.

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА

Как известно, залежи медных руд и других полиметаллов (свинца, цинка, серебра, сурьмы, мышьяка) [52] горного Кавказа лежат не ближе Скалистого хребта, т. е. в высокогорных районах [53]. Исключительное богатство и широкий ассортимент металлических орудий, с каким сталкиваются исследователи при изучении всех этапов кобанской культуры, естественно, не может не базироваться на местном производстве. Ни в одном районе СССР, кроме Закавказья, мы не находим в погребениях этого времени такого богатства металлических изделий, как здесь. Изучение этих изделий невольно убеждает в том, что центральная часть Северного Кавказа в I тысячелетии до н. э. являлась одним из крупных очагов металлопроизводства в Европе.

Не случайно именно к этому времени сама сырьевая база оказалась уже в полосе обитания и производственной деятельности местных племен. Следовательно, для этого времени нужно предполагать не только знакомство местного населения с горными районами (как раньше думали многие исследователи), а подлинно хозяйственное освоение этих районов и для целей металлургии.

Экономическое освоение высокогорных районов края определялось еще одним из факторов — общим подъемом производительных сил и с растущим скотоводством, что и привело к использованию луговых пастбищ, богатых травой, и к открытию полезных ископаемых. Благодаря рациональному освоению этих сырьевых богатств горцы Северного Кавказа совершили выдающиеся успехи в области металлургии меди и обработки цветных металлов. Разработка и добыча местных меднорудных ископаемых и других полиметаллов обеспечили создание довольно сложных сплавов бронзы даже при отсутствии местного олова.

Здесь уместно напомнить, что еще в предшествующую эпоху на Северном Кавказе для сплавов с медью вместо олова применялись другие местные полиметаллы.

Так, на основании результатов химических анализов ряда бронзовых вещей из Кабардино-Балкарии середины II тысячелетия до н. э., Б. Е. Дегену-Ковалевскому удалось блестяще доказать местное литейное производство меди из местных же сер-

---

[52] «Северный Кавказ». М., 1957, стр. 366, 370, 431.

[53] «Геология и полезные ископаемые срединной части Северного Кавказа». М., 1956, стр. 278.

нистых руд типа колчеданов (т. е. производство так называемой черновой меди) [54]. Удачное же применение микроанализов и микроскопическое исследование предметов из курганов в Кабардинском парке позволили решить вопрос и о так называемой серой или серебристой бронзе — сплаве меди с мышьяком, свинцом, железом, цинком, сурьмой, серой и никелем, но не с оловом. Как известно, олова на Кавказе нет, за исключением одного очень незначительного месторождения на Северном Кавказе [55] (в бассейне Баксана [56]), а добывать его в нужных количествах из оловянного камня (касситерита) в древности вряд ли могли. По всей вероятности, олово привозилось на Кавказ из районов Передней и Малой Азии, хотя известно, что олово и сера в небольших дозах и так содержатся в кавказской медной руде [57].

Результаты химического анализа ряда бронзовых предметов из последних раскопок на Северном Кавказе, характеризующих местную металлургию меди I тысячелетия до н. э., хорошо иллюстрируют степень использования привозного олова и местных полиметаллов.

Несомненно, условия для плавки не только меди, но и различной бронзы в это время здесь были уже налицо. Древние мастера Северного Кавказа давно умели ковать металл; давно научились и плавить медь в специальных ямах-горнах, доводя температуру горна до 1056°, ибо медь плавится только при этой температуре. Изготовлять же сплавы из известных металлов — меди с оловом, с сурьмой, с цинком и т. д. еще проще. Бронза плавится и при 730—900°. Применение других полиметаллов обеспечивало легкоплавкость металла и крепость орудий труда и оружия. В значительной степени облегченный процесс литья в это время почти полностью вытеснил прежнюю холодную ковку металла.

К сожалению, пока мы не можем с документальной полнотой восстановить самый процесс добычи металлической руды на Северном Кавказе за отсутствием научно обследованного объекта. Но совершенно ясно, что добыча медной руды с помощью закладки глубоких шахт представляла собой и в то время невероятно трудоемкий процесс [58]. Технические приемы работы в таких шахтах пока не могут быть полностью реконструированы на местном материале по той причине, что ни одна такая шахта на Северном Кавказе детально еще не обследовалась. В 1935 г. А. А. Иессен привел небольшой перечень древних выработок меди на Северном Кавказе [59]. На территории центральной части Северного Кавказа такие древние рудные разработки представлены шахтами на Тырны-Аузе в Эльбрусском районе [60], у сел. Хабаз, вблизи

---

[54] Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке. МИА, 3, 1941, стр. 275—280.

[55] И. Г. Магакьян. Рудные месторождения. М., 1955, стр. 174, 175.

[56] «Северный Кавказ». М., 1957, стр. 366, 370.

[57] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, 1911, стр. 86.

[58] Мы не касаемся здесь вопросов изучения рудной базы Северного Кавказа, производственной характеристики горного дела, древней металлургии и самой организации этого древнего производства. Все эти вопросы обстоятельно освещены в монографии А. А. Иессена («К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе». ИГАИМК, вып. 120, 1935), где приведена и литература.

[59] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 39—41.

[60] По свидетельству геолога Н. Н. Хрущева, приведенному им на сессии КНИИ в Нальчике в августе 1947 г.

сел. Верхняя Малка [61] и в других пунктах края. Известны они и в Северной Осетии, в частности в Дигории, но требуют специального обследования для точного установления столь глубокой давности их использования.

Очевидно, практика разработки полиметаллических месторождений и в первую очередь медных руд на Северном Кавказе была такой же, какая известна в Закавказье по материалам геологических наблюдений еще с XIX в. Самые различные выработки производились чаще всего открытым способом в виде глубоких ям и канав по рудному телу, по жиле. Наибольшая глубина выработок не превышала 50—60 м; в этих случаях рылись шахты и узкие наклонные штольни.

Судя по опыту древнего горного дела в Закавказье, можно считать, что и на Северном Кавказе первоначально разрабатывались лишь окисленные медные руды, обычно залегавшие на меньшей глубине, чем сернистые, разработка которых, как признают, геологи, была освоена местным населением гораздо позднее. Такое заключение было сделано, например, при исследовании древних шахт и штолен на горе Мисдаг, снабжавшей медной рудой Кедабекский завод в Закавказье [62].

Если вспомнить, что по данным Б. Е. Деген-Ковалевского производство так называемой черновой меди из местных сернистых руд типа колчеданов на Северном Кавказе падает еще на эпоху средней бронзы (II тысячелетие до н. э.), то из этого можно сделать вывод о большей интенсивности производственных усилий северокавказских металлургов по сравнению с закавказскими. Но если местные мастера несколько раньше своих закавказских собратьев стали добывать и обрабатывать более трудоемкие сернистые руды, то, очевидно, к этому их побудила нужда в руде, слабее ощущавшаяся в более богатом рудными месторождениями Закавказье.

Может быть, сравнительно малое количество следов древних выработок меди на Северном Кавказе по сравнению с Закавказьем объясняется тем, что практиковавшиеся некогда (для выборки более глубоко залегавшей сернистой руды) шахты и штольни оказались засыпаны и трудно обнаруживаемы, в то время как в местах открытых выработок окисленных руд в Закавказье образцы сернистых руд, как правило, находились в отвале. Такая картина отмечена, например, в Сисимадане [63].

Еще труднее детально обрисовать технику горного дела того времени. По существу мы не знаем точно орудий труда, применявшихся при разработке рудных жил на Северном Кавказе. Но есть косвенные данные и аналогии из Закавказья, позволяющие рассматривать огромные каменные молоты из Худесских рудников (с перехватом посредине для скрепления с рукоятью), найденные на Марухе, в Кабардино-Балкарии [64] и в других пунктах Северного Кавказа, как орудия, употреблявшиеся при горных работах, может быть, с применением деревянных клиньев. Такие молоты, происходящие из древних соляных копей у сел. Кульпы, хранятся в Ханларском музее (сборы Я. И. Гуммеля).

---

[61] Из доклада проф. К. Э. Гриневича на сессии КНИИ в августе 1949 г. об итогах археологической экспедиции 1949 г.

[62] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 55.

[63] Там же, стр. 63.

[64] Хранятся в Нальчикском музее.

Вполне допустимо предположение, что, как и в более древнее время, в раннежелезном веке на Северном Кавказе полезные ископаемые разрабатывались с помощью огня (огненная работа) и воды, т. е. после сильного нагревания породы ее обливали водой, а в образовавшиеся трещины каменными молотами загоняли мощные деревянные клинья. Такие же каменные молоты применялись и для дробления руды в каменных же ступах. Если мы не можем сейчас продемонстрировать весь набор необходимых инструментов, применявшихся при добыче руды (например, клинья), то соответствующие каменные молоты и ступы известны не только в Боржоми [65], но и на Северном Кавказе. Такие ступы были обнаружены нами при исследовании Змейского поселения в Северной Осетии. Любопытно, что здесь же были найдены глиняные сопла, тигли и льячки, доказывающие местное литейное производство бронзовых изделий в доскифский период (табл. LXXVI).

В настоящее время мы уже располагаем достаточным материалом если не для восстановления самих древних медеплавилен, то для обоснованного суждения о технике плавки медных и полиметаллических руд. Такого отличного набора инструментария, как тот, что применялся при отливке бронзовых вещей в Цагверской мастерской, исследованной В. А. Городцовым близ Боржоми в 1911 г. (каменная ступа, глиняные сопла, льячки, литейные формы и пр.), на Северном Кавказе пока еще не обнаружено. Но отдельные категории потребных при литье металла предметов уже известны из разных пунктов центральной части края. Это находки глиняных и каменных литейных форм для отливки булавок из сел. Кобан [66], половинка каменной формы для отливки наконечника копья из Кумбултского могильника Верхняя Рутха [67], каменная формочка для отливки серьги из Алхастинского поселения [68], сопла, тигли и льячки из Змейского поселения и т. д. Все это несомненные свидетельства местного литейного производства бронзовых изделий в первой половине I тысячелетия до н. э.[69]

Сама техника изготовления оружия, орудий труда и особенно многочисленных бронзовых украшений представляла собой уже следующую и более высокую ступень в металлообработке по сравнению с предшествующей ей стадией техники обработки меди. Все металлические орудия изготовляются из высококачественной бронзы, выплавляемой из меди с примесью от 3—5 до 10—12% олова или его заменителей (так называемая классическая бронза). Еще большее совершенствование получает литье металлических предметов по восковой модели с утратой литейных форм (глиняных), например рукоятей кинжалов, псалий, украшений (табл. L, LII и LXXV).

Изготовление всего обширного ассортимента орудий труда и быта из бронзы стало теперь уделом мастеров, работавших в специальных мастерских и достигших

---

[65] Материал хранится в ГИМ.

[66] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии..., стр. 106, рис. 12.

[67] Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция КСИИМК, вып. XVII, 1947, рис. 43, *2*.

[68] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. «Труды ГИМ», вып. XII, 1941, стр. 195, табл. IV—I.

[69] Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях..., КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 31, рис. 2—9.

в металлообработке выдающихся успехов (рис. 54). Одна из таких мастерских уже в советские годы была обнаружена в горном районе Кабардино-Балкарии, на горе Алмалы-Кая на р. Баксане. Она содержала множество готовых изделий и полуфабрикатов, в частности бронзовых височных привесок [70]. Одним из самых показательных примеров высокой техники металлообработки этого периода может служить клад бронзовых вещей, найденный нами в 1947 г. в Кабардино-Балкарской АССР, в ущелье горной речки Псыган-Су близ сел. Жемтала [71]. Жемталинский клад состоял из уникальной крупной бронзовой вазы с двумя литыми зооморфными ручками, шести малых бронзовых сосудов с такими же ручками, шести бронзовых кобанских топоров типа «б» (характерных и для Прикубанья), обломков кинжальных ножен и превосходных бронзовых цепей (табл. XV). Специальным исследованием (посредством химического и спектрального анализа и изучения микроструктуры) вещей этого клада было установлено, что все предметы изготовлены «из однофазной оловянистой бронзы путем деформации в горячем состоянии» [72]. Все предметы содержали различные примеси олова и других элементов, а ручки от вазы — до 10% олова. Примерно такую же картину рисуют анализы и других вещей этого времени.

Отличительные особенности предметов этого клада (сохранившиеся заусеницы на топорах, повторный ремонт вазы, обрывки цепи и др.) позволяют рассматривать Жемталинский клад как собственность местного мастера-литейщика, который в минуту какой-то опасности спрятал вещи в укромном месте, а природа и время сохранили их до наших дней. Как выяснено специальным исследованием, подобные сосуды с зверообразными ручками изготовлялись в период VIII—VI вв. до н. э. только в районах центрального Кавказа и никак не связаны с западноевропейскими производственными центрами, что утверждали некоторые ученые [73]. Такие клады литейщиков-металлургов довольно обычны в областях с развитой металлообработкой, например в Придунавье. Хорошо известны они и на Кавказе.

Технические и технологические качества вещей из Жемталинского клада доказывают очень высокий уровень обработки цветных металлов у населения горного Кавказа в конце бронзового, точнее, уже в раннежелезном веке. Как было сказано, это совершенное мастерство опиралось на более глубокую местную традицию плавки цветных металлов в формах по восковым моделям, известную с эпохи средней бронзы.

Всякий, кто хотя бы поверхностно знаком с широчайшим ассортиментом различных медно-бронзовых изделий, начиная от орудий труда, оружия, предметов конского снаряжения и кончая многочисленными вотивными подвесками и украшениями, убеждается в том, что в рассматриваемый период мастерство металлообработки шагнуло еще дальше вперед. Отлитые в отдельных глиняных формах бронзовые топоры,

---

[70] По данным экспозиции Государственного Эрмитажа 1941 г.

[71] Е. И. Крупнов. Основные проблемы древней истории и археологии Кабарды. «Уч. зап. КНИИ», т. IV, Нальчик, 1948, стр. 303—313.

[72] Л. П. Васильева и Д. М. Нахимов. Металлографическое исследование древних бронзовых изделий, найденных в Кабардинской АССР. «Уч. зап. КНИИ», т. VII, Нальчик, 1952, стр. 63—75.

[73] Е. Н. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952, стр. 27.

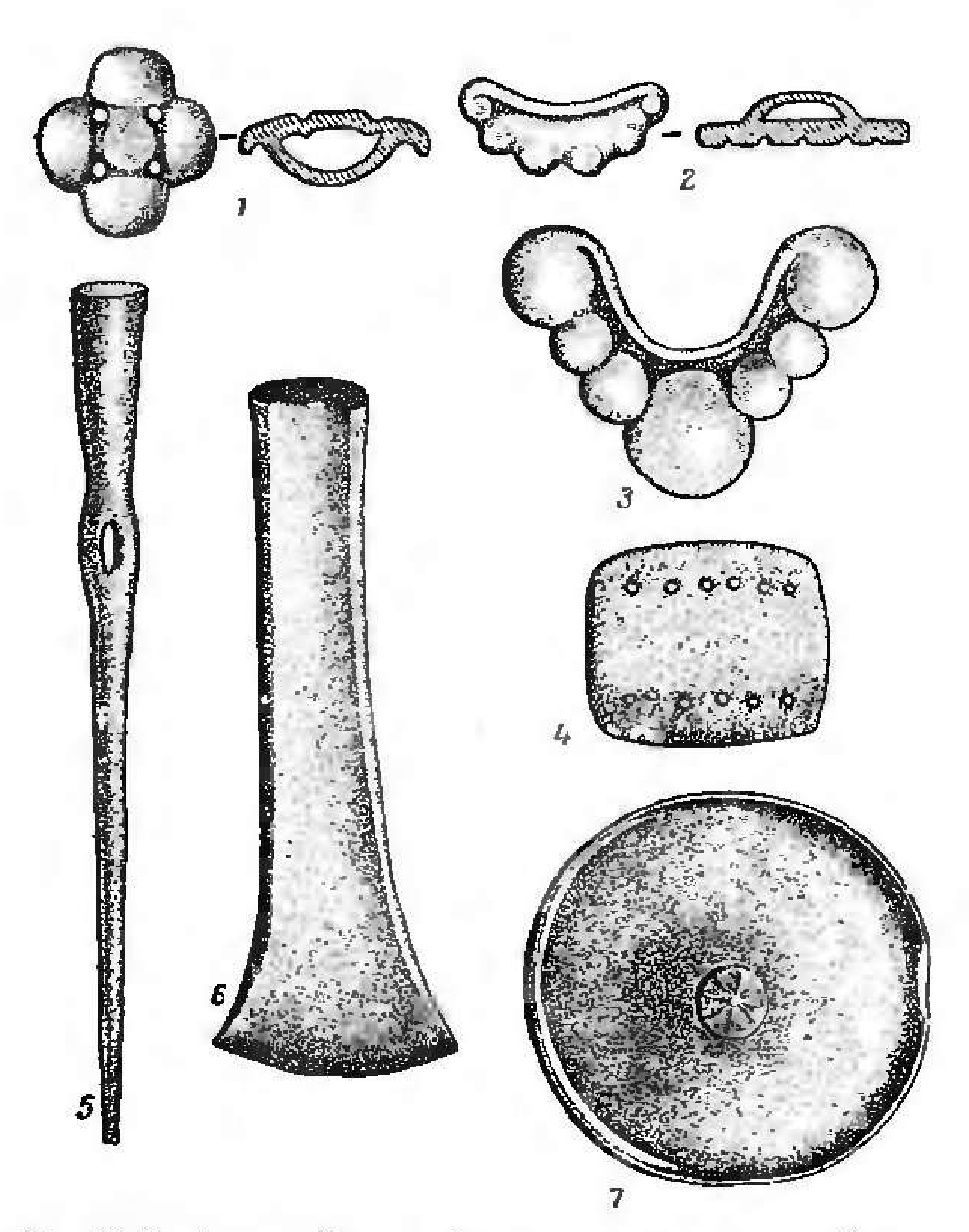

Рис. 54. Орудия труда и продукция кузнечного производства

1—3, 7 — бронзовые украшения из Кабардино-Пятигорья; *4—6* — орудия труда из разных пунктов Северного Кавказа

рукояти кинжалов, бляхи и пр. мастера-металлурги стали искусно покрывать довольно сложным и вместе с тем изящным геометрическим и животным орнаментом. Возникла сложная техника гравировки и инкрустации. При инкрустации, особенно рукоятей кинжалов, поясных пряжек и других предметов, применялись кость, дерево, костяная паста и даже железо. Это было первое появление на Северном Кавказе железа. Оно приходится еще на ранний этап развития кобанской культуры, которая собственно характеризует собой и закат бронзового века на Северном Кавказе и зарю новой великой эпохи железа, продолжающейся до наших дней.

В начале своего появления в этом крае, почти одновременно или несколько позже, чем в Закавказье, теснее связанном с культурами древнего Востока, железо

здесь применялось еще чрезвычайно редко [74]. Это объяснялось как тем, что на ранней ступени производства железа оно было еще мягким и не столь успешно соперничало с высококачественной бронзой, равно и тем, что местные богатые меднорудные разработки обеспечивали мастеров сырьем в бо́льших количествах, чем слабо освоенный способ добычи кричного железа в сыродутных горнах. Может быть, поэтому на Северном Кавказе несколько дольше и задержался процесс массового перехода от бронзы к железу, чем в Закавказье, где, по последним данным, этот переход начался уже в конце II тысячелетия до н. э. [75]

Условно рубеж II и I тысячелетий до н. э. на Кавказе можно считать переломным моментом в древней металлургии, когда на смену использования цветных полиметаллов пришел важнейший представитель черных металлов — железо.

Мы знаем, какую высокую оценку его подлинно революционной роли в истории человечества получило железо у классиков марксизма: «...оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов» [76].

Если иметь в виду изготовление из железа предметов труда и быта, пусть еще редких, но руководящих форм (топоров, ножей, кинжалов), то можно сказать, что на Северном Кавказе, во второй четверти I тысячелетия до н. э., железо уже завоевало себе господствующее положение в воспроизводстве предметов обихода. Как известно, почти в это же время или чуть позднее такое же явление констатируется не только в южных [77], но и в средних районах России [78], где железо добывалось из болотной руды.

Но, разумеется, такое положение было завоевано железом на Руси и на Кавказе не сразу. Ему предшествовали подготовительные стадии овладения древними мастерами нелегким металлургическим производством. Самая техника древней железной металлургии заключается в предварительном получении металлического железа из железной руды и дальнейшего производства стали путем насыщения железа углеродом [79].

Собственно, обыкновенное (техническое) железо и представляет собою железный сплав, содержащий наиболее важную примесь углерода в количестве, не превышающем 0,2—0,3%. Сплавы железа, содержащие от 0,3 до 1,9% углерода, дают сталь, а еще большая примесь углерода, доходящая до 4,5%, образует уже чугун [80]. В изучаемое время мы будем иметь дело со сплавами обыкновенного железа, иногда

---

[74] Это подробно изложено в нашей статье «О хронологии кобанской культуры», опубликованной в «Уч. зап. КНИИ», т. I, 1946, стр. 147—150.

[75] Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 193.

[76] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, 1937, ч. 1, стр. 138.

[77] Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 39.

[78] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр .37—39.

[79] Б. А. Колчин. Техника обработки металла в Древней Руси. М., 1953, стр. 22.

[80] Б. Г. Лебедев. Введение в металлургию. М., 1951, стр. 7.

только приближающимися к сплавам близким стали (судя по % углерода), что, конечно, свидетельствует об определенных успехах древних северокавказских мастеров в овладении техникой металлургии железа.

Как известно, железо обладает свойством хорошо коваться в холодном и горячем состоянии и вытягиваться в проволоку. Оно тверже меди и всех других цветных металлов и по сравнению с ними имеет более высокую температуру плавления. Так, обыкновенное (техническое) железо плавится при 1520—1530°. Температура плавления чистого железа еще выше.

Специалисты по истории техники считают, что от первого случайного получения мягкого железа (от куска минерала, попавшего в огонь костра) до сознательной плавки металла в специальных сооружениях должен пройти значительный период времени, необходимый для накопления опыта. Первые горны представляли собою неглубокие земляные ямы, внизу которых имелись отверстия для доступа воздуха к месту горения топлива. Иногда для прочности эти ямы обкладывали камнями.

После разогревания костром такие горны загружали смесью мелкой руды, перемешанной с древесным углем, горение которого поддерживалось притоком воздуха снизу.

Такой способ насыщения железа углеродом и обеспечивал производство первого железа. В технической литературе он называется «сыродутным». Только позднее люди стали применять искусственное введение (нагнетание с помощью мехов) воздуха через специальные отверстия с помощью глиняных сопл.

Сыродутный способ производства железа является крупнейшим изобретением в истории человечества, обеспечившим большой скачок в области материального производства [81].

Получаемое таким способом кричное железо (после сгорания) и является сновным материалом для производства металлических вещей.

К сожалению, за отсутствием специальных полевых разысканий мы лишены возможности весь процесс такого воспроизводства черного металла показать на местном материале Северного Кавказа. Но он хорошо известен по другим археологическим данным юга России.

Ряд таких находок, как глиняные сопла и куски железной крицы этой поры, подтверждают существование подобного опыта получения железа и на Северном Кавказе.

Первоначально железо ценилось дорого и чаще применялось лишь для орнаментации в качестве украшения и только позднее для изготовления оружия. Особенного искусства достигли местные мастера в технике инкрустации железом кобанских и бронзовых поясных пряжек и топоров, несомненно, выполненной с помощью тонких железных почти ювелирных инструментов.

Массовое же и подлинно индустриальное применение железа на Северном Кавказе началось с VIII—VII вв. до н. э. не без связи с политическими событиями, характеризующими историю Урарту, Северного Кавказа и Скифии того времени.

---

[81] Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 22.

По материалам центральной части Северного Кавказа процесс постепенной замены бронзового оружия железным прослеживается лучше всего.

Весьма показательным для переходного периода от бронзового к железному веку является типологическая трансформация оружия, очень чутко отзывавшегося на все перемены в военной технике. Типы железного оружия из разных пунктов Северной Осетии и Кабардино-Балкарии в этом аспекте являются особенно интересными, так как наглядно знаменуют этот переход. Здесь впервые прослеживаются случаи находок основных видов бронзового и железного оружия и даже наблюдаются факты изготовления одного предмета из двух металлов — из бронзы и из железа (табл. XXX).

Так, например, из Каменномостского могильника мы имеем четыре кинжала разных типов и среди них почти нет чисто железных, характерных для самой ранней стадии развития так называемого скифского железного оружия — акинака.

Ничего подобного во всех близких по культуре могильниках Северного Кавказа (Каррасский, Минераловодский, Кисловодский, Моздокский, Нестеровский, Луговой, Исти-су и др., датирующихся VI в. до н. э.) мы не встречаем. Оружие там повсюду сплошь железное, за исключением лишь бронзовых скифских наконечников стрел.

В Каменномостском же могильнике мы имеем дело и с железным и с бронзовым оружием более архаического типа, как, например, с бронзовыми кинжалами с сужающимися по середине клинками кобанского типа. Здесь эта ранняя форма доживает до встречи с железным оружием. Интересен и другой кинжал с железным клинком и бронзовой рукоятью. У него литая рукоять в виде круглого массивного стержня с грибообразным навершием и перекрестьем в виде угловатых крыльев бабочки [82]. Два таких же кинжала из горной Балкарии хранятся в Нальчикском музее. Один известен из могилы № 5 у бывшего сел. Кескем, ЧИАССР), исследованной еще В. И. Долбежевым в 1898 г. [83] (табл. XXXV).

Подобные типы оружия наглядно иллюстрируют все еще продолжавшийся на Северном Кавказе до VIII—VII вв. до н. э. процесс постепенной замены бронзового оружия железным.

Признавая первый занос железных предметов на Северный Кавказ извне, вероятнее всего из Закавказья, в чем можно убедиться по первоначальным формам этого оружия, мы полагаем, что уже во второй четверти I тысячелетия до н. э. железное оружие (наконечники втульчатых копий, серповидные ножи и даже железные кинжалы), удила, а также браслеты и перстни изготовлялись уже на месте, причем, несомненно, типология железных предметов повторяла типологию бронзовых (кинжалов и копий) предшествующего времени (табл. XXX).

Вероятно, такой же процесс протекал и в Закавказье. Признавая тамошнее более раннее использование железа [84], мы считаем реальной картину, созданную

---

[82] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1951, стр. 21, рис. 4, № 1.

[83] ОАК, 1898, стр. 138.

[84] Доклад Р. М. Абрамишвили «К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии», прочитанный на Ереванской конференции по археологии Кавказа в октябре 1956 г. СА, 1957, № 1, стр. 300.

также и Б. Б. Пиотровским, полагающим, что железо особенно заметно стало развиваться в Закавказье под прямым влиянием культуры Передней Азии и что первые железные предметы являлись ввезенными с юга [85].

Очевидно, более правильным будет допустить сосуществование обоих явлений: занос некоторых типов железных вещей извне и воспроизводство в железе местных типов бронзовых орудий предшествующей эпохи.

Столь сложное дело, как изготовление такого широкого ассортимента высококачественных орудий труда, оружия и предметов быта, каким является любой набор орудий, любой комплекс железного оружия и бронзовых украшений, разумеется, не могло быть под силу каждому члену родового коллектива. Для этого требовались специальные навыки и большой производственный опыт. Поэтому металлопроизводство этого времени было уделом особых родовых мастеров — металлургов-литейщиков, специализировавшихся в технике металлообработки, но полностью еще не порвавших с основными формами хозяйства — земледелием и скотоводством.

О довольно высокой специализации общинных литейщиков и кузнецов того времени можно судить не только по разнообразным образцам бронзовых изделий кобанской культуры, но и по серии железного оружия, орудий труда и быта, находимых в тем большем количестве, чем они моложе.

По изменениям в технологии железа можно заключить об успехах местных металлургов в овладении железным производством, происшедших на протяжении двух-трех столетий. Примером может служить сравнение результатов металлографического изучения разных топоров первой половины I тысячелетия до н. э., произведенных в химической лаборатории Московского механического института под руководством доцента Д. М. Нахимова и Л. П. Васильевой в 1951 г.

Так, железный топор раннекобанского типа и обломок такого же топора из могильника Верхняя Рутха у сел. Кумбулта из наших раскопок довоенных лет [86], будучи подвергнуты специальному исследованию, получили такое заключение специалистов: «На основании спектрального и металлографического анализов следует считать, что исследуемые топоры сделаны из железа и изготовлены путем горячей ковки. Поверхность топоров подвергалась цементации. Закалке топоры не подвергались». Примерная дата этих топоров — IX—VIII вв. до н. э.

Железный же топор из наших раскопок Нестеровского могильника VI—V вв. до н. э. получил уже иную характеристику специалистов-металловедов, свидетельствующую о значительных сдвигах в металлургии и в кузнечном деле у населения Северного Кавказа в середине I-го тысячелетия до н. э. Заключение гласит: «На основании химического и спектрального анализов, металлографического исследования и испытания на твердость следует считать, что исследуемый топор изготовлен из сварочного железа, содержащего неметаллические включения (окиси и силикаты) путем деформации в горячем состоянии. Наличие в поверхности структуры перлита указывает на цементацию данного топора. Ковка производилась с прошивкой

---

[85] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 116.

[86] Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция, стр. 102, рис. 43, *1—2*.

отверстия и последующим его расширением. На это указывает расположение шлаковых включений около отверстия и на некотором расстоянии от него. Можно сказать, что при изготовлении топора применялись такие же приемы ковки, как и в наше время, что указывает на высокую культуру кузнечного ремесла в VI—V вв. до н. э».

Такая высокая оценка кузнечной деятельности северокавказского мастера, работавшего еще в условиях домашнего ремесленного производства, вполне согласуется с передовой ролью металлургии железа в экономике южных районов нашей страны, в Скифии [87] и на Кавказе [88], о чем можно судить по сложному ассортименту производимых орудий труда и оружия и по их месту в обиходе населения.

Больше того, многочисленные серии железного оружия (втульчатые наконечники копий, серповидные ножи, кинжалы с продольными гранями на лезвийной части, например, из Лугового могильника), явно типологически связанные с местными древними формами бронзовых орудий, позволяют выставить тезис о местном, притом массовом производстве железного оружия и распространении его и в северные, степные районы Предкавказья. Доказательством этого может служить ранний железный меч с «продольными врезанными линиями» на лезвии из окрестностей г. Ставрополя, недавно опубликованный Т. М. Минаевой [89], и некоторые ранне-савроматские мечи Нижнего Поволжья (табл. VIII, рис. 5).

В данной связи нельзя обойти молчанием постановку этого вопроса Г. Ф. Гобеджишвили. Отмечая массовый характер находок в могильниках западного Кавказа железного оружия раннескифского облика, он в одной из своих статей писал: «Скифские железные секиры и акинаки так многочисленны в погребениях VII—V вв., что приходится ставить вопрос о распространении на север этого рода оружия из Закавказья».

В свете все увеличивающихся фактов и доказательств столь раннего, притом местного изготовления на Кавказе железного оружия (кинжалов с характерными для скифских акинаков рукоятями и с продольными углублениями на лезвийной части, топоров-секир, втульчатых наконечников копий, а также удил) возможность не только переноса в степные районы Скифии и Савроматии готовых форм, но и прямого импорта этих изделий с Кавказа исключаться не может. [90]

Самая массовость этих изделий в могильниках Северного Кавказа середины I тысячелетия до н. э. указывает на значительную роль в хозяйственной деятельности родовых организаций их сочленов, специализировавшихся в области металлургии и кузнечного дела. Совершенно очевидно, что эти древние мастера-ремесленники обеспечивали продукцией не только членов своего рода, но ближайшие округи, в порядке обмена и межплеменных связей.

---

[87] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 34, 1954, стр. 115 сл.

[88] Г. Ф. Гобеджишвили. Памятники древнегрузинского горного дела..., «Сообщения АН Груз. ССР», т. XIII, Тбилиси, 1959, стр. 188.

[89] Т. М. Минаева. Железный меч из коллекции Ставропольского музея. СА, 1958, № 1, стр. 230, рис. 1.

[90] Г. Ф. Гобеджишвили. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби. «Сообщения АН Груз. ССР», т. XIII, Тбилиси, 1952, стр. 88.

Так, на Северном Кавказе уже в конце первой половины I тысячелетия до н. э. создавались самые реальные экономические предпосылки для второго крупного общественного разделения труда, когда выросшее из домашнего производства ремесло отделилось от земледелия [91]. Но полностью ремесло отделилось от земледелия в центральной части Северного Кавказа много позднее, только на рубеже I и II тысячелетий н. э. или еще позднее, в условиях аланского классового общества.

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Наша характеристика экономики и хозяйственной деятельности аборигенного населения срединной части Северного Кавказа I тысячелетия до н. э. была бы неполной, если бы мы обошли молчанием другие важные виды трудовой деятельности человека, такие как гончарное дело и ткачество.

Керамические изделия этого периода также отличаются разнообразием форм, удовлетворяющих потребности горцев в посуде для разных целей. Сосудов особенно больших размеров, подобных закавказским, мы в этот период не знаем. Возможно, что для хранения продуктов применялась несохранившаяся деревянная тара (ящики, закрома), а также меха-бурдюки, для варева же — бронзовые клепаные котлы, но не глиняные сосуды.

Кроме того, надо учесть, что наша осведомленность в этом вопросе до последнего времени была ограничена специфическим характером источников. Керамику кобанской культуры мы хорошо знаем лишь по погребальным комплексам, а не по поселениям, где бытовая керамика пребывает всегда в изобилии. Первое же открытое и исследованное нами кобанское Змейское поселение с наличием явно предскифского слоя расширило наши знания не только о составе керамической продукции, но и о самом гончарном производстве населения центрального Кавказа I тысячелетия до н. э.

При раскопках этого поселения были зафиксированы остатки гончарного горна, или малой обжигательной печи (в виде сильно прокаленного углубления), внутри и вокруг которого находилась масса в разной степени обожженной керамики, в том числе много готовых сосудов и полуфабрикатов. К сожалению, произвести наглядную реконструкцию этого горна затруднительно.

Некоторые формы крупных сосудов большой емкости, достигающих в высоту более 0,5 м, конечно, служили не кухонной посудой, а хранилищами готовых продуктов и яств. Это крупные сосуды грушевидной формы с разными соотношениями частей. Здесь же была отмечена и средних размеров посуда тюльпановидной формы, существовавшая и позднее, в VI—V вв. до н. э., поскольку она зафиксирована нами при раскопках Нестеровского могильника.

Основная же масса посуды первой половины I тысячелетиядо н. э. состоит из небольших горшков, чаш, кружек, банкообразных сосудов и мисок. Все эти типы

[91] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, стр. 184.

Рис. 55. Северокавказские сосуды скифского времени

керамики Северного Кавказа, особенно более раннего этапа, объединяет одна черта — хорошее качество, хотя сработаны они не на гончарном круге, а от руки. Причем надо сказать, что эта отличительная особенность, свойственная еще ранее кобанской керамике, позднее оказалась более устойчивой в центральных и в западных районах распространения кобанской культуры (в Северной Осетии и в Кабардино-Пятигорье).

Что же касается восточных районов, то здесь, наряду с отдельными находками высококачественной по своим технологическим свойствам керамики, наблюдается некоторый упадок керамического мастерства. Так, посуда из могильников Лугового, Нестеровского и Исти-су в своем большинстве по качеству значительно ниже керамики почти одновременных могильников Верхняя Рутха, Березовского, Кисловодского и др., представляющих разные локальные варианты одной и той же культуры Северного Кавказа раннежелезного века.

Может быть, наблюдаемое явление объясняется разным качеством местных глин? Возможно. Хотя основные технологические черты изучаемой керамики из восточных районов и из западных в общем очень схожи, что указывает на то, что основные технические приемы обработки глиняного теста для придания ему ценных и нужных качеств и там и тут были одинаковы.

К отмученной в разной степени глине прибавлялась примесь дресвы или толченого камня; хороший результат достигался обжиганием посуды не на открытом

костре, а в яме, где она все же подвергалась копчению, отчего почти все сосуды имеют черный цвет неровной окраски. С этого периода особенно широко начинает применяться отличное лощение посуды и ее орнаментация. Украшались сосуды преимущественно глубоким и разнообразным нарезным орнаментом геометрических форм, но чаще всего в виде заштрихованных треугольников.

Практиковалось также украшение посуды налепами, а в скифское время и щипковым орнаментом.

На местной керамике довольно хорошо прослеживается эволюция этой геометрической орнаментации еще от доскифского периода.

Довольно широкий ассортимент керамических форм, не считая кухонной посуды в виде горшков, предполагает развитие, особенно в раннескифский период, столовой посуды (кружки, миски). Существовала и культовая, ритуальная посуда, например описанные выше парные сосудики.

Одно несомненно, что керамическое производство достигло в раннежелезном веке довольно высокого уровня. Об этом свидетельствует серия местной керамики, поражающая и совершенством форм и высоким мастерством изготовления сосудов, хотя и сделанных от руки (например, сосуд из Кабарды). Такое мастерство хотя и бытовало еще в недрах домашнего производства, но было по плечу только мастерам с долгим и хорошим опытом в гончарном деле (рис. 55).

Поэтому вероятнее всего предполагать, что в это время и гончарное дело постепенно стало уделом определенного круга мужчин, членов отдельных родов, которые вырабатывали продукцию, как и металлурги и литейщики, не только для своего рода, но и на обмен в пределах определенной округи.

ТКАЧЕСТВО

Совсем иное следует сказать о ткачестве. Конечно, как и раньше, изготовление ткани составляло обязанность женской половины родоплеменных групп того времени. Мы не имеем никаких оснований предполагать местное изготовление каких-либо иных тканей, кроме шерстяных, причем, возможно, не только грубошерстных, но и лучшего качества. Судя по ряду данных, употребление шерстяной ткани было очень широким.

Из шерстяной ткани шились различные (в том числе парадные) одежды, скреплявшиеся бронзовыми булавками, фибулами и застежками; из шерсти шились женские головные уборы, вязались чулки, даже широкие пояса и ноговицы и, наконец, делались всякие хозяйственные сумы и сумки («хурджины»).

Собственно, не считая кожи, шерсть и шерстяная ткань являлись основным материалом, идущим на изготовление одежды и, по-видимому, даже легкой обуви у местных племен Северного Кавказа того времени.

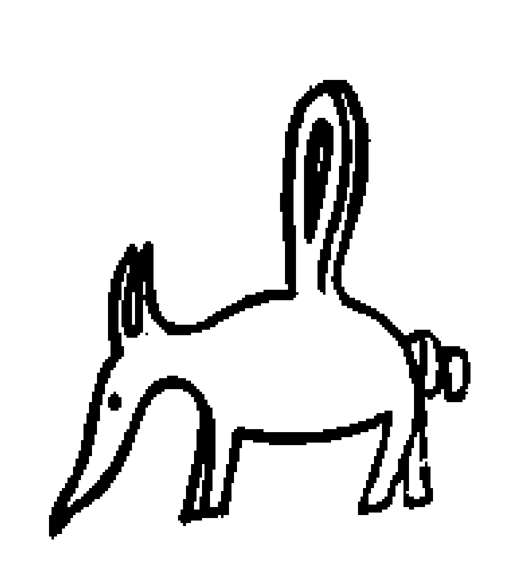
О том, что изготовление шерстяных тканей было в то время самым распространенным домашним делом женской половины каждой большой семьи, каждого рода, можно судить по многочисленным находкам глиняных пряслиц.

Если в памятниках Северного Кавказа эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.) глиняные пряслица были довольно редкими находками (Первомайский могильник в Ассинском ущелье)[92], то уже при исследовании Змейского поселения доскифского периода было найдено около сотни глиняных в большинстве орнаментированных пряслиц. А при раскопках таких могильников, как Исти-су и особенно Нестеровский и Луговой, почти в каждой женской могиле, даже у подростков, обнаруживалось по нескольку глиняных пряслиц, иногда до восьми в одной могиле.

Такова характеристика основных производств и видов домашней деятельности жителей срединной части Северного Кавказа раннежелезного века.

---

[92] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 89 и 82 рис. 23, *8*.

Глава 7

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Нужно признать, что попытка воссоздания картины общественного строя и социальных отношений у племен далекого прошлого — задача вообще довольно сложная. И чем объект древнее, тем она затруднительнее. Без четких и ясных свидетельств исторических источников — письменных документов, только на основании памятников материальной культуры, пытаться решить все вопросы, связанные с освещением общественного устройства и складывавшихся у древних племен социальных отношений, — дело весьма трудное, хотя и небезнадежное. Ибо для разработки социальной истории определенные категории археологических материалов (могильные комплексы, жилища и пр.) все же являются немаловажными историческими источниками, помогающими выяснить состав рода, установить наличие имущественного неравенства и осветить разные другие вопросы. А возможный учет соответствующих этнографических параллелей при обязательном использовании всех существующих письменных документов, относящихся к изучаемому обществу или близкому ему по экономическому и культурному укладу, намного облегчает решение подобных исследовательских задач.

Признавая всю сложность постановки вопроса об общественном строе населения Северного Кавказа раннежелезного века и учтя необходимость максимального привлечения всех возможных данных, мы все же не можем считать поставленную нами задачу бесперспективной.

Из предыдущей главы явствует, что хозяйственная деятельность местных родоплеменных групп в начале I тысячелетия до н. э. завершилась довольно активным по тем временам повышением производительности труда и освоением новых методов обработки железа.

И кавказский и весь сравнительный материал подтверждает тот вывод Ф. Энгельса, что подобный производственный процесс вполне закономерно приводит к такому «периоду, во время которого все культурные народы переживают свою

героическую эпоху,—эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории...»[1]. В это время возникает производство уже не только для собственного потребления, но и специально для обмена; очень заметно усиливается имущественное неравенство, появляется патриархальное рабство и, наконец, создаются предпосылки для образования классового общества — «родовой строй превращается в свою противоположность».

Со всеми этими явлениями, характеризующими определенный этап социально-экономического развития любого общества, мы знакомимся и при изучении истории родо-племенных групп центрального Предкавказья в период становления железного века, т. е. в начале I тысячелетия до н. э.

Снова напомним, что важнейшей особенностью этой эпохи является то, что на исторической арене нашей страны впервые начинают оформляться племенные объединения и ранние государственные образования, ставшие достоянием отечественной истории, благодаря появлению письменности у других народов.

Именно к этому времени относится возникновение имен, с которыми народы Северного Кавказа знакомятся, как с именами своих самых далеких предков и их соседей — с именами киммерийцев, скифов, савроматов, синдов, меотов, урартов, колхов, керкетов, гаргареев, сарматов и других племен и народов, населявших отдельные области нашего юго-востока.

С самого начала I тысячелетия до н. э., от рубежа бронзового и железного веков, история населения Северного Кавказа начинает освещаться и письменными документами. И не случайно, конечно, наиболее глубокие, но вполне ощутимые основы культуры современных нам народов Северного Кавказа мы можем усматривать у тех крупных, этнически иногда неоднородных образований, которые начали оформляться в этом крае в изучаемую эпоху.

Прежде всего отметим, что уже к середине I тысячелетия до н. э. плотность населения в предгорных районах Северного Кавказа значительно возросла. На это указывает многочисленность поселений, могильников и случайных находок этого времени. Причем в ряде районов концентрация населения была столь значительна для того времени, что появилась необходимость иметь такие крупные общие родо-племенные кладбища, каким представляется нам, например, Луговой могильник с его 167 погребениями VI—V вв. до н. э., оставленный представителями бедных и богатых родовых общин одной племенной группы, населявшей тогда Ассинское ущелье теперешней Чечено-Ингушской АССР.

Опыт археологического изучения Северного Кавказа позволяет признать правильным тот тезис, что на данном этапе развития местного общества и успешного роста его производительных сил, при полном господстве еще ранее установившихся патриархальных отношений быстро возрастает богатство, принадлежащее уже не всему роду, а отдельным, имущественно резко различным патриархальным семьям.

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, стр. 183.

Могильные инвентари этого периода раскрывают нам растущее имущественное неравенство, наблюдаемое тем чаще, чем позднее захоронения. Если в ранних могильных комплексах кобанской культуры (по раскопкам Антоновича, Шантра) исследователей поражало обилие бронзовых вещей, абсолютно одинаковое во всех могилах, то в VI—V вв. до н. э. наряду со столь же обильным инвентарем стали встречаться захоронения, содержащие всего несколько бронзовых или железных вещиц или только керамику даже без вещей. Совершенно очевидно, что это захоронения бедняков. Даже в одном древнем кладбище учреждаются «кварталы» богатых и бедных родов. Так, например, на могильнике в сел. Каменномостском наряду с очень богатыми могилами, компактно расположенными в одном пункте, метрах в 100 от них нами было вскрыто по обряду тождественное другим, но бедное погребение без всяких вещей [2]. Целые кварталы богатых и бедных захоронений отмечены нами и на Луговом могильнике VI—V вв. до н. э. в Ассинском ущелье. Подобное размежевание участков на общем погребальном поле находит подтверждение и в этнографических материалах Кавказа.

Такие отдельные кладбищенские участки погребенных родственников в виде кварталов существовали у адыгов до XVIII в. [3] Среди чечено-ингушских наземных склепов XVI—XVIII вв., являющихся родовыми усыпальницами, также известны склепы богатых и бедных фамилий (например, в ауле Фалхан) [4]. Ведь и жили горцы почти всегда группами родственников, т. е. уже территориальными общинами.

Ряд наблюдений, которые удается произвести на основании письменных и археологических данных, свидетельствует о том, что именно в эту пору истории местного населения постепенно выделяется из старой большой патриархальной малая семья, которая становится средоточием зарождающейся частной собственности на скот и на землю. Малая семья постепенно становится самостоятельной ячейкой, но все же связанной с другими родственными семьями, предпринимающей совместные действия в случаях военных столкновений или отгона общих стад на пастбища, в случаях кровной мести. Так, например, было в Чечне и в нагорном Дагестане в сравнительно недавнем прошлом [5].

Опыт раскопок Нестеровского, Лугового и других могильников края доказывает, что в это время господствующей формой были индивидуальные захоронения умерших и только в редких случаях одна и та же могила служила местом погребения близких родственников (мужа, жены, детей числом от двух до шести, как, например, на Нестеровском могильнике). Никаких следов насильственного умерщвления кого-либо из погребенных в таких случаях установлено не было. Наоборот, в нескольких случаях отмечено, что следующие захоронения производились после основного через некоторые промежутки времени, что доказывается лишь небольшим перемещением

---

[2]. Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. «Уч. зап. КНИИ», т. V, Начальник, 1950, стр. 252, 273.

[3] «Очерки истории Адыгеи», т. I. Майкоп, 1957, стр. 169.

[4] Личные полевые наблюдения автора в Ингушетии в 1929—1930 гг.

[5] Р. Г. Маршаев. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — начале XIX в. «Уч. зап. Даг. филиала АН СССР», т. III, Махачкала, 1957, стр. 111.

костей основного костяка в ту или иную сторону с целью освобождения места в могиле для вновь погребаемого.

Эти факты сами по себе важны как доказательства отраженного в погребальном обряде, давно установившегося патриархального уклада изучаемого общества. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с погребениями целых семей в могиле ранее умершего отца — главы семьи. Только в редких случаях можно допустить предположение об одновременности погребенных, может быть, в результате каких-либо эпидемий.

Мы уже говорили о заметном по сравнению с более ранним временем имущественном неравенстве, наблюдаемом по могильным комплексам — бедным и богатым. С течением времени все более усложнявшиеся взаимоотношения между близкими и далекими племенами и связанный с ними обмен все больше и больше раскалывали родовую общину на две группы — богатых и бедных — и способствовали зарождению родовой аристократии. Так выделяются «старшие» — богатые и наиболее многочисленные роды и «младшие» — малочисленные, часто экономически подчинявшиеся более сильным родам. Вместе с тем все они принадлежали к одной племенной группе. Накопление богатств происходит теперь уже внутри отдельных семей (вождей, жрецов, мастеров, скотоводов), которые постепенно обособляются не только имущественно, но и социально. Женские погребения представителей верхушечного слоя особенно изобилуют богатством могильного инвентаря. Резко отличающиеся своим составом могильные комплексы, содержащие различные привозные вещи, клады бронзовых вещей (например, Казбекский, Жемталинский, Боргустанский или Верхне-Баксанский клад, состоящий из 32 предметов), появление бронзовой булавы (символизирующей власть) — все это указывает на социально-экономическое обособление родовой верхушки общества.

Во главе родовых общин по-прежнему находились старшие по возрасту из всего рода. Судя по этнографическим данным Кавказа, авторитет таких родовых старейшин был очень высок.

У кабардинцев, например, к таким «нэхъыжь», или, как их еще называли, «тхьэмадэ», обязательно обращались за советом при разделе имущества, тяжбах и т. п. Если резали скот или варили брагу, им обязательно посылали почетную долю (так называемая доля старшего). На всяких семейных торжествах их присутствие считалось большой честью [6]. Соответствующим авторитетом и почетом пользовались такие старейшины у всех горцев Северного Кавказа даже до сравнительно недавнего прошлого (XIX век).

Еще М. М. Ковалевский подчеркивал общественный вес старшего, или главы дагестанского рода — тухума. «Если случится, что обращавшийся к главе за советом поступит затем вопреки его мнению, то делу обыкновенно не дается дальнейшего хода. В немногих случаях, когда имеет место обратное, глава тухума делает виновному выговор; если же последствием уклонения от совета будет какой-нибудь существенный вред, старейшина наказывает виновного выговором и побоями; кроме

[6] «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М., 1957, стр. 92.

наказания, налагаемого на него старейшиной, виновный подвергается презрению всего тухума. Высшей мерой наказания является изгнание из среды рода»[7].

Как говорят факты, почти не бывало примеров, чтобы мнение таких глав родовых общин не было поддержано всеми членами родовой организации[8].

Можно резонно предполагать, что все эти явления, сохранившиеся вплоть до XIX в., пережили века и свое начало получили в глубокой древности, отражая сущность семейного и общественного быта горцев Северного Кавказа и в раннежелезном веке.

Известно, что «непрекращающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда повышал ценность человеческой рабочей силы; рабство, только возникавшее и бывшее спорадическим на предыдущей ступени развития, становится теперь существенной составной частью общественной системы»[9]. Сравнительный исторический и местный этнографический материал позволяет прийти к заключению, что эта характеристика вполне применима и к изучаемому обществу.

Выше отмеченное развитие местного производства должно было обусловить появление патриархального рабства и на северном Кавказе. Уровень хозяйства допускает, что в это время должна была появиться необходимость в чужой рабочей силе.

Откуда могла поступать рабочая сила и какая? Чаще всего эту силу доставляла часто практиковавшаяся тогда война, реже — закабаление в результате невыполненных долговых обязательств одним родом перед другим. Именно такие взаимоотношения некогда существовали между богатыми и бедными ингушскими родами. Об этом свидетельствует этнография Кавказа[10].

Применительно же к древности мы располагаем письменными документами, свидетельствующими о наличии рабов и даже работорговли у кавказских племен, по своей социальной структуре близких интересующему нас обществу. Это племена Западной Грузии и северо-западного Кавказа. Об этом говорят древние авторы — Иезикииль, Полибий, Страбон и др.[11].

Есть данные, свидетельствующие о том, что некоторые племена и народы Западного Кавказа (этнически родственные и культурно близкие кобанцам — племена колхидской культуры), именуемые в Библии «фувал и мешех», вели меновую торговлю с финикийским городом Тиром. Это — очень важное историческое свидетельство. Более поздний автор — уже римского времени — географ Страбон свидетельствовал о пленении и обращении людей в рабство у народов северо-западного Кавказа. В своей обстоятельнейшей «Географии» он писал: «Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности, скрыв в них камары (лодки.— *Е. К.*),

---

[7] М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 152—153.

[8] С. Г. Маршаев. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — начале XIX вв., т. III, 1957, стр. 110.

[9] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, стр. 184.

[10] Е. И. Крупнов. К истории Ингушии. ВДИ, 1939, № 2, стр. 89.

[11] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4, стр. 214.

они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удается им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших» [12]. Раскопки Лугового могильника в Ассинском ущелье обеспечили нас массовыми находками стеклянных многоцветных бус явно египетского и финикийского производства. Имея такие неоспоримые доказательства далеких и древних связей местного общества, пусть даже осуществлявшихся через соседствующие племена и народы, позволительно считать закономерным применение страбоновских характеристик общественного состояния племен западного Кавказа и к изучаемому обществу центрального Кавказа.

Из всеобщей истории известно, что первоначально, в условиях родового строя, рабы не подвергались жестокой эксплуатации. В этом просто не было необходимости. Как указывают этнографические данные Кавказа, чаще всего рабы были на положении младших членов патриархальных семей [13].

Участвуя в производстве отдельных родов и фамилий, рабы и в период так называемого патриархального рабства помогали увеличивать богатства своих хозяев, тем самым повышая их социально-экономическую значимость.

Какое-то представление о положении рабов у племен Северного Кавказа первой половины I тысячелетия до н. э. можно получить по данным о так называемых домашних людях, сохранившихся до настоящего времени у ингушей или у абазин.

У абазин, например, самым бесправным было положение так называемого унава, т. е. домашнего человека [14]. Унавы происходили из пленных, захваченных во время частых набегов, как мужчины, так и женщины. Абсолютно не имея никакой собственности, они сами являлись безраздельной собственностью своего хозяина — захватчика. Все их имущество присваивалось хозяином. Их эксплуатировали в хозяйстве, но еще чаще продавали. Женщины-рабыни (псаз) несли всю самую черную работу по дому. Унава можно было продать, подарить, убить безнаказанно.

Только позднее унаву-рабу разрешалось отделяться, обзаводиться участком, семьей и его называли лыг. Он обладал уже некоторыми правами как самый младший член большой семьи. Если его и продавали, то уже со всем семейством.

Почти такую же картину жизни домашних рабов, находившихся на положении младших членов патриархальной семьи, рисует Семен Броневский и у ингушей и у других горцев центрального Кавказа в начале XIX в. [15]

Ингушские материалы свидетельствуют о том, что иногда такие домашние рабы (лаи), если они не выкупались, постепенно становились членами владеющей ими родовой организации, хотя и с ограниченными правами. Уже самым своим существованием они увеличивали численность рода [16].

Понятно, что и такое, именуемое патриархальным, рабство даже и при сла-

---

[12] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4, стр. 214.

[13] Е. И. Крупнов. К истории Ингуши. ВДИ, 1939, № 2, стр. 89.

[14] По данным Л. И. Лаврова.

[15] С. Броневский. Известия о Кавказе. М., 1823, ч. II, стр. 164.

[16] Е. И. Крупнов. История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века. Рукопись, стр. 200.

бых формах эксплуатации усиливало экономическую мощь распадающихся родовых общин того времени.

«Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым и слияние их и, тем самым, слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию всего народа. Военачальник народа — rex, basileus, thiudaus — становится необходимым постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии». По Энгельсу эта форма демократии называется «военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» [17].

Самый уровень социально-экономического развития в это время был уже настолько высок, что мы вполне резонно можем предполагать наличие у местных племен военных дружин во главе с военачальником, силой оружия разрешавших жизненные вопросы со своими соседями и дальними народами.

Не случайно на этот период приходится, кажется, наиболее широкое распространение предметов вооружения, вначале из бронзы, а затем из железа.

При исследовании Нестеровского, а особенно Лугового могильника мы были поражены не только обилием, но и разнообразием и многотипностью железных наконечников копий, кинжалов, боевых клевцов-топориков. Конечно, это были не только орудия труда или быта (скажем, охотничьего). Несомненно, появление их вызвано было требованиями почти постоянной военной обстановки.

Нам думается, что жизненные условия кавказских племен этой героической эпохи, породившей зачатки знаменитого северокавказского нартского эпоса, были в общих чертах схожи с аналогичными условиями у других племен и народов, в которых зарождались начала богатырских сказаний, героического эпоса.

Кавказский этнографический материал позволяет видеть, как в обстановке участившихся военных столкновений происходит обособление более мощных родов и фамилий, выделение вождей, организаторов военных дружин для набегов, уже имеющих «право держать холопов и производить расправу» [18].

В эти времена в еще большей степени чем раньше война была регулярной функцией народной жизни.

«У варварского народа-завоевателя,— говорит Энгельс,— сама война еще является... регулярной формой сношений, которой занимаются тем усерднее, чем более прирост населения, при единственно возможном для них традиционном способе производства» [19].

---

[17] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 169.

[18] Ч. Ахриев. Ингуши. Сборник сведений о кавказских горцах, т. VIII, 1875, стр. 4.

[19] «К. Маркс и Ф. Энгельс об античности». Под ред. С. И. Ковалева. Л., 1932. стр. 28, № 247.

Уже отмеченный общий подъем хозяйства у племен Северного Кавказа и такие явления, как рост военной активности и связанная с этим большая подвижность населения и обогащение его иноземными, иногда издалека привезенными вещами; как появление патриархального рабства и выделение племенной знати, власть которой (судя по этнографическим примерам)[20] переходит уже по наследству,— все это наилучшим образом отражает совершающийся перелом не только в экономической, но и в социальной структуре местных обществ того времени.

Наличие всех этих признаков допускает вполне логичное предположение о значительном обособлении представителей родовой верхушки, в руках которой концентрировались богатства и власть, постепенно переходящие по наследству от отца к сыну.

Мы находим вполне уместным в подтверждение нашей мысли привести здесь известное свидетельство о процессе зарождения наследственной власти в распадающейся родовой общине, отмеченное Семеном Броневским у ингушского племени галгаев в конце XVIII—начале XIX в. Ряд характерных признаков (факты имущественного неравенства, военная активность, наличие далеких привозных вещей и пр.), наблюдаемых в позднем ингушском обществе, дает нам право сопоставить этот этап его общественного развития с более древним этапом развития местного общества (скифского времени) и осмыслить эти явления.

Говоря о галгаях как ингушском племени, также обитавшем в Ассинском ущелье и обладавшем тогда большей социально-экономической значимостью по сравнению с другими ингушскими племенами, Семен Броневский писал[21]: они живут «под управлением выборных старшин, которые, будучи избираемы из богатейших родов, и по причине частого повторения выборов из тех же семейств обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно. Они же исправляют и жреческое звание».

Это наблюдение Броневского, сделанное на местном северокавказском материале, особенно интересно тем, что оно почти буквально повторяет классическую формулировку основанного на громадном сравнительном материале положения Ф. Энгельса о появлении наследственной власти в руках родовой верхушки:

«Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют» [22]. Эта характеристика приходит на ум, когда мы пытаемся представить себе общественное устройство местных племен первого тысячелетия до н. э.

Все исключительное богатство и разнообразие бронзового, а позднее и железного оружия, а также орудий труда и украшений подтверждает правильность эн-

---

[20] С. Броневский. Известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 164.

[21] Там же.

[22] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947, стр. 185.

гельсовской характеристики этой ступени общественного развития применительно и к северокавказскому обществу середины I тысячелетия до н. э.

Уже отмеченное выше поразительное единство памятников материальной культуры на пространной территории, занятой позднекобанской культурой, очевидно являлось отражением определенного единства и социальной жизни родоплеменных объединений того времени или союзов племен — носителей родственных культур. Внутренний процесс исторического развития населения Северного Кавказа даже в начальные века I тысячелетия до н. э. начинает еще сильнее переплетаться с историей и судьбами других, соседствующих и даже отдаленных племен и народов. Установление взаимоотношений народов теперь было значительно облегчено по сравнению с предшествующим периодом полным и окончательным освоением коня как средства быстрого передвижения. Это обстоятельство намного увеличило подвижность активной части населения того времени.

Накопление же богатств (стада скота, масса металла и пр.) в условиях развивающейся частной семейной собственности на скот, на пахотные участки, естественно, служило объектом грабительских вожделений соседних, иногда этнически даже родственных племен, стремившихся к насильственному захвату этих богатств. Все это и приводило к активизации и усилению межплеменных сношений и мирного — менового, но чаще военного характера [23].

Если мы вспомним поражающее количество находок на Северном Кавказе предметов скифского типа, учтем самую топографию этих находок по перевальным путям, массовость находок привозных издалека предметов вооружения и украшений, мы не можем не признать значительности участия и местных племен Северного Кавказа в тех исторически засвидетельствованных крупных военных движениях (походах) киммерийцев, а затем скифов в Закавказье и в Переднюю Азию, которые связали судьбы юга нашей страны с всемирной историей.

Безусловно, это был один из активнейших периодов в истории уже заметно распадающихся первобытных обществ срединной части Северного Кавказа, той общественной ступенью их развития, которая именуется «военной демократией».

Более, чем вероятно, что именно в этот период распада старых родовых отношений и могли зародиться основы некоторых бытовых норм «адатов» — неписанных законов общекавказской жизни.

На этом этапе существования патриархальной общины (вернее, большой семьи), оживленной подвижности и частых перемещений людей, необходимость найти в нужную минуту вне своего родового коллектива приют, кров, помощь и даже дружбу могла привести к зарождению таких обычаев, как взаимопомощь, гостеприимство, побратимство и куначество, т. е. к возникновению дружбы, почти равносильной кровному родству. Следует помнить, что обычай куначества имел особое значение в период отсутствия централизованной власти, в условиях межродовых и межплеменных расприй. Не случайно он лучше сохранился у тех народов Северного Кавказа, у которых родовые пережитки наиболее сильны, например у чеченцев и ингушей.

---

[23] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, стр. 25.

Из всемирной истории и истории СССР мы знаем, что период раннего железного века почти у всех племен и народов характеризовался прежде всего оживлением межплеменных связей и усилением контактов, проявлявшихся в самых разнообразных формах.

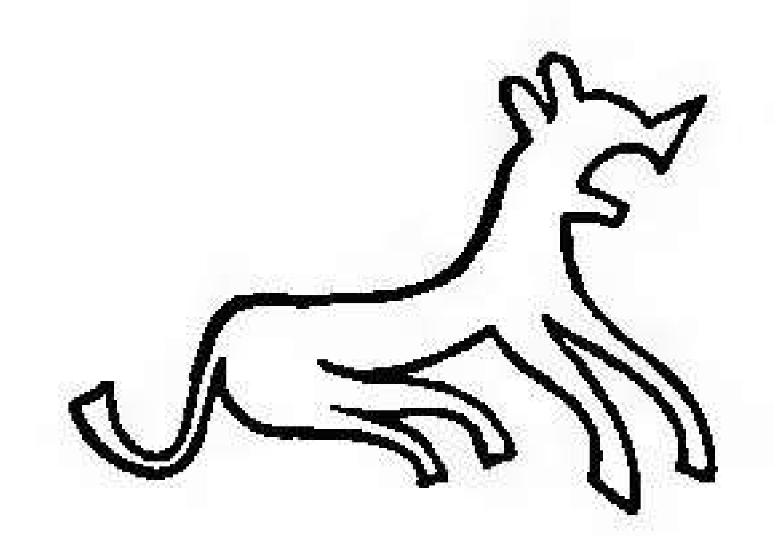
Вступив на ту же ступень общественного развития, что и окружающие их племена, в целях войны соединявшиеся иногда в мощные племенные союзы рассматриваемые нами северокавказские племена к середине I тысячелетия до н. э. жили почти одной жизнью со всем культурным миром Закавказья и всей юго-восточной Европы.

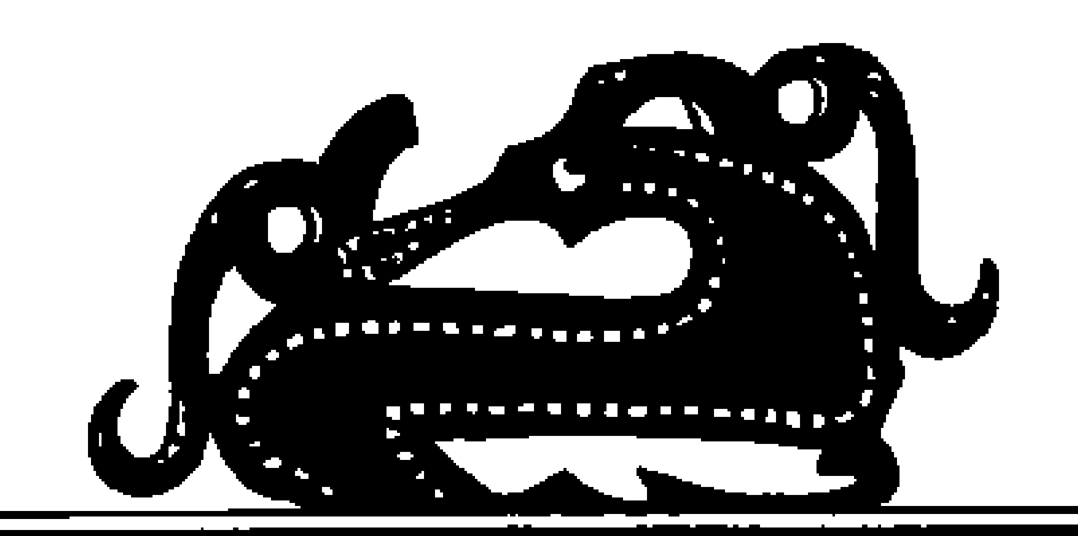
Можно думать, что, как и везде, этот процесс и здесь одновременно сопровождался явлениями смешения, частичной ассимиляции одних племенных групп другими, иногда завершаясь полным стиранием племенных отличий этнографически слабых групп, следствием чего позднее стало возможным образование новой политической формы — народности [24].

Таким образом, ранний железный век в истории центральной части Северного Кавказа в хозяйственном отношении ознаменовался подъемом скотоводческо-земледельческого хозяйства и освоением самого совершенного в древности металла — железа, а в социальном развитии — окончательным распадом патриархально-родовых отношений, становлением семьи, обособлением отдельных племенных групп населения, а также созданием предпосылок к образованию будущих местных народностей и расцвету их самобытных культур.

---

[24] М. О. Косвен. История первобытной культуры. М., 1953, стр. 200.

Глава 8

ОБМЕН И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

Из предыдущих глав можно убедиться в том, что общий подъем местного скотоводческо-земледельческого хозяйства при небывалом для древности росте металлургии сопровождался расширением обмена и оживлением межплеменных и международных связей аборигенного общества центрального Кавказа с окружающим миром. Наглядно показать, в какой степени эти связи — мирные (торговые, меновые) и военные (набеги и походы) — составляли специфику местного исторического процесса, и является задачей данной главы. Более подробно освещая эту тему применительно к эпохе бронзы Северного Кавказа в одной из своих последних работ [1], мы постарались показать, что еще во II тысячелетии до н. э. процесс развития материального производства стал уже настолько мощным и значительным, что многочисленные местные формы материальной культуры затмевали все инородное, привозное, в противоположность предшествующей эпохе, когда местное производство металлических изделий было еще слабо развито, если судить, например, по древностям майкопской культуры.

Не соглашаясь с ошибочным, на наш взгляд, мнением[2] о необъяснимом упадке в эпоху бронзы меновых связей местного общества с внешним миром и особенно с югом, мы на целой серии археологических примеров показали живые связи населения Северного Кавказа как с Закавказьем, а через Закавказье со всем Древним Востоком, так и с районами юго-восточной Европы [3]. Разумеется, и в более раннее время эти связи осуществлялись не только в бранных делах — военных столкновениях, но

[1] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 85.

[2] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 21.

[3] Е. И. Крупнов. О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1, стр. 72—83.

и в мирных сношениях — в натуральном обмене, т. е. они вытекали из чисто материальных нужд — естественных потребностей одной группы населения в самых необходимых продуктах или сырье, которыми располагала другая группа.

Обычно объектами обмена или натуральной торговли служат как различное сырье, так и изделия местного, пусть даже примитивного производства. Как правило, более или менее регулярный обмен возникает обычно между населением областей, находящихся в географически различных условиях, например, между обитателями горных районов со степняками, между приморскими племенами и жителями внутренних районов страны и т. д. Всеобщая история первобытной культуры и кавказская этнография обогатили нас знаниями о поэтапном развитии древнего обмена (при отсутствии понятия стоимости обмениваемых вещей), сменяющегося регулярным обменом (при наличии установившегося эквивалента в виде скота, раковин, мехов и пр.), поддерживавшимся иногда при значительной дальности распространения обмениваемых предметов [4].

Из сравнительной этнографии мы знаем также и о том, что подлинно хозяйственный обмен возникает только тогда, когда уровень производства в доклассовом обществе уже достаточно вырос для того, чтобы какая-то часть местных продуктов и изделий оказывалась в избытке, специально для обмена [5]. Вполне понятно, что уже и на этой стадии социально-экономического развития создававшиеся в соседних обществах запасы или избытки продуктов и изделий могли являться и действительно являлись (как доказывает сравнительная этнография) объектом вожделения и насильственного захвата со стороны нуждавшихся в них соседних обществ.

Сама жизнь диктовала необходимость установления хозяйственных связей Кавказа с окружающим миром. Именно археологические материалы доказывают, что история Северного Кавказа была тесно связана с историей южнорусских степей начиная еще с эпохи бронзы, а в раннежелезный век Кавказ жил общей жизнью со всей юго-восточной Европой и Древним Востоком. Это — то новое, к чему приходят исследователи, изучающие археологические и другие исторические материалы, добытые в последние годы.

Даже при некоторой отрывочности данных археологических источников достаточно определенно вырисовываются древние двусторонние связи, существовавшие между племенами центрального Кавказа, с одной стороны, Закавказьем и населением степных районов юга европейской части СССР — с другой. Независимо от того, каким способом, в виде ли грабительской добычи или в результате регулярного обмена, находимые в раскопках древние вещи попали в районы, им не свойственные, они документируют наличие древних связей между иногда даже далекими один от другого центрами.

Объектом захвата или мирного обмена были: металл, скот, зерно, соль, шкуры, меха и прочее сырье, а также готовые изделия — продукция домашнего ремесла. Судя по этнографическим примерам, эквивалентом обмена на Северном Кавказе в этот период был, очевидно, скот.

---

[4] Ф. Ратцель. Народоведение, т. I, СПб., 1900, стр. 563, 685.

[5] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 129.

Из предшествующей главы, трактующей о хозяйстве местных племен, мы уже знаем, что экономическую основу их успешного развития наряду с металлургией составляло животноводство, точнее овцеводство, которое могло процветать и развиваться лишь при условии сезонных смен пастбищ — летом на альпийских лугах, а зимой — на степных просторах северо-западного Прикаспия.

Если так называемый яйлажный вид скотоводства, как нами было выше показано, возник на Северном Кавказе еще в эпоху бронзы, то в изучаемый период, судя по расцвету производства и культуры, он получил еще большее распространение. Очевидно, теперь, в раннежелезном веке, хозяйственный контакт между населением горных районов и далеких равнинных пастбищ достиг высокого уровня, что доказывают еще более многочисленные находки предметов горной кобанской культуры в Моздокских и Бажиганских степях, а в горах — вещей степного типа. Мы вправе предполагать также поступление в горы продукции земледельческого труда, т. е. в первую очередь зерна, в котором, естественно, там всегда ощущался недостаток.

Наоборот, самородная медь и другое металлическое сырье, судя по отдельным находкам кусков руды и сплава в районах северо-западного Прикаспия (селения Ачикулак, Бажиган), в то время транспортировалось с Кавказских гор далеко в северные степные районы Предкавказья.

Собственно по подобным фактам и примерам и устанавливается, что процесс хозяйственного развития населения Северного Кавказа в начале раннежелезного века начинает особенно заметно переплетаться с развитием экономики и культуры соседствующих и даже отдаленных племен и народов. Понятно, что это стало возможным лишь благодаря окончательному освоению лошади как лучшего по тем временам средства передвижения. Верховой конь намного облегчил установление дальних связей Северного Кавказа с окружающим миром.

Итак, широкие международные и межплеменные связи населения Северного Кавказа этой поры, насколько это можно судить по археологическим материалам, сильно активизировались по сравнению с предшествующей эпохой. Лучше всего этот все возрастающий контакт иллюстрируется изделиями из металла, удобными для приобретения и транспортировки, достаточно прочными и потому хорошо сохранившимися до наших дней как живое свидетельство древнего международного общения.

Занимая меньший отрезок времени по сравнению с предыдущими эпохами, позднебронзовый век оставил нам, пожалуй, наибольшее количество материальных источников для суждения о внешних сношениях племен Северного Кавказа.

Рассмотрим вещественные доказательства этих связей последовательно, начиная с начала I тысячелетия н. э.

Образцы кобанской бронзы (топоры, кинжалы и пр.), найденные в Предкавказье (в Моздокских степях и Бажигане) [6], в Поволжье, в Подонье (у станицы Сиротинской, Новочеркасский клад) [7], под Воронежем, на Харьковщине (близ Купянска),

---

[6] Кобанские топоры из Моздокского района хранятся в музеях Нальчика и Орджоникидзе. Находки кобанской бронзы в Бажигане сделаны Северокавказской экспедицией в 1946—1955 гг.

[7] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э..., стр. 49.

на Полтавщине (у городов Лубен и Краснограда)[8], на Киевщине[9] и даже в Крыму[10], и, наоборот, оружие степного типа и украшения, встреченные в районах Кавказа, свидетельствуют о том, что тогдашнее население высокогорных районов центральной части Северного Кавказа находилось в общении с племенами и народами всей юго-восточной Европы. Достаточно сказать, что даже в трех пунктах Украины, на Киевщине, известны четыре находки бронзовых сосудов с звероподобными ручками кавказского типа, ранее считавшиеся доказательством сильного влияния западноевропейской археологической культуры Гальштата на культуры нашей страны[11].

Принципиально не отрицая древних нитей, связывающих носителей гальштатской культуры с кавказцами (но никак не решающего влияния культуры первых на развитие культур Кавказа), мы вполне допускаем такое далекое общение, основываясь на археологических примерах, вроде находок бронзовых предметов кобанской культуры в Болгарии[12] или своеобразных глиняных орнаментированных сосудов из Кабардино-Балкарии[13], несколько напоминающих урны из Иоденбурга и Гемейнлебарна[14]. Все же остальные элементы «поразительного» сходства, которые наблюдаются в инвентарях гальштатских погребений и могильных комплексах из кобанских или закавказских захоронений в виде очкообразных привесок, спиральных браслетов, перстней и прочих украшений[15], на наш взгляд, следует объяснять конвергентным развитием культуры в двух отдаленных районах не без влияния на них единого и более древнего импульса переднеазиатского культурного круга.

Некоторая же общность керамических форм там и тут, по нашему мнению, могла быть порождена культурным единством той широкой киммерийской среды на юге европейской части СССР, воздействие которой сказывалось и в Подунавье и на Северном Кавказе.

За последнее время стали известны дополнительные вещественные данные, демонстрирующие определенное единство отдельных категорий вещей в Венгрии и на Кавказе. Это опубликованные еще в 1939 г. Галлусом и Хорватом части конской узды, в частности бронзовые трехпетельчатые псалии из разных пунктов Венгрии[16], которые А. А. Иессен в специальной работе справедливо рассматривает как убедительные показатели «тесных культурных взаимосвязей Северного Кавказа с Поду-

---

[8] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, стр. 30.

[9] МАК, вып. VIII, стр. 37, табл. 13.

[10] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, стр. 31—32.

[11] М. Макаренко. La civilisation des Scythes et Hallstatt. ESA, V, 1930, стр. 24—38; W. Sommerfeld. Naczynie miedziane Halsztackie z Urkainy. Swiatovit, XVII, 1936, стр. 308.

[12] Сборник «Гаврил Кацаров», т. II. София, 1955, стр. 359.

[13] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 259.

[14] J. Dechelette. Manuel d'Archéologie Préhistorique, т. II. Paris, 1930 стр. 599, рис. 233, стр. 823, рис. 335.

[15] А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. «Уч. зап. КНИИ», т. IV, Нальчик, 1948, стр. 69.

[16] S. Gallus et T. Horvarth. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie, т. I, II, Budapest, 1939.

навьем на рубеже бронзового и железного веков», ибо подобные псалии, как он доказал, являются сугубо местными для Северного Кавказа [17].

Наоборот, известные с территории СССР старые находки бронзовых трехдырчатых псалий со шляпками, как, например, бронзовые псалии из Камышевахи (хранятся в ГИМ) [18], из кургана Цимбалка [19] (хранятся в Эрмитаже), из Кисловодска [20] (в Эрмитаже), во множестве имеющие аналогии в наиболее ранних псалиях из Австрии, Венгрии, Югославии и Чехословакии, также доказывают контакт древнего населения юга нашей страны с носителями гальштатской культуры средней Европы. Очень возможно, что начало этого контакта было положено движениями киммерийцев, связавших между собою столь отдаленные области. Поэтому мы не так скептически и отрицательно относимся к предположению Т. Хорвата [21] и Я. Харматта [22], видевших в этом контакте результат киммерийского нашествия на Кавказ, Северное Причерноморье и Венгрию, как это было воспринято другими исследователями[23].

Очевидно, эти связи, пусть даже и не в виде непосредственного общения кавказских племен с западными районами, продолжались и позднее, что доказывается последними находками в Венгрии (в кургане у г. Печь) [24] стержневидных трехпетельчатых псалий с одним изогнутым концом (северокавказского типа II, по Иессену) и железного кинжала с бронзовой рукоятью, украшенной рядами литых колец (табл. XXXV, рис. 1). Ближайшими и прямыми аналогами этого кинжала являются: находка, сделанная близ Кисловодска (очевидно, связанная с Березовским могильником) [25], и в Прикамье, из ананьинских комплексов [26]. В настоящее время еще с большей уверенностью, чем раньше, можно утверждать, что бронзовые стержневые трехдырчатые псалии имеют местное, северо-кавказское происхождение. Основанием для этого служат находки обломков костяных округлоцилиндрических псалий с тремя отверстиями, сделанные нами в 1957 г. на первом поселении кобанской культуры у станицы Змейской Северо-Осетинской АССР (табл. XIII, рис. 1, 3).

То же самое можно сказать и о железном кинжале с бронзовой (почти ажурной) рукоятью. В разных вариациях подобные кинжалы известны на Северном Кавказе в количестве десятка, а судя по отдельным находкам, и в лесостепном Приднепровье [27]

---

[17] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э..., стр. 49—110.

[18] ОАК, 1892, стр. 38.

[19] ОАК, 1868, стр. XVI; СА, XVIII, 1953, стр. 84, рис. 23.

[20] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э..., стр. 51, рис. 3, 4.

[21] S. Gallus et T. Horvath. Expansion de la qulture prescythique. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. Budapest, 1939, I, стр. 61—62.

[22] I. Harmatta. Le problème cimmérien. Archaeologiai Ertesito. Сер. III, т. VIII—IX, Budapest, 1948, стр. 79—130.

[23] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до. н. э..., стр. 75.

[24] Török Gnyla. Pècs Zakexbhegyi fölotväv es tumulusok. «Archaeologiai Ertesito», т. XI, 1950, стр. 4—9, табл. III—IV.

[25] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э..., стр. 76, рис. 17.

[26] A. M. Tallgren. L'époque dite d'Ananino. SMYA, XXXI, Helsinki, 1919, стр. 120, рис. 87.

[27] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 55, рис. 4.

и в Прикамье. Они также служат свидетельством давних связей Северного Кавказа как с северо-востоком, так с Украиной и западом. Именно не без участия киммерийцев могли сложиться взаимосвязи Гальштата с Кобаном, документируемые археологическим материалом [28].

Что касается взаимосвязей Кавказа с Крымом, то в свете последних данных контакт древнего населения этой территории с горцами Северного Кавказа кажется настолько тесным, что сам вопрос о происхождении культуры так называемых таврских каменных ящиков в горном Крыму, очевидно, может быть успешно решен только с учетом ее связей с культурой, представленной могильниками из каменных ящиков сел. Кобана, Кумбултского могильника Верхняя Рутха, Каменномостского могильника и других памятников центральной части Северного Кавказа.

Еще в довоенные годы (1935—1939) Д. А. Крайнов на основании раскопок пещеры Таш-Аир обратил внимание на сходство найденной им кизил-кобинской керамики с находками на Северном Кавказе [29]. Позднее в результате работ в Крыму П. Н. Шульца и других лиц [30] факты, доказывающие культурную общность Крыма и Кавказа, настолько умножились, что позволили более обоснованно, чем раньше, утверждать наличие тесных культурных взаимоотношений между этими областями.

К тем немногочисленным еще примерам более ранних связей Крыма и Кавказа, которые были приведены А. А. Иессеном в работе «Греческая колонизация Северного Причерноморья» [31], за послевоенные годы прибавился значительный материал предскифского и скифского времени, иллюстрирующий эти связи. Исследуя такие памятники Северного Кавказа, как Кумбултский могильник Верхняя Рутха, Каменномостский и Нестеровский могильники, мы давно пришли к заключению о тесном общении северо-кавказских племен с древнетаврским населением горного Крыма [32]. Основанием для этого служило поразительное сходство погребального обряда в каменных ящиках, маленьких круглодонных сосудиков, однотипность орнаментации керамики и целых серий бронзовых украшений (спиральные и полые биконические привески, полусферические бляшки, очкообразные подвески и пр.).

Недавно В. В. Бобин посвятил обоснованию этого сходства в культурах Крыма и Северного Кавказа специальную статью; по мнению автора, «объяснение данного явления надо искать в обмене и культурных взаимосвязях, а может быть, и в этни-

---

[28] А. М. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. «Уч. зап. КНИИ», т. IV, 1948, стр. 69.

[29] Д. А. Крайнов. Стоянка Таш-Аир в Крыму. Тезисы доклада на Арх. сессии Ученого совета ГИМ 19—22 марта 1941.

[30] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского. В сб.: «История и археология древнего Крыма». Симферополь, 1957, стр. 65; О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 113; Х. И. Крис. Поселение кизил-кобинской культуры в балке Аппама-дере. В сб.: «История и археология древнего Крыма», стр. 40; ее же. Раннетаврское поселение в Инкермане. Там же, стр. 47.

[31] А. А. Иессен. Указ соч., стр. 31.

[32] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР. «Уч. зап. КНИИ», т. V, 1950, стр. 261 и 271.

ческом родстве» [33]. Последнее предположение кажется наиболее вероятным, особенно теперь, в свете данных, полученных при исследовании в 1957 г. Змейского поселения кобанской культуры Северной Осетии.

Установленное нами поразительное сходство образцов глиняной, богато орнаментированной посуды и колоколовидных хозяйственных ям Змейского поселения с керамикой и такими же ямами кизил-кобинской культуры Южного Крыма, приписываемой потомками киммерийцев — таврам, является новым подтверждением не только культурной, но, вероятно, и этнической общности древнейшего населения Крыма и Северного Кавказа. И так как местное происхождение таврской культуры в Крыму до сих пор еще окончательно не установлено, а генетическая преемственность кобанской культуры от более ранних местных памятников давно доказана (и вновь подтверждена раскопками Змейского поселения), то вполне естественно допустить возможность частичного переселения в Крым с Северного Кавказа древней племенной группы, создавшей в местном киммерийском окружении кизил-кобинскую культуру Крыма. К подобным выводам пришел и украинский археолог А. М. Лесков.

Таким образом, применительно к Крыму можно говорить не только об очень тесном общении с населением Северного Кавказа, но и резонно предполагать случаи частичного его переселения в Крым. Подобные предположения подкрепляют вновь поступающий из Крыма и Кавказа археологический материал.

Не менее оживленные экономические связи существовали у Северного Кавказа с лесостепными районами Поволжья и даже с лесными районами Прикамья еще в доскифскую эпоху.

Еще во II тысячелетии до н. э. горцы Кавказа имели какие-то нити связей с племенами Поволжья. Так, за последние годы установлено, что докобанские бронзовые булавки с волютообразными навершиями распространялись до районов современной Мордовской АССР [34]. Сейчас становится ясным, что степные районы европейской части СССР еще в эпоху бронзы не только получали готовый металл из районов Северного Кавказа, но и развивали свою собственную металлургию меди под воздействием древних кавказских металлургических центров [35].

Если наряду с готовой продукцией в Поволжье поступал с Кавказа и металл, то, очевидно, в обмен из Поволжья и Прикамья на Кавказ шли меха, которыми всегда были богаты лесные районы этого края и которые всюду находили широкий спрос.

На целой серии образцов кобанской культуры (в виде обломков бронзовых пластинчатых поясов, круглых бронзовых пластинчатых блях с выступами, очкообразных привесок, полусферических и ромбических бляшек и других предметов) из Луговского, Маклашеевского II, Морквашинского, Ананьинского, Полянского и других могильников Камского Поволжья А. В. Збруева в своей монографии,

---

[33] В. В. Бобин. Черты сходства культуры древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу. В сб.: «История и археология древнего Крыма». Симферополь, 1957, стр. 60.

[34] П. Д. Степанов. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 72—73, рис. 26.

[35] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МНА, 46, 1955, стр. 58; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 108.

посвященной истории и культуре ананьинских племен, показала их связи с Кавказом еще в первой половине I тысячелетия до н. э. [36]

В раннескифскую эпоху связи Северного Кавказа с Прикамьем должны были принять еще более регулярный характер, если учитывать сложившуюся в то время более благоприятную для этой торговли политическую обстановку на степном юго-востоке, что также находит себе подтверждение в археологии.

Есть данные, говорящие в пользу признания и еще более отдаленных связей Северного Кавказа — с Зауральем и даже с районами Сибири. Несомненно, они не были столь регулярными и непосредственными. Да и сам археологический материал, документирующий эти связи, не столь уже многочисленный, хотя он достаточно древний и выразительный.

Судя по каменному топору так называемого кабардино-пятигорского типа из окрестностей г. Омска и хранящегося в Омском музее [37], какие-то нити, связывавшие Кавказ с Западной Сибирью, ощущаются еще для второй половины II тысячелетия до н. э. По-видимому, к началу I тысячелетия до н. э. следует относить бронзовый нож, типичный для раннетагарской культуры Минусинской котловины, найденный нами в 1948 г. в выдувах Бажиганских песков в северо-западном Прикаспии [38].

Из еще более южного района караногайщины, из окрестностей сел. Терекли-Мектеб, происходит бронзовый втульчатый наконечник крупного копья с прорезными крыльями [39], одинаково близкий как западносибирским формам VIII—VII вв. до н. э., так и ранним копьям ананьинской культуры [40]. Почти к тому же времени относятся и два бронзовых котла, так называемого сибирского типа, хранящиеся в Пятигорском музее, происходящие из разных пунктов на склонах г. Бештау (находки 1927 и 1951 гг.) (табл. LXXVI, рис. 2,3) [41].

Известно, что самая крупная коллекция наиболее древних бронзовых котлов происходит из Минусинского района. И хотя, кроме Северного Китая и Семиречья, они известны и в европейских степях, наибольшее их количество происходит из Сибири; тем самым как будто доказывается тамошнее их происхождение и массовое производство [42]. Современные сибиреведы признают их массовое распространение только с середины I тысячелетия до н. э. и позднее [43]. Это утверждение находится

---

[36] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, М., 1952, стр. 167, табл. XXX.

[37] Пользуюсь случаем высказать благодарность В. Н. Чернецову за передачу мне зарисовки этого топора.

[38] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде..., КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 96, рис. 25, 2.

[39] Своим знакомством с этим копьем я обязан А. А. Формозову, который получил эту находку от зоологов для передачи в ГИМ.

[40] А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 95, табл. XX.

[41] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр 124—126, рис. 13 и 15.

[42] В. П. Левашова и Э. Р. Рыгдылон. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 132.

[43] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, 1949, стр. 164.

в явном противоречии, хотя бы с датой бештаугорских находок бронзовых котлов сибирского типа в комплексе VIII—VII вв. до н. э. [44] Скорее всего в вопросе о датировке сибирских котлов был прав Г. П. Сосновский, писавший, что «в Южную Россию одноногие котлы проникли вместе со скифами приблизительно в VIII в. до р. х.». И далее: «Возможно, что наши сибирские бронзовые котлы окажутся более древними, чем южнорусские, но едва ли их давность восходит далее конца бронзового периода» [45]. Можно думать, что дальнейшие разыскания в области археологии Сибири не только позволят хронологически точнее определить время появления и бытования таких важных археологических объектов как бронзовые котлы, но и уточнить вопрос об их транспортировке на запад и лучше осветить проблему древних связей Сибири с европейской частью СССР и Кавказом.

Еще больше известно примеров, подтверждающих отношения обитателей изучаемой нами территории с Закавказьем, а через него со всей Передней Азией и даже со странами Ближнего Востока. Здесь уместно вспомнить, что из одной Дигории происходит более полудесятка бронзовых, так казываемых переднеазиатских кинжалов, широко распространенных во всех странах Древнего Востока, а также и на Кавказе в самом конце II тысячелетия до н. э. [46] Из Дигории происходят и бронзовые ассирийские, или урартские шлемы [47]. В ряде пунктов горного Кавказа были найдены предметы (кинжалы, топоры), характеризующие одновременные культуры Закавказья—колхидскую и центрально-закавказскую (или кедабеко-ходжалинскую) [48]. Характер многих кобанских изделий прикладного искусства (бронзовые поясные пряжки в виде двух притивостоящих зверей и др.) обнаруживают следы влияния месопотамского искусства [49]. Но, конечно, особенно тесно Северный Кавказ был связан с южным Кавказом, что вновь и вновь доказывается обильными находками кобанской бронзы в Закавказье (Муссиери, Варташен, Лечхуми и др.) [50] и типологической близостью ряда вещей, например бронзовых удил и псалий из сел. Каменномостское и из Ксанского ущелья, в свою очередь сближающихся с переднеазиатскими удилами из Афин, Нимруда и других мест [51].

Известная серебряная, богато орнаментированная чаша с арамейской надписью из знаменитого Казбекского клада VI—V вв. до н.э. и такая же фигурка барана из сел. Казбеги [52] (собрание Комарова), являясь шедеврами древнеиранской торевтики, по-видимому, попали сюда из ахеменидского Ирана через Закавказье. Они также подтверждают существование хозяйственного и культурного общения племен Севериого

---

[44] А. А. Иессен. Некоторые памятники..., стр. 126.

[45] Г. П. Сосновский. Заметки об одной археологической находке. Этнографический бюллетень ВСОРГО, № 3, Иркутск, 1923.

[46] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 66, рис. 25.

[47] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. стр. 277, рис. 211.

[48] Там же, рис. 1.

[49] П. С. Уварова. Указ. соч., табл. XXIILI.

[50] F. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, т. I, стр. 69, 109.

[51] Б. А. Куфтин. Раскопки в Триалети. Тбилиси, 1944, стр. 61.

[52] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. 111, № 13—14.

Кавказа с населением Южного Кавказа. Снежный хребет центрального Кавказа три-пять тысяч лет назад не был для кавказских племенных групп разделяющей преградой (табл. LIII).

Это культурное единство кавказских областей в какой-то степени определялось культурной ролью, какую играло государство Урарту в первой половине I тысячелетия до н. э. в Закавказье. Сейчас нельзя полностью и безоговорочно разделять мнение Б. Б. Пиотровского[53] о том, что городские производственные центры Урарту только одни служили распространителями в быту народов Кавказа железа как более совершенного металла. Но следует по-прежнему соглашаться с тем, что Урарту, как и все Закавказье, являлось важным культурным посредником, связывавшим население Северного Кавказа с классовыми обществами Передней Азии и всего Древнего Востока.

Другим фактором, обусловившим близость исторических судеб племен и народов Кавказа, Северного Причерноморья и Передней Азии, явилось появление на указанной территории ставших известными письменности народов Передней Азии и юго-восточной Европы — киммерийцев, а позднее — скифов, или сколотов, как скифы называли себя сами. С этих пор древняя история юга СССР и в частности Кавказа оказалась особенно тесно связанной с всемирной историей.

В III и IV главах нашей работы, посвященных анализу древних литературных свидетельств о Кавказе и оценке роли киммерийских элементов в дальнейшем развитии местных культур Северного Кавказа в предскифское время, мы постарались археологически подтвердить реальность киммерийских, а затем и скифских походов в Малую Азию через Кавказ и посильно показать те новые явления в культурном развитии племен Северного Кавказа, которые оказались обусловленными этими передвижениями.

От Геродота и других древних авторов мы знаем, что как киммерийцы, так и скифы, отличаясь необыкновенной подвижностью, обладая лучшими по тем временам оружием и отлично владея им, успешно совершали дальние завоевательные походы, не считаясь с расстоянием.

Во время своих дальних передвижений они прошли и через Кавказ, в частности через Северный. В свете показаний археологического материала, происходящего из разных пунктов и областей Кавказа и прилегающих местностей — материала документирующего иногда дальние источники его поступления, вполне резонно предполагать, что и северокавказские племена не только не остались в стороне от киммеро-скифских походов, но и сами были вовлечены в некоторые из них.

Косвенными доказательствами этого предположения могут служить явно импортные вещи, находимые в горах Кавказа, вроде ассирийских или урартских шлемов, древневосточного оружия и конского убранства, ахеменидской утвари и украшений, а также многочисленных многоцветных стеклянных бус и различных амулетов из так называемой голубой египетской пасты, привезенные (не только в порядке обмена, а, возможно, и в виде военной добычи) из центров Передней и Малой Азии и Восточного Средиземноморья, вплоть до Египта (табл. LXIX).

В одной из своих последних работ египтолог М. А. Коростовцев с достаточной

[53] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, М., 1959, стр. 161 сл.

полнотой показал массовость этих египетских вещей на территории СССР, включая и Кавказ [54]. Почти одновременно египетские находки, сделанные на территории СССР, в частности на Кавказе, опубликовал и Б. Б. Пиотровский [55].

Золотые, богато орнаментированные ножны скифского меча и золотая чаша, найденные в Келермесских курганах (на Кубани), как теперь установлено, выполнены в урартской манере VII—VI вв. до н. э. и могут рассматриваться как ценная добыча, захваченная в Закавказье.

Из Майкопа же происходит один серебряный сосуд с орнаментом в виде лотосов и фигур идущих сфинксов, характерных для переднеазиатского искусства; серебряная казбекская чаша с арамейской надписью и такие же чаши - фиалы из погребений на р. Алгети (Грузия) [56], также попали на Кавказ из ахеменидского Ирана, как и полая фигурка барана из сел. Казбеги.

Установив со времени образования Урартского царства более тесный контакт с государствами Древнего Востока [57], население Кавказа все глубже втягивается в сферу широкого обмена и международных сношений с отдаленными странами. Так, библейский автор VI в. до н. э. Иезекииль свидетельствует, что такие известные средиземноморские города, как Тир и Сидон, торговали с племенами и народами Западного Кавказа тибаренами и мосхами, выменивая свои товары на «души человеческие» (т. е. рабов) и металл или металлические изделия.

С началом урартской экспансии в Закавказье и с возникновением греческих городов-колоний в Северном Причерноморье и на Кавказском побережье (с VII—VI вв. до н. э.) эти связи Кавказа с Древним Востоком и Средиземноморьем оживились еще более.

Даже в высокогорные районы Северного Кавказа начинают попадать привозные образцы оружия и особенно разнообразные украшения из сердолика и других пород камня, а также раковины каури (Cyprea moneta), родиной которых теперь считается не только побережье Индийского океана, но и Персидский залив, а по последним данным, даже восточное побережье Средиземного моря.

Минералогом Г. Г. Лемлейном [58], на основании изучения археологических комплексов было доказано, что основная масса находок женских украшений из сердолика, сардера и других яшмовых пород камня на Кавказе, в частности в могильниках Северного Кавказа, падает в основном на первую половину I тысячелетия до н. э. и является импортной продукцией из Ирана, Малой Азии и даже Индии. Позднее как на Кавказе, так и в районах Северного Причерноморья начинают явно преобладать стеклянные многоцветные бусы, в основном финикийского и египетского производства.

---

[54] М. А. Коростовцев. Древнеегипетские находки в СССР. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 2, стр. 72.

[55] Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 20.

[56] Б. А. Куфтин. Раскопки в Триалети. Тбилиси, 1944, стр. 246, табл. VII.

[57] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 137.

[58] Г. Г. Лемлейн. Опыт классификации форм каменных бус. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 157—172.

Правда, распространение всякого рода стеклянной глазури и стеклянных украшений на Древнем Востоке, в Европе и на Кавказе прослеживается с более глубоких времен. Они вывозились из древних производственных центров; вначале — из Месопотамии [59], а позднее из районов Восточного Средиземноморья (Египта и Финикии), но в небольших количествах. Как выяснено специальными исследованиями И. Стоуна и Л. Томаса [60], только со II тысячелетия до н. э. различные поделки из фаянса, глазури, стекла, фритта и стекловидной пасты довольно широко импортировались из районов Восточного Средиземноморья в Западную Европу. Даже на юге СССР, в частности на Кавказе, в могильниках древнеямной и катакомбной культур, а также в курганах под Нальчиком, у Константиновки, на Цалке, в с. Усатове, на Дону и в других местах зафиксированы находки пастовых бус.

Массовое распространение различных стеклянных и пастовых украшений, особенно многоцветных бус, начинается на Кавказе в послеурартское время (примерно с VI в. до н. э.), очевидно, не без влияния тех исторических событий, которые произошли в это время в Передней Азии; они изменили старые направления международных связей и определили новые пути взаимоотношений народов.

Подобных украшений много как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. Они были известны еще из старых раскопок, но особенно число находок изделий из цветного стекла увеличилось за советский период, кагда в ряде районов Кавказа были предприняты крупные полевые археологические исследования не только центральными, но и местными академиями наук и другими научными учреждениями.

Еще в конце XIX в. в сел. Казбеги (на Военно-Грузинской дороге) были найдены три крупных многоцветных бусины с лицевыми изображениями так называемые Maskenperlen [61]. Позднее несколько таких бус вместе с более многочисленными стеклянными цветными бусами были обнаружены в различных районах Восточного и Северного Причерноморья, вплоть до курганов у г. Воронежа [62]. Особенно много было найдено «глазчатых» бус. Б. А. Куфтин при раскопках могил VI—V вв. до н. э. в ряде пунктов Западной Грузии и Южной Осетии находил сотнями стеклянные и пастовые многоцветные бусы. Замечательной находкой из его раскопок каменных ящиков в сел. Кущи (в Триалети) является черный стеклянный флакон с рельефной поверхностью (или, возможно, рукоять для легкого опахала), найденный вместе со стеклянными и пастовыми бусами VII—VI вв. до н. э. [63]

Близ сел. Геби (в Западной Грузии) грузинский археолог Г. Ф. Гобеджишвили раскопал большой могильник начала I тысячелетия до н. э. В могилах найдено большое число различных по цвету, форме и размерам многоцветных бус, а также

---

[59] Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья. М.— Л., 1958, стр. 128.

[60] I. F. S. Stone and L. C. Thomas. The use and distribution of Faience in the Ancient East und Prehistorice Europe. «Proceedings of the Prehistoric Society», vol. XXII. London, 1956, p. 54—57, fig. 3.

[61] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 372.

[62] С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII. 1946, стр. 15, рис. 2, 5.

[63] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 9, рис. 2.

19 древнеегипетских скарабеев из голубой пасты VI в. до н. э. [64] Подобные же скарабеи еще раньше были известны и по другую сторону Кавказского хребта, в Кабарде и Балкарии.

Наконец, огромное количество различных стеклянных и пастовых многоцветных бус, в том числе лицевых (Maskenperlen) и так называемых бородавчатых, было недавно обнаружено при исследовании Лугового могильника VI—V вв. до н. э. близ сел. Мужичи в Ассинском ущелье Чечено-Ингушской АССР (табл. XVI) [65].

Вместе с многочисленными случайными находками и экземплярами из раскопок в других пунктах Кавказа общее число подобных бус в настоящее время исчисляется уже тысячами и, естественно, требует объяснения.

При всем желании их нельзя признать продукцией местного производства. Изготовление подобных украшений требовало давней выработки высоких технических навыков, которыми не обладали тогда местные племена Кавказа. У нас нет абсолютно никаких оснований считать местным такое сложное производство, как изготовление стекла. Уровень местного производства Кавказа в то время был несравненно ниже производственных возможностей городских центров стран Древнего Востока.

Рядом европейских исследователей (Киза, Нейбург и др.) [66] давно установлено, что родиной изготовления подобных украшений являлись такие прославленные в древности ремесленные центры Восточного Средиземноморья, как финикийские города Тир и Сидон и египетские — Фивы, Мемфис, а позднее Александрия и Навкратис.

Раньше предполагалось, что синие и вообще темных цветов бусы различных форм, в том числе рифленые, изготовлялись в финикийских производственных центрах (в городах Тире и Сидоне), а многоцветные, так называемые бородавчатые и глазчатые, в Египте (в Фивах, Мемфисе и других городах) [67]. Полученные нами консультации у специалистов Бейрута и Дамаска во время нашей научной командировки в Ливан в ноябре 1957 г. этого не подтвердили. Оказывается, глазчатые бусы изготавлялись и в финикийских городах [68].

Известно, что египетские и особенно финикийские изделия из фаянса и стекла пользовались большой популярностью и получили широкое распространение не только в таких финикийских колониях, как Карфаген, но по всему Западному Средиземноморью, вплоть до Испании и по всей Западной Европе. Большим спросом эти украшения пользовались и у населения Кавказа.

---

[64] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в советской Грузии (на груз. яз.). Тбилиси, 1953, табл. XLII.

[65] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 160.

[66] Anton Kisa. Das Glas in Altertume. Leipzig, 1908; Frederic Neuburg. Glass in Antiquity. London, 1949.

[67] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 374.

[68] A Guide to the Archaeological Collections in the University Museum. American University of Beirut. Lebanon, 1951, табл. XXI, 7.

Сама топография массовых находок древнейших украшений этого рода, отмеченных в основном в районах Западного и Центрального Кавказа и относящихся к эпохе, предшествующей основанию на восточночерноморском побережье греческих городов-колоний, указывает на направление далеких связей Кавказа с государствами Восточного Средиземноморья, осуществлявшихся морским путем. Но еще более вероятно, что импорт этих украшений на Северный Кавказ в порядке обмена и в других формах мог осуществляться сухопутными дорогами через легендарную Колхиду, воспетую еще в древнегреческих мифах об аргонавтах.

В эллинистический же и римский периоды стеклянная продукция древнесирийских, финикийских и египетских городских центров распространялась в районах Северного Причерноморья и Кавказа уже через посредство греческих колоний.

Указанные находки импортных предметов личного быта и украшения являются ценными источниками, освещающими важный вопрос о древнейших связях юга нашей страны и Кавказа со странами Ближнего Востока, в частности с Сирией, Финикией и Египтом.

Если мы вспомним свидетельство Геродота о том, что скифы доходили даже до финикийского города Аскалона и вели переговоры с египетским фараоном Псамметихом почти на границе с Египтом, если мы допустим участие в столь дальних походах представителей и северо-кавказских племен, то нам не должны казаться странными и трудно объяснимыми многочисленные находки (легко хранимых и переносимых) импортных украшений, ценностей и оружия, сделанные в районах Северо-Кавказского края, в частности, и в срединной части Северного Кавказа.

Но отдельные районы Северного Кавказа сами были поставщиками металлического сырья и посредниками между Закавказьем и всем Древним Востоком, с одной стороны, и районами юго-восточной Европы, с другой.

В одной из своих работ А. А. Иессен [69] пришел к заключению, что значительная часть металлических вещей, находимых в раннескифских курганах Северного Причерноморья, происходит только из Прикубанья. Относительно некоторых типов бронзовых украшений, конской сбруи, наверший, удил и псалий он утверждает это категорически. Сейчас нам представляется возможным намечаемую область древнего экспорта кавказских вещей на северо-запад несколько расширить к востоку, включив в нее и нагорные районы Центрального Кавказа, откуда именно со времени киммерийско-скифских походов через Кавказ в Переднюю Азию и стали широко распространяться бронзовые изделия, доходившие до Киевщины и Херсонщины. Снова вспомним такие находки на Украине, как специфические кавказские бронзовые сосуды с звероподобными ручками, как образцы переднеазиатского, вернее урартского, прикладного искусства в Мельгуновском и Келермесском курганах начала VI в. до н. э. [70]; вспомним разные формы бронзовых бляшек в виде лунниц и другие явно кавказские предметы на Украине. С их учетом станет еще более очевидной значительная роль не только Прикубанья, но и всей срединной части

[69] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 42.

[70] Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 255; М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954, стр. 205

Северного Кавказа как промежуточного звена, связывающего древние культуры степного и лесостепного юга с культурами Закавказья и всего Древнего Востока.

В своих последних работах, посвященных доскифской культуре в лесостепных районах правобережья Днепра, А. И. Тереножкин на ряде убедительных сопоставлений с памятниками Северного Кавказа (Каменномостский могильник и др.) уточнил датировку местной «чернолесской» культуры Приднепровья (VIII—VII вв. до н. э.) и показал степень оживленных сношений между этими удаленными районами [71].

Очевидно, тесным общением нужно объяснять не только кавказские находки в Среднем Поднепровье, но и то обстоятельство, что в синхронных памятниках, например на Змейском поселении в Северной Осетии и на Субботовском городище Украины, в IX—VIII вв. до н. э. начинают изготавливаться одинаковые костяные наконечники стрел (черешковые и втульчатые) и трехдырчатые псалии соответственно бронзовым прототипам этих вещей, появившимся в раннескифский период [72]. Признание живых связей между Северным Кавказом и Украиной в раннежелезный век наглядно отражено и в сводном труде, недавно опубликованном Институтом археологии АН Украинской ССР [73].

Большая роль в осуществлении этих связей справедливо отводится скифам. Соприкасаясь со многими народами и племенами древнего мира, иногда разрушая целые государства, скифы одновременно сыграли свою роль в формировании своеобразных культур многих областей нашего отечества, в частности и Кавказа. Достаточно указать на факты взаимосвязей скифских племен с синдами [74], непосредственно участвовавшими в сложении адыго-кабардинского этнического массива, чтобы понять все значение скифской проблемы для истории Северного Кавказа.

Пусть пребывание скифов на Северном Кавказе во время их походов в Закавказье и в Малую Азию было спорадическим и кратковременным, но оно запечатлелось в местных памятниках материальной культуры и раньше всего в предметах вооружения, поскольку скифы располагали совершенными по тем временам орудиями войны.

Кроме того, очевидно, не случайно на период господства скифов и их культуры на широкой территории юго-восточной Европы и Северного Кавказа приходится широкое распространение изделий из самого совершенного металла — железа. Одними из активных распространителей железа, хотя бы в военной технике того времени, конечно, были и скифы.

Говоря о Северном Кавказе и о значении его связей со Скифией, мы должны иметь в виду и еще один важный результат этих взаимоотношений. Начиная с VIII—VII вв. до н. э. последовательное включение в кавказскую этническую (иберийско-

---

[71] А. И. Тереножкин. Памятники предскифского периода на Украине. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 12; его же. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 59.

[72] А. И. Тереножкин. Об этнической принадлежности степных племен Северного Причерноморья. СА, XXIV, 1955, стр. 18, рис. 6, № 4—6.

[73] Нариси стародавньої історії Укр. ССР. Київ, 1957, стр. 122 и сл.

[74] В. И. Мошинская. О государстве синдов. ВДИ, № 3, 1946, стр. 204.

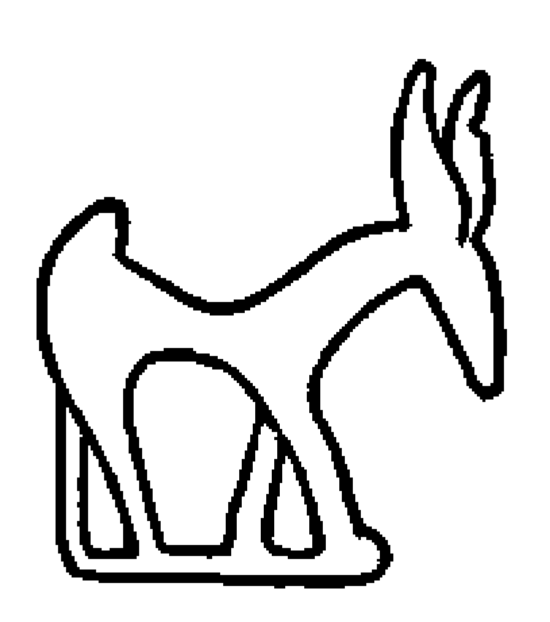
кавказскую языковую) среду вначале киммерийских, затем скифских (ираноязычных) элементов определило, как это можно видеть по лингвистическим данным, значительную ассимиляцию разноязычной местной среды и положило начало формированию в центральной части Северного Кавказа алано-осской народности.

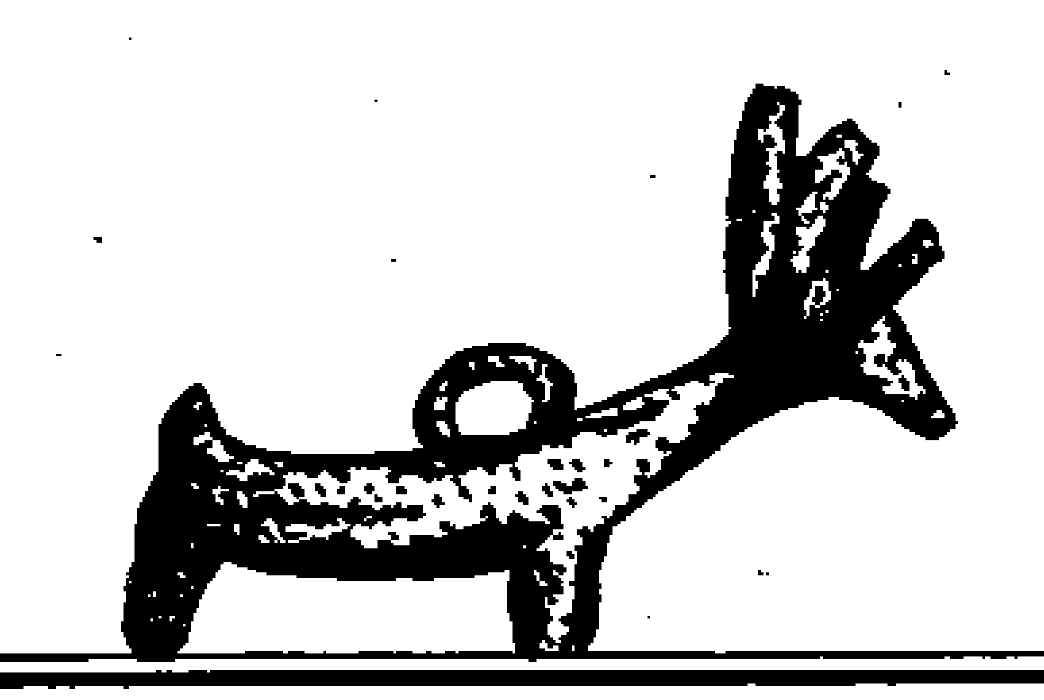
Известное скептическое отношение к признанию значимости взаимодействий скифской культуры и культуры Северного Кавказа, проявлявшееся в недавнее время в работах ряда специалистов-скифологов, ныне успешно развеивается под напором новых и количественно все возрастающих фактов, доказывающих определенное воздействие скифов на развитие материальной и даже духовной культуры племен центрального Кавказа.

Ниже мы будем иметь случай остановиться на этом подробнее. Здесь же уместно будет подчеркнуть, что прослеженное нами постепенное проникновение на Кавказ киммеро-скифо-савроматских культурных элементов еще более втянуло в международные события тех времен аборигенное население Северного Кавказа и теснее связало древнюю историю всего Кавказа как со всемирной, так и со всей нашей отечественной историей.

Сейчас становится совершенно очевидным, что по сравнению со всеми предшествующими эпохами именно в скифский период история Кавказа и особенно Северного Кавказа оказывается наиболее связанной с древней историей основных районов нашей Родины (Украины, Подонья, Поволжья).

Таков главный вывод, который можно сделать, в свете последних показаний археологических материалов, освещающих межплеменные и международные связи населения Северного Кавказа в раннежелезный век.

Глава 9

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ПЕРВОБЫТНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Характеризуя духовную культуру племен срединной части Северного Кавказа раннежелезного века, следует помнить, что в это время, несмотря на определенные и в некотором смысле весьма значительные успехи в развитии производительных сил, люди все еще были бессильны в борьбе с мощными силами природы.

Поэтому все непонятные природные явления (а их было очень много и все они требовали объяснения), как, например, смена дня и ночи, гроза, болезни, стихийные бедствия и другие вполне естественные природные факты и явления, как и прежде объяснялись вмешательством сверхъестественных существ или божеств, якобы управлявших судьбами людей. Такое объяснение природных явлений сохранилось у народов Северного Кавказа, судя по различным преданиям и легендам, а также нартскому героическому эпосу, вплоть до недавнего прошлого. Эти древнейшие представления были характерны и для раннежелезного века.

Из всеобщей истории и истории первобытного общества известно, что сама потребность в объяснении ряда таких природных явлений, как рождение, смерть и др., еще на самых ранних ступенях человеческой истории привела к зарождению первобытной религии. «Религия,— по определению Ф. Энгельса,— возникла в самые первобытные времена из самых темных первобытных представлений людей о своей собственной и внешней природе» [1].

Таким образом, религия возникла в условиях примитивного существования человечества на почве полного бессилия древних людей в их борьбе с природой и

[1] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 673.

является не чем иным, как фантастическим отражением в представлениях первобытных людей внешних сил, господствующих над ними [2].

С полной уверенностью можно полагать, что и в изучаемое время существовало давно установившееся представление о «душе», о «стране мертвых», о «земле предков», где умерший сородич-предок якобы будет вести такую же жизнь, какую он вел на земле. Поэтому теперь, как и раньше, в могилу вместе с умершим клали его орудия труда, оружие, украшения и другие предметы быта и даже запасы пищи и питья. Разнообразный состав мужских и женских могильных инвентарей, включавших и разнообъемную глиняную посуду, известный по таким могильникам этой поры, как Каменномостский, Кобанский, Моздокский, Нестеровский, Луговой, у сел. Исти-су и др., служат достаточно хорошей иллюстрацией этого положения.

Многочисленными примерами доказывается наличие у северокавказских племен раннежелезного века культа мертвых и культа предков. Само возникновение родовых могильников говорит о том, что оставившие их люди безусловно верили в бессмертие своих покойников — сочленов родоплеменных общин. Заботясь о них и даже боясь их гнева, они и хоронили умерших вместе с их вещами по давно выработанному ритуалу. Конечно культ предков создавался начиная с еще более ранних времен; он был очень характерен для изучаемой поры и дожил у народов всего Кавказа почти до современности.

Отличным показателем живучести в местной среде архаического культа умерших предков является популярное на Северном Кавказе сказание о герое нартского эпоса Сослане («Сослан в стране мертвых»), в котором рисуется загробный мир отнюдь не похожий на райский Эдем [3].

Для полноты характеристики религиозных представлений местного общества этой поры необходимо хотя бы кратко остановиться и на таких более ранних формах первобытной религии, как производственная магия, тотемизм и анимизм, существовавших, очевидно, и в это время.

Для идеологических воззрений этого периода характерными остаются старые, но теперь уже более сложные религиозные представления: одухотворение сил природы, многочисленные и разнообразные культы, связанные не только с предками — покровителями домашнего очага, но и со всеми видами производственной деятельности населения — с охотой, земледелием (культ плодородия), с домашними ремеслами и, прежде всего с металлургией меди и железа. В основе всех этих культов лежат как более древние, тотемистические представления, так и новые, присущие уже новым формам общественной жизни.

Богатейший археологический и этнографический материал всего Кавказа позволяет и к этому времени относить наличие верований в различных духов — добрых и злых, существование различных родовых божеств — предков (тотемов) иногда в виде птиц и животных, различных покровителей домашнего очага, покровителей охоты, урожая, металлургии и т. д.

---

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 322.

[3] «Осетинские нартские сказания». Дзауджикау, 1948, стр. XXVII.

Например, в черкесо-кабардинском эпосе известно сказание о боге зла Пако, похитившем огонь у народов земли и у божеств — покровителей людей [4]. Лучшие герои осетинского эпоса Сослан, Батрадз и Ацамаз в трудные минуты советуются со своими конями, а белый конь Батрадза наделен особой мудростью. Ласточка и голубь — символы чистоты [5], а ястреб — является добрым вестником и т. д. [6]

Но прежде всего рассмотрим те основные материалы, которые будут служить нам главными источниками для освещения древних религиозных представлений и духовной культуры изучаемого общества. Это прежде всего могильники, или древние родовые кладбища. Могильники дают основания для суждения об особенностях существовавших погребальных обрядов, о культе мертвых и о культе предков; они же содержат и наибольшее количество вещественных источников, по которым можно судить как о материальной, так и о духовной культуре того времени.

Из предыдущих глав (IV, V) мы уже знаем, что несмотря на определенное различие форм погребальных сооружений, наблюдаемых в особенности в скифское время, в центральной полосе Северного Кавказа существовала в основном единая материальная культура, свидетельствующая, видимо, об этническом единстве данного общества, относящегося к особой иберийско-кавказской семье языков.

Представители этого общества жили патриархально-родовым строем и хоронили своих умерших сочленов в индивидуальных могилах, гробницах или каменных ящиках. Насколько позволяют судить полевые наблюдения, сделанные во время раскопок могильников, более ранние захоронения, например в кобанских каменных ящиках, являются исключительно одиночными погребениями, в то время как более поздние могилы (скифского времени) иногда содержат и парные и даже коллективные захоронения (например, на Нестеровском и Луговом могильниках).

Мы полагаем, что эти явления нужно ставить в прямую зависимость от изменений, происходивших в развивавшемся патриархальном роде. С течением времени все члены крепнущей парной семьи стали погребаться вместе со своим главой. Так возникли семейные усыпальницы, которые стали характерными не только в период раннего, но и позднего средневековья у всех народов Северного Кавказа.

Заметна также и постепенная стабилизация ориентировки погребенных и их положения в могилах. Если для ранних погребений кобанской культуры были характерны абсолютная неустойчивость ориентировки погребенных и обязательная скорченность костяков, то для второго этапа развития кобанской культуры симптоматичными делаются примеры вытянутого положения скелетов (как на Нестеровском могильнике и Исти-су) [7] и бóльшая выдержанность в ориентировке. А в Луговом могильнике VI—V вв. до н. э. во всех 165 могилах костяки были ориентированы головами только на юго-запад.

---

[4] «Нарты. Кабардинский эпос»., М., 1951, стр. 11.

[5] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930 — 1932 гг. «Известия Ингушского НИИ», т. IV, в. 2, Грозный, 1934—1935, стр. 165.

[6] «Осетинские нартские сказания». Дзауджикау, 1948, стр. XXI.

[7] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1956, стр. 46.

В археологической литературе существует мнение, что иногда ориентировка покойников зависела от направления течения близ протекающей реки [8]. Проверка этого объяснения по наблюдениям над положением погребенных в северокавказских могильниках раннежелезного века не дала положительных результатов; объясняется же это, быть может, тем, что подмеченная закономерность обычна для погребального обряда, выработавшегося у населения, занимающегося рыболовством, чего конечно, никак нельзя утверждать относительно северокавказских племен.

Но если пока с трудом поддаются объяснению факты различной ориентировки по странам света раннекобанских погребений и тенденция к ориентации на восток или северо-восток определенных групп погребенных на Нестеровском могильнике или на юго-восток — на могильнике Исти-су, то строгая выдержанность положения абсолютно всех погребенных на Луговом могильнике (на юго-запад) как будто бы объяснима. Это направление точно ориентирует на расположенный близ могильника горный перевал, ведущий из Ассинского ущелья в плодородную Владикавказскую равнину.

Для всех, кто хоть в какой-то степени знаком с бытом горцев, понятно, какое значение в жизни местного населения имеют удобные горные перевалы, через которые пролегают жизненно важные пути. Именно таким, несомненно, весьма важным для местного населения в древности и был перевал, ведший из лесистого ущелья р. Ассы на запад. Очень возможно, что и сами обитатели Ассинского ущелья в скифское время именно через этот перевал попали сюда из западных районов, поскольку памятников, прямо предшествующих Луговому могильнику и поселению, мы здесь не знаем, а предполагать генетическое родство местной культуры скифского времени с более ранней — кобанской, заставляет сам могильный инвентарь.

Так или иначе перевал являлся каким-то древним ориентиром для местного населения при погребении своих сочленов на родовом кладбище, ибо повторяем, все погребенные, лежа на правом, реже на левом боку, головами были ориентированы на юго-запад — на перевал. Вполне допустимо, что в древности перевал являлся каким-нибудь культовым местом. Там могло находиться святилище или языческое капище, а также священные камни, какие известны на горных перевалах Кавказа [9]. Возможно также, что в представлении древних обитателей ущелья за перевалом находилась «страна мертвых», или «страна предков».

Наблюдения, произведенные при расчистке погребальных сооружений на Нестеровском, Луговом и других могильниках, где были зарегистрированы каменные кольца, или кромлехи, вокруг могил, наряду с самим вещественным инвентарем (различные подвески в виде кругов и колец), позволяют предполагать существование и в это время солярного культа, культа небесного свода и т. п. [10] Свидетель-

---

[8] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 124; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955, стр. 326.

[9] Г. Ф. Чурсин. Почитание гор, скал и камней у кавказских народов. Бюллетень Кавказского Ист.-арх. института, № 4, Тифлис, 1928, стр. 20.

[10] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 83—85.

ствуя о живучести глубоких традиций в погребальном обряде, идущих еще от северокавказской культуры эпохи бронзы, кромлехи, вместе с тем говорят и об устойчивости в быту древних горцев таких древнейших культов, как солярный. Участившиеся погребения под курганными насыпями также, возможно, объясняются существованием в это время солярных культов.

О давнем распространении культа солнца на соседних с Северным Кавказом территориях мы знаем из свидетельств древних авторов. Так, Страбон, описывая жителей Кавказской Албании (Восточное Закавказье), сообщает: «В качестве богов чтут они Солнце, Зевса и Луну, в особенности же Луну. Есть и святилище ее недалеко от Иберии. Жрецом служит наиболее уважаемое после царя лицо, стоящее во главе управления священной землей, обширной и хорошо населенной, а также во главе служителей храма» [11]. Поклоняясь солнцу и луне и справляя религиозные обряды, албаны сопровождали их жертвоприношениями [12]. Из этнографии Кавказа известно, что культ солнца когда-то существовал у многих народов Кавказа —у осетин, у сванов [13] и др. У хевсуров, например, круг имеет магическое значение. Если круг быстро очертить, то за его пределы якобы не смогут выйти недруги. На праздничных пиршествах горцы садятся в круг. А у сванов мужчины оплакивают покойника только стоя по кругу [14].

Загробная жизнь умерших на этой стадии социально-экономического развития по-прежнему представлялась аборигенам продолжением жизни на земле. Этим объясняется столь устойчивый погребальный обряд в каждом отдельном районе края, всюду требовавший и захоронения вместе с покойником необходимых орудий труда и быта с заупокойной пищей и питьем и обязательности совершения тризны, что неоднократно было отмечено при исследовании могильников. Именно вера в реальность загробной жизни и породила ряд погребальных церемоний, в частности сооружение каменных гробниц, опускание умершего в вырытую могилу, засыпку могилы, завал могил булыжником или каменной плитой (чтобы покойник не вышел из могилы) и т. д. Наконец, и в это время, как и позднее, вплоть до современности, продолжается практика поминок в виде заупокойной трапезы или раздачи пищи.

Культ природы возник в местной среде, как и повсюду [15], в еще более отдаленную эпоху. Его возникновение вызвано необъяснимостью ряда природных явлений и страхом перед ними. Наряду с этим у людей возникает и стремление воздействовать на природу, и человек приписывает себе такую возможность. Но эта возможность может быть реализована, по представлению древних, только в том случае, если наделить природу, в частности и неодушевленные предметы, свойствами и способностями человека, т. е. верить, что природа живет абсолютно такой же жизнью, как и человек.

---

[11] Страбон, кн. XI, гл. VI, 7.

[12] «История Азербайджана», т. I. Баку, 1958, стр. 57; З. И. Ямпольский. О размерах храмовой собственности в древней Кавказской Албании. ДАН Азерб. ССР, 1955, № 12.

[13] В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 256.

[14] В. В. Бардавелидзе и Г. Читая. Хевсурский орнамент. Тбилиси, 1939, стр. 54—55.

[15] «Народы Передней Азии». М., 1957, стр. 237.

В науке о первобытном обществе совокупность таких представлений об одухотворении природы получила название анимизма (от латинского слова anima — «душа»)[16]. Если учесть многочисленные факты, известные из поздней истории и этнографии народов Кавказа (также и Северного), свидетельствующие о попытках магического воздействия человека на природу, о наличии священных камней, родников, рощ, деревьев и пр., резонно будет принять, что все эти поверья в одухотворенность предметов существовали у местного населения уже и в период раннего железного века. Известно, например, что самая популярная героиня северокавказского нартского эпоса — мудрейшая Шатана обладала способностью воздействовать на природу. Она якобы могла вызывать дождь и снег, понимала язык птиц, управляла ими и т. д. В Осетии имеется ряд священных и почитаемых камней, урочищ, рощ, священных деревьев, свидетельствующих о живучести культа природы и растений[17]. У чеченцев и ингушей дикая груша считается священным деревом и обязательно оставляется нетронутой при рубке леса. У ряда грузинских племен отдельные деревья, например чинара, были объектами особого почитания[18].

Кавказоведы знают, насколько широко в ряде районов Азербайджана еще недавно практиковались древние обычаи приношения священным деревьям (пи́ры) металлических фигурок или изображений больных частей тела животных и человека и даже лоскутков материи. Иногда это делалось и в ожидании благополучного возвращения близких родных из дальних или опасных путешествий или в надежде на удачу, на исцеление от бесплодия и т. п. Изучавший пи́ры Азербайджана И. И. Мещанинов совершенно верно усмотрел в связанных с ними обычаях следы очень древнего мышления — глубокий пережиток, сохранившийся почти до наших дней[19].

Немало примеров былого одухотворения природы содержится в нартском эпосе народов Северного Кавказа. Ярким примером такого рода является рождение легендарного героя Сосруко от камня; отсюда и имя «Сосруко», что значит «сын камня»[20]. У осетин есть сказание о дочери солнца — Хорческу и дочери луны — Мысырхан. В другом сказании герой эпоса Ацамаз оживляет природу, приводит в движение горы и леса, зачаровывает зверей и птиц. Последние наделены даром речи и мудростью[21].

Если учесть поразительную живучесть в кавказском фольклоре ряда глубоко архаических черт, объяснявшуюся, очевидно, большой устойчивостью этнической среды, станет несомненным, что анимистические представления также являлись составным компонентом первобытной идеологии обитателей Северного Кавказа в раннежелезном веке.

Другим важным слагаемым религиозных представлений того общества, несомненно, была более сложная форма древней идеологии, получившая название тотемизма (от слова totem — его род). Тотемизм — это вера в обязательную связь человека

---

[16] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, стр. 142.

[17] Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии. «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. XII. Дзауджикау, 1948, стр. 124.

[18] В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования..., стр. 105, 246.

[19] И. И. Мещанинов. Пи́ры Азербайджана. ИГАИМК, т. IX, вып. 4, 1935, стр. 14.

[20] «Нарты. Кабардинский эпос». М., 1951, стр. 26.

[21] «Осетинские нартские сказания», Дзауджикау, 1948, стр. XIX.

с каким-либо животным (чаще всего) или растением, иногда даже с неодушевленным предметом и даже явлением природы [22].

Известно, что тотемизм возникает вместе с возникновением родовой организации. Следовательно, как и анимизм, это — очень древнее явление. Но коль скоро в изучаемый период еще существует родовое общество, тотемические представления проявляются у членов патриархальных родовых групп в качестве пережитков.

Вероятно не случайно именно в кобанской культуре, на раннем и позднем этапах ее развития изготовляется большое количество всевозможных бронзовых фигурок в виде тура, медведя, кабана, оленя, птицы, быка, собаки, коня и т. д., большинство из которых могли быть тотемами определенных родовых общин.

Что кабан или олень сыздавна могли быть тотемами в местной племенной среде подтверждается, может быть, находками в погребениях нальчикского неолитического могильника различных поделок из клыков кабана и зубов оленя, а также находкой в одной из могил кабаньего клыка с выгравированными на нем двумя змеями [23]. В пользу утверждения, что кабан был древним тотемом местного родового общества свидетельствует и лингвистический анализ этого термина, произведенный Н. Я. Марром по сравнительным данным языков народов Кавказа. Так было установлено, что мегрельское «кер», или «дер», и сванское «кер» означает не только «кабан», но и «божество», «святыню».

В этой связи кажутся особенно знаменательными бронзовые подвески в виде литых кабаньих клыков, также украшенных змеями, в составе знаменитого казбекского клада VI—V вв. до н. э. [24], который теперь после дополнительных полевых разысканий на месте находки клада, произведенных А. П. Кругловым [25], может рассматриваться как собрание культовых вещей, зарытых на месте древнего языческого капища. Входившие в состав клада изображения бронзовых гигантских оленей, кабаньих клыков, конских голов и фаллических человеческих фигурок на цепях теперь нами воспринимаются как приношения отдельных родов своему главному божеству, покровителю плодородия — каменному барану, капище которого некогда существовало у станции Казбеги на Военно-Грузинской дороге.

Такое же медное изображение барана когда-то находилось на площади сел. Дергавс в Северной Осетии и также доказывало наличие культа барана в Северной Осетии [26]. Что олень некогда был связан с культовыми отправлениями, доказывается находкой бронзовой фигурки оленя кобанского типа (с петлей для подвешивания на цепи), обнаруженной Л. П. Семеновым в 1927 г. в средневековом ингушском святилище, у сел. Джерах на р. Арм-хи [27].

---

[22] М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 143.

[23] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, 1941, стр. 91, табл. 38.

[24] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 142, Табл. LXXI: A. M. Tallgren. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 121.

[25] А. П. Круглов. Археологические работы на реке Терек. СА, III, 1937, стр. 248.

[26] Там же, та же стр.

[27] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в 1925—1927 гг. «Известия Ингушского НИИ», вып. I, Владикавказ, 1928, стр. 194.

Как известно, олень был почти у всех народов древности одним из наиболее почитаемых животных.

Культ коня также был широко распространен в северокавказской среде. Он отражен не только в многочисленных фигурках кобанской культуры, но и в различных предметах конского снаряжения, находимых в могилах и в местах конских захоронений, восходящих к аланской эпохе [28]. Погребальный обряд, связанный с умерщвлением коня, сопровождавшийся «посвящением коня», бытовал у многих народов как Северного Кавказа, так и Закавказья — у осетин, черкесов, у хевсуров, абхазцев, мингрельцев и др. Почитание коня нашло свой отзвук и в нартском эпосе народов Кавказа. Так, например, в одном осетинском сказании говорится, что Урызмаг вывел из склепа старшего из коней мира — Арфана [29], в другом, что «Уастырджи впустил в склеп Шатаны своего коня» [30]. Культ коня, явно восходящий к тотемическим представлениям далекого прошлого, нашел свое отражение в специальной молитве, произносимой при совершении обряда «посвящения коня» умершему.

При выполнении этого обряда вдова отрезала свою косу и клала ее на грудь мужа. Коню умершего надрезали ухо или совсем отрезали кончик уха [31]. Несомненно с давних пор сохранился обычай выставлять на изгороди конский череп, особенно на пчельниках «от дурного глаза».

Существует множество свидетельств древнего и довольно широкого почитания у народов Кавказа различных как домашних, так и диких животных и птиц, например, волка, являющегося олицетворением храбрости, удода — вестника весны и др.[32]

Совершенно ясно, что это почитание, сохранившееся, судя по нартскому эпосу и этнографическим данным, до сравнительно позднего времени, ведет свое начало от более древних времен, когда эти животные могли быть еще тотемами отдельных родов древнего населения края. Из осетинских нартских сказаний мы, например, знаем, что тот же Урызмаг из того же склепа вывел не только коня Арфана, но и самую старшую из собак мира — Силам, а собака Силам «была такой, что не давала пролететь даже птице над страной нартов» [33].

Древние тотемистические воззрения далеких предков народов Северного Кавказа оставили ясные следы в нартском эпосе осетин. Так, например, само имя родоначальника нартов Уархага, как показывает лингвистический анализ, означало «волк» [34]. Для закалки нарта Сослана купают в волчьем молоке; перед боем с Тотрадзем Сослан одевается в волчьи шкуры и т. д.

У ряда народов Кавказа (у абхазцев, армян, грузин и др.) мифические собаки представляются в качестве добрых гениев. А по убеждению хевсур недавнего прош-

---

[28] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в 1925—1927 гг. «Известия Ингушского НИИ», вып. I, Владикавказ, 1928, стр. 87.

[29] Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948, стр. XX.

[30] Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 86.

[31] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930—1932 гг. «Известия Ингушского НИИ», т. IV, вып. В. Грозный, 1934—1935, стр. 167.

[32] Там же, стр. 165—166.

[33] «Осетинские нартские сказания», стр. XX.

[34] В. И. Абаев. Нартовский эпос. «Известия Северо-Осетинского НИИ», т. X, ч. 1, 1945, стр. 117.

лого, хевсурам в боях помогали собаки местных божеств, так называемые мтцеварни (податели помощи)[35]. Они зализывали раны пострадавшим. Волкам сваны приписывали сверхъестественные свойства. Убийство волка у сванов было табуировано. Перед случайно убитым волком сван с непокрытой головой становился на колени и оплакивал его как члена своей семьи, просил прощения, а сняв с него шкуру, хоронил его в земле[36]. У ингушей бытовала поговорка «храбр, как волк». Иными словами и на Кавказе наблюдается тот же культ тотемных животных, который некогда господствовал у всех народов, начиная от австралийцев и кончая эвенками Сибири, которые тоже «извинялись» перед убитым медведем[37].

Конечно, далеко не все многочисленные и разнообразные бронзовые изображения животных и птиц, которые известны по кобанским инвентарям, можно интерпретировать как прямое доказательство того, что все эти фигурки служили тотемами в I тысячелетии до н. э. Например, реалистическое изображение в сцене охоты на кобанских булавках — оленей и собак — чисто бытовая охотничья сцена гаевой охоты. Но, судя по обильному сравнительному материалу и данным кавказской этнографии, большая часть подобного материала, безусловно, связана (хотя бы в своем генезисе) с тотемическими представлениями, ибо трудно иначе объяснить обычай носить и помещать в могилу такое обилие подобных изображений или обычай использовать их как подношения первобытным божествам в культовых местах, который восстанавливается по археологическим данным.

Наконец, третьей формой выражения первобытных религиозных представлений как раньше, так и в изучаемое время была первобытная магия. Магия, это — превратное убеждение первобытного человека в существование определенных таинственных связей и взаимовлияний между природой и человеком, осуществляемых с применением соответствующих средств и приемов[38]. Совокупность применения определенных магических средств и специфических приемов и выражает сущность колдовства и шаманства, возникшего, конечно, опять-таки на базе непонимания сил природы и желания воздействовать на нее. Магия возникла в далеком прошлом, но, безусловно, широко практиковалась и в изучаемый нами период раннежелезного века.

Данные по истории первобытной культуры приводят к выводу о том, что применявшиеся первобытными колдунами магические действия, часто сопровождавшиеся заклинаниями, заговорами и молитвами, постепенно принимают очень сложные формы и превращаются в разнообразные первобытные культы.

Вот как древний обычай посвящения коня на Кавказе записан Б. Далгатом, одним из лучших знатоков ингушского быта недавнего прошлого: «Потом подводили к могиле коня в полном убранстве и конец узды давали в руки покойнику. Если он не имел своей лошади, то ее ссужали близкие ему люди... Коня три раза обводили

---

[35] В. В. Бардавелидзе. Указ. соч., стр. 48, 52.

[36] Там же, стр. 243.

[37] Б. В. Васильев. Медвежий праздник. СЭ, 1948, № 4, стр. 78; С. В. Иванов. Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита. СЭ, 1934, № 4, стр. 90.

[38] М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 144.

вокруг могилы, причем один из стариков читал молитву, посвящая коня покойнику; затем коню отрезали правое ухо и бросали в могилу»[39].

Подобный же обряд посвящения коня бытовал и у осетин и у других народов Кавказа.

Можно думать, что в рассматриваемый нами период из родовой организации уже окончательно выделились особые лица, являющиеся якобы посредниками между людьми и грозными силами природы. Эти лица — отправители разных первобытных культов и церемоний перед охотой, севом, сенокосом, жатвой и т. д. — жрецы, шаманы, знахари и колдуны. Постепенно они становились и посредниками между людьми и воображаемыми духами добра и зла, оставаясь членами родовой общины.

Одни из них занимались гаданием, руководствуясь разными приметами. Другие совершали моления перед охотой, когда охота еще носила более широкий характер, перед выгоном скота на пастбища, перед севом. То же самое проделывалось и после особенно удачной охоты, после сбора урожая, иногда в сопровождении сложных церемоний и массовых жертвоприношений животных. Кавказская этнография дает тому много примеров[40]. У черкесов, например во время сенокоса справлялся особый праздник, при участии стариков-жрецов, знавших старинные обряды[41].

Подтверждением многовекового поддержания обычая массовых жертвоприношений на Северном Кавказе (вплоть до сравнительно недавнего прошлого) служат не только святилища,заполненные черепами, рогами диких животных и предметами быта (святилища Дигории «Бахайтерах»[42] или огромная пещера «Моргилагат» у сел. Задалеск)[43], но и прославленное, более древнее осетинское капище «Реком». Специальным исследованием этого святилища в связи с его реставрацией, произведенной Е. Г. Пчелиной и И. П. Щеблыкиным[44], было доказано бытование этого святилища, как культового места еще с эпохи Кобана. Входившие в состав собранной здесь коллекции многочисленные фигурки животных и птиц кобанского типа вдвойне важны и потому, что они доказывают начало функционирования этого места как святилища с кобанского периода местной истории, и потому, что их состав еще раз убеждает в их связи с древними тотемами (табл. LII).

Наконец, уже упоминавшийся нами знаменитый Казбекский клад, прямо относящийся ко времени позднего Кобана (судя по характеру большинства предметов)[45], в данном аспекте особенно примечателен. Как известно, он был обвязан цепями и зарыт в сел. Казбеги. Наличие в этом пункте статуи каменного барана, связанного с культом плодородия, позволяет правильнее понять самый факт появления клада вещей явно культового происхождения. Можно предполагать, что в минуту большой

---

[39] Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев. Владикавказ, 1928, стр. 66.

[40] Г. В. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, стр. 162 сл.

[41] История Кабарды. М., 1958, стр. 34.

[42] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 235, табл. С.

[43] Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ 1940 г. Архив ИИМК.

[44] Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии. «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. XII. Дзауджикау, 1948, стр. 104—105.

[45] A. M. Tallgren. Caucasian Monuments. ESA, V, Helsinki, 1930.

опасности древний жрец, обслуживающий местное капище, собрал все ценные приношения, связал их и спрятал в землю.

Но как в средневековье, так и в древности в святилище приносили не только литые фигурки или кости животных, связанных с тотемическими представлениями местного общества. Северокавказская археология знает и человеческие фигурки, чаще статуэтки фаллического характера и фигурки отдельных частей тела: руки, ноги и т. д. [46] Почти все они имеют петли для подвешивания.

И если фаллические статуэтки обычно вполне логично связываются как символы плодородия с фаллическими культами, культами плодородия [47], то этого нельзя сказать о других фигурках и особенно изображениях частей тела.

Несомненный интерес представляет часто встречающееся на Кавказе изображение руки в виде литых кобанских привесок в древней петрографике, в росписях, а также в виде оттисков на стенах средневековых склепов [48]. Изображение руки имеет на Кавказе (да и не только на Кавказе) широкий хронологический диапазон и интерпретируется по-разному. В Дагестане, например, знак руки воспринимается как охранительный жест от всякой нечисти и зла [49]. У хевсуров кисть руки это символ власти, крепости, силы. Обычай требовал от хевсура отрезать у кровника кисть правой руки и в качестве трофея прибить к стене своего дома [50]. Аналогичный обычай известен и у тушин. Почти такой же мотив встречается и в нартском эпосе осетин; в одном сказании о Батразе говорится, что мстя за убийство своего отца Хамыца, Батраз отрубил убийце Сайнагу голову и правую руку [51]. Известно, что и у скифов отрубленная рука имела значение боевого трофея.

Но такие трофеи или вотивные изображения не кладут в могилу и не приносят в святилища, что наблюдается в древней кавказской среде. Очевидно, эти привески в виде амулетов требуют другого объяснения.

Всем, кто знаком с христианским бытом народов Кавказа и особенно Северного Кавказа недавнего прошлого (осетин, черкесов, кабардинцев и др.), известно, что особенно во время так называемых престольных праздников у икон не только устанавливаются горящие свечи, но подвешиваются литые человеческие фигурки или части тела из меди и серебра. Они являются символами больного тела, приношения их сопровождаются молениями о выздоровлении болящих или о заживлении больных частей тела: головы, руки, ноги, зуба и т. д.

Несомненно, этот обычай ведет свое происхождение от более древних времен, уходящих в конец бронзового века и в раннежелезный век, когда древние жители Северного Кавказа — носители кобанской культуры — также отливали из бронзы подобные фигурки человека или части его больного тела и вместе с молитвами об-

---

[46] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. 140 сл.

[47] Г. Ф. Чурсин. Указ. соч., стр. 168.

[48] Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 124.

[49] В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 152.

[50] В. Бардавелидзе и Г. Читая. Хевсурский орнамент. Тбилиси, 1939, стр. 52.

[51] «Осетинские нартские сказания», стр. 326.

исцелении, приносили их в жертву в свои древние святилища. Такое объяснение производства и бытования бронзовых кобанских привесок в виде руки, ноги, зуба и целых человеческих статуэток кажется наиболее правдоподобным.

Одновременно подобные же литые фигурки и весь очень разнообразный круг бронзовых подвесок, украшений и предметов быта носителей кобанской культуры, начиная от бронзовых турьих голов и кончая фигурными поясными пряжками, служит отличным показателем уровня развития у местных племен изобразительного искусства, часто имеющего прикладной характер. Так как в вещественных памятниках сохранились преимущественно лишь образцы изобразительного искусства, археологи и историки первобытной культуры имеют возможность как-то осветить именно этот древний вид духовного творчества человечества на разных ступенях его истории.

Не считая нужным касаться здесь всех существующих теорий происхождения первобытного искусства, не являвшегося, по нашему мнению, производным только от религиозных представлений древнейшего человека, а скорее бывшего порождением его сложной трудовой деятельности и связанной с ней первобытной идеологии, соответствовавшей конкретно-исторической обстановке, выскажем свои суждения лишь об изобразительном искусстве северокавказского общества раннежелезного века.

Уже самый характер наших вещественных источников (скульптурные фигурки диких и домашних животных, фаллические мужские статуэтки, фигурки, изображающие материнство, рельефная и графическая орнаментика в виде змей, рыб, фантастических животных, мифологические сцены борьбы человека со змеями и др.), с одной стороны, отражает окружающий человека реальный мир, с другой — указывает на определенную зависимость прикладного искусства того времени от идеологических представлений.

На одних из этих предметов сказались анимистические воззрения их творцов (мифологические сцены борьбы со змеями, следы солнечного культа и др.); другие самым определенным образом отражали веру в тотемы и древние тотемические культы (фигурки животных и птиц); и, наконец, третьи были связаны, очевидно, с магией, в частности с производственной магией и с культом плодородия или домашнего очага и т. д. (фаллические статуэтки, фигурки человека или части тела, приносимые в святилища в качестве вотивов и др.).

Таким образом, мы видим, что содержание изобразительного искусства изучаемого периода полностью оказывается связанным с бытовыми условиями и с существовавшими тогда идеологическими представлениями местного общества. В его конкретных проявлениях нашли отражение природная обстановка, окружавшая древнего человека Северного Кавказа, его трудовая деятельность (сцена гаевой охоты с собаками на оленя и т. д.) и его духовный мир (мифологические сцены змееборца и др.).

Анализируя образцы изучаемого изобразительного искусства, в основе своей имеющего прикладной характер, мы должны будем разделить их на две основные категории, соответствующие двум формам этого искусства: мелкообъемное искусство, или скульптура, и плоское, или графическое, представленное различной орнаментикой. При этом, что касается скульптуры, следует подчеркнуть ее исключительно реалистический характер, свидетельствующий не только об удивительной наблю-

дательности древнего мастера, но и о его совершенном для того времени мастерстве отливки сложных форм в металле.

Обычными были изображения диких и домашних животных, а также птиц. Чаще изображалась вся фигура; реже — только голова. Стиль выполнения строго реалистичен; в пластике более раннего периода он достигал предельной выразительности и монументальности. Имея в виду богатейший сравнительный материал из разных мест Кавказа, мы склонны раннюю стадию северокавказского звериного стиля (воспроизводящего главным образом в металле животных леса, гор и лесостепи) характеризовать как исходную и как древнейший этап местного изобразительного искусства, допуская в его оформлении некоторое влияние южного (луристанского и даже месопотамского) искусства, обогатившего тематику и ускорившего развитие декоративных мотивов.

На втором этапе развития кобанского изобразительного искусства проявляется стремление (и не только в скульптуре) придать больше экспрессии и динамики позам животных, при допущении некоторой условности, схематизма изображения, т. е. тех его черт, которые в зачаточном состоянии, в более ранний период, проявлялись лишь в графике кобанских мастеров. В противоположность известной неподвижности скульптурных фигур более раннего этапа, теперь изображаемые животные полны движения, отлично передаются позы и особенно удачно — поворот головы.

Подобные новшества в стиле исполнения кобанцами изображаемых объектов, не случайно совпадающих с характером знаменитого скифского «звериного стиля» [52], на наш взгляд, и объясняются скифским влиянием, в результате прочно установившегося контакта северокавказских племен со скифами и савроматами. Этот контакт достаточно хорошо может быть проиллюстрирован многочисленными находками образцов скифского «звериного стиля» в памятниках Северного Кавказа VI—V вв. до н. э. (например, по вещам из Кобанского и Лугового могильников, Исти-су, Урус-Мартана и др.)[53].

На этом этапе развития пластического и графического искусства бросается в глаза довольно оригинальное сочетание геометрической орнаментации с изображениями животных, достаточно уже стилизованными, но еще отлично передающими реальные черты, т. е. происходит выработка того образа хищного зверя, который получил столь широкое распространение в скифском искусстве звериного стиля. Лучшими образцами местного искусства этого типа являются некоторые бронзовые поясные пряжки из кобанского могильника Фаскау, пряжки из Исти-су и др.

Здесь мы полностью солидаризируемся с О. А. Артамоновой-Полтавцевой, посвятившей стилистическому анализу пряжек типа Исти-су специальный раздел одной из своих работ[54], в том, что «симметричное геральдическое построение композиции двух зверей по сторонам геометрической фигуры — и по форме, и по смыслу может быть сопоставлено с широким кругом композиций, известных в искусстве Малой и Передней Азии и представляющих животных по сторонам «древа жизни»

---

[52] G. Borovka. Scythian Art. London, 1928.

[53] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XVII, XIX, XX; О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 70.

[54] О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 78.

или по бокам богини «владычицы зверей», т. е. воссоздающих мотив, известный и по зеркалу из Келермесского кургана [55]. Нам только кажется, что все перечисленные образцы, особенно пряжки типа Исти-су, являются лишь поздним отражением в местном искусстве более ранних и более действенных культурных импульсов, идущих от переднеазиатского искусства. Это уже время контакта со скифской культурой.

Если же вспомнить, что связи Кавказа со Скифией рисуются теперь в свете новых данных как более глубокие и действенные, уходящие по существу еще в предскифский период [56], нельзя не признать давно напрашивающегося заключения о том, что в такой законченной и яркой форме определившийся скифский звериный стиль впитал в себя, наряду с уральскими [57], сибирскими [58] и другими, элементы звериного стиля кобанской культуры. Особенно в этом убеждает изобразительный тип оленя, столь излюбленный в скифском зверином стиле, известный и в кобанских памятниках Северного Кавказа, например на бронзовой пластинчатой пряжке из галиатского могильника Фаскау [59]. Ведь он не случайно близок изображению оленя на золотой бляхе из кургана у станицы Костромской, справедливо считающейся блестящим образцом архаического скифского искусства [60]. Еще ближе он оленю на золотой пластинке из Келермеса (V в. до н. э.). Ведь еще и предшественники скифов были знакомы с образцами кавказского звериного стиля, о чем мы можем судить по находкам на Украине бронзовых сосудов со звероподобными ручками, бронзовых поясов, украшенных зооморфным орнаментом, по наборам удил и псалий и разным украшениям конской сбруи (в виде лунниц) [61] и другим предметам северокавказского прикладного искусства. Все это вполне укрепляет мнение об известном вкладе северокавказского изобразительного искусства в создание скифского звериного стиля. Следы кавказского стиля прослеживаются как в объемных изображениях, так и в графике, в частности на керамике. Знаменательно, что в последнее время и скифологи начинают признавать значение и важность «сочетания художественных традиций кобанской культуры с чисто скифскими стилистическими приемами», особенно проявившимися в ранних памятниках скифской культуры на Северном Кавказе [62].

Вторая группа кобанского изобразительного искусства особенно богато представлена в графических (плоскостных) изображениях. Здесь явно преобладал бессюжетный (геометрический) орнамент в виде точек, штрихов, ромбов, кружков, зигзагов и других условных изображений, в древности тоже являвшихся определенным

---

[55] М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954, стр. 304—305.

[56] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, стр. 34.

[57] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. «Тр. ГИМ», вып. X, 1940, стр. 97—98.

[58] G. Borovka. Указ. соч., стр. 5.

[59] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XXV.

[60] М. И. Максимова. Ритон из Келермеса. СА, XXV, 1956, стр. 229.

[61] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. Уч. зап. КНИИ, т. V, 1950, рис. 48, 50, 58.

[62] Н. Н. Погребова. К вопросу о скифском зверином стиле. КСИИМК, вып. XXIV, 1950, стр. 139.

символами окружающего человека мира [63]. Из этих элементов (символов) создавались самые причудливые вариации, которыми украшались поясные пряжки, бронзовые топоры, пояса и навершия булавок, а также керамика. Нередко поле, заполненное таким причудливым узором, служило фоном для изображения на нем и животных [64], более богато представленных в мелкообъемном искусстве. Таким образом, животный орнамент также фигурировал в графическом искусстве древних кобанцев. Но здесь животные подвергались гораздо большей стилизаций еще на ранних ступенях развития местного прикладного искусства. Очевидно, это диктовалось не столько самой фактурой материала (бронза, глина, кость), сколько техникой исполнения — путем гравировки или процарапывания и нарезки. Графическое искусство древних кобанцев, это — древнейшее искусство оседлого земледельческо-скотоводческого общества, которое составляли племена Северного Кавказа в раннежелезный век.

Мы уверенно можем сказать, что местные реалистические традиции в изобразительном искусстве Северного Кавказа оказались не менее устойчивыми, чем влияние месопотамской пластики или скифского звериного стиля. Здесь, в то время когда скифское искусство уже прекратилось, продолжают создаваться, наряду с условными и стилизованными изображениями, и такие, в которых древние кавказские мастера довольно удачно передавали реальные формы животных. В широко известных ажурных бронзовых прямоугольных поясных пряжках Кавказа [65], датирующихся, как теперь установлено раскопками в Брили (Западная Грузия), почти рубежом нашей эры [66], и в украшениях аланских племен раннего средневековья прекрасно прослеживается живучесть древних реалистических тенденций кобанской культуры, сохраняющихся почти в первоначальной целостности.

Богатое кобанское изобразительное мастерство, отличающееся техническим совершенством в создании подлинных шедевров древнего прикладного искусства, заложило глубокие художественные традиции в быту народов Северного Кавказа, которые они сохранили в веках и донесли до наших дней, обогатив ими и свою современную культуру.

Из сделанного обзора явствует, что вместе с развитием родовых патриархальных отношений (точнее, с весьма заметным их распадом) усложняются и формы религиозных представлений местного общества. Развиваясь, модифицируются такие старые формы первобытной идеологии, как культы элементов природы и предков — тотемов, одновременно возникают новые формы магии и культа предков, дожившего в кавказской среде, особенно у горцев Северного Кавказа, в достаточно ярких проявлениях до настоящего времени.

С возможной полнотой мы стремились показать, что и изобразительное искусство, имевшее прикладной характер, в очень ярких и полнокровных формах несло на себе печать существующих у племенных групп Северного Кавказа идеологических

---

[63] В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования. Тбилиси, 1957, стр. 3.

[64] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XVI—XX, XXIII, XXIV.

[65] Там же, табл. CXXIV.

[66] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии (на груз. яз.). Тбилиси, 1952, стр. 107, табл. XLIX, L.

представлений на таком этапе развития их мышления, для которого еще обязательно и одухотворение сил природы и даже мифологизирование природы и общества.

Нам остается коснуться еще одной стороны духовной культуры населения Северного Кавказа в раннежелезном веке и поделиться своими соображениями о зарождении в местной среде первобытного мифотворчества, нашедшего такое яркое выражение в знаменитом нартском эпосе.

Наконец, более чем вероятно, что именно в эту эпоху — распада родовых связей и начала укрепления семьи — и могли зародиться основы некоторых бытовых норм, или адатов — неписанных законов общекавказской жизни. В этот период существования патриархальной родовой общины (на стадии военной демократии) и при очень оживленных взаимоотношениях населения, обусловленных особенностями социально-экономического развития, присущих переживаемому периоду, необходимость найти в нужную минуту и вне своего родового коллектива кров, приют и защиту и могла привести к зарождению таких прославленных на Кавказе обычаев, как гостеприимство, побратимство и куначество.

По нашему глубокому убеждению, та же чрезвычайно бурная эпоха, изобиловавшая бранными делами (военными столкновениями, массовыми походами и грабежами) и героическими подвигами горцев Северного Кавказа, когда они представляли еще собою этническое и культурное целое, а не дробились на отдельные народности, ознаменовалось и другим новым и чрезвычайно важным культурным достижением — созданием эпической песни и первоначальным оформлением основ знаменитого героического нартского эпоса народов Северного Кавказа. Известно, что самое рождение жанра богатырского эпоса обычно связывается с процессом распада родового строя, с образованием племен и их союзов. Из предшествующего изложения мы знаем, что все эти процессы были в изучаемом периоде налицо.

Весь широкий сравнительный материал указывает на то, что появление героических личностей в условиях войны и защиты своих родных и близких, своего крова, имущества и своей земли порождает возникновение героических былин и песен, в преувеличенных формах, восхваляющих героев. Часто имея мифологический и фантастический характер, различные легенды и сказания, составляющие древний эпос народов, все же содержат вполне реальную историческую подоснову, обычно завуалированную вымыслами составителей [67]. М. Горький говорил: «В мифе и эпосе, как и в языке... определенно сказывается коллективное творчество всего народа, а не личное мышление одного человека». Именно так и создавался героический или богатырский эпос, являющийся великим и подлинно всенародным творчеством прошлого. Несомненно, так возник замечательный нартский эпос и у народов Северного Кавказа. Но когда? В какой период их многовековой истории?

Изучению северокавказского нартского эпоса посвящена огромная литература [68], в которой ряд исследователей пытались определить раннюю дату возникнове-

---

[67] М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 164—165.

[68] См. библиографию вопроса в сводной работе В. И. Абаева «Нартовский эпос». (Известия Сев.-Осет. НИИ, т. X, вып. 1. Дзауджикау, 1945). В ней же рассматривается концепция Жоржа Дюмезиля, изложенная в работе «Légendes sur les nartes» (Paris, 1930). См. также подробную

ния нартского эпоса, относя ее к периоду существования матрилокального рода [69], что в свете археологических данных должно соответствовать на Северном Кавказе в основном началу III тысячелетия до н. э.[70]

В этой связи нельзя не отметить ошибочности утверждения Е. М. Мелетинского о «сармато-меотском обществе, в котором матриархальные тенденции были исключительно развиты и не только дожили до эпохи «военной демократии», но, в известной мере, определили и ее своеобразие»[71], как о среде, в которой якобы и протекал процесс создания основного ядра кавказского нартского эпоса. Ошибка автора порождена механическим переносом исторических свидетельств, данных археологии в отношении сарматских памятников Нижнего Поволжья на весь Северный Кавказ, где в сарматское время господствовал патриархат, в частности и у синдо-меотов, у которых складывались даже зачатки государственности (Синдское царство V в. до н. э.) [72]. Да и сами сарматские памятники Прикубанья, как давно установлено, отражают культуру распадающихся патриархальных родо-племенных групп а не матрилокальных, которые, как уже сказано, существовали на Северном Кавказе до III тысячелетия до н. э. И напрасно Е. М. Мелетинский упрекает археологов-кавказоведов в том, что они «хотят видеть в нартском эпосе отголоски кобанской культуры» [73]. По нашему мнению, глубокие корни нартского эпоса и лежат именно в местной доаланской среде, где матрилокальные черты бытовали лишь как далекие пережитки.

Нет сомнения в том, что отдельные циклы нартского эпоса в своих вариациях действительно отражают матриархальные черты создавшего его общества. Таковы свидетельства сказаний о ведущей роли мудрейшей Сатаны или Шатаны, о следах группового брака, о вхождении героев в нартское общество по матрилокальному признаку, о неуважении к старикам и др. Но все это не что иное, как глубокие пережитки матриархата в быту создателей нартского эпоса, сохранившиеся и в других даже более поздних формах быта у многих народов Северного Кавказа. Они никак не могут определять время создания нартского эпоса.

Основное же ядро главных сказаний нартского эпоса, отчетливо отражающих сущность своей эпохи, по нашему мнению, было создано в ранний период железного века, что, собственно, почти совпадает с давно высказанным мнением В. И. Абаева, относившего эту фазу оформления осетинского нартского эпоса к VIII—VII вв. до н. э. [74], что позднее было подтверждено сопоставлением данных эпоса с памятниками материальной культуры, произведенным Л. П. Семеновым [75].

сводку «История записи и публикации нартского эпоса», составленную Б. А. Калоевым и опубликованную в сборнике «Нартский эпос» (Орджоникидзе, 1957, стр. 175—194).

[69] К. Д. Кулов. Матриархат в Осетии. Орджоникидзе, 1935.

[70] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 39—40.

[71] Е. М. Мелетинский. Место нартских сказаний в истории эпоса. Сб. «Нартский эпос». Орджоникидзе, 1950, стр. 38.

[72] В. И. Мошинская. О государстве синдов. ВДИ, 1946, № 3, стр. 204.

[73] Е. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 38.

[74] В. И. Абаев. Нартский эпос. Изв. Сев.-Осет. НИИ, т. X, вып. 1. Дзауджикау, 1945, стр. 117.

[75] Л. П. Семенов. Нартский эпос и памятники материальной культуры. Сб. «Нартский эпос». Орджоникидзе, 1957, стр. 82, 89.

Основанием для этих сопоставлений служит целый комплекс весьма характерных для раннежелезного века данных, содержащихся в нартских сказаниях, и прежде всего бьющее в глаза стремление творцов-сказителей как-то опоэтизировать самый процесс (новой и значимой для них) добычи и обработки железа и все то, что дала им прежде неведомая, раннежелезная индустрия.

В различных нартских сказаниях буквально рассыпаны описания приемов закалки железного оружия и даже любимых героев (закалка Сосруко), упоминания первых железных орудий труда и быта: сохи, копий, трехгранных наконечников стрел и пр. Железные трехгранные наконечники стрел (раннескифского типа), наряду с упоминанием аркана для ловли лошадей, которые к этому времени давно уже используются под верховую езду, положительно уточняют инересующий нас вопрос и вместе с другими данными также подтверждают мнение о сложении сказаний о нартах в позднекобанский период местной истории.

Об этом свидетельствуют и памятники материальной культуры. Так, на одном из кобанских бронзовых топоров изображена гравировкой сцена борьбы героя, вооруженного луком и стрелами, с семью змеями. Этот рисунок воспроизводит, как доказал Л. П. Семенов, один из эпизодов нартского эпоса [76]. Всем известны многочисленные кобанские привески в виде оленей, туров, баранов, медведей и прочих диких животных, а также скульптурные изображения сцен охоты. Мы полагаем, что культ бога охоты и покровителя зверей и охотников — Афсати, упоминаемого в нартском эпосе, восходит еще к кобанской эпохе [77]. Здесь уместно привести очень ценное заключение лучшего ираниста-осетиноведа В. И. Абаева о том, что древнеосетинский бог охоты Афсати как мифологический образ совершенно чужд иранской мифологии, зато он известен почти всем северокавказским народам, а также абхазам и сванам. У последних он носит даже близкое осетинскому имя Апсай.

Из этих наблюдений В. И. Абаев справедливо делает очень ценное заключение, что образ Афсати проник в осетинскую среду из очень древнего кавказского субстрата [78]. Подобные факты и наблюдения очень важны для установления времени создания отдельных архаических циклов нартского эпоса северокавказских горцев.

Вот почему нам кажется наиболее вероятным и убедительным считать, что именно в начальную эпоху железа и зародились на Северном Кавказе основные циклы таких сказаний, как осетинские сказания об искусном кузнеце нарте Курдалагоне и о небесном кузнеце Сафе [79], воплотившие в себе древнее и высокое мастерство железной металлургии и металлообработки, адыго-кабардино-черкесское сказание о Тлепше [80], являвшемся покровителем кузнечного ремесла и творцом первых куз-

---

[76] Л. П. Семенов. Нартские памятники Северной Осетии. Сб. «Нартский эпос», Дзауджикау, 1945, стр. 58.

[77] Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», 1954, стр. 159.

[78] Б. И. Абаев. Проблема нартского эпоса. Сб. «Нартский эпос». Орджоникидзе, 1957, стр. 30.

[79] «Осетинские нартские сказания». Дзауджикау, 1948.

[80] «Нарты. Кабардинский эпос». М., 1950.

нечных орудий, абхазское сказание о безымянном нартском «боге-кузнеце» [81] и др.

Как родственные им небожители (по греческой мифологии — Гефест и Вулкан и по скандинавскому эпосу «Калевалы» — Ильмаринен), северокавказские нарты Курдалагон, Сафа и Тлепш являются одними из центральных фигур нартского героического эпоса. Как легендарные покровители высокого кузнечного дела и надочажной железной цепи, они могли появиться в сознании творцов эпоса только при первом знакомстве людей с железом. Любопытно старое замечание одного из первых собирателей кабардинских сказаний, что «нарты говорят о людях будущего поколения железа» [82].

Циклы нартских сказаний о Курдалагоне, о Сафе, о Тлепше это гимны, певшиеся предками народов Центрального Кавказа железному веку, веку «топора и меча», определившему их дальнейшее развитие в условиях уже железоделательного производства, что, как мы выше показали, приходится на начало I тысячелетия до н. э.

Весьма показательно, что Е. М. Мелетинский в другой своей работе [83], справедливо утверждая, что эпос о Сосрыко-Сослане отличается наибольшей архаичностью (по всем версиям—адыгской, абхазской и даже осетинской), перечисляет такие важные показатели хозяйственно-культурного состояния общества, как соха, просо, фруктовые деревья, напиток сано и др., которые, как установлено археологическими исследованиями последних лет, стали доступны горцам Северного Кавказа именно в эпоху раннего железа (начало I тысячелетия до н. э.).

Мы не собираемся здесь участвовать в недавних спорах специалистов (лингвистов и фольклористов) о вкладе отдельных народов Северного Кавказа в создание этого великого народного достояния [84]. Знаментально, что на специальном совещании по нартскому эпосу, состоявшемся в Орджоникидзе в октябре 1956 г., было уже признано, что «своеобразие нартского эпоса заключается в том, что это эпос многонациональный» [85], что он богато представлен у осетин, у всех адыгских народностей (т. е. кабардинцев, черкесов, адыгейцев), у абхазцев, чеченцев и ингушей, частично также у сванов, у некоторых грузинских племен и даже у дагестанцев, которые, судя по последнему исследованию У. Б. Далгата сами не являлись творцами этого эпоса [86].

---

[81] Ш. Д. Инал-ипа. Об абхазских нартских сказаниях. «Тр. Абхазского НИИ», т. XXIII. Сухуми, 1949, стр. 111.

[82] «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. V, 1871, стр. 48.

[83] Е. М. Мелетинский. Предки Прометея. Вестник истории мировой культуры. 1958, № 3, стр. 127.

[84] Ранее ведшееся изучение нартского эпоса в отдельных республиках и областях Северного Кавказа порождало тенденции приписывать создание эпоса какой-либо одной народности.

[85] В. И. Чичеров. Вопросы генезиса и развития древних форм народного эпоса в освещении фольклористики и некоторые проблемы нартских сказаний. Сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 21.

[86] У. Б. Далгат. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана. Сб. «Нартский эпос», Орджонидзе, 1957, стр. 174.

Безусловно положительным фактом является решение и совещания приступить к углубленному сравнительному изучению всех вариантов нартского эпоса на Кавказе и к подготовке академического, т. е. строго научного, его издания [87]. Только после такой серьезной и кропотливой работы над нартскими сказаниями в разных аспектах, их можно будет считать важнейшими источниками при изучении истории и культуры края.

До этого же только отдельные свидетельства и факты, упоминавшиеся в нартском эпосе, проверенные показаниями других источников, в том числе археологических, могут и должны учитываться историками-кавказоведами при освещении древней и средневековой истории Северного Кавказа.

Показав в предыдущих главах единство материальной культуры I тысячелетия до н. э. (даже в трех вариантах) на большой территории центральной части Северного Кавказа, на которой и по сие время бытуют сказания о нартах, мы без колебаний можем высказать мнение об общесеверокавказском происхождении основ этих сказаний.

Нам представляется, что совпадение границ распространения древней материальной и духовной культуры не случайно. Очевидно, в относительной однородности северокавказской материальной культуры I тысячелетия до н. э. и в единстве этнической среды того времени (до скифского вторжения) и следует видеть объяснение факта, что самые выразительные и совершенные циклы прославленного нартского эпоса имеют не узко локальные, а общие северокавказские черты, присущие как чеченцам и ингушам, так и адыгейцам, не говоря уже об осетинах и кабардинцах. Нам думается, что не случайно нартский эпос окончательно оформился у тех народов (у черкесов, адыгейцев, кабардинцев, осетин, абазин, чеченцев и ингушей), которые ныне занимают территорию распространения кобанской и прикубанской древних культур (морфологически близких между собой), т. е. от Дагестана до Абхазии включительно, где некогда (до появления на Северном Кавказе ираноязычных элементов) проживали племена — носители кобанской и прикубанской культур, говорившие на языках северной группы иберийско-кавказской языковой семьи [88].

Все они, по нашему мнению, некогда находились в генетическом родстве. Это единство происхождения и культуры породило возникновение общих основ героических сказаний у всех народов Северного Кавказа, которые и были создателями первоначального ядра замечательных нартских сказаний, явившихся высшим проявлением духовной культуры племен Северного Кавказа раннежелезного века и не потерявших своего обаяния и интереса до наших дней. В создании основного ядра великолепного нартского эпоса сказался творческий гений не одной какой-либо народности, а самобытный талант далеких предков почти всех народов Северного Кавказа, в том числе и осетин. Далекие предки осетин, как мы полагаем [89], лишь постепенно сменили свой язык на иранский. По своему же производственному укладу и

---

[87] У. Б. Далгат. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана. Сб. «Нартский эпос», стр. 230.

[88] А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. 1, М., 1952, стр. 219—222.

[89] Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 161—163.

по духовной культуре они были такими же кавказцами, как и их соседи — адыги, вейнахские и другие народы, талантливые творцы и создатели замечательного нартского эпоса.

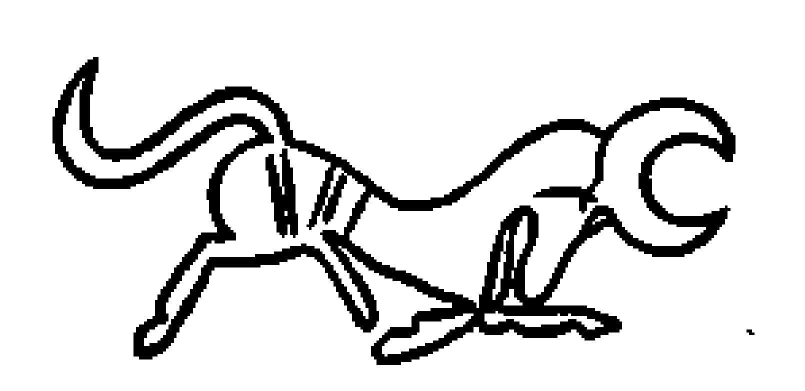
По рассмотрении основных форм первобытной религии, первобытного искусства и духовной культуры применительно к северокавказскому обществу раннежелезного века можно резюмировать, что для идеологии этого периода по-прежнему остаются характерными древние, но уже более усложненные религиозные представления. Они выражаются в одухотворении сил природы, т. е. в анимистических и тотемических представлениях, а также в вере в магическое воздействие как грозных сил природы на человека, так и человека на природу.

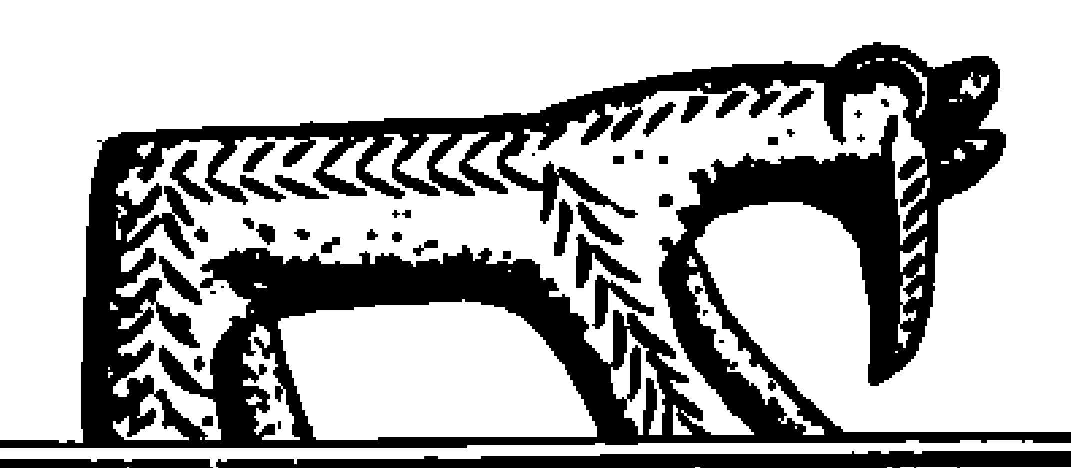
В этот период получают дальнейшее развитие некоторые древние культы (охоты, плодородия и др.) и возникают такие новые культы, как культ покровителей домашнего ремесла, а также предков — покровителей семейного очага, связанный с укреплением семейной общины во главе с ее родоначальником.

Широкий сравнительный материал позволяет считать, что в это время и на Северном Кавказе особенно широкое развитие получает жречество вместе с родо-племенной верхушкой (старейшины родов, вожди), становящейся новой влиятельной силой в распадающейся родовой общине.

Изобразительное искусство, тесно связанное с религиозными представлениями этого периода, в основе своей имеет прикладной характер и широко отражает производственную деятельность общества.

Наконец, высшим проявлением духовной культуры племен того времени является создание основ знаменитого нартского эпоса, памятника большого художественного и историко-культурного значения.

Глава 10

МЕСТО И РОЛЬ НОСИТЕЛЕЙ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Подробно рассмотрев в предшествующих главах круг памятников кобанской культуры, ее ареал, ее поэтапное развитие, связи этой культуры с окружающим миром древности, социально-экономический и культурный уровень развития ее носителей, мы полностью не выполнили бы своей задачи историка, если бы не попытались ответить на вполне законный вопрос: а какое место и какое значение в истории народов Северного Кавказа имеет эта замечательная культура? Иными словами, анализируя разнообразные древние исторические источники, мы должны попытаться хотя бы наметить решение и таких важных вопросов древней истории народов Северного Кавказа, как вопросы их происхождения, вопросы этногенеза.

Если в досоветский период изучение этногенетических проблем в нашей стране находилось исключительно в руках лингвистов, то в советский период, особенно после известной широкой лингвистической дискуссии 1950 г., в разработку вопросов, связаных с выяснением происхождения тех или иных народов, оказались вовлеченными не только представители языкознания, но и специалисты по истории и археологии, по этнографии и антропологии. Крупные научные открытия и накопление новых материалов каждой из этих научных дисциплин (особенно в области арехеологии) обеспечили возможность широкого привлечения новых данных для решения таких вопросов, как выяснение исторических условий для создания и развития той или иной культурной общности, обстановки, в которой происходило формирование древнейших племенных групп, из коих складывалась древние и средневековые народы и народности, впоследствии выросшие в нации и т. п.

В настоящее время советские ученые значительно прояснили самое понимание этногонического процесса, освободившись от основного заблуждения, распространенного в прошлом, допускавшего смешение и отождествление языка с культурой.

Ведь еще до сравнительно недавнего времени археологи так называемые археологические культуры (являющиеся иным, более специальным и узким понятием, чем обычное слово — культура), в определении которых нашли отражение территориально-племенные отличия древних обществ, также смешивали и нередко отождествляли с теми или иными этническими группами и даже языковыми семьями древности, не учитывая данных других дисциплин.

В самом деле, одной из существенных ошибок многих историков, этнографов и археологов являлось то, что они выявленную ими культурную общность нередко выдавали за этническую общность. Между тем, как выясняется, общность культуры, да еще установленная по каким-либо ограниченным признакам, далеко не всегда означает языковую общность; так, например, при некотором единстве культуры (прежде всего материальной) современные народы Средней Азии — узбеки и таджики — разнятся по языку, ибо первые тюркоязычны, а вторые — ираноязычны.

Одновременно родственные или даже одноязычные общества могут характеризоваться разными формами культуры. История знает множество тому примеров [1].

Часто прослеживаемая этнографами и археологами преемственность в развитии материальной культуры на определенной территории далеко не всегда может доказывать непрерывность развития на той же территории определенного этноса с отдаленных времен, хотя подобные случаи, как известно, имеют место в исторической действительности, как, например, в этногенезе грузин.

Для положительного ответа на поставленный вопрос необходимо, чтобы такая же преемственность была прослежена и по другим историческим источникам и в особенности по языку. Ведь язык является важнейшим и обычно решающим признаком той или иной этнической общности, хотя и не единственным, ибо, как известно, возможны факты языковой ассимиляции и пр. Тот или иной язык, присущий одному народу, в силу ряда исторических условий может быть усвоен другим народом, носителем совершенно иной культуры, таким образом подвергнувшимся языковой ассимиляции. Так, в свое время древнее население Испании в Франции усвоило латинскую речь. Процесс языковой тюркизации со времени нашествия турок-сельджуков (с XI в.) широко охватил разноязычное население Средней и Малой Азии и восточного Закавказья с их различными культурными особенностями. Эти факты неопровержимо доказывают, что только по происхождению языка еще нельзя судить о происхождении народа [2].

Поэтому исследователей не должны смущать устанавливаемые иногда факты несовпадения материальной (и этнографической) культуры тех или иных народов при наличии доказанного языкового родства и наоборот [3]. Ведь искусство историка и должно проявиться в умении проследить весь длительный путь исторического

---

[1] Ряд примеров, иллюстрирующих это положение, приведен в нашей статье «Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа», опубликованной в сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии» (М., 1953, стр. 142—143).

[2] А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1957, стр. 6.

[3] См. «Тезисы докладов сотрудников Института языкознания на объединенной сессии институтов АН СССР. М., 1950, стр. 7.

развития определенной культурной общности, вплоть до завершающего этапа этого процесса, определяемого уже данными языка.

Вот почему изучение этногенетических вопросов требует особо тщательной работы над целым кругом первоисточников и не может завершиться успешным решением без широкого привлечения проверенных лингвистических данных. Но язык относится к числу общественных явлений, действующих во все время существования общества; кроме того, он служит орудием борьбы и развития общества, поэтому «законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» [4].

Если при изучении прошлого того или иного народа мы будем помнить, что основы современных языков были заложены еще в глубокой древности, что языки непосредственно связаны с производственной деятельностью людей, так же как со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах их жизни [5], то для выяснения древних этапов в истории изучаемых народов, их языков и культур мы неминуемо должны будем сомкнуться с археологией. Ведь археология также изучает памятники культуры, в которых нашли отражение уровень и состояние древнего производства, бытовой уклад общества и его первобытная идеология.

Разумеется, решающее слово в окончательных выводах об этнической принадлежности того или иного народа будет принадлежать языковедам. С другой стороны, только по показаниям языка не всегда можно восстановить весь путь культурно-исторического роста и развития народа, носителя изучаемого языка с древнейших времен. В этом смысле афоризм крупного языковеда прошлого века Якова Гримма «Наш язык есть также наша история» не всеобъемлющ и не может определять естественного и якобы единственного исследовательского пути историка-лингвиста [6]. Несомненно, лингвистические материалы должны быть сопоставлены и дополнены данными археологии, истории, этнографии и антропологии. И хотя при решении вопросов этногенеза эти данные на первый взгляд кажутся второстепенными и вспомогательными, именно они помогают шире и глубже (подлинно исторически) осветить условия образования и развития этнических общностей и уточнить характер развития языковых групп в древности.

Обрисовав исходную позицию, с которой мы склонны приступить к освещению некоторых вопросов, связанных с происхождением народов Северного Кавказа, попытаемся показать то основополагающее место, какое занимала кобанская культура, и ту доминирующую роль, которую сыграли ее носители в древней и средневековой истории народов центральной части Северного Кавказа.

Не лишне напомнить, что, как и раньше, в дальнейшем изложении, применяя термин «культура», мы будем подразумевать не культуру классового общества (феодальную или буржуазную), а так называемую археологическую культуру, под которой археологи обычно понимают совокупность вещественных памятников прошло-

---

[4] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 18.

[5] Там же, стр. 8.

[6] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, 1949, стр. 9—11.

го, объединенных общими признаками, или исторически сложившуюся культурную общность, отличающуюся от других таких же культурных общностей строго определенного времени только ей присущими орудиями труда и быта, оружием, украшениями, посудой, типами жилищ и, наконец, типами могильных сооружений и погребальным обрядом [7].

Теперь мы постараемся проследить некоторые особенности исторических судеб племен — носителей кобанской культуры в разных районах края и показать их роль в этногенезе народов Северного Кавказа. Известно, что из всех областей горного Кавказа, нет, пожалуй, более популярной в историко-археологических кругах области, нежели район Центрального Кавказа, давно известный на весь мир своей прославленной кобанской бронзой. Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения факт местного происхождения кавказской металлургии меди и никто не думает, что культуры, подобные кобанской, могут быть принесены извне в готовом виде.

В наши дни археологам удалось доказать, что древние носители так называемой кобанской культуры, в основном бытовавшей в I тысячелетии до н. э., все свое высокое мастерство в обработке цветных металлов могли развить только на основе богатого опыта своих предшественников, на ранее созданной материальной и технической базе [8]. Это значительно углубляет понимание исторического процесса, наблюдаемого на территории Северного Кавказа от Прикубанья до Дагестана.

Такой основой в данном случае и явилась материальная культура племен, обитавших на территории центральной части Северного Кавказа еще в эпоху бронзы, во II тысячелетии до н. э. Лучшее представление об этой древнейшей культуре края дают комплексы так называемой северокавказской культуры эпохи средней бронзы [9].

Типичными для этой культуры являются подкурганные и особенно грунтовые и склеповые могильники с инвентарем в виде массивных бронзовых и каменных топоров, крупных и разнообразных булавок, различных бронзовых подвесок, украшений и керамики округлых форм. В материалах локальных вариантов древней северокавказской культуры и прослеживаются истоки локальных вариантов кобанской культуры [10], богатейший ассортимент орудий труда и украшений которой служит надежнейшим источником для нашего суждения о хозяйстве и быте населения срединной части Северного Кавказа в I тысячелетии до н. э. Из предыдущего изложения мы уже знаем, что установленные нами локальные варианты кобанской культуры (западный, центральный и восточный), сохраняя культурное единство, несколько отличались один от другого формами (в деталях) погребальных сооружений и особенностями материальной культуры, что, по нашему мнению, отражало лишь

---

[7] А. Д. Удальцов. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР на совещании по методологии этногенетических исследований. М., 1951, стр. 6.

[8] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, стр. 17 сл.

[9] В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, № 1, стр. 3—20.

[10] В. И. Марковин. О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. «Ученые записки Каб.-Балк. НИИ,» т. XVI, Нальчик, 1959 г., стр. 173.

племенные отличия отдельных родственных групп — носителей одной культуры, особенно на позднем этапе развития кобанской культуры.

Из IV главы явствует, что начиная с рубежа II и I тысячелетий до н. э. и позднее на территории Северного Кавказа бытовали три археологические культуры. Памятники кобанской культуры покрывали всю центральную часть Северного Кавказа (от верховьев Зеленчуков до Дагестана).

В районах горного и предгорного Дагестана и в восточных районах Чечни развивалась так называемая каякентско-хорочоевская культура, отличающаяся от северокавказских культур и в какой-то степени связанная с Восточным Закавказьем[11]. В Прикубанье же в это время процветала вновь выявленная бронзовая культура, условно названная прикубанской, также возникшая на базе одного из вариантов северокавказской культуры и потому в значительной мере сходная с кобанской[12].

По соседству с кобанской и прикубанской культурами, но уже по ту сторону Кавказского хребта бытовала колхидская культура. Племена — носители этих культур были оседлым населением, занимавшимся скотоводством, земледелием, охотой и металлургией.

Что это были за племена? К какой антропологической группе они принадлежали? Представителями какой древней языковой семьи они являлись? Еще в довоенные годы на все эти вопросы нельзя было получить ясные ответы. Но на основе комплексного изучения соответствующих материалов последних лет антропологи пришли к единодушному выводу, что почти все древние черепа из могильников Кавказа эпохи бронзы, включая и ранние этапы развития перечисленных культур, довольно близки между собою. Все исследованные черепа из могильников Джемикентского, Хорочоевского, Кобанского, Самтаврского, Кумбултского Верхняя Рутха, Кисловодского, кончая раннемеотскими и другими, рисуют довольно устойчивый краниологический тип, а именно долихокранный (или длинноголовый), очень грацильный, европеоидного облика, особенно широко распространенный на Северном Кавказе от эпохи бронзы вплоть до скифского времени. Это утверждал Г. Ф. Дебец[13], об этом более подробно писал В. В. Бунак в одной из своих работ, очень ценной для изучения древней и средневековой истории народов Кавказа[14]. Это же признал и М. М. Герасимов[15]. Тем самым современные антропологи подтвердили основное заключение старых исследователей древнейшего населения Кавказа[16].

Одновременно, пользуясь более совершенной методикой краниологических исследований, они установили, что формирование краниологических типов Северного

---

[11] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до нашей эры. МИА, 68, 1958, стр. 91.

[12] В. И. Маркович. Указ. соч., стр. 3.

[13] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 173.

[14] В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIV, 1953, стр. 355, 360.

[15] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. 1955, стр. 565, 573.

[16] А. П. Богданов. О черепе из кавказских дольменов и о черепах из кавказских курганов и могил. «Антропологическая выставка», т. III, ч. 1, М., 1879; А. А. Ивановский. Черепа из могильников Осетии. «Дневники антропологического отдела», вып. X, М., 1891.

Кавказа происходило главным образом на основе двух древних элементов (о третьем, более позднем элементе мы скажем ниже).

Первый, самый древний, составляет основной антропологический слой всего населения горной и предгорной полосы западной половины Кавказа, в свое время занятой носителями прикубанской, кобанской и колхидской культур эпохи поздней бронзы. Этот западнокавказский тип связан с антропологическими типами Передней и Малой Азии и потому назван «понтийским» типом [17].

Здесь очень важно отметить, что, по наблюдениям В. В. Бунака, этот древний тип в разных вариантах в наибольшей мере сохранился в горной полосе Северного Кавказа до эпохи позднего средневековья, судя по черепам из склепов горного Кавказа [18].

Второй древний элемент, характеризующийся еще большей долихокранностью, но с крупными величинами диаметров черепов и большей высотой лица явно преобладал в восточной части Северного Кавказа, в зоне каякентско-хорочоевской культуры. Будучи хорошо представлен в южном Дагестане, в Восточном Закавказье, в Передней и Средней Азии, он получил название «каспийского» типа [19].

Такое меридиональное размежевание Кавказа по признаку распространения двух антропологических типов как бы на две неравные части было намечено и Г. Ф. Дебецом в его докладе на заседании Сессии Отделения исторических наук АН СССР в 1955 г.

Заслуживает внимания тот факт, что такое же разделение областей Северного Кавказа и Закавказья на две антропологические зоны в какой-то степени намечается и по археологическим данным, о чем говорилось выше. Еще более важным является то обстоятельство, что очерченные границы позднебронзовых культур Северного Кавказа в основных чертах почти отражают карту размещения и современных народов края. Чем объясняются такая устойчивость и совпадение границ?

Пытаясь ответить на этот вопрос, мы должны учитывать, что отмеченные представления о каком-то европеоидном единстве, с одной стороны, и об отличиях древнего населения разных районов Кавказа,— с другой, вполне согласуются с результатами и этнографических и лингвистических исследований. Кто сейчас не знает об общих элементах культуры почти всех народов Кавказа, проявляющихся в форме одежды, седловке, типах жилищ, в некоторых элементах духовной культуры (эпос и т. п.)? Поэтому современные этнографы справедливо рассматривают Кавказ как самостоятельную историко-этнографическую область СССР [20], а зарубежные ученые и прежде и теперь европеоидные типы объединяют в «кавказскую расу». Как особая и самостоятельная языковая семья Кавказ всегда рассматривался и лингвистами, причем лингвистами абсолютно всех научных направлений, начиная от буржуазной индоевропеистики, марровского «нового учения о языке» и кончая современным советским языкознанием.

---

[17] В. В. Бунак. Указ. соч., стр. 361.
[18] Там же, стр. 355.
[19] Там же, стр. 361, 364.
[20] С. А. Токарев. Этнография народов СССР, 1958, стр. 216.

Все языки автохтонных народов Кавказа давно уже были объединены в особую группу (по самобытности их языковых данных), иберийско-кавказскую языковую семью[21].

Современные лингвисты-кавказоведы эту семью языков делят на четыре группы: 1) картвельская или иберийская (правильнее было бы называть ее «иберской», ибо под «иберийской» разумеется баскская — в Испании), 2) абхазо-адыгская (т. е. абхазо-черкесо-кабардинская), 3) бацби-кистинская (т. е. чечено-ингушская) и 4) дагестанская[22]. Ряд историков и филологов (И. А. Джавахишвили, Н. Я. Марр и др.) на основании анализа топонимических названий в Грузии и данных истории и языка устанавливали родственные связи Грузии с северокавказскими языками — адыгскими на западе и чечено-ингушскими и дагестанскими языками на востоке Северного Кавказа.

Надо признать, что некоторая общность Северного Кавказа с Закавказьем прослеживается и в материальной культуре еще с эпохи, переходной от камня к металлу. Она прослеживается в сходстве хозяйственного уклада древнего общества по типам керамики и некоторым предметам быта, происходящим из таких пунктов Северного Кавказа, как Долинское поселение (в Кабардино-Балкарской АССР), Луговое поселение (в Чечено-Ингушской АССР), Каякентское и Великентское поселения (в Дагестанской АССР), с одной стороны, и из ряда памятников Куро-Аракского энеолита — с другой[23]. Это — не случайное совпадение форм материальной культуры. Нам это сходство представляется основанным на органическом — культурном и этническом — родстве населения этих областей. Именно в недрах широкой энеолитической культуры, бытовавшей почти по всему Кавказскому перешейку, и можно, очевидно, видеть отражение определенной языковой общности основных древних народов Кавказа, образовавших особую иберийско-кавказскую языковую группу. Племена этой общекавказской энеолитической культуры, очевидно, и были создателями и носителями того специфически кавказского языкового субстрата, который оказался очень стойким, ибо пережил века и сохранился почти во всех самобытных языках Кавказа, включая даже осетинский, особенно в его дигорском диалекте, как известно относящийся к иранским языкам[24].

Резюмируя, следует напомнить, что отмеченное относительное единство антропологических европеоидных типов, в известной мере подтвержденное археологически и, по-видимому, этнографически и лингвистически, сохранялось на всей территории Северного Кавказа до начальных столетий I тысячелетия до н. э.

Признавая бытование на Северном Кавказе нескольких сходных археологических культур, находя возможным расчленить эти культурные области на ряд локальных вариантов, мы не имеем однако, никаких оснований до начала I тысячелетия до н. э. говорить о резких изменениях в культурном облике того или иного общества или о каких-либо массовых, абсолютно чужеродных включениях в местную кавказскую среду. До указанного времени на всем Северном Кавказе от Прикубанья до

---

[21] Н. Я. Марр называл эти языки «яфетическими».

[22] А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. 1, М., 1952, ст. 220.

[23] Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема Кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 18—20.

[24] В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 13.

Дагестана существовала довольно однородная культурная среда племен-металлургов, в недрах которой создавались истоки основных самобытных этнических массивов: адыгского, вейнахского (т. е. чечено-ингушского), дагестанского и даже (в своей первооснове) алано-осетинского.

Но вот начиная с VIII—VII вв. до н. э. и позднее в археологических памятниках Северного Кавказа, особенно центральных и западных районов, стали наблюдаться значительные включения элементов степных культур европейского юго-востока. Впрочем, отдельные факты взаимосвязей северокавказских племен с северными племенами прослеживаются по археологическим данным еще и в эпоху средней бронзы (в период бытования катакомбной культуры)[25]. Именно благодаря этому контакту на Северном Кавказе во II тысячелетии до н. э. появляется шнуровая орнаментация на керамике и металле[26], а кое-где даже катакомбы как форма погребальных сооружений[27]. Но большого влияния на развитие местных культур это проникновение северных элементов не оказало. Да и принадлежность катакомбных племен к кругу ираноязычных до сих пор остается спорной. С VIII же века до н. э. проникновение северных степных элементов на Кавказ делается активным и принимает более массовый характер. Эти проникновения документируются особыми бронзовыми топорами-кельтами, наконечниками копий и особого типа ножами, а позднее — бронзовыми двуперыми и трехперыми наконечниками стрел, короткими железными мечами с характерными рукоятями, разнообразием набора конской сбруи и даже появлением особых форм керамики и приемов орнаментации глиняной посуды в виде налепных валиков с защипами, сделанными пальцами. Все это было абсолютно чуждо местным формам материальной культуры и вместе с тем весьма типично для культур северных районов и в особенности для степной и лесостепной полосы юга России, где, как известно, до VII в. до н. э. обитали киммерийские, а позднее скифские и близкие им по культуре племена.

Из предшествующих глав мы знаем, что более активным было проникновение скифских элементов, и при этом во все районы Кавказа. Проникновение северных элементов привело к некоторому культурному синкретизму в отдельных районах Кавказа. В самом деле, смешанный характер вещевого могильного инвентаря, а в какой-то степени и погребального обряда, наблюдаемого в Нестеровском и типологически близких ему других могильниках центральной полосы Северного Кавказа, совершенно очевиден. Следовательно, эта особенность памятников раннескифского времени составляет уже их типическую черту, безусловно отражающую какую-то историческую реальность, а также то соотношение различных элементов, которые оформляли культуру и этнографическую физиономию местного общества.

Разберем последовательно эти элементы. Еще в процессе рассмотрения материалов из ряда северокавказских поселений и могильников скифского времени мы

---

[25] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1957, № 2, стр. 47.

[26] Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды «Сборник по истории Кабарды», вып. 1, Нальчик, 1951, стр. 56, 61.

[27] Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 186.

неоднократно убеждались в наличии глубокой местной, специфически кавказской подосновы изучаемой культуры. По своему существу она представляется местным явлением. В ней совершенно ясно прослеживается местная традиция, уходящая корнями еще в раннекобанский период. Традиция эта сказывалась здесь и в устройстве могил в виде каменных ящиков или простейших склепов, в скорченном положении костяков, лежащих чаще на правом, чем на левом боку, в наличии устойчивых форм керамики и геометрического орнамента и, наконец, в целой серии украшений. Перед нами такой мощный пласт местных и весьма архаичных элементов кобанской культуры, что мы должны прежде всего в нем усматривать основу данной культуры. Кобанская культура и положила начало формированию культуры, представленной памятниками типа Каррасского, Моздокского, Нестеровского, Исти-су и других могильников края.

Таким образом, местное северокавказское происхождение, скажем, моздокско-нестеровской культуры является совершенно очевидным. Носителями этой культуры были местные племена, родственные огромному этническому массиву, очерченному нами на предыдущих страницах. Но теперь в этой материальной культуре фиксируется немалое количество вещественных элементов других, совсем не кавказских культур, из которых наиболее отчетливо выступают элементы культуры скифской и савроматской.

Почти все оружие (акинаки, наконечники стрел), орудия труда (глиняные прясла, серповидные ножи) и ряд типов глиняной посуды (миски и сосуды грушевидной формы, а также налепной щипковый орнамент) характерны для подлинно скифской материальной культуры. Эта смешанность основных кавказских элементов с пришлыми (скифскими) признается всеми исследователями [28].

В связи с этим нельзя не отметить еще одной культурной струи, особенно чувствующейся в восточной группе памятников Северного Кавказа. В разделе, посвященном анализу материала из Нестеровского и Лугового могильников, уже говорилось, что в памятниках Нижнего Поволжья и Приуралья, на землях савроматов, мы встречаем некоторые параллели нестеровским и луговым материалам. В чем они выражены? В небольших курганных насыпях, в обкладках могил каменными кругами и завалами (хотя существует мнение, что это особенность андроновской культуры), в наличии южной и восточной ориентировки погребенных, в некоторых формах керамики и ее орнаментики, наконец, в привесках типа золотых серег из Биш-Оби.

Эти черты, как мы знаем из последних обстоятельных сводок Б. Н. Гракова [29] и К. Ф. Смирнова [30], составляют характерные признаки савроматской культуры

---

[28] Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник, стр. 52; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 96; О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 101; Т. М. Минаева Археологические разведки в долине реки Сунжи. «Сборник трудов Ставропольского Гос. пед. ин-та», вып. 13, Ставрополь, 1959, стр. 431.

[29] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 104.

[30] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 198—199.

Поволжья, приблизительно того же времени, когда на Северном Кавказе существовали позднекобанские памятники с культурой смешанного характера.

Таким образом, мы подошли к важнейшему вопросу о причинах, породивших смешанный характер культуры Северного Кавказа в скифское время, т. е. к вопросу о причинах, обусловивших появление на Кавказе «скифоидной» культуры.

Пытаясь дать решение этому важному для всей истории нашего юга вопросу, мы считаем нужным указать на два фактора, которые, как нам кажется, должны в первую очередь быть приняты во внимание при попытке решения этой проблемы. В последнее время оба эти фактора — культурно-исторические связи народов и автохтонность исторического процесса — все чаще и чаще стали затрагиваться и освещаться в работах советских археологов, в частности в ряде работ Б. Б. Пиотровского [31], А. А. Иессена [32], М. А. Артамонова [33] и других ученых.

Прежде всего необходимо было предпринять самое пристальное изучение на всей обширной территории юга Украины, Предкавказья и предгорной полосы Северного Кавказа таких памятников, которые бы несколько предшествовали появлению скифской культуры на Украине и «скифоидной» культуры на Кавказе.

Во второй части IV главы мы привели ряд археологических примеров, укрепляющих нас в мысли о формировании в Северном Причерноморье, Подонье и в Предкавказье более или менее однородной культурной среды еще в доскифское время.

В свете этих фактов позволительно считать, что еще в киммерийский период естественным ходом событий на нашем юго-востоке была подготовлена обстановка, позднее облегчившая установление еще более оживленных связей между этнически различными племенными образованиями. По-видимому, между такими областями, как Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Крым эти связи стали традиционными и никогда не прекращались. Заметное же их оживление, проявлявшееся в различных формах, падает на скифский период, начиная с VII—IV вв. до н. э., когда вся равнинная полоса оказалась торной дорогой для скифских полчищ, направлявшихся в Закавказье и Переднюю Азию.

С этого времени и возникают в предгорьях Северного Кавказа и в Закавказье памятники культуры смешанного характера. Даже в высокогорных пунктах Кавказа в археологических комплексах начинают встречаться скифские вещи, принадлежащие этому времени. На этот же период падают и следы связей с другими культурами, как, например, с таврской и савроматской, общение с которыми было подготовлено предшествующим этапом.

Если даже временное пребывание (во время походов в Закавказье) на Северном Кавказе скифских племен может считаться реальным фактом (а нам оно представляется таковым), то с полным правом можно и должно рассматривать первые отмеченные в материальной культуре Северного Кавказа скифские элементы как вещественные следы пребывания скифов на Северном Кавказе. Иначе говоря, за вещами мы

---

[31] Б. Б. Пиотровский. Скифы и Закавказье. ТОВЭ, т. III, 1940; его же. История и культура Урарту. Ереван, 1944; его же. Ванское царство. М., 1950.

[32] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

[33] М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. «Вестник ЛГУ», 1947; его же. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, 1947, № 3.

должны видеть людей, с которыми принято связывать эти вещи, ибо вещи носятся и передаются людьми, этнографический облик которых они отражают. Вполне резонно считать, что во всех важнейших событиях, составляющих военную и политическую историю скифов, участвовали также различные нескифские племена со своими собственными этнографическими признаками, в том числе савроматские.

Бурная событиями скифская эпоха характеризовалась частыми перемещениями людских масс, облегчавшими смешение и перетасовку племенных групп, происходящих из различных районов и областей. Вот почему, особенно на периферии скифской культуры, как справедливо отметил еще М. И. Ростовцев, она наблюдается уже не в чистом виде. Еще более смешанный характер должна иметь местная пограничная со скифской культура, так как она слагалась из большего числа элементов.

Примером такого культурного синкретизма и служат позднекобанские памятники Северного Кавказа. В различных элементах, составляющих эту культуру,— кобанских, затем скифских, таврских и савроматских — мы и склонны усматривать отражение исторических событий, приводивших в движение племена, представителей которых мы вправе предполагать в составе общества, оставившего нам такие памятники, как Нестеровский или Луговой могильники.

Появление на Кавказе в это же время, хотя и редких еще, подкурганных погребений с вытянутыми, а не скорченными костяками (со скифским могильным инвентарем) и с западной ориентировкой (типично скифский обряд), очевидно, следует рассматривать как доказательство не только временного пребывания скифов на Кавказе, но и предполагать возможность частичного их оседания в отдельных пунктах.

Прямым подтверждением подобных заключений являются раннескифские погребения с вытянутыми костяками в Прикубанье (например, в Усть-Лабинском могильнике № 2, погребение № 3 в кургане у станицы Некрасовской)[34], подобные же захоронения на могильнике Закуты близ сел. Советское (б. Кашкатау) в Кабардино-Балкарской АССР[35], ряд таких же погребений с западной ориентировкой на могильниках Нестеровском, Исти-су и другие примеры. Любопытно, что все эти наиболее показательные для скифского погребального обряда факты отмечаются в равнинных и в предгорных районах края. Так, например, в 1947 г. нам удалось расчистить в песчаных выдувах близ сел. Ачикулак (Ставропольский край) одно скифское (по инвентарю и обрядности) погребение, оказавшееся, по определению М. М. Герасимова, скифским и антропологически. Кстати отметим, что тот же М. М. Герасимов, просматривая сохранившиеся черепа из Нестеровского могильника, признал в них (в том числе и у вытянутых костяков) хорошо выраженные брахикранные черты[36] (некоторую круглоголовость), отличающие от их долихокранных (длинноголовых) черепов предшествующего, более древнего этапа.

Признаки брахикранности для населения этого периода оказываются очень показательными. Это и есть тот третий элемент, отличающийся большей шириной скул

[34] ОАК за 1908, стр. 119.

[35] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в 1948 г. «Уч. зап. КИИИ», т. V, 1950, стр. 236—240.

[36] М. М. Герасимов. Указ. соч., стр. 573.

и другими особенностями,— так называемый степной, евразийский тип, который, по заключению В. В. Бунака, появляется на Кавказе «в скифскую эпоху в погребениях у Моздока, а в последующие периоды констатируется в самых различных районах Северного Кавказа»[37]. Тот же автор отмечает, что «в скифское и сарматское время он уже занимал большое место»[38].

Не случайно, конечно, и Г. Ф. Дебец находит возможным ряд позднекобанских черепов из могильников Северного Кавказа скифо-сарматского времени сопоставить с ранними сарматами Нижнего Поволжья и даже Западного Казахстана (родина савроматов)[39]. В последнее время этот тезис нашел дополнительную аргументацию в исследованиях К. Ф. Смирнова о происхождении савроматов[40].

В настоящее время все ощутимее намечаются направление и пути проникновения северных, степных элементов на Кавказ. И если скифы, как можно судить по письменным и вещественным источникам, двигались на Кавказ через Приазовье и Прикубанье, то савроматские племена проникали через степные районы северо-западного Прикаспия. Именно в этих районах, между Кумой и Тереком, Северокавказская экспедиция ИИМК за период 1946—1952 гг. собрала огромный подъемный материал (наконечники стрел, мечи и керамику), которые не отличимы от савроматских эталонов. А в 1955 г. в большом кургане у сел. Ачикулак нами были вскрыты и погребения явно савроматского типа[41].

Конечно, не случайно появление на Северном Кавказе брахикранного элемента падает именно на скифо-сарматский период, когда северные, степные этнические элементы получили широкий доступ на Кавказ, очевидно обусловленный какими-то важными событиями их истории. Для нас существенным является тот факт, что проникновение на Кавказ степных культурных элементов убедительно подтверждается и антропологически. Но что это были за степные племена — носители скифской и савроматской культур? Близки ли они были этнически кавказскому населению? По мнению современных лингвистов, скифские и савроматские племена принадлежали к индоевропейской языковой группе народов древности, ничего общего не имеющей с кавказской языковой общностью[42]. Их языкам были близки и другие мертвые языки — древнеперсидский, авестийский, пехлевийский, согдийский и хорезмийский[43]. Язык скифов и сарматов относится к северовосточной иранской ветви индоевропейских языков, абсолютно чуждой кавказской языковой среде[44].

---

[37] В. В. Бунак. Указ. соч., стр. 360.

[38] Там же, стр. 364.

[39] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. 1948, стр. 175.

[40] Доклад К. Ф. Смирнова в Секторе скифо-сарматской археологии ИИМК в 1956 году. КСИИМК, 72, 1958, стр. 103.

[41] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 168.

[42] «Резолюция конференции ИИМК АН СССР по скифско-сарматской археологии», 1958, стр. 5.

[43] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 14.

[44] В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, т. III, 1887; его же. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, № 10; В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 36—40; L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Stägte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

И первое, столь ощутимое появление в этой среде ираноязычных элементов создало в истории древнего населения Северного Кавказа в известной степени переломный момент, особенно в центральных районах края, ибо положило начало языковой ассимиляции части древних племенных групп. Но означало ли проникновение степных элементов смену всего местного коренного населения? Конечно, нет. Как мы видели на примерах погребального обряда и по антропологическим данным, речь может идти лишь о некотором проникновении в кавказскую среду иных элементов.

Происходит ли в это время полная замена местных форм материальной культуры формами, привнесенными извне? Тоже нет. Но, как уже отмечалось выше, около середины I тысячелетия до н. э. наблюдается некоторое включение в местную материальную культуру степных, в частности скифских форм; в основе же своей глубокая традиция местной кобанской культуры оказывается чрезвычайно живучей. Многие существенные признаки коренной северокавказской культуры оказались настолько устойчивыми, что они пережили века и дожили почти до современности, выражаясь в национальных формах материальной культуры народов Северного Кавказа. Так, например, форма погребального сооружения, столь типичная для древней кобанской культуры (могила в виде каменного ящика), сохранялась в Осетии и Ингушетии и в эпоху средневековья (у сел. Кобан, Фуртоуг [45], Ахсау и др.) и дожила до XVIII—XIX вв. (у сел. Кобан и в Стр-Дигории). То же самое можно сказать и в отношении самой материальной культуры. Некоторые категории вещей, очень характерные для древней кобанской культуры, как, например, кинжалы с рукоятью, топоры, фибулы (застежки), разного рода булавки, серьги и височные кольца, поясные пряжки от широких поясов и другие предметы, в несколько измененном виде доживали до эпохи раннего средневековья и позднее [46]. Отдельные же элементы этой замечательной древней культуры сохранились даже до наших дней. Так, например, волютообразные деревянные «капители» в архитектуре дома в сел. Галиат повторяют волюты древнекобанских бронзовых булавок. Разнообразные зооморфные украшения на железных светильниках периода средневековья ведут свое начало от многочисленных бронзовых подвесок древнекобанских форм; наконец, известная богатая кобанская зооморфная орнаментика в виде оленьих и бараньих рогов до наших дней сохранилась в ковровых аппликациях многих народов Северного Кавказа: осетин, кабардинцев, чеченцев и ингушей. Такова живучесть исконных форм кобанской культуры. Даже в духовной культуре северокавказских народов недавнего прошлого можно проследить очень архаические элементы, истоки которых, как мы видели, доходят вплоть до кобанской эпохи (например, культ бога охоты Авсати у осетин).

Таким образом, и материальная и духовная культура даже осетинского (в историческое время ираноязычного) народа издавна формировалась на местной, специфически кавказской основе и своими корнями уходила в глубь веков. Это обстоятельство органически связывает осетинский народ с родной для него кавказской почвой, которая на протяжении столетий питала его яркую и оригинальную культуру, как и

---

[45] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929 гг. «Известия Ингушского НИИ краеведения», вып. II—III, Владикавказ, 1930, стр. 365.

[46] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура центрального Кавказа. «Уч. зап. ЛГУ», вып. XIII, 1949, стр. 205.

культуру других коренных народов Северного Кавказа. Поэтому при решении этногенетической проблемы мы не видим никаких оснований отрывать оседлый осетинский народ от исконно местной северокавказской культурной среды и выдавать за его прямых и «изначальных» предков степных кочевников скифов, как это делали некоторые исследователи-осетиноведы[47]. Наоборот, «изначальным» не только в языке, а во всей культуре осетин был, как мы видели, не пришлый ираноязычный, а глубоко местный древнекавказский этнический субстрат, сохранившийся до наших дней даже в языковой культуре осетин (в лице дигорского диалекта)[48].

Мы уже знаем, что язык не всегда служит признаком, свидетельствующим о происхождении народа. Язык может быть сменен, заимствован. Другое дело — самый процесс исторического развития осетинского народа, его культуры, в частности языковой. Как мы можем резонно предполагать, первое проникновение иранской речи на Северный Кавказ приходится на VII—VI вв. до н. э., где она появилась вместе с носителями ее — скифо-савроматскими племенами. Этим было положено лишь начало языковой иранизации некоторых групп местного кавказского населения. Вряд ли оно было очень сильным,— обстоятельство, на которое обратил внимание еще Ю. Клапрот. Вместе с тем явление это не было единичным.

Примерно с III в. до н. э. и позднее, по историческим и прежде всего по археологическим данным, по Северному Кавказу — от Прикубанья до Дагестана — прокатывается волна новых пришельцев, также ираноязычных полукочевников-сарматов из степей Подонья и Нижнего Поволжья [49]; возможно, что эта волна связана с обстоятельствами истории Закаспия и Средней Азии. Эта волна оказалась куда более значительной.

Исследователями установлено, что в разных районах Северного Кавказа весьма ощутимо прослеживаются результаты массового сарматского проникновения на Кавказ. В связи с этим начинают распространяться не только новые формы материальной культуры: длинные сарматские мечи, особый тип железных наконечников стрел (уже черешковых), бронзовые зеркала с ручками, особый стиль керамических полихромных украшений и форм, а кое-где, например в Прикубанье и на территории Чечено-Ингушской АССР и Северной Осетии, наблюдается появление даже новых форм погребальных сооружений — земляных склепов с подбоем и катакомб (сел. Алхасте, станица Ассинская, сел. Брут и др.).

Только с раннесарматского времени всюду на Северном Кавказе начинают возникать укрепленные, иногда довольно мощные городища, содержащие культурные слои, насыщенные этими новыми формами материальной культуры, при наличии еще сильной старой местной культурной струи. Вслед за сарматоведами мы смело можем говорить об оседании отдельных пришлых ираноязычных сарматских групп сираков и аорсов среди местного населения Северного Кавказа[50]. Если строить свои выводы

---

[47] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 75, 80.

[48] Там же, стр. 75—80.

[49] К. Ф. Смирнов. Основные линии развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 3 сл.

[50] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 207.

на памятниках материальной культуры не только лучше изученного Прикубанья, но и по материалам Северной Осетии и Чечено-Ингушетии (из селений Корца, Кумбулты, Кобана, гор. Моздока, селений Алхасте, Алхан-Кала, гор. Грозного и других мест), то уверенно можно говорить о довольно массовой сарматизации местных культур Северного Кавказа, очевидно осуществлявшейся несколькими потоками и в разное время, вплоть до начальных веков нашей эры, когда на исторической арене появились аланы, генетически связанные с ираноязычными сарматами Поволжья [51]. Но, несомненно, сарматизация местной культуры отражала другой, более важный процесс — частичную ассимиляцию самого коренного кавказского населения пришлыми ираноязычными племенами, причем в ряде мест настолько сильную (особенно в первые века нашей эры), что появившийся в исторических источниках термин «аланы» позднее мы имеем основание распространять не только на новых пришельцев, но и связывать с коренным, древним населением центральной части Северного Кавказа под именем «ясы», «осы».

Ряд наблюдений археологов над сарматской и аланской материальными культурами давно установили их генетическое родство, прослеживаемое и по погребальному обряду (катакомбы) и по многим категориям вещей (стрелы, топоры, зеркала, украшения, посуда)[52]. Причем лучше всего эта единая линия развития прослеживается именно по памятникам предгорной полосы Северного Кавказа. Сами катакомбные захоронения в горах появились не ранее VI—VII вв. н. э. В это же время на Северном Кавказе все более распространяется обычай деформации головы, существование которого во II—IV вв. н. э. давно доказано для алан Нижнего Поволжья.

Поэтому уже с начальных веков нашего летосчисления и позднее термин «аланы», с которым действительно можно и нужно связывать «яссов» и «осов», т. е. современных осетин, одновременно покрывал и другие местные северокавказские племена. Что термин «аланы» был собирательным, указывал еще Аммиан Марцеллин [53]. Все эти племена, занимавшие территории почти от Дагестана до Прикубанья, являлись родоначальниками не только осетин, но и других народов Северного Кавказа, в частности чеченцев, ингушей и адыгов.

Закономерность переноса определенного этнонима в силу большей, иногда даже временной, социально-экономической значимости его носителей на другие племена в истории хорошо известна. Поэтому нет ничего удивительного в том, что термин «аланы», первоначально принадлежавший одной лишь пришлой, активной ираноязычной племенной группе, современниками был перенесен почти на все местное население центральной части Северного Кавказа. Одновременно на этой территории имело место скрещение местного, коренного кавказского языка с иранским. Судя по последствиям этого скрещения, оно в конце концов закончилось победой пришлого иранского языка (сарматского), т. е. часть местных племен восприняла иранский язык

---

[51] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч, в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, стр. 297.

[52] Доклад В. А. Кузнецова на секторе скифо-сарматской археологии ИИМК в феврале 1959 г. о погребальном обряде северокавказских алан.

[53] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. II, СПб., 1904, стр. 323—345.

(осетинская группа). Но сопровождалась ли эта смена языка изменением антропологического типа местного населения? По исследованиям антропологов краниологический анализ черепов из средневековых склепов Северного Кавказа и из могил плоскостных районов не обнаруживает в них массовых доказательств новых элементов, отличающихся от древних доскифских местных типов. Больше того, выясняется, что даже так называемые ираноязычные аланы в своем составе имели те же два древних антропологических элемента, характерных и для доаланского времени [54]. Значит, коренной смены местного населения при иранизации не произошло. Произошла только смена языка.

Но во всех ли районах Северного Кавказа победили иранские элементы? Оказывается, не во всех. На Северо-Восточном Кавказе, в частности в Дагестане, сарматский этнический элемент не изменил ни этнический состав, ни язык местного населения. Абсолютно ли весь Северный Кавказ в эпоху раннего средневековья был заселен именно ираноязычными аланами?

Как выясняется, тоже далеко не весь, а только центральная часть. Ни в Дагестане, ни в Чечено-Ингушетии, ни даже в Прикубанье, иранский элемент, очевидно, не оказал решающего влияния на языковое развитие аборигенного населения, хотя, судя по отдельным внешним признакам, процесс сарматизации там заходил очень далеко. В Прикубанье, например, стал меняться даже погребальный обряд, являющийся важнейшим этнографическим признаком. Отдельные могильники северо-восточного Кавказа, как Таркинский, Карабудахкентский, Чир-Юртовский и другие, позволяют установить проникновение сарматского и ирано-аланского погребальных обрядов и в дагестанскую среду, не вызвавшее, однако, никаких резких перемен в местной истории. Можно полагать, что процесс языкового скрещения завершился окончательной победой иранства в начале нашей эры только в центральной части Северного Кавказа, на основе языковой ассимиляции носителей кобанской культуры и их потомков пришлыми скифо-сармато-аланскими ираноязычными племенами. В этом — ключ к пониманию вопроса о происхождении осетинского народа и его культуры. Ведь по языку осетины действительно иранцы, по культуре же — они типичные кавказцы, как и другие коренные народы Северного Кавказа. Не случайно, конечно, антропологи считают средневековых осетин близкими родственниками черкесов и кабардинцев и не признают в осетинах какого-либо существенного своеобразия, отличающего их от других аборигенов края [55]. Это очень важное заключение. Следовательно, антропологические материалы не согласуются с теорией пришлого происхождения предков осетин [56], а подтверждают их автохтонное развитие на местной основе. Такие примеры не редки в истории. Узбеки и туркмены, как известно, сейчас относятся по языку к тюркским народам. По культуре же они являются наследниками ираноязычного населения древних государств Бактрии и Согдианы. Именно опыт изучения этногенеза осетин и их культуры лучше всего убеждает всех и каждого в незыблемости марксистского положения о том, что язык и культура не

---

[54] В. В. Бунак. Указ. соч., стр. 363.
[55] Г. Ф. Дебец. Указ. соч., стр. 282.
[56] В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 75.

одно и то же; язык, являющийся верным признаком этноса, может характеризовать население с разной культурой и наоборот. Вместе с тем самый процесс развития осетинского народа с его языком и культурой служат блестящим примером, иллюстрирующим тот тезис, что «скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет», и что при скрещивании один из языков обычно выходит победителем... частично обогащаясь за счет побежденного и отмирающего языка [57]. Поучительны в этом отношении данные, добытые историко-этнографическим изучением народов Сибири. Согласно историческим документам (списки XVII в.) установлено, что у нганасан XVII в. большинство имен было эвенкскими. Списками же 1768 г. засвидетельствовано, что чисто эвенкские имена преобладали только у старшего поколения нганасан. Наконец, в 1926 г. только один старый шаман нганасанского племени мог петь по эвенкски, уже не понимая смысла произносимого. Так происходит постепенное вытеснение одного языка другим [58].

Можно думать, что именно так и произошло в древности в центральной части Северного Кавказа, где пришлая, несколькими волнами прокатившаяся иранская речь постепенно одержала верх над речью местной, кавказской. В этом отношении, т. е. в вопросе происхождения осетинского языка, все доводы и соображения лингвистов убедительны и полны значения. В этом плане нельзя не согласиться с В. И. Абаевым, который констатировал, что «в формировании осетинской языковой культуры кавказский элемент участвовал как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский» [59].

Совершенно по-иному проходил процесс сарматизации местного населения (в отношении языковой иранизации) на Северо-Восточном и особенно на Северо-Западном Кавказе. Давно уже ряд исследователей (К. Услар, Л. Лопатинский [60], И. А. Джавахишвили [61] и др.) анализом местных языков и топонимики северо-западного Кавказа доказали принадлежность древнего местного населения (меоты, синды, керкеты, псессы, зихи и др.) к глубокой основе современного адыго-черкесо-кабардинского массива.

В современном кавказоведении принято считать Северо-Западный Кавказ исконной территорией сложения мощной адыго-черкесо-кабардинской этнической общности [62].

Поэтому неудивительно, что именно в Прикубанье, несмотря на кажущуюся значительность переоформления местной материальной культуры, изменившиеся формы погребального обряда и даже появление иранских этнонимов (дандарии) в результате сарматизации края, самый процесс скрещивания иберийско-кавказской этно-

---

[57] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 25.

[58] Б. О. Долгих. О некоторых этногенетических процессах в Северной Сибири. СЭ, 1952, № 1, стр. 57.

[59] В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 80.

[60] Л. Лопатинский. Заметки о народе адыге и кабардинцах в частности. СМОМПК, т. XII, Тифлис, 1891, стр. 1 сл.

[61] И. А. Джавахишвили. Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. ВДИ, 1937, № 2, стр. 44.

[62] Л. И. Лавров. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. 3. Нальчик, 1954, стр. 195.

языковой культуры с иранской завершился явной победой более сильной местной этнической основы и, прежде всего, местного языка, сохранившегося там до наших дней. Совершенно очевидно, что в Прикубанье древняя коренная меото-синдская этническая основа оказалась более устойчивой, чем в центральной части Северного Кавказа.

Разумеется, нам сейчас трудно указать подлинные реальные причины, обеспечившие победу местного языка над пришлым иранским. Но лингвисты полагают, что в основе подобных явлений могли лежать и свойства самих языков. Поэтому, говоря о данном случае столкновения кавказского языка с иранским, можно лишь предполагать, что в Прикубанье победа местного языка над иранским могла быть обусловлена тем, что здесь более развитым оказался местный язык, богаче его словарный фонд, устойчивее его грамматический строй, сильнее его диалекты. Это и обеспечило его верх над иранством. Вполне резонно полагать, что так же дело обстояло и на Северо-Восточном Кавказе. В последние годы археологическими раскопками в Дагестане установлены значительные сармато-аланские элементы в местной материальной культуре (Таркинский, Карабудахкентский, Чир-Юртовский могильники и др.). Но в языковой культуре дагестанских народов никто и никогда не устанавливал фактов иранизации. Языки коренных дагестанских народов не давали для этого оснований.

Только в срединной части Северного Кавказа, очевидно, в результате более массового и последовательного проникновения скифо-сармато-аланских (ираноязычных) элементов в местную кавказскую этно-языковую среду, этот контакт завершился ассимиляцией местной среды и победой пришлых иранских элементов.

Таким образом, столь раннее (еще до нашей эры) проникновение в северокавказскую среду ираноязычных племен определило дальнейшую судьбу развития местного населения центральной части Северокавказского края, позднее превратившегося в алано-осетинскую народность — иранскую по языку и кавказскую по происхождению и культуре.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы. Еще в процессе становления местных культур I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе (каякентско-хорочоевской в Дагестане и частично в Чечне, кобанской со всеми ее тремя вариантами в центральной части края и прикубанской на Северо-Западном Кавказе), после последовательного и неоднократного внедрения ираноязычных элементов, стали формироваться основы будущих народностей Северного Кавказа: дагестанских, чечено-ингушской, осетинской и адыго-черкесо-кабардинской.

В этом плане огромный научный интерес представляют факты и явления более поздних этапов истории местных обществ. Судя по историческим данным, начиная от эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе прослеживается процесс сложения четырех крупнейших этнических массивов, иногда покрывавшихся и собирательными терминами. На Северо-Восточном Кавказе доминировали «савиры» или «савары» («авары» и население «царства Серир»)[63], «леки», «маскуты» и другие

[63] «Очерки истории СССР (III—IX вв.)». М., 1958, стр. 553—569.

племена Дагестана; в центральном Предкавказье — вейнахские племена «дзурдзуки», «глигвы»[64], а также «аланы» — «ясы» — «осы» [65]; на Северо-Западном Кавказе — «зихи» — «касоги» — «адыги» [66]. Именно такой вырисовывается этногеография или племенная карта Северного Кавказа эпохи V — XI вв. н. э. Здесь уместно отметить, что в срединной части Северного Кавказа (т.е. на бывшей территории кобанской культуры) эта племенная карта средневековой эпохи почти совпадает с границами установленных нами трех локальных вариантов кобанской культуры. Еще важнее отметить, что эта локализация культурных вариантов древнего Кобана также почти совпадает с границами трех локальных районов бытования культуры северокавказских аланов, установленных для V—XI вв. н. э. [67] В. А. Кузнецовым в его кандидатской диссертации.

Савиры, леки, вейнахские племена, аланы и адыгские племена в период раннего средневековья являлись, по нашему мнению, основными, самыми непосредственными и прямыми предками современных народов Северного Кавказа, из которых осетины, как мы видели, прошли наиболее сложный путь развития. Мы сознательно не касаемся пока еще научно не решенной проблемы генезиса балкарского и карачаевского народов. Этот сложный вопрос требует специального изучения. Для нас представляется несомненным, что процесс тюркизации или появление здесь тюркских элементов после XI в., также проходил при сохранении основного местного этнического ядра.

Таким образом, археологические и антропологические материалы, связанные с кобанской культурой, доказывают, что эта культура явилась глубокой подосновой культуры народов центральной части Северного Кавказа, складывавшейся в историческую эпоху.

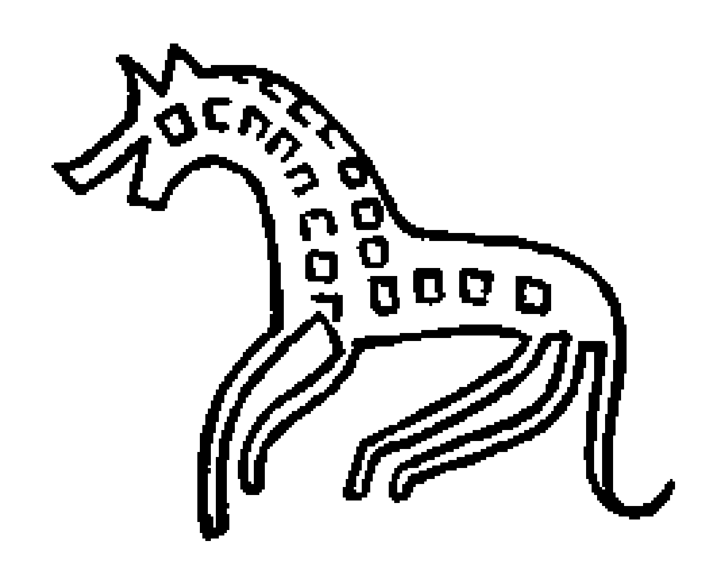
---

[64] Е. И. Крупнов. История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века. Рукопись.

[65] «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», ч. II, М.— Л., 1939.

[66] «Очерки истории СССР (III—IX вв.)», стр. 633 сл.

[67] В. А. Кузнецов. Локальные варианты культуры северокавказских алан. (Готовится к печати). Его же. Локальный вариант аланской культуры на территории Карбадино-Балкарии. «Ученые записки» КБНИИ, т. XVI. Нальчик, 1959, стр. 149.

Заключение

Мы проследили почти тысячелетний процесс исторического развития древнего населения Северного Кавказа, начиная с конца II тысячелетия до н. э. и до первого появления на Северном Кавказе сарматских племен (III в. до н. э.).

На основе анализа руководящих форм местного хозяйственно-бытового инвентаря рубежа II — I тысячелетий до н. э. нам удалось установить существование на Северном Кавказе трех самостоятельных археологических культур: в центральной части — кобанской, в восточной Чечне и Дагестане — каякентско-хорочоевской и на Кубани — прикубанской культуры. В Западной Грузии в это же время процветала колхидская культура. Все эти культуры отражали лишь местные особенности однородного общекавказского этнического массива, являвшегося подосновой единой древнекавказской, или иберийско-кавказской, языковой семьи.

Развитие каждой из этих культур происходило по определенным этапам и отражало местные особенности культурно-экономического роста населения отдельных районов. Так, по формам погребальных сооружений, погребальному обряду и наиболее массовому керамическому материалу в пределах границ кобанской культуры были выделены три локальных варианта, отражающих племенные отличия древних групп населения Кабардино-Пятигорья, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в раннежелезном веке.

Основными ведущими формами хозяйства оседлого населения нагорных и предгорных районов Северного Кавказа в то время были: экстенсивное скотоводство яйлажного типа, довольно развитое земледелие и высокопродуктивное металлургическое дело, процветавшее в рамках домашнего производства.

Социальная структура общества того времени рисуется как родо-племенное устройство, с элементами резко выраженного имущественного неравенства, с фактами

выделения племенных вождей и даже вождей союзов племен, возникавших в целях войны и обороны. Общество проходило последнюю ступень развития родового строя, сопровождавшуюся зарождением патриархального рабства и работорговли.

Для экономического и культурного роста населения этого края немаловажное значение имели развивавшиеся связи с внешним миром, которые проявлялись и в бранных делах (походы, набеги) и в мирных сношениях (обмен). Северный Кавказ издавна был связан с Закавказьем, со странами Древнего Востока (Иран, Месопотамия) и Восточного Средиземноморья (Древняя Греция, Финикия, Сирия и Египет).

Через леса, степи, горы и моря на Северный Кавказ попадали образцы более совершенного оружия, украшения, различные ценности. В свою очередь Кавказ поставлял в другие страны скот, кожу, хлеб, руду, металлические изделия и рабов.

В этот период жизнь населения Северного Кавказа оказалась органически связанной с историческими судьбами племен юго-восточной Европы.

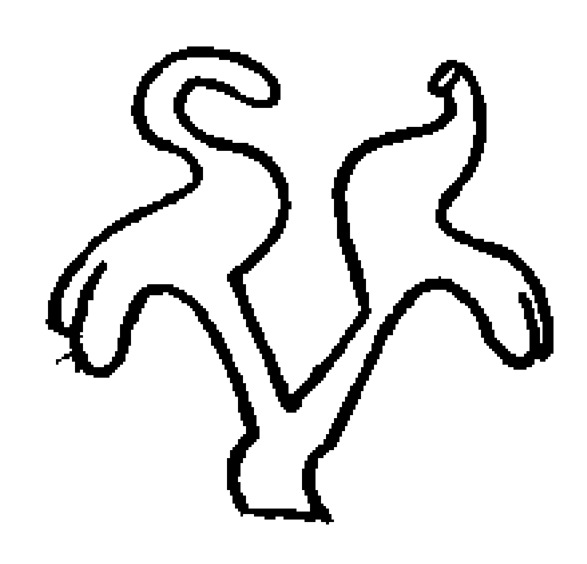
Последовательное включение в однородную кавказскую этническую среду киммерийских, скифских, а позднее и сарматских (ираноязычных) элементов (начиная с киммеро-скифских походов) обогатило культуру местных племен массовым освоением железа и положило путем постепенной языковой ассимиляции начало формирования в центре Кавказа алано-осетинской (ираноязычной) народности.

Степные племена киммерийцев, скифов и савроматов сыграли определенную роль в истории народов Кавказа раннежелезного века. Это была бурная эпоха, изобиловавшая бранными делами и героическими подвигами местного населения, еще не распавшегося на отдельные народности. Резонно предполагать, что в этой этнически однородной среде и зародились начала эпических песен и основное ядро знаменитого богатырского нартского эпоса, в частности циклы сказаний о нарте Тлепше, Курдалагоне и других нартах, олицетворявших высокое кузнечное мастерство.

Совершенством форм и отделки отличались многочисленные и разнообразные предметы кобанской культуры всех этапов ее развития. Даже позднекобанские вещи — это образцы высокого прикладного искусства. Традиции этого искусства прослеживаются и позднее в культуре народов Северного Кавказа.

Комплексное использование всех видов исторических источников приводит к выводу, что аборигенное население Северного Кавказа раннежелезного века может считаться далеким родоначальником современного коренного населения Осетии, Кабардино-Балкарии, Черкесии, Адыгеи, Чечено-Ингушетии и Дагестана. Именно в недрах этих культур и в этническом составе населения края и были заложены основы формирования адыго-черкесо-кабардинской, осетинской (со сменой языка), чечено-ингушской и дагестанских народностей Северного Кавказа.

Если читатель признает, что нам удалось хоть в какой-то степени прояснить далекое прошлое коренных народов Северного Кавказа и показать, что их древняя история, как и новая, являлась частью общей истории юго-восточной Европы, автор с удовлетворением будет считать свою задачу выполненной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕСТЕРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Могильник находится близ станицы Нестеровской Сунженского района Чечено-Ингушской АССР, у самого входа в живописное Ассинское ущелье. Станица Нестеровская расположена на левом высоком берегу р. Ассы у начала обширной котловины, как бы прикрывая вход в ущелье.

По богатству разнообразных и разновременных памятников материальной культуры, в разное время обнаруженных в Ассинском ущелье, оно может считаться крупнейшим археологическим комплексом Северного Кавказа. Научное значение некоторых из этих объектов, как, например, Алхастинского поселения, бытовавшего от эпохи бронзы до конца I тысячелетия до н. э., Лугового могильника и поселения, богатейших аланских могильников у б. станицы Фельдмаршальской, сел. Верхний Алкун и других объектов, далеко выходит за пределы исторических рамок не только области, но и края. Ассинское ущелье является древнейшим путем общения и связей населения горных районов и жителей равнинных мест. Самый выход из ущелья, по-видимому, всегда представлял собой важный стратегический пункт. Племена, владевшие входом и выходом из ущелья, были хозяевами прилегающих районов.

Одним из важнейших, по своей историко-научной значимости, памятников Ассинского ущелья является Нестеровский могильник. Расположен он на второй, слабо выраженной террасе левого берега Ассы, на расстоянии километра к юго-западу от станицы Нестеровской. Левый берег Ассы в этом районе представляет довольно ровную поверхность и является, собственно, системой старых речных террас, значительно деформированных. Только у самого выхода из ущелья у станицы Нестеровской еще четко прослеживается вторая речная терраса. На ней весною 1938 г. Управлением узкоколейной железной дороги был заложен карьер и организована выборка гравия, что и привело к открытию интересующего нас могильника.

Карьер был заложен в 200 м к западу от р. Ассы, вдоль тройной линии дорог, имеющих южное направление и ведущих в глубину Ассинского ущелья (узкоколейки, шоссейной и проселочной). Площадь карьера около 0,5 га.

По профилю стенок карьера было установлено, что под черноземными почвами обширной левой террасы, мощность которых иногда достигает 0,40—0,45 м, залегают лессовидные суглинки толщиною около 1 м, образованные наносами четвертичного периода [1]. Еще ниже — гравий, ради которого здесь и был заложен карьер.

В процессе работы на карьере весною 1938 г. был открыт могильник, довольно густо насыщенный погребениями. К сожалению, руководители работ на карьере оказались не на высоте положения. Не известив соответствующие организации ЧИ АССР (научно-исследовательский институт и музей краеведения), они продолжали варварски разрушать вскрываемые могилы. Работы

[1] А. К. Вильямс. Географический очерк Ингушетии. Владикавказ, 1928, стр. 40—41.

на карьере продолжались до августа 1938 г., в результате чего было разрушено (по словам рабочих) до полусотни погребений, а весь найденный могильный инвентарь, за малым исключением, погиб безвозвратно.

Начиная с августа 1938 г. и в течение летних экспедиционных сезонов 1939, 1940 и 1946 гг. Нестеровский могильник был подвергнут раскопкам Объединенной Северокавказской экспедицией Института истории материальной культуры, Государственного исторического музея, а в 1946 г. и Грозненских института и музея краеведения [2].

Прямым поводом для осмотра и ознакомления с этим памятником послужили первые сведения, полученные нами от жителя станицы Нестеровской — рабочего карьера А. В. Бражникова и от колхозника сел. Алхасте А. С. Арчакова. От них же нами была получена небольшая коллекция археологических предметов, собранная ими на могильном поле. От гр. Бражникова получены три бронзовых браслета из толстого прута, овального в сечении, с несходящимися и расплюснутыми концами. От гр. Арчакова приобретена более крупная коллекция. В состав ее входили:

1) бронзовая тонкая штампованная бляшка в виде двух выпуклых овалов, соединенных между собою. Края овалов украшает точечный и выпуклый пунктирный орнамент. Посередине каждого овала расположены крестообразные знаки с загнутыми вправо концами (свастика). Они выполнены той же техникой. Бляшка сильно деформирована. Ряд точечных углублений превратился уже в сквозные отверстия. Размеры бляшки 3 × 4,5 см. По словам гр. Арчакова, подобными бляшками якобы были покрыты грудные клетки погребенных;

2) один бронзовый браслет из круглого прута, с расплюснутыми и несходящимися концами, подобный браслетам, полученным от гр. Бражникова;

3) пять обломков бронзовых браслетов различной толщины и сечения;

4) два железных браслета различной толщины, так же как и бронзовые, с расплюснутыми и несходящимися концами; концы одного браслета обломаны;

5) железная фигурная, змеевидная поясная пряжка из расплюснутого прута, с клювообразным крючком с обратной стороны. Лицевая сторона гладкая. Размеры 7,5 × 4,3 см;

6) железный нож с плоской, расширяющейся книзу и просверленной в нижней и верхней частях рукоятью. Обломанное лезвие слегка изогнуто. Общая длина ножа — 24 см, рукояти — 10 см;

7) два железных наконечника копий, втульчатые, листовидные, со сквозными отверстиями во втулке для закрепления древка. У одного копья ясно выражена продольная грань в рабочей части и валик в нижней части втулки. Размеры 18 × 2,5 см.

8) подобный же наконечник копья, сильно деформированный.

9) обломок широкого лезвия меча или кинжала, также сильно деформированный.

10) два глиняных пряслица с выемчатым основанием: одно конической формы, другое трапециевидной, с сильно вогнутыми сторонами. Размеры их 3,5 × 4 см.

Все предметы хронологически были однородны, что и позволило коллективу экспедиции ориентировочно определить время существования хищнически разрушаемого могильника (скифский период), оценить его научное значение и укрепили решение немедленно приступить к исследованию этого нового интересного объекта.

Тщательный же осмотр современного состояния памятника привел к убеждению, что, несмотря на значительное его разрушение ведущимися работами и гибель полусотни погребений, ка-

---

[2] В экспедиции принимали участие: Е. И. Крупнов (начальник экспедиции), проф. Северо-Осет. пед. ин-та Л. П. Семенов (1938—1939), старший научный сотрудник ИИМК АН СССР А. М. Золотарев (1939), научный сотрудник Госпланиздата В. М. Подгорнова (1938—1939), старшие научные сотрудники ГИМ М. В. Фехнер (1939) и Н. В. Трубникова (1940, 1946 гг.), научный сотрудник ИИМК АН СССР О. В. Милорадович (1940, 1946), инженер-химик Моск. нефтяного ин-та К.В.Федюшкин (1938), постоянный участник всех северокавказских экспедиций, сотрудник Объединения «Грознефтезаводы» И. Ф. Мутовин, бывший директор Ингушского музея М. Куркиев (1939), студенты истфака МГУ Е. А. Крашенинникова и О. Н. Сетницкая (1939) и учащиеся средней школы г. Грозного А. В. Мутовин, В. Г. Васильев (1940) и Г. П. Чуриловская (1946).

кая-то часть могильного поля еще сохранилась. Кое-где в срезе западного края карьера были замечены торчащие кости человеческих скелетов и булыжная кладка, указывающая на наличие могил.

Тогда же было установлено, что перед нами в основном грунтовый могильник, содержащий основную массу погребений в подпочвенном суглинистом слое, со значительными включениями мелкого галечника. Этот могильный слой перестилал более мощный слой крупного гравия, ради которого строительная организация предполагала вести разработку карьера и в дальнейшем.

По свидетельству рабочих, погребения встречались почти на всей пройденной ими площади раскопа, но с явным преобладанием в северной половине. Кроме того, рабочими было замечено, что некоторые погребения были обнаруживаемы под небольшими курганными насыпями, иногда состоящими из булыжных завалов. Действительно, обследованием установлено, что еще на нетронутой карьером территории находятся весьма небольшие всхолмления диаметром в 3—5 м и высотою, не превышающей 0,2—0,4 м. По-видимому, это остатки распахивавшихся небольших курганов. Один такой курган был исследован экспедицией, о чем будет сказано дальше. Вся окружающая площадь карьера издавна использовалась нестеровскими казаками под посевы. И сейчас в 5—7 м за карьером уже начинаются пахотные участки, а дальше и выше — виноградники.

Показания рабочих о массовых захоронениях подтверждались находками обломков керамики и человеческих костей, разбросанных по всей площади карьера. Но большее количество таких находок фиксировалось в северной части раскопа. Этим и определялось решение начать раскопки могильника в северо-западном углу карьера и, главным образом, вдоль его западной стенки.

В целях предотвращения возможности разрушения могильника последующими работами на карьере, по договоренности с администрацией строительства узкоколейки, экспедицией были запланированы узкие, но длинные раскопы, закладываемые вдоль западного края карьера, дабы, исследуя погребальный слой могильника, подготавливать рабочим гравийный слой. Этим и определялась протяженность заложенных раскопов в направлении с севера на юг.

Первый раскоп 1938 г. был небольшой, ибо он был произведен в конце работы экспедиции и носил разведочный характер.

Как было отмечено, раскопки могильника продолжались еще три сезона (1939, 1940 и 1946 гг.). Это объясняется тем, что Нестеровский могильник не являлся для экспедиции единственным объектом исследования.

Стратиграфия могильника устанавливается по стенкам карьера. Почва, в которой некогда выкапывались могильные ямы, состоит из сравнительно тонкого растительного слоя, чернозема и суглинка, причем резкой разницы между слоями, особенно верхними, не наблюдается. Все три слоя содержат огромное количество мелкой гальки, особенно слой суглинистый (погребальный), что чрезвычайно затрудняло раскопки и особенно расчистку костяков.

Методика раскопок была такова. Закладываемые раскопы разбивались на квадраты или участки, со сторонами, равными 2 или 4 м. Счет квадратов велся с севера на юг. Вся площадь закладываемых раскопов вскрывалась послойно, на глубину штыка лопаты (около 20—22 см). Вскрываемые могилы получали порядковую нумерацию в последовательности их обнаружения.

Всего за четыре сезона (1938—1940 и 1946 гг.) работ экспедиции на территории Нестеровского могильника было вскрыто около 500 кв. м. На этой площади обнаружено и отпрепарировано 53 погребения. Основная часть погребений представляла собою индивидуальные захоронения. Меньшая часть — парные и коллективные.

Могильные сооружения также были не однородны. Большинство костяков покоилось прямо в грунте, но встречались костяки и в могилах, обложенных булыжником и сверху заваленных таким же камнем. В двух случаях были зафиксированы и круговые каменные ограды вокруг погребений. Наконец, несколько погребений было исследовано и под небольшой курганной насыпью. Глубина залегания погребений, положение и ориентировка костяков, состав могильного инвентаря были столь неодинаковы, представляли столько вариантов, что еще более подчеркивали своеобразие памятника.

Придавая огромное значение документальным данным в любой историко-археологической работе, считаем необходимым подробному анализу находок предпослать соответствующее описание могил и их содержимого. Счет могил общий, начиная с 1938 и кончая 1946 годом.

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ И МОГИЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

Погребение № 1 (1938 г. № 1)[3]. Глубина от поверхности 0,23 м[4]. Открыты кости человека, головой на ССВ, в нарушенном состоянии. Положение погребенного установить трудно, череп разбит, нижняя челюсть — в стороне. Кости очень плохой сохранности. У головы — две бусины, одна шаровидная, сердоликовая, другая круглая, уплощенная, стеклянная. Под остатками таза — железный кинжал-акинак редкого типа (табл. LIX, рис. 2). Общая длина кинжала 0,27 м, рукояти 0,12 м. В ногах — глиняный грубый толстостенный горшочек с одной ручкой (в обломках) и обломок железного предмета — шила?

Погребение № 2 (1938 г., № 2). Глубина 0,45 м. Костные остатки очень плохой сохранности и в беспорядке. В северо-восточной части, почти в ряд, стояли 10 глиняных сосудов разных размеров, из них мелкие были вставлены в крупные. По качеству глины и техники изготовления все сосуды однородны. Глина содержит незначительную примесь дресвы. Сосуды тонкостенны и сравнительно слабого и неровного обжига. Цвет имеют грязно-бурый. Следы легкого лощения чуть заметны. Восстановленные по обломкам сосуды представляли следующие формы.

Особо примечательной была небольшая миска с почти прямыми стенками и незначительным поддоном (d — 15 см, h — 3 см). Чаша приготовлена из глины лучшего качества и лучшей выделки. Ее поверхность лощеная. Вертикальные стенки покрыты опоясывающей широкой полосой, образованной двумя врезанными зигзагообразными линиями. Треугольники, образованные сторонами ломаных линий, заштрихованы параллельными нарезными черточками (рис. 44).

Интересен кувшинчик с несохранившимся верхним краем горловины, с сильно вытянутой и высокой шейкой, приплюснутым корпусом и узким днищем. Коркус опоясывает ряд косо направленных параллельных углублений. По технологическим качествам кувшинчик близок чаше (его размеры: d корпуса 95 мм, h — 0,09 м).

Шесть небольших глубоких чашек-мисок со слабо отвернутыми венчиками, с очень короткими шейками Размеры их: средний d — около 15—17 см, h —7 см.

Два небольших горшочка более грубого теста, с высокими шейками, раздутым туловом и, так же как и все сосуды, с плоскими днищами. Край одного горшочка обломан, венчик другого опоясывает валик, украшенный налепным слабо выраженным щипковым орнаментом. Его размеры: d — 9 см, h — 10 см.

Около сосудов найдено рассыпанными 13 целых и 17 обломков стеклянных бус — круглых, уплощенных и почти биконических форм. Одна бусина бронзовая, пластинчатая. Две белые, три прозрачные, три светло-желтые, пять зеленых и голубых.

В разных местах обнаружено: два довольно крупных глиняных пряслица чечевицеобразной формы, одно из которых имело выемчатое основание, железное листовидное копье со втулкой (в обломках), мелкие обломки железных ножа и шила, а также обломки двух железных браслетов из прута.

Вблизи сосудов найдены четыре бронзовые трубочки-пронизи (накосники) и две отжимные пластинки (lames) из светлого кремня. Здесь же подняты два бронзовых трехперых втульчатых наконечника стрел (один с обломанным шипом) и один в обломках, также два деформированных железных плоских наконечника стрел с опущенными крыльями (площики).

Судя по составу инвентаря, это было парное погребение.

Погребение № 3 (1938 г. № 3). Глубина 0,28 м. Мужской костяк, лежащий скорченно на правом боку: ориентировка на север. Кости ног сильно согнуты в коленях; кисти рук подняты к голове. Кости плохой сохранности. Слева у головы несколько фрагментов разбитого глиняного сосуда грубой техники. Тесто содержит

---

[3] В скобках указывается год раскопок и полевой номер погребения.

[4] Всюду глубина залегания погребения высчитывалась от пикетов, на наиболее ровной поверхности территории могильника, принятой при нивелировке за нулевую точку.

примесь крупного песка. У шейных позвонков найден маленький медный или бронзовый сегментовидный предмет, в сечении треугольный.

Погребение № 4 (1938 г. № 4). Глубина 0,25 м. Костные останки человека, далеко не полные и в беспорядке. Среди костей — один бронзовый трехперый втульчатый наконечник стрелы без шипа скифского типа и несколько мелких фрагментов керамики.

Погребение № 5 (1938 г. № 5). Глубина 0,5 м. Женский костяк лежал слегка скорченно на правом боку, головой на ССВ. Кисти рук у лицевых костей черепа. Последний покоился на небольшой каменной плитке валуна. Возраст погребенной — средний. На плитке и по другую стороку черепа найдены две серебряные серьги в виде колец из довольно толстой проволоки со слегка заходящими концами (d — 2 см). У шеи — пять стеклянных зеленоватых уплощенно-круглых бус. У лучевых костей рук — глиняное пряслице с выемчатым основанием.

Погребение № 6 (1938 г. № 6). Глубина 0,2 м. Обнаружен двойной слой булыжника, заполняющий прямоугольную площадку. Длинные стороны площадки, обращенные к ССВ и ЮЮЗ, равняются 2—2,1 м; другие — около 1,8 м. По удалении булыжника на глубине 0,45 м, в центре разобранной площадки обнаружены жалкие остатки человеческого скелета как бы в нарушенном состоянии. Обломки черепа — в юго-восточном направлении. Близ черепных костей найден обломок маленького плоского железного прута.

Погребение № 7 (1938 г. № 7) Глубина 0,25 м. Под такой же прямоугольной булыжной кладкой со сторонами 2,7 × 1,1 м могила, длинными сторонами ориентированная на СВ и ЮЗ. На глубине 0,50 м обнаружен костяк, лежавший скорченно на левом боку; кисти рук у черепа. Кости исключительно плохой сохранности. У черепа — один обломок керамики.

Погребение № 8 (1939 г. № 1)[5] Глубина 0,42 м. Под булыжной прямоугольной кладкой, ориентированной с ССЗ на ЮЮВ, обнаружена могила прямоугольной формы, обложенная в один-два ряда крупным булыжником, иногда достигающим 0,3—0,4 м в поперечнике. Ориентирована могила на ССВ. Внутренние размеры: длина — 1,23 м, ширина — 0,78 м, толщина булыжных стен — до 0,35 м, глубина могилы — 0,85 м.

Могила содержала шесть костяков, лежавших скорченно на правом боку, головами на ССВ. Очевидно, погребенные последовательно клались друг на друга. Все кости плохой сохранности.

При первом сверху женском костяке, лежавшем у восточной стенки могилы с поднятыми к лицу руками, найдены: у головы — глиняная невысокая тонкостенная кружка грязно-охристого цвета с одной ручкой (d — 8,5 см, h — 9,5 см). В кружке находилась половинка глиняного конического пряслица с выемчатым основанием. Под черепом 14 круглых уплощенных стеклянных зеленых бус, 3 бронзовые цилиндрические спиральки из прокованных прутьев (накосники?). У черепа же найдены 8 бронзовых круглых полусферических бляшек с двумя отверстиями по краям, от головного убора (до 1,5 см). Здесь же находился бараний астрагал.

У туловища и в ногах первого костяка было найдено 135 бронзовых мелких острореберных (или биконических с усеченными вершинами) бус, с неспаянными концами. Судя по тому, что они своим местоположением повторяли конфигурацию положения костяка, можно считать, что бусы были нашиты на полы и борта несохранившейся одежды погребенной. Второй сосуд у головы был разбит на мелкие фрагменты.

Инвентарь второго женского костяка, лежавшего западнее первого и в том же скорченном положении, составляли: 2 стеклянные круглые уплощенные бусины, 4 полусферические бронзовые бляшки, 32 бронзовые бусины, аналогичные вышеописанным, 2 бронзовые цилиндрические спиральки (накосники?), найденные у черепа и шейных позвонков костяка. В области грудной клетки найдены: бронзовая трубочка (накосник?), одно глиняное конусообразное пряслице с выемчатым основанием и бронзовая подвеска — бляшка, напоминающая ворворку. На руках — по 2 браслета железный и бронзовый. Браслеты сделаны из нетолстых прутьев, с утонченными и несходящимися концами.

[5] См. план раскопов 1938—1939 гг. (рис.36).

У пояса третьего мужского костяка, лежавшего под двумя первыми у западной стенки могилы, в таком же скорченном положении на правом боку, находился отличный точильный камень из речной гальки, с отверстием для подвешивания у более узкого конца и узкой глубокой продольной бороздой, очевидно, процарапанной при точке острых инструментов. Камень в сечении — почти прямоугольный. Здесь же — распавшийся железный кинжал. Верхняя перекладина рукояти кинжала узкая и прямая, со слегка загнутыми внутрь концами. Нижнее перекрестье — в виде прямого валика. Общая длина кинжала 0,28 м, длина рукояти 0,08 м.

Под этими тремя костяками находились еще 3 костяка, в том же положении и такой же плохой сохранности. При четвертом костяке, лежавшем под первым и вторым костяками, найдено 5 бронзовых пластинчатых трубочек в обломках, 20 мелких бронзовых и стеклянных бус и одна спиральная бронзовая подвеска.

Пятый мужской костяк находился посередине между четвертым и шестым скелетами. Около головы костяка был обнаружен один железный втульчатый наконечник копья листовидной формы. Здесь же — малый железный нож. Обломок железного стержня найден в области таза.

На руках шестого костяка находилось по одному железному браслету из нетолстого прута, с несходящимися концами.

Полом этой могилы был чистый гравий, подстилающий суглинистый слой, содержащий погребения.

Погребение № 9 (*1939 г. № 2*) Глубина 0,4 м. Булыжная кладка в виде прямоугольника с округлыми углами. Длинными сторонами прямоугольник ориентирован на СВ и ЮЗ. На глубине 0,5 м обнаружена могила тех же очертаний, сложенная из более мелкого булыжника. Внутренние размеры могилы 1,4 × 0,6 м, высота стен 0,5 м.

Посередине могилы отпрепарирован женский костяк, лежавший скорченно на правом боку, головою на ЮЮЗ. Правая рука поднята к лицевым костям резко выраженного долихоцефального черепа. Кости предплечья левой руки лежали перпендикулярно позвоночнику. Возраст — преклонный.

В левом углу могилы близ черепа находились два глиняных сосуда — одна небольшая миска, слегка лощеная, темно-серого цвета, со слабо вогнутым внутрь краем (d — 16,5 см, h — 5 см.) и совершенно распавшийся горшочек из более грубого теста, с венчиком, украшенным налепным щипковым орнаментом. Тут же найдено глиняное коническое пряслице с выемчатым основанием. Справа, у черепа найдено бронзовое височное кольцо из тонкой проволоки (d — 3 см); в области шейных позвонков — 2 стеклянных бусины, синего и коричневого цвета. Бусы круглые, уплощенные.

Вне могилы у самого юго-западного угла могилы обнаружены: один глиняный острореберный сосудик красноватого цвета с высокой шейкой, лощеный, сделанный из хорошего теста и отлично обожженный (d — 5,5 см, h — 10 см), два бронзовых браслета из нетолстого прута, с уплощенными и заходящими друг за друга (орнаментированными насечками) концами, и один высокий скребочек из обсидиана, с отличной ретушью.

Последние находки, несомненно, имеют прямую связь с погребением № 9.

Погребение № 10 (*1939* г. *№ 3*) Глубина 0,2 м. Зачищенная кладка из булыжников имела форму почти прямоугольника, ориентированного с запада на восток. Внутренние размеры обнаруженной могилы — 1,45 × 0,7 м. Могила также сложена из булыжных камней; ее глубина 0,6 м. На этой глубине лежал на правом боку скорченный мужской костяк, головой на СВ. У шеи костяка найдена одна круглая стеклянная зеленоватая бусина. Около черепа — небольшая чашка с невысокой и слабо выраженной шейкой (d — 13 см, h — 5,5 см) и черный глиняный горшок, со слабо раздутым туловом, с сильно отогнутым краем, украшенным налепным валиком, покрытым щипковым орнаментом (d — 12,5 см, h — 13 см). Оба сосуда, особенно горшочек, лощеные.

У локтевых костей рук — железный втульчатый наконечник копья, узколистовидной формы (длина 20,5 см, d втулки 2,5 см). Близ тазовых костей — деформированный железный широкий нож.

Погребение № 11 (*1939 г. № 4*). Глубина 0,3 м. Скопление булыжника имело форму овала, не сплошь заваленного камнем. Могила овальной формы грубо сложена из булыжников. Ориентирована могила с юга на север. Размеры 1,33 × 0,65 м, высота стен 0,55 м.

Мужской костяк лежал скорченно на правом боку, головой на север. Кисть правой руки у черепа. Левая рука согнута под прямым углом. Кости плохой сохранности. Вещей при костяке не обнаружено.

Погребение № 12 (1939 г. № 5). Глубина 0,57 м. Прямо в грунте обнаружен мужской костяк, лежавший на спине, с очень слабо поднятыми в коленях и подогнутыми ногами, головой на ЮВВ. Возраст — средний. Правая рука согнута так, что кисть покоится на груди. Левая — вытянута вдоль туловища. У кисти левой руки, у таза найден костяной четырехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой. Рядом, у самого туловища — железный кинжал хорошей сохранности. Верхнее перекрестье рукояти в виде валика, с закрученными внутрь концами; нижнее перекрестье в виде бабочки (общая длина 33 см, рукояти — 10 см, ширина 4 см). Прямо под кинжалом — круглый в сечении точильный камень, с отверстием для подвешивания; один конец обломан.

На левой стороне грудной клетки найдена крупная стеклянная прозрачная рифленая бусина зеленоватого цвета. В правой половине груди обнаружен бронзовый трехперый втульчатый наконечник стрелы.

Погребение № 13 (1939 г. № 6). Глубина 0,77 м. Вскрыт костяк подростка лет 14—15, лежавший прямо в грунте, в сильно скорченном положении на левом боку. Правая рука покоилась на груди, левая у головы. Ориентировка — северная. Никаких вещей при нем не обнаружено. Кости плохой сохранности.

Погребение № 14 (1939 г. № 7). Глубина 0,8 м. Без всяких признаков могильного пятна, прямо в грунте обнаружена могила, содержавшая 3 костяка. Верхний костяк лежал скорченно на правом боку, головой на ССВ. Кости второго, несколько меньшего размера, находившегося к востоку от первого, были, очевидно, сдвинуты при погребении верхнего костяка. Под этими двумя находился третий явно мужской костяк. Он также лежал скорченно, но на левом боку и также головой на ССВ.

У черепа первого верхнего женского костяка найдены 2 стеклянные кругло-уплощенные темно-зеленые бусины и одна бронзовая круглая полусферическая бляшка с перекладиной. Слева у черепа — обломки грубой керамики. У колен найдено глиняное пряслице в форме усеченного конуса.

Между сгрудившимися костями второго скелета (судя по размерам костей подростка), у черепа собрано 10 стеклянных зеленых бусин, аналогичных описанным. Под распавшимся черепом — следы разрушенного предмета серебристого цвета (сплава?). У таза третьего нижнего, мужского скелета лежал небольшой железный серповидный нож (длина 12 см, ширина 1,5 см).

По-видимому, это была семейная гробница, содержавшая останки мужа, дочери и жены. Подстилал погребенных гравий.

В процессе работы на могильнике было установлено, что в северной части карьера находилась небольшая курганная насыпь (курган), южная часть которой была разрушена работами на карьере еще в 1938 г.

В зачищенном профиле было видно, что под растительным слоем в 15—20 см шел слой сплошного булыжника, толщиною в 0,5 — 0,7 м. Ниже до самого гравия — суглинок, перемешанный с мелким гравием. В самой булыжной насыпи и в суглинистом слое кое-где были замечены кости погребенных.

Курганная насыпь сильно оплыла, особенно в восточной части, так как он расположен у самого края речной террасы. Высота кургана 0,36 м, диаметр булыжной насыпи — 9,5 м (см. разрез кургана, рис. 38).

В северо-западной части на курганной насыпи стоял плетеный сарай колхозного птичника. Это обстоятельство и определило закладку раскопа с южной стороны (рис. 39).

По ряду данных, связь курганной насыпи с исследуемым могильником была несомненна. Поэтому порядковый счет исследуемых погребений в дальнейшем будет продолжен в последовательности обнаруживаемых могил. Вместе с тем дополнительно будет вестись счет погребений, вскрываемых под курганной насыпью. Эти показатели будут указаны в скобках.

Погребение № 15 (1939 г. Курган, погр. № 1). Почти на самой вершине курганной насыпи, прямо под растительным слоем, на глубине 0,25 м, среди булыжников был зачищен скелет человека, лежавший на правом боку, головой на ССВ. Положение скелета являет собою пример наиболее сильно скорченного положения погребенного. Кости наихудшей сохранности. Возраст погребенного средний (рис. 43).

Кроме нескольких обломков грубой керамики, при костяке никаких вещей не найдено.

Погребение № 16 (1939 г. № 8). Глубина 0,90 м. Прямо в грунте обнаружены два костяка, ориентированные на ССВ. Левый лежал в сильно скорченном положении на левом боку, с руками, поднятыми к череку. Кости другого (правого), более крупного, были сдвинуты к восточной стенке могилы, очевидно при захоронении левого погребенного.

У черепа первого левого костяка обнаружена глиняная кружка с одной ручкой. Кружка из довольно хорошо приготовленного теста, хорошего обжига, серого цвета. Поверхность лощеная (d — 9 см, h — 12 см). Под черепом — два бронзовых проволочных кольца, с незамкнутыми концами, из которых одно овальное. На груди — одна бронзовая бусина (деформированная).

При костях второго скелета обнаружены мелкие обломки от двух сосудов из грубого теста. Цвет — светло-серый и темно-серый. Здесь же — небольшое железное шило или проколка.

В 0,25 м правее этого погребения, на той же глубине, было зафиксировано скопление обломков от грубого толстостенного сосуда красноватого цвета, совершенно распавшегося. Эти находки можно связывать с погребением № 16 и рассматривать как остатки тризны.

Погребение № 17 (1939 г., № 9). Глубина 0,3 м. Под булыжной кладкой, имеющей форму овала, на глубине 0,65 м, прямо в грунте отпрепарирован костяк человека, лежавшего в скорченном положении, на правом боку. Кисти рук подняты к лицевым костям черепа. Ориентирован на СВ. Погребенная — женщина преклонного возраста.

Могильный инвентарь составляли: глиняное конусообразное пряслице, найденное у кистей рук, одна бронзовая височная привеска — у грудной клетки и глиняная высокая чашка из серой глины и обломки другого грубого сосуда, находившиеся справа от грудной клетки (размеры чашки: d — 13,5 см, h — 8 см). Примечательна бронзовая привеска. Она вытянуто-овальной формы, имеет 2 оборота, в нижней части — 3 лопасти, украшенные посередине пунктирным выпуклым орнаментом (рис. 46, 5).

Погребение № 18 (1939 г. № 10). Глубина 0,5 м. Под слоем булыжных камней обнаружена неглубокая могила, стенки которой составлял булыжник. Их высота — не более 0,27 м. Могила овальной формы, ориентированная на ССВ. На дне могилы зачищены кости человека в нарушенном состоянии, несомненно скорченного. Позвонки и череп указывали на северное направление. Кости плохой сохранности. В головах — распавшийся серый горшочек, украшенный по венчику налепным, щипковым орнаментом. В ногах — крупных размеров миска, с слабо вогнутыми внутрь краями. Темно-серая поверхность миски слабо вылощена (d — 26 см, h — 9 см).

Погребение № 19 (1939 г. Курган, погреб. № 2). Глубина 0,46 м от нулевой точки (см. разрез кургана). Под слоем булыжника прямо в грунте, без явных очертаний могилы, расчищены 2 костяка очень плохой сохранности. Покойники были положены рядом, но спинами друг к другу.

Первый (северный) женский костяк лежал скорченно на правом боку, головою на восток. Под нижней челюстью найдено одно бронзовое толстопроволочное кольцо с заходящими друг за друга концами. Под остатками черепа — три бусины: одна бронзовая, свернутая из тонкой пластинки; другая круглая, уплощенная, стеклянная, зеленого цвета и третья круглая, стеклянная, синяя, с тремя желтыми выступами. В области груди — глиняное пряслице в виде круглого штампа или печати с рукоятью.

Второй (южный) также женский скелет в таком же скорченном положении лежал на правом боку, но головой на СЗЗ. Ноги очень сильно согнуты в коленных сочленениях. Слева от черепа находился совершенно распавшийся глиняный горшок из грубо приготовленного теста. Край сосуда опоясан орнаментом. Здесь же отмечено наличие мелких кусочков угля. У шейных позвонков — две круглых уплощенных стеклянных бусины зеленого цвета, половинка такой же бусины желтого цвета и два обломка тонких бронзовых пластинчатых спиралек (накосников). Влево от плеча — одно глиняное лепешкообразное пряслице с выемчатым основанием, влево от тазовых костей — другое конусообразной формы.

Погребение № 20 (1939 г. Курган, погреб. № 3). Глубина 0,72 м. Под толстым курганным слоем булыжника, в грунте отпрепарирован мужской костяк, лежавший сильно скорченно на левом боку, головой на ССВ. Кисти рук — у черепа. Мужчина был среднего возраста.

Могильный инвентарь составляли: небольшой железный серповидный нож (у черепа и у кисти правой руки) (размеры 8,5 × 1 см); обломок другого железного ножа — за спиной

на линии пояса; рядом — просверленный бараний астрагал; небольшой кабаний клык с просверленным отверстием (размеры 7,5 × × 1,5 см) — ниже таза; железный стержень (проколка) и почти круглая просверленная посередине плоская галька (3 × 0,5 см), найденные под бедренными костями и, наконец, пять наконечников стрел, лежавших в ряд ниже тазовых костей. Из них — 2 бронзовых двуперых втульчатых с шипами, 1 бронзовый плоский черешковый наконечник, с опущенными крыльями, 1 такой же, но железный и 1 костяной наконечник узко-конической формы (рис. 48,4).

Погребение № 21 (Курган, погреб. № 4). Глубина 0,54 м. Под тем же булыжным слоем курганной насыпи обнаружена могила, содержащая три человеческих скелета. Два верхние, сильно скорченные костяка лежали на правом боку головами на ССВ. Кисти рук были подняты к лицевым костям.

Под самым черепом верхнего (восточного) костяка находился глиняный парный биноклевидный сосуд, образованный из двух сообщающихся перемычкой сосудиков. Сосудики имеют острореберчатую форму тулова и высокие шейки. Сделаны они из хорошо отмученной глины светло-серого цвета. Размеры каждого следующие: d — 5 см, h — 8,5 см. Поверхность их слабо лощеная. Под черепом найдена одна бронзовая овальная пластинчатая височная привеска в полтора оборота (2,5 × 1,5 см) и одна полусферическая бронзовая бляшка с двумя отверстиями для прикрепления. У кисти правой руки найден массивный бронзовый браслет из толстого, круглого в сечении прута с расплюснутыми и несходящимися концами (5 × × 5,5 см). Под тазовой костью — оригинальная фигурная подвеска, выпиленная из шиферного сланца с отверстием посередине (4 × 2,5 см). Этот инвентарь принадлежал женщине преклонного возраста.

При западком (мужском) скелете найдены: один бронзовый массивный трехперый, втульчатый наконечник стрелы (у кистей рук), обломок железного серповидного ножа — на груди и железный втульчатый наконечник копья, узко-листовидной формы — под костяком (длина копья 19 см). Под этими костяками ниже залегал третий скелет, кости которого были как бы сгружены к восточной стенке при захоронении верхних. Среди костей третьего скелета, очень плохой сохранности, обнаружен один бронзовый массивный браслет абсолютно сходный с браслетом первого женского костяка.

Из-за особенностей суглинистого грунта, сильно перемешанного с мелкой галькой и с подиочвенным обесцвеченным черноземом, никаких признаков могильной ямы ни в плане, ни в профиле раскопа замечено не было.

Погребение № 22 (1939 г. Курган, погреб. № 5). Глубина 0,7 м. Также под булыжной кладкой обнаружен женский костяк, лежавший в сильно скорченном положении, головой на ССВ. Кисти рук — у черепа. Скелет принадлежал очень старой женщине, с заметно искривленным позвоночником.

Справа от черепа находился маленький глиняный горшочек почти баночной формы, сделанный из хорошо приготовленного теста. Сосудик темно-серого цвета с лощеной поверхностью. Слегка отвернутый край сосуда опоясан венчиком, украшенным щипковым орнаментом. По бортику сосуда с одной стороны спускается такой же валик (d — 9 см, h — 8 см).

У черепа — две бронзовые малые, но массивные бронзовые спиральки в два-три оборота с расплюснутыми концами. У левого виска — одна бронзовая спиральная височная привеска в форме усеченного конуса на высокой дужке. Под черепом — другая привеска в виде проволочного кольца с заходящими друг на друга концами. На руках — по одному бронзовому браслету из толстого прута, с расплюснутыми и несходящимися концами. Концы браслетов украшены геометрическим узором и насечками (размеры 6 × 5,5 см). В изгибе левой руки — глиняное пряслице в виде штампа или печати с ручкой. На костях правой руки — другое, конической формы. У пояса — обломок малого железного ножа.

Погребение № 23 (1939 г. Курган, погреб. № 6). Глубина 0,55 м. Обнаруженный костяк исключительно плохой сохранности лежал на левом боку в сильно скорченном положении. Ориентировка на ЮЮВ.

Кроме трех обломков грубой керамики, никаких вещей при нем не было.

Погребение № 24 (1939 г. Курган, погреб. № 7). Глубина 0,45 м. Зачищен очень плохо сохранившийся скелет подростка. Костяк лежал скорченно на правом боку головой на ЮЮЗ, без всякого могильного инвентаря.

Погребение № 25 (1939 г. Курган, погрб. № 8). Глубина 0,6 м. Под той же курганной булыжной насыпью, почти в самом центре кургана, зафиксированы незначительные остатки человеческого скелета. По совершенно распавшимся костям трудно даже судить о положении и ориентировке погребенного. Среди костных остатков найден один бараний астрагал, также значительно деформированный.

В связи с тем, что работы по выборке гравия на карьере продолжались, закладки последующих раскопов в известной степени определялись и этим обстоятельством. Так, в 1940 г. были заложены 3 раскопа, с разных сторон примыкающие к старым. Счет вскрываемых погребений велся все в той же последовательности.

Погребение № 26 (1940 г. № 1)[6]. Глубина 0,4 м. Под булыжной кладкой открыта могила, разрушенная при выборке гравия. Стены могилы выложены булыжником; ориентирована на ЮЮЗ. На это же направление указывает и плохо сохранившийся череп и шейные позвонки. У южной стенки могилы близ черепа обнаружены: бронзовая проволочная спиралька, бронзовое проволочное височное кольцо-привеска и круглая стеклянная синяя бусина.

В выбросе земли, внизу, найден комплекс вещей, очевидно являющийся могильным инвентарем этой разрушенной могилы: глиняная мисочка с волнистым краем в виде опрокинутого усеченного конуса; тонкостенная мисочка из серой глины, неровно обожжена и слабо вылощена (ее размеры: d — 9 см, h — 4 см); обломки грубого сосуда, украшенного по краю налепным щипковым орнаментом и обломки такой же глиняной миски или блюда.

Погребение № 27 (1940 г. № 2). Глубина 0,4 м. Под булыжной кладкой, по форме близкой прямоугольнику, ориентированному на СВ, обнаружена могила в виде прямоугольника с округлыми углами. Стены выложены булыжником на глубину 0,5 м. Длина могилы 1,7 м, ширина 0,6 м. Ориентировка — на СВ.

Остатки черепа находились в северо-восточной части могилы. Кости — в беспорядке и очень плохой сохранности. Отдельные вещи — бронзовая височная привеска и бусы находились прямо под слоем булыжника. На дне могилы инвентарь оказался страшно перемешанным в результате явного нарушения погребения.

Могильный инвентарь составляли: бронзовое проволочное височное кольцо с нанизанной синей стеклянной бусиной и проволочный завиток, найденные у черепа; две бронзовые проволочные спиральки — у шеи; одна бронзовая проволочная пряжка со следами железного языка — в южном конце могилы: здесь же — бронзовая проволочная очкообразная привеска и бронзовая биконическая височная привеска, внутри имеющая деревянный остов, ее проволочная дужка разогнута; другая привеска — деформирована; в области таза — крупное глиняное конусообразное пряслице с выемчатым основанием, другое пряслице маленькое — в области грудной клетки; у таза же — мелкие обломки небольшого глиняного сосуда, украшенного по венчику налепным щипковым орнаментом.

На всей площади могилы и на разной глубине встречено 46 целых бусин и 31 обломок. Бусы стеклянные, круглые и уплощенные, синие, зеленые коричневые и пастовые — черные с красными глазками, обведенными желтыми кружками, светло-желтые — с коричневыми глазками, обведенными черными кружками. Судя по инвентарю, погребение было женским.

Погребение № 28 (1940 г. № 3). Глубина 0,3 м. Овал из булыжных камней, ориентированный на ССЗ, покрывал почти таких же очертаний могилу, сложенную из булыжного камня. Длина овала по продольной оси — 1,8 м, ширина около 1 м. Несколько восточнее, на глубине 0,45 м, зачищено другое скопление булыжника малых размеров. Рядом обнаружены обломки грубой керамики.

По снятии двойного слоя камней над могилой, обнаружилось, что последняя, хотя и была тщательно сложена из булыжных камней, но оказалась абсолютно пуста. До самого гравия, на глубине 0,9 м, абсолютно никаких признаков погребения не обнаружено. Тщательность же завала могилы камнями исключает мысль о былом ограблении.

Некоторую разгадку дает расположенный восточнее косоугольник из камней. На глубине 0,2 м под одним из булыжников найдена бронзовая шейная гривна с одним обломанным концом. Прут, из которого сделана гривна, витой

[6] См. план раскопок 1940 г. (рис. 37).

и с конца расплюснут в виде ромбического щитка, украшенного точечным, штампованным и насечным орнаментом (рис. 48,33). Судя по сохранившейся части гривны, она имела два таких щитка (размеры ее: 12 × 1,5 м).

Других находок не было. Близость этого объекта от вскрытой, пустой могилы позволяет рассматривать его как тайник при неиспользованной могиле, или «кенотафе»; заготовленные же и неиспользованные могилы — каменные ящики — известны на Кавказе. Например, на Паметском холме близ селения Фуртоуг (по нашим раскопкам 1935 г.), у станции Ларс на Военно-Грузинской дороге и в других местах. Такие мнимые могилы, или кенотафы, известны и в Закавказье[7].

Погребение № 29 (1940 г. № 4). Глубина 0,75 м. Под неправильной формы булыжной выкладкой никаких признаков могилы не обнаружено. Но несколько восточнее, прямо в грунте, отпрепарирован костяк пожилой женщины, лежавшей скорченно на правом боку. Кисти рук — у черепа.

Слева у височной кости распавшегося черепа найдены: 1 бронзовое проволочное кольцо, 1 бронзовая петелька от распавшегося предмета (пуговицы?), две маленькие пастовые желтые бусы и железный браслет из толстого прута с несходящимися концами. Справа, у кисти правой руки — половинка железного браслета из сплющенного прута с выпуклинами по наружной стороне. У таза — глиняная темно-серая миска из грубо приготовленного теста, но со следами лощения; ниже — глиняный горшок (во фрагментах).

Погребение № 30 (1940 г. № 5). Глубина 0,7 м. Прямо в суглинистом грунте зачищено парное погребение. Оба костяка лежали скорченно головами на ЮЗ. Кости очень плохой сохранности. Левый женский костяк лежал на левом боку, с сильно подогнутыми ногами и руками, поднятыми к лицу. У черепа одна сердоликовая бусина и у таза — глиняное конусообразное пряслице с выемчатым основанием

Правый — скелет старого мужчины — на правом боку. Кости обоих скелетов как бы смешаны, кроме того, плохая сохранность костей затрудняет точное определение взаимоположения погребенных. Распавшийся череп мужского скелета имеет явные следы действия огня; он настолько обгорел, что расслаивается. Это явление впервые отмечено при исследовании Нестеровского могильника. Под костяком встречены угольки и кусочки обожженной глины и обмазки. При этом костяке находилось только несколько обломков грубой посуды.

Погребение № 31 (1940 г, № 6). Глубина 0,7 м. Почти под булыжной выкладкой, вблизи которой было вскрыто погребение № 29, были расчищены жалкие остатки погребения без всяких признаков могилы. От скелета сохранились только обломки черепа, челюсти, костей рук и ног в нарушенном состоянии. Найдена только половинка бронзового пластинчатого перстня со спирально завитыми концами.

Погребение № 32 (1940 г. № 7). Глубина 0,76 м. Впервые в могильнике на этой глубине вблизи небольшого скопления булыжных камней было зачищено могильное пятно. Оно имело почти прямоугольную форму и было ориентировано на ССВ. Только западная сторона пятна была несколько вогнута. Углы несколько округлены. Длина могилы 1,5 м, ширина в северной части — 0,8 м, в южной — 0,7 м.

На глубине 0,8 м от линии нивелира были расчищены 3 человеческие костяка, лежавшие скорченно на правом боку головами на ССВ. Кости ног всех трех скелетов сильно согнуты в коленных сочленениях. Лежали скелеты очень скученно (рис. 41).

Судя по их положению, можно заключить, что раньше всех в могилу был положен средний костяк. Кости его почти не видны, из-за левого и правого скелетов. Вторым был положен левый, или западный, ибо таз его покоится на среднем костяке; сам он несколько завалился навзничь между средним скелетом и западной стенкой могилы. Третьим был погребен правый — восточный костяк. Лучевые кости левой руки этого мужского скелета покоятся (согнутые под прямым углом) на груди частично и среднего костяка. Мужчина (долихоцефал) был преклонного возраста. Такого же возраста была и женщина, захороненная посередине. Левый — западный — костяк принадлежал сравнитель-

[7] Д. Анучин. Могилы. «Энциклопедический словарь Брокгауза», т. 38, СПб., 1896, стр. 577; Г. Ниорадзе. Дманисский некрополь и некоторые его особенности. «Вестник Государственного музея Грузии», т. XIV—В. Тбилиси, 1947, стр. 1—66.

но молодой женщине. Сохранность костей плохая.

У теменной кости мужского черепа лежали два глиняных сосуда: одна маленькая чашечка с вогнутым внутрь краем (d — 7 см, h — 5 см), сделанная из светлой глины с примесью дресвы, и небольшой горшок баночной формы, с высоко и очень слабо выраженной шейкой (d—10,5 см, h — 14 см). Оба сосуда не лощеные.

В области грудных клеток женских скелетов найдено 20 различных бус стеклянных и одна пастовая. Стеклянные бусы круглые и уплощенные, зеленые разных тонов. Одна пастовая бусина в плане треугольная, черного цвета с белыми разводами по трем сторонам. Несколько обломков рифленых бус из какой-то глинистой композиции кирпично-коричневого цвета. Среди бус впервые были встречены здесь 4 раковины «каури» (cyprea moneta).

У пояса левого, завалившегося навзничь скелета находился небольшой астрагал свиньи (от левой ноги). В области грудной клетки среднего костяка — обломки ржавого железного предмета (пряжки?). Костяки лежали на гравии.

Можно предполагать, что все трое погребенных были связаны между собою родственными узами и являлись членами одной семьи; причем промежутки, отделяющие моменты последующих захоронений от первого, были не очень велики. На это указывает целостность костяков ранее погребенных.

Погребение № 33 (1940 г. № 8). Глубина 0,8 м. Скелет мужчины среднего возраста был обнаружен прямо в грунте. Он лежал на спине головой на ССВ. Ноги несколько согнуты и приподняты вверх в коленных сочленениях так, что общая длина костяка равнялась 1,63 м. Руки погребенного протянуты вдоль туловища.

Слева, в области таза, найдена небольшая бронзовая пластинчатая обоймица треугольной формы (ромбовидная, сложенная вдвое). В месте изгиба пробито отверстие. Предмет может являться своеобразным наконечником поясного ремня.

Погребение № 34 (1940 г. № 9). Глубина 0,7 м. Без всяких признаков могильного пятна, прямо в грунте, зачищен мужской костяк — на правом боку, головой на запад. Сохранились только кости черепа и ног в очень плохом состоянии.

Справа, у остатков тазовой кости, лежал железный серповидный нож с маленькой рукоятью. Ниже ступней ног — в обломках глиняная темно-серая миска, грубый лепной горшок, также в обломках, а еще западнее — один глиняный горшочек — кружка, с пузатым туловом, невысокой шейкой, украшенной по краю налепным щипковым орнаментом, с одной ручкой в виде овала. Сосудик сделан из хорошо отмученной глины серого цвета, неровно обожжен. Поверхность слабо лощенная. Его размеры: d — 8 см, h — 8,5 см.

Погребение № 35 (1940 г. № 10). Глубина 0,65 м. Также без сколько-нибудь явных очертаний могильной ямы, прямо в грунте, обнаружен женский костяк в скорченном положении на левом боку, головой на В. Ноги очень сильно поджаты, кисти рук у черепа. Кости плохой сохранности, а ребра, таз и позвонки не сохранились совсем.

На руках — бронзовые толстые браслеты из прута с расплюснутыми концами. У черепа — два толстопроволочных височных кольца с заходящими концами. У кисти правой руки — бронзовый пластинчатый перстень со спиральными концами. Вокруг остатков черепа — бронзовые пластинчатые цилиндрики (накосники?). Около рук — остатки неопределенного железного предмета. Под нижней челюстью — 4 стеклянные желтые бусины биконической формы и обломок железного распавшегося предмета.

Под черепом — маленькая бронзовая проволочная очкообразная привеска. На груди и у пояса собраны обрывки бронзовых цепочек, состоящих из тонких овальных звеньев. Обилие цепочек и расположение их позволяет видеть в них металлическую обшивку части кожаной или шерстяной одежды, вернее, пояса.

Погребение № 36 (1940 г. Курган, погреб. № 9). Глубина 0,4 м. Под булыжной насыпью кургана, в грунте зафиксированы остатки человеческого скелета; кроме распавшегося черепа и костей рук, ничего не сохранилось. По этим остаткам можно предполагать скорченное положение погребенного и ориентировку на ССВ.

При костях найдена только одна круглая уплощенная бусина темно-синего стекла и обломок глиняного блюда или миски темно-серого цвета.

Погребение № 37 (*1940 г. Курган, погреб. № 10*). Глубина 0,4 м. Под булыжным слоем, прямо в грунте — остатки человеческого скелета плохой сохранности в разбросанном состоянии. Топография расположения костей указывала на северо-восточную ориентировку.

В юго-западном конце площадки, на которой находились кости, и чуть выше остатков скелета стоял (опрокинутым) глиняный горшок ярко-охристого цвета грубой лепки. Глина содержала большую примесь дресвы. Поверхность его не лощеная. Горшок плоскодонный с пузатым туловом, с высокой, но слабо выраженной шейкой и отогнутым краем. Основание шейки опоясано двойной линией углублений, сделанных треугольной в сечении палочкой. Его размеры d — 10 см, h — 14 см (табл. LVI, рис. 6). В северо-восточной части у черепа — обломки двух глиняных горшков желто-серого цвета, также с высокими, но слабо выраженными шейками.

Погребение № 38 (*1940 г. Курган, погреб. № 11*). Глубина 0,46 м. В аналогичных условиях вскрыт не полностью сохранившийся костяк. Ориентировка на ЮЗ. Могильный инвентарь составлял только один глиняный темно-серый горшочек с лощеной поверхностью. Сосуд неровно обожжен. Он имеет выпуклый почти тупореберчатый корпус, маленькую, но хорошо выраженную шейку и высокий, слегка отвернутый край, украшенный нарезками, грубо иммитирующими защипы (размеры: d — 9,5 см, h — 9,5 см). Других находок нет.

Погребение № 39 (*1940 г. Курган, погреб. № 12*). Глубина 0,45 м. Под тем же булыжным слоем курганной насыпи вскрыт также полностью не сохранившийся скелет человека. Погребенный лежал скорченно, на правом боку, головой на СЗЗ. Черепные кости были отодвинуты от остальных костей скелета силою давления булыжного слоя.

У черепа найден один глиняный горшок с очень раздутым туловом, с короткой и широкой шейкой и слабо отвернутым краем. Стенки сосуда средней толщины. Сосуд довольно грубой формовки, но сделан из хорошо отмученной глины и хорошо обожжен. Цвет его светло-серый, с желтоватым оттенком. Поверхность слегка лощеная. Плечи его опоясывает довольно грубо нанесенная глубокая и широкая линия. Под нею симметрично расположены треугольники, опущенные вершинами вниз и состоящие из 6 глубоких точек, расположенных в шахматном порядке. В одном случае треугольник образован двумя вписанными один в другой углами и пересекающей их полоской, выполненными глубокими линиями. Его размеры: d — 14 см, h — 13,5 см (табл. LVI, рис. 7).

Погребение № 40 (*1940 г. Курган, погреб. № 13*). Глубина 0,66 м. Под булыжной кладкой насыпи, прямо в грунте вскрыт мужской костяк, лежавший на левом боку в скорченном положении, головой на ЮЮВ. Возраст средний. Левая нога была более сильно согнута и поджата к туловищу, чем правая. Левая рука также поднята к лицевым костям черепа, выше чем правая. Кисти рук как бы сложены вместе. Максимальная длина костяка — 1,18 м. Никаких вещей при нем не оказалось.

Погребение № 41 (*1946 г., погреб. № 1*). Глубина 0,6 м. У самого края обрыва, под небольшим скоплением булыжных камней, без явных очертаний могильного пятна, вскрыт женский скелет, очень плохой сохранности. Костяк лежал скорченно на правом боку, головой на ЮЗ. Кисти рук — у лицевых костей черепа.

В области ног найден небольшой глиняный горшочек темно-серого цвета со слабо лощеной поверхностью. Сосуд с раздутым туловом, невысокой шейкой и заметно отогнутым краем (d — 9 см, h — 10 см). Справа и слева у ног обнаружены две бронзовые полусферические бляшки с двумя отверстиями для прикрепления к платью. Вблизи черепа две маленькие круглые бусины из зеленовато-голубого стекла.

Погребение № 42 (*1946 г. № 2*). Глубина 0,35 м. На этой глубине обнажилась булыжная кладка в виде прямоугольника, ориентированного на СВ. На глубине 0,6 м от линии нивелира отпрепарирован женский костяк в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Руки подняты к голове. Кисти рук и ступни ног не сохранились. Могильный инвентарь составляли: две маленькие круглые, плоские костяные бусины, найденные близ черепа; четыре такие же бусины из зеленого стекла в области таза. У черепа обнаружены и два бронзовых проволочных височных кольца.

Погребение № 43 (*1946 г. № 3*). Глубина 0,4м. Под небольшой булыжной кладкой

неопределенной формы, на общей глубине 0,9 м, уже на гравии, зачищен скелет человека плохой сохранности, лежавшего на правом боку, головой на В. Скорченность настолько значительна, что общая длина костяка не превышала 0,8 м.

Весь инвентарь погребения составлял единственный полушарный круглодонный сосудик-плошка, найденный над черепом. Сосудик сделан из светло-серой глины и слабо вылощен. Размеры: d — 8 см, h — 4,5 см.

Погребение № 44 (1946 г. № 4). Глубина 0,55 м. Под более мощным по толщине скоплением булыжников расчищены остатки человеческого костяка в скорченном положении на правом берегу. По нарушенному положению плохо сохранившихся костей установлена юго-западная ориентировка. Кости окружали булыжные камни, не давшие четких очертаний могилы. Булыжником было завалено и само погребение. Кроме нескольких фрагментов глиняного сосуда, в могиле ничего не обнаружено.

Погребение № 45 (1946 г. № 5). Глубина 0,4 м. В плотном суглинистом слое отпрепарирован женский слабо скорченный скелет, на правом боку, с руками, поднятыми к лицу. Ориентировка — ЮЮВ.

Могильный инвентарь составляли: один глиняный горшочек серого цвета с тупореберчатым туловом и с отогнутым краем. Венчик опоясан валиком со щипковым орнаментом. Поверхность сосудика вылощена (d — 12 см, h — 11 см); два бронзовых проволочных височных кольца — у черепа, низка, состоящая из 25 синих стеклянных, почти круглых зеленых бус, 1 такой же черной, 4 коричневых и 5 пастовых бус, желтых с глазками разных цветов. Бусы рассыпаны у шеи. Один бронзовый массивный литой браслет с утончающимися концами и слаборубчатой поверхностью. Браслет был надет на левой руке погребенной. Одно глиняное конусообразное пряслице с выемчатым основанием. Пряслице находилось на уровне таза, влево от костяка.

Погребение № 46 (1946 г. № 6). Глубина 0,85 м. Совершенно распавшийся костяк лежал прямо в грунте. По следам разложившихся костей установлено его скорченное положение на правом боку, головою на Ю.

При костяке найдены: точильный камень из речной гальки, круглый в сечении и с отверстием на одном конце. Обломок рукояти железного кинжала с антеннообразным навершием в области таза; возможно, здесь же следы совершенно распавшегося железного копья. Здесь же собрано 27 костяных или пастовых круглых и плоских бусин, 1 синяя стеклянная и 1 малая уплощенная бусина из шиферного сланца.

Погребение № 47 (1946 г. № 7). Глубина 0,6 м. Еще на глубине 0,2 м от поверхности обнажилась довольно бесформенная булыжная кладка. Часть камней была выпахана и разбросана. На всей площади данной кладки и вблизи ее попадались кусочки мела, фрагменты керамики, осколки костей животных и один экземпляр кремневой отжимной пластинки (lame).

На глубине 0,6 м после снятия булыжного слоя расчищен скелет человека в скорченном положении на правом боку, с руками, поднятыми к лицевым костям черепа долихоцефала. Кости плохо сохранились. Ориентировка на СВ. Костяк лежал на подстилке из мелких камней галечника. У локтей рук стоял небольшой глиняный горшочек типа сосуда, найденного в могиле № 51. Ниже колен — миска из светло-серой глины со слегка загнутым внутрь довольно высоким краем. Поверхность миски лощеная (d — 15 см, h — 6 см). В области таза находилась одна отжимная пластинка, из обсидиана. Края слабо ретушированы.

Погребение № 48 (1946 г. № 8). Глубина 0,6 м. На этой глубине под небольшим слоем разбросанных булыжных камней, среди которых также попадались обломки разбитых глиняных сосудов и костей животных, зачищен плохо сохранившийся костяк очень старой женщины. Он лежал скорченно на правом боку, головой на СЗ. Кисти рук подняты к лицу.

В области черепа найдены два маленьких бронзовых проволочных колечка (серьги), одно из которых с заходящими друг за друга концами (d — 2 см). У пояса — глиняное шаровидное пряслице. Никаких иных вещей при костяке не оказалось, но почти в 1 м южнее и на разной глубине в трех пунктах обнаружены скопления раздробленных костей животных и совершенно раздавленных сосудов. Сравнительно тонкостенные сосуды, приготовленные из хорошо отмученной глины, были, по-видимому, довольно велики.

Судя по контурам распавшихся сосудов, это были сосуды типа скифоидных корчаг с высоким

горлом и раздутым туловом. Примерные размеры распавшихся и еще не склеенных сосудов таковы: d — 20 см, h — 30 см. Поверхность сосудов лощеная. Один сосуд был с ручкой. Другой по краю венчика украшен щипковым налепным орнаментом. Впервые в керамике Нестеровского могильника, на обломках этого сосуда отмечено налепное рельефное изображение змеи (табл. LX, 1 и 2). Высота рельефа —около 0,5 см. Ширина извивающейся змеи около 1 см.

Погребение № 49 (*1946 г. № 9*). Глубина 0,62 м. Под прямоугольной в плане булыжной кладкой отпрепарировано парное погребение — женщины и ребенка. Костяк немолодой женщины лежал скорченно на правом боку, головой на юг. Ноги согнуты у таза под углом в 220°, в коленях — в 45°. Руки у пояса согнуты под прямым углом. Кисти рук повернуты к лицу. Позвоночник несколько искривлен. Череп — с резко выраженными надбровными дугами. В ногах погребенной женщины также скорченно, на правом боку, но головою на восток лежал распавшийся скелет подростка.

У височной кости детского черепа найдено бронзовое проволочное колечко (серьга) в виде овала. Справа, у таза большого костяка — обломок железного ножа. В юго-восточной части квадрата XIII, где было вскрыто погребение № 49, встречено много обломков раздавленных горшков и костей животных.

Погребение № 50 (*1946 г. № 10*). Глубина 0,9 м. Под растительным слоем на глубине 0,2—0,3 м обнаружена прямоугольная булыжная кладка, ориентированная на СВ. Ее параллельные стороны были неравны. Поперечные — около 1,5—1,6 м. Продольные — около 2,5 — 3,85 м. Булыжный слой достигал необычной толщины 0,7 м. Булыжный слой состоял из более чем 100 крупных речных камней. Некоторые камни достигали весом 60—70 кг.

При разборке этой кладки было установлено, что булыжник лежит плотным слоем; было также отмечено, что в ряде случаев многие камни были поставлены вертикально. Среди камней был найден обломок отжимной пластинки из желтого кремня с ретушью по краям.

Под булыжным слоем мужской костяк лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на запад. Кости черепа, грудной клетки и таза совершенно раздавлены. Слева от черепа лежала глиняная оригинальная мисочка с четырьмя маленькими ручками, расположенными диаметрально. Дно округлое. Край миски слегка отвернут (ее размеры: d—7 см, h — 4 см). Сделана она из серой хорошо отмученной глины и хорошо обожжена и вылощена (табл. LV, 4). У ступней ног — вторая абсолютно такая же чаша-миска, чуть больших размеров. В области груди — обломки неопределенного железного предмета. У пояса — мелкие обломки железного копья (втулки). У бедра — костяной четырехгранный наконечник стрелы. Погребенный лежал прямо на гравии.

Погребение № 51 (*1946 г. № 11*). Глубина 0,85 м. Данное погребение явилось интересной новинкой На границах XIII—XIV квадратов и на примыкающих к ним прирезанным участкам XIIIa и XIVa (рис. 40), на глубине 0,2—0,25 м была обнаружена и зачищена каменная ограда в виде полукруга. Ограда состояла из небольших булыжных камней, сложенных в два-три ряда по вертикали и горизонтали.

Четкие ее очертания прослеживались на площади всех указанных квадратов. Северная половина этой оградки была растащена. Камни здесь были разбросаны в беспорядке. Диаметр круга в среднем не превышал 4 м.

В центре круга находился не совсем правильный овал из таких же булыжников. Ориентировка овала — западная. В непосредственной близости от оградки и в ее северной части, на глубине 0,3—0,5 м зафиксированы остатки тризны в виде скопления раздробленных костей животных, иногда обожженных, и совершенно раздавленных крупных сосудов. Здесь была обнаружена половинка глиняной очажной подставки. Она представляла собою половину массивного глиняного круга с малым сквозным отверстием посредине.

На площади этой же оградки поднят сланцевый кружок с отверстием посредине (грузило). Его размеры: d — 6,5 см, h — 0,5 см. При разборке каменного овала в центре оградки было отмечено, что на глубине 0,45 м кладка состояла исключительно из белых окатанных валунов плотного мергеля. Ниже шел слой более мелкого булыжника до глубины 0,8 м. На этой глубине удалось проследить могильное пятно почти овальное в плане. Длина пятна 1,8 м, ширина 0,6 м. На глубине 0,85 м расчищен мужской костяк среднего возраста,

головою на запад. В отличие от всех других погребений, в этой могиле костяк лежал вытянуто, на спине. Череп несколько завалился вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Правая нога слегка согнута в колене. Кости грудной клетки — распались. Общая длина погребенного — 1,65 м (рис. 42).

Никаких вещей при погребенном не найдено. Костяк лежал на специально сделанной подсыпке из суглинка. Прослежено что могила была вырыта в суглинке и в мелком гравии на глубину до 0,25 м до крупных камней (на общую глубину до 1,1 м) и затем частично засыпана перерытым суглинком. На этой подстилке и был положен покойник.

Погребение № 52 (1946 г. № 12). Глубина 0,3 м. В южном конце раскопа 1946 г., на глубине 0,25 м, зачищена громадная по площади булыжная кладка западно-восточной протяженности, со сторонами, равными 3 м и 2 м. Под булыжником и среди камней на глубине 0,2 м от поверхности обнаружен человеческий череп с отверстием, пробитым в теменной кости еще в древности.

Рядом с черепом найден разбитый глиняный горшочек с венчиком, орнаментированный щипковым орнаментом. Здесь же поднята отжимная пластинка из желтого кремня. Почти на одном уровне с черепом, но среди булыжных камней подняты два глиняных прясла — одно малое, коническое и с выемчатым основанием.

Под обломками черепа найдены: 9 круглых бусин из коричневого стекла и 2 обломка бусины из зеленого стекла, 1 бронзовое проволочное височное кольцо и кусочек распавшегося железа. Еще ниже, среди завалов тех же булыжных камней, на глубине 0,6 м найдено деформированное, но крупное втульчатое копье листовидной формы (18,5 × 2,5 см). У восточного края этой могилы обнаружены глиняные сосуды: разбитая чашка-миска и один целый кувшинчик с одной ручкой, сделанные из хорошо отмученной глины. Поверхность сосудов темно-серая и лощеная. Целый сосудик имеет раздутый тупореберчатый корпус и слегка отогнутый край. Ручка овальной формы внешне напоминает фигуру стилизованного животного d — 7 см, h — 9 см. Зубы человека, астрагал и бабка коровы были обнаружены на глубине 1 м, в тех же условиях. Никаких иных костей не замечено.

По-видимому, особенности этого погребения можно объяснить разрушением могилы хищными животными и повторным захоронением одного черепа, заваленного булыжником.

Погребение № 53 (1946 г. № 13). Глубина площади квадратов IX, X, и XIa и Xa, на глубине 0,25 м была зафиксирована вторая каменная оградка, состоящая из булыжника, образующего в плане почти прямоугольник. Вся северная часть и этой оградки также не сохранилась. Стороны этого прямоугольника также были равны 4 м. По-видимому, и здесь в центре некогда тоже была булыжная кладка, от которой сохранилось только два булыжника.

Только на глубине 0,8 м появилось четкое очертание могилы с округлыми углами, ориентированной на ССВ. Длина могильного пятна 2,1 м, ширина 0,7 м. На глубине 0,85 м отпрепарирован мужской костяк преклонного возраста.

Он лежал вытянуто на спине, головой на ССВ. Длина скелета 1,65 м. Руки протянуты вдоль туловища. Кости черепа, грудной клетки и таза распались. Правая нога у ступни перекинута на левую ногу.

У правого плеча встречен обломок железного наконечника стрелы. Кусочки распавшегося железного предмета замечены и в грудной полости. С левой стороны костяка вдоль ног у таза лежал железный короткий меч в железных ножнах. На мече покоились фаланги пальцев левой руки. Рукоять меча имеет навершие овальной формы, перекрестье почти бабочковидное. Общая длина меча 0,4 м, рукояти 8,5 см, ширина рукояти 2,5 см. Ширина сильно деформированных железных ножен, с прямоугольным и округлым концом—3,5 см (рис. 21, 5). Под рукоятью меча находился тонко сделанный точильный камень цилиндрической формы в сечении; длина 15 см, толщина — 1,5 см. Точильный камень имеет круглое отверстие на верхнем конце для подвешивания к поясу.

* * *

Этим исчерпывается описание могил и найденного при 53 погребениях Нестеровского могильника погребального инвентаря.

Его следует дополнить описаниям различных находок, сделанных в процессе исследования Нестеровского могильника на разных квадратах раскопов и на различной глубине. Эти

находки по стратиграфическим и топографическим данным не могут быть связаны с каким-либо определенным погребением. Это или жертвенные предметы, оставленные на могилах родичами умерших, или вещи ими оброненные и затерянные. К категории таких предметов, найденных вне могил, относятся:

1) большое глиняное блюдо охристо-серого цвета, сделанное из чистой и хорошо приготовленной глины. Блюдо хорошо обожжено. Днище блюда почти округлое, а не плоское. Край загнут внутрь в виде плоского венчика шириной в 1 см, d блюда около 0,34—0,35 м, h — 8 см. Блюдо сильно деформировано;

2) несколько отжимных ножевидных пластин — lames, из обсидиана и желтого и белого кремня. Некоторые сохранили следы ретуши. Найдены в разных местах раскопов и на различной глубине;

3) редкая по величине отжимная пластина из прекрасного прозрачного с прожилками дымчатого обсидиана, найденная на глубине 0,56 м, на квадрате XVIII раскопа 1946 г.; длина 11 см, ширина 2,6 см (табл. LXVI, рис. 3);

4) железный трехперый втульчатый наконечник стрелы скифского типа. Втулка высокая. Перья укороченных пропорций. Найден на квадрате II в 1946 г., на глубине 0,2 м, вблизи погребения № 42;

5) массивный железный топор, с прямоугольной молоточной частью, вытянутых пропорций и слегка опущенным рабочим концом. Длина 18,5 см. Максимальная ширина 5,5 см. Топор найден на глубине 0,6 м. на площади квадрата XVII в раскопе 1946 г. (рис. 45);

6) два обломка глиняных очажных подставок, найденных в раскопе 1946 г. на квадратах XIII и XIV, на глубине 0,3—0,5 м (табл. LX, рис. 8 и 9);

7) грузило, сделанное из шиферного сланца круглой формы, плоское, с отверстием посредине, найденное вместе с обломком очажной подставки на квадрате XIII в. 1946 г. (табл. LXVI, рис. 4).

Кроме того, необходимо отметить еще одну особенность Нестеровского могильника, заключающуюся в наличии многих следов и остатков тризны. В процессе раскопок могильника неоднократно фиксировались находки как отдельных обломков керамики, так и скоплений их в одном месте. Наблюдались находки костей животных часто в раздробленном состоянии и иногда со следами обжига. Керамика, судя по фрагментам, чаще встречалась толстостенная и крупных размеров, с высокой шейкой, типа скифских корчаг. Кое-где были замечены следы кострищ, угли и пр.

Несмотря на кажущуюся разбросанность культурных остатков и костей животных, все же можно было установить некоторую закономерность в их размещении. Находки тяготели к определенным могилам, распределялись компактно или отдельными обломками вблизи некоторых могил.

Так, например, рог быка был обнаружен на квадрате IX раскопа 1939 г., вблизи определенной могилы. Обломки разбитых сосудов и кости животных в раздробленном состоянии были находимы и в 1940 и в 1946 гг. Например, на квадрате III вблизи погребений № 42 и 43, на квадратах XVII — XVIII вблизи погребений № 46 и 47, на квадратах VII — VIII вблизи погребения № 45, на квадрате XIII вблизи погребения № 49 и в других местах.

Опыт раскопок Нестеровского могильника убеждал в том, что обнаруживая обломки керамики и осколки костей животных вне могил, мы имели дело со следами тризны, совершенной в далеком прошлом. До сравнительно недавнего времени у горцев Северного Кавказа было в обычае — родичам умершего приходить на кладбище с аракой (самогоном) или с вином и пищей (мясом, пирогами) и, располагаясь вблизи могилы своего умершего родственника, предаваться пиршеству. Кроме того, часть пищи и питья оставлялась специально для покойника.

Со следами таких же поминальных трапез в память умерших и погребенных вблизи станицы Нестеровской мы, по-видимому, и имеем дело при исследовании Нестеровского могильника, обнаруживая нередко массовые обломки керамики от одного-двух сосудов явно бытового, а не погребального назначения. Да и наличие следов кострищ, очажных подставок, скопление раздробленных, а иногда и обожженных костей животных подсказывают приведенное выше объяснение. Таковы археологические данные для суждения об этом новом и интересном памятнике Северного Кавказа скифского времени.

Нестеровский могильник является наиболее выразительным представителем погребальных памятников восточного варианта кобанской культуры второго этапа ее развития. Он хорошо

отражает в погребальном ритуале и в могильном инвентаре свою преемственность от более древнего этапа этой замечательной культуры Северного Кавказа (скорченность погребенных и основной бронзовый вещевой материал). Вместе с тем, его характеризуют уже новые признаки (вытянутость погребенных, их западная ориентировка и элементы скифской культуры — акинаки, наконечники стрел и пр.), что позволяет не только датировать этот могильник VI—IV вв. до нашей эры, но и ставить вопрос о контакте местной самобытной культуры со степными культурами скифов и савроматов.

Этим подчеркивается особая научная значимость этого памятника, как нового и важного исторического источника, освещающего проблему скифо-кавказских взаимосвязей. Понятно значение разработки этой проблемы для всей древней истории нашего Юга и Кавказа.

Таблица I

НЕСТЕРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК
(ориентировка костяков)

Погребения	С	ССВ	СВ	СВВ	В	ЮВВ	ЮВ	ЮЮВ	Ю	ЮЮЗ	ЮЗ	ЮЗЗ	З	СЗЗ	СЗ	ССЗ
1	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8	—	+6 к*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—
10	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	—	+3к	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	—	+2к	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—
20	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	—	+3к	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	—	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—
24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—
27	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—
30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+ 2к	—	—	—	—	—
31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
32	—	+3к	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
33	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—
35	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
36	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
37	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—
39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—
40	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
43	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
45	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
46	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
47	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—
49	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—
51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
52	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
53	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	8	14	5	1	4	4	2	—	2	2	6	2	2	3	1	1

* Костяк обозначается буквой «к».

Таблица II

НЕСТЕРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Погребения	Положение костяков				Количество костяков в могиле			под курганной насыпью	грунтовые могилы вне кургана	могилы, обложенные булыжником	без булыжника	обложенные каменными кольцами	булыжная кладка над могилой
	неопределенное	скорченное на правом боку	на левом боку	на спине	индивидуальные	парные	более двух костяков						
1	+	−	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
2	+	−	−	−	−	+	−	−	+	−	+	−	−
3	−	+	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
4	+	−	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
5	−	+	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
6	+	−	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
7	−	−	+	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
8	−	+6 к*	−	−	−	−	+6 к	−	+	+	−	−	+
9	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
10	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
11	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
12	−	−	−	+	−	−	−	−	+	−	+	−	−
13	−	−	+	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
14	−	++	−	−	−	−	+3 к	−	+	−	+	−	−
15	−	+	−	−	+	−	−	+	−	−	+	−	−
16	−	−	++	−	−	+	−	−	+	−	+	−	−
17	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	+	−	+
18	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
19	−	++	−	−	−	+	−	+	−	−	+	−	−
20	−	−	+	−	+	−	−	+	−	−	+	−	−
21	−	+3 к	−	−	−	−	+3 к	+	−	−	+	−	−
22	−	+	−	−	+	−	−	+	−	−	+	−	−
23	−	−	+	−	+	−	−	+	−	−	+	−	−
24	−	+	−	−	+	−	−	+	−	−	+	−	−
25	+	−	−	−	+	−	−	+	−	−	−	−	−
26	+	−	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
27	+	−	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
28	+	−	−	−	−	−	−	−	+	+	−	−	+
29	−	+	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	+
30	−	+	+	−	−	+	−	−	+	−	+	−	−
31	+	−	−	−	−	−	−	−	+	−	+	−	−
32	−	+3 к	−	−	−	−	+3 к	−	+	−	+	−	−
33	−	−	−	+	+	−	−	−	+	−	+	−	−
34	−	+	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
35	−	−	+	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
36	+	−	−	−	+	−	−	+	−	−	−	−	−
37	−	−	−	−	+	−	−	+	−	−	−	−	−
38	−	−	−	−	+	−	−	+	−	−	−	−	−
39	−	+	−	−	+	−	−	+	−	−	−	−	−
40	−	−	+	−	+	−	−	+	−	−	−	−	−
41	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
42	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
43	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
44	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
45	−	+	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
46	−	+	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
47	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
48	−	+	−	−	+	−	−	−	+	−	+	−	−
49	−	++	−	−	−	+	−	−	+	+	−	−	+
50	−	+	−	−	+	−	−	−	+	+	−	−	+
51	+	−	−	+	+	−	−	−	+	−	−	+	+
52	+	−	−	−	−	+	−	−	+	+	−	−	+
53	−	−	−	+	+	−	−	−	+	−	−	+	−
	12	41	9	4	41	6	4	13	40	18	27	2	21

* Костяк обозначается буквой «к».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

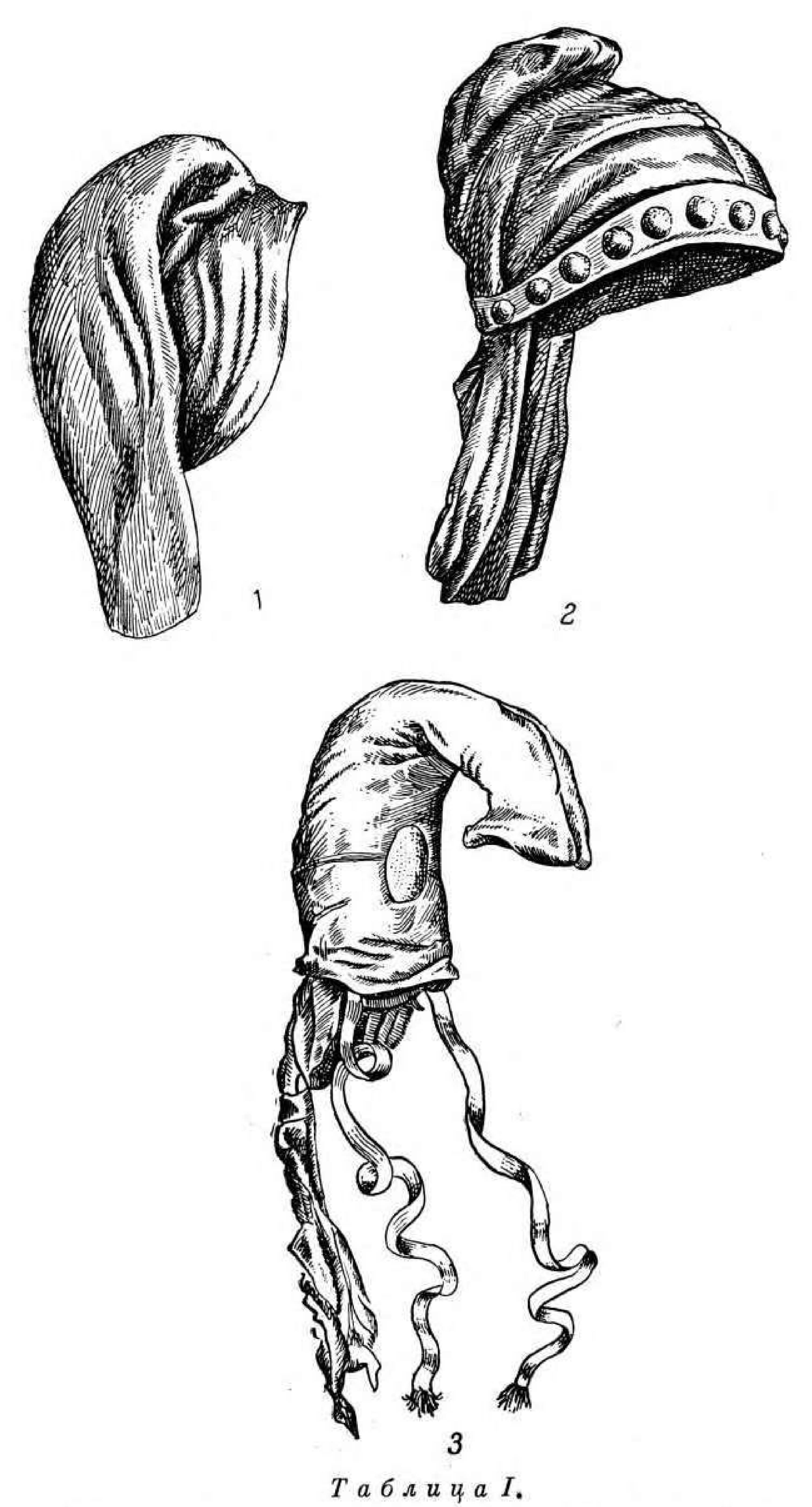

Таблица I.

Древние женские головные уборы Северо-Восточного Кавказа

1—2 — по реконструкции М. М. Герасимова (*1* — из Хорочоевского могильника эпохи бронзы; *2* — из Нестеровского могильника VI — V вв. до н. э.); ***3*** — ингушский головной убор «Курх-Харс» (XV — XVII вв.)

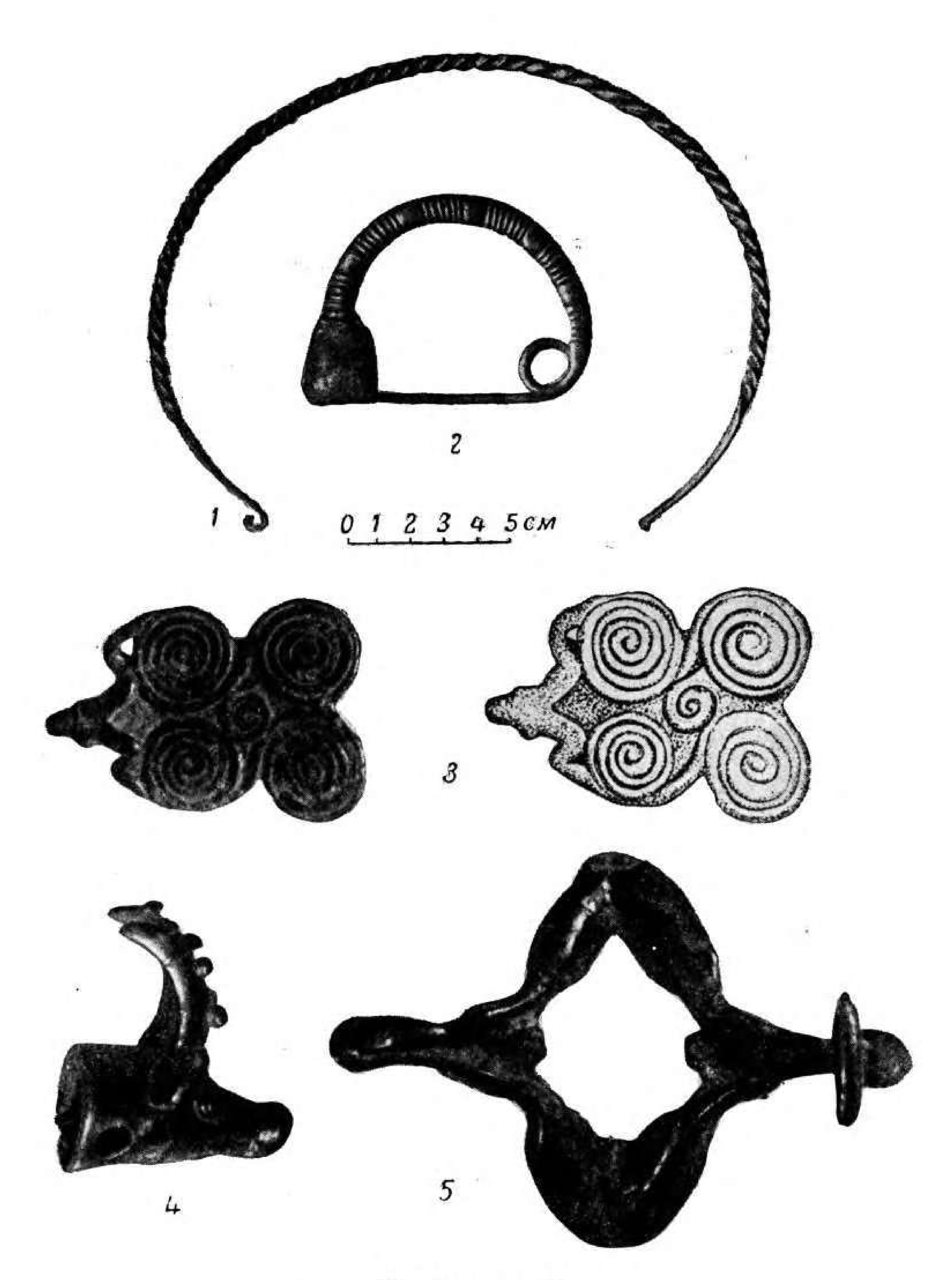

Таблица II.

Бронзовые украшения кобанского типа из разных пунктов Чечни

1 — гривна; *2* — фибула; *3* — пряжка; *4* — вток; *5* — пряжка. *1—2* — случайные находки; *3—5* — из района сел. Старые Атаги

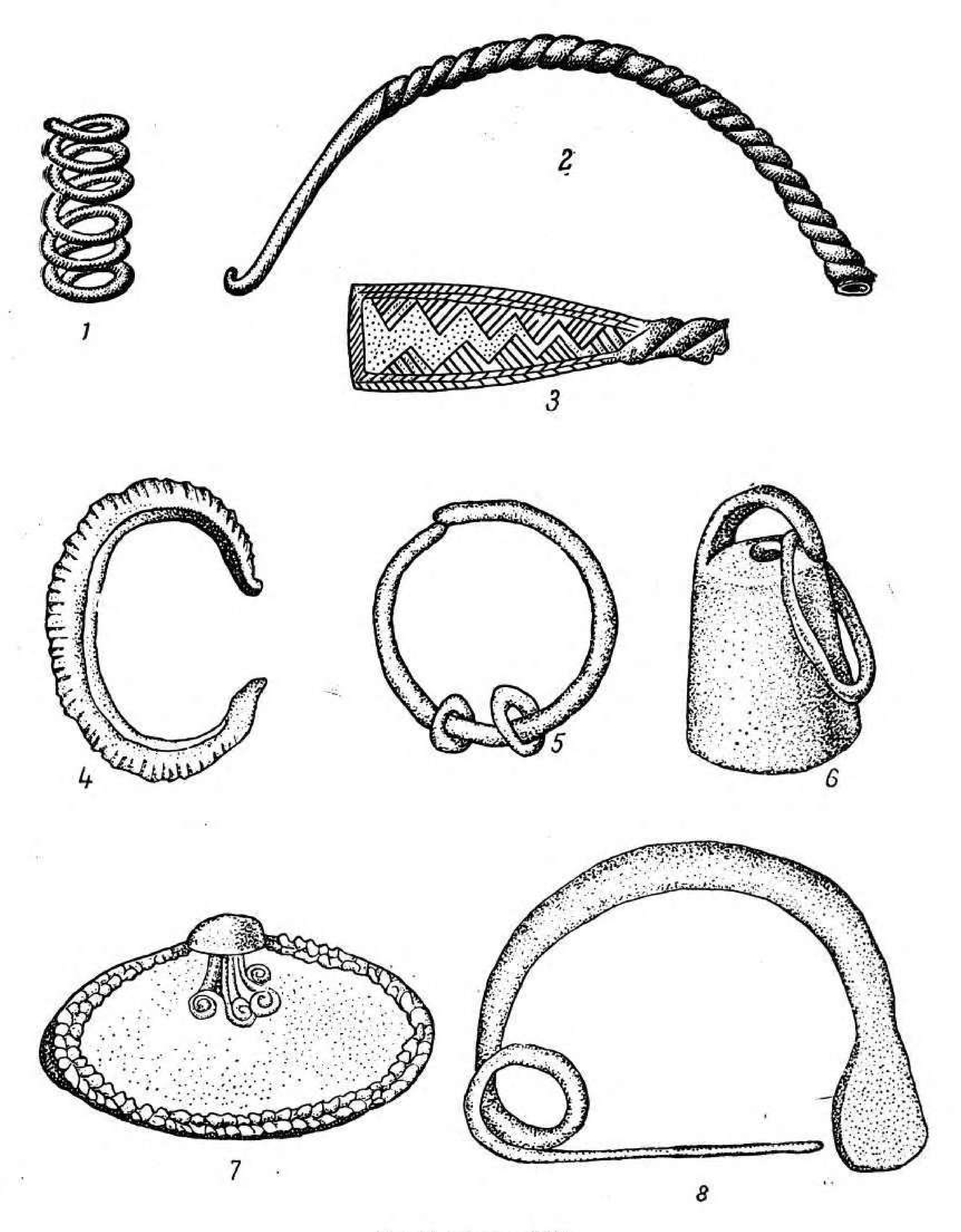

Таблица III.

Бронзовые вещи кобанского типа из б. крепости Воздвиженской, 1850 г.

1 — спираль; *2—3* — обломки гривны; *4* — браслет; *5* — височное кольцо; *6* — колокольчик; *7* — бляха; *8* — фибула

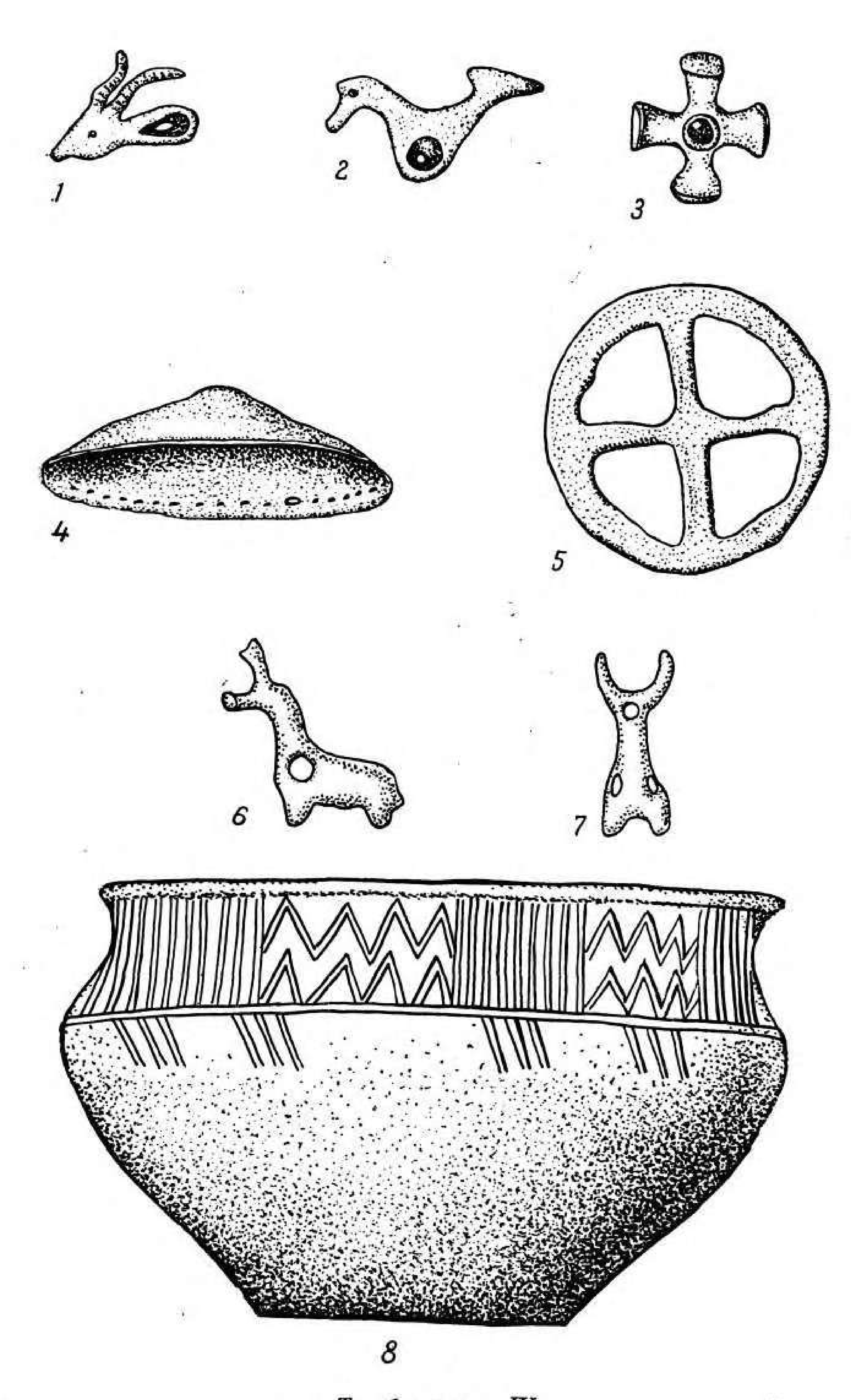

Таблица IV.

Находки кобанского типа из сел. Каменномостское (КБ АССР)

1—5 — сборы П. С. Савельева в 1849 г.; *6—7* — из раскопок П. Г. Акритаса в 1946 г.; *8* — из Нальчикского музея

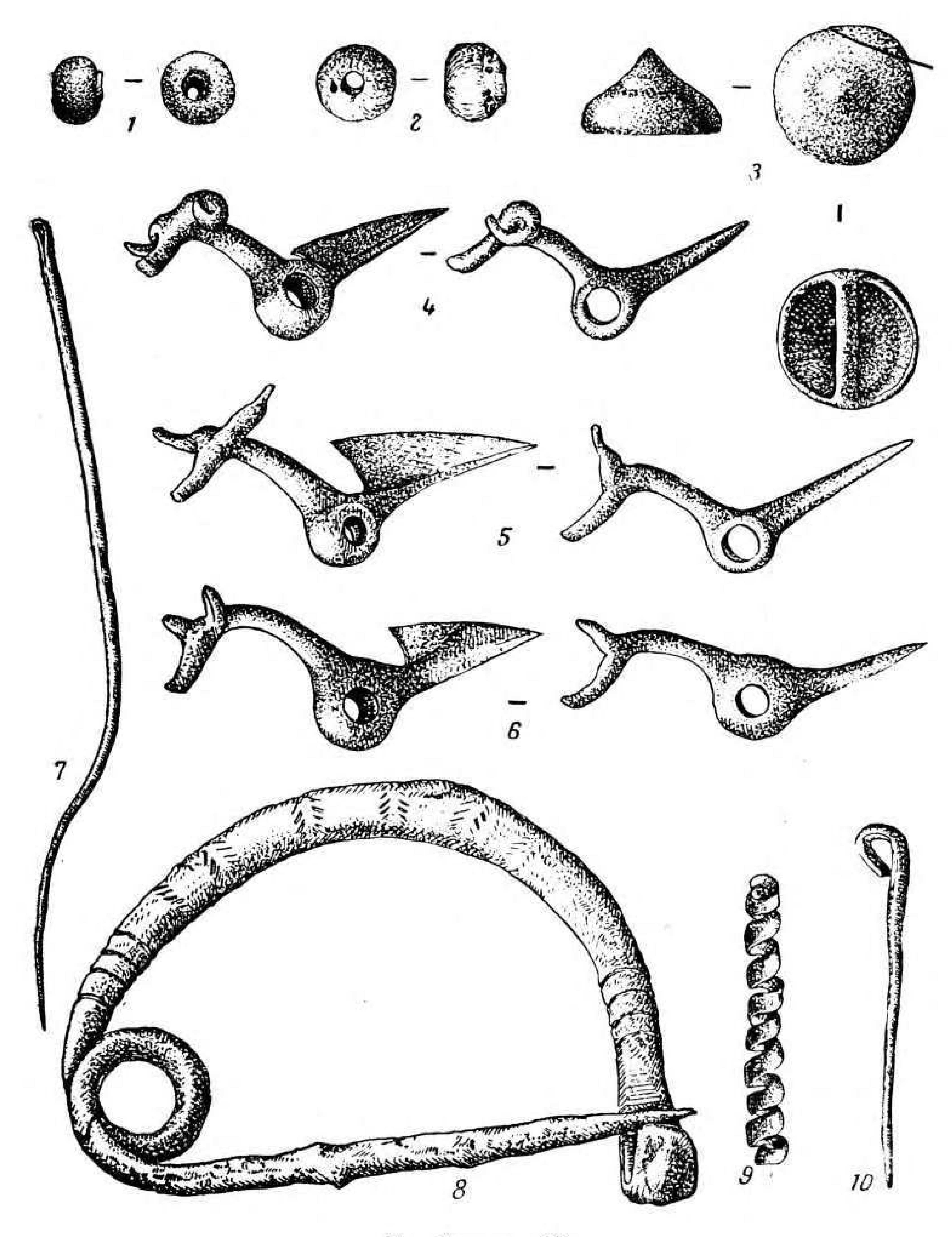

Таблица V.

Комплекс кобанских вещей из разрушенного погребения под Нальчиком в 1952 г.

Собрание Нальчикского музея

1—2 — стеклянные бусы; *3—10* — бронзовые предметы

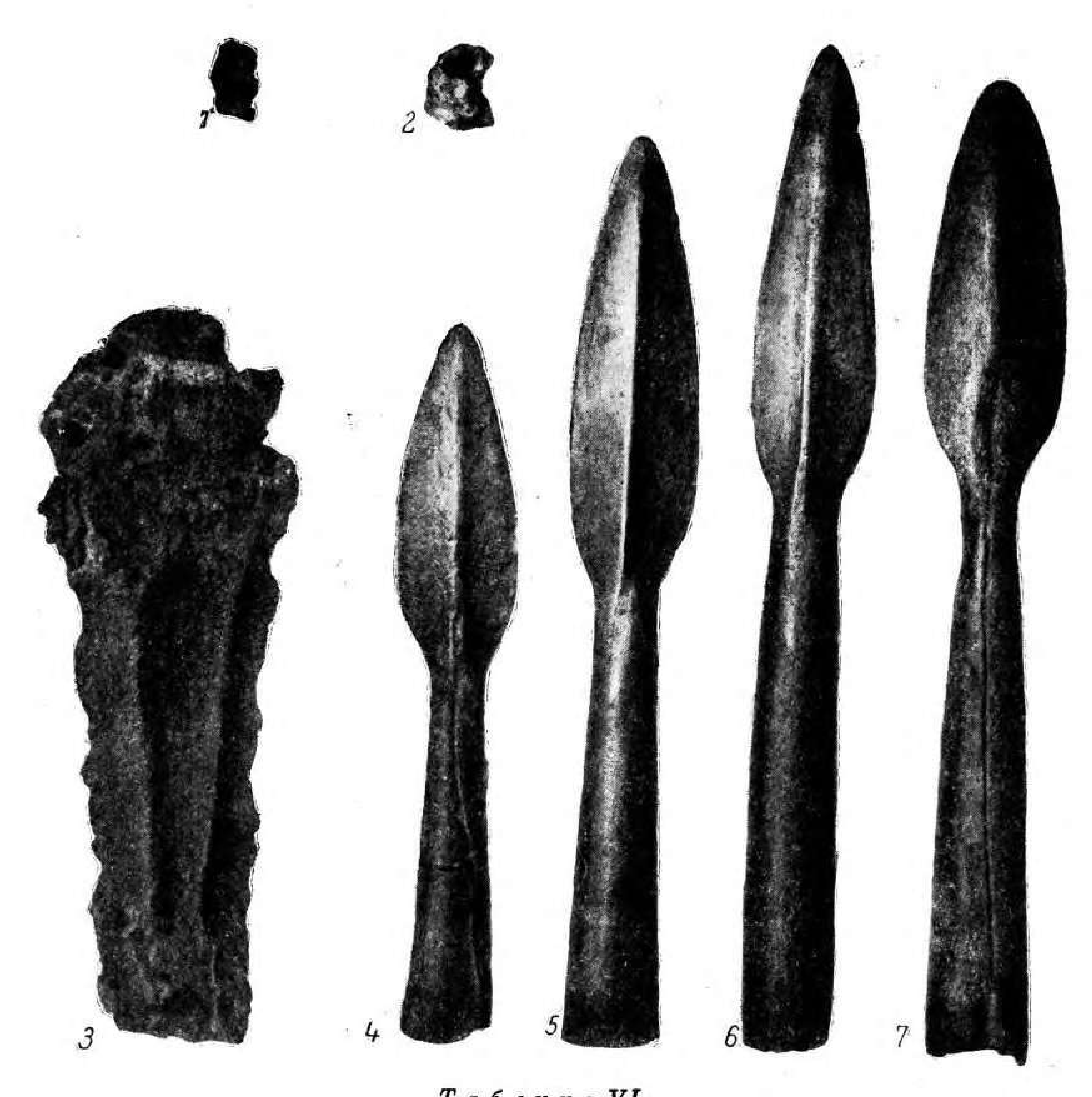

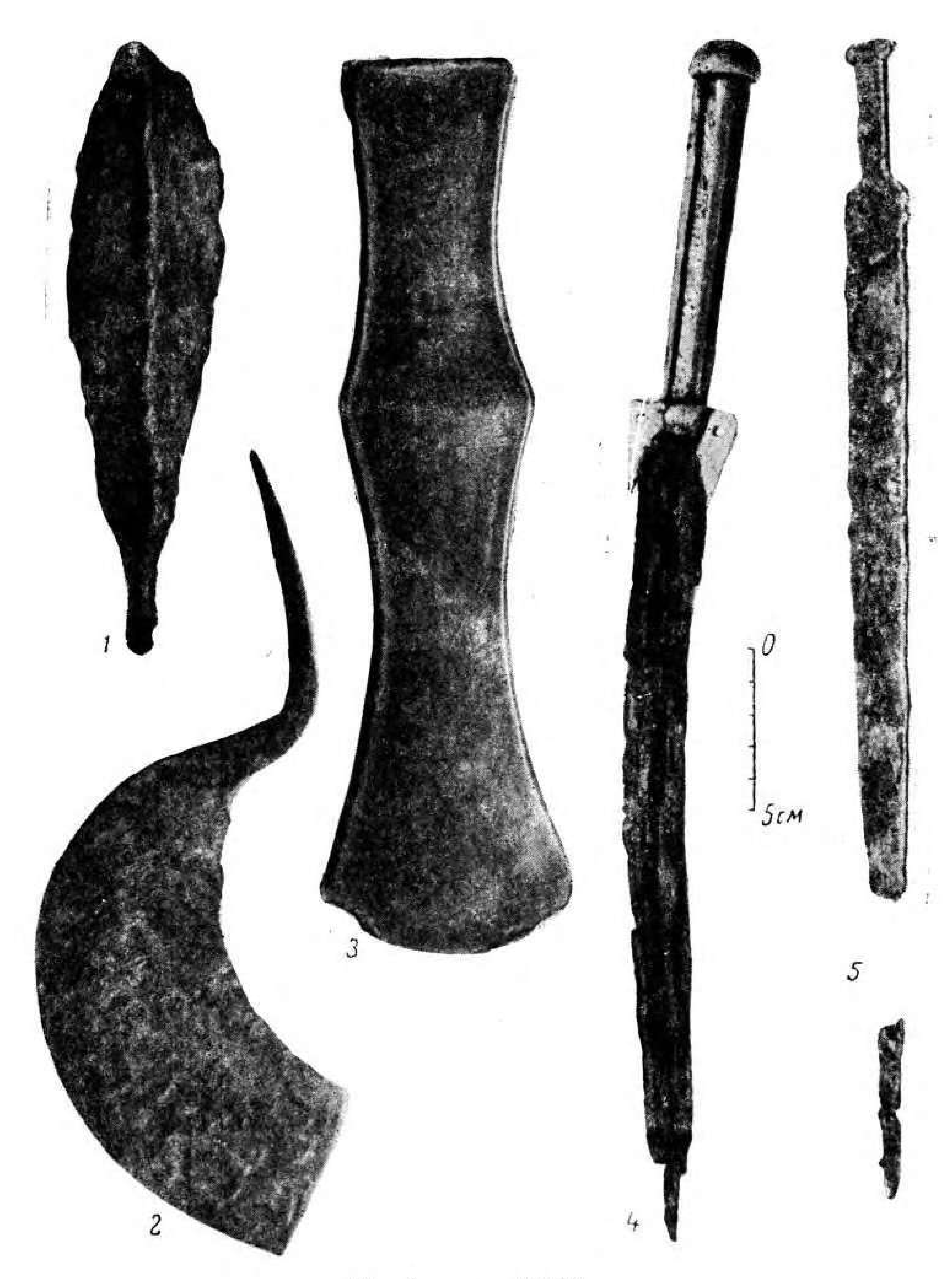
Таблица VI.

Могильник Верхняя Рутха. Комплекс № 15

1—2 — бронзовые спиральки; *3* — бронзовый кинжал; *4—7* — бронзовые наконечники копий

Таблица VII.
Основной состав Бекешевского клада бронзовых вещей
1—2 — кельты; *3* — топор; *4—5* — серпы

Т а б л и ц а VIII.

Предметы из разных пунктов Северного Кавказа

1 — бронзовый нож из могильника Верхняя Рутха; 2 — обломок бронзового серпа из с. Константиновки; 3 — бронзовый топор из сел. Каррас; 4 — железный кинжал с бронзовой рукоятью из могильника на мебельной фабрике под г. Кисловодском (находка Н. Н. Михайлова в 1959 г.); 5 — железный меч савроматского типа из с. Бажиган

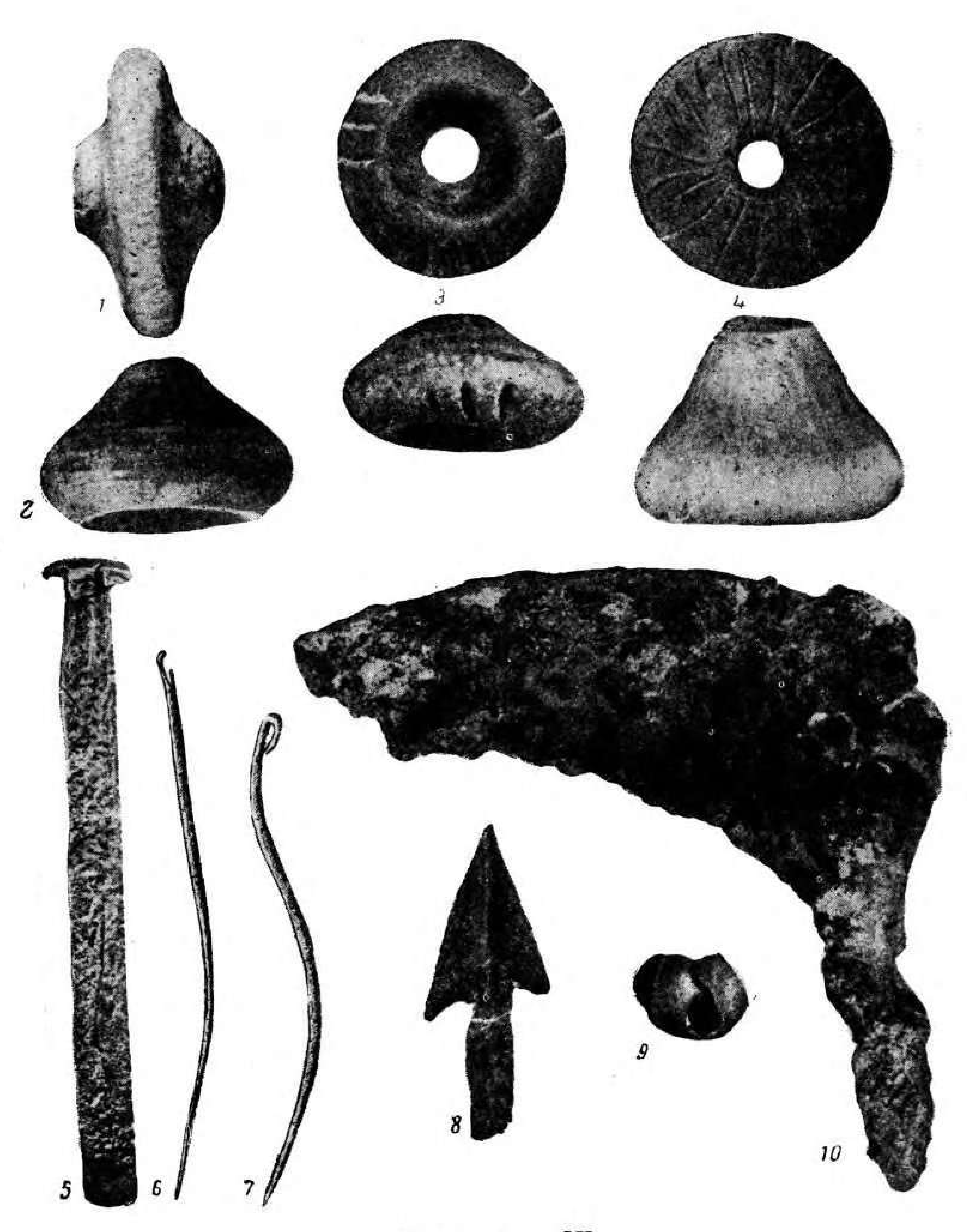

Таблица IX.

Вещи из Змейского поселения

1—4 — глиняные пряслица; 5—9 — бронзовые предметы; 10 — бронзовый серп

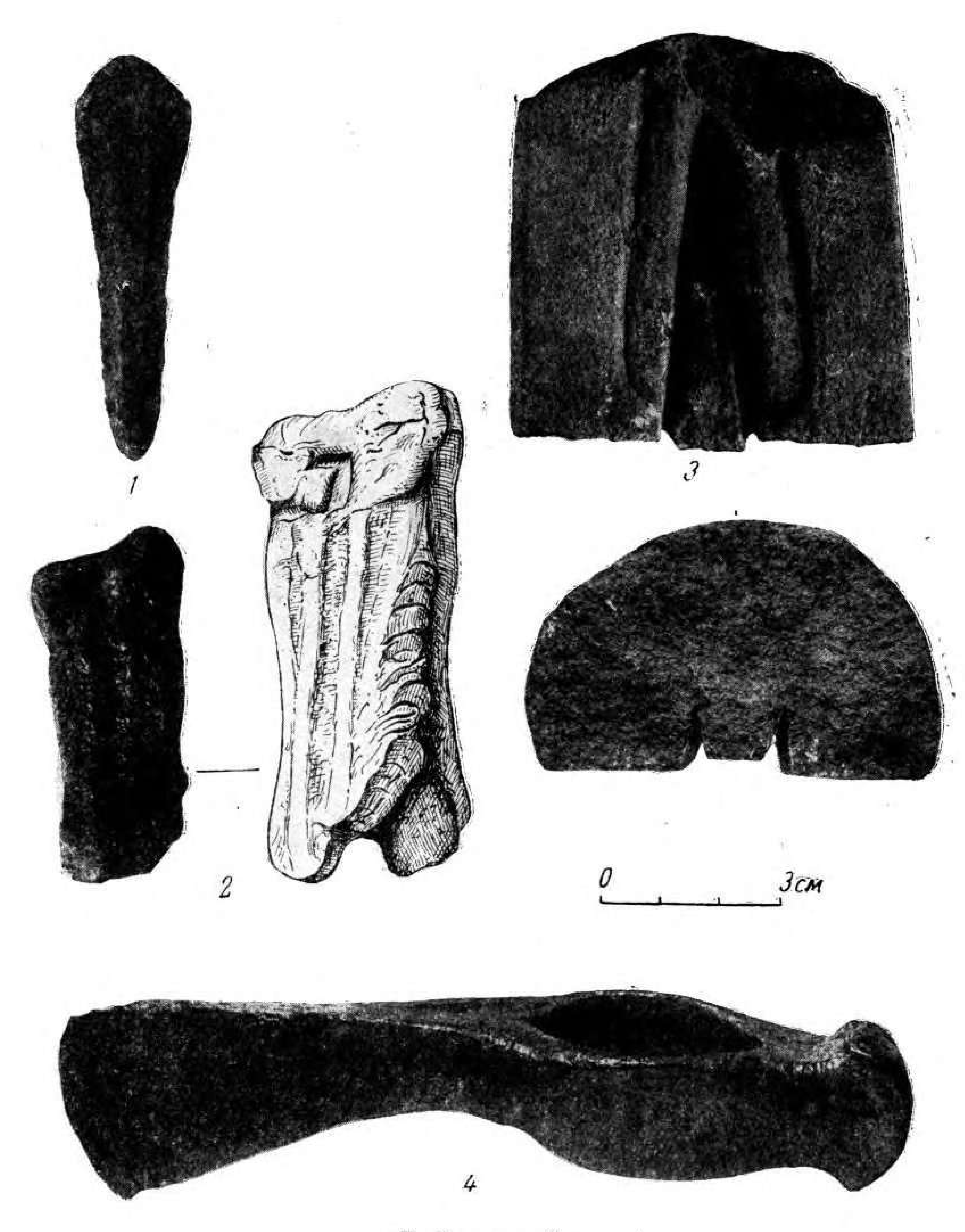

Таблица X.

Находки на могильнике Верхняя Рутха близ сел. Кумбулта

1 — бронзовый кинжал; *2, 4* — железные топоры кобанского типа; *3* — каменная литейная форма для копья

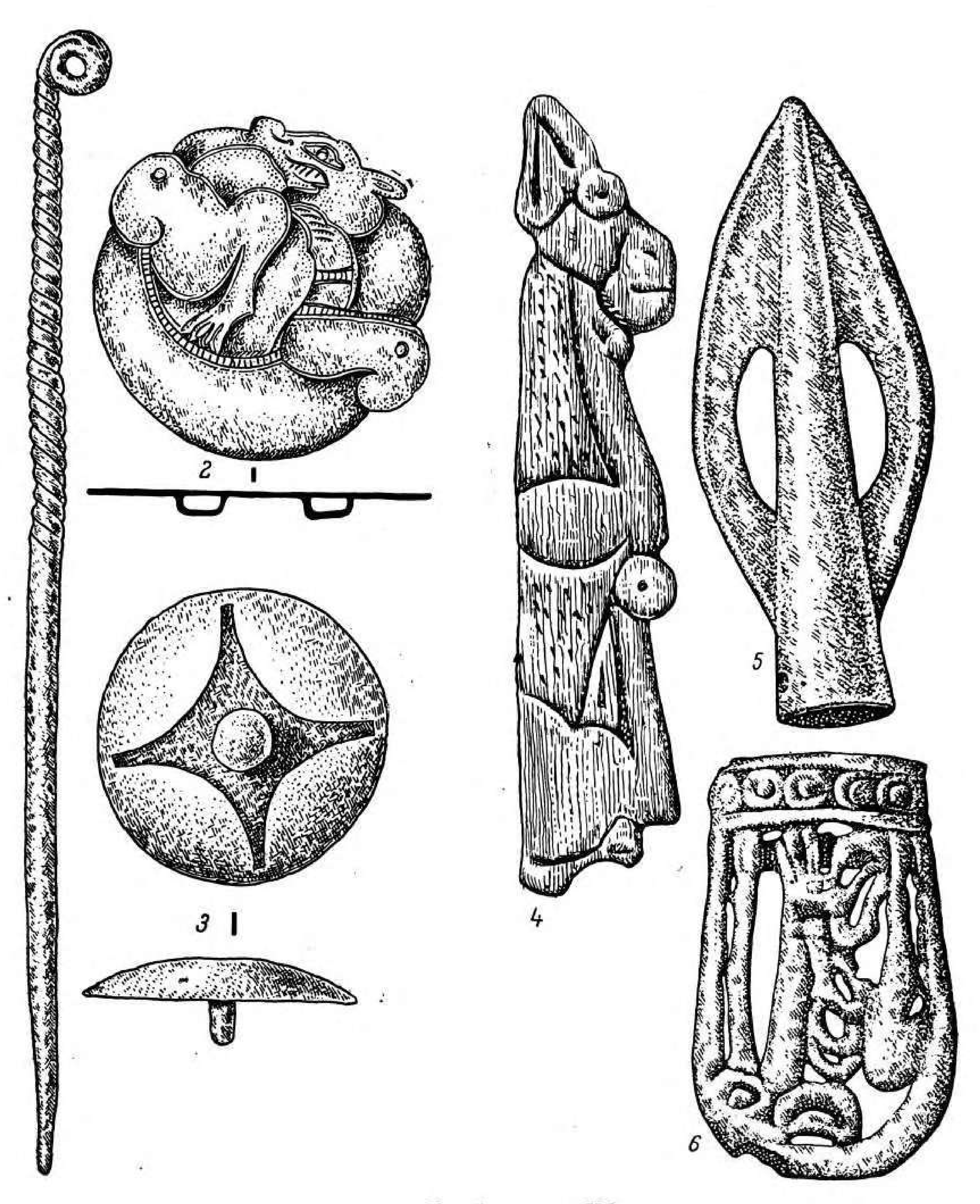

Таблица XI.

Предметы из разных пунктов Северного Кавказа

1, 3 — бронзовые булавка и бляшка из Пятигорья; *2* — бронзовая бляха из Осетии; *4* — костяная ручка из г. Малгобека; *5* — наконечник бронзового копья из сел. Терекли-Мектеб; *6* — бронзовая обкладка ножен кинжала из сел. Урус-Мартан

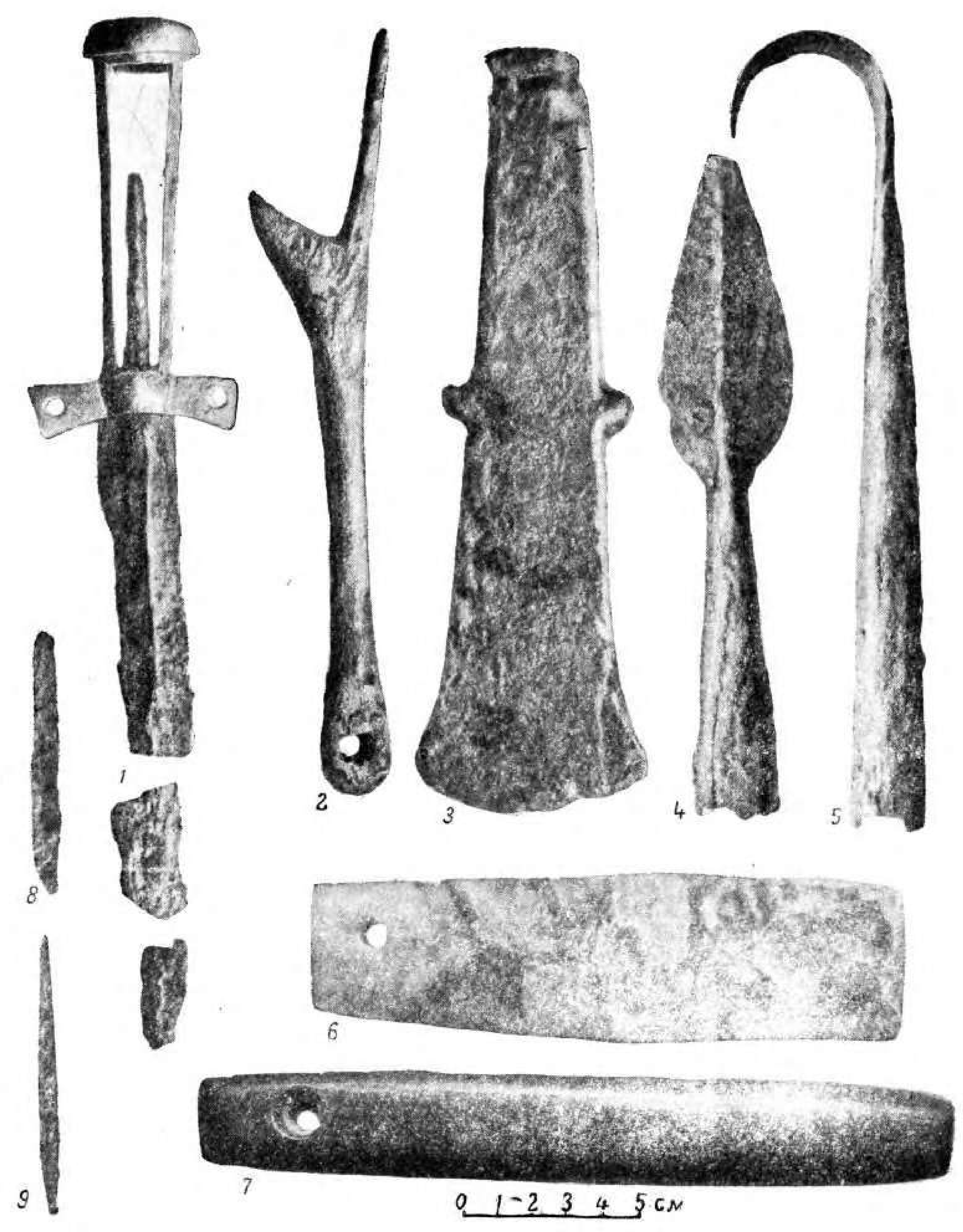

Таблица XII.

Березовский могильник. Комплекс из каменного ящика, вскрытого Н. М. Егоровым в 1946 г.

1—3 — бронза; *4, 5, 8, 9* — железо; *6—7* — камень

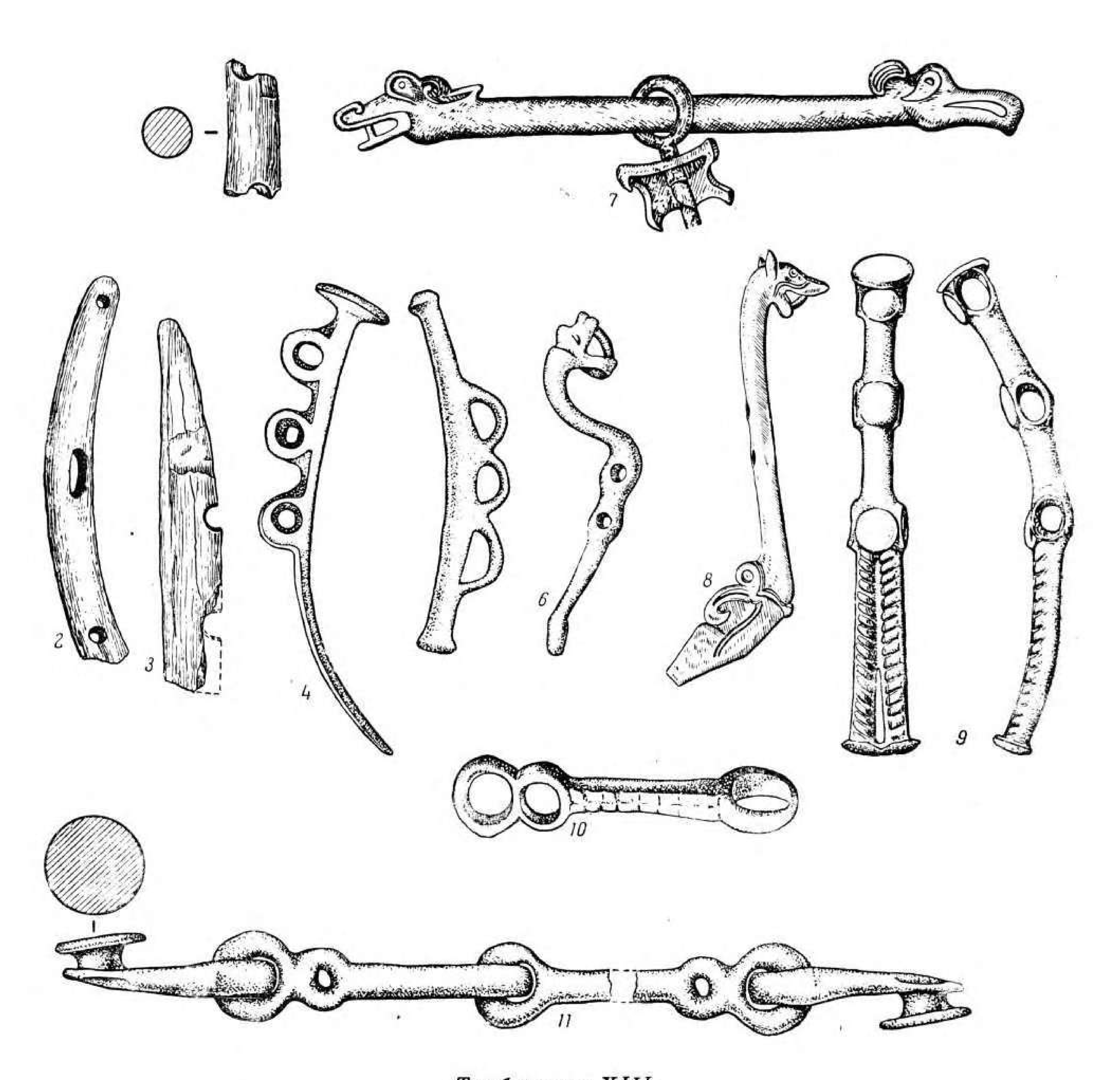

Таблица XIII.

Части конской узды из разных пунктов Северного Кавказа

1,3 — обломки костяных псалий из Змейского поселения; **2** — костяной псалий из Дагбашского могильника; **4, 5, 11** — бронзовые псалии и удила из Пятигорья; **6**— бронзовый псалий из Ставрополья; **7** — бронзовый псалий с железными удилами из с. Шалушка; **8** — бронзовый псалий из Осетии; **9—10**— бронзовые псалии и удила из с. Каменномостское

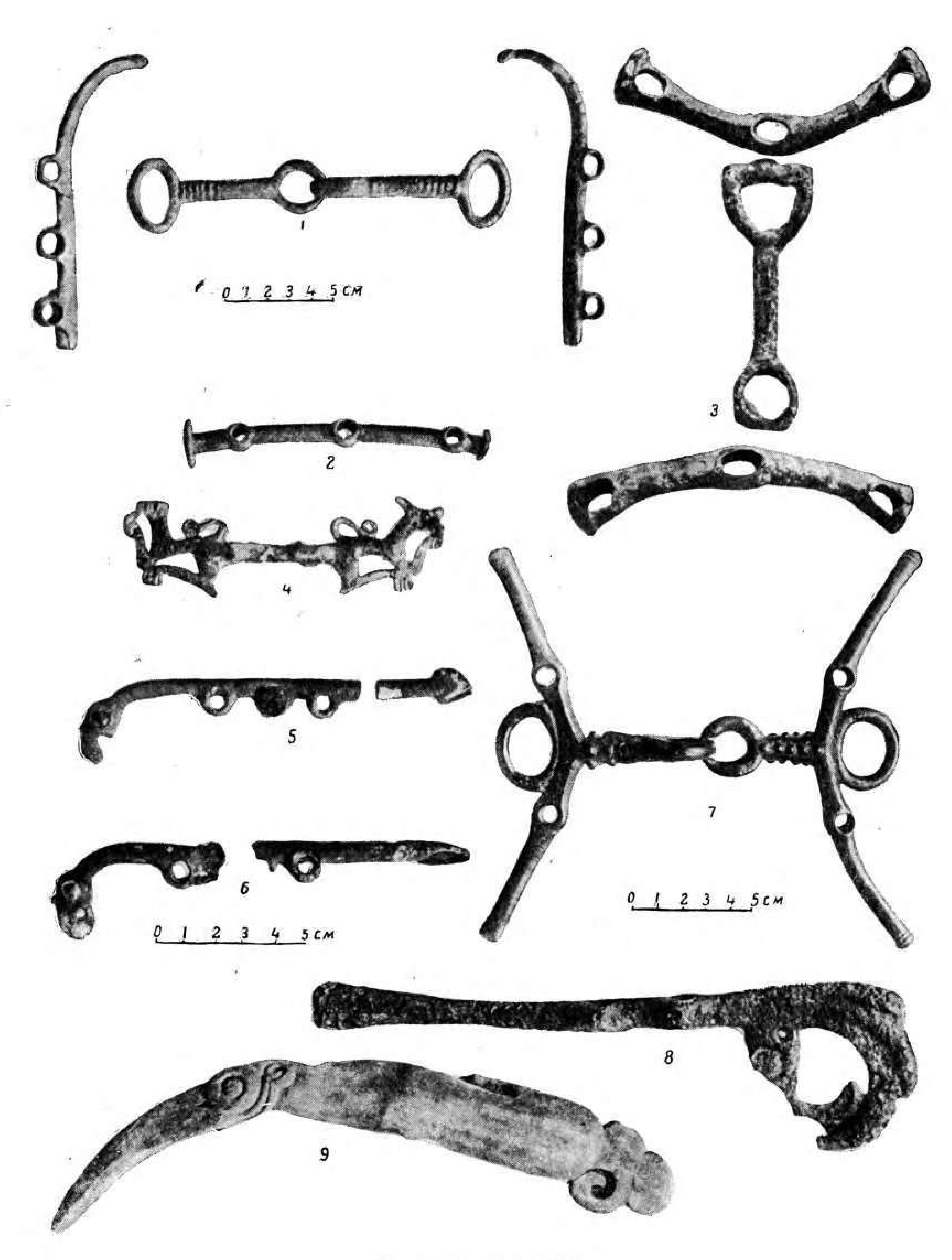

Таблица XIV.

Части конской узды из разных пунктов Северного Кавказа

1—3 — бронзовые удила и псалии из сел. Кобан; 4—6 — бронзовые псалии из сел. Галиат; 7 — бронзовые удила из Ксанского ущелья; 8 — бронзовый псалий из сел. Каррас: 9 — костяной псалий из г. Кисловодска

Таблица XV.

Основные категории бронзовых предметов Жемталинского клада

1—цепь; 2—топор; 3—ваза; 4, 5—кружки

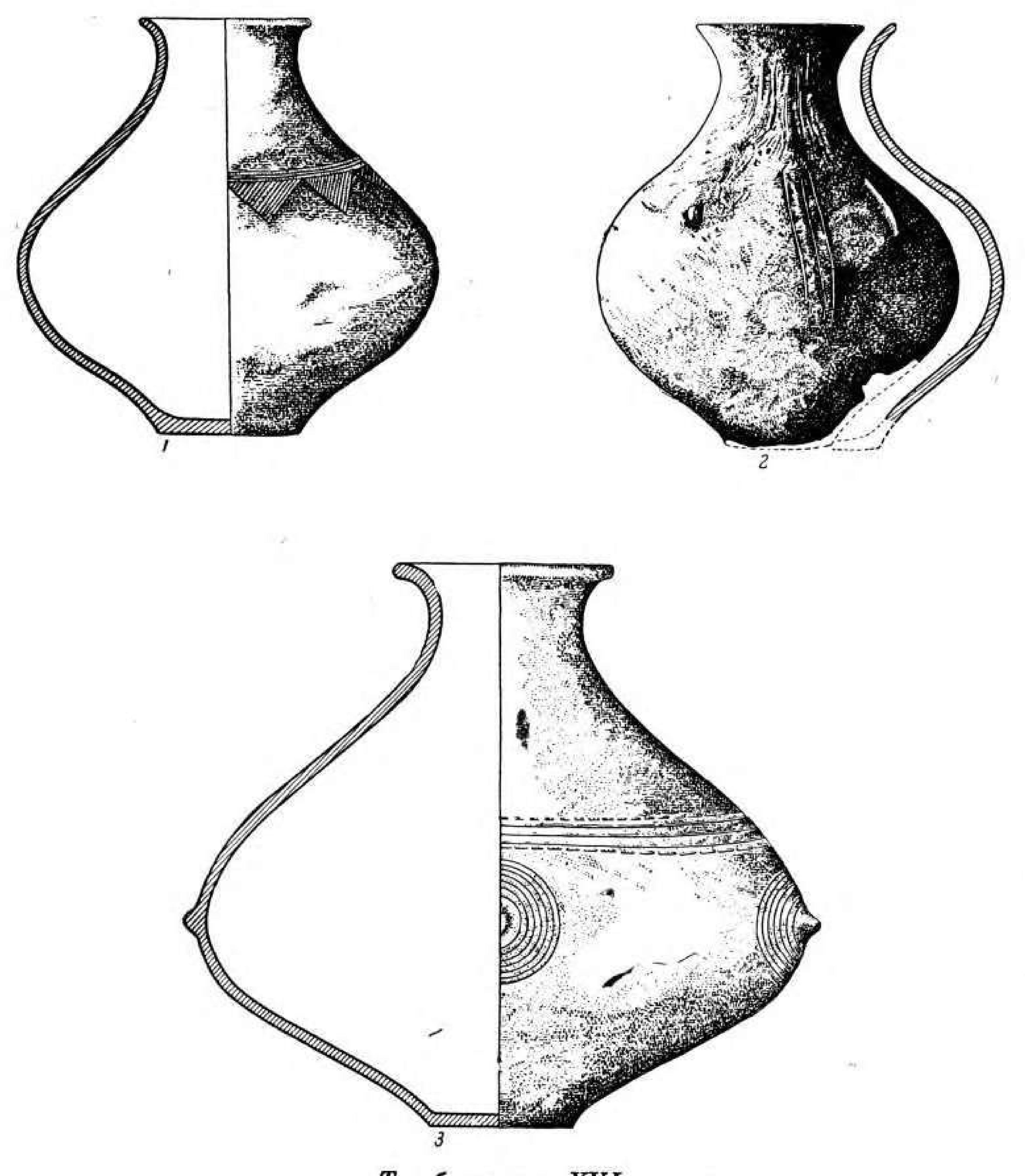
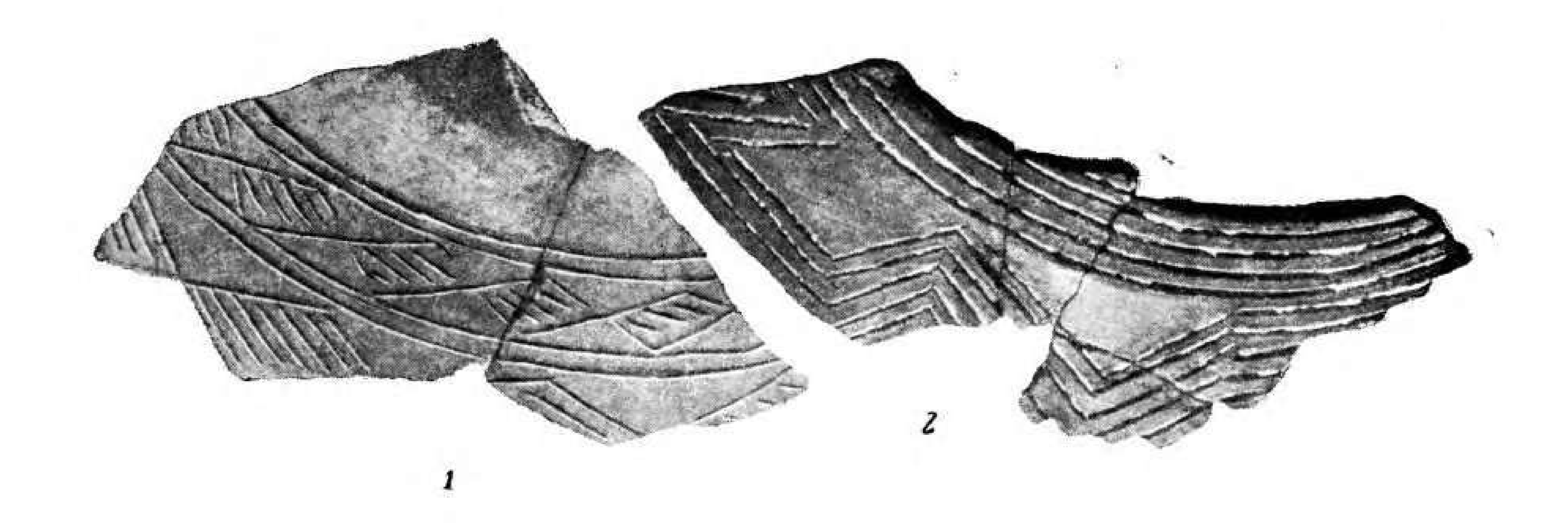

Таблица XVI.

Основные типы крупных сосудов из Змейского поселения

1 — светло-коричневый сосуд с геометрическим орнаментом; 2 — черный лощеный сосуд с налетами; 3 — светло-коричневый сосуд. Высота сосудов—около 40 см

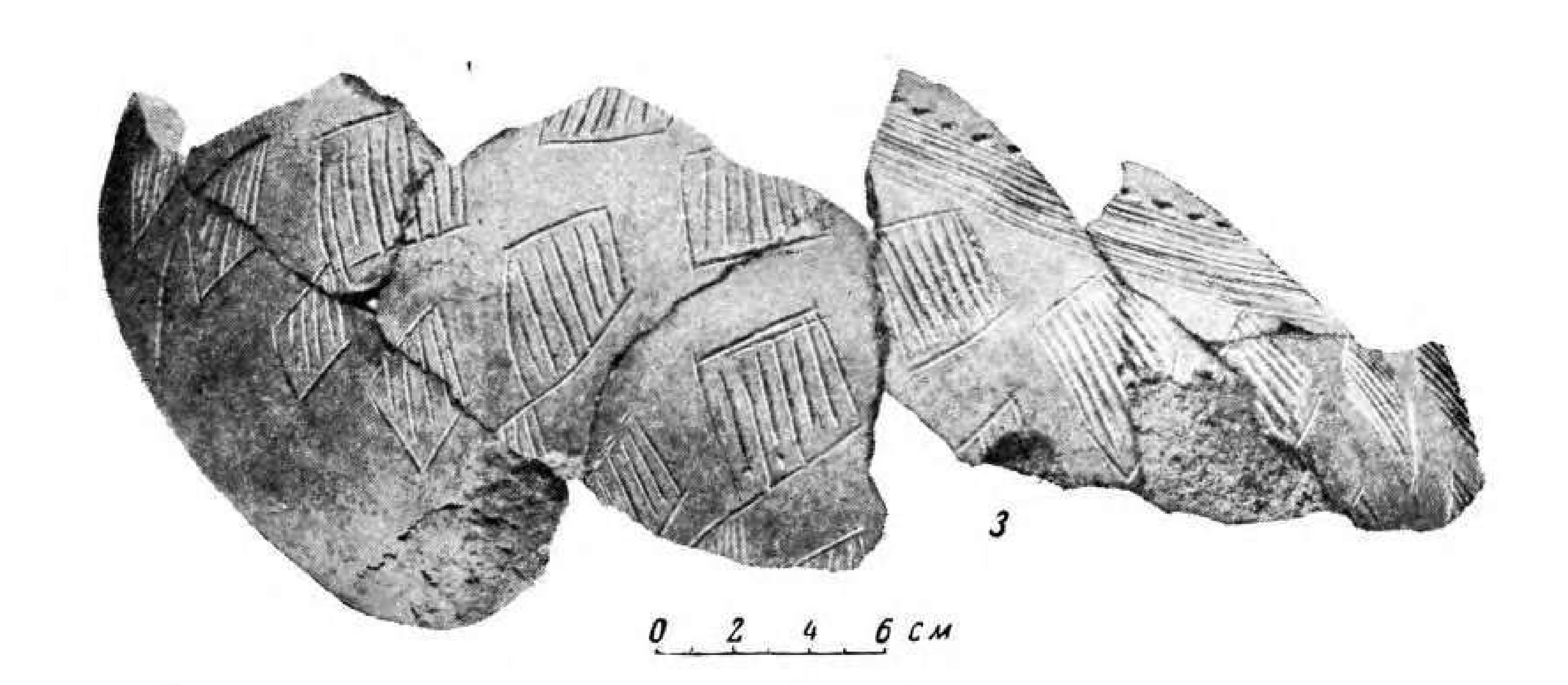

Таблица XVII.

Приемы и типы орнаментации керамики из Змейского поселения

1—2—обломки крупных сосудов с нарезным орнаментом, заполненным белой пастой;
3—фрагмент крупного сосуда с лощеной поверхностью

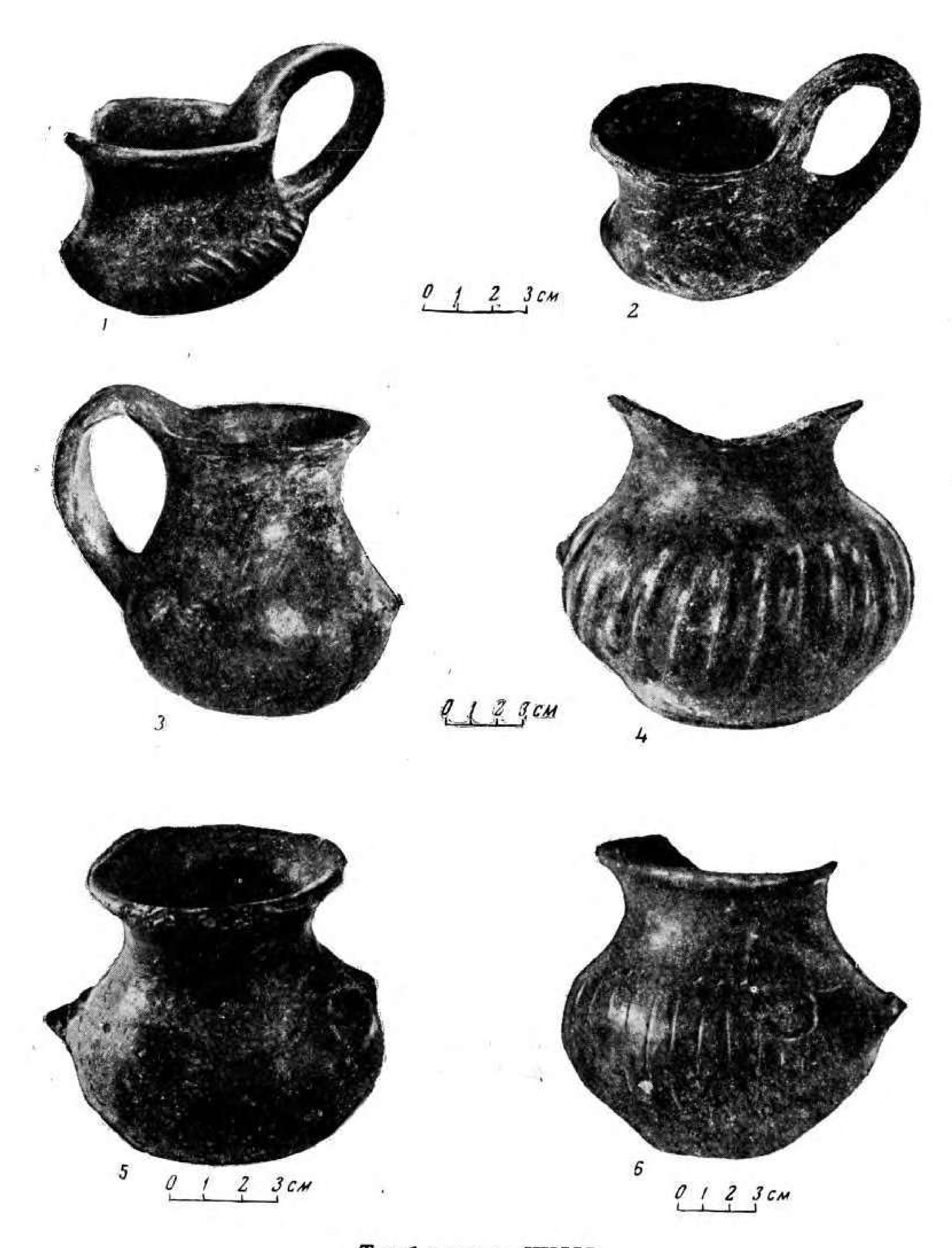

Таблица XVIII.

Образцы керамики из Змейского поселения

1, 2, 4 — кружки с рифленой поверхностью; 3, 5 — с выпуклинами; 6 — с нарезным и точечным орнаментом

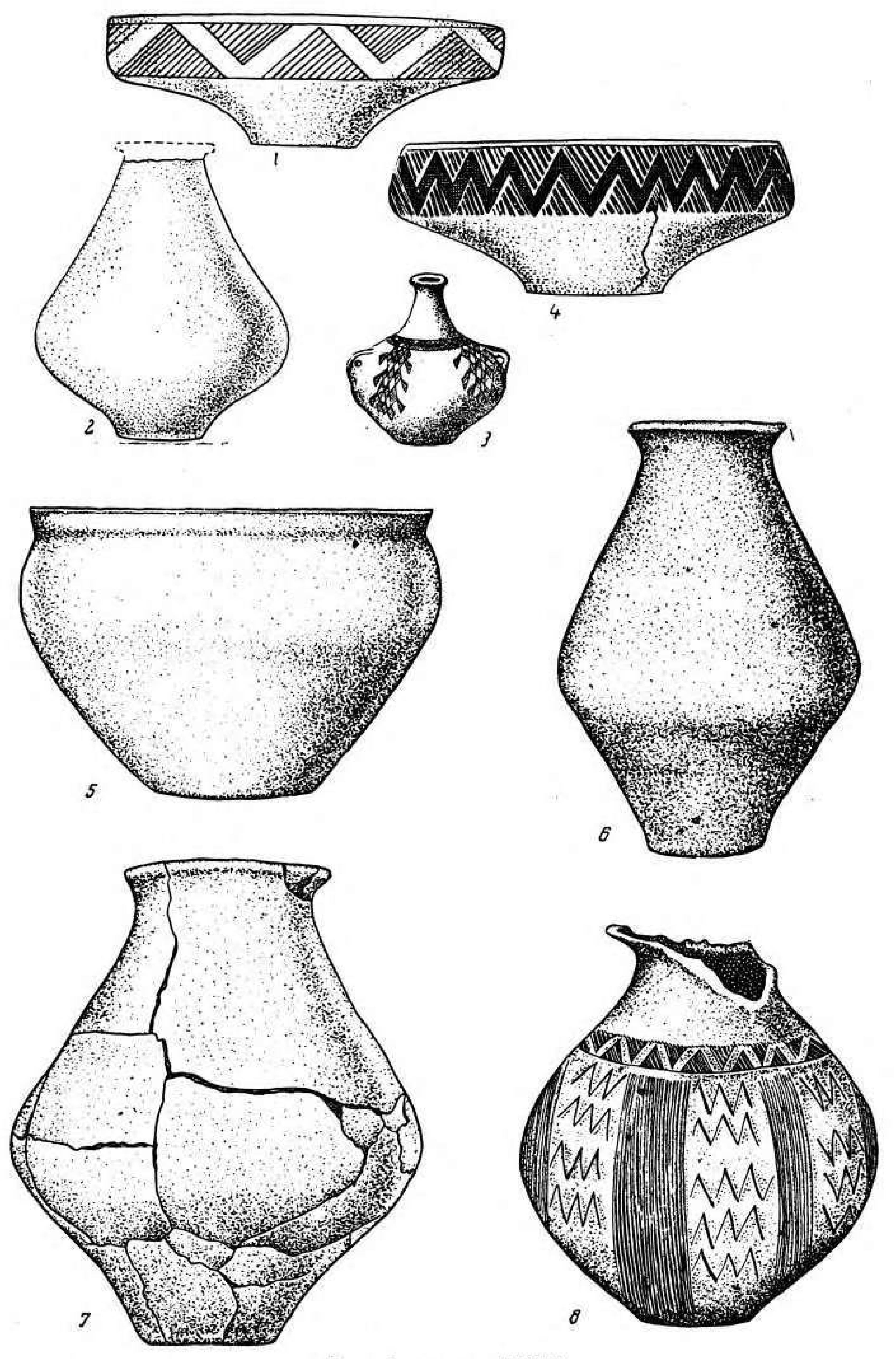

Таблица XIX.

Посуда из разных пунктов Северного Кавказа

1—2 — глиняные миска и горшок из сел. Верхний Наур; 3, 8 — глиняные сосуды из сел. Каменномостское; 4—6 — глиняные миска и горшок из г. Моздока; 5 — бронзовый сосуд с р. Эшкакон; 7 — горшок из «Провала» в Пятигорске

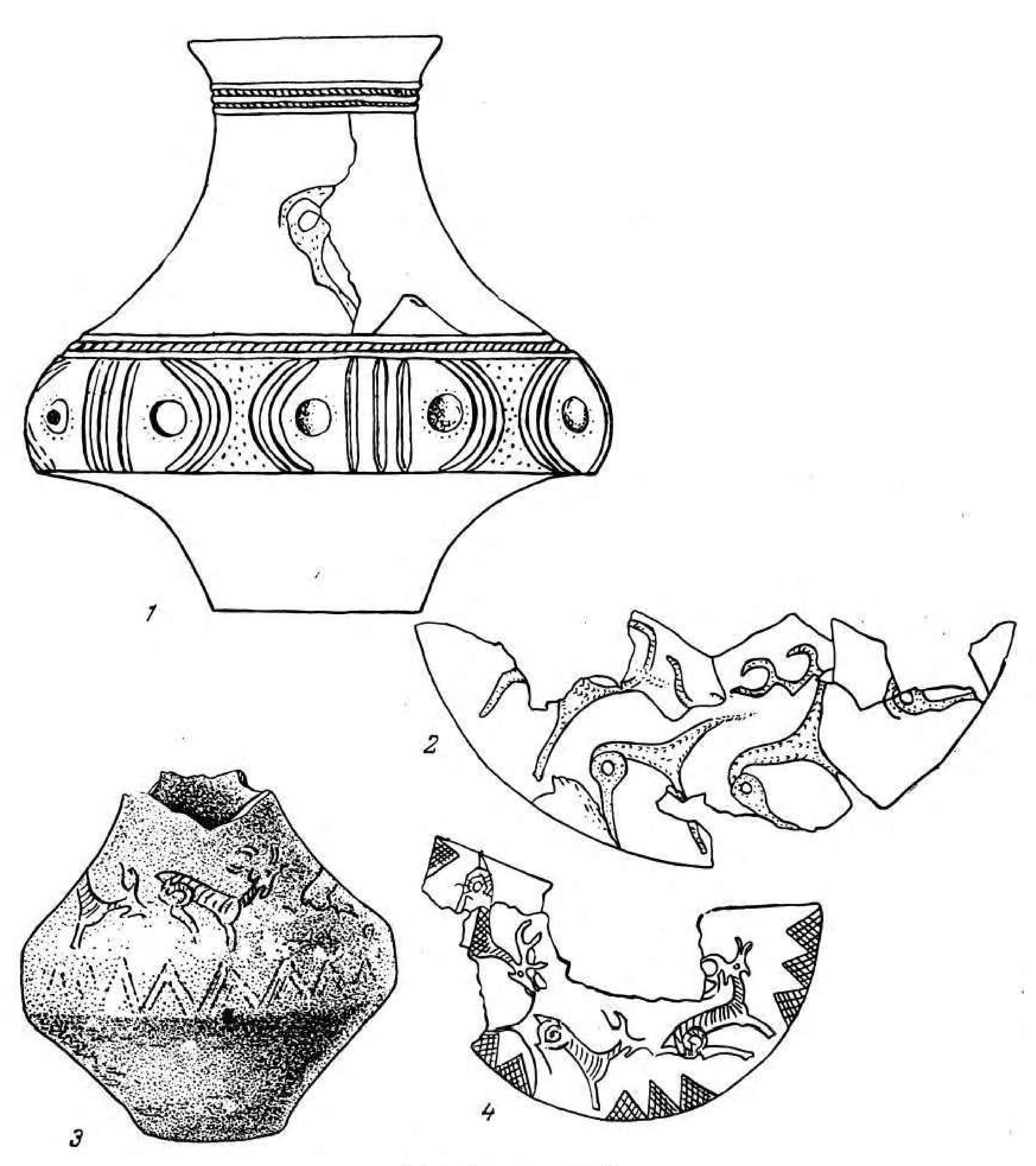

Таблица XX.

Глиняные сосуды с изображением оленей

1—2 — сосуд из г. Ставрополя; *3—4*—из Нальчика

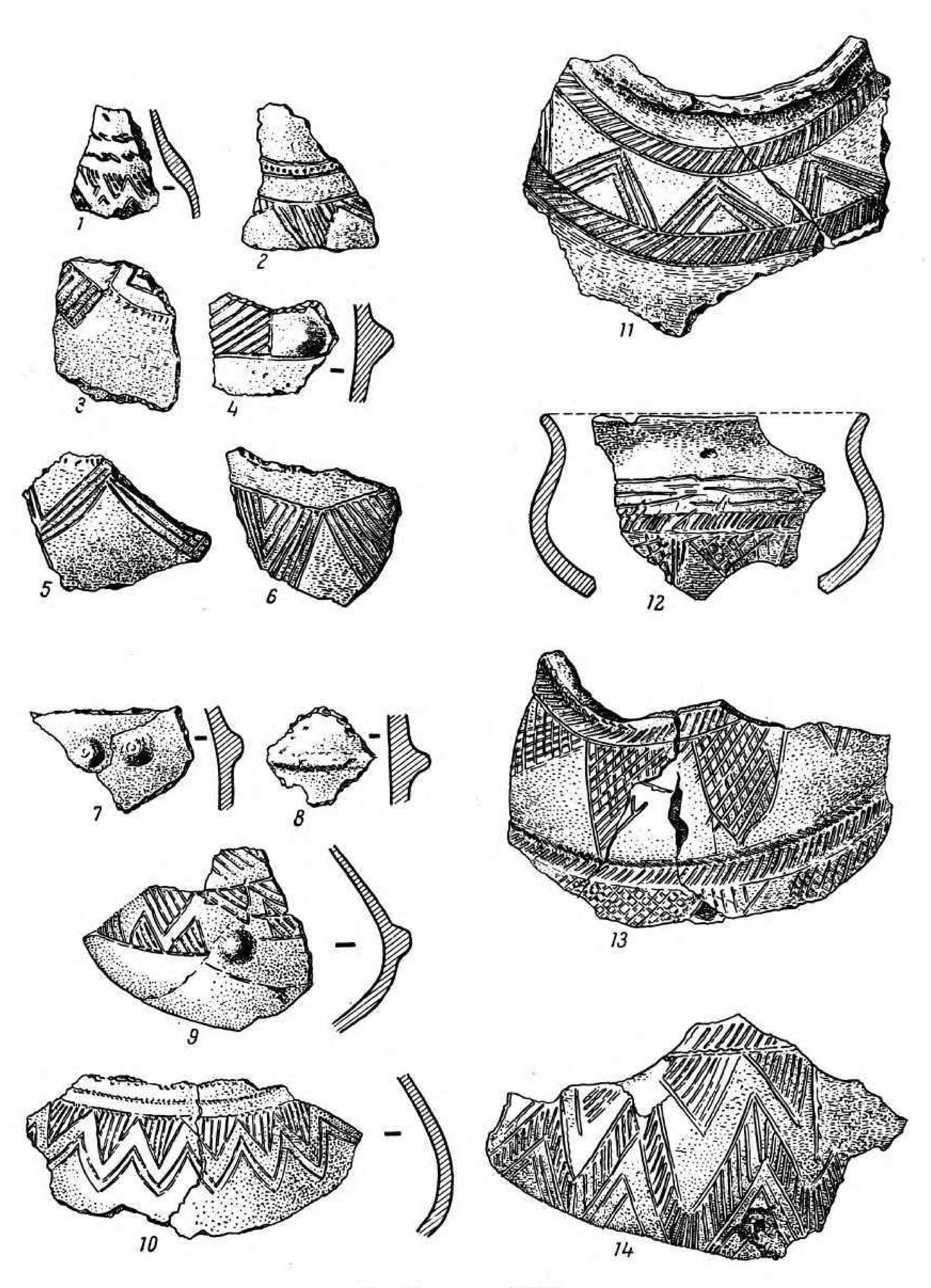

Таблица XXI.

Образцы орнаментации керамики киммерийского типа

1—10 — из верхнего слоя Алхастинского поселения; *11* — из Айвазовского поселения; *12—14* — из Кобякова городища

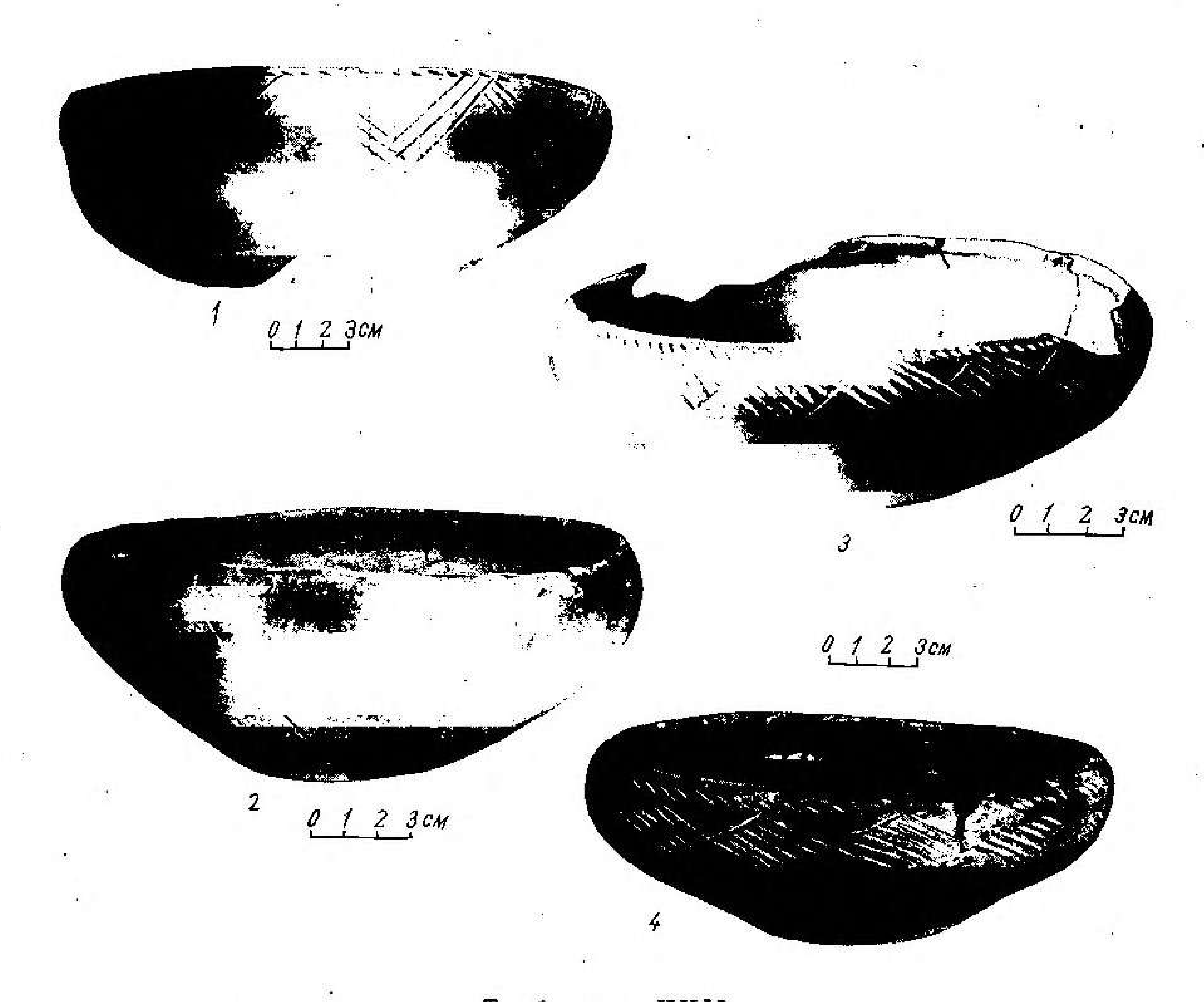

Таблица XXII.

Типы глиняных мисок из Змейского поселения

1, 3, 4 — с нарезным геометрическим орнаментом; *2* — глубокая миска, неорнаментированная

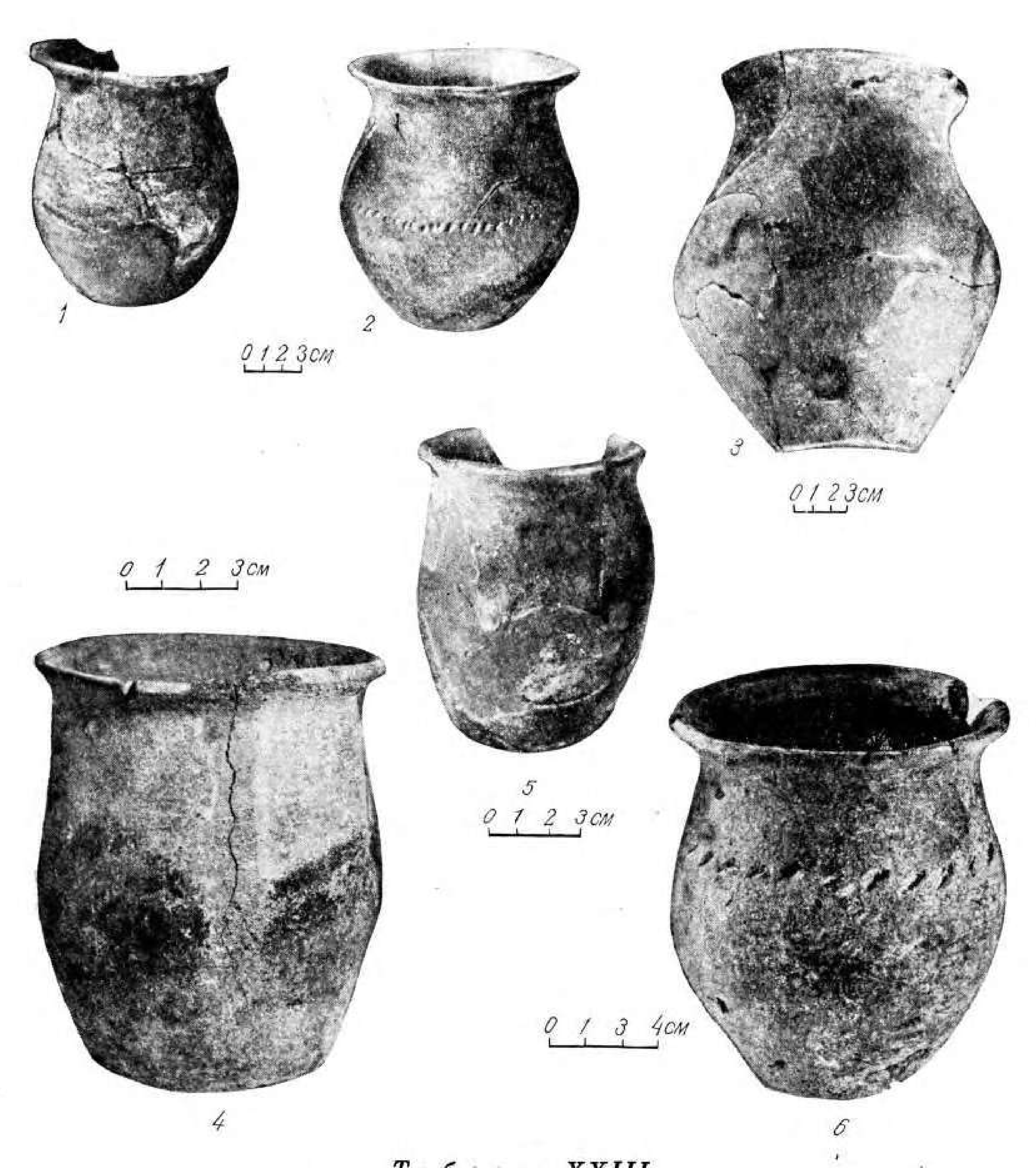

Таблица XXIII.

Типы горшков из Змейского поселения

1, 3—5 — **неорнаментированные;** ***2, 6*** — **украшенные по тулову семечковидным орнаментом**

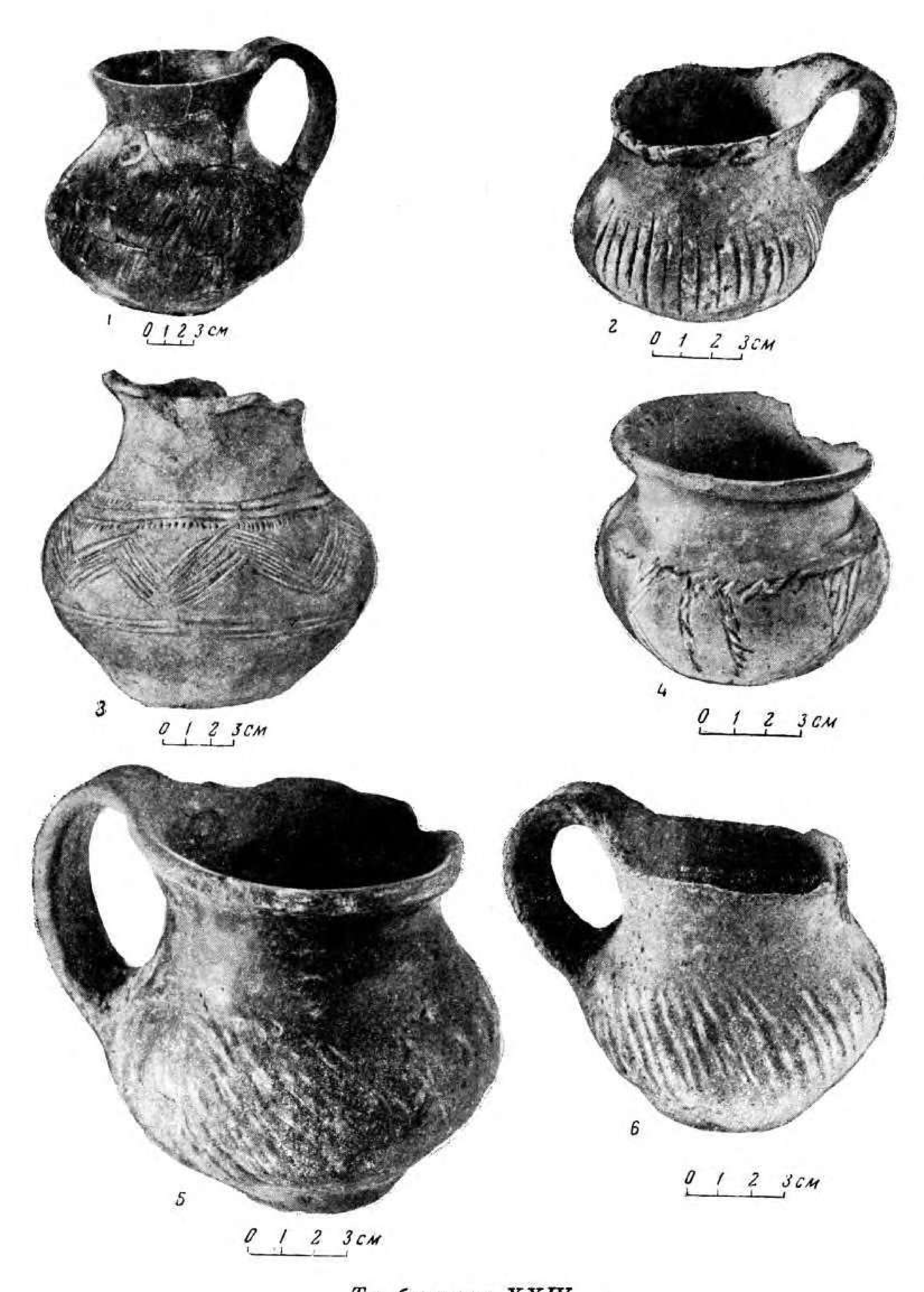

Таблица XXIV.

Глиняные сосуды кобанского типа из Змейского поселения

1 — чарка с гладкой поверхностью; *2—4* — сосуды, украшенные нарезным орнаментом; *5—6* — сосуды с рифленой поверхностью

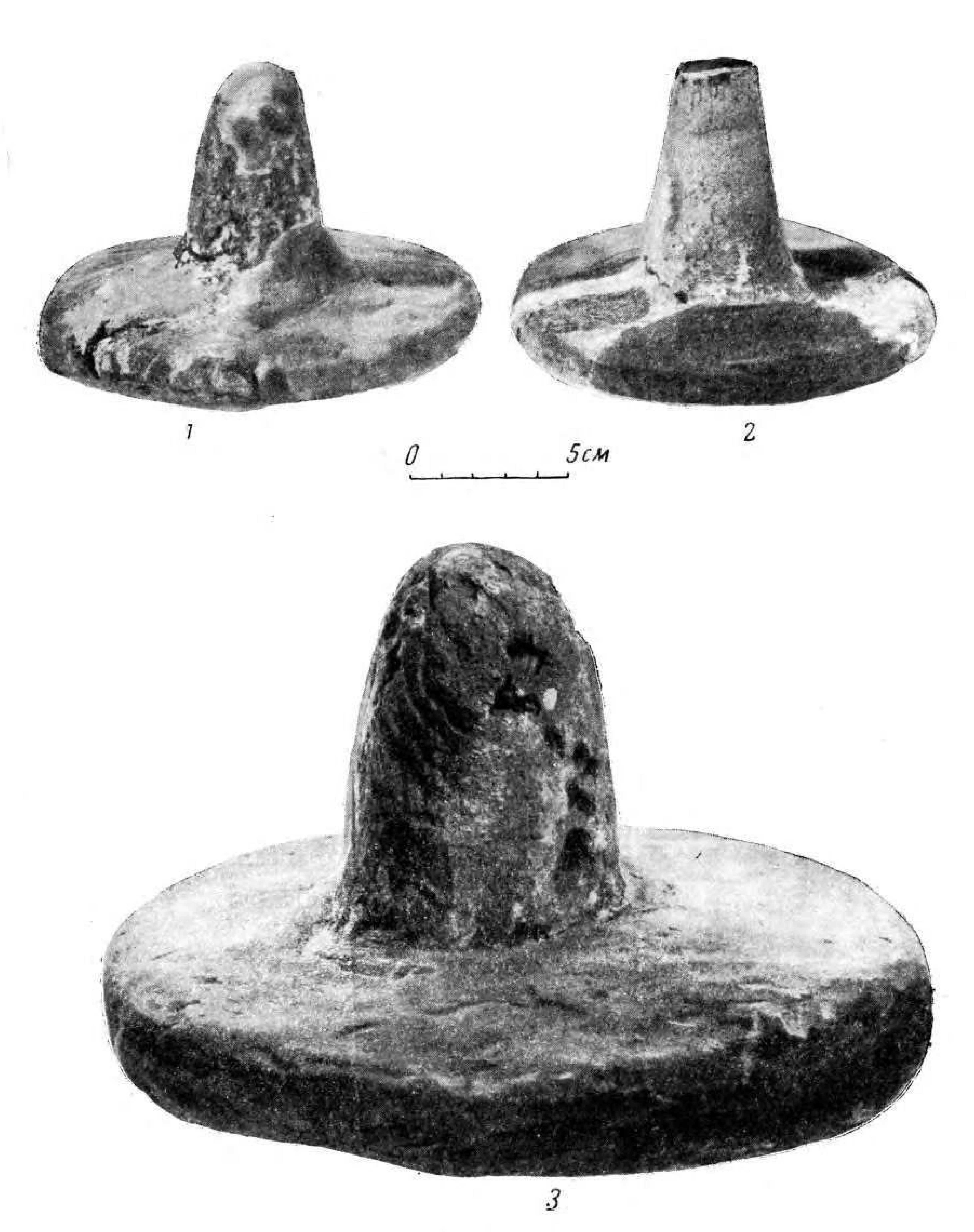

Таблица XXV.

Глиняные подставки из Змейского поселения

1—2 — реставрированные подставки; **3** — целая

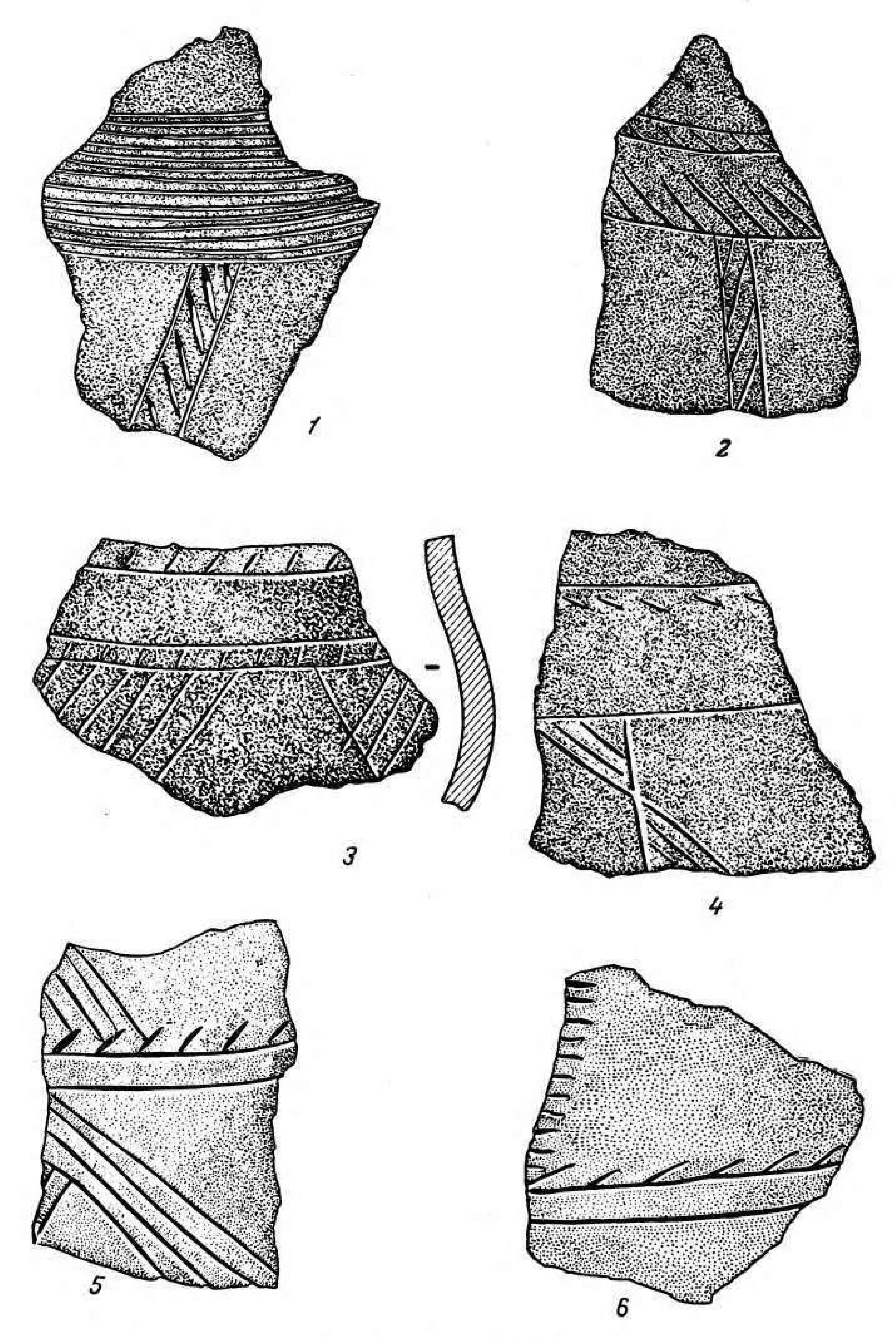

Таблица XXVI.

Образцы нарезного орнамента на керамике из Алхастинского поселения

1—4—фрагменты сосудов темных тонов; *5—6*—фрагменты сосудов светлых тонов

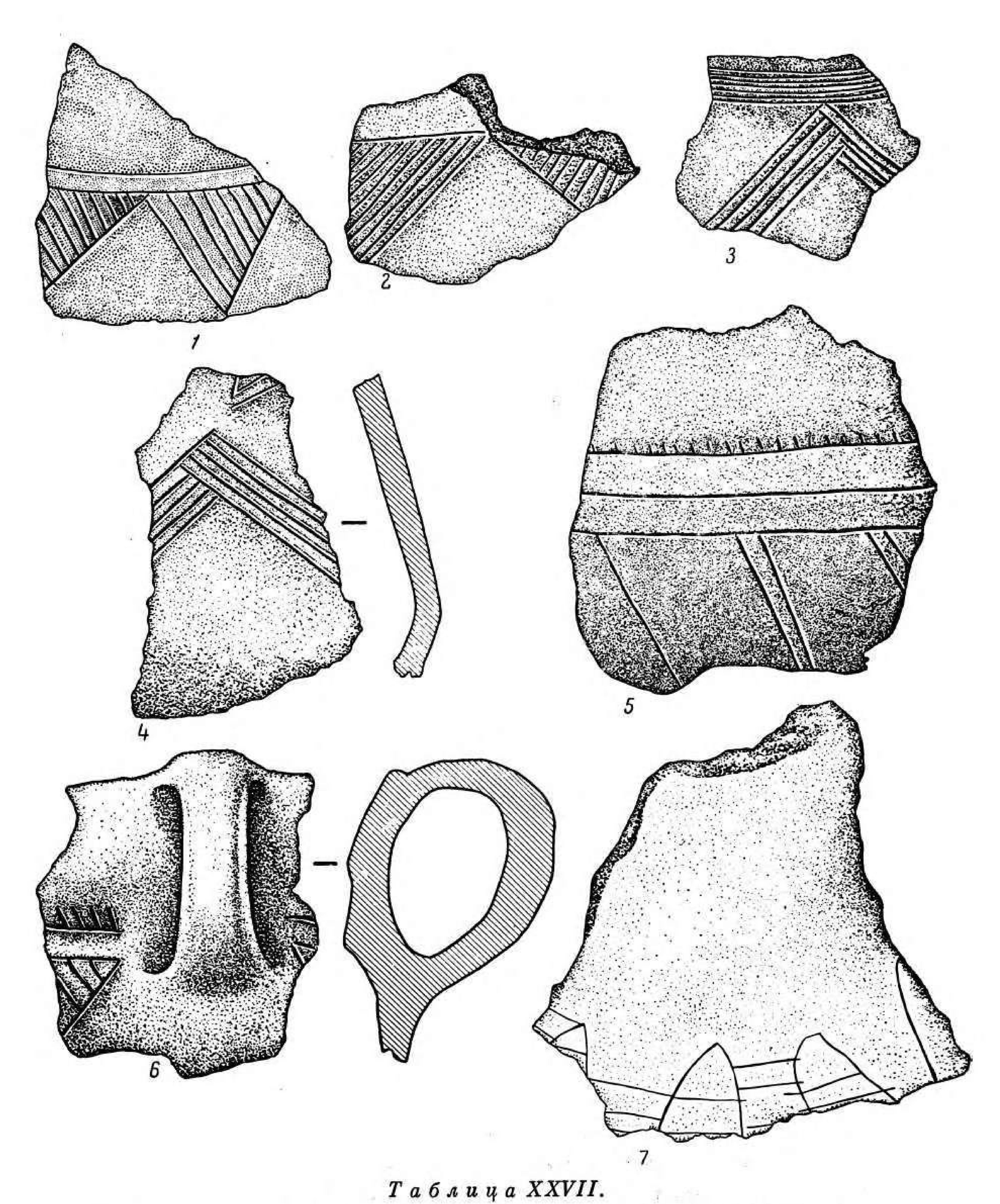

Таблица XXVII.

Образцы нарезного орнамента на керамике из Алхастинского поселения

1—6 — фрагменты сосудов с глубоким нарезным орнаментом; *7*—фрагмент сосуда с процарапанным орнаментом

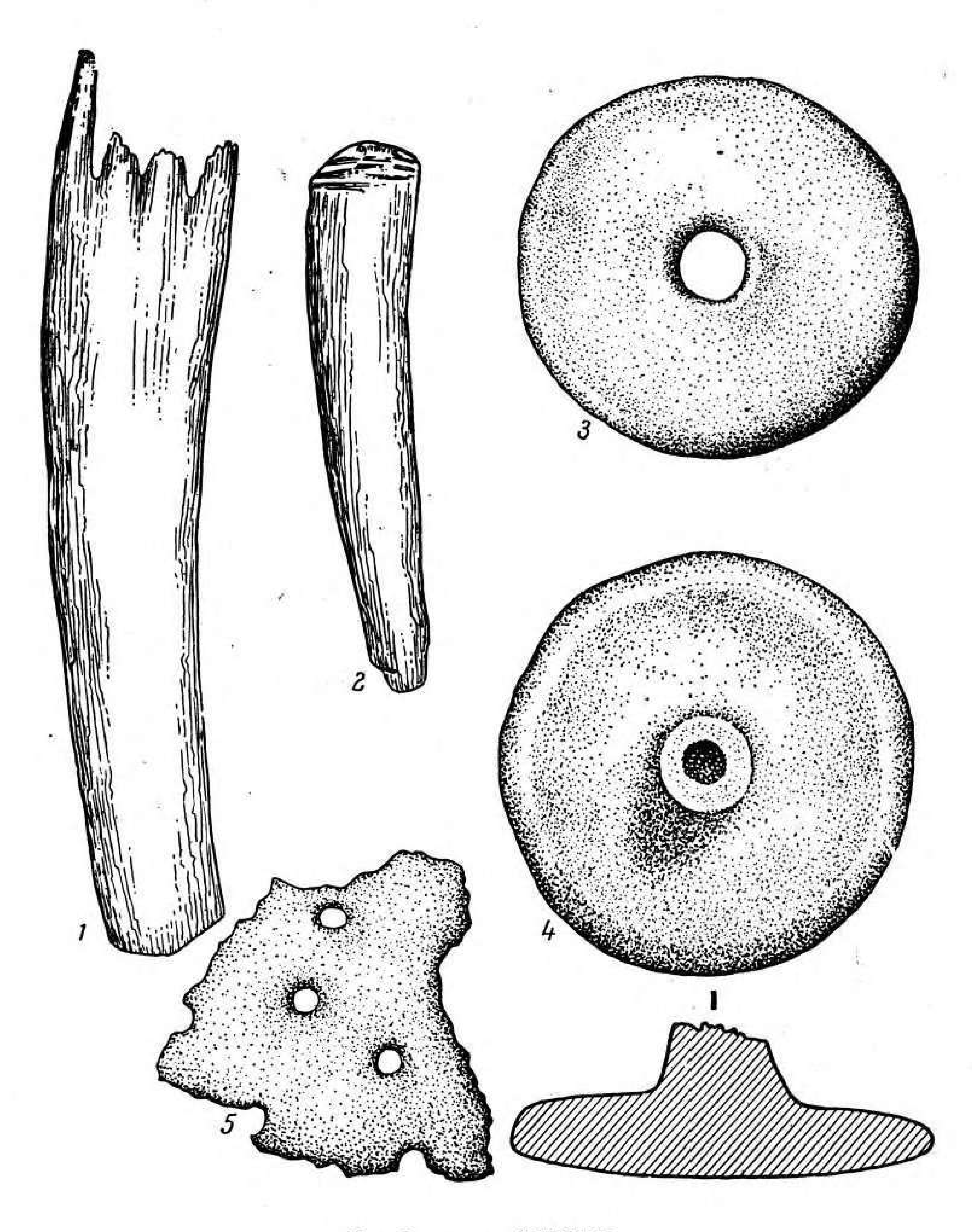

Таблица XXVIII.

Костяные и глиняные предметы из Алхастинского поселения

1 — костяной инструмент для нанесения орнамента на керамике; 2 — полуфабрикат костяной рукояти; 3—4 — глиняные пряслица; 5 — обломок глиняной цедилки

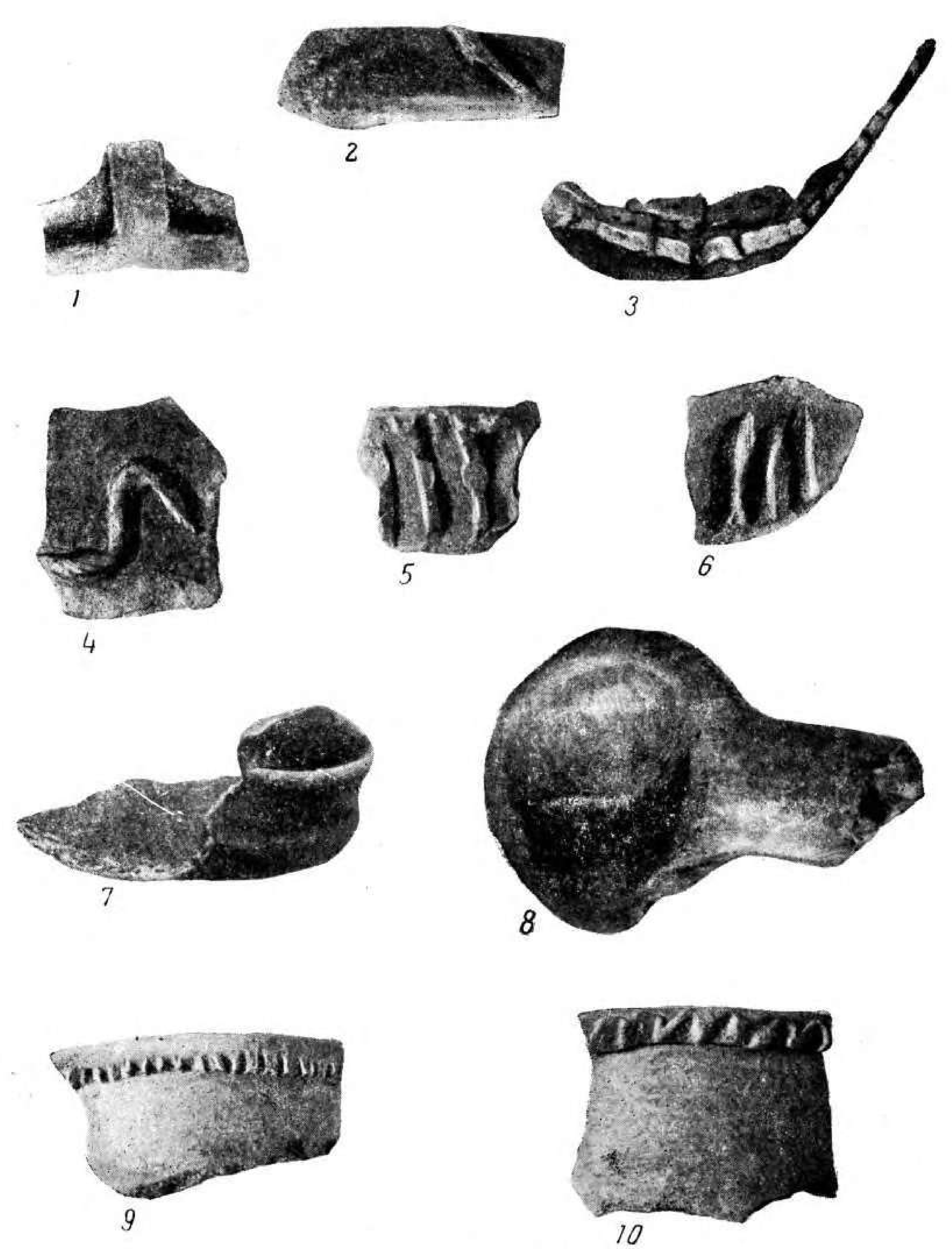

Таблица XXIX.

Глиняные изделия из Нестеровского поселения

1—7, 9, 10 — обломки сосудов; 8 — льячка

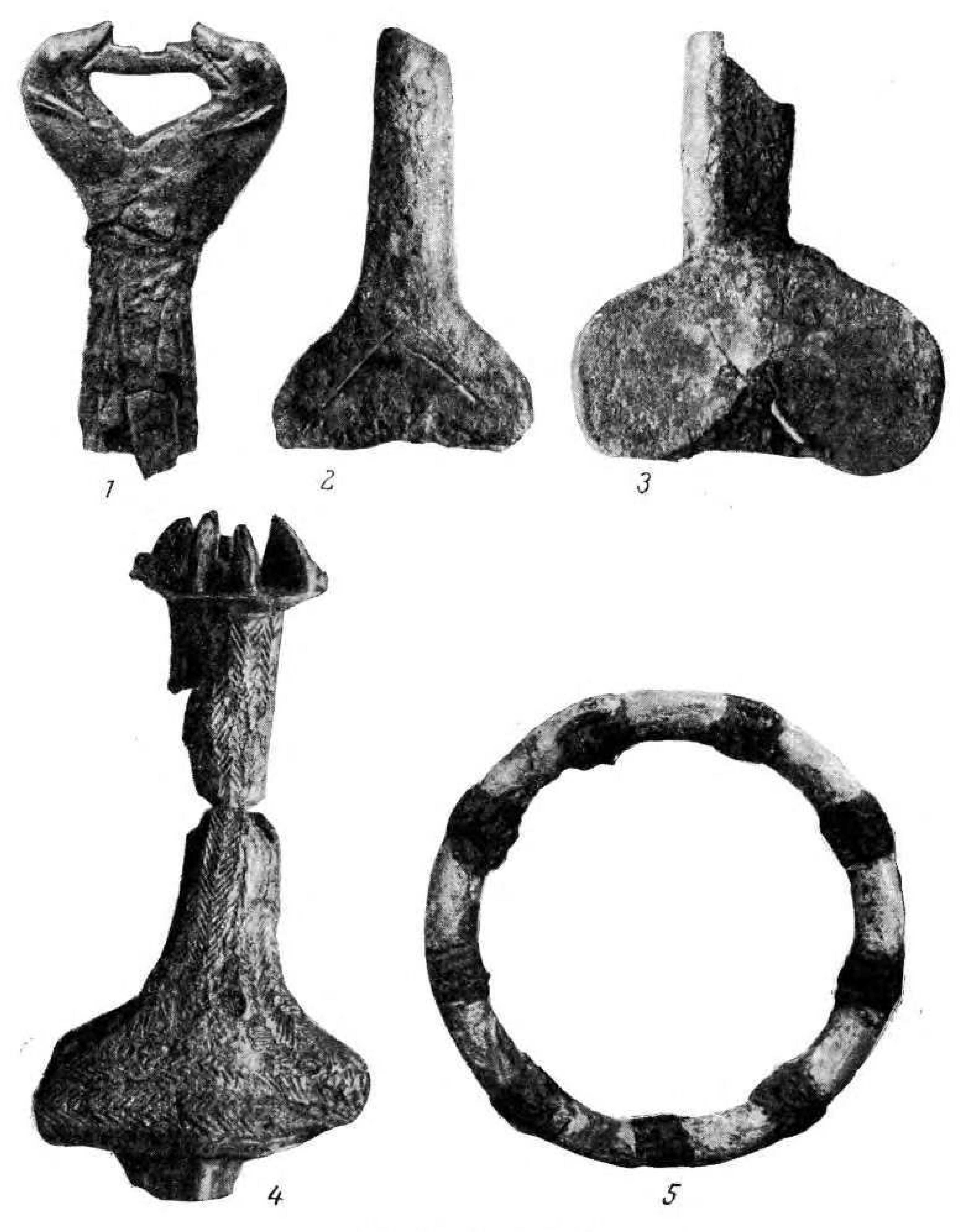
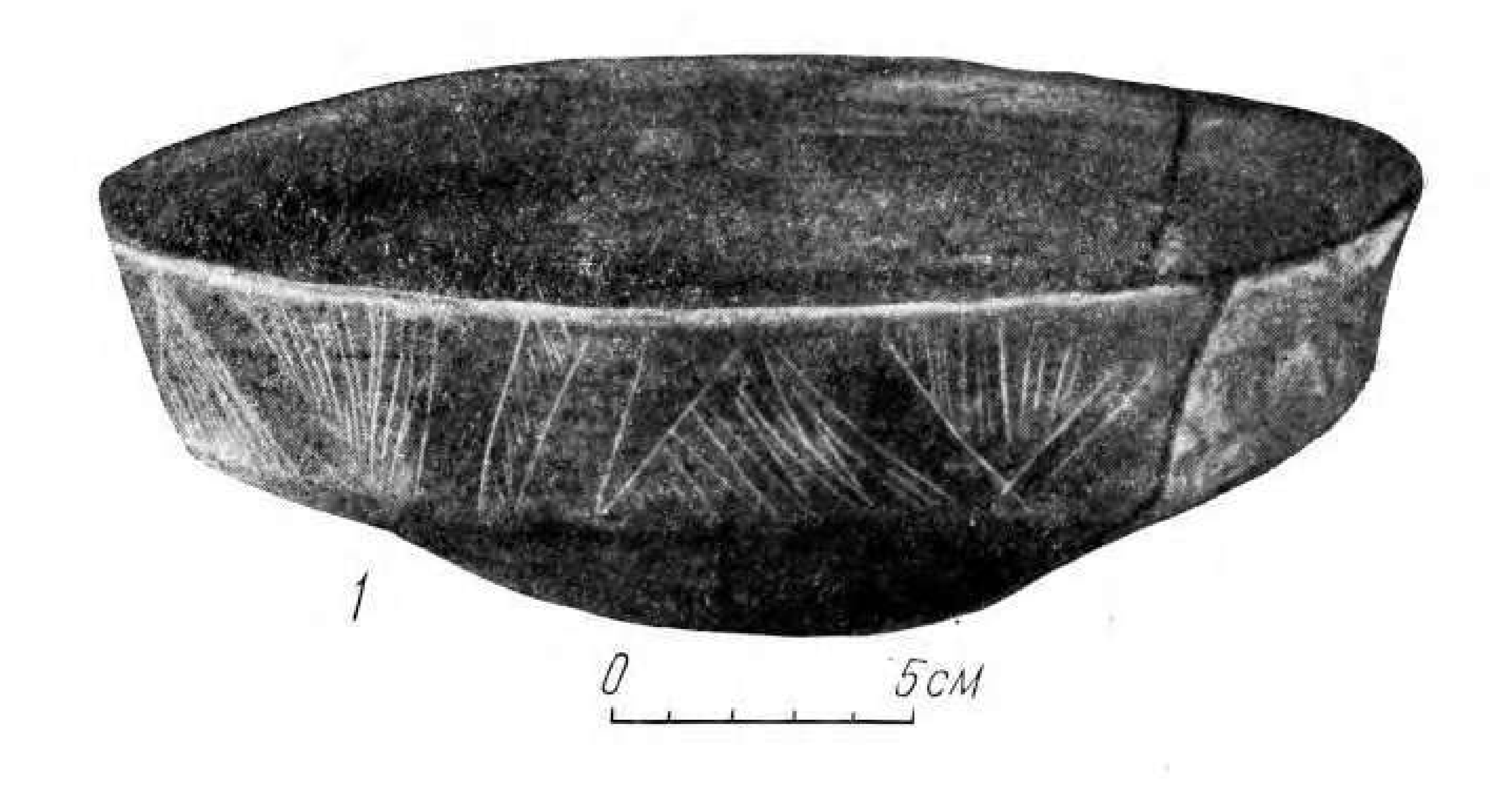

Таблица XXX.

Предметы переходного периода от бронзы к железу из Галиатского могильника Фаскау

1—3 — бронзовые рукоятки кинжалов с железными клинками; 4 — бронзовая рукоять; 5 — бронзовый браслет с железными кольцами

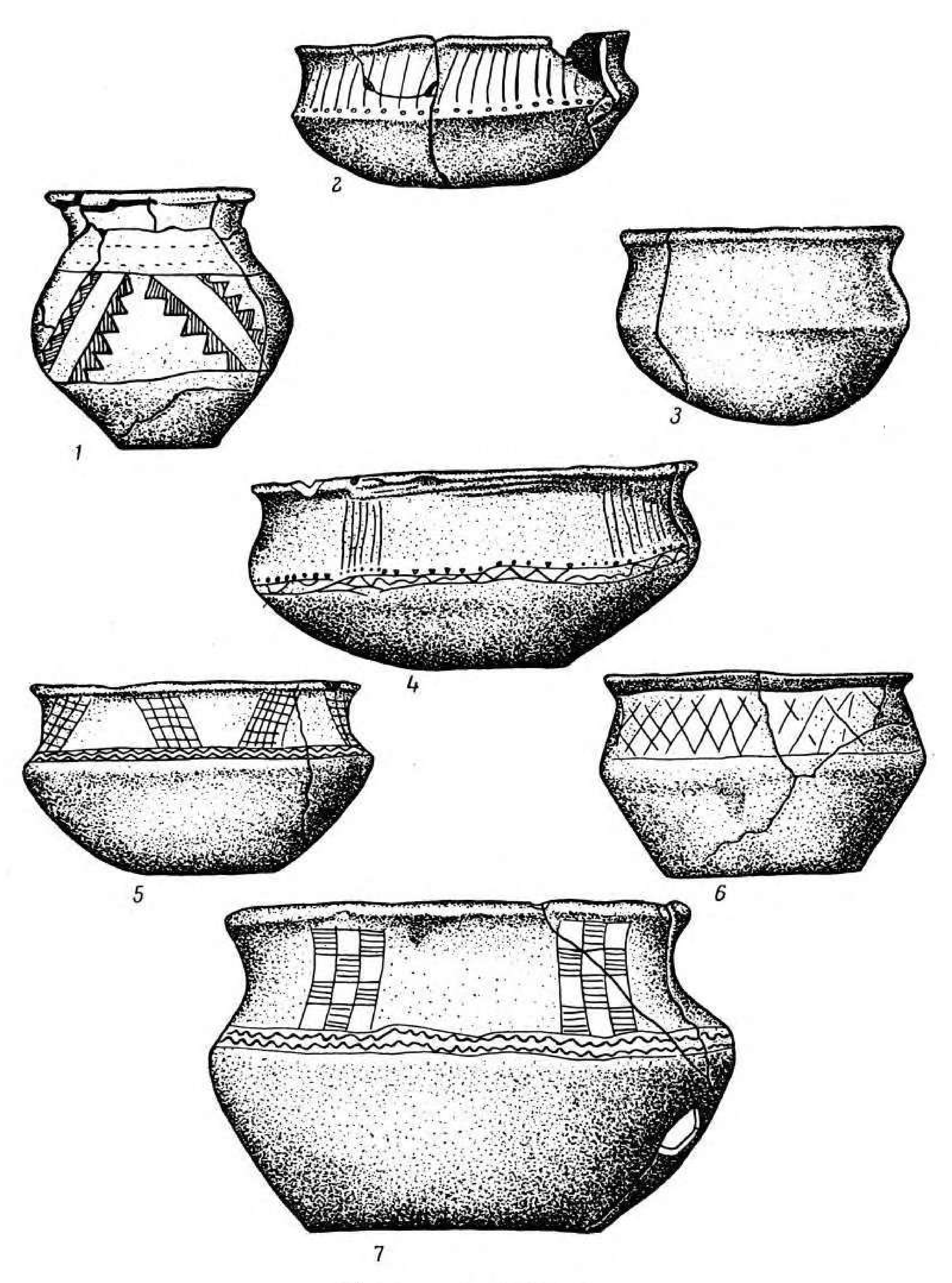

Т а б л и ц а XXXI.

Керамика из Кисловодского могильника

1 — миска; 2 — чаша. По раскопкам В. В. Бобина

Т а б л и ц а XXXII.

Керамика из Березовского могильника

1, 2, 4—7 — сосуды, украшенные нарезным орнаментом; *3* — круглодонный сосудик таврского типа

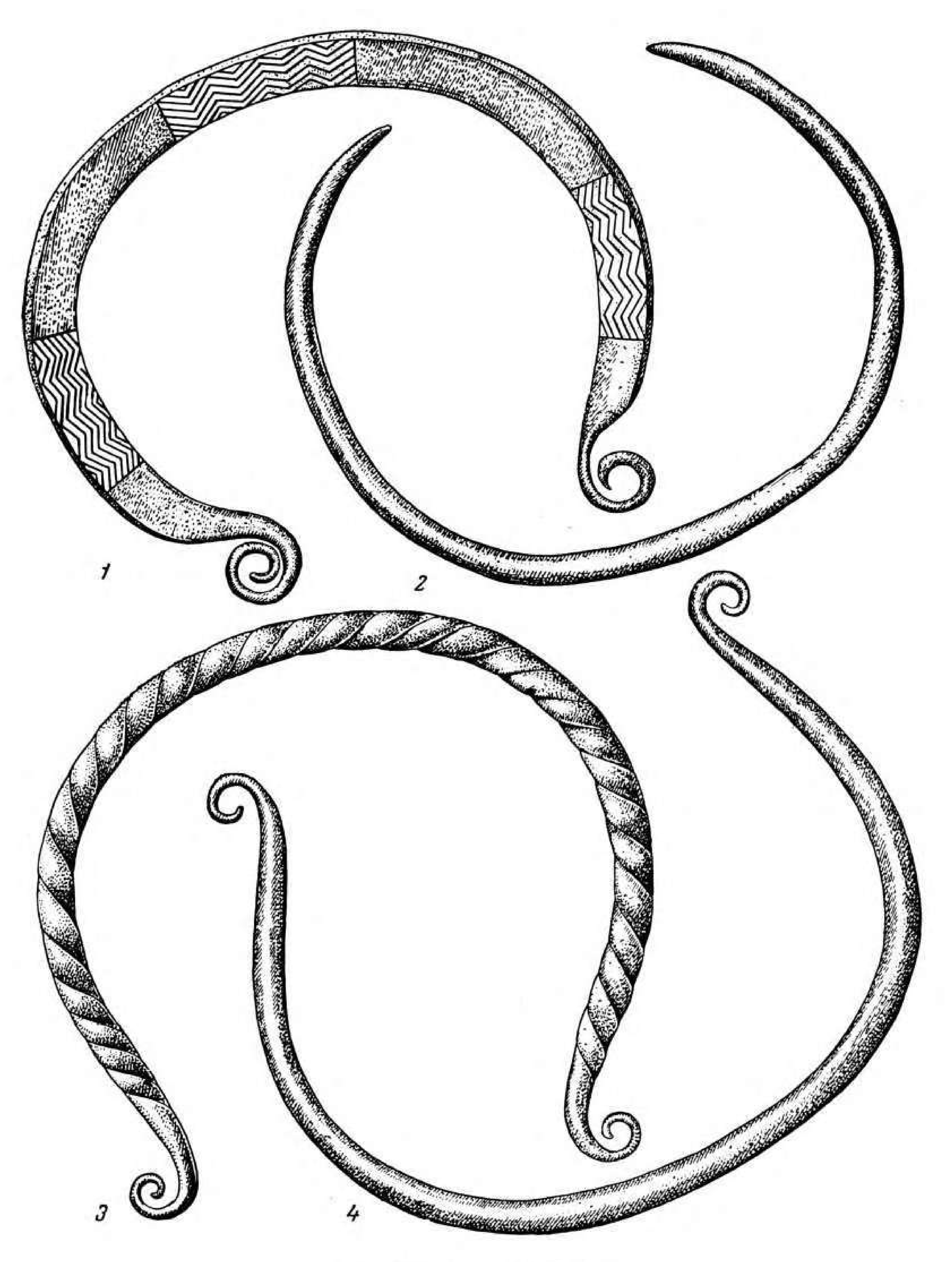

Таблица XXXIII.

Бронзовые гривны из Березовского могильника

1 — уплощенная; 2, 4 — гладкие; 3 — витая

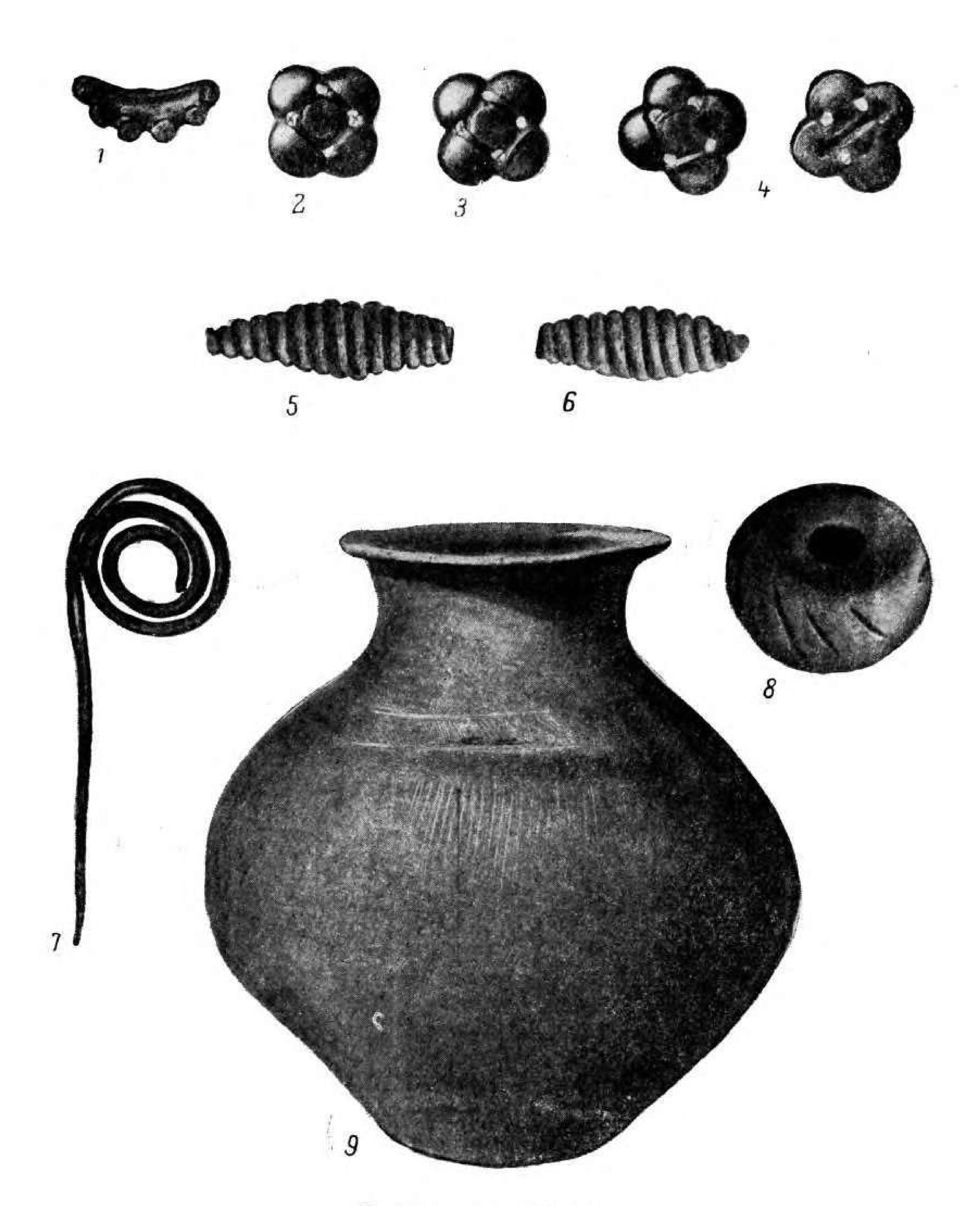

Таблица XXXIV.

Вещи из Каменномостского могильника по раскопкам 1948 г.

1—4 — бронзовые поясные бляшки из каменного ящика № 2; *5—9* — предметы из кам. ящика № 1

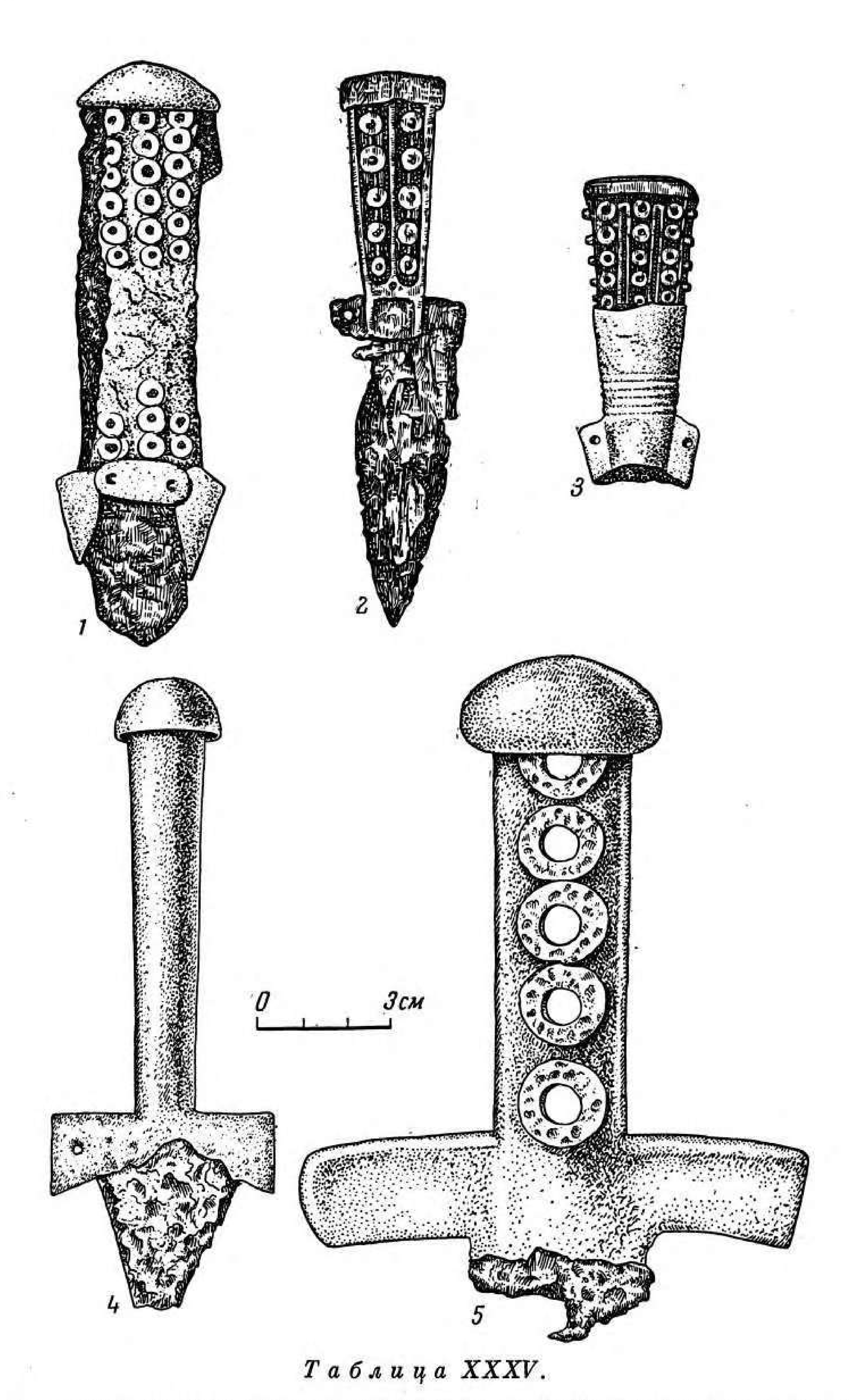

Таблица XXXV.

Бронзовые рукоятки от железных кинжалов кабардино-пятигорского типа

1 — из Березовки под г. Кисловодском; 2 — из Венгрии; 3 — из Ананьино (Прикамье); 4 — из сел. Кескем; 5 — из окрестностей Кольца-Горы под г. Кисловодском

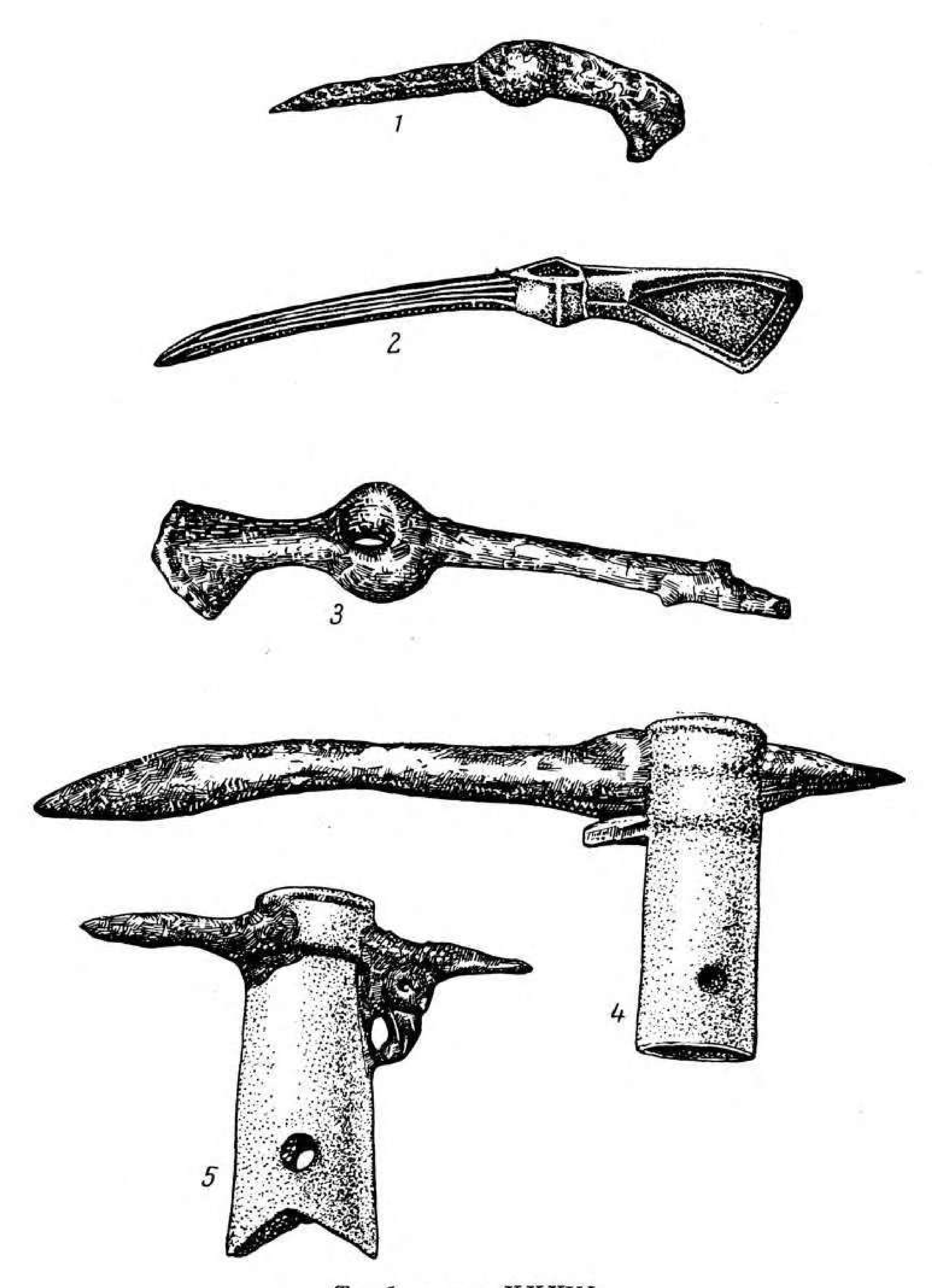

Таблица XXXVI.

Боевые топоры — клевцы из разных пунктов

1 — железный клевец из колонии Каррас; 2 — бронзовый клевец из синдской могилы VII — VI вв. до н. э. у Цукурского лимана; 3, 5 — клевцы из Ананьино (Прикамье); 4 — железный клевец с бронзовой рукоятью из Пятигорска (гора Машук)

Таблица XXXVII.

Бронзовая секира VIII—VII вв. до н. э. из могильника на мебельной фабрике близ г. Кисловодска

(находка. Н. Н. Михайлова 1959 г.)

Таблица XXXVIII.

Инвентарь Кумбултского могильника Верхняя Рутха. Комплексы № 1,4 и 8

1—3 — бронзовые спиральки; *4—7* — подвески из сурьмы; *8* — бронзовая подвеска. Комплекс № *1*; *9—13* — подвески из сурьмы; *14—15* — бронзовые украшения. Комплекс № *8*; *16* — обломки бронзового браслета; *17* — *18* — глиняные сосудики. Комплекс № *4*.

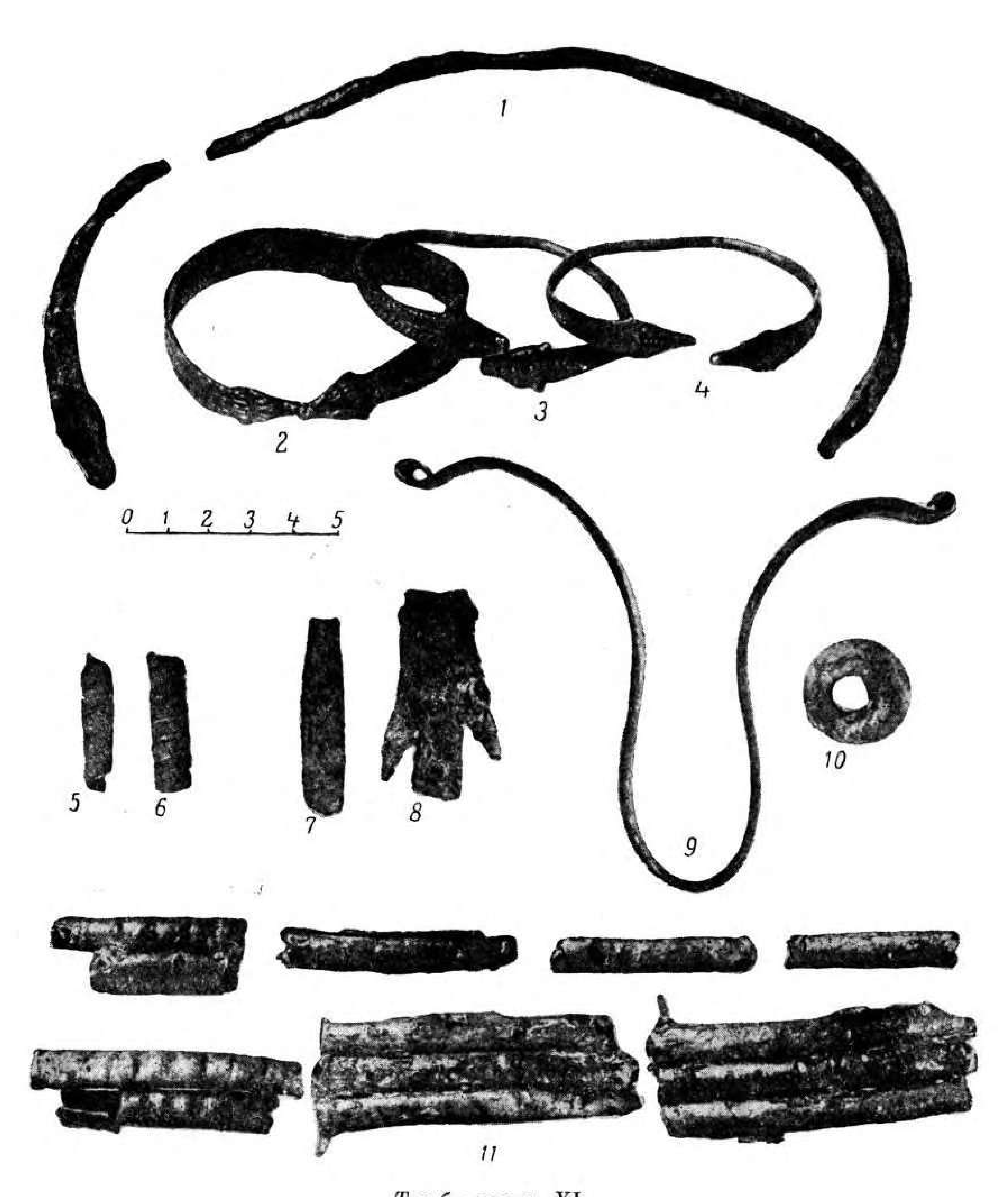

Таблица XL.

Комплекс № 9. Из могильника Верхняя Рутха

1 — бронзовая гривна; *2—4, 9* — бронзовые браслеты; *5—6* — бронзовые трубочки; *7—8* — железные стержень и наконечник стрелы; *10* — костяное кольцо; *11* — части головного убора в виде трубочек, обложенных листовым золотом

Таблица XLI.

Комплекс № 11 из могильника Верхняя Рутха

1—10 **— бронзовые подвески;** ***11*** **— бронзовая пуговка;** ***12—15*** **— предметы из кости;** ***16*** **— бронзовая трубочка;** ***17*** **— бронзовый вотивный кинжальчик;** ***18—19*** **— бронзовые поясные пряжки;** ***20*** **— обломок бронзового кинжала;** ***21—22*** **— глиняные сосудики**

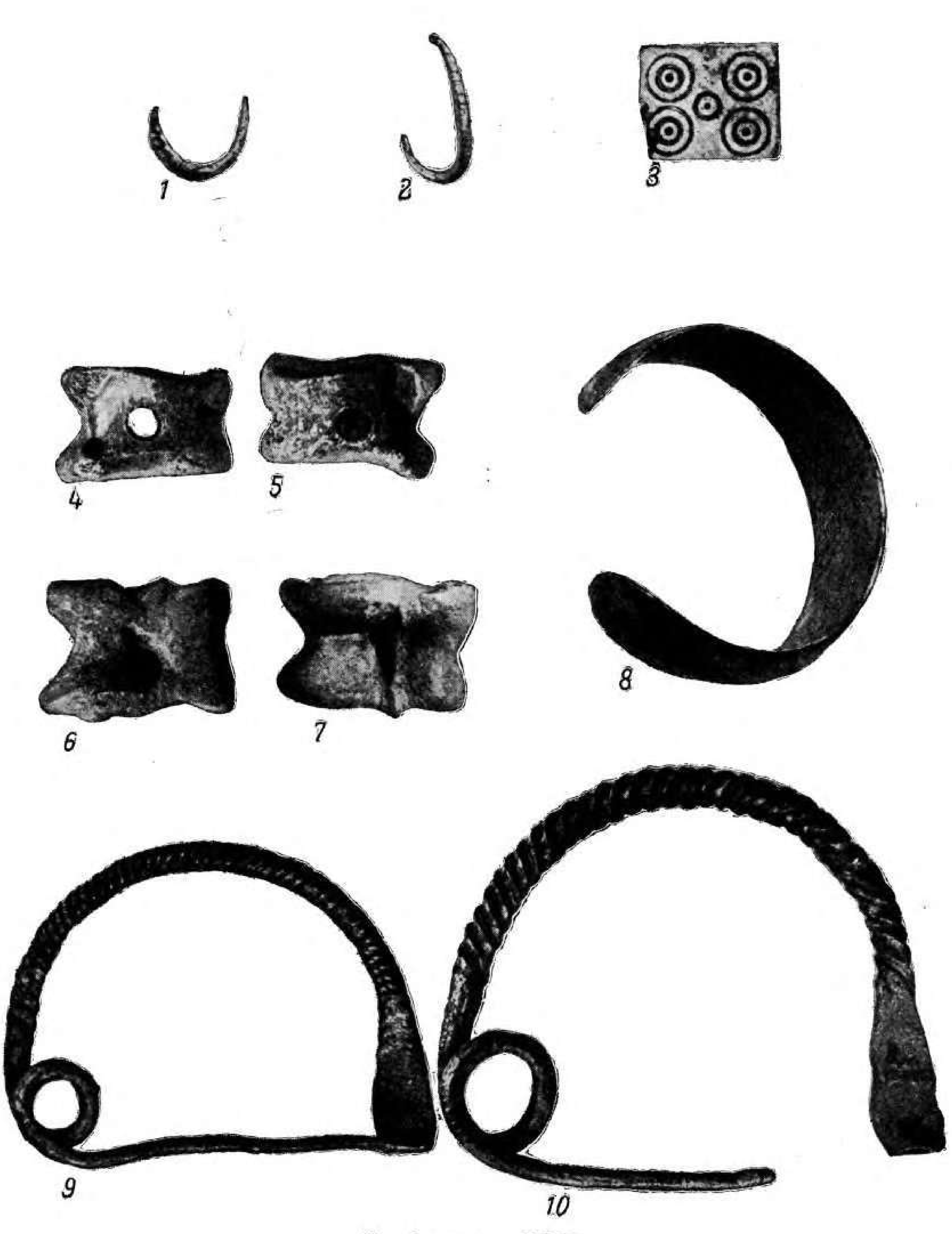

Таблица XLII.

Комплекс № 17 из могильника Верхняя Рутха

1—2 — обломки серебряных височных привесок; *3* — костяная бляшка — пронизь; *4—7* — астрагалы овцы; *8* — бронзовый браслет; *9—10* — бронзовые фибулы

Таблица XLIII.

Комплекс № 18 из могильника Верхняя Рутха

1, 2, 5 — сосуды неорнаментированные; *3* — сосудик, украшенный выпуклинами; *4, 6, 7* — украшенные нарезным орнаментом

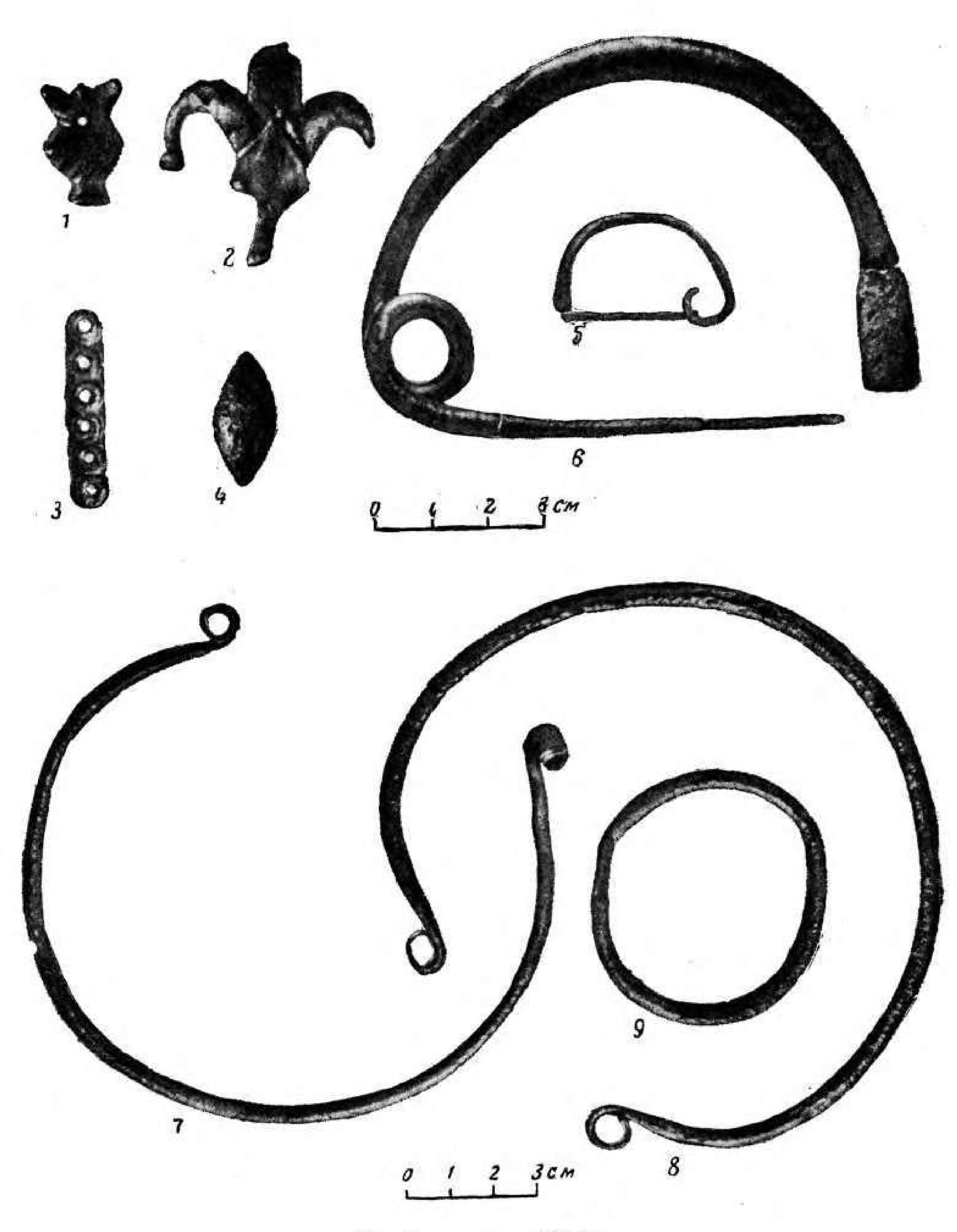
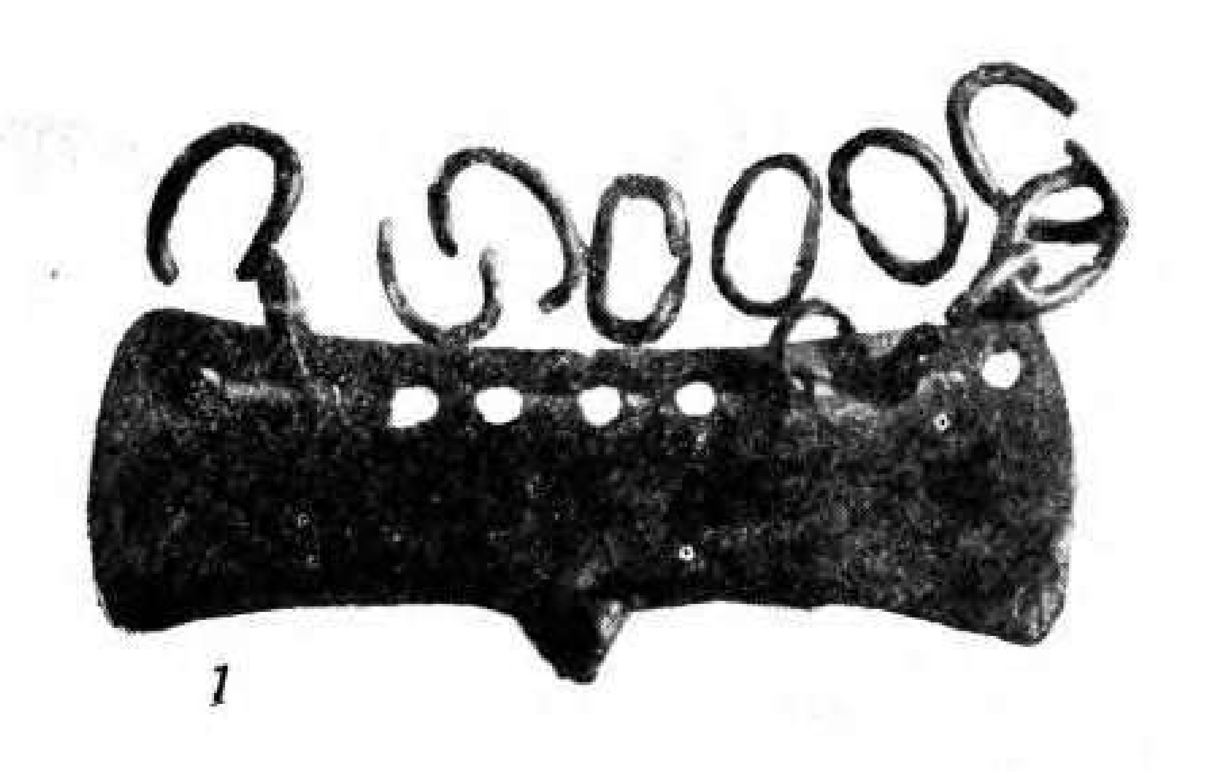

Таблица XLIV.

Комплекс № 18 из могильника Верхняя Рутха

1 — подвеска из гишера; *2* — бронзовая подвеска; *3* — бронзовая пронизь; *4* — бронзовая пуговка; *5—6* — бронзовые фибулы; *7—8* — бронзовые гривны; *9* — бронзовый браслет

1

2

0 1 2 3 см

Таблица XLV.

Клад, найденный на могильнике Верхняя Рутха. Комплекс № 20

1 — бронзовая поясная пряжка; *2* — глиняный сосудик, в котором находились бронзовые вещи

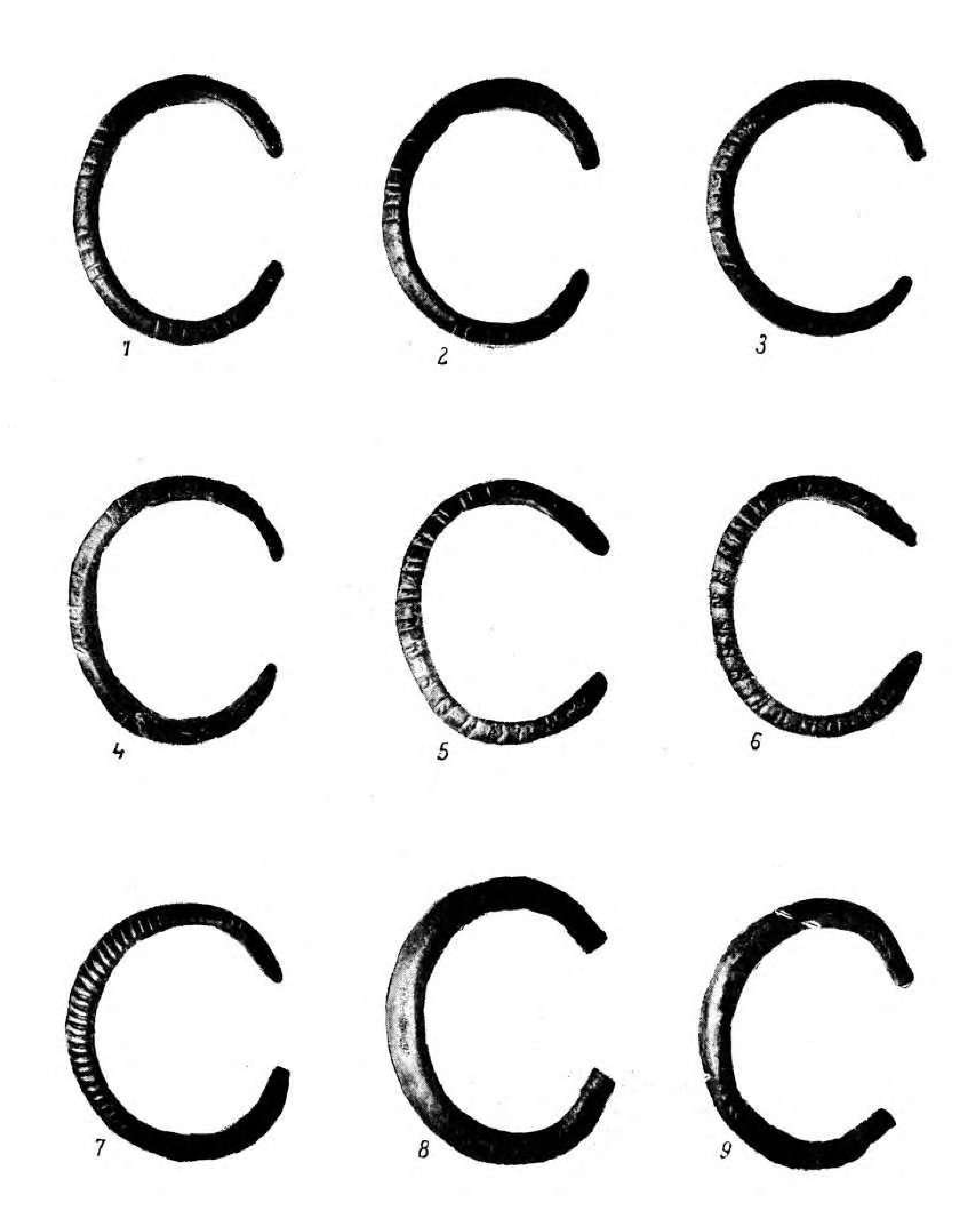

Таблица XLVI.

Могильчик Верхняя Рутха, Клад, Комплекс № 20

1—4 — бронзовые браслеты разных типов

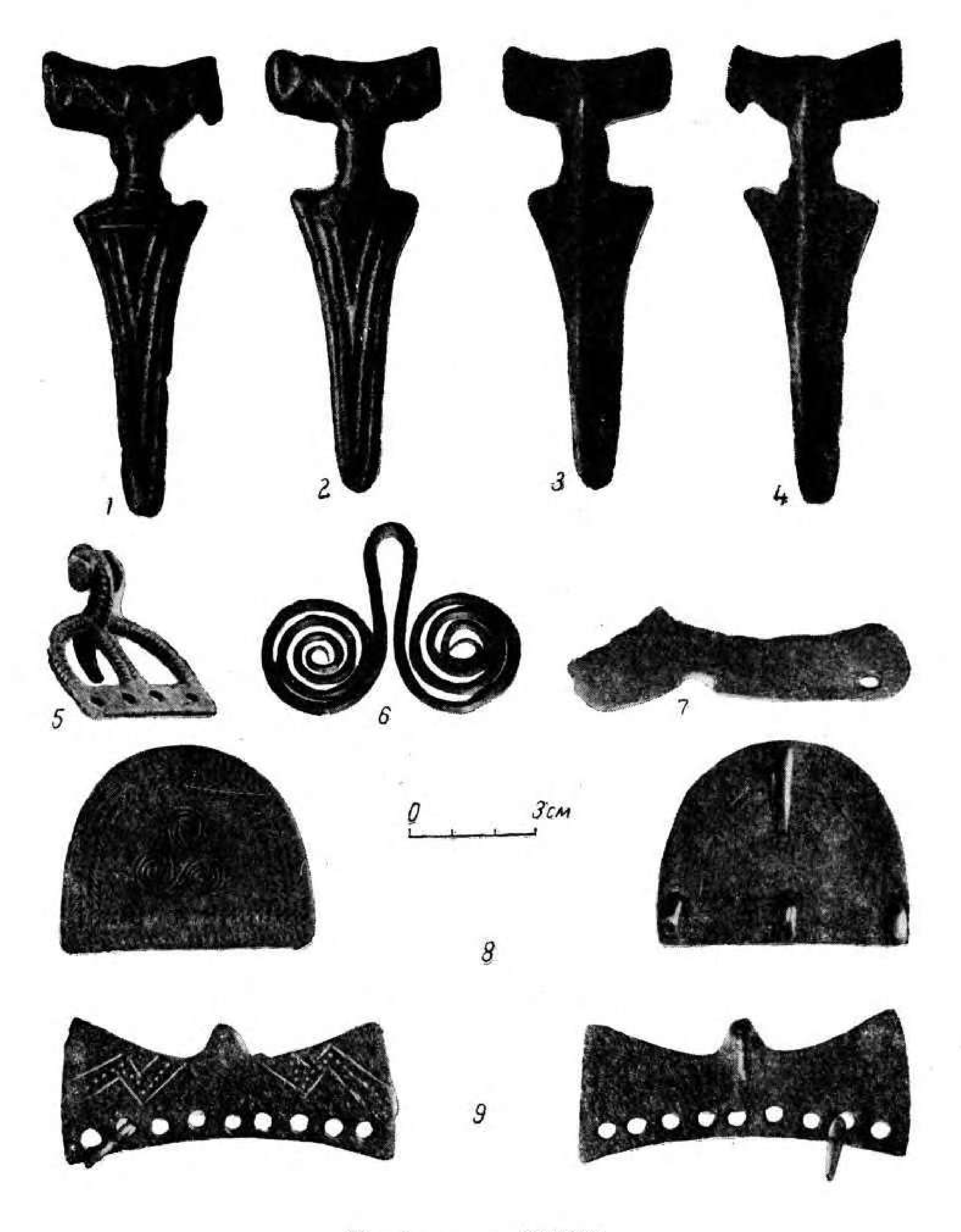

Таблица XLVII.

Отдельные находки на могильнике Верхняя Рутха

1—4—вотивные кинжальчики (лицевая и оборотная стороны); *5, 7*—поясные пряжки; *6* — височная привеска; *8—9* — поясные пряжки (лицевая и оборотная стороны); все вещи из бронзы

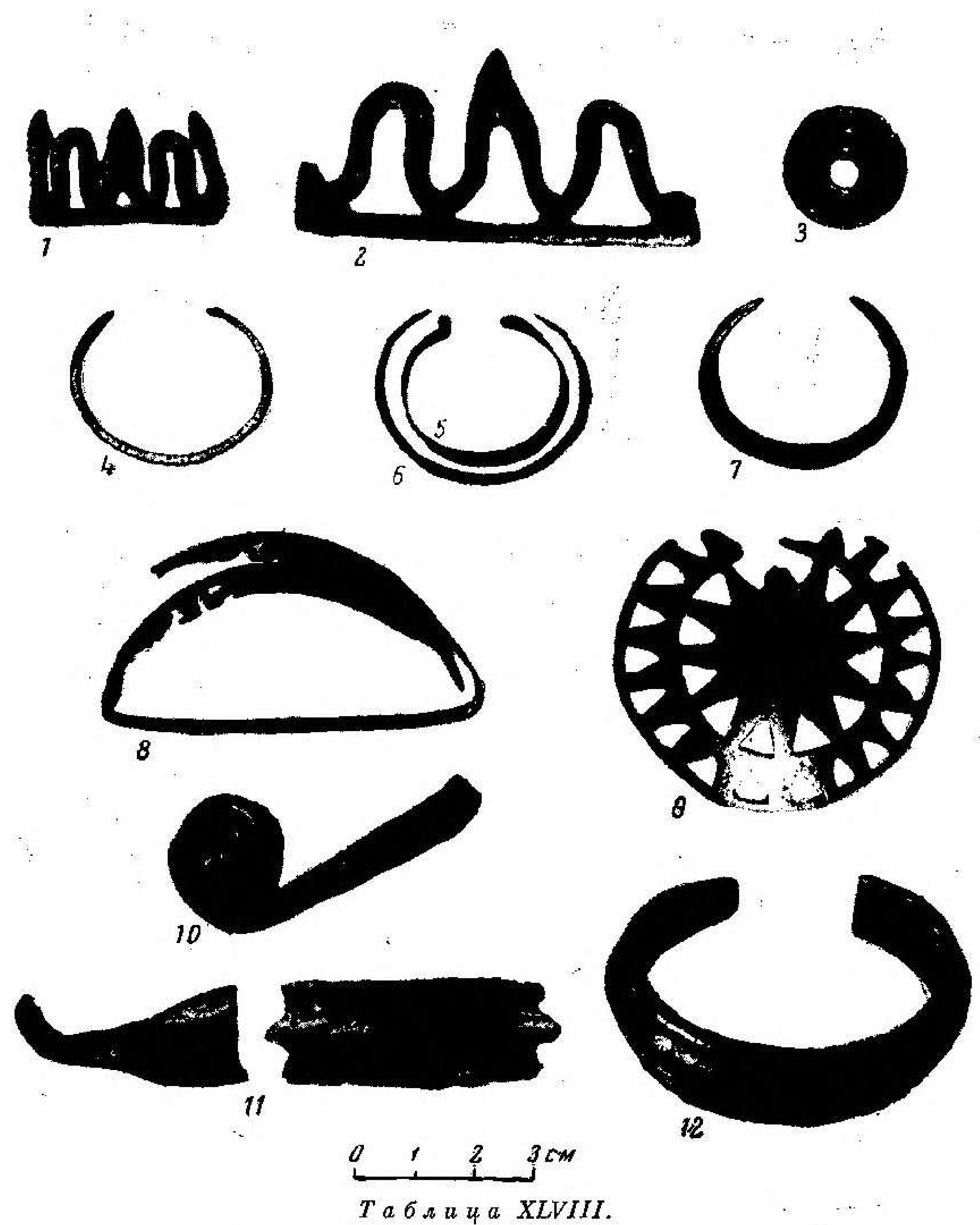

Таблица XLVIII.

Отдельные находки на могильнике Верхняя Рутха

1, 2 — поясные пряжки; *3* — конусообразный предмет; *4—7, 12* — бронзовые браслеты; *8* — часть головной заколки; *9* — ажурная бляха; *10—11* — обломки браслетов; все вещи бронзовые

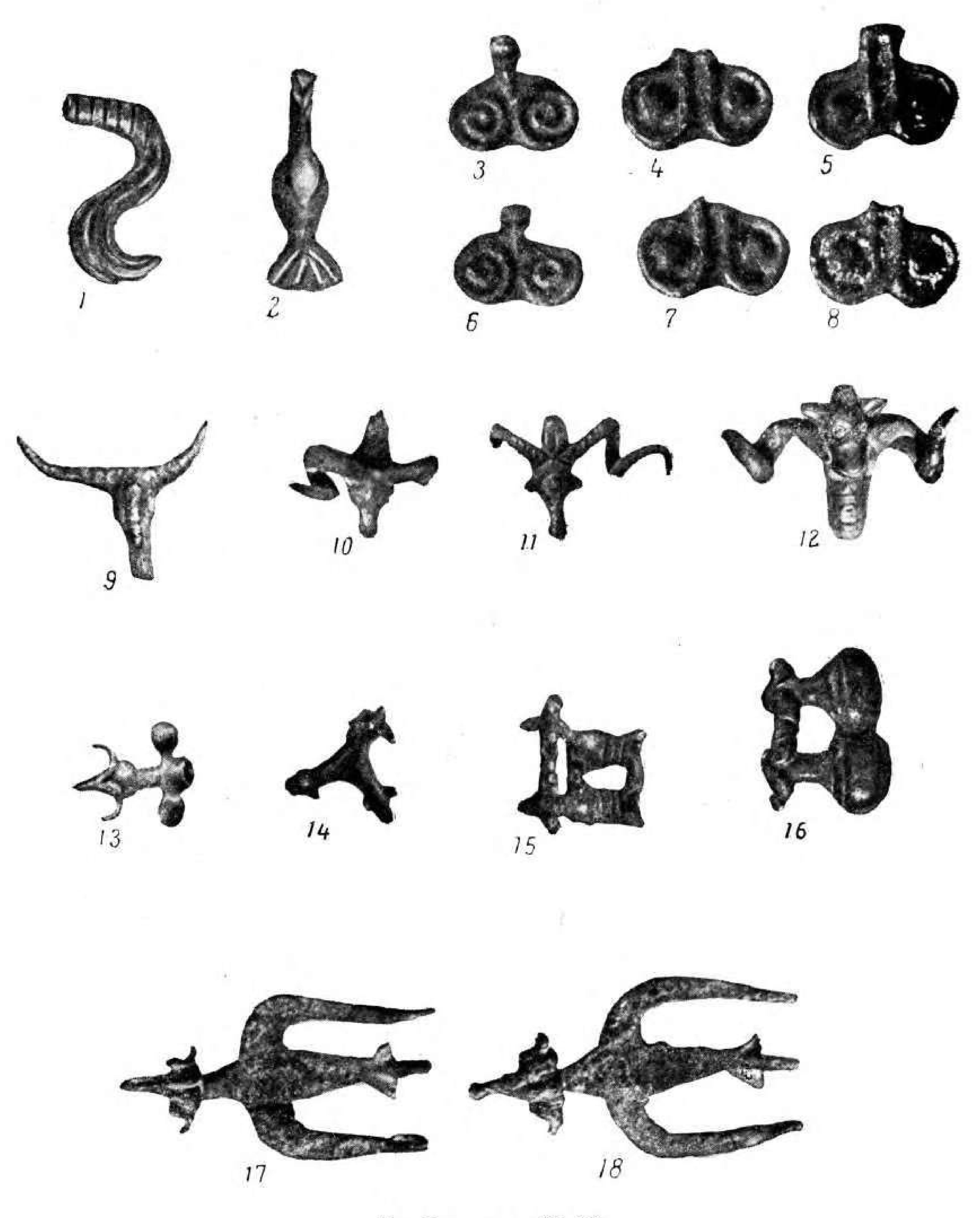

Таблица XLIX.

Отдельные находки на могильнике Верхняя Рутха

1, 2—бронзовые подвески; *3—8*— подвески из сурьмы; *9—18*— бронзовые зооморфные подвески

Таблица L.
Бронзовый культовый кинжал кобанского типа из сел. Кобан.
Гос. Исторический музей. Коллекция А. С. Уварова.

Таблица LI.
Бронзовый топор колхидского типа из могильника Фаскау близ сел. Галиат
Гос. Исторический музей. Коллекция Б. Дзелихова

Таблица LII.

Серебряная чаша из Казбекского клада (VI—V вв. до н. э.)

Раскопки Г. Д. Филимонова в 1877 г. Гос. Исторический музей

Т а б л и ц а LIII.

Бронзовый ритон кобанского типа из святилища Реком (Сев. Осетия)

Гос. Исторический музей. Коллекция А. С. Уварова

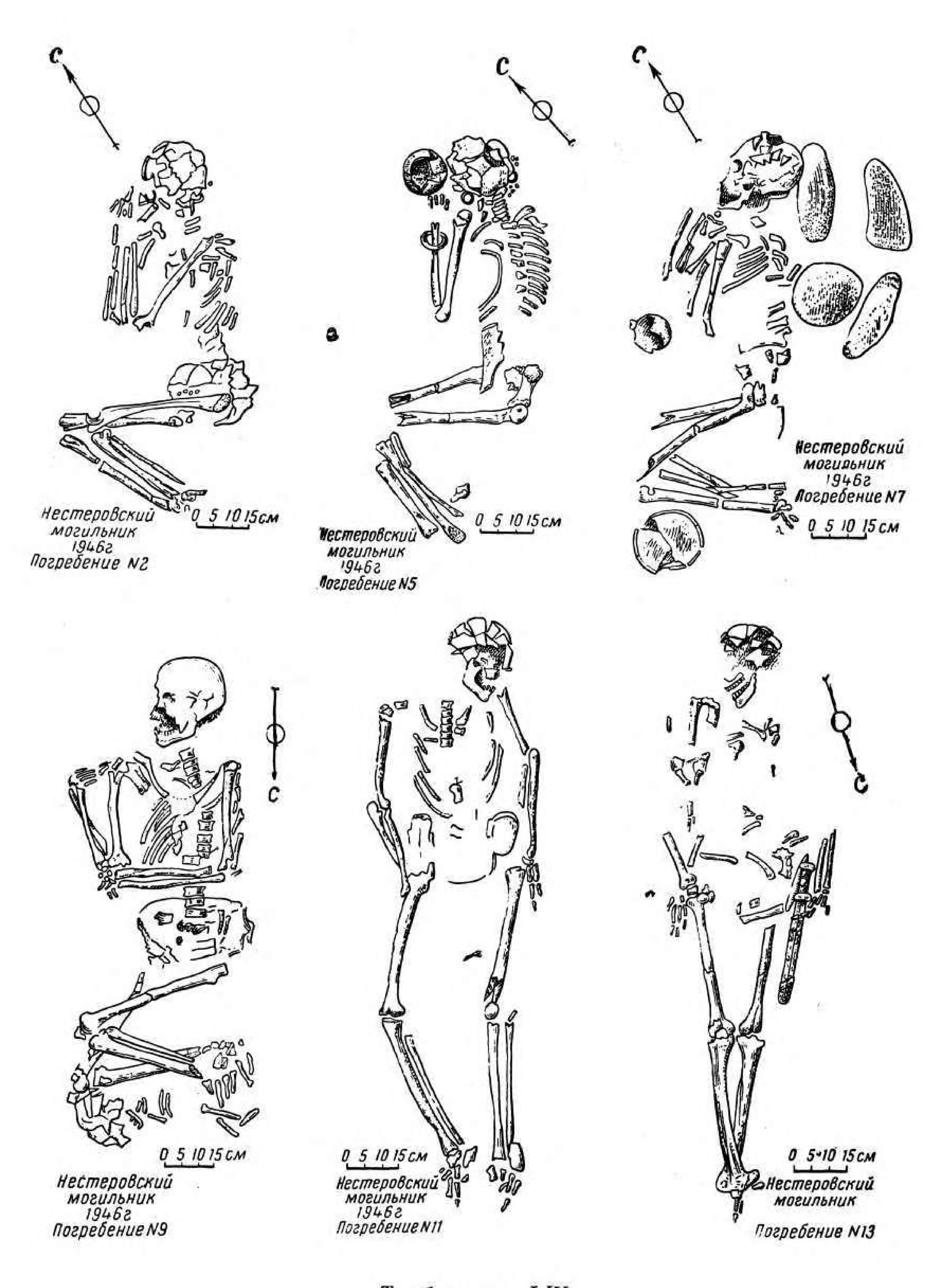

Таблица LIV.

Нестеровский могильник. Таблица положения и ориентировки погребенных

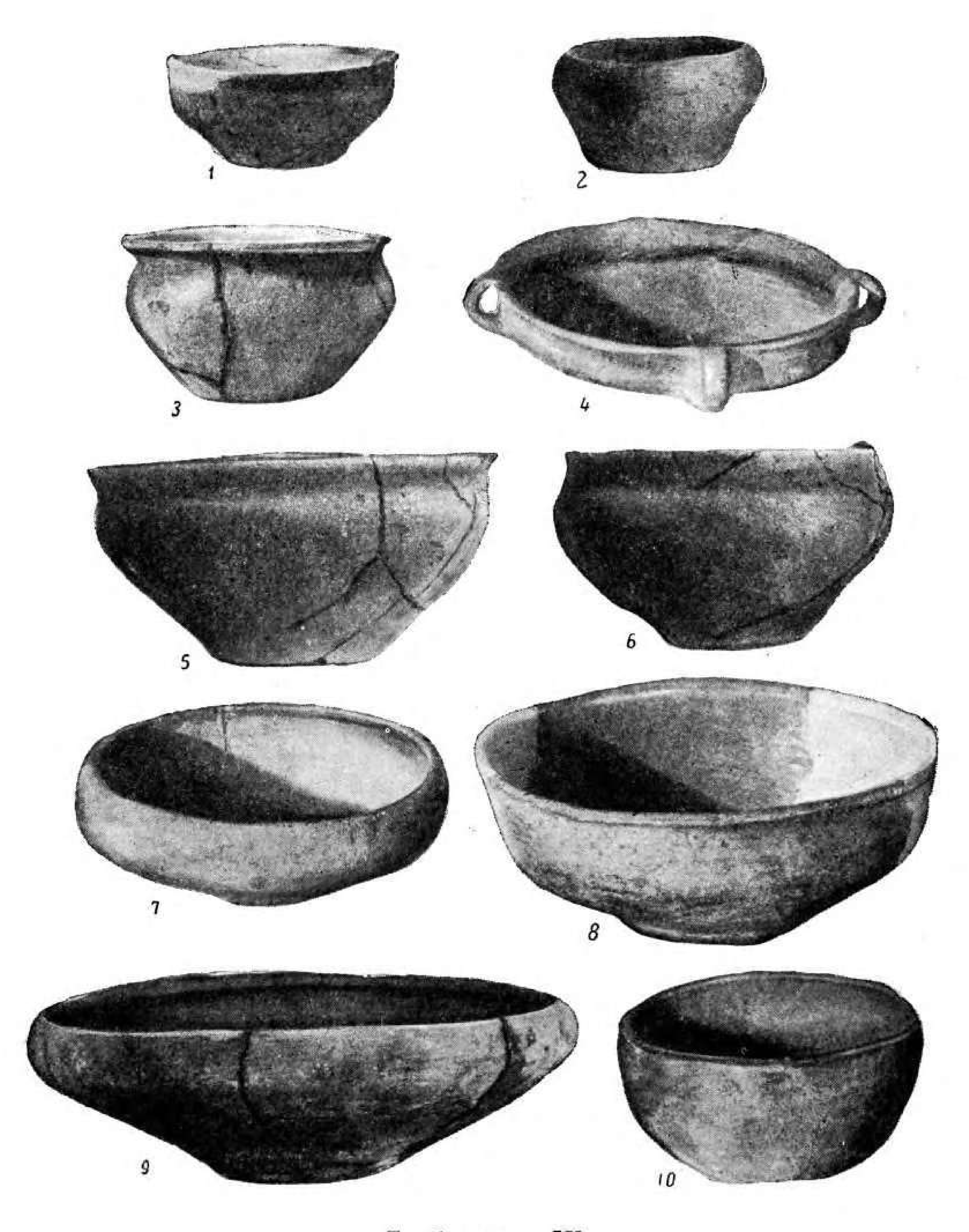

Таблица LV

Нестеровский могильник. Образцы глиняной посуды из разных могил

1—3, 5, 6, 8 — глубокие чаши и горшки; *4* — ритуальный сосудик; *7, 9* — миски; *10* — малый сосудик

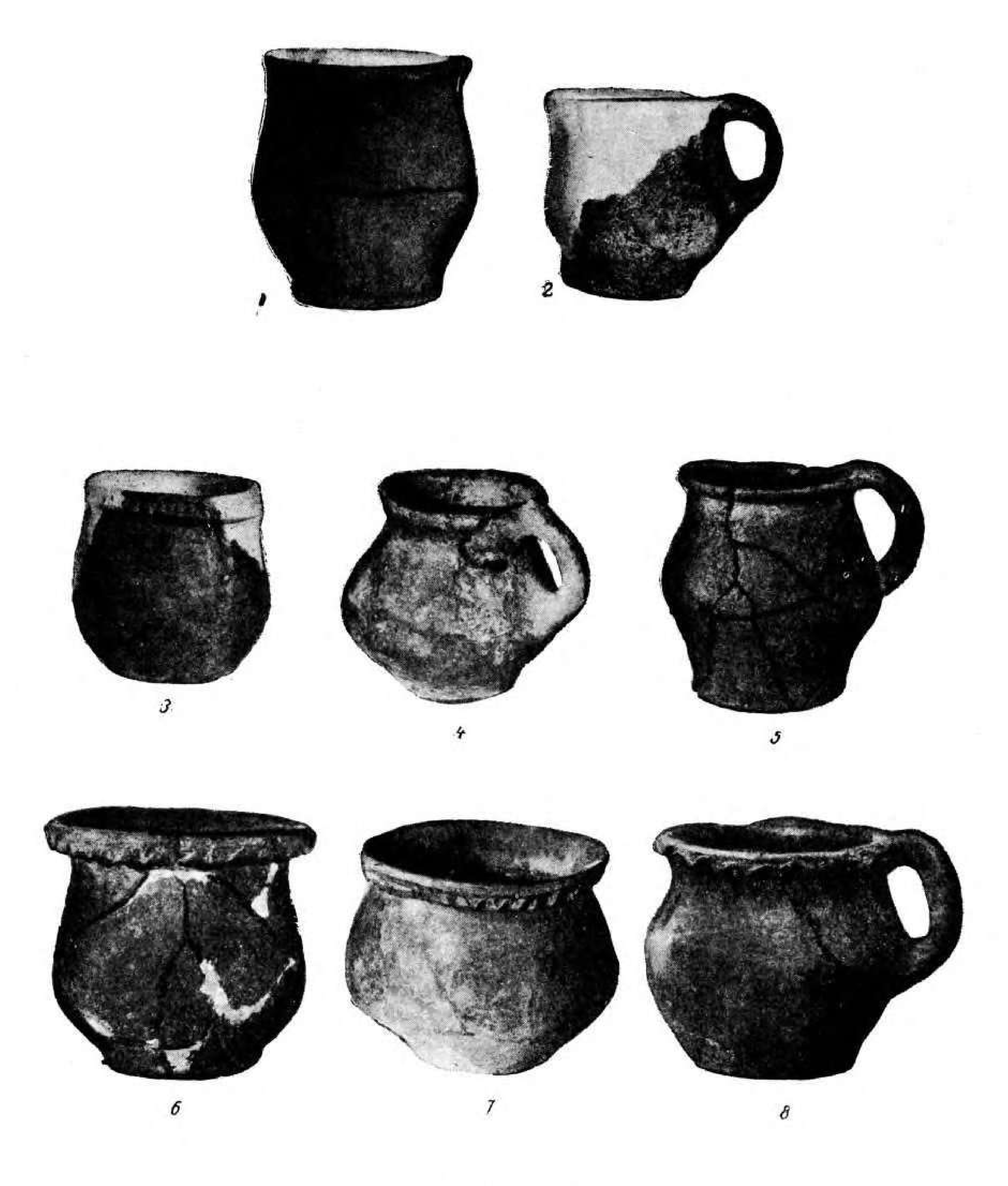

Таблица LVI.

Нестеровский могильник. Типы керамики из разных могил

1 — сосуд тюльпановидной формы; *2, 4, 5, 8* — кружки; *3, 6, 7* — горшочки

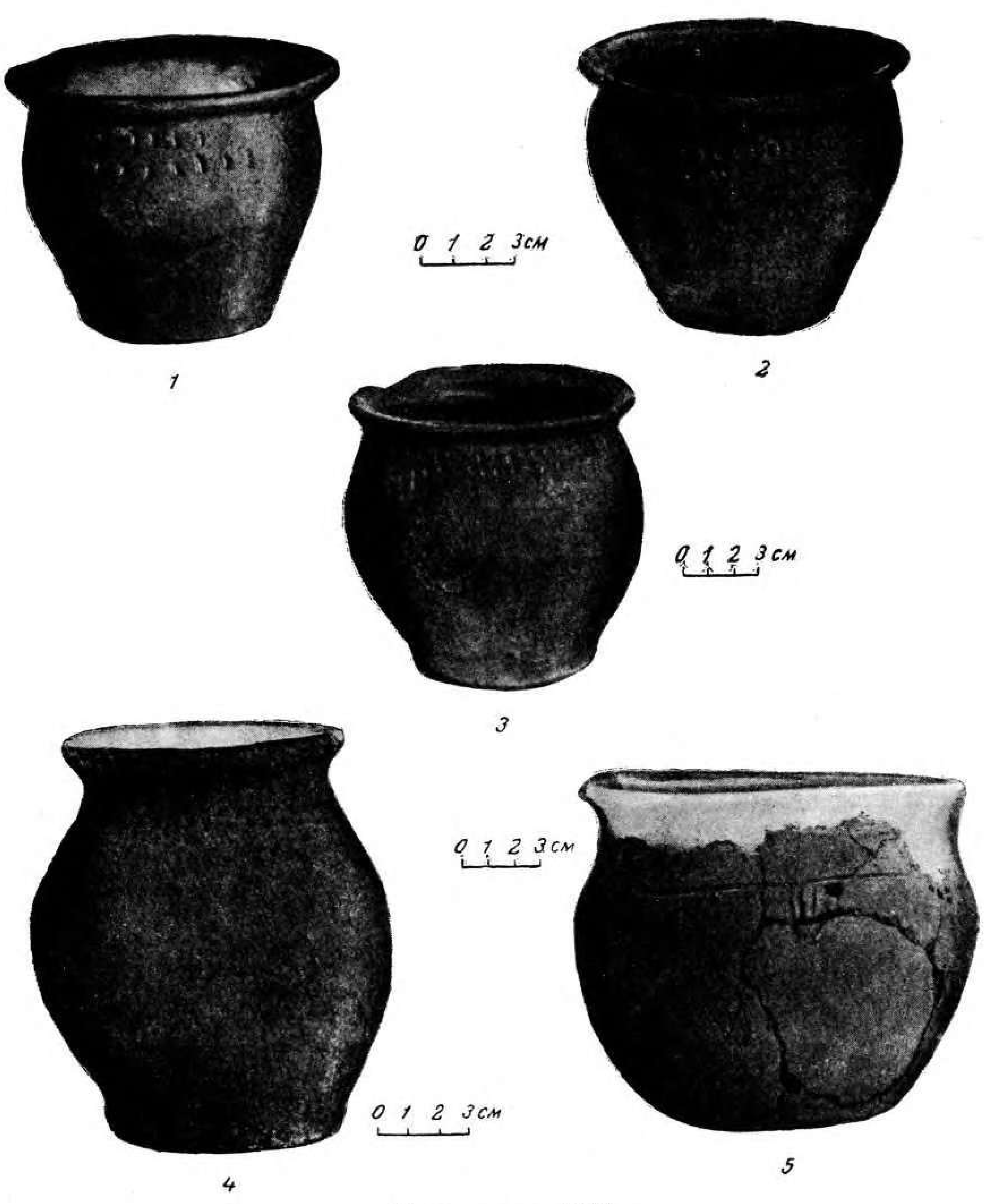

Таблица LVII.

Типы керамики из разных пунктов Северного Кавказа

1 — горшок из могильника сел. Первомайское (б. Галашки); *2—3* — горшки из Галиатского могильника Фаскау; *4—5* — горшки из Нестеровского могильника

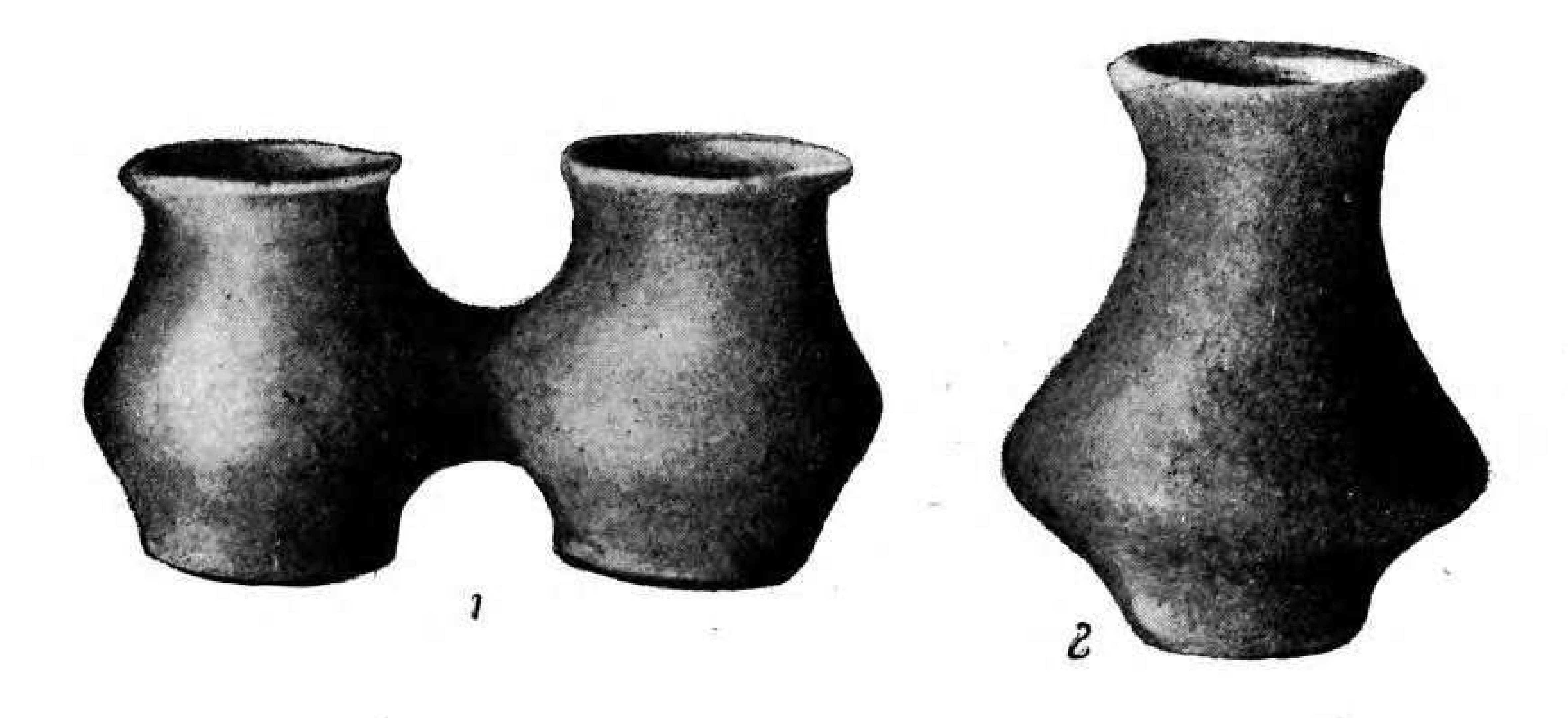

Таблица LVIII.

Сосуды Нестеровского могильника

1 — парный сосудик из могилы № 21; 2— глиняный сосудик из могилы № 9; 3 — сосуд, найденный вне могил

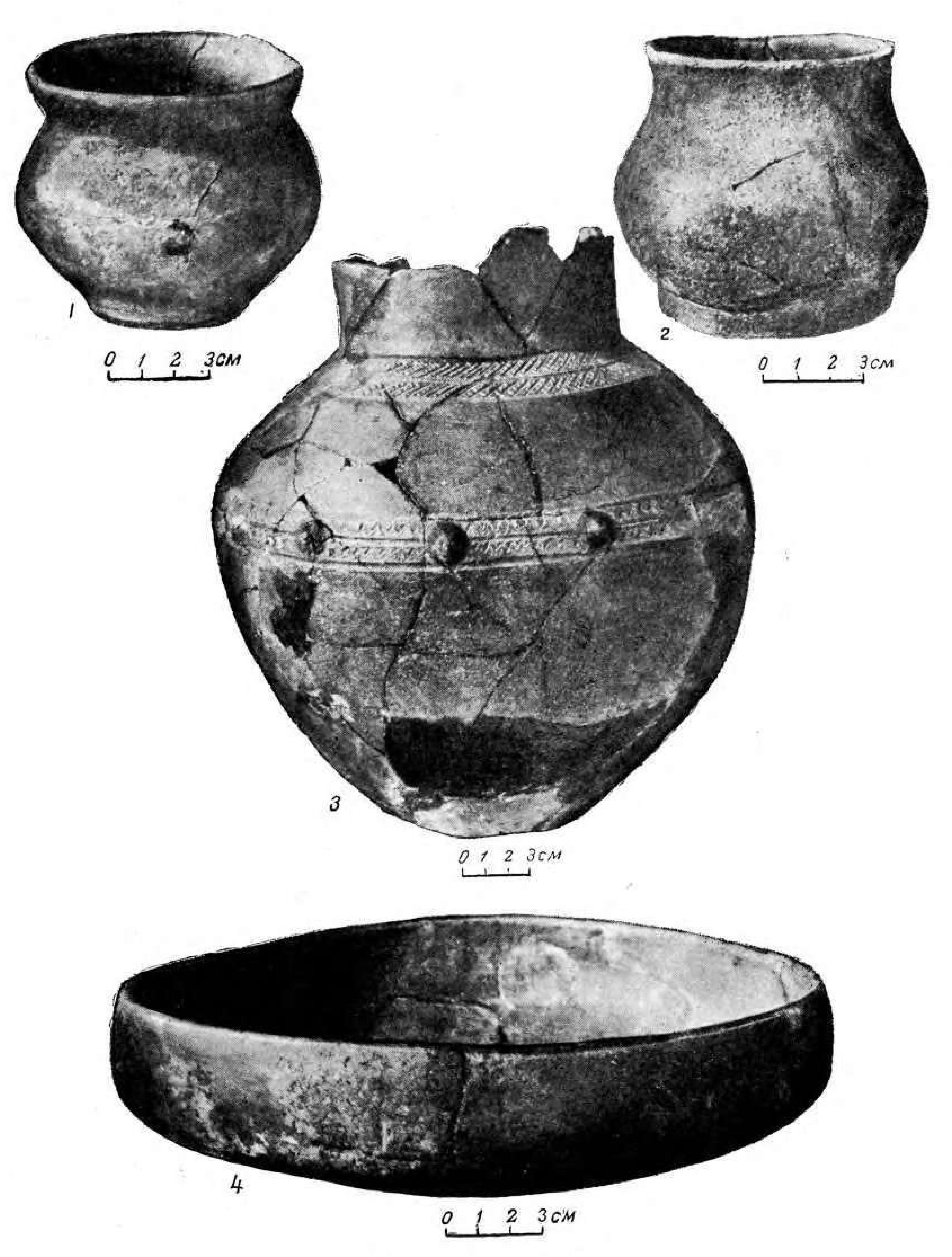

Таблица LIX.

Образцы керамики из Лугового могильника

1—2 — горшки; *3* — орнаментированный кувшин; *4* — миска

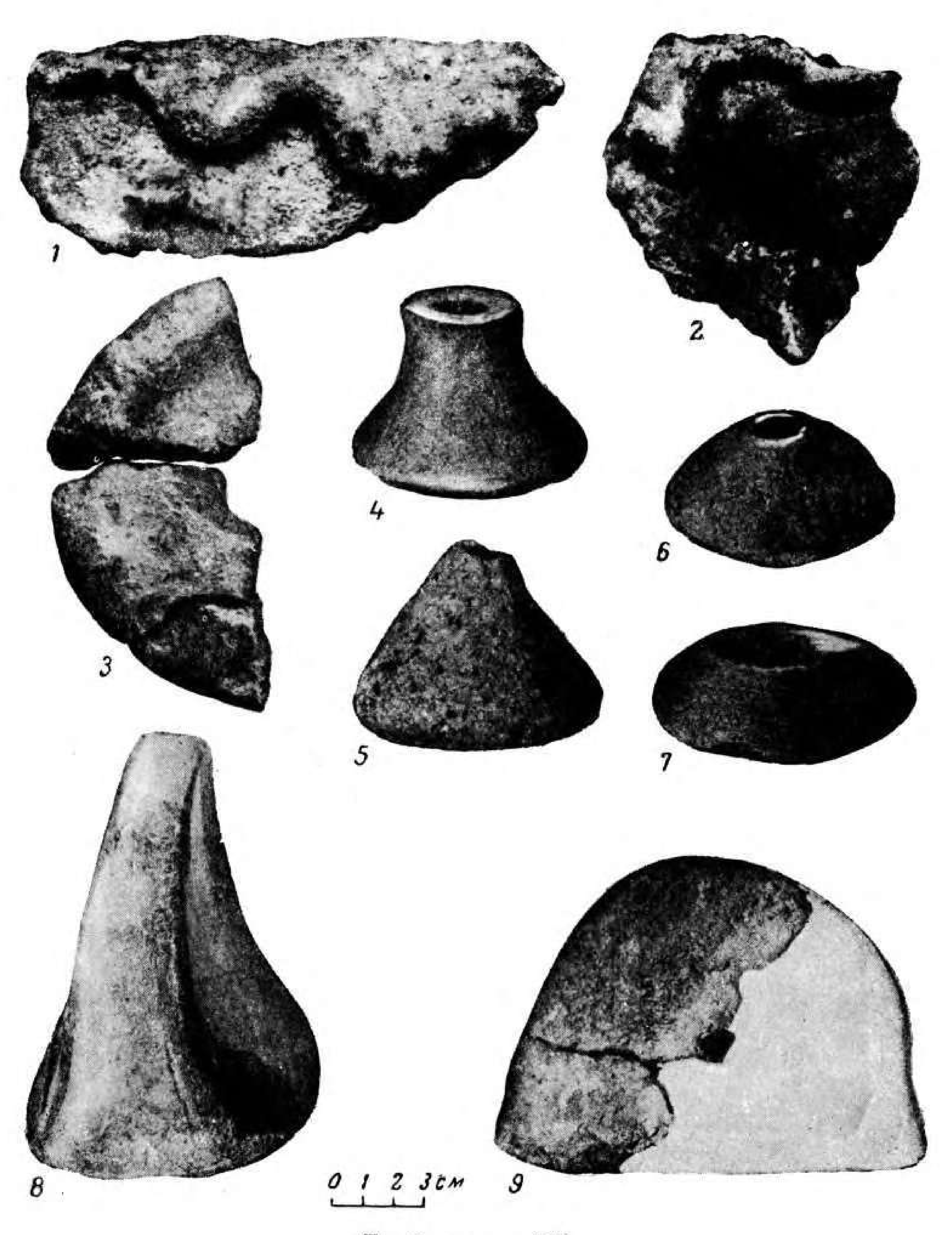

Таблица LX.

Нестеровский могильник. Керамические изделия

1—2— обломки сосудов с налепным орнаментом; *3* — обломки грузила; *4 — 7* — пряслица; *8—9*— очажные подставки

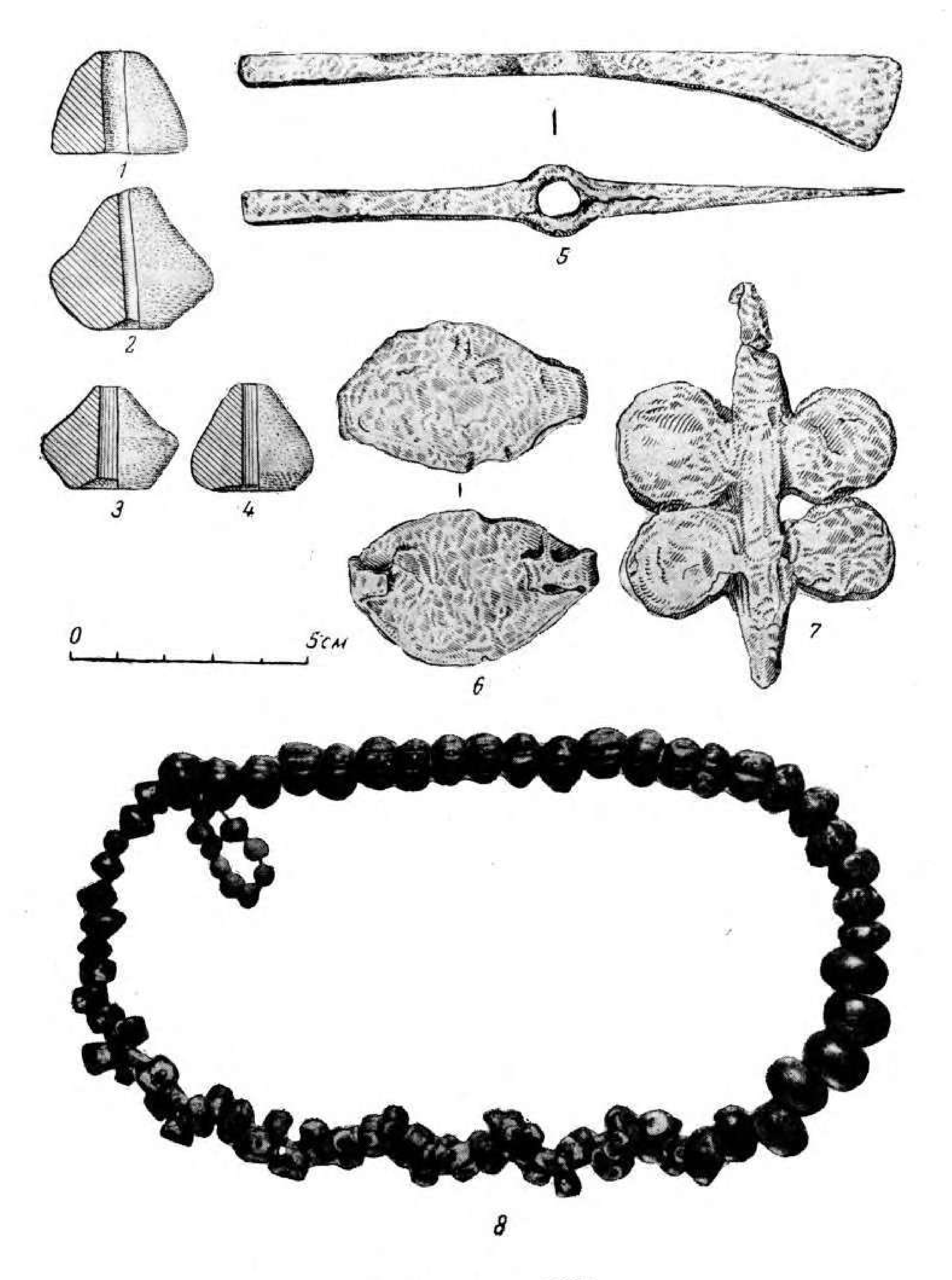

Таблица LXI.

Луговой могильник. Вещи из разных могил

1—4 — глиняные пряслица; *5*—железный боевой топорик; *6* — железная обоймица от ножен кинжала; *7* — железная поясная пряжка; *8* — стеклянные и пастовые бусы

Таблица LXII.

Железное оружие из Нестеровского могильника

1, 2 — акинаки; *3, 5—7*— наконечники копий; *4* — нож; *8* — стержень

Таблица LXIII.

Луговой могильник. Железные наконечники копий из разных могил

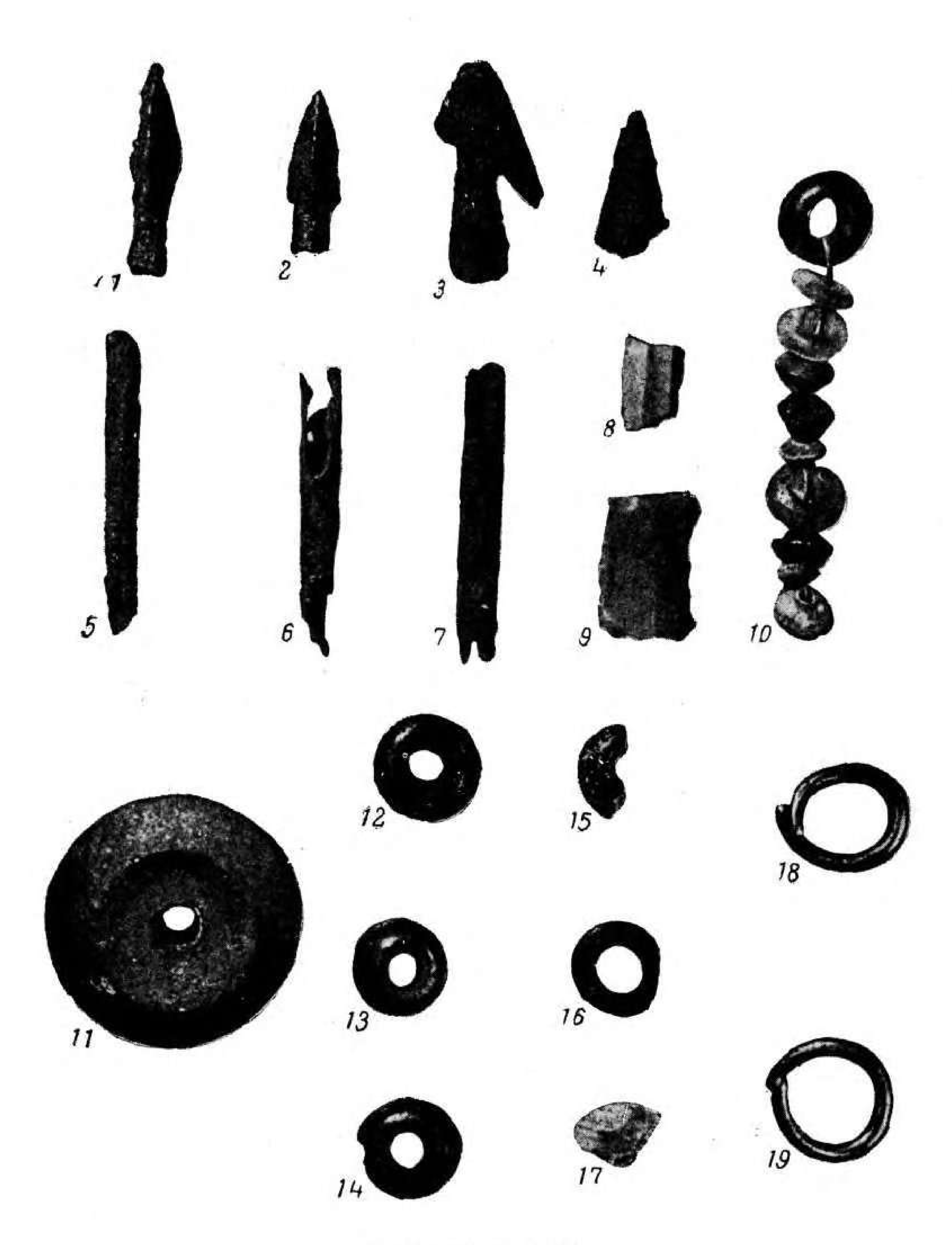

Таблица LXIV.

Нестеровский могильник. Вещи из могил № 2 и 5

1—10 — из могилы № 2; 11—19— из могилы № 5

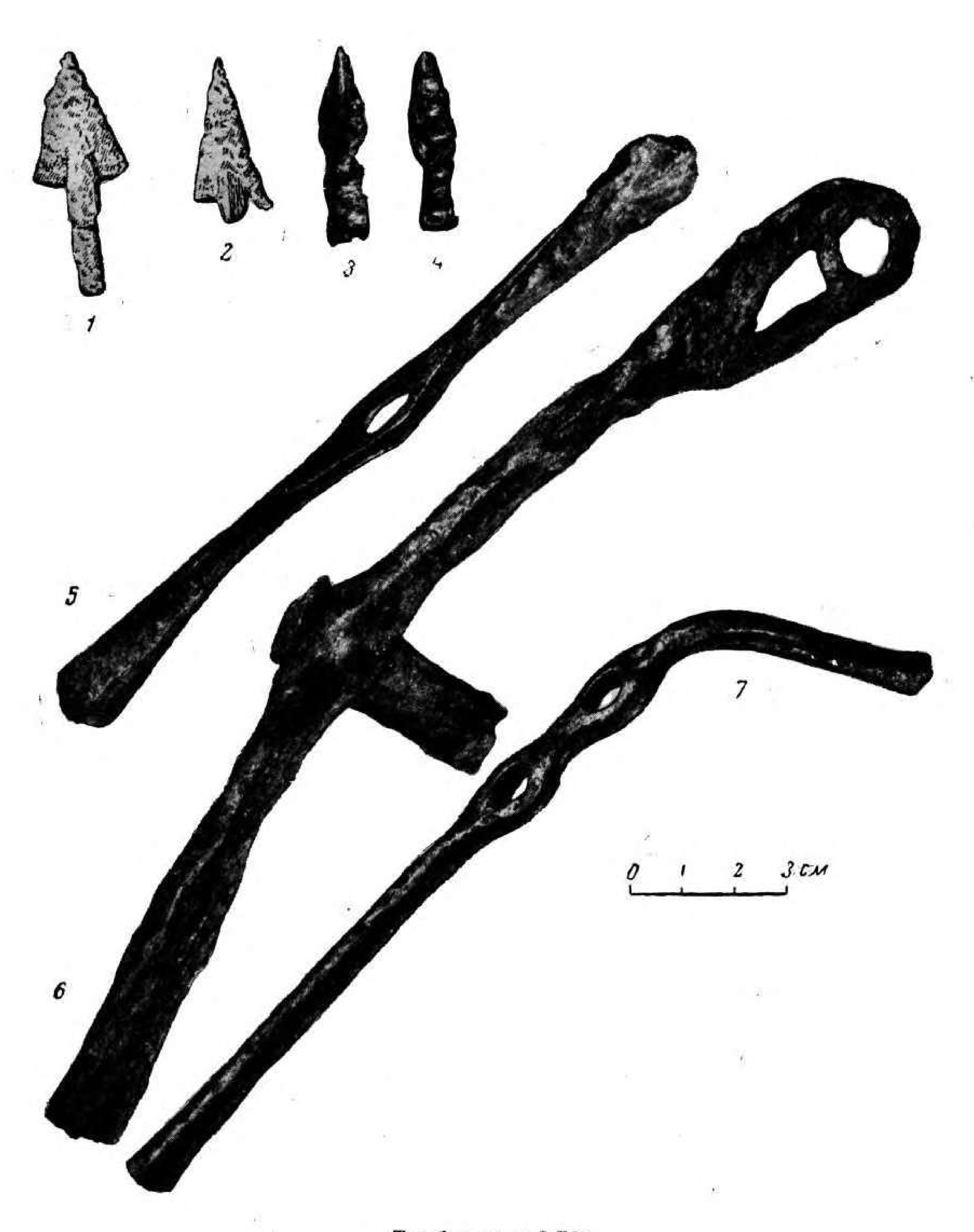

Таблица LXV.

Железные предметы из Лугового могильника

1—4 — наконечники стрел; *5—6* — боевые топорики; *7* — псалий

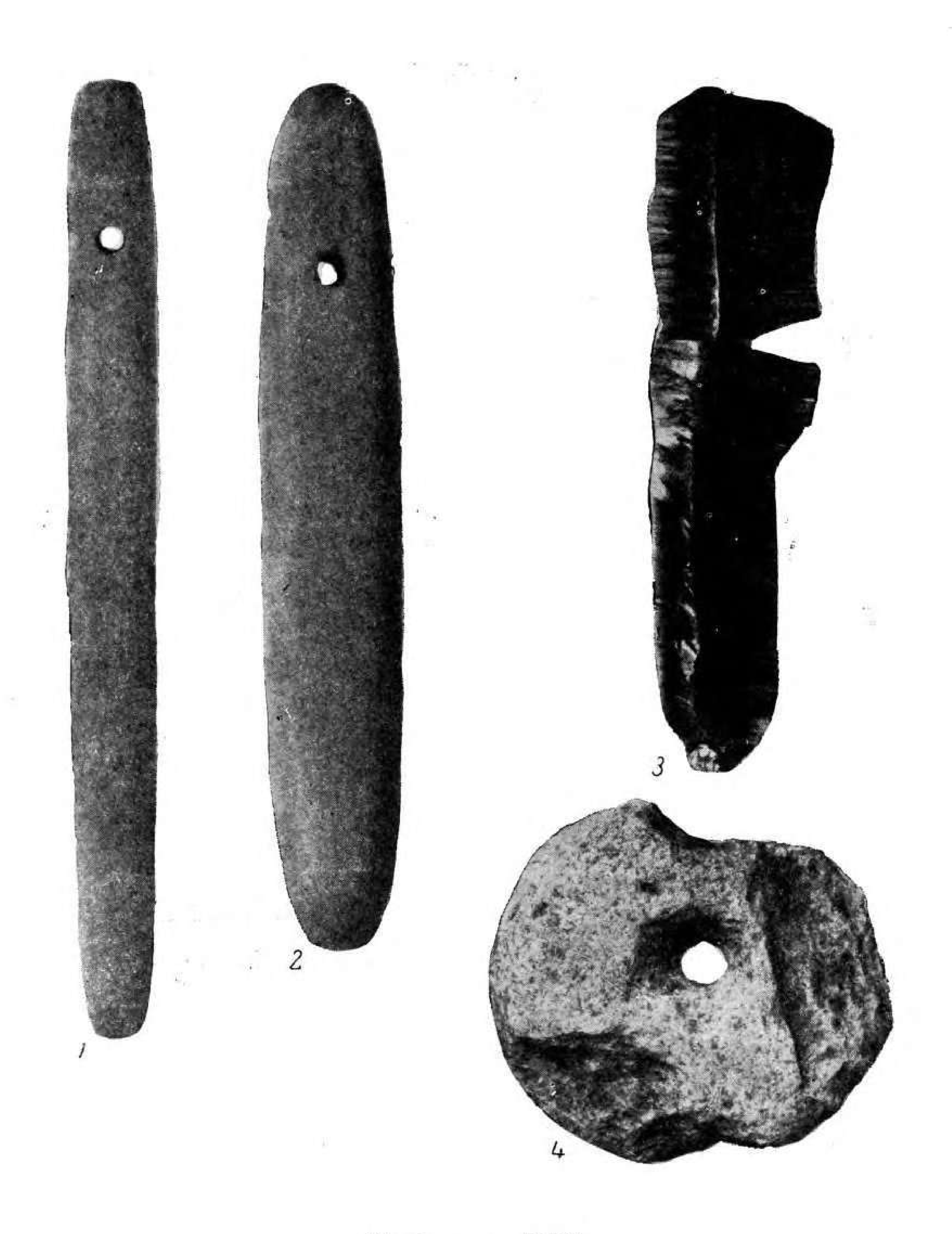

Таблица LXVI.
Нестеровский могильник. Изделия из камня
1, 2 — оселки; **3** — пластинка из обсидиана; **4** — грузило

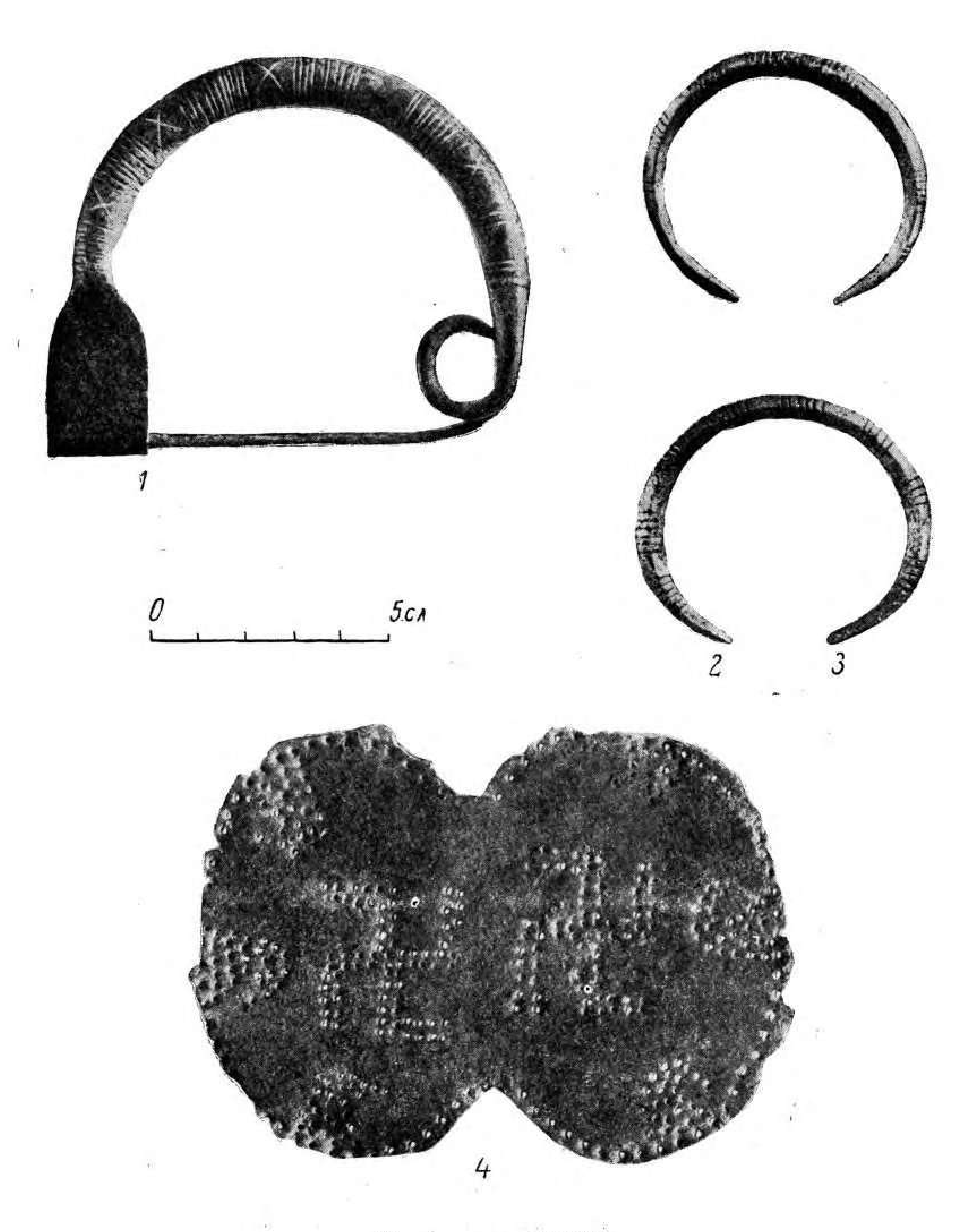

Таблица LXVII.

Луговой могильник. Бронзовые женские украшения

1 — фибула; 2—3— браслеты; 4 — налобная пластинчатая бляха от головного убора

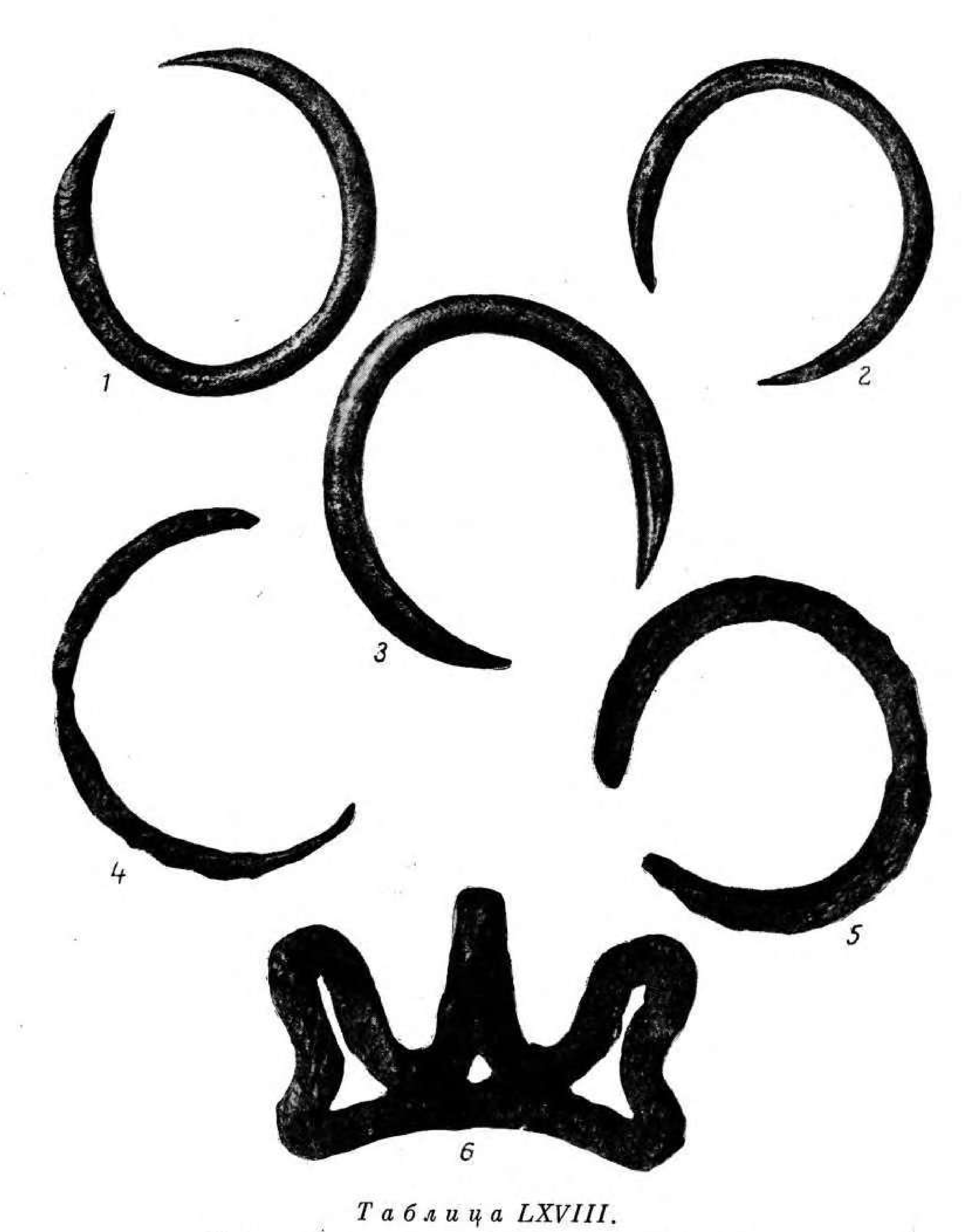

Таблица LXVIII.

Нестеровский могильник. Женские украшения

1—3 — бронзовые браслеты; **4—5** — железные браслеты; **6** — железная поясная пряжка

Таблица LXIX.

Луговой могильник. Импортные стеклянные и пастовые бусы VI—V вв. до н. э.
1—29, 33, 34—бусы из разных могил; *30—32*—бусы из могилы № 28

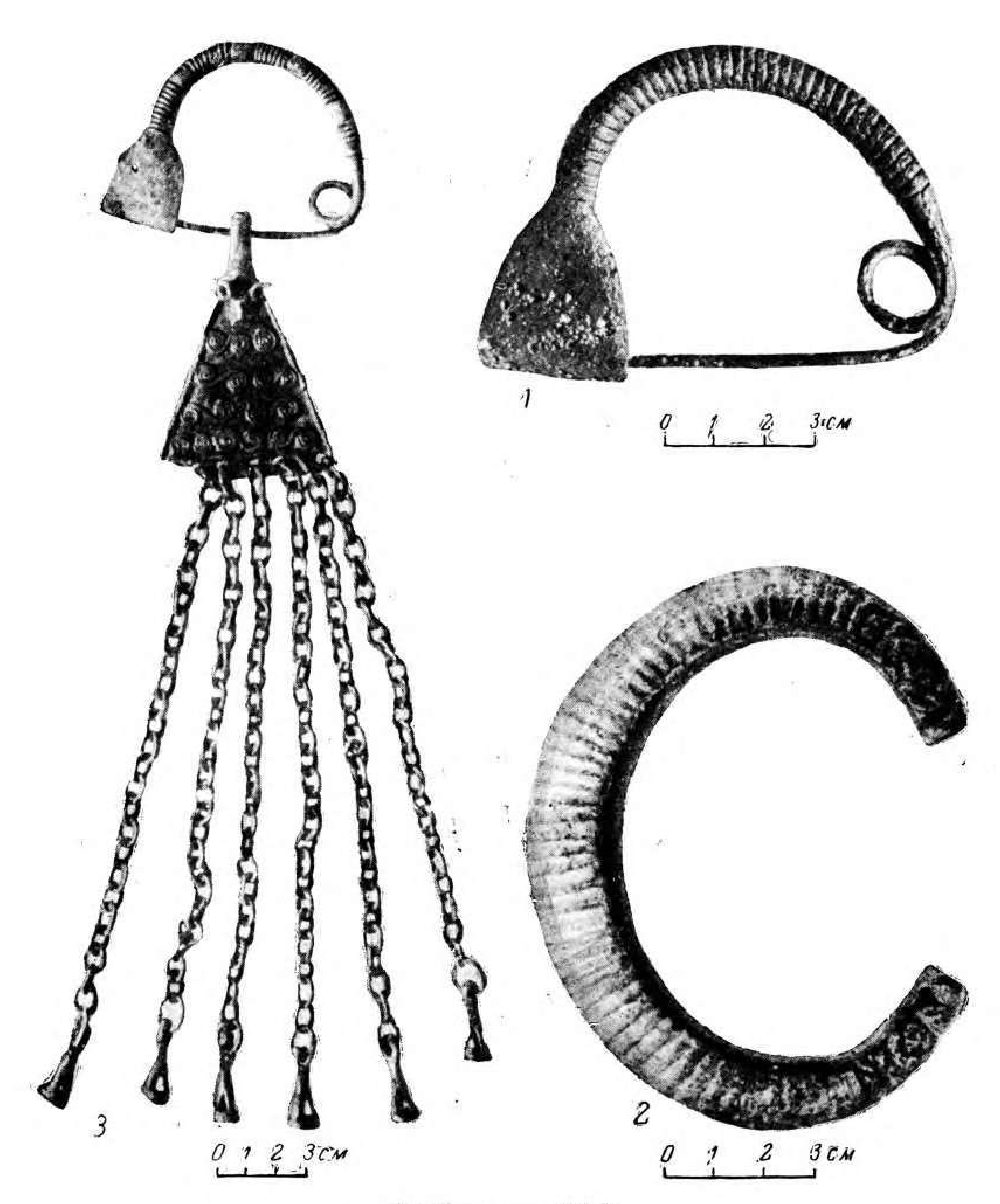
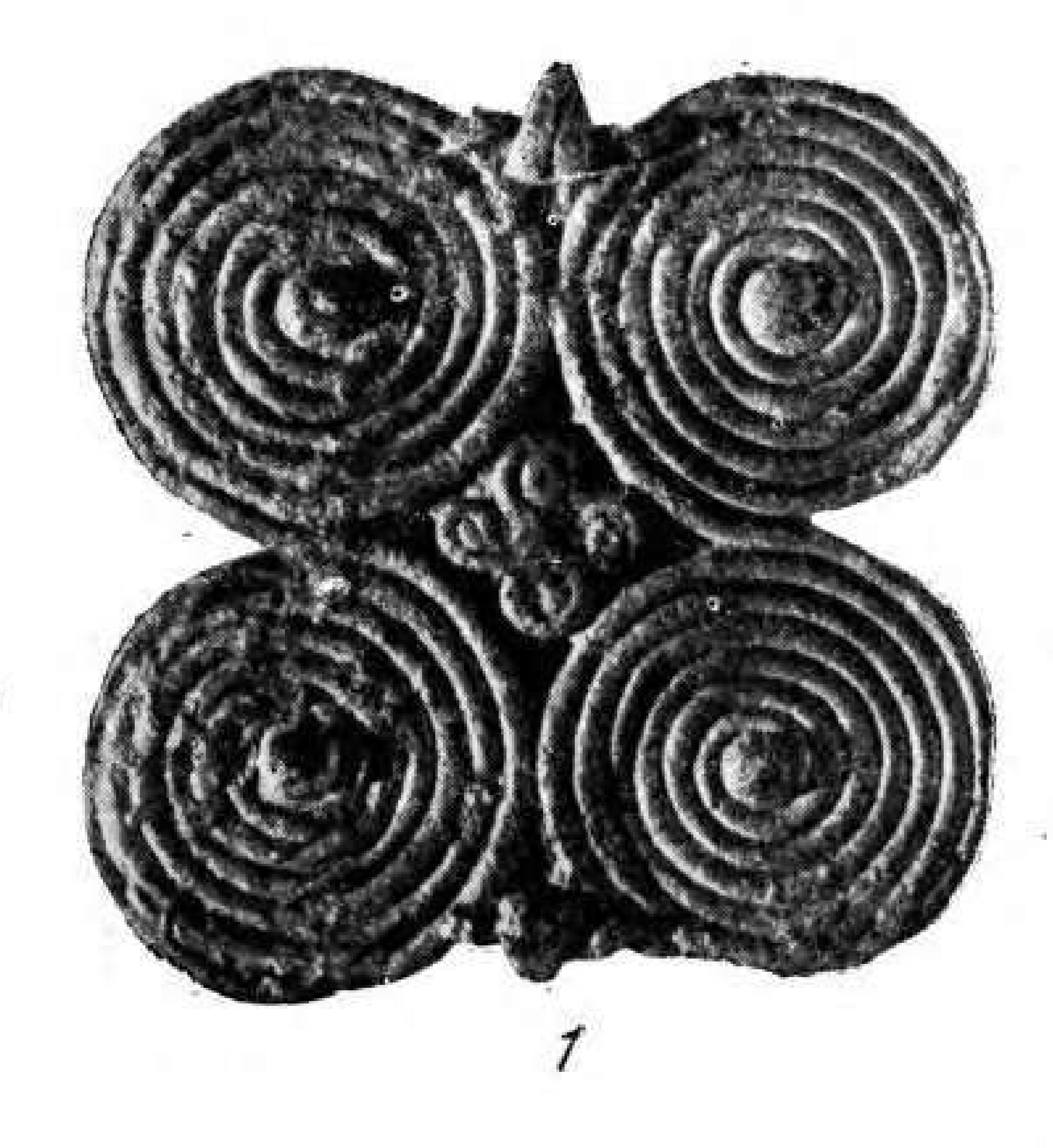

Таблица LXX.

Луговой могильник. Бронзовые украшения кобанского типа

1 — фибула; *2* — браслет; *3* — нагрудное украшение с фибулой

1

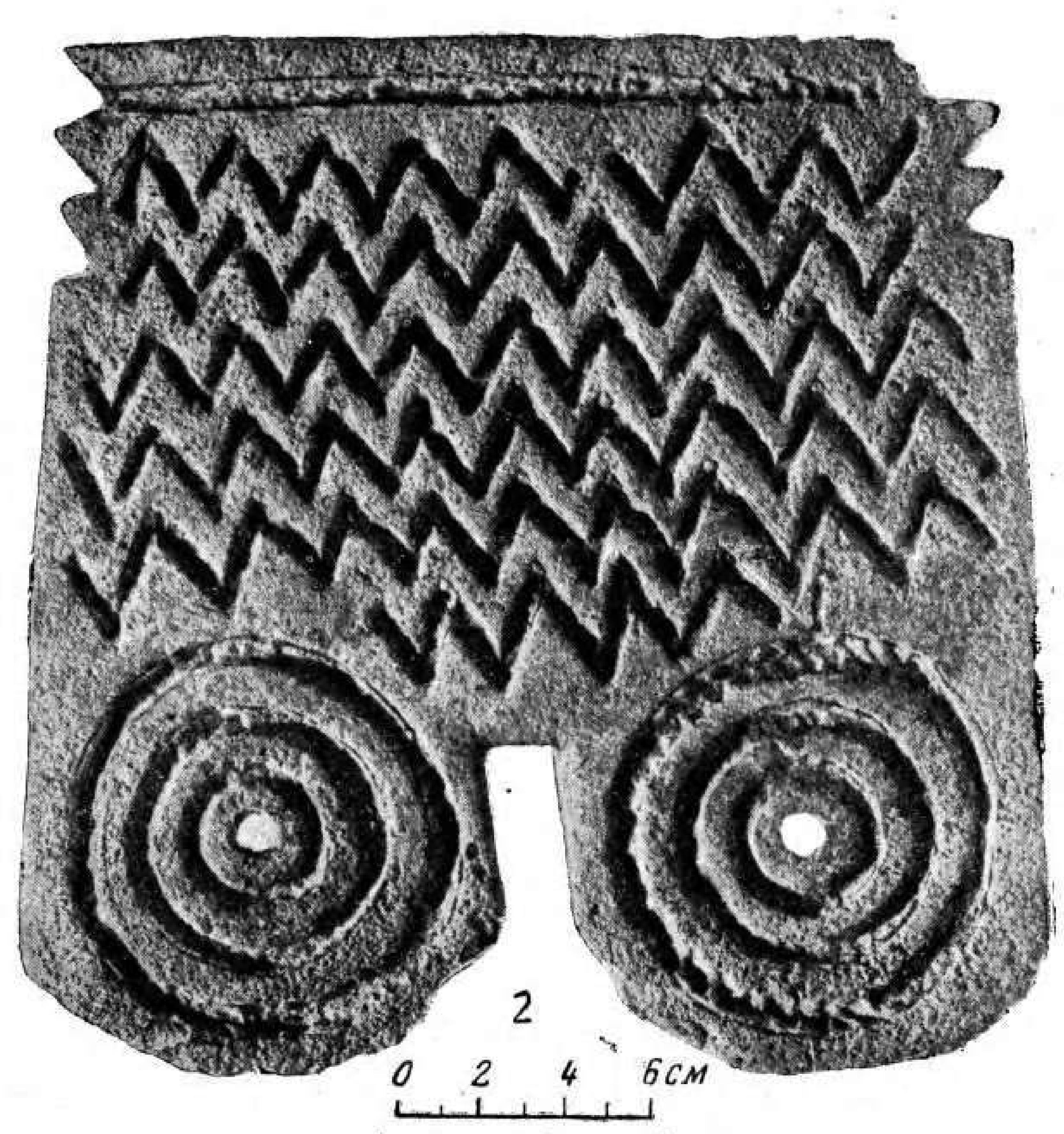

Таблица. LXXI.

Луговой могильник. Бронзовые поясные пряжки кобанского типа

1 — рельефная, литая; 2 — пластинчатая

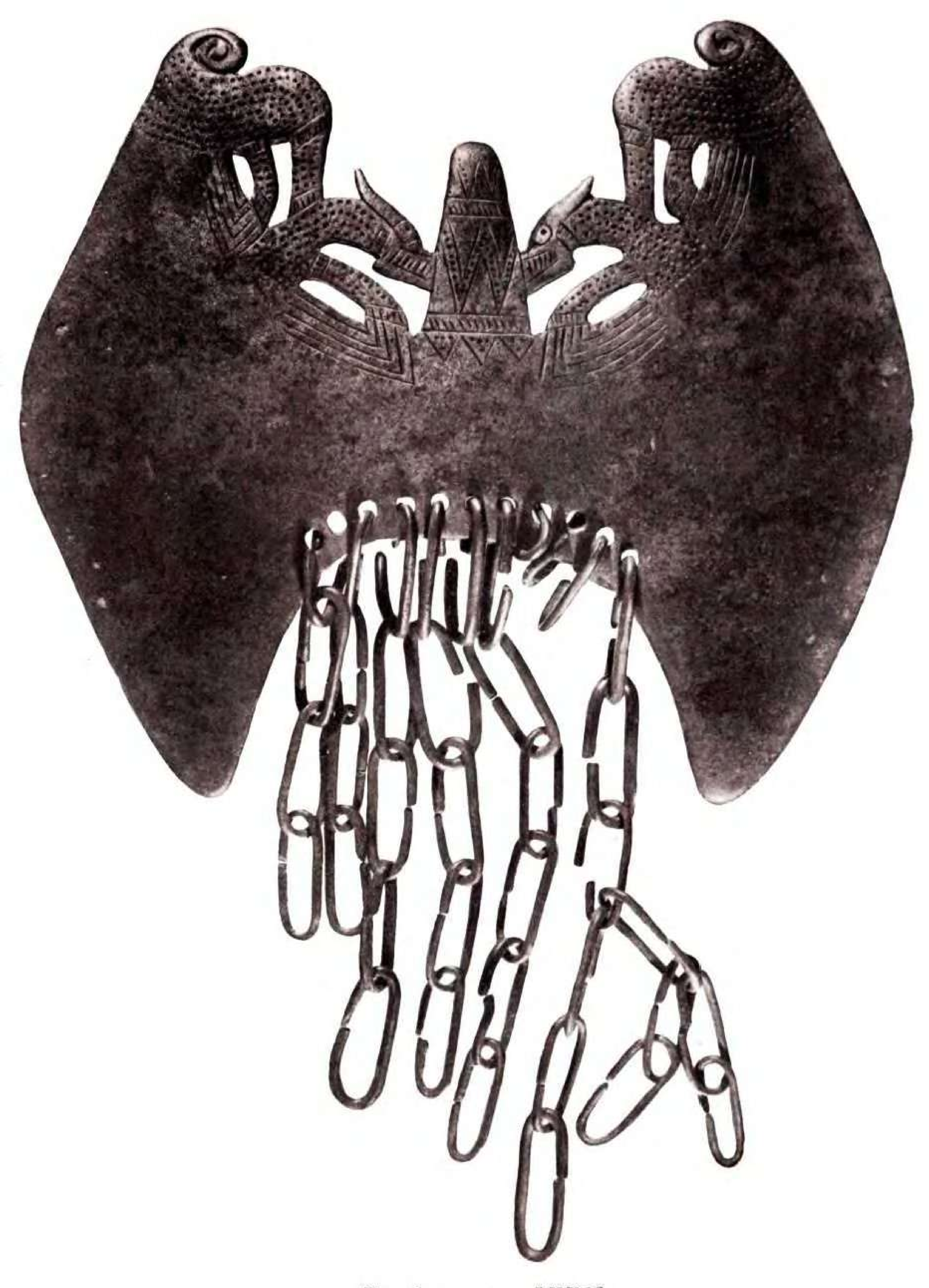

Таблица LXXII.

***Бронзовая** поясная бляха из Чечни (б. Терская область)*

Гос. Исторический музей. Коллекция Н. И. Муравьева-Карсского

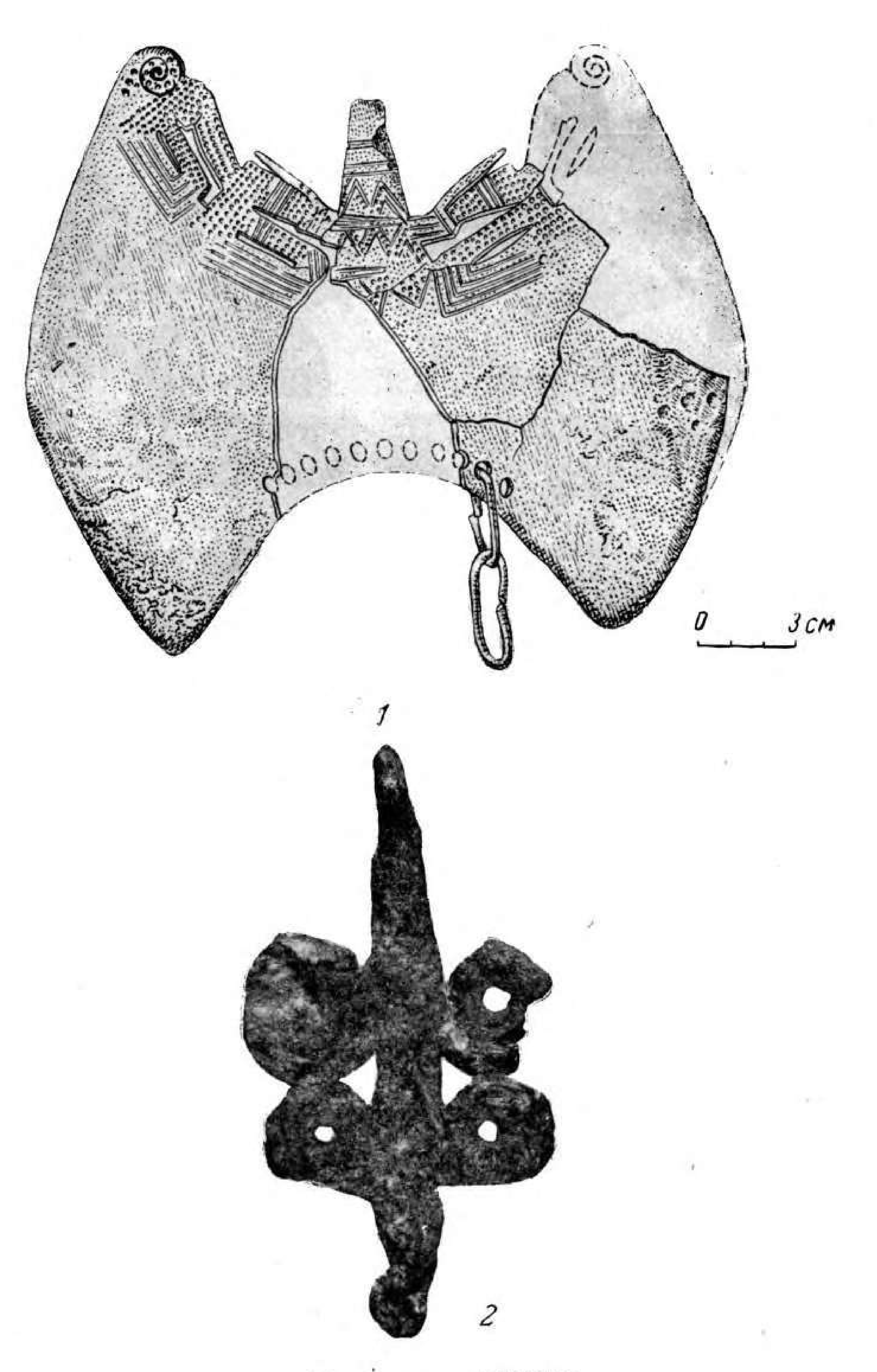

Таблица LXXIII.

Луговой могильник. Поясные пряжки

1 — бронзовая. женская; 2 — железная, мужская

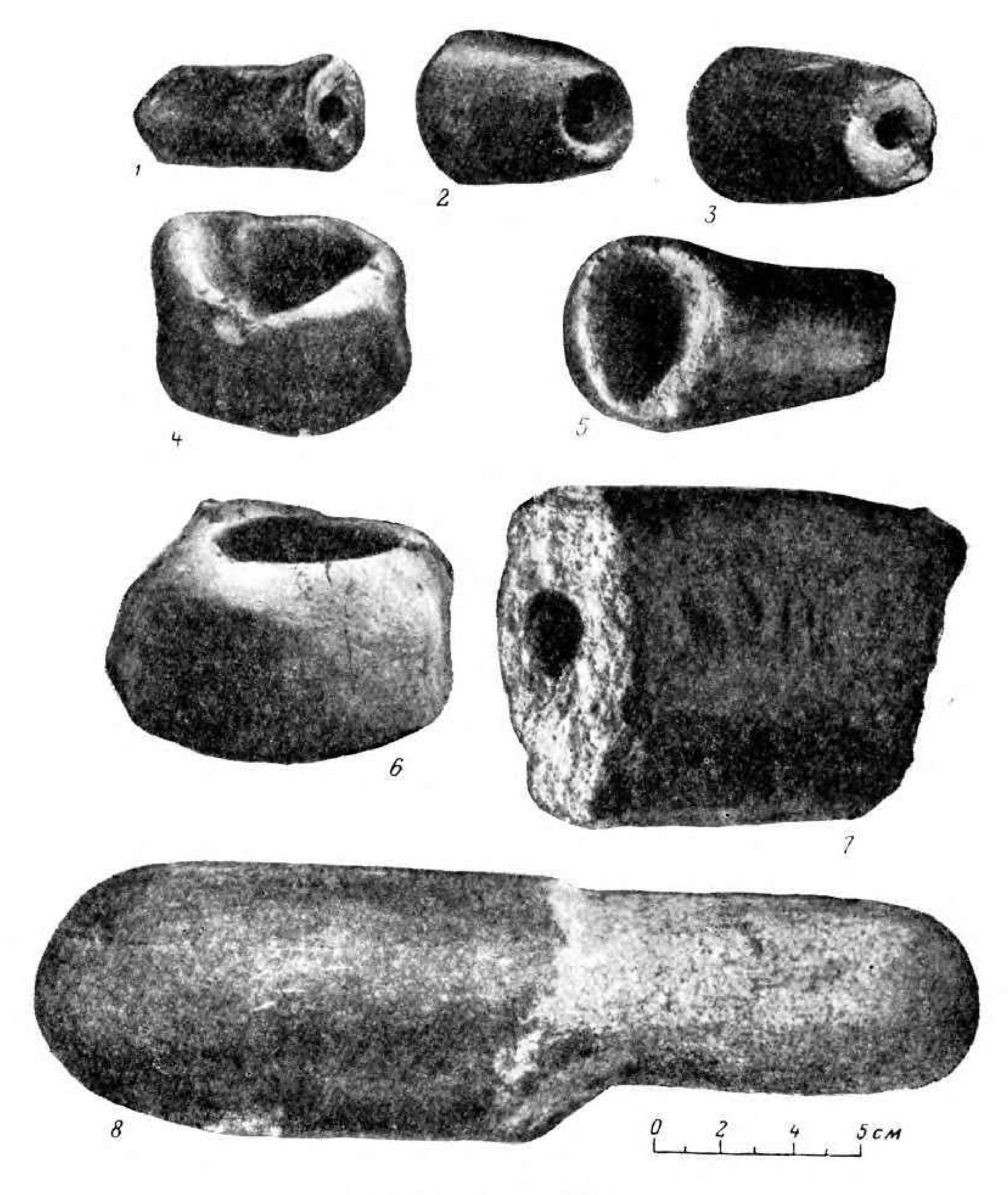

Таблица LXXIV.

Орудия труда древнего металлурга из Змейского поселения

1—3, 5, 7 — глиняные сопла; *4, 6* — глиняные тигли; *8* — каменный курант

Таблица LXXV.

Образцы древних бронзовых изделий из Дигории

1 — бляха; *2—6*— обкладки нижних частей кинжальных ножен

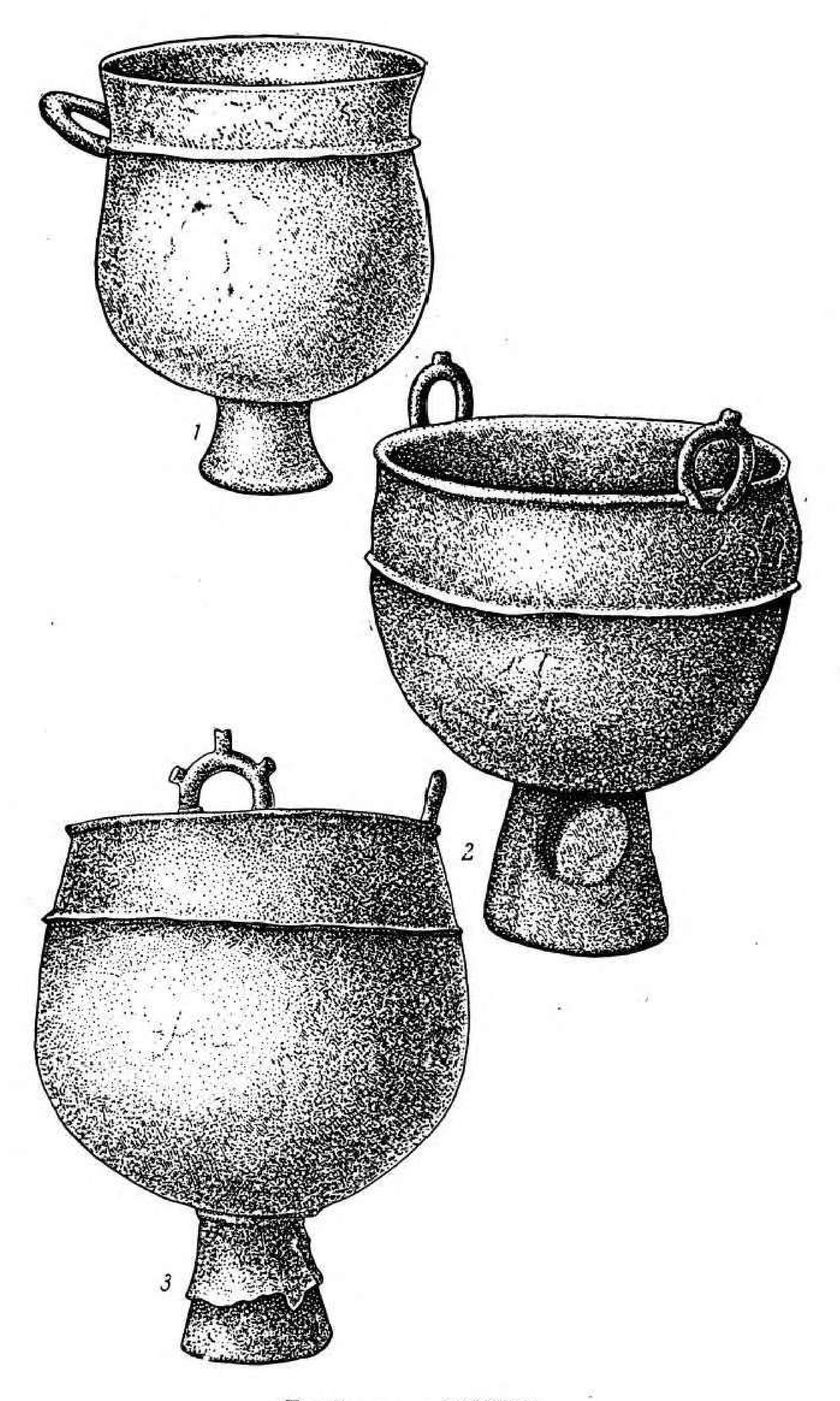
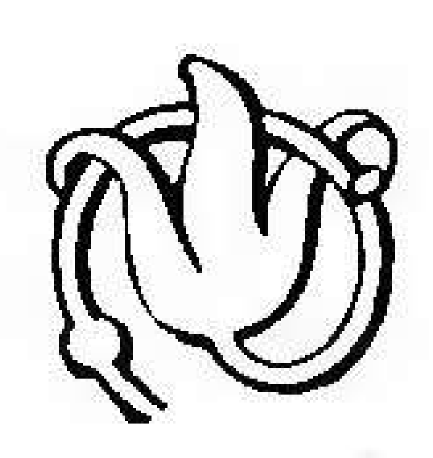

Таблица LXXVI.

Бронзовые котлы скифского типа с Северного Кавказа

1 — из района г. Новороссийска; 2, 3 — у горы Бештау близ Пятигорска

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ
НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И МУЗЕЕВ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд
БСЭ — Большая советская энциклопедия. М
ВСОРГО — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДАН — Доклады Академии наук
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
ESA — Eurasia Septeqtrionalis antiqua
ЗРАО — Записки Русского археологического общества, СПб.
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРАО — Известия Русского археологического общества СПб.
JPEK — Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst.
КНИИ — Уч. зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та, Нальчик.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИИ — Научно-исследовательский институт
ОАК — Отчет археологической комиссии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СЭ — Советская этнография
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТОВЭ — Труды отдела востока Эрмитажа
ТриНЭ — Труды Института этнографии

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

УКАЗАТЕЛИ

Евгений Игнатьевич Крупнов

Древняя история Северного Кавказа

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Л. А. Ельницкий.* Оформление художника *М. И. Эльцуфена*
Технические редакторы *А. П. Гусева и Т. А. Прусакова*

*

РИСО АН СССР № 61—90В. Сдано в набор 17/II 1960 г. Подписано к печати 5/V 1960 г.
Формат $84\times108^{1}/_{16}$. Печ. л. 32,5+4 вкл.=53,30 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 43,2 (42,7+0,5 вкл.)
Тираж 2000 экз. Т-03090 Изд. № 4287. Тип. зак. № 186
Цена 29 руб., с 1/I 1961 г. 2 р. 90 к.

*

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
91	3 св.	Рухта	Рутха
131	Подпись под картой 4 св.	Бкасан	Баксан
196	19 св.	—осу	—су
199	8 сн.	М. Н. Егоров	Н. М. Егоров
232	15 сн.	пряжки	пряжкой
232	15 сн.	хранится	и хранится
261	20 св.	Караского	Карасского
386	11 сн.	Биш-Оби	Биш-Обы
390	10 сн.	Авсати	Афсати
392	21 сн.	яссов	ясов

Е. И. Крупнов.